Tyragetia

Arheologie
Istorie Antică

SERIE NOUĂ

Vol. XVI [XXXI] nr. 1

Chişinău
2022

ISSN 1857-0240 Categoria B

MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

TYRAGETIA

Colegiul de redacție

Redactor responsabil: dr. hab. Eugen Sava
Secretar de redacție: dr. Aurel Zanoci
Redactori: dr. Claudia Cemârtan, Mariana Balan

Membri: dr. Marius Alexianu (Iași); dr. Ana Boldureanu (Chișinău); dr. Nikolaus Boroffka (Berlin); dr. hab. Ion Eremia (Chișinău); dr. hab. Alexander Falileyev (Aberystwyth University Ceredigion); dr. Elena Izbitser (New York); dr. hab. Elke Kaiser (Berlin); dr. Maia Kašuba (Sankt Petersburg); dr. Igor Manzura (Chișinău); dr. Eugen Nicolae (București); dr. Virgil Nițulescu (București); dr. hab. Elena Ploșniță (Chișinău); dr. Elena Postică (Chișinău); dr. hab. Gheorghe Postică (Chișinău); dr. hab. Igor Sapozhnikov (Kiev); dr. Ion Tentiuc (Chișinău); dr. hab. Valentin Tomuleț (Chișinău); dr. Victor Trifonov (Sankt Petersburg); dr. hab. Lilia Zabolotnaia (Chișinău).

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu.
All the papers to be published are reviewed by experts.

Revista „Tyragetia” apare de două ori pe an.
Journal „Tyragetia” appears twice a year.

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice corespondență se vor trimite pe adresa Colegiului de redacție al „Tyragetiei”: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Manuscripts, books and journals for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorial board of the „Tyragetia”: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Design: Ivan Litsuk, Mihai Sava

Lucrare apărută în cadrul Programului de Stat (2020-2023), Proiect instituțional „Patrimoniul muzeal și memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare”, cifru 20.80009.09 07.43, finanțat de Agenția Națională de Cercetare și Dezvoltare (ANCD).

© Muzeul Național de Istorie a Moldovei

Verum ab Histro oppida Cremniscoe, Aepolium, montes Macrocremni, clarus amnis Tyra, oppido nomen imponens ubi antea Ophiusa dicebatur. In eodem insulam spatiosam incolunt **Tyragetae**; abest a Pseudostomo Histri ostio CXXX.

Plinii Secundi, *Naturalis Historia*, IV, 12 (26), 82

Iar de la Istru înainte se află oraşele Cremniscoe, Aepolium, munţii Macrocremni, vestitul fluviu Tyras, care dă numele şi oraşului, numit odinioară Ophiusa. Tot acolo este o insulă întinsă, locuită de **tirageţi**, la o depărtare de o sută treizeci de mii de paşi de braţul Pseudostomon al Istrului.

Pliniu cel Bătrân, *Istoria naturală*, IV, 12 (26), 82

CUPRINS
(Contents)

I. Studii (Researches)

Иван Снытко, Евгений Туровский
К проблеме формирования Ольвийского государства в процессе греческой колонизации территории Нижнего Побужья в VII - начале V вв. до н.э. (To the problem of the formation of the Olbian state in the process of the Greek colonization of the Lower Bug territory in the 7th century and the beginning of the 5th century BC) 9

Ion Tentiuc, Octavian Munteanu
Conexiunile spaţiului est-carpatic cu lumea vikingă: o nouă buterolă din epoca medievală timpurie descoperită în Moldova (The connections of the East Carpathian region with the world of the Vikings: new find of the chape of the scabbard of an early medieval sword in the territory of Moldova) 25

II. Materiale şi cercetări (Papers and surveys)

Irina Rusu
Aşezări neolitice şi eneolitice timpurii din bazinului râului Delia (Neolithic and Early Eneolithic settlements in the Delia River basin) 47

Игорь Манзура, Владислав Петренко
Усатовский курганный могильник II (по раскопкам 1984 г.) (The Usatovo kurgan cemetery II (excavation 1984) 83

Игорь Сапожников, Майя Кашуба
Работы А.А. Матвеева 1890 года у Аккермана по поручению Императорской археологической комиссии: разведки, раскопки, изучение памятника с латинской надписью (A.A. Matveev's works in 1890 in the vicinity of Akkerman at the instruction of Imperial Archaeological Commission: surveys, excavations, investigation of the ancient plate with a Latin inscription) 103

Eugen Mistreanu
Despre lotul de „pâinici" de lut descoperite la Cucoara I (din fondurile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei) (About the batch of clay "breadcakes" found at the Cucoara I site (from the collections of the National Museum of History of Moldova) 137

Mariana Sîrbu
Completări privind lotul artefactelor din piatră descoperit în incinta primei aşezări de tip Noua cercetate pe teritoriul Republicii Moldova (Complementing the data on the collection of stone artifacts found at the first studied settlement of the Noua culture on the territory of the Republic of Moldova) 153

Nana Khakhutaishvili, Revaz Papuashvili, Guram Chkhatarashvili
Colchis – the Ancient Center of Iron Metallurgy (Colchida – centru vechi al metalurgiei fierului) 171

Aurel Zanoci, Andrei Asăndulesei, Mihail Băţ, Vitalie Sochircă,
Tatiana Nagacevschi, Adrian-Felix Tencariu, Victor Dulgher
Pas cu pas. Cercetări interdisciplinare la situl de epoca fierului de la Saharna „Rude" din bazinul Nistrului de Mijloc (Step by step. Interdisciplinary research at the Iron Age site of Saharna "Rude" in the Middle Dniester Basin) 179

Александр Могилов, Сергей Диденко
К вопросу о северных границах распространения памятников скифского круга в Украинской лесостепи (курган у с. Ладыжичи в низовьях р. Припять) (On the issue of the northern boundaries of the Scythian circle sites distribution in the Ukrainian forest-steppe (a burial mound near the Ladyzhichi Village in the lower reaches of the Prypiat River) 209

Natalia Mateevici
Câteva ştampile noi de la Argamum, Faleza Est (săpăturile anilor 1999-2000) (New Greek amphora stamps found at Argamum/Orgame (excavations 1999-2000) 221

George-Dan Hânceanu
Aşezarea getică de la Roşiori (jud. Neamţ). Piese celtice din fier (The Getic settlement from Roşiori (Neamţ County). Celtic iron objects) 227

Aurel Zanoci, Mihail Băţ, Vitalie Sochircă, Victor Dulgher, Vladimir Chitic, Daniel Cuculescu
Habitatul getic în zona satului Socola (raionul Şoldăneşti, Republica Moldova) (The Getic habitation in the area of Socola village (Şoldăneşti district, Republic of Moldova) 237

Игорь Сапожников, Майя Кашуба
«Царская гробница» некрополя Тиры, открытая в 1895 году: по документам архива Императорской археологической комиссии и данным картографии ("Royal Tomb" of the necropolis of Tyras, discovered in 1895: documental evidence of the Imperial Archaeological Commission Archives and cartography data) 253

Radu Ota, Ilie Lascu
A votive bronze Statuette of Jupiter recently found at Apulum, Roman Dacia (O statuetă votivă din bronz a lui Iupiter, descoperită recent la Apulum, Dacia romană) 275

Octavian Munteanu, Vasile Iarmulschi, Nicolai Batog
Two Almgren 69 brooches discovered at Mîrzoaia, Republic of Moldova (reconfirming the presence of sedentary communities in the Prut-Dniester area at the beginning of the 1st millennium AD) (Două fibule de tip Almgren 69 descoperite la Mîrzoaia, Republica Moldova (o reconfirmare a prezenţei sedentarilor în spaţiul pruto-nistrean la începutul mileniului I p. Chr.) 281

Vasile Mărculeţ
Campania împăratului Nikephoros I în Bulgaria (811). Consideraţii asupra unor aspecte controversate (Campaign of Emperor Nikephoros I to Bulgaria (811). Considerations on some controversial issues) 293

Игорь Возный
Ручное оружие дальнего боя X-XIII вв. с территории между Верхним Сиретом и Средним Днестром (Ranged hand weapon of the 10th - 13th centuries from the area between the Upper Siret and the Middle Dniester) 311

Иван Синчук, Вячеслав Родин
Клад медных солидов Речи Посполитой 1660-х годов (The hoard of Polish copper shillings of the Kingdom of Poland of the 1660s) 329

Иван Синчук
О сюжете на талере из собрания Национального музея Варшавы (About the plot of the scene on a plate from the collection of the National Museum in Warsaw) 333

Elena Arcuş-Jantovan
Emisiuni monetare ruseşti din patrimoniul Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (a doua jumătate a secolului al XVIII-lea) (Russian coins from the collections of the National Museum of History of Moldova (2nd half of the 18th century) 337

III. Recenzii și prezentări de carte (Paper and book review)

Е.И. Арсентьева, О.В. Горская, Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни. Каталог коллекции. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2019, 196 стр., ил., ISBN: 9785935728779 (*Юрий Пятницкий*)..... 349

Lista abrevierilor (List of abbreviation)..... 353

Condițiile de publicare în revista „Tyragetia” 355

The following conditions for publishing in the „Tyragetia” journal..... 356

Условия для публикации в журнале «Tyragetia» 357

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОЛЬВИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПРОЦЕССЕ ГРЕЧЕСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ В VII – НАЧАЛЕ V ВВ. ДО Н.Э.[1]

Иван Снытко, Евгений Туровский

Ключевые слова: Борисфен, Березань, Ольвия, полис, хора, греческая колонизация, эмпорий, апойкия.

Рассматривая эпоху начала освоения древними греками региона Нижнего Побужья по результатам многолетних историко-археологических исследований, следует констатировать, что самый ранний этап древнегреческой колонизации связан исключительно с поселением на острове (в античную эпоху – полуострове) Березань – городком Борисфеном, основание которого в «Хронике» Евсевия отмечено под вторым годом 33 Олимпиады, т.е. в 647/6 г. до н.э. (Euseb., Chron., Can./ Helm. B., 1984, p. 95 b). Отметим и то, что под названием Борисфен средиземноморские греки воспринимали и Ольвию (Виноградов 1989, 33), основанную несколько позднее Березанского поселения. Довольно пространную информацию о дате возникновения непосредственно Ольвии приводит Псевдо-Скимн, упомянувший о том, что она была основана «во времена Мидийского владычества» (809., Muller, 814., Diller.). Учитывая время существования Мидийской державы, дата основания города может находиться в хронологическом диапазоне от 709/8 (или 687) до 550/49 (или 559/8) гг. до н.э. (Виноградов 1989, 33-34). Со временем возникновения Ольвии в указанный Псевдо-Скимном хронологический отрезок, учитывая современные данные археологии, полученные в процессе исследований в последние годы в юго-восточной части городища (Буйских 2012, 48-52), особых вопросов не существует. До недавнего времени наиболее вероятным выглядело предположение, что Ольвия появилась где-то на рубеже первой и второй четвертей VI в. до н.э. (Русяева 1998, 164)[2].

Несколько «удревнённой» в этом отношении выглядит дата основания Борисфена, отмеченная Евсевием. Дело в том, что на территории современного острова Березань до сих пор не выявлено культурного слоя середины – второй половины VII в. до н.э. Тем не менее в процессе раскопок всё же зафиксированы ямы и керамические находки второй половины и даже второй четверти VII столетия (Копейкина 1979, 106 сл.; Виноградов 1989, 35). Кроме того, подвергая сомнению дату, указанную Евсевием, прежде всего необходимо учитывать и то, что самые первые жилые сооружения на острове могли быть нивелированы в процессе интенсивного строительства на Бере-

[1] Данная статья в виде небольшого полемического эссе подготовлена авторами в процессе работы над начальным разделом первой главы каталога «Монетное дело Ольвии».

[2] Ю.Г. Виноградов, учитывая факт нарезания милетскими колонистами теменоса Аполлону Врачу на центральном плато городища самое позднее во второй четверти VI в. до н.э., что, в свою очередь, опровергает мнение о том, что Ольвия этого времени была рядовым сельским поселением, совершенно справедливо предполагал, что весьма вероятной датой основания центра будущего государства мог быть и рубеж VII-VI вв. до н.э. (Виноградов 1989, 79). К этому же времени основание Ольвии относит и Л.В. Копейкина (Копейкина 1976, 139). Недавний анализ археологической коллекции Ольвии, проведённый А.В. Буйских, позволил не только подтвердить датировку Л.В. Копейкиной и Ю.Г. Виноградова, но и несколько её удревнить – 620/610 - 590 гг. до н.э. (Буйских 2013, 25). Однако следует учитывать, что анализ столовой посуды всё же может давать определённые погрешности, связанные с длительным употреблением в быту многих керамических изделий, бережным хранением в семьях колонистов сервизов, переданных им родителями ещё в метрополиях и которыми те, в свою очередь, также долгое время пользовались. При таком варианте даже высокий процент подобной посуды среди материалов раскопок не может быть достаточным аргументом для удревнения начальной даты памятника, т. к. длительное хранение «парадных» сервизов могло быть массовым явлением среди первопоселенцев.

зани в середине – второй половине VI в. до н.э. Отсутствие капитальных жилых сооружений в VII в. до н.э. можно объяснять и изначальным характером Березанского поселения, которое, вероятнее всего, было основано как сезонная торговая фактория (возможно, база для поисков и добычи сырьевых ресурсов, поставляемых в метрополию) – эмпорий[3]. Такое предположение не исключает, что в последующем, ближе ко второй четверти – середине VI в. до н. э., в процессе наплыва новых волн колонистов из Ионии, ростом экономического потенциала, ремесленного производства за счёт наличия собственных ресурсов, поселение на современном острове Березань последовательным естественным путём приобрело некоторые черты, характерные античному понятию «апойкия». Приведём и мнение на сей счёт Д.Е. Чистова, вполне резонно предполагающего, что практически до середины VI в. до н.э. поселение на острове Березань следует воспринимать как торгово-промышленный посёлок с малочисленным и нестабильным составом жителей, многие из которых могли прибывать и убывать в составе сезонных экспедиций (Чистов 2020, 123, прим. 17).

В то же время городок Борисфен территориально входил в состав Ольвийского государства, составляя с ним единое целое и, вероятнее всего, будучи в VI в. до н.э., до организации металлургического производства непосредственно в Ольвии, главным ремесленным центром полиса. Город Ольвия, основанный почти на полстолетия позднее Березанского поселения, уже изначально формировался, как апойкия, которой было суждено стать центром нового колониального полиса в регионах Нижнего Побужья и Поднепровья, в то время как Борисфен, вероятнее всего, превращался в своеобразные морские ворота государства, город-порт, по типу Пирея в Афинах (Крыжицкий и др. 1980, 7).

По мере новых волн колонизации из Малой Азии в Нижнее Побужье со второй четверти – середины VI в. до начала первой четверти V в. до н.э. разрастались не только урбанизированные центры полиса (Ольвия и Борисфен), но и была по новой колониальной формуле организована сельскохозяйственная округа Ольвийского государства – хора. Аграрная территория из-за наличия обширных незаселённых прибрежных пространств, осваивалась не по принципу традиционной для многих античных центров Средиземноморья и Эгеиды стенохории, когда земельные наделы граждан были размещены лишь вокруг городских стен, а по новой колониальной территориально-развёрнутой модели хоры с неотъемлемой усадебно-поселенческой структурой. Причём первыми, начиная с рубежа первой и второй четвертей VI в. до н.э., начали осваиваться земли к западу от Ольвии в устье Березанского лимана[4], постепенно, с наплывом

[3] По мнению П.О. Карышковского и И.Б. Клеймана, первые опорные пункты ионян были, по всей вероятности, не торговыми факториями-эмпориями или земледельческими посёлками, а рыболовецкими, быть может, сезонными станциями, население которых при наличии сырья и пригодных для обработки земель постепенно обращалось к ремесленному производству или к земледелию (Карышковский, Клейман 1985, 37). Данная позиция является, на наш взгляд, достаточно дискуссионной в плане такого определения характера большинства этих пунктов и представляется достаточно упрощённой по их возможному изначальному функциональному предназначению. Тем не менее достаточно реальным видится предположение авторов о сезонности первых древнегреческих посёлков на берегах Северо-Западного Понта, наиболее удалённых к северу от метрополии, с суровым и непривычным для милетян климатом. Что касается необходимости в добыче колонистами сырья для метрополии, то здесь уместно привести цитату из работы Ю.Г. Виноградова, который, подчёркивая важность и значимость этого рода экономической деятельности, в несколько ироничной форме заметил: «…И если бы не останавливала боязнь без необходимости «обогащать» терминологию, то названную теорию можно было бы окрестить теорией не «торговой», а «сырьевой» колонизации…» (Виноградов 1989, 55). Тем не менее, не глядя на «боязнь» Ю.Г. Виноградова, как нам представляется, на нынешнем этапе историко-археологических исследований самого раннего периода освоения греками берегов Понта термин «сырьевая колонизация» вполне допустим и достаточно ёмко характеризует одно из основных направлений экономической деятельности первых жителей Березанского поселения.

[4] Ранее, до открытия самых ранних слоёв в юго-восточной части Ольвийского городища, анализа ранних археологических материалов, проведённых А.В. Буйских, а следовательно и уточнения даты основания Ольвии, поселения Березанского лимана, возникшие в первой половине VI в. до н.э., ошибочно связывали с хорой Борисфениды (см.: Крыжицкий и др. 1989, 94; Виноградов 1989, 50-52, 62). Новейшая информация заставила пересмотреть эту позицию и признать факт того, что в действительности поселения Березанского лимана, основанные где-то на рубеже первой и второй четвертей VI в. до н.э., входили в единый комплекс памятников хоры Ольвийского полиса, основанных по побережьям Березанского, Днепро-Бугского и южной части Бугского (вплоть до Ольвии) лиманов, до середины VI в. до н.э. (Буйских 2009, 227). Такому выводу способствовал и анализ пространственной организации колониального полиса в Нижнем Побужье с необходимой и обязательной системой его сакральной защиты, мар-

новых колонистов, расширяясь к востоку – к центру полиса. До середины VI в. до н. э. были заселены берега Березанского, Днепро-Бугского и южной части Бугского лиманов, вплоть до Ольвийского городища (Буйских 2009, 225-227; Буйских 2011, 58-59; Буйских 2018, 78). Наибольшую интенсивность этот процесс приобрёл в последней четверти VI - рубеже VI-V вв. до н.э., когда была практически заселена вся прибрежная часть Бугского лимана, вплоть до современного города Николаев. Как видим, процесс освоения аграрных территорий Ольвийского государства второй четверти – середины VI – рубежа VI-V вв. до н.э. был не одновременным, а последовательным и перманентным с учётом роста демографического потенциала полиса за счёт, прежде всего, новых волн колонистов, а также собственного, естественного прироста населения.

Не утихают и споры о том, имело ли поселение на острове Березань изначально статус полиса, в последующем переданный Ольвии, или же оно выполняло функции торговой фактории до основания Ольвии как колониального полиса в Причерноморье. В качестве основного аргумента в пользу гипотезы «Березань – полис» приводится выпуск первых денежных знаков в Нижнем Побужье – серии литых стреловидных монет в бронзолитейных мастерских Березанского поселения (рис. 2/1-6). Там же, по мнению сторонников данной гипотезы, выпускались и бронзовые трапециевидные сегменты – весовые гирьки (?) (рис. 1/1, 2). Действительно, трапециевидная форма бронзовых гирек характерна для Березани и Ольвии с архаического времени и практически стала традиционной в последующие эпохи (Крапивина 1986, 105-111; Снытко, Бондаренко 2019, 363-371). На ранних трапециевидных сегментах Березани, вероятнее всего, крупных номиналах стреловидных монет, присутствует изображение монет-стрелок – символов Аполлона Врача (Лапин 1966, 145; Граков 1971, 125-127; Копейкина 1981, 168, 173; Крапивина 1986, 107; Крапивина 1987, 131-133, рис. 46/5-6; Анохин 1989, 5)[5]. Существует предположение о том, что эти изделия с изображением монет-стрел на «реверсе» и головы рыбы на «аверсе» выступали и в качестве своеобразных денежных знаков, до появления крупных номиналов бронзовых литых округлых монет, отливавшихся уже в Ольвии. Подобные случаи широко известны в археологии и этнографии. Зафиксировано множество вариантов постепенного перехода от примитивных денежных форм в виде слитков, предметов, орудий труда, украшений и пр., служивших ценовым эквивалентом, к непосредственно денежным номиналам (см.: Карышковский 1988, 33). Местом выпуска трапециевидных сегментов непосредственно являлось поселение на Березани, а следовательно, по мнению современных сторонников гипотезы, Борисфен был полисом, выпускавшим собственную монету (Пиворович 2000, 119-122; Пиворович 2001, 149-152; Наумов 2002, 33; Соловьёв 2000, 93 сл.; Соловьёв 2010, 20-23; Solovyov 2006, 70, fig. 3).

Что касается выпуска стреловидных сегментов на Березани, где существовали первые бронзолитейные мастерские, изготавливавшие всевозможную утварь, в том числе и первые на Понте зеркала борисфенитского типа (Зуев 2017, 144 сл., Зуев 2018, 241), то в этом плане особых возражений не имеется. Тем

кированной пограничными святилищами, проведённый С.Б. Буйских. Результаты этого анализа свидетельствуют о том, что главным инициирующим центром в пространственной организации полиса изначально выступала не Березань, а Ольвия (Буйских 2009, 227; Буйских 2011, 58-59).

[5] В 1978 г. на Березани экспедицией Л.В. Копейкиной был найден бронзовый разновес (вес 39,75 г.) с изображением трёх стрел (см.: Крапивина 1986, 108-109 (№2), рис. на 107; Крапивина 1987, 131-132, рис. 46/5). Ознакомившись с предметом после его очистки, Ю.Г. Виноградов несколько изменил свою позицию относительно воспроизведения на нём стрел, предполагая, что изображение следует трактовать скорее как три монеты-дельфинчика (Виноградов 1989, 63-64, прим. 148). Тем не менее такая трактовка сомнительна по причине того, что Ю.Г. Виноградовым не приняты в расчёт утраты деталей поверхности изображения при его очистке. К тому же имеется и аналогия данному бронзовому сегменту с изображением трёх стрел в пучке, весом 76 г., найденная в 1996 г. на поселении Викторовка-I. На предмете чётко видно изображение именно монет-стрел (Наумов 2002, 33). Впрочем, имеются и экземпляры, на которых, вероятнее всего, изображены т. н. «стрелорыбы» – некий гибрид стрелы и рыбы (Пиворович 2009, рис. на 33-34) (рис. 1/1, 2). Наличие подобного изображения подтверждают и находки отдельных монет в виде т. н. «стрелорыб» – стрел с рыбьим хвостом (Пиворович 2009, рис. на 32; Chistov 2019, 102, fig. 3/27-28) (рис. 2/2, 3, 5). Возможно, этот тип квазимонет является переходным вариантом от производства стреловидных к литью дельфиновидных денежных знаков, в которых наблюдается синкретизм в культовых символиках двух ипостасей Аполлона – Иетроса и Дельфиния (см.: Пиворович 2009, 35).

Рис. 1. 1 - Сегмент с 3-мя рыбо-стрелами (бронза, 49,77 г, 53 мм); 2 - сегмент с 2-мя рыбо-стрелами (бронза, 43,95 г, 50 мм); 3 - большой дельфин (бронза, 85,1 г, 81 мм).

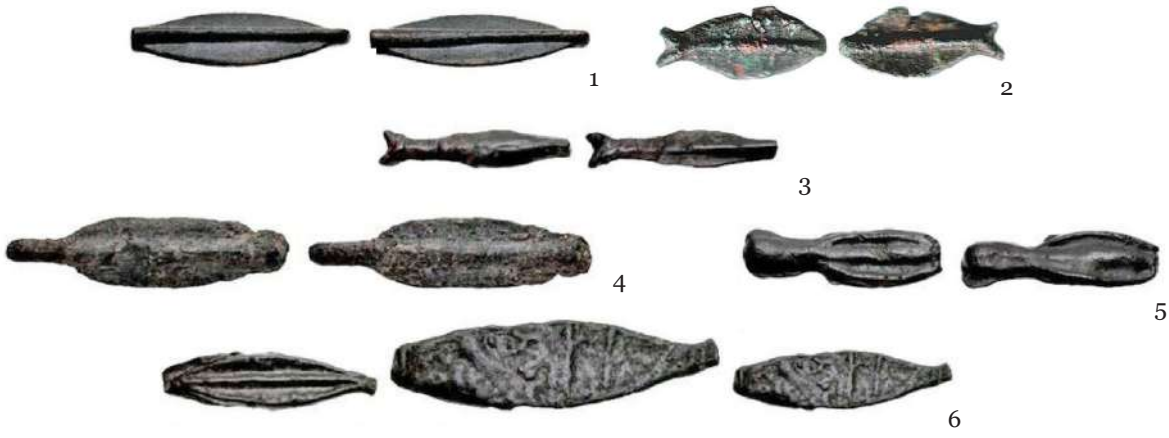


Рис. 2. 1 - Традиционная монета-стрела (4,23 г, 34 мм); 2 - рыба-стрела; 3 - рыба-стрела (1,53 г, 30 мм); 4- монета-стрела (2,81 г, 28 мм); 5 - монета стрела-рыба (4,37 г, 43 мм); 6 - монета стрела, на обороте надпись APIX (3,21 г, 33 мм).

не менее это не может являться аргументом в пользу полисного статуса Борисфена, ибо данные мастерские могли выполнять заказы на изготовление этих денежных серий от храма Аполлона Иетра (см.: Яйленко 2017, 90-91), который уже был возведён и успешно функционировал в Ольвии (Виноградов 1989, 79; Русяева 2005, 125), либо полисной администрации. Указанные бронзолитейные мастерские на Березани могли быть и под непосредственной опекой этих полисных религиозных, либо административных институтов. Учтём и то, что с древнейших времён в Ольвийском полисе существовало разумное экономическое территориальное районирование, с учётом местных природных ресурсов (Отрешко 1979; Буйских 2009; Крыжицкий и др. 1989, 84, 94; Снытко 2012, 31-42; Снытко 2013, 4), и поселение на острове Березань при этом, в эпоху архаики, являлось одним из важнейших ремесленных центров государства (Отрешко 1979, 151-158; Отрешко

1994, 112-122). Таким образом, однозначно трактовать указанные выше сегменты как весовые гири достаточно рискованно. Как мы уже отмечали выше, историческая практика свидетельствует, что подобные сегменты, в виде протомонет, носили двоякие функции (см.: Карышковский 1988, 33). Не исключено, и даже весьма вероятно, использование их, как крупных бронзовых денежных номиналов монет-стрел[6], в качестве параллельного варианта. Косвенным аргументом этому является и наличие в несколько более позднее время крупных весовых номиналов монет – дельфинов (Карышковский 1988, 37, рис. 3/6-8) (рис. 1/3), которые где-то в последней четверти VI века до н.э. сменили в Ольвийском полисе стреловидные деньги и символизировали культ Аполлона Дельфиния. Очевидно, первые выпуски дельфиновидных денежных знаков также были храмовыми[7]. Этот вариант недавно был предложен и В.П. Яйленко, отметившим, что сокращения имён на ранних ольвийских квазимонетах принадлежат не частным лицам или же каким-либо мифическим варварским правителям, «протекторам» и пр., а эсимнетам Союза мольпов Аполлона Дельфиния, подобно тому, как предшествовавшие им монеты-стрелки выпускало святилище Аполлона Иетра (Яйленко 2017, 90-91). К этому добавим, что именно на Западном теменосе Ольвии, а не на Березани, во второй – третьей четвертях VI в. до н.э., наряду с культовыми сооружениями общеполисным божествам (Матери Богов, Афины и др.), функционировало и святилище главы пантеона греков Нижнего Побужья того времени – Аполлона Иетроса (Русяева 2005, 125). Вероятнее всего, именно по заказу жрецов этого главного полисного святилища и производился выпуск стреловидных денежных знаков в бронзолитейных мастерских Березанского поселения.

Обратим внимание также на отсутствие комплексного подхода у современных сторонников гипотезы «Березань – полис», выводящих гипотезу на базе наличия всего нескольких необходимых для этого компонентов: монетный выпуск на Березанском поселении и открытие там в 1996-1997 гг. храма Афродиты конца VI – начала V вв. до н.э. со стеной-оградой (Назаров, Отрешко 1998, 37-38), т.е. возможное функционирование на Березани архаической эпохи священного участка - теменоса[8]. Не исключено, что где-то рядом, по традиции, находился и храм Гермеса (Снитко 2021, 32). Косвенным свидетельством этому может быть находка на Березани мраморной гермы (Лагочева, Снытко 1986, 58-60). Гермы обычно устанавливались не только у дорог, на границах полей, в гимнассиях и палестрах. Их ставили перед домами и входами в храмы (Русяева 1979, 116). К тому же и в Ольвии зафиксировано совместное святилище Гермеса и Афродиты (Русяева 1979, 117). Тем не менее наличие теменоса на Березани не является бесспорным свидетельством полисного статуса городка Борисфен. Да и функционировало святилище Афродиты, отнюдь не главного божества пантеона, в те времена, когда Ольвия уже, безусловно, была центром полиса, а поселение на Березани входило в его состав. К тому же и само наличие храмов, святилищ и алтарей за пределами административных центров –повсеместное явление для Древней Эллады, в том числе и для Ольвийского полиса (Буйских 2007, 42-45). Культовые сооружения на Березани, вероятнее всего, были предназначены не только для внутриполисных целей. Березань была своеобраз-

[6] Возможно, храмовых выпусков, в которых само подтрапециевидное воспроизведение предмета одновременно могло имитировать голову рыбы-тунца, форму жертвенной секиры, либо стилизованной, с обрезанным верхним краем, большой стрелы – символа Аполлона Иетра.

[7] Об основных аргументах в пользу возможности храмового выпуска монет-дельфинов и сомнениях на сей счёт см.: Карышковский 1988, 38 сл.

[8] А.В. Буйских относит теменос на Березани ко второму строительному периоду – 540/530 гг. до н.э. (Буйских 2013, 29; Буйских 2021, 23). Во второй приведённой в нашей крайней ссылке работе А.В. Буйских (2021, 23) ошибочно указана дата открытия на Березани храма Афродиты (?) экспедицией В.В. Назарова при участии В.М. Отрешко в 1987 году. В действительности, как нами было отмечено выше, этот объект был зафиксирован в 1996 г. и исследовался в полевые сезоны 1996-1997 гг. (см.: Назаров, Отрешко 1998, 37-38). Начало же исследования территории Березанского теменоса было положено в 1984 г., когда на данном участке в юго-восточной части острова Березанской экспедицией Института археологии АН УССР под руководством С.Н. Мазарати в одном из разведочных шурфов были выявлены остатки черепичной вымостки конца VI - начала V в. до н.э. и известняковый алтарь круглой формы (Мазарати 1986, 265), аналогичный находящимся на втором теменосе Ольвии. Данную неточность в тезисах А.В. Буйских мы воспринимаем как опечатку, случайно закравшуюся в текст в процессе формирования и издания сборника конференции «БОРИСФЕНІКА-ІІ: пам'яті В.В. Крутілова» (Миколаїв 2021).

ными морскими воротами перед входом в Ольвийский полис. Не вызывает сомнений то, что моряки, торговцы, паломники, совершавшие феории в священные места, связанные с культом Ахилла (Ахиллодром), Кибелы, Геракла (Гилея) и пр., не проплывали мимо Борисфена (Снитко 2021, 31) на пути в Ольвию и к местным святыням. Останавливаясь после странствий по морю на небольшой отдых в гавани Борисфена, они могли совершать жертвоприношения в здешних храмах в качестве благодарности богам за удачное путешествие по Понту и за проведение дальнейших успешных торговых операций на местных рынках. Такие стоянки, с культовыми жертвоприношениями, совершались мореходами по пути следования суден из Средиземноморья и Эгеиды в Кизике у святилища Кибелы Диндимены[9] и при входе в Понт из Пропонтиды у известного храма Зевса Урия, руины которого находятся на восточном берегу Босфора. Заметим, что именно там, у селения Анадолу-Кавак, среди руин некогда знаменитого святилища божества, считавшегося покровителем мореплавателей, в 1876 г. найден известный декрет Каноба (IOSPE, I², 24), изданный ольвиополитами около 340-335 гг. до н.э. (Виноградов, Карышковский 1976, 23-27; Виноградов, Карышковский 1983, 25, 38), информировавший купцов, следовавших к берегам Борисфена, о правилах местного денежного обращения и обмена. Вероятно, в целях предварительного ознакомления торговцев и гостей полиса ольвиополитами была установлена копия документа (см.: Карышковский 1988, 10), очевидно, в месте обязательной и традиционной якорной стоянки у храма Зевса Урия. Проходя вдоль побережий Понта на пути к Ольвии, мореплаватели и торговцы не могли не посетить общегреческое святилище Ахилла на Левке, где совершали жертвоприношения и приносили вещевые и денежные дары в ограду храма. На священном острове Ахилла, находившемся под сакральным патронатом ольвиополитов вплоть до римского времени, зафиксированы монеты, география которых охватывает все более или менее значительные полисы Понта и Средиземноморья (Охотников, Островерхов 1993, 108), от Великой Греции, Сицилии и Леванта до Эгеиды, Балкан, Причерноморья и Азии, вплоть до Месопотамии (Абрамзон, Тункина 2018, 53-87). Завершающим пунктом на пути к Ольвии был Борисфен с храмами Афродиты и Гермеса (?), где опять же, кроме обычного отдыха, был и традиционный визит в местные храмы. Добавим, что нижнебугские греки почитали Афродиту в нескольких ипостасях (Εὐπλοια, Γλυκεὶα), и прежде всего, как Понтию (Ποντὶα) – покровительницу мореплавания (Русяева 1979, 21). Таким образом, обычный коммерческий вояж на Понт превращался и в своеобразную сакральную миссию. В то же время купеческие стоянки у священных для эллинов придорожных святынь, вероятнее всего, в отдельных случаях совершались, в том числе, как скажем, в Кизике, в местах посреднических рынков и способствовали развитию транзитной торговли между Понтом, Пропотидой и Эгейско-Средиземноморским бассейном.

В контексте вышеуказанного подчеркнём, что для определения полисного статуса античного города необходимо наличие как минимум шести характерных черт, которые были присущи всем без исключения колониальным полисам:

1. Наличие гражданского этникона;
2. Выпуск собственной монеты (с демотиконом);
3. Наличие атрибутов исполнительной и законодательной власти (агора с административными постройками);
4. Общеполисные культы с местами их отправления (теменос), а также обязательное присутствие главы пантеона – защитника и покровителя полиса, с отображением его символики в общегосударственной атрибутике;
5. Наличие внутренней территории для ведения собственного сельского хозяйства – хоры;
6. Наличие чётких территориальных границ, очерченных защитными сакральными территориями (храмы, священные рощи, алтари, святилища «*extra urban*»).

[9] Вспомним о том, что и мудрец Анахарсис на пути следования в Скифию после долгих странствий посетил Кизик, где участвовал в празднествах в честь Кибелы Диндимены, на которых дал обещание, в случае своего благополучного возвращения, отправить культовый обряд в честь Матери богов на родине (Herod., IV. 76). Не исключено, что дата праздника в честь богини совпала со временем обычной якорной стоянки в гавани Кизика купеческого судна, на котором Анахарсис возвращался к родным берегам, и просвещённый мудрец не мог не воспользоваться таким удобным случаем воздать свои почести Кибеле, в её праздник, вместе с жителями города.

В отличие от Березани, всеми этими необходимыми чертами в Нижнем Побужье в середине VI в. до н.э. обладала только Ольвия (Буйських 2011, 59).

Существует и достаточно интересная гипотеза, выдвинутая В.В. Рубаном. Учитывая многочисленные находки стреловидных монет от устья Днепра до Бургасского залива, автор приходит к выводу о наличии единой денежной единицы и создании некоего валютного союза между колониальными полисами Левого Понта, а следовательно, и о возможной попытке создания ими некоей религиозно-политической симмахии по типу малоазийского Панионионa (Рубан 2009, 147-149). Тем не менее здесь необходимо учитывать и тот факт, что в те времена, как и в Ольвийском полисе, Аполлон Врач, символом которого была стрела, был главным божеством в пантеоне основных древнегреческих центров Северо-Западного и Западного Причерноморья, и монеты в виде стрел могли использоваться в качестве денежных знаков не только ольвиополитами[10], но и выпускаться по заказу храмов Аполлона Иетра в Истрии, Аполлонии и других городах этих регионов, основанных милетянами.

В любом случае, как свидетельствуют современные археологические исследования в Нижнем Побужье, центром полиса изначально была Ольвия. Поселение на острове Березань (Борисфен, Борисфенида), основанное несколько ранее Ольвии, вероятнее всего, исходя из последних разработок (Буйских 2005, 164) следует рассматривать как эмпорий – центр посреднической торговли с варварским хинтерландом (Буйских 2009, 225; Буйских 2011, 58-59; Буйских 2013, 21 сл.)[11]. К этому добавим, что одной из целей основания Борисфена милетянами, на наш взгляд, прежде всего была разведка и самостоятельная добыча различных сырьевых ресурсов, поставлявшихся в метрополию, а также, возможно, создание собственной, местной ремесленно-производственной базы перед выведением апойкии, собственно основания Ольвии в качестве колониального полиса на самом северном рубеже Понта. Такое же добыточно-сырьевое, ремесленное направление с явным сезонным характером имел и единственный в этих краях памятник кроме Борисфена, где есть материалы второй половины VII в. до н.э., основанный, очевидно, борисфенитами – Ягорлыцкое поселение[12].

[10] Впервые выпуск монет-стрел связал с Березанью В.В. Лапин (Лапин 1966, 145). В дальнейшем эта идея нашла отражение в работах В.В. Рубана (Рубан 1982, 18; Рубан, Урсалов 1986, 31-53). Массовые находки монет-стрел в слоях второй половины VI в. до н.э. Березанского поселения по мнению Д.Е. Чистова, также связывающего эмиссию этих монет с Березанью, фактически исключают их западно-понтийское происхождение (Chistov 2019, 101). Как нам представляется, возможно, наличие монет-стрел в западно-понтийском регионе следует связывать с тесными торговыми связями борисфенитов с античными городами Западного Понта и с местными фракийскими племенами. В этом отношении показательно, что спектральный анализ бронзовых изделий на Ягорлыцком поселении ремесленников, используемом жителями Березани, свидетельствует о карпато-дунайском происхождении источников сырья, из которого они производились (Островерхов 1978, 12). Учитывая, что бронзолитейное ремесло у греков Нижнего Побужья в VI в. до н.э. было на высоком уровне и имело товарный характер, такого сырья для металлопроизводства требовалось достаточно много, а следовательно, и торговля с сырьедобыточным карпато-дунайским регионом была весьма интенсивной. Тем не менее вопрос о возможном производстве монет-стрел в других античных городах Западного и Северо-Западного Причерноморья, кроме Борисфена, продолжает оставаться открытым.

[11] Отметим, что идея основания поселения на острове Березань как эмпория принадлежит многим исследователям, со времён первых раскопок на Березани Э.Р. фон Штерном (Э.Р. фон Штерн, Э. Миннз, М.И. Ростовцев, А.А. Иессен, М.Ф. Болтенко и др.). Она разрабатывалась в своё время В.П. Яйленко (Яйленко 1982, 266). Этого же мнения придерживалась и один из исследователей Березани Л.В. Копейкина (Копейкина 1979, 109, 111). В свою очередь, Ю.Г. Виноградов, отвергая вслед за Н. Эрхардтом (Ehrhardt 1983, 70) теорию «эмпориального периода» в процессе выведения Милетом колоний, рассматривал апойкию, выведенную милетянами на Березань, как уже запрограммированный в метрополии полис. В дальнейшем, по прибытии новых колонистов из Милета, при деятельном участии милетян с Березани была основана новая апойкия в Нижнем Побужье – Ольвия (Виноградов 1989, 62), которой суждено было стать административным и культурным центром полиса. Принимая, с отдельными оговорками и поправками, предложенную Ю.Г. Виноградовым хронологию и поэтапность формирования единого Ольвийского полиса, мы всё же склоняемся к мнению, подкреплённому и современными исследованиями в Нижнем Побужье, что Березань органически влилась в состав единого государства в Нижнем Побужье не в качестве самостоятельной апойкии или полиса (до момента организации административного и политического центра в Ольвии), а как городок-эмпорий милетян. Не исключено, что именно в это время (около середины VI в. до н.э.), в процессе всех политико-административных преобразований в Нижнем Побужье, был заключён и договор об исополитии Милета и Ольвии, в дальнейшем повторно подтверждённый в эллинистическую эпоху (см.: прим. 13).

[12] Существуют различные мнения о хронологии Ягорлыцкого поселения (см.: Крыжицкий и др. 1990, 40-41). В.В. Рубан на основании изученного им керамического материала датирует его второй половиной VII - первой по-

Остановимся в связи с этим и ещё на одном принципиальном вопросе, внимание которому уделялось, на наш взгляд, крайне недостаточно. В данном случае речь идёт о гражданском статусе самых первых обитателей Березанского поселения до основания Ольвийского полиса. Если предполагать, что Борисфен являлся торговой факторией метрополии, возможно, на первых этапах даже используемой сезонно, то, вероятнее всего, купцы, ремесленники и добытчики сырья, также сезонно проживавшие на Березани, продолжали оставаться гражданами Милета. Отсюда, возможно, и приводимое древними авторами одно из названий самоидентификации - «милетяне», коим именовали себя нижнебугские греки. У Геродота – жители «города борисфенитов», которые говорят, что они милетяне: «...οἱ δὲ Βορυσθενεῖται οὗτοι λέγουσι σφέας αὐτοὺς εἶναι Μιλησίους...» (Herod., IV., 78). Эти же мотивы, связанные с названием метрополии, находим и у Плиния Старшего, упомянувшего о том, что город Борисфен в древности носил имя Ольвиополь и Мелитополь – собственно, город милетян (Pl. Sec. M., NH, IV., 12, 82). Вне всякого сомнения, эти исторические реминисценции, прошедшие через многие столетия и сохранившиеся в римскую эпоху, связаны, в первую очередь, с исополитией Ольвии и Милета, политической, духовной и культурной близостью ольвиополитов с метрополией. Тем не менее не исключён и вариант, что здесь отражены и отголоски того изначального гражданского статуса самых первых жителей Березанского поселения («борисфениты» – по месту непосредственного проживания, «милетяне» – по гражданству). Здесь приведём и весьма интересное наблюдение Р. Вернера о том, что, по представлениям древних греков, колонисты, покинув метрополию, переставали быть гражданами, но только после создания апойкии, т.е. распределения земельных наделов, размежёвки храмовой земли, создания политических и религиозных институтов, считались гражданами новой общины (Verner 1971, 66). На эту мысль Р. Вернера обратил внимание и Ю.Г. Виноградов, но преимущественно лишь в контексте взаимоотношений между метрополией и колонистами и возможного существования договора об исополитии между Милетом и Ольвией уже в архаическую эпоху[13]. Нам

ловиной VI в. до н.э. (Рубан 1980, 112). Первой половиной VI в. до н.э. датирует поселение Н.П. Оленковский (Оленковский 1977, 374). К хронологическому отрезку от рубежа VII-VI до начала V в. до н.э. относят памятник А.С. Островерхов, С.Б. Буйских и Н.А. Гаврилюк (Островерхов 1978, 14; Буйских, Островерхов 1978, 152; Гаврилюк, Островерхов 1982, 63; Крыжицкий и др. 1990, 45). Концом VII-IV вв. до н.э. датирует памятник С.Я. Ольговский (Ольговський 2021, 21). Отметим, что сторонниками более широкой датировки памятника выделяются два хронологических этапа существования поселения – конец VII - середина VI в. до н.э. и вторая половина VI - начало V в. до н.э. (Островерхов 1978, 14). Расцвет ремесленного производства на поселении А.С. Островерхов соотносит со второй половиной VI в. до н.э. (Островерхов 1978, 14). Учитывая наличие двух хронологических групп зафиксированного вещевого материала, которые выделяют авторы, не исключён и хронологический разрыв в существовании поселения около середины VI в. до н.э. Отметим и то, что зафиксированные на поселении находки на нынешнем этапе нуждаются в дополнительном комплексном исследовании, в контексте более чёткой разработки хронологии памятника. Добавим, что Ягорлыцкое поселение ремесленников П.О. Карышковский и И.Б. Клейман приводят в качестве примера того, что не все ранние опорные пункты греков на берегах Понта были эмпориями, в то же время указывая на то, что к определению характера каждого памятника необходим индивидуальный подход (Карышковский, Клейман 1985, 38). Отметим, что приведённый П.О. Карышковским и И.Б. Клейманом пример, на наш взгляд, не достаточно удачен, т. к. Ягорлыцкое поселение ремесленников, появившееся где-то во второй половине VII в. до н.э., было основано не метрополией — Милетом, а, вероятнее всего, жителями Борисфена, которые сезонно использовали его для заготовки различного сырья, коим изобиловала Гилея, первичных и вторичных ресурсов для металлургического производства (лес, гематитовые пески, соль, сода, производные от переработки сырья: древесный уголь и пр., см.: Островерхов 1979, 118-124).

[13] Договор об исополитии Милета и Ольвии, найденный в 1903 г. в вымостке Милетского Дельфиниона (Milet., 1., 3., № 136 = Syll.3 286; Граков 1939, 264-265), ныне датируют 329/8 г. до н.э. либо несколько поздней (Виноградов 1983, 390). Тем не менее многие исследователи, начиная с С.А. Жебелёва (Жебелёв 1955, 39), небезосновательно считают, что исополития между Ольвией и Милетом существовала ещё с архаического периода, и, возможно, даже со времени вынесения милетянами колонии. По А.Дж. Грейему, такой договор мог быть заключён до 494 г. – разгрома Милета персами (Graham 1971, 105 ff, 117). Эту идею поддержал и развил Ю.Г. Виноградов (1989, 69 сл.). В пользу существования ранней исополитии Ю.Г. Виноградов привлёк другие документы и привёл исторические параллели относительно существования в Ольвии и Милете одинаковых культов, религиозно-политических объединений и пр. (Виноградов 1979, 48-49; Виноградов 1983, 390 сл.; Виноградов 1989, 69 сл.). На существование исополитии, по мнению Ю.Г. Виноградова, которая утратила силу где-то в IV в. до н.э., косвенно указывает и сам факт полного отсутствия милетян в реестре ольвийских проксенов (Виноградов 1989, 170, прим.114). Относительно самого документа невольно возникает вопрос — какой смысл было его дополнительно публиковать уже в эллинистическое время? По мнению Жебелёва, Милет, выйдя из-под власти персов и став во времена Александра Македонского демократическим и независимым, решил

же в данном случае интересно наблюдение Р. Вернера в несколько ином ракурсе. Прежде всего в анализе необходимых условий для возникновения новой гражданской общины как таковой при вынесении из метрополии апойкии, применительно к Березанскому поселению. Отметим, что на Березани и в её ближайшей округе практически до середины VI в. до н.э. никаких следов распределения земельных наделов (собственно, создания аграрной территории – хоры), как одного из главных компонентов при вынесении апойкии, археологически не зафиксировано. Таким же образом не отмечается и размежёвки храмовой земли, создания политических и храмовых институтов. Интенсивное строительство на Березани[14] и появление посёлков хоры в устьях Березанского и Буго-Днепровского лиманов фиксируется только со второй четверти VI в. до н.э., когда город Ольвия, обустроенный в устье Бугского лимана, имел уже все черты древнегреческого полиса и, несомненно, был политическим и культурным центром греков Нижнего Побужья. В свою очередь, поселение на Березани в эти времена несомненно входило в состав Ольвийского государства. Таким образом, на сегодняшний день нет серьёзных оснований воспринимать Березань (Борисфен) как апойкию, изначально выводимую метрополией в качестве будущего колониального полиса. Косвенным подтверждением данному тезису уже является сам факт того, что в достаточно большой хронологический, возможно, полустолетний период между основанием Борисфена и Ольвийского городища жителями Березани так и не были созданы ни аграрная территория, ни самостоятельные гражданские, ни религиозные институты. Очевидно, перед жителями милетской торговой, ремесленно-производственной и сырьедобывающей фактории – городка Борисфен, считавших себя по гражданству милетянами, изначально таких задач и не стояло. Вероятнее всего, до основания собственно Ольвии городок Борисфен длительное время использовался милетянами в качестве сырьедобыточной базы и центра торговых отношений с местными племенами. Предметом торговли могли быть поставляемые в метрополию лошади, крупный и мелкий рогатый скот, шкуры и ценные меха, редкие для Средиземноморья и Эгеиды сорта местных рыб, соль, добываемая на крупных соляных отложениях, о наличии которых в устье Борисфена пишет и Геродот (Herod., IV., 53), всевозможные местные плоды, мёд и пр.[15] Что касается возмож-

наладить свои отношения со своей старой колонией, которая отбила в 331-330 гг. до н.э. нападение Зопириона и во времена осады города отпустила рабов на волю и аннулировала долговые обязательства. При таких изменениях в гражданском коллективе Ольвии милетянам было крайне необходимо напомнить ольвиополитам о своих правах (Граков 1939, 265; Жебелёв 1955, 47). Усилением позиции демократии и демократическими изменениями в обоих городах объясняют повторный договор об исополитии и П.О. Карышковский и Ю.Г. Виноградов (Карышковський 1956, 169 наст.; Виноградов 1989, 168-170). Однако, не исключая теоретическую необходимость перезаключения государственных договоров в условиях демократических преобразований и ликвидации отживших себя законов и обязательств, отметим, что сам факт повторного оглашения договора, который был, несомненно, согласован с ольвиополитами, вероятнее всего, в первую очередь свидетельствует об определённой нестабильности и нерегулярности политико-экономических отношений между обеими родственными полисами в тяжёлые времена до переиздания декрета и взаимном стремлении к налаживанию таких отношений в будущем. Необходимо учитывать и морально-духовную сторону нового оглашения договора об исополитии через полтора столетия после его первой редакции, лапидарное свидетельство которого, вероятнее всего, в присутствии ольвийских феоров, в торжественной обстановке и с жертвоприношениями было установлено именно в Дельфинионе как символ единства и своеобразное завещание для потомков (Снитко 2014, 24-25).

[14] На наиболее показательном в плане исследованности участке «О-Западный» поселения на острове Березань, работы на котором проводились в 1991-2018 гг., не обнаружено никаких следов каменно-сырцовых построек, которые могли бы датироваться ранее 40-х гг. VI в. до н.э. Уличная сеть кварталов с каменно-сырцовой застройкой второй половины VI в. до н.э. никак не коррелируется с полуземлянками первого строительного периода – первой половины VI в. до н.э. (Чистов 2021, 41-42).

[15] О поставляемых из колонии в метрополию товарах и сырьевой продукции можно судить по сравнительной таблице «Сходство и различие ближних хинтерландов пары Борисфен-Ольвия и их метрополии Милета», составленной Н.А. Гаврилюк (2017, 185-186). Проведя анализ, на базе имеющихся на сегодняшний день данных археологии, Н.А. Гаврилюк приходит к вполне логичному выводу, что с самого начала экономика пары «Борисфен-Ольвия» имела торговую направленность (Гаврилюк 2017, 192). Тем не менее добавим, что таблица, составленная Н.А. Гаврилюк, не учитывает транзитной торговли, которая безусловно существовала на маршруте Милет – Ольвия, а следовательно, и природно-экономических ресурсов регионов, с которыми данная торговля производилась. В данном случае, несомненно, необходимо рассматривать ресурсную базу не только ближних хинтерландов пары Борисфен-Ольвия и их метрополии, но и ближние хинтерланды как минимум античных центров Северо-Восточной Эгеиды, Пропонтиды, Юго-Западного и Западного Понта. Без проведения такого анализа приведённая Н.А. Гаврилюк таблица не является достаточной для осмысления сырьедобыточной и торгово-экономической деятельности

ной добычи металлов и руд для их получения, то, очевидно, жителями Борисфена организовывались специальные экспедиции вглубь Скифии по водным артериям, возглавляемые профессиональными металлургами. Здесь отметим, что, вероятнее всего, металлургами Березани, учитывая спрос на местном рынке, было налажено производство ремесленных изделий и оружия, пользующихся спросом у местных племён. Таким образом, в обмен на товары от варваров, им поставлялись качественные металлические изделия, начиная от различных украшений, возможно, и ювелирных изделий из драгоценных металлов (вероятно, производимых в метрополии, либо в других центрах Эллады), вплоть до самого массового и ходового товара – бронзовых наконечников стрел[16]. С течением времени борисфенитами, пользовавшимися своим выгодным географическим месторасположением у входа в устья рек – Борисфена и Гипаниса, кроме поставок товаров непосредственно в метрополию, вероятно, была организована и посредническая торговля между варварами и древнегреческими полисами Ойкумены, что приносило им немалые выгоды. Именно с этими временами (вторая четверть VI в. до н.э., не позднее середины столетия), совпавшими, очевидно, с окончательным формированием Ольвийского государства, следует связывать и выпуск первых полисных денежных знаков для внутреннего рынка в Нижнем Побужье в виде монет-стрел (Анохин 1986, 69; Stingl 2005, 119 f.; Буйских 2009, 226). Первой половиной VI или даже концом VII в. до н.э. выпуск монет-стрел датирует П.О. Карышковский (1988, 31)[17].

Не прерываются дискуссии и относительно греко-варварского взаимодействия в предколонизационный период и в эпоху колонизации Северного Причерноморья. Об определённых экономических связях греческих колонистов с племенами лесостепи в архаический период свидетельствуют многочисленные археологические материалы как предшествующих (Граков 1959, 259-261; Онайко 1966; Островерхов 1978, 5-8; Мелюкова 1988, 22-23; Вахтина 1989, 74-88; Виноградов 1989, 53-55), так и современных исследований (Бандуровський 2011, 68-79; Задников 2009, 15-21; Заднiков, Гавриш 2011, 101-109; Шрамко 2018, 24-39, 35, рис. 9). Уже на раннем этапе существования Березани и Ольвии их торговые связи достигали широты современной Киевской области на севере и Приуралья на востоке (Граков 1947, 23-38; Русяева 1986, 55, 62; Крыжицкий, Лейпунская 1997, 25-26). Основ-

ионийских греков в период колонизационного освоения Северного Причерноморья.

[16] Впервые о производстве бронзовых стрел на Березани, ссылаясь на их находки в погребениях из раскопок Г.Л. Скадовского в 1900-1901 гг., писал Пауль Рау, тем не менее не указывая на возможность их массового товарного выпуска (Rau 1929, 26-27). Вероятнее всего, массовое производство на Березани бронзовых боевых стрел, как для собственных нужд, так и для продажи варварам, сделало их своеобразной денежной единицей, неким эквивалентом стоимости в товарообмене с местными племенами (Анохин 1989, 5-7; Пиворович 2009, 17), что в последующем отобразилось и на внутреннем рынке – выпуске стреловидных денежных знаков, символизирующих культ Аполлона Врача. Такое воспроизведение мелких разменных денежных знаков из бронзы в виде культовых символик на многие десятилетия укоренилось в Ольвийском полисе, длительное время, очевидно, вплоть до появления первых мелких денег округлой формы в первой четверти IV в. до н.э., выпускавшем монеты в виде дельфинчиков, символизировавших культ Аполлона Дельфиния. Отметим, что на находки монет-стрел в зоне контактов с местными жителями в своей докторской диссертации «Монетное дело и денежное обращение Ольвии» обратил внимание и П.О. Карышковский (см.: Загинайло 1982, 26). Добавим, что, очевидно, такой же исторический контекст имел и возможный выпуск стреловидных монет в Аполлонии и Истрии, имевших тесные торгово-экономические связи с местными племенами.

[17] Приведём интересное наблюдение, возможно, дополнительно подтверждающее факт того, что начало массового выпуска стреловидных денежных знаков в Нижнем Побужье началось после середины VI в. до н.э. Среди материалов из Ягорлыцкого поселения ремесленников второй половины VII - первой половины VI вв. до н.э. (первый этап жизнедеятельности на памятнике) полностью отсутствуют находки монет-стрел, что было отмечено и авторами его исследований А.С. Островерховым и С.Б. Буйских (Буйских, Островерхов 1978, 305). В то же время не редкими являются находки обычных боевых стрел и даже литников от их производства (Островерхов 1978, 11; Пиворович 2009, 20). Вероятно, до появления первых денежных знаков в торговом обмене с варварами и, возможно, на внутреннем рынке борисфенитов функции денег в определённой степени выполняли и обычные стрелы (см.: прим. 16). Находки литников свидетельствуют также о производстве стрел не только в мастерских Березани, но и на Ягорлыцком поселении, сезонно использовавшемся борисфенитами. В любом случае отсутствие монет-стрел на Ягорлыцком поселении, вероятнее всего, временно прекратившем своё существование где-то около середины VI в. до н.э. (плюс-минус 10-20 лет), косвенно свидетельствует о том, что данный тип денежных знаков самых ранних типов начали отливать не ранее последнего десятилетия второй четверти VI в. до н.э. Отметим и то, что на Ягорлыцком поселении зафиксировано незначительное число (5 штук) ранних двусторонних монет «дельфинчиков» (Буйских, Островерхов 1978, 305), находки которых следует соотносить со вторым этапом функционирования посёлка ремесленников – второй половиной VI - началом V в. до н.э. (Островерхов 1978, 14).

ные греко-варварские контакты в это время были, прежде всего, связаны с лесостепью (Крапивина 2007, 8).

Таким образом, греческие колонисты, имевшие торговые отношения с варварскими народами, безусловно, ещё с самого начала колонизации были ознакомлены с местными культурными традициями, социально-политическим и хозяйственным укладом. В этом контексте не имеют особого значения характер и баланс этих отношений в архаическую эпоху, а важен сам факт наличия античного импорта на скифских памятниках, в определённой степени свидетельствующего о посещении этих территорий греческими торговцами и путешественниками, которые, согласно общеизвестной античной практике, всегда проводили рекогносцировку новых земель в местах колонизации (Брашинский, Щеглов 1979, 38-41) в плане определения природных ресурсов, в том числе, возможно, для поисков источников добычи металлов (Блаватский, Кошеленко, Кругликова 1979, 12 сл.), экономического потенциала, культурных традиций коренного населения и особенностей местного рынка (Островерхов 1981, 84-85). По вполне справедливому замечанию Ю.Г. Виноградова, даже трудно себе представить, что милетяне не были ознакомлены с этнодемографической ситуацией в Северном Причерноморье со второй половины VII в. до н.э., когда уже были основаны Истрия и Березанское поселение (Виноградов 1989, 42), а тем более с культурой и бытом жителей Северного Причерноморья. Тем не менее многими исследователями вполне справедливо ставится под сомнение априорно завышенная интенсивность этих связей как в доколонизационный период (Доманский 1979, 83 сл.), так и вообще в архаическую эпоху, особенно что касается длительно бытовавшего в науке ошибочного мнения о массовой закупке греками зерна в Скифии (Щеглов 1987, 99 сл.; Отрешко 1994, 117; Гаврилюк 1999, 268 сл.; Крижицький 2001, 26).

Подводя некоторые итоги данного небольшого экскурса по ранней истории греческой колонизации самых северных берегов Понта, отметим, что основные этапы освоения греками Нижнего Побужья в архаическую и раннеклассическую эпохи видятся нам следующим образом.

Первый этап (от середины VII до рубежа VII-VI вв. до н.э.). Основание милетянами Борисфена (по данным Евсевия, в 647/6 гг. до н.э.) как сезонно используемой торговой и сырьедобыточной фактории – эмпория. Налаживание торгово-экономических связей с местными племенами лесостепной зоны Поднепровья. Регулярные поставки товаров местного рынка и сырья в метрополию. Организация местного ремесленного производства в последней четверти VII в. до н.э. с использованием сырьевых ресурсов Гилеи. Основание борисфенитами сезонно используемого посёлка ремесленников в Ягорлыцком заливе. Выведение на рубеже VII-VI вв. до н.э. милетянами апойкии в Нижнее Побужье, получившей от Дидимского (?) оракула наименование Ольвия[18].

Второй этап (от рубежа VII-VI до середины VI в. до н.э.). Становление апойкии Ольвии и постепенное превращение её в культурно-религиозный и административный центр в Нижнем Побужье. Нарезание ольвиополитами теменоса Аполлону Врачу на центральном плато Ольвийского городища во второй четверти VI в. до н.э. Начало освоения аграрных территорий, с основанием первых поселений хоры, что, вероятно, было связано с новым притоком колонистов из Ионии (вторая четверть – середина VI до н.э.). Заселение побережий Березанского, правого берега Днепровского и южной части Бугского лимана (вплоть до Ольвии). Развитие металлургии и ремесленного производства на Борисфене не только для внешнего, но и для внутреннего рынка. Торговые отношения с аборигенными племенами лесостепи, добыча сырья, поставляемого в метрополию жителями березанского поселения, вероятно, продолжающего оставаться эмпорием Милета (вероятно, до второй четверти VI в. до н.э.). Начало выпуска первых полисных денег (вторая четверть – середина VI в. до н.э.) как для внутреннего рынка, так и для внешнеэкономических связей.

[18] В своё время М.В. Скржинской была высказана интересная гипотеза о том, что название Ольвия исходит из ответа, данного колонистам – основателям города дельфийским оракулом (Скржинская 1981, 142-147). Саму идею названия города из выдержки изречения оракула поддержал Ю.Г. Виноградов. В то же время им было вполне обоснованно замечено, что милетским колонистам не имело смысла обращаться к Пифии, когда у них был свой дидимейский оракул Аполлона, к тому же конкурировавший с Дельфами (Виноградов 1989, 30-31). По предположению Н. Эрхардта, идущему в развитие гипотезы Ю.Г. Виноградова, милетяне получили в Дидимах единый для всех понтийских апойкий оракул, по которому их божественным покровителем должен был стать Аполлон Иетрос (Ehrhardt 1983, 145-147).

Третий этап (середина VI – первая четверть V вв. до н.э.). Окончательное становление античного полиса в Нижнем Побужье и Поднепровье с центром в Ольвии и органическое вхождение в него поселения на Березанском полуострове (городка Борисфен). Заключение договора об исополитии между Ольвией и метрополией Милетом (около середины VI в. до н.э., или несколько ранее). Дальнейшее развёртывание аграрной территории государства – хоры с усадебно-поселенческой структурой (середина – вторая половина VI в. до н.э. – рубеж VI-V вв. до н.э.). Заселяются побережья Бугского лимана, вплоть до современного г. Николаев. Налаживание хлеботорговли с метрополией и другими городами Средиземноморья и Эгеиды посредством продажи избыточного зерна, выращиваемого на аграрной территории Ольвийского полиса.

Библиография

Абрамзон, Тункина 2018: М.Г. Абрамзон, И.В. Тункина, Гости острова Левки (Античные монеты по неизданным рисункам Н.Н. Мурзакевича). ВДИ 1, 78, 2018, 52-87.

Анохин 1986: В.А. Анохин, Монеты – стрелки. В сб.: Ольвия и её округа (Киев 1986), 68-69.

Анохин 1989: В.А. Анохин, Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья (Киев 1989).

Бандуровський 2011: О.В. Бандуровський, Античні амфори з курганів скіфського періоду Лівобережної лісостепової України. Археологія 1, 2011, 68-79.

Блаватский, Кошеленко, Кругликова 1979: В.Д. Блаватский, Г.А. Кошеленко, И.Т. Кругликова, Полис и миграции греков. В сб.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья: Цхалтубо – 1977 (Тбилиси 1979), 7-29.

Брашинский, Щеглов 1979: И.Б. Брашинский, А.Н. Щеглов, Некоторые проблемы греческой колонизации. В сб.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья: Цхалтубо – 1977, (Тбилиси 1979), 29-46.

Буйских 2005: А.В. Буйских, Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI-V вв. до н.э. ВДИ 2, 2005, 146-164.

Буйских 2012: А.В. Буйских, О застройке юго-восточной части Ольвии в VI – начале V в. до н.э. В сб.: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации (Керчь 2012), 48-52.

Буйских 2013: А.В. Буйских, О греческой колонизации Северо-Западного Причерноморья (Новая модель?). ВДИ 1, 2013, 21- 39.

Буйських 2021: А. Буйських, Головні досягнення Березанської експедиції Інституту археології НАН України (1980-2020-і рр.). У зб.: БОРИСФЕНІКА-II: пам'яті В.В. Крутілова (археологічні дослідження острова Березань в контексті європейської історії). Матеріали міжнародної наукової конференції, 5-6 травня 2021 р. (Миколаїв 2021), 23.

Буйских 2007: С.Б. Буйских, Греческие святилища Нижнего Побужья как сакрально-территориальный символ колонизации региона. В сб.: Боспорские чтения, 8 (Керчь 2007), 42-45.

Буйских 2009: С.Б. Буйских, Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму. В сб.: Старожитності степового Причорномор'я і Криму, XV, (Запоріжжя 2009), 225-247.

Буйських 2011: С.Б. Буйських, До проблеми заснування та становлення Ольвійського полісу. В сб.: Древнее Причернморье, IX (Одесса 2011), 58-59.

Буйських 2018: С.Б. Буйських, Хора Ольвії – історико-археологічний релікт давньогрецької колонізаційної епохи у Нижньому Побужжі. У зб.: Стародавнє Причорномор'я, XII (Одеса 2018), 78-82.

Буйских, Островерхов 1978: С.Б. Буйских, А.С. Островерхов, Работы на Ягорлыцком поселении. В сб.: АО 1977 (Москва 1978), 304-305.

Вахтина 1989: М.Ю. Вахтина, Греческие поселения Северного Причерноморья и кочевники в VII-VI вв. до н.э. (к проблеме первых контактов). В сб.: Кочевники Евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы 2-го археологического семинара (Новочеркасск 1989), 74-88.

Виноградов 1976: Ю.Г. Виноградов, О политическом единстве Березани и Ольвии. В сб.: Художественная культура и археология Античного мира (Москва 1976), 75-84.

Виноградов 1979: Ю.Г. Виноградов, Милет и Ольвия. Проблема взаимоотношений метрополии и колонии на раннем этапе. В сб.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья: Цхалтубо – 1977, (Тбилиси 1979), 47-52.

Виноградов 1983: Ю.Г. Виноградов, Полис в Северном Причерноморье. В: Античная Греция, 1, 8 (Москва 1983), 366-420.

Виноградов 1989: Ю.Г. Виноградов, Политическая история Ольвийского полиса VII - I вв. до н.э. (историко-эпиграфическое исследование) (Москва 1989).

Виноградов, Карышковский 1976: Ю.Г. Виноградов, П.О. Карышковский, Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимость драгоценных металлов на Понте в IV в. до н.э. ВДИ 4, 1976, 20-42.

Виноградов, Карышковский 1983: Ю.Г. Виноградов, П.О. Карышковский, Каллиник, сын Евксена: проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н.э. ВДИ 1, 1983, 21-39.

Гаврилюк 1999: Н.А. Гаврилюк, История экономики Степной Скифии VI - III вв. до н.э. (Харьков 1999).

Гаврилюк 2017: Н.А. Гаврилюк, Хинтерланд как экономическая составляющая архаических Борисфена и Ольвии. У зб.: Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького) (Київ 2017), 177-194.

Гаврилюк, Островерхов 1982: Н.А. Гаврилюк, А.С. Островерхов, Керамический комплекс Ягорлыцкого поселения. У зб.: АИУ 1976-1977 гг. (Ужгород 1982), 63-64.

Граков 1939: Б.Н. Граков, Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии. ВДИ 3, 1939, 231-317.

Граков 1947: Б.Н. Граков, Чи мала Ольвія торгівельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну та класичну епохи. Археологія 1, 1947, 23-38.

Граков 1959: Б.Н. Граков, Греческое граффито из Немировского городища. СА 1, 1959, 259-261.

Граков 1971: Б.Н. Граков, Ещё раз о монетах-стрелках. ВДИ 3, 1971, 125-127.

Доманский 1979: Я.В. Доманский, О характере греческой колонизации и послеколонизационном периоде в Северном Причерноморье. В сб.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья: Цхалтубо – 1977 (Тбилиси 1979), 81-88.

Жебелев 1955: С.А. Жебелев, Северное Причерноморье (Москва-Ленинград 1955).

Загинайло 1982: А.Г. Загинайло, Каменский клад стреловидных литых монет. В сб.: Нумизматика античного Причерноморья (Киев 1982), 20-28.

Задников 2009: С.А. Задников, Античная керамика третьей четверти VII в. до н.э. из раскопок на Бельском городище. В сб.: Международные отношения в бассейне Чёрного моря в скифо-античное и хазарское время (Ростов-на-Дону 2009), 15-21.

Задніков, Гавриш 2011: С.А. Задніков, П.Я. Гавриш, Антична кераміка в матеріалах зольника 7 західного укріплення Більського городища. Археологія 3, 2011, 101-109.

Зуев 2017: В.Ю. Зуев, Типология борисфенитских зеркал. У зб.: Північне Причорномор'я за античної доби (на пошану С.Д. Крижицького) (Київ 2017), 144-154.

Зуев 2016: В.Ю. Зуев, Об одной серии зеркал борисфенитского типа. В сб.: Причерноморье в античное и раннесредневековое время, 2. Сб. научн. трудов посвящённый 70-летию професора В.П. Копылова (Ростов-на -Дону 2016), 232-243.

Каришковський 1956: П.Й. Каришковський, З історії Ольвії в IV ст. до н.е. У зб.: Праці Одеського держ. ун-ту, 146, 5 (Одеса 1956), 167-174.

Карышковский 1960: П.О. Карышковский, Об обращении Кизикинов в Ольвии. Нумизматика и эпиграфика 2, 1960, 3-13.

Карышковский 1981: П.О. Карышковский, Новые находки архаических золотых монет в Ольвии. В сб.: Древности Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 95-97.

Карышковский 1988: П.О. Карышковский, Монеты Ольвии (очерк денежного обращения Северо-Западного Причерноморья в античную эпоху) (Киев 1988).

Карышковский, Лапин 1979: П.О. Карышковский, В.В. Лапин, Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 году. В сб.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья: Цхалтубо – 1977 (Тбилиси 1979), 105.

Карышковский, Клейман 1985: П.О. Карышковский, И.Б. Клейман, Древний город Тира. Историко-археологический очерк (Киев 1985).

Копейкина 1976: Л.В. Копейкина, Некоторые итоги изучения архаической Ольвии. В сб.: Художественная культура и археология Античного мира (Москва 1976), 131-142.

Копейкина 1979: Л.В. Копейкина, Особенности развития Березанского поселения в связи с ходом колонизационного процесса. В сб.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерно-

морья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья: Цхалтубо – 1977 (Тбилиси 1979), 106-113.

Копейкина 1981: Л.В. Копейкина, Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (по результатам раскопок на северо-западном участке). СА 1, 1981, 192-208.

Крапивина 1986: В.В. Крапивина, Архаические весовые гири Березани и Ольвии. В сб.: Ольвия и её округа (Киев 1986), 105-111.

Крапивина 1987: В.В. Крапивина, Весовые гири. В сб.: Культура населения Ольвии и её округи в архаическое время (Киев 1987), 131-133.

Крапивина 2007: В.В. Крапивина, Ольвия и её роль в эллинизации Побужья и Поднепровья. В сб.: Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. Москва – Киев – Запорожье (Запорожье 2007), 5-17.

Крижицький 2001: С.Д. Крыжицкий, Ольвія і скіфи у V ст. до н.е. До питання про „скіфський протекторат". Археологія 2, 2001, 21-36.

Крыжицкий и др. 1980: С.Д. Крыжицкий, А.В. Бураков, С.Б. Буйских, В.М. Отрешко, В.В. Рубан, К истории ольвийской сельской округи. В сб.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья (Киев 1980), 3-18.

Крыжицкий и др. 1989: С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских, А.В. Бураков, В.М. Отрешко, Сельская округа Ольвии (Киев 1989).

Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990: С.Д. Крыжицкий, С.Б. Буйских, В.М. Отрешко, Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта) (Киев 1990).

Крыжицкий, Лейпунская 1997: С.Д. Крыжицкий, Н.А. Лейпунская, Ольвия (раскопки, история, культура) (Николаев 1997).

Лагочева, Снытко 1986: Н.М. Лагочева, И.А. Снытко, Мраморное изваяние с о. Березань. В сб.: Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья (Киев 1986), 58-60.

Лапин 1966: В.В. Лапин, Греческая колонизация Северного Причерноморья (Критический очерк отечественных теорий колонизации) (Киев 1966).

Мазарати 1986: С.Н. Мазарати, Исследования на о. Березань. В сб.: АО 1984 (Москва 1986), 265.

Мелюкова 1988: А.И. Мелюкова, Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации. В сб.: Местные этнополитические объединения Причерноморья в VI - IV вв. до н.э. Материалы IV Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья: Цхалтубо-Вани 1985 (Тбилиси 1988), 8-27.

Назаров, Отрешко 1998: В.В. Назаров, В.М. Отрешко, Открытие теменоса Березанского поселения. У зб.: Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр. (Київ 1998), 37-38.

Наумов 2002: В.И. Наумов, Новый тип литой монеты? В: Древний мир 3 (Киев 2002), 33.

Онайко 1966: Н.А. Онайко, Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII - V вв. до н.э. Свод археологических источников, Д. 1, 27 (Москва 1966).

Оленковский 1977: Н.П. Оленковский, Работы Херсонского музея. В сб.: АО 1976 (Москва 1977), 374.

Ольговський 2021: С.Я. Ольговский, Нижньодніпровська Гілея античного часу. У зб.: БОРИСФЕНІКА-II: пам'яті В.В. Крутілова (археологічні дослідження острова Березань в контексті європейської історії). Матеріали міжнародної наукової конференції, 5-6 травня 2021 р. (Миколаїв 2021), 18-22.

Островерхов 1978: А.С. Островерхов, Экономические связи Ольвии, Березани, Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII - середина V вв. до н.э.). Автореф. дис. канд. ист. наук, (Киев 1978).

Островерхов 1979: А.С. Островерхов, К вопросу о сырьевой базе античного ремесленного производства в районе Днепровского и Бугского лиманов. ВДИ 3, 1979, 113-126.

Островерхов 1981: А.С. Островерхов, Ольвия и торговые пути Скифии. В сб.: Древности Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 84-94.

Отрешко 1979: В.М. Отрешко, К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху. В сб.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья: Цхалтубо – 77 (Тбилиси 1979), 151-158.

Отрешко 1994: В.М. Отрешко, Про основи економіки Березанського поселення. Археологія 2, 1994, 112-122.

Охотников, Островерхов 1993: С.Б. Охотников, А.С. Островерхов, Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином) (Киев 1993).

Пиворович 2000: В.Б. Пиворович, Древнейшие денежные знаки Северного Причерноморья. В: Летопись Причерноморья, 4 (Херсон 2000), 119-122.

Пиворович 2001: В.Б. Пиворович, Новые находки древнейших денежных знаков на острове Березань. В: Летопись Причерноморья, 5 (Херсон 2001), 149-152.

Пиворович 2009: В.Б. Пиворович, Монеты и клады Юга Украины (Херсон 2009).

Рубан 1980: В.В. Рубан, О датировке Ягорлыцкого поселения. В сб.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья (Киев 1980), 104-114.

Рубан 1982: В.В. Рубан, О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиновидных бронзовых монет на территории Нижнего Побужья. В сб.: Нумизматика античного Причерноморья (Киев 1982), 15-20.

Рубан 2009: В.В. Рубан, Заметки о расселении ионийских греков в Причерноморье. В сб.: Ольвийские древности: сб. научн. трудов памяти В.М. Отрешко (1949 - 1999) (Киев 2009), 147-150.

Рубан, Урсалов 1986: В.В. Рубан, В.Н. Урсалов, История денежного обращения на территории Борисфениды и Ольвии догетского времени. ВДИ 4, 1986, 31-53.

Русяева 1979: А.С. Русяева, Земледельческие культы Ольвии догетского времени (Киев 1979).

Русяева 1986: А.С. Русяева, Милет – Дидимы – Борисфен – Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья. ВДИ 2, 1986, 25-64.

Русяева 1998: А.С. Русяева, К вопросу об основании ионийцами Ольвии. ВДИ 1, 1998, 160-170.

Русяева 2005: А.С. Русяева, Религия понтийских эллинов в античную эпоху: Мифы. Святилища. Культы олимпийских богов и героев (Киев 2005).

Скржинская 1981: М.В. Скржинская, О происхождении названия города Ольвии. ВДИ 3, 1981, 142-147.

Снитко 2012: І.О. Снитко, Ще раз про межі Ольвійського поліса. Археологія 4, 2012, 31-42.

Снитко 2013: І.О. Снитко, Про соціально-демографічний та адміністративно-територіальний поділ Ольвійского поліса. Археологія 2, 2013, 3-14.

Снитко 2014: І.О. Снитко, Характер і динаміка економічних стосунків Ольвії з містами Іонії в VI-V ст. до н.е. та початок формування внутрішньопонтійського ринку. Археологія 2, 2014, 17-28.

Снитко 2021: І. Снитко, Роль Борисфена в сакральній історії Ольвійського полісу за античної доби. У зб.: БОРИСФЕНІКА ІІ: пам'яті В.В. Крутілова (Археологічні дослідження острова Березань у контексті європейської історії). Матеріали міжнародної наукової конференції, 5-6 травня 2021 р. (Миколаїв 2021), 31-33.

Снытко, Бондаренко 2019: И.А. Снытко, А.А. Бондаренко, Монетные сегменты - весовые гирьки Ольвийского полиса IV-III вв. до н.э. Tyragetia s.n. XIII/1, 2019, 363-371.

Соловьёв 2000: С.Л. Соловьёв, Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия. В сб.: Античное Причерноморье (Санкт-Петербург 2000), 93-109.

Соловьёв 2010: С.Л. Соловьёв, Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. Борисфен – Березань (Санкт-Петербург 2010).

Чистов 2020: Д.Е. Чистов, Землянки, хижины, дома: заметки о начальном периоде греческой урбанизации Северного Причерноморья. Археологические вести 29, 2020, 111-128.

Чистов 2021: Д. Чистов, Участок «О-Западный» античного поселения на о. Березань: основные итоги исследований 1991 – 2018 гг. У зб.: БОРИСФЕНІКА-ІІ: пам'яті В.В. Крутілова (археологічні дослідження острова Березань в контексті європейської історії). Матеріали міжнародної наукової конференції, 5-6 травня 2021 р. (Миколаїв 2021), 38-42.

Шрамко 2018: І.В. Шрамко, Дослідження західного укріплення Більського городища у 2017 р. У зб.: Археологічні дослідження Більського городища – 2017 (Київ-Котельва 2018), 24-41.

Щеглов 1990: А.Н. Щеглов, Северопонтийская торговля хлебом во второй половине VII - V вв. до н.э.: письменные источники и археология. В сб.: Причерноморье в VII - V вв. до н.э.: письменные источники и археология. Материалы V Международного симпозиума по древней истории Причерноморья: Вани – 1987 (Тбилиси 1990), 99-121.

Яйленко 1982: В.П. Яйленко, Греческая колонизация VII - III вв. до н.э. (Москва 1982).

Яйленко 2017: В.П. Яйленко, История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса, Боспора VII в. до н.э. - VII в. н.э. (Санкт-Петербург 2017).

Chistov 2019: D. Chistov, The Chronology of Arrowhead and Dolphin-Shaped Monetary Signs from Berezan. In: Settlements and Necropoleis of the Black Sea and its Hinterland in Antiquity. Select papers from the Third International Conference "The Black Sea in Antiquity and Tekkeköy: An Ancient settlement on the Southern Black Sea Coast", 27-29 October 2017, Tekkeköy, Samsun (Oxford 2019), 99-107.

Erhardt 1983: N. Erhardt, Milet und seine Kolonien (Frankfurt am Mein - Lang - Bern - N. Y. 1983).

Graham 1971: A.J. Graham, Colony and Mother City of Ancient Greece (Manchester 1971).

IOSPE: B. Latyschev, Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae (Petropoli 1916).

Milet: Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1899.

Stingl 2005: T. Stingl, Frühe bronsene Geldformen im Nordvestlichen Schwarzmeerraum. In: Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität (Rahden 2005), 119-123.

Solovyov 2006: S.L. Solovyov, Monetary Circulation at the Political history of Archaic Borysthenes. In: Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 12, 1-2 (Leiden 2006), 63-75.

Rau 1929: P. Rau, Die Gräber der frühen eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur chronologie der skythischen pfeilspitze (Pokrowsk 1929).

Syll.³: W. Dittenberger, Sylloge inscriptionum Graecarum. Vol. I-IV. Ed. 3 (Leipzig 1915-1924).

Verner 1971: R. Verner, Probleme der Rechtsbeziehungen zwischen Metropolis und Apoikie. Chiron 1, 1971, 19-73.

Cu privire la problema formării statului olbiopolitan în procesul colonizării greceşti a regiunii Bugului Inferior în secolul VII - începutul secolului V a. Chr.

Cuvinte-cheie: Boristene, Berzan, Olbia, polis, hora, colonizare grecească, emporiu, apoikie.

Rezumat: În prezentul articol sunt discutate problemele cu privire la procesul de colonizare grecească a regiunii Bugului Inferior în epoca arhaică. Sunt analizate unele subiecte legate de evoluţia istorică, orânduirea statală şi dezvoltarea economică a coloniştilor greci în sec. VII-V a. Chr. În urma cercetărilor, autorii se raliază la concluzia că centrul polisului de la Bugul Inferior a fost, chiar de la început, Olbia. Berezan însă a fost întemeiat către mijlocul sec. VII a. Chr., fiind un emporiu al Miletului, prin intermediul căruia erau realizate schimburile comerciale cu triburile locale şi dobândită materia primă pentru metropolă. Odată cu întemeierea statului olbiopolitan, aşezarea de pe insula Berezan a intrat în componenţa lui, servind drept centru meşteşugăresc, port maritim şi emporiu al olbiopoliţilor.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. 1 - Segment cu trei peşti-săgeată (bronz, 49,77 g, 53 mm); 2 - segment cu doi peşti-săgeată (bronz, 43,95 g, 50 mm); 3 - delfin (bronz, 85,1 g, 81 mm).

Fig. 2. 1 - Monedă-săgeată (4,23 g, 34 mm); 2 - peşte-săgeată; 3 - peşte-săgeată (1,53 g, 30 mm); 4 - monedă-săgeată (2,81 g, 28 mm); 5 - monedă peşte-săgeată (4,37 g, 43 mm); 6 - monedă-săgeată, pe revers: inscripţia APIX (3,21 g, 33 mm).

To the problem of the formation of the Olbian state in the process of the Greek colonization of the Lower Bug territory in the 7th century and the beginning of the 5th century BC

Keywords: Borysthenes, Berezan, Olbia, polis, chora, Greek colonization, emporium, apoikia.

Abstract: The proposed article deals with the issues of Greek colonization of the Lower Bug region in the archaic period. Separate issues related to the historical development, state structure and economic activity of the Greek colonists in the 7th-5th centuries BC are analyzed. As a result of the historical review, the authors join the conclusion that Olbia was the center of the polis in the Lower Bug region from the very beginning. Berezan was founded in the middle of the 7th century BC, as an emporium of Miletus, for trade exchange with local tribes and extraction of raw materials for the metropolis. During the founding of the Olbian state, it included a settlement on the island of Berezan, which served as a craft center, seaport and trade emporia of the Olbiopolites.

List of illustrations:

Fig. 1. 1 - Segment with 3 arrow-fish coins (bronze, 49.77 g, 53 mm); 2 - segment with 2 arrow-fish coins (bronze, 43.95 g, 50 mm); 3 - big dolphin coin (bronze, 85.1 g, 81 mm).

Fig. 2. 1 - Traditional arrow coin (4.23 g, 34 mm); 2 - arrow-fish; 3 - arrow-fish (1.53 g, 30 mm); 4 - arrow coin (2.81 g, 28 mm); 5 - arrow-fish coin (4.37 g, 43 mm); 6 - arrow coin with the inscription APIX (3.21 g, 33 mm).

26.02.2022

Др. Иван Снытко, Николаевский областной краеведческий музей, ул. Набережная-29, 54001 Николаев, Украина, https://orcid.org/0000-0003-3300-5679, e-mail: maharadze_v@mail.ru

Др. Евгений Туровский, Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический», ул. Древняя-1, 299045, Севастополь, e-mail: tuevgenij@yandex.ru

CONEXIUNILE SPAȚIULUI EST-CARPATIC CU LUMEA VIKINGĂ: O NOUĂ BUTEROLĂ DIN EPOCA MEDIEVALĂ TIMPURIE, DESCOPERITĂ ÎN MOLDOVA[1]

Ion Tentiuc, Octavian Munteanu

Cuvinte-cheie: vârf de teacă, evul mediu timpuriu, spaţiul carpato-nistrean, ornament animalier scandinav, semantică, cronologie, perioada vikingă.

Generalităţi

Având în vedere că vom discuta o piesă rar documentată în spaţiile noastre, dar care este suficient de bine ancorată în realităţile ce definesc evul mediu timpuriu din spaţiul nord-european, considerăm oportună o succintă trecere în revistă a proceselor şi fenomenelor definitorii pentru această perioadă. Astfel, constatăm că schimbările care s-au produs în societatea europeană în cursul secolelor IX-XI au modificat din temelie paradigma evoluţiei comunităţilor umane din întreg spaţiul continental. Printre cauzele care au contribuit în mod esenţial la dezvoltarea social-economică ascendentă şi la importantele modificări politice ale Europei de la sfârşitul mileniului I - începutul mileniului II, cercetătorii au evidenţiat în mod deosebit schimbările climaterice. Încălzirea accentuată a vremii, legată de „micul optimum climatic medieval" din anii 800-1300 (Diaz et al. 2011; Trouet et al. 2009; Goosse et al. 2006; Fairbridge 2005; Mann 2002), a stimulat foarte mult dezvoltarea agriculturii şi a meşteşugurilor (Beeson et al. 2001; Bosker et al. 2013; Maloney, Caicedo 2015; Шевеленко 1992, 34-62), iar Europa occidentală intra într-o fază lungă de progrese, care va genera civilizaţia actuală, fiind desemnată ca primăvara lumii. Avântul agriculturii a îmbunătăţit calitatea alimentaţiei, care, la rândul ei, a contribuit la sporul demografic surprinzător pentru Europa Centrală şi de Vest din această perioadă (Wallerstein 1992, 40-41). În domeniul negoţului s-a produs o adevărată „revoluţie comercială" (Lopez 1974; Braudel 1989, 113). Dinamizarea dezvoltării meşteşugurilor şi a comerţului, inovaţiile tehnologice, trendul ascendent în viaţa economică au condus la ceea ce cercetătorii numesc „veritabila înflorire" sau chiar „revoluţia urbană" europeană din secolele IX-XI (Braudel 1989, 109-112; Musset 1992, 85-88; Glaeser 2014; Gollin, Remi, Vollrath 2016; Andersen, Jensen, Skovsgaard 2016; Топоров 1980, 3-57; Кирпичников 2007, 83). Este perioada de geneză a majorităţii statelor moderne din Europa Occidentală şi Centrală, iar în spaţiul circumcarpatic, în acest interval de timp, apar primele menţiuni despre români şi despre formaţiunile politice de nivel regional ale acestora (Spinei 1997, 3-17).

Metamorfozele climatice şi suprapopularea de la sfârşitului mileniului I şi începutul mileniului al II-lea au generat admirabile energii sociale. În unele regiuni ale Eurasiei, acestea s-au manifestat prin puternice mişcări ale păstorilor nomazi şi ale agricultorilor sedentari. Dinspre răsărit, pe vechiul traseu al întinselor stepe euro-asiatice, în spaţiul nord şi nord-vest pontic pătrund ultimele valuri ale nomazilor turanici (Spinei 2009). În nordul continentului european, vikingii, meşteri pricepuţi, navigatori şi negustori iscusiţi, oşteni neînfricaţi, prospectează regiunile din vestul şi sudul continentului (Хейвуд 2019) în căutarea bogatelor tărâmuri despre care circulau numeroase poveşti în mitologia scandinavă[2] (Шаров 1997, 95-106; Lecoutex 2010, 15-17). Procesele social-economice, politice şi demografice care se produceau în vestul şi centrul continentului au fost resimţite puternic şi în Europa de Sud-Est, inclusiv în spaţiul carpato-nistrean (Teodor 2003, 491-494). Astfel, şi în

[1] Cercetare realizată în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal şi memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare".

[2] Vikingii din Norvegia şi Danemarca au înaintat spre vest, devastând regiuni întregi din Anglia (Musset 2002). În drumul lor, au vizitat insula Groenlanda, acoperită cu verdeaţă, iar Leif Ericson, fiul lui Eric cel Roşcat, pe la anul 1000, a descoperit continentul nord-american cu jumătate de mileniu înaintea lui Columb (Spinei 1985, 47; Spinei 2009, 47-97). La rândul lor, vikingii din Suedia, în căutarea bogatelor mătăsuri orientale şi a argintului (monetar) arab ieftin şi de înaltă calitate, s-au îndreptat de la Marea Baltică spre sud şi sud-est, spre regiunile din preajma Mării Negre şi Mării Caspice, urmând cursul vechilor itinerarii comerciale de-a lungul marilor fluvii ale celor două sisteme acvatice (Мельникова 2010, 43-57).

regiunile de la est de Carpaţi este documentată o creştere semnificativă a numărului de situri arheologice specifice pentru secolele IX-XI. Dimensiunile aşezărilor sunt neobişnuit de mari comparativ cu cele din perioada anterioară (Teodor 1990, 173-178; Spinei 1990, 105-106; Postică 2007, 22-26, 61-65; Tentiuc 2017, 39-43; Musteaţă 2021, 29-31). Revigorarea social-economică şi demografică din sud-estul Europei, inclusiv din regiunile de la est de Carpaţi, este pusă în legătură cu stabilitatea politică generală din secolele VIII şi IX. În stepele pontocaspice din acea perioadă apăruse şi se consolidase Caganatul hazar, care a instituit aşa-numita „pax hazarica". Statul hazar a temporizat, pentru circa două sute de ani, pătrunderea spre vest a nomazilor (Spinei 1985, 45-47), asigurând liniştea în regiune, iar încălzirea vremii a creat condiţii propice dezvoltării economiei şi creşterii demografice.

Prospectările arheologice întreprinse în ultimele decenii în regiunile carpato-nistrene au scos la lumină un număr important de vestigii care facilitează reconstituirea aspectelor social-economice, politico-militare, demografice şi culturale din perioada medievală timpurie. Aceste descoperiri au făcut cunoscute mult mai bine formele de viaţă, ocupaţiile de bază, nivelul social-economic, dar şi relaţiile comunităţilor locale romanice cu populaţiile migratoare pătrunse în regiune. S-a constatat că în secolele IX-XI spaţiul est-carpatic devenise o arenă de confruntare, dar şi de confluenţă, a două mari valuri migratoare – a nomazilor turanici, care pătrund dinspre răsărit, şi a vikingilor, care tranzitează aceste teritorii, venind dinspre nord (Spinei 2009, 47-97; Tentiuc 2020, 249-286). Investigaţiile au permis să se înţeleagă că, la cumpăna mileniilor I şi II, în spaţiul analizat a sporit numărul şi dimensiunile aşezărilor, iar în lungul marilor fluvii (Nistru, Prut, Siret etc.) şi ale afluenţilor acestora, pe podişurile dominante sau în ravenele dispuse perpendicular cursului apelor apar aşezări puternic fortificate cu şanţuri, valuri de pământ şi palisade din lemn. De rând cu diversificarea tipurilor de aşezări, augmentarea numărului şi a dimensiunilor acestora, creşte neobişnuit de mult calitatea vieţii. Aceasta este reflectată atât de nivelul culturii materiale, în general, cât şi, în particular, de cantitatea mare, calitatea înaltă şi diversitatea categoriilor de unelte, inclusiv a celor din metal[3]. Totodată, sporeşte mult numărul şi diversitatea categoriilor de arme şi echipament militar, confecţionate din fier de calitate înaltă. Articolele din aur, argint sau bronz, reprezentând în mare parte obiecte de podoabă, piese de vestimentaţie şi de cult, cunosc o răspândire fără precedent în regiune.

De rând cu importurile de origine bizantină, relativ modeste, un număr apreciabil de vestigii pătrund în regiune dinspre nordul continentului (Tentiuc 2020, 249-286; Tentiuc 2021, 13-14). Multitudinea armelor de fier şi a podoabelor din argint atribuite secolelor IX-XI, deseori a fost pusă în legătură cu evenimente de importanţă locală sau regională, cum ar fi luptele şi atacurile nomazilor împotriva Bizanţului sau campaniile militare ale principilor kieveni în Balcani (Yotov 2007, 321-327; Yotov 2018, 467-484; Атанасов 2000, 183-208; Фетисов 2018, 262-282). Cercetările recente au demonstrat că aceste fenomene sunt mult mai complexe, urmând să ne focalizăm, în cele ce urmează, pe unul dintre aspectele acestor probleme[4].

Dintre categoriile de arme şi echipament militar, specifice perioadei secolelor IX-XI, în Europa de Sud-Est se disting prin raritatea descoperirilor *spadele* şi *săbiile*. Considerate „arme nobile" şi de prestigiu, acestea în toate timpurile au constituit adevărate simboluri ale elitelor militare. În spaţiul carpato-dunăreano-pontic, spade au fost descoperite la Paşcani[5] (jud. Iaşi) (Spinei 2009, fig. 9/13), Albeşti (jud. Constanţa) (Yotov 2007, 327, fig. 4b; Yotov 2018, 473, fig. 12/2), Alba Iulia (jud. Alba), Vetiş (jud. Satu Mare) (Pinter 2007, 67-72, 77-78, fig. 33b; fig. 34a) etc. Unele dintre ele, cum ar fi spada de la Albeşti, poartă pe lamă inscripţia *„Ulfberht"*, ce poate aparţine atelierului unde a fost confecţionată (Yotov 2007, 321-327; Yotov 2018, 467-484; Кирпичников 2007, 82-90). Componente ale spadelor şi săbiilor, reprezentate prin gărzi din bronz sau fier, butoane pentru mâner sau vârfuri de teacă din fier, bronz sau argint, au fost descoperite la Dinogetia (jud. Tulcea) (Barnea 1967, 338, fig. 182/24, 184/20), Păcuiul lui Soare (jud. Constanţa) (Popa 1984, 431; Dejan 2015, 216, pl. 55), Alba Iulia (Horedt 1954, 497-499; Pinter 2007, 68), Echimăuţi (r-nul Rezina) (Федоров 1952a, 86; Федоров, Чеботаренко

[3] În toate perioadele istorice, inclusiv în evul mediu timpuriu, orice metal era considerat un material de lux (Drâmba 1998, 121).

[4] Aşa cum unele aspecte ale prezenţei uneltelor de fier din această perioadă în spaţiul carpato-nistrean au fost abordate de noi anterior (Tentiuc 2017; Tentiuc 2020, 249-286; Tentiuc, Bubulici 2020, 255-280), aici vom analiza problema unor categorii de arme.

[5] Tot de la Paşcani, de pe Siret, provine şi un frumos coif viking, care se păstrează în fondurile Complexului Muzeal Naţional „Moldova" din Iaşi.

1974, 90, рис. 17/2), Bârlad (jud. Vaslui) (Spinei 1973b, 277), Fundu Herţii (jud. Botoşani) (Petrescu-Dîmboviţa, Teodor 1987, 36, fig. 33/7), Ruhotin-Corneşti (r-nul Hotin, reg. Cernăuţi) (Калиниченко 2017, 82-84, рис. 7/1-2) etc. O parte dintre aceste vestigii au fost apreciate ca fiind de factură bizantină sau hazară, cele mai multe dovedindu-se a fi de origine[6] nord-europeană (Pinter 2007, 75-76, 107-110).

O categorie aparte de vestigii, strâns conectate cu descoperirile de spade şi săbii, o reprezintă vârfurile de teacă. În toate timpurile funcţionalitatea tecilor era determinată de necesitatea protejării lamei spadelor, săbiilor, pumnalelor sau a cuţitelor mari, cu apărători speciale realizate din lemn, stofă şi piele. Cele mai multe teci aveau partea superioară şi inferioară – gura şi vârful tecii – fortificată cu elemente din metal. Acestea din urmă fac parte din categoria puţinelor detalii ale tecilor recuperate în procesul săpăturilor arheologice. În perioada medievală timpurie, vârfurile de teacă realizate prin turnare sau batere din tablă de bronz, mai rar din fier sau argint, au fost transformate în adevărate podoabe ale armelor. Decorul lor se distinge prin originalitate, eleganţă şi rafinament, imprimându-le şi o puternică încărcătură simbolică. Turnate în forme speciale, având faţa ajurată/traforată sau plină, acoperite cu ornament incizat sau în relief, acestea întruchipau gusturile estetice şi predilecţiile elitelor vremii în materie de frumos. Pentru perioada secolelor IX-XI şi XII-XIII, cele mai multe buterole au fost identificate în nordul continentului european, în ţările scandinave şi pe ţărmurile de sud şi sud-est ale Mării Baltice (fig. 6, Arne 1913; Paulsen 1953; Корзухина 1950, 63-94; Kazakevičius 1992, 97-107; Sikora 2003, 11-38). Apariţia, în secolele IX-XI, a vârfurilor de teacă în Europa Centrală şi de Răsărit, în nord-vestul Rusiei, în Polonia, Letonia, Belarus, Ucraina etc., a fost pusă în legătură directă cu influenţa culturii scandinave din epoca vikingă (Михайлов, Носов 2002, 136), dar în primul rând, cu pătrunderea sau cu prezenţa acestora în anumite regiuni ale Europei de Nord, Centrale, de Est şi de Sud-Est (Корзухина 1950, 63-94; Yotov 2007, 321-327). Unii cercetători au încercat să atribuie vârfurile de teacă slavilor (Sikora 2003, 34-35), fapt pus la îndoială în mod argumentat de către alţi specialişti (Каинов 2009, 181-182).

[6] Un număr important de arme scandinave au fost identificate în aşezarea fortificată de la Ruhotin-Corneşti (r-nul Hotin, reg. Cernăuţi), atribuită de autori secolelor VIII-X (Пивоваров, Калініченко 2013, 23-42).

Fig. 1. Harta cu locul descoperirii vârfului de teacă de la Mîrzoaia.

Numărul semnificativ de buterole, identificate în nordul continentului, a condus la elaborarea unor importante sistematizări tipologice ale vârfurilor de teacă din perioada medievală timpurie. La baza clasificărilor au fost puse motivul şi stilurile ornamentale (zoomorf, ornitomorf sau antropomorf), dar şi particularităţile morfologice ale pieselor (forma vestigiilor corelată cu elementele decorului) (Arne 1913; Paulsen 1953; Корзухина 1950, 63-94; Кулаков 1989, 61-70; Ениосова 1994, 100-121; Hedensterna-Jonson 2002, 103-112; Каинов 2009, 79-110; Андрощук 2013, 106-118). Investigaţiile din ultimele decenii au fost orientate spre armonizarea seriilor tipologice şi încadrarea noilor artefacte în sistematizările existente, spre decriptarea semanticii decorului de pe vârfurile de teacă (Кулаков 1989, 61-70; Каинов 2009, 79-110) sau spre evidenţierea particularităţilor motivelor şi ale stilurilor decorative de pe acestea (Андрощук 2013, 106-118). A fost demonstrată legătura strânsă dintre ornamentica de pe buterole (ca şi de pe unele pietre runice, steaguri, piese de podoabă din metale nobile sau colorate etc.) şi diferite motive din bogata mitologie nord-europeană (Paulsen 1957, 1-42; Fuglesang 1977, 73-94; Bailey 1985, 53-64; Кулаков 1989, 61-70; Кулаков, Иов 2001, 77-84).

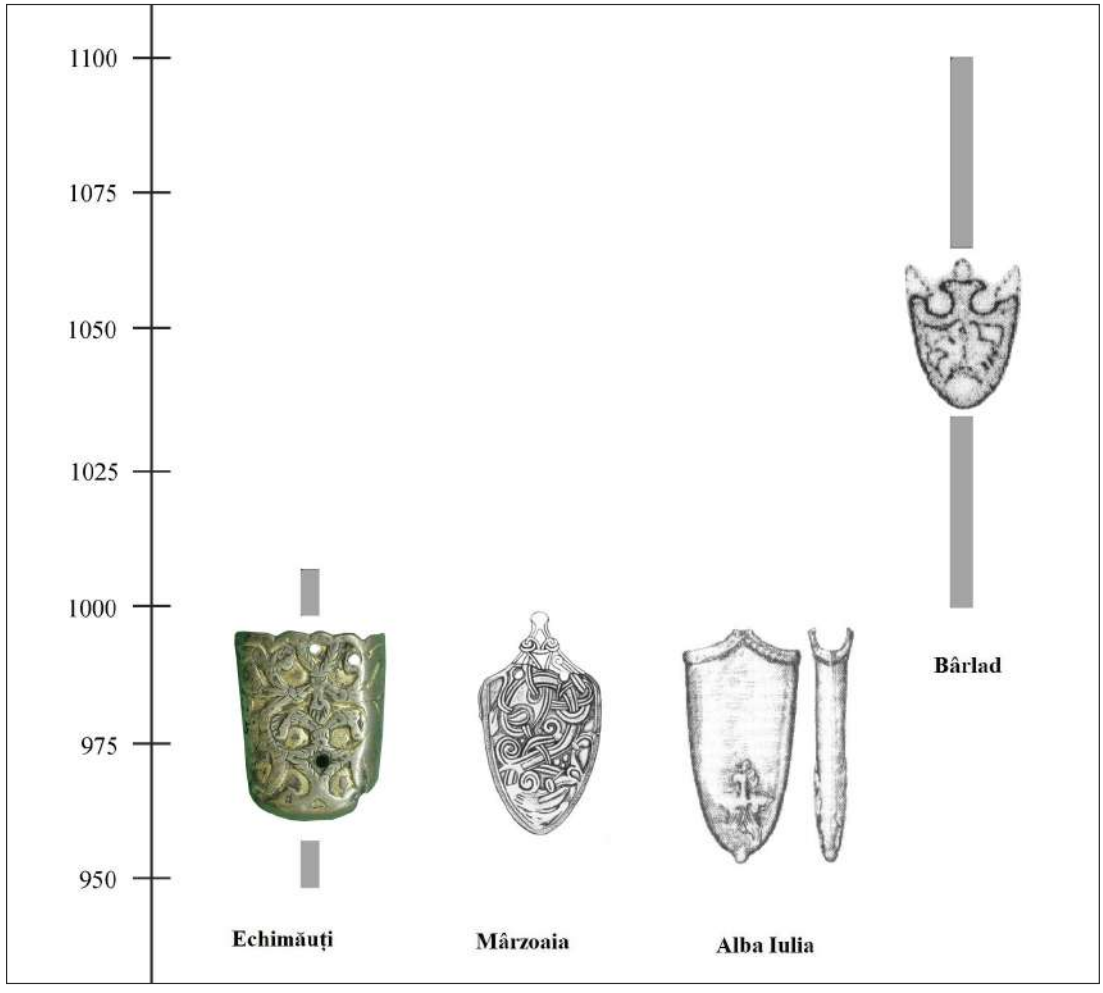


Fig. 2. Vârful de teacă de la Mîrzoaia în cadrul tipo-cronologic al pieselor din spațiul carpato-danubiano-pontic.

Câteva buterole din perioada medievală timpurie au fost descoperite și în spațiul carpato-danubiano-pontic (fig. 2). În circuitul științific au fost incluse doar piesele de la Alba Iulia (jud. Alba) (Horedt 1954, 497-499; Pinter 2007, 68, 70, pl. 17/d) și de la Echimăuți[7] (r-nul Rezina) (Федоров 1953, 106, рис. 45/3; Tentiuc 2017, fig. 48; Niculiță 2018, 226, nr. 169). Un vârf de teacă din bronz aparținând secolelor XI-XII a fost menționat în apropiere de Bârlad (Spinei 1973b, 277). La acestea se adaugă o frumoasă piesă ce a fost identificată recent lângă localitatea Mîrzoaia, r-nul Nisporeni, în partea centrală a spațiului pruto-nistrean (fig. 1).

Descrierea buterolei de la Mîrzoaia

Descoperire fortuită. De pe suprafața sitului provin un șir de descoperiri ce au fost transmise arheologilor și care sunt atribuite mai multor orizonturi culturale. Certe sunt artefactele ancorate în perioada primelor secole și cele ce se datează cu epoca medievală, fiind posibilă admiterea localizării unor așezări din respectivele perioade[8]. Piesa pe care o prezentăm are forma quazi-

[7] De rând cu numărul important de vestigii privind metalurgia fierului (cuptoare pentru îmbogățirea minereului, furnale pentru reducerea minereului de fier, ateliere meșteșugărești), investigațiile arheologice din așezarea fortificată de plan circular de la Echimăuți au scos la lumină mai multe categorii de arme și armament din fier, bronz sau os, printre care și câteva vârfuri de teacă. Două dintre acestea au fost incluse în circuitul științific prin publicarea imaginilor foto: un vârf de teacă realizat din argint aurit având imaginate ornitomorfe (corbii sacri ai lui Odin – Huginn și Muninn - ?) (se păstrează în fondurile MNIM, nr. inv. FB 26449), și un altul din fier (Федоров 1953, 106, рис. 45/3; Федоров 1974, 119, рис. 38/5). Nu cunoaștem locul de păstrare al celei de-a doua piese, dar nici numărul exact de artefacte de acest fel, descoperite la Echimăuți. Vârful de teacă din argint aurit de la Echimăuți, de la care s-a păstrat doar una dintre părți, a fost atribuit ca aparținând unei teci de sabie (Федоров 1953, 106).

[8] O parte dintre piesele oferite de autorii descoperirilor au și fost puse în circuitul științific (Munteanu, Iarmulschi, Batog 2021; Munteanu, Iarmulschi, Batog 2022).

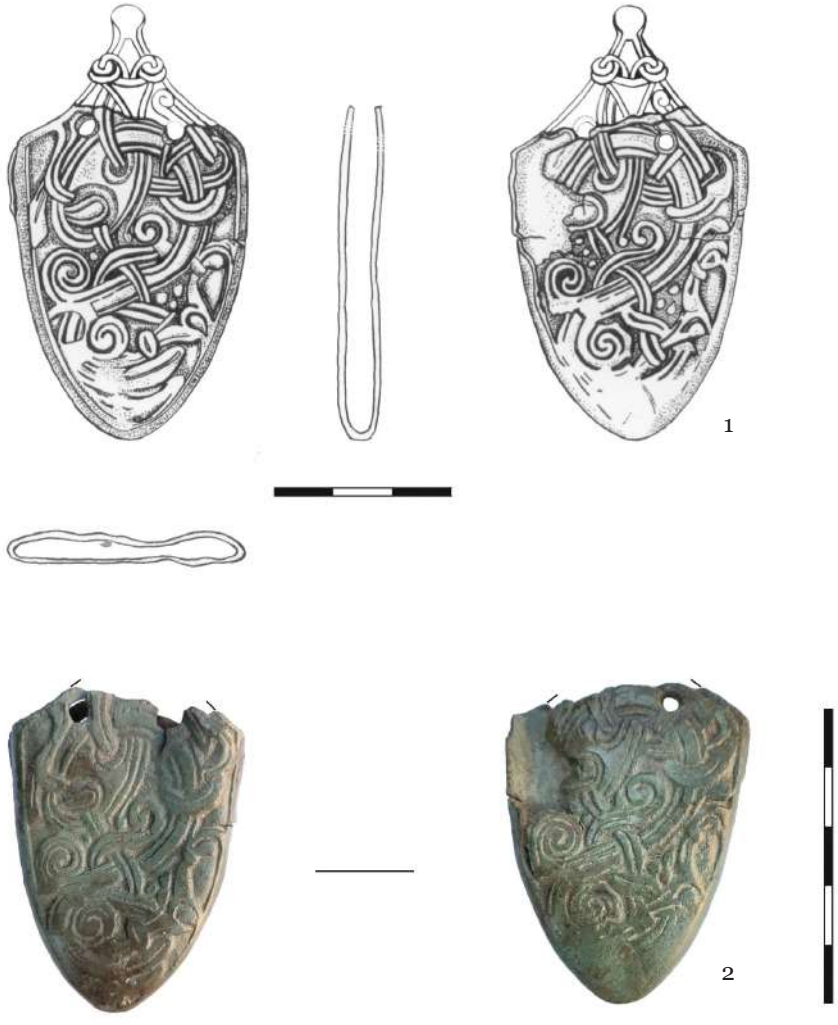


Fig. 3. Vârful de teacă de spadă de la Mîrzoaia (foto şi desen).

triunghiulară în plan şi a fost realizată dintr-un aliaj în care predomină *cuprul şi plumbul* (fig. 8). Starea de conservare a buterolei este relativ bună. Suprafaţa laturilor poartă evidente urme de uzură – semn de utilizare îndelungată. Partea superioară a vârfului de teacă, „coroana", a fost ruptă în vechime. La nivelul rupturii vechi, ambele suprafeţe ale piesei sunt străpunse de câte două orificii cu diametrul de 0,3 cm, situate la distanţa de 1,1 cm unul de altul (fig. 3). Partea inferioară a buterolei este rotunjită, uzată, fără protuberanţă. Dimensiunile piesei păstrate sunt: înălţimea – 5,5 cm, lăţimea maximă la nivelul gurii – 4,1 cm, grosimea – 0,7 cm, grosimea tablei din care este realizată buterola – 0,1 cm. Piesa de la Mîrzoaia aparţine tipului de vârfuri de teacă realizate prin turnare, având suprafaţa plină. Ambele laturi ale buterolei sunt acoperite cu decor aproape identic[9]. Acesta este constituit din benzi şi vrejuri împletite, ce sunt realizate în stilul ornamental scandinav *Jelling*. În partea centrală a decorului este reprezentată imaginea schematizată a unei fiare patrupede, realizată printr-o bandă relativ lată, cu contur dublu accentuat, puternic curbată, ce aminteşte forma literei „S". Corpul animalului este încolăcit cu un şir de benzi înguste, având capetele meandrate. Pe partea dreaptă a imaginii, în manieră pseudorealistă, este redată laba animalului care înşfacă rama de contur a suprafeţei ornamentate. Buterolele de acest tip, ce s-au păstrat integral, are reprezentat, în partea superioară, capul aplatizat al unui animal realizat în stilul *Borre* (fig. 2).

[9] Cele două laturi ale buterolei au fost turnate în forme diferite.

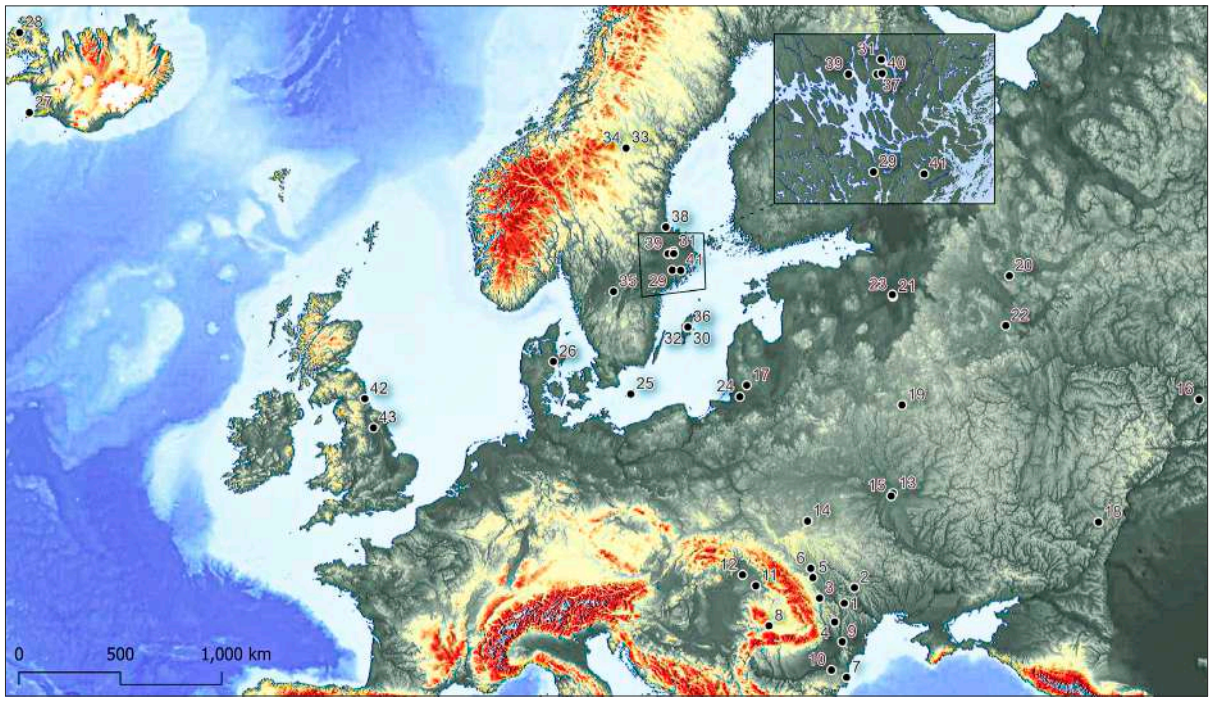


Fig. 4. Răspândirea siturilor menţionate în text. 1 - Mîrzoaia, Străşeni; 2 - Echimăuţi, Rezina; 3 - Paşcani, Iaşi; 4 - Bârlad; 5 - Fundu Herţii, Botoşani; 6 - Ruhotin-Corneşti, Hotin; 7 - Albeşti, Constanţa; 8 - Alba Iulia; 9 - Dinogetia, Tulcea; 10 - Păcuiul lui Soare, Constanţa; 11 - Vetiş, Satu Mare; 12 - Dombrádról, Szabolsz-Szatmar-Bereg megye, Ungaria; 13 - Gulbišče, Černigov, Ucraina; 14 - Listvin, Rovno, Ucraina; 15 - Šestovitza, Černigov, Ucraina; 16 - Biljarsk, Tatarstan; 17 - Žąsinas, Šilales, Lituania; 18 - Danilovka, Saratov, Rusia; 19 - Gnezdovo, Smolensk, Rusia; 20 - Leonovo, Priladojie, Rusia; 21 - Riurikovo gorodišče, Novgorod, Rusia; 22 - Uglici, Rusia; 23 - Velikij Novgorod, Rusia; 24 - Linkuhnen (Rjevskoe), Kaliningrad, Rusia; 25 - Bornholm, Østerlarsker, Danemarca; 26 - Iutland, Ødum, Danemarca; 27 - Hafurbjarnarsta, Islanda; 28 - Vestfirdir, Islanda; 29 - Birka, Suedia; 30 - Gotland, Suedia; 31 - Valsgärde, Suedia; 32 - Gotland, Suedia; 33 - Jämtland As, Rösta, Suedia; 34 - Jämtland As, Rösta, Suedia; 35 - Öland, Segerstad, Suedia; 36 - Sjonhem, Suedia; 37 - Uppland, Bondkyrka, Håga, Suedia; 38 - Uppland, Gryta, Gäve, Suedia; 39 - Uppland, Skogstibble, Onsike, Suedia; 40 - Uppland, Uppsala, Suedia; 41 - Uppland, Gamla, Uppsala, Suedia; 42 - Gosforth, Cumbria, Anglia; 43 - York, Anglia (Hartă realizată de către Cristian Corolenco).

Fiara de pe decorul central al grupului respectiv de vârfuri de teacă a fost interpretată de către cercetători ca fiind un câine sau un lup (Paulsen 1953, 175; Кулаков, Иов 2001, 78), iar iconografia scenei de luptă ar reprezenta *Fiara Uriașă,* încolăcită de *Marele Șarpe*, ambele făpturi fiind în legătură cu Apocalipsa *ragnarök-ului* și cu destinul final al omenirii din mitologia veche germanică (Лебедев 1985, 129-130; Успенский 2015, 17).

Analogii

Cele mai multe analogii pentru piesa de la Mîrzoaia le găsim în siturile arheologice din Europa de Nord și Centrală (fig. 4). Acestea sunt identificate frecvent în straturile culturale ale unor așezări fortificate din perioada medievală timpurie. Totuși cele mai multe buterole au fost descoperite în inventarul funerar al mormintelor. Din punct de vedere al elementelor de decor și al formei, cele mai apropiate analogii pentru vârful de teacă de la Mîrzoaia se observă la piesele de la Dombrádról[10] (Szabolsz-Szatmar-Bereg megye, Ungaria) (fig. 5/4), pe Tisa, identificate într-un mormânt de războinic (Dienes 1972, fig. 14), și la vârful de teacă descoperit în așezarea fortificată de la Listvin (reg. Rovno, Ucraina) (fig. 5/3) (Пелещишин, Чайка 1991, 141). Piese aparţinând aceluiași tip de buterole provin de la Linkuhnen (azi loc. Rjevskoe, reg. Kaliningrad, Rusia), pe Neman (fig. 5/2) (Kazakevicius 1992, 91-107; Kazakevicius 1998, 287-329), Žąsinas, Šilales, M 163 (fig. 5/6) (Kazakevicius 1998, 291, fig. 12/4) și de la Danilovka

[10] Aceasta, dar și un șir de alte piese similare, nu au fost incluse în Repertoriul vârfurilor de teacă din perioada vikingă, ci a fost elaborat într-o manieră detaliată de către F. Androščiuk (Андрощук 2013, 250-256). Aici, vezi *Tipul 6 a*, la p. 254-255 care cuprinde 28 de buterole.

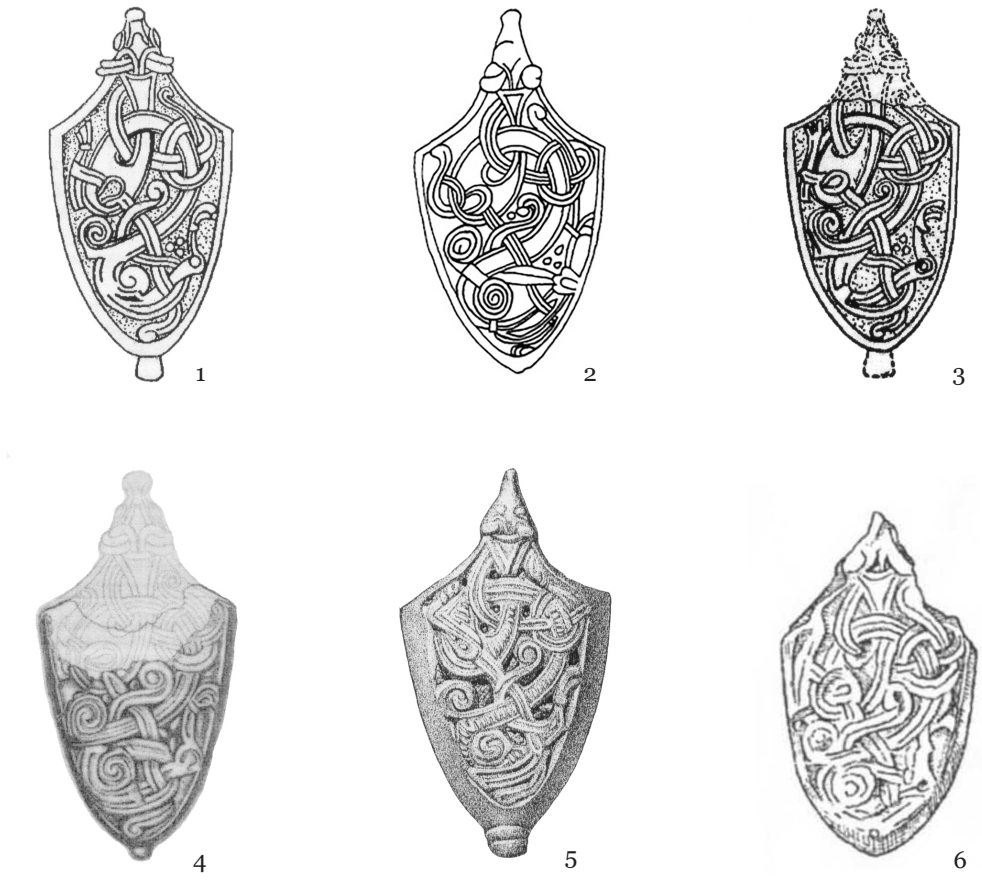


Fig. 5. Cele mai fidele analogii pentru buterola de la Mîrzoaia: 1 - Danilovka (după Kazakevičius 1998); 2 - Linkunen (după Кулаков 2001); 3 - Listvin (după Пелещишин, Чайка 1991); 4 - Dombrádról (după Diens 1972); 5 - Gnezdova (după Каинов 2009); 6 - Žąsinas (după Kazakevičius 1998).

(reg. Saratov, Rusia) , pe Volga (fig. 5/1) (Arne 1913, 48, fig. 2; Корзухина 1950, 49). Printre alte descoperiri de buterole cu decor similar sau asemănător celui de la Mîrzoaia, menţionăm piesele identificate la Riurikovo gorodišče, lângă Novgorod, pe Volhov (Михайлов, Носов 2002, 136-140, рис. 1/3) şi la Uglici, pe Volga Superioară (Томсинский 1999, 172, рис. 2/1). Analogii bune pentru astfel de buterole au mai fost descoperite în necropolele de la Šestovitza (reg. Černigov), pe Desna (Зоценко 2007, 90-99), la Gnezdovo (reg. Smolensk), pe Nipru (Каинов 2009, 79-110, рис. 9/1), la Gotland şi Birka (Suedia), pe lacul Mälaren (Paulsen 1953, 38; Hedensterna-Jonson 2002, 104, tabl. 1; Амбросиани, Андрощук 2006, 3-16) etc. Menţionăm că buterola bine conservată de la Danilovka (Arne 1913, 48, fig. 2) a servit în calitate de prototip pentru tabelele tipo-cronologice realizate de cercetători de-a lungul anilor (Paulsen 1953, 45-47, Abb. 42-43; Корзухина 1950, 66, табл. 1; Ениосова 1994, 100-121).

Aspecte tipologice, semantica ornamentului şi cronologia

Aspecte din tipologia buterolelor. Vârfurile de teacă din perioada medievală timpurie s-au bucurat de cercetarea atentă a specialiştilor. A fost realizată o analiză riguroasă a structurii morfologice a buterolelor, a ornamentului şi a semnificaţiei mitologice a decorului şi iconografiei de pe vârfurile de teacă (Fuglesang 1977, 73-94; Hedensterna-Jonson 2002, 107-112; Кулаков 1989, 61-70; Андрощук 2013, 101-118). Primele sistematizări ale acestei categorii de vestigii arheologice au fost realizate încă la începutul secolului al XX-lea (Arne 1913). Punând la bază particularităţile decorului, el a divizat buterolele în două grupe: scandinavă şi estică (Arne 1913, 377), cea din urmă caracterizându-se prin motivele ornitomorfe şi vegetale. O importantă contribuţie la evoluţia cunoaşteri buterolelor aparţine cercetătorului german Peter Paulsen, recunoscut a fi cel

mai autorizat specialist în domeniu. Tipologia propusă de P. Paulsen are la bază particularităţile stilistice ale decorului de pe buterole (Paulsen 1953, 37, 39, fig. 74). Pornind de la aceste criterii, cercetătorul a evidenţiat şapte tipuri de vârfuri de teacă: 1. buterole cu motiv ornitomorf germanic; 2. cu motivul animalului patruped; 3. cu palmetă orientală; 4. cu motivul „pasăre în medalion"; 5. cu motivul crucii cu vrejuri; 6. cu motivul pietrelor runice; 7. buterole scunde cu palmete, cruci sau fără acestea. În funcţie de motivul decorului de pe câmpul ornamental, P. Paulsen a distribuit cele circa 260 de vârfuri de teacă, avute la dispoziţie, în două mari familii de piese. În prima a inclus artefactele cu imagini ornitomorfe, iar în cea de-a doua – piesele cu ornament animalier[11]. Buterolele cu decor animalier, cum este şi piesa de la Mîrzoaia, au fost structurate, la rândul lor, din punct de vedere al răspândirii geografice, în patru grupuri şi subgrupuri. Au fost evidenţiate: 1. „grupul scandinav"; 2. „grupul suedez"; 3. „grupul baltic cu decor animalier"; 4. „grupul cu fiara încolăcită şi palmetă" – toate atribuite secolului al X-lea (Paulsen 1953, 35-37). Analiza comparată a elementelor ornamentului a permis să constatăm, după cum am menţionat mai sus, că vârful de teacă de la Mîrzoaia face parte din familia vestigiilor „cu decor animalier scandinav". Acesta a fost realizat în stilul *Jelling,* reprezentând o fiară din mitologia nord-europeană. Respectiva categorie de piese a fost încadrată în „grupul scandinav" conform clasificării propuse de P. Paulsen (Paulsen 1953, 35-37), sau *tipul VI.a* de buterole „cu motivul pietrelor runice", conform clasificării lui Androshchuk (Андрощук 2013, 106-109).

Semantica ornamentului. Decorul buterolei de la Mîrzoaia este realizat în stilul *Jelling,* cu elemente ale stilului *Borre.* Pornind de la faptul că în perioada medievală mentalitatea colectivă era încărcată de superstiţii şi era profund religioasă, elementele ornamentale de pe vârfurile de teacă au fost analizate de cercetători din perspectiva corelării lor cu anumite motive din mitologia germanică veche. Pornind de la această premisă, imaginea animalului pe ornamentica buterolelor din spaţiul nord-european a fost apreciată ca reprezentând o fiară din bestiarul mitologic scandinav (Лебедев 1985, 127-130) – *Fiara Uriaşă,* sau unul dintre animalele care participă la ultima luptă a zeilor în *Ziua Ragnarök* (Paulsen 1953, 175; Кулаков 1989, 68; Кулаков, Иов 2001, 81-82; Успенский 2015, 14-47). Totodată, a fost enunţată ipoteza că decorul animalier de pe anumite vârfuri de teacă, în special de pe cele ce aparţin grupurilor „suedez" şi „scandinav", ar fi putut să-l reprezinte pe Fenrir din mitologia nordică (Кулаков 1989, 68). Imaginea acestuia apare frecvent în poemele islandeze şi norvegiene din secolele X-XI, cum ar fi marele poem eddic *Völuspá* (Profeţiile Clarvăzătoarei) din manuscrisul *Codex Regius* şi din *Edda Veche* (Пуришев 1974, 103-108; Kernbach 1995, 171) sau *Völsunga saga*, (Crossley-Holland 2018, 68-74; Биркетт 2021, 140-179). Acestea evocă evenimente şi personaje din mitologia nord-europeană, Fenrir fiind un lup sau un monstru htonic, fiul lui Loki[12] şi al unei uriaşe cu numele Angrboda (Eliade 1991, 152-167; Lecouteux 2010, 67-68; Биркетт 2021, 123-126). Prorocirile i-au prezis că va fi cel care va aduce sfârşitul zeilor şi, atunci când Fenrir a crescut înspăimântător de mult, transformându-se în acea *Fiară Uriaşă* din prorociri, zeii au recurs la un vicleşug prin care l-au legat pe Fenrir de stâncă cu un lanţ magic, înfigându-i o spadă în gură (Gaiman 2017, 78-86). Conform mitului, acesta era sortit să rămână acolo până la sfârşitul lumii zeilor şi al oamenilor, eveniment care ar fi urmat să se întâmple în *Ziua Ragnarök*[13] – ziua când din lume va dispărea magia. *Ragnarök*-ul, în mitologia nordică, este sfârşitul a tot ce există – o adevărată Apocalipsă, după care ar urma înnoirea totală a lumii (Lecouteux 2010, 13-14; Gaiman 2017, 225-233; Биркетт 2021, 126) prin *„zeii tineri*", urmaşi ai vechilor zei, care ar supravieţui sfârşitului lumii. Conform mitologiei scandinave, în *Ziua Ragnarök,* uriaşul lup Fenrir va rupe

[11] În ultimii ani, cercetătorii au evidenţiat o categorie de vârfuri de teacă, decorate cu reprezentări *antropomorfe* (Ениосова 1994, 100-121; Кулаков, Иов 2001, 77-84; Зоценко 2007, 90-99; Каинов 2009, 79-110). Au fost propuse interpretări ale acestui decor, în care este văzut chipul zeului Odin sau cel al lui Iisus Christos (Fuglesang 1977, 73-94; Hedensterna-Jonson 2002, 103-112).

[12] Mitologia scandinavă îl prezintă pe Loki ca pe un personaj ambivalent, având comportament derutant. Apropiat al zeilor, locuind cu ei în *Asgard*, luptă alături de ei cu uriaşii, însă, în *Ziua Ragnarök,* acesta trece de partea uriaşilor şi monştrilor, luptând împotriva zeilor. M. Eliade menţiona: *„Natura demonică a lui Loki este confirmată de progeniturile lui: fiii lui sunt lupul Fenrir şi Marele Şarpe, dar şi Hel, stăpâna tristei ţări în care merg morţii ce nu au acces în Valhala, care îi este fiică*" (Eliade 1992, 165).

[13] În mitologia nordică, *Ziua Ragnarök* reprezintă sfârşitul lumii zeilor şi a oamenilor. Moartea zeilor în această zi este reprezentată în capodopera poeziei scandinave şi a literaturii universale, poemul islandez *Völuspá*. Richard Wagner i-a dedicat o operă *„Amurgul zeilor"=„Götterdommerung"*. O altă sagă, *Völsunga saga,* l-a inspirat pentru a scrie tetralogia *„Inelul Nibelungilor"*.

lanţul cu care a fost legat, va devora Soarele şi Luna, îl va înghiţi pe zeul suprem, pe regele zeilor vikingi Odin/Wodan – protector al eroilor şi stăpân al *Walhallei*. În felul acesta, va fi pus capăt existenţei zeilor. Până la urmă, Fenrir va fi ucis de către Vidar, fiul lui Odin, „zeul tânăr", care va înfige în mandibula monstrului uriaş un pantof (Eliade 1991, II, 161; Gaiman 2017, 230).

În mitologia germanică veche, legenda despre lupul Fenrir cuprinde două elemente esenţiale. Primul este legat de evenimentul de început, când, pentru a preveni un dezastru în urma creşterii ameninţătoare a lupului uriaş, acesta a fost legat de către zei cu un lanţ magic. Cel de-al doilea reflectă sfârşitul, apoteoza Apocalipsei, *Ziua Ragnarök*, când cutremurele şi haosul vor fi cuprins lumea zeilor, distrugând totul, iar Fenrir ar rupe lanţul magic cu care a fost legat. Unii cercetători consideră că pe vârfurile de teacă cu ornament animalier, la fel ca şi pe pietrele runice, acolo unde fiara are corpul realizat în formă de bandă curbată, este reprezentată scena apocaliptică din *Ziua Ragnarök*. Decorul îl reprezenta pe Fenrir având corpul încordat, îndoit în forma literei „S", în momentul când fiara dezlănţuită rupe lanţul magic cu care era legată[14] (Кулаков, Иов 2001, 78). În cazul buterolei de la Mîrzoaia, la fel ca şi pe vârfurile de teacă din „grupul suedez", lanţul magic pare a fi reprezentat de benzile înguste, cu capetele meandrate, care înfăşoară corpul monstrului fatidic.

O altă ipoteză presupune că corpul în formă de bandă lată, cu contur dublu, poate fi interpretat ca reprezentând Dragonul sau Şarpele mitologic universal (Лебедев 1985, 129; Кулаков 1989, 68-69; Успенский 2015, 17). Supoziţia este una logică pentru că, pe de o parte, în bestiarul nordic, *Midgardhr*-ul, tărâmul de mijloc, lumea oamenilor, a piticilor şi a uriaşilor, este înconjurat de un şarpe gigantic[15] – *Jörmungandr*, *Marele Şarpe*. Acesta este fratele lupului Fenrir şi al lui Hel, zeiţa Infernului (Kernbach 1995, 362 sub voce; Gaiman 2017, 24-26); Lecouteux 2010, 92, 119-120). Pe de altă parte, buterolele de acest tip, „cu motivul pietrelor runice", pe lângă banda lată ce reprezintă figura centrală a fiarei, realizată în stilul scandinav *Jelling*, au reprezentat în partea superioară, relativ realist, capul turtit al unui animal, cu botul ridicat în sus şi ochii mari, redat în stilul *Borre*. Acest animal a fost identificat cu lupul Fenrir sau *Fiara Uriaşă* (Кулаков, Иов 2001, 77-84). Este foarte probabil ca pe buterola de la Mîrzoaia să avem redat anume acest chip, în aceeaşi manieră – pseudorealistă – labele lupului uriaş Fenrir înşfăcând rama de contur a suprafeţei ornamentate a vârfului de teacă.

Este la fel de posibil ca benzile înguste, înfăşurate în jurul corpului fiarei, în forma în care ele apar pe acest tip de buterole, să reprezinte lanţul magic *Gleipnir,* cu care a fost legată *Fiara Uriaşă* pentru a fi neutralizată. Totodată, banda lată, cu contur dublu, îl poate imagina pe *Marele Şarpe*, Şarpele eshatologic, în calitate de protector al tărâmului plin de nesiguranţă al oamenilor din mitologia indo-europeană. Chiar dacă *Marele Şarpe* în mitologia indo-europeană (Eliade 1992, 164-165) şi în tradiţiile multor popoare ale lumii (Kernbach 1995, 599) este un vechi prieten al oamenilor[16], acesta, la un moment dat, din prieten poate deveni duşman şi poate conduce la pieirea omenirii (Vulcănescu 1985, 521-525).

Aceeaşi ipostază a animalului, redat de data aceasta în stilul *Ringerike,* cu corpul răsucit în forma literei „S"[17], însă cu capul întors spre spate pentru a se apăra de un duşman imaginar, este reprezentată pe o dală de piatră incastrată în peretele bisericii St. Mary's Church din Gosforth (Cumbria, Anglia) (fig. 6/1). Tot aici, pe o coloană de piatră încununată cu cruce vikingă [18], apare reprezentată *Crucificarea lui Iisus Christos* (Eliade 1992, 167; Bailey 1985, 53-64; Miller 2012).

[14] Bestiarul mitologic scandinav evidenţiază pentru cele trei stihii (elemente primare) ale lumii, anumite specii de animale: pentru pământ – lupul sau câinele; pentru ape – dragonul sau şarpele, iar pentru aer/ceruri – corbul/vulturul sau cocoşul (Топоров 1980, 52; Кулаков 1989, 63-67).

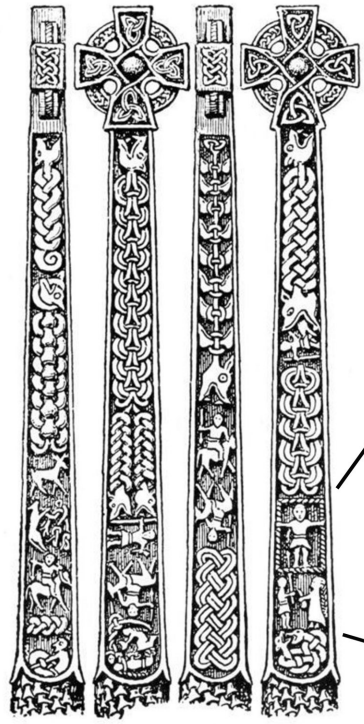
[15] *Marele Şarpe*, sau *Şarpele din Midgardr*, este cel care asigură coerenţa orizontală, pe când *Yggdrasill*, Arborele Cosmic (Pomul Vieţii, în tradiţia populară românească), asigură coerenţa verticală a universului în mitologia scandinavă (Lecouteux 2010, 209).

[16] În tradiţia populară românească, şarpele apare în calitate de protector al casei (vezi: Vulcănescu 1985, 521-525).

[17] Ipostaza animalului cu corpul răsucit în forma literei „S" apare pe pandantivele cu decor zoomorf scandinav *„de tip gnezdovo"* (Дементьева 2007, 211-271), dar şi pe alte vestigii (vezi tiparul din bronz cu decor animalier asemănător, de la Păcuiul lui Soare (cf. Diaconu, Vîlceanu 1967, 158-159, fig. 64; Diaconu 1986, 115-121, fig. 1/1). O piesă cu această reprezentare a fost descoperită în tezaurul mixt de la Alcedar, în anul 2008 (Рябцева, Тельнов 2010, 285-300; Tentiuc, Bubulici 2021, 141-153). Un pandantiv din bronz, de formă romboidală, cu ornament animalier asemănător, având rune scandinave incizate pe verso, a fost găsit în preajma aceluiaşi sit în anul 2018 (Бондарь 2021a, 158-159; Бондарь 2021b, 190-208. Vezi, mai nou, Бондарь 2022, 150-168).

[18] Coloana de piatră încununată cu cruce în cerc de la Gosforth, este un adevărat stâlp cosmic, un arbore a lumii, numit de Mircea Eliade adevărată „ideogramă a mitologiei scandinave" (Eliade 1992, 167).

1



2

3

4

Fig. 6. Pietre memoriale cu decor „șarpe runic". 1, 2 - Gosforth, Cumbria, Anglia (1 - după Janson 2013; 2 - după Collingwood 1927); 3 - Jelling, Danemarca (copia colorată din expoziția Vikingilor de la Muzeul Național al Danemarcii); 4 - Sjonhem, Gotland, Suedia (după https://en.wikipedia.org/wiki/Varangian_runestones).

Atribuită secolului al X-lea (fig. 6/2), piatra cu *Crucificarea lui Iisus Christos* de la Gasforth este considerată de M. Eliade a fi „cea mai impresionantă descriere a *Ragnarök*-ului, sculptată pe o cruce de piatră", comparată cu inegalabilul poem epic *Beowulf*, compus în Anglia în secolul al VIII-lea. Acest decor nord-european apare şi pe pandantivele de „tip Gnezdovo" descoperite la Alcedar (r-nul Şoldăneşti) (Рябцева, Тельнов 2010, 285-300; Бондарь 2021b, 190-208), prin care este posibil să fie reprezentat tărâmul de mijloc, *Midgardr*-ul, lumea fragilă şi plină de nesiguranţă a primilor oameni (Биркетт 2021, 22-36).

Aşadar, ornamentul de pe vârful de teacă de la Mîrzoaia reprezintă, pe cât se pare, una dintre scenele esenţiale din mitologia nord-germanică, imaginând lupta dintre două fiare din bestiarul scandinav. Unul dintre animale poate fi lupul Fenrir, uriaşul crescut de zei, care le ameninţă existenţa, iar cel de-al doilea – *Marele Şarpe*. În cântul *Völuspá* (Profeţiile Clarvăzătoarei) din Edda Veche, Fenrir, fiu al lui Loki şi al Angrbodei, a crescut şi s-a transformat într-o fiară înspăimântătoare. Odin i-a sfătuit pe zei să-l înlănţuiască. Pus la încercare, Fenrir a reuşit să rupă toate lanţurile, inclusiv pe cel forjat, realizat de către zei din fier scos din pământ, amestecat cu fier căzut din ceruri. Îngrijorat, Odin l-a rugat pe elful luminii Skirnir ca piticii să creeze un lanţ deosebit. Realizat cu multă iscusinţă, fineţe şi magie, din şase elemente diferite, lanţul magic Gleipnir semăna cu o panglică de mătase, netedă şi moale la atingere. Cu acest lanţ Fenrir a fost legat de stâncă (Пуришев 1974, 103-108; Мелетинский 1991, 571-572; Kernbach 1995, 362; Crossley-Holland 2018, 68-74), iar imaginea de pe buterola de la Mîrzoaia pare să fi surprins anume momentul în care, după ce zeii au legat monstrul uriaş (pe lupul Fenrir), unul dintre ei, Heimdall, i-a înfipt în gură o spadă (Биркетт 2021, 126). Mânerul spadei a blocat mandibula lupului, înţepenindu-i fălcile, pentru a nu le putea închide vreodată (Gaiman 2017, 79-86). În acest sens, iconografia de pe buterolă reprezintă imaginea lupului Fenrir cu gura larg deschisă. Respectiv, de fiecare dată când purtătorul armei fixează spada în teacă, el imită lovitura aplicată de către zei „monstrului uriaş". Înfigând spada în „gura" fiarei, acesta devine parte a luptei zeilor cu monştrii uriaşi care ameninţă existenţa omenirii (Кулаков 1989, 68). De luat în seamă totuşi şi altă interpretare, care presupune că imaginea ar reprezenta generic *Fiara Uriaşă* din mitologia germanică şi veche indo-europeană, înlănţuită de *Marele Şarpe* eshatologic (Vulcănescu 1985, 524; Лебедев 1985, 129).

Repere cronologice. Pornind de la premisa că estimarea diapazonului cronologic facilitează încadrarea culturală a vestigiilor arheologice, acest aspect a fost cel mai frecvent abordat de către cercetători. Complexele cu ancorare cronologică sigură au permis includerea celor mai multe dintre buterolele medievale timpurii în secolele X-XI, ceea ce corespunde, în parte, cu epoca vikingă – secolele VIII/IX-XI (Каинов, Авдеенко 2012, 145). Spre exemplu, toate descoperirile similare din zona Baltică sunt din morminte şi, prin urmare, sunt datate destul de precis cu secolul al XI-lea (Paulsen 1953, 41; Kazakevicius 1996, 118, Kazakevicius 1998, 297). Totodată, analiza motivului decorativ, corelarea evoluţiei stilului ornamental nord-european din acest interval de timp cu particularităţile morfologice ale buterolelor, dar şi contextul arheologic au permis evidenţierea unui lot important de vârfuri de teacă a căror funcţionalitate/utilizare se încadrează în limitele secolului al X-lea (Paulsen 1953, 38-41). Anume acestei categorii de piese aparţine vârful de teacă de la Mîrzoaia, care se încadrează în „grupul scandinav", conform tipologiei lui Peter Paulsen (Paulsen 1953, fig. 37, 39). Chiar dacă piesa de la Mîrzoaia a fost descoperită într-un context arheologic mai puţin clar, vârfurile de teacă din nordul continentului aparţinând respectivului tip, găsite în complexe arheologice închise, permit construirea unei cronologii relativ strânse.

După cum ziceam mai sus, fiind parte componentă a unor teci de spadă, vârfurile de teacă identice celei de la Mîrzoaia au fost scoase la iveală, cel mai frecvent, în complexe funerare din nordul continentului european. În unele cazuri, buterolele erau asociate unor spade france, „de tip carolingian", a căror evoluţie tipologică şi cronologică este bine stabilită (Petersen 1919; Maure 1977; Лебедев 1985; Jacobsson 1992). Astfel, de exemplu, buterola de tipul VIa din necropola de la Rösta (M. 4) (Jämtland, Suedia) (Paulsen 1953, 38, nr. 4) a fost descoperită împreună cu spade de tipul V, după tipologia lui Jan Petersen (Petersen 1919), şi cu o monedă (dirhem ?) din anul 943/944 (Андрощук 2013, 111, табл. IV:1). Vârful de teacă din necropola de la Valsgärde (M. 15) (Uppland, Suedia) a fost identificat, de asemenea, în asociere cu o spadă. Cercetătorii Bengt Shönbäck şi Lena Thunmark-Nylen au atribuit spada tipului H (Shönbäck,

Thunmark-Nylen 2002, fig. 2). Pe de altă parte, F. Androščiuk a revăzut încadrarea tipologică a spadei, incluzând-o în tipul V. În urma corelării complexului de piese de inventar din mormântul în discuţie (vârf de suliţă, umbo pentru scut, scăriţă de şa, cântar de tip balanţă, ponduri/greutăţi pentru cântar, fibule de tip potcoavă, foarfece etc.), autorul a considerat că ea poate fi încadrată cronologic în a doua jumătate a secolului X (Андрощук 2013, 143, рис. 87). La Birka, un fragment de vârf de teacă aparţinând tipului VI a fost descoperit în straturile culturale datate în anii 950-975 (Андрощук 2013, 112). Vârful de teacă de la Leonovo (Priladojie, Rusia) (Paulsen 1953, 41, nr. 17) a fost descoperit împreună cu o spadă de tipul S, tip care este atribuit secolului X (Лебедев 1985, 125-127, рис. 35). Buterola de la Linkuhnen (Prusia) (azi reg. Kaliningrad, Rusia), identificată în M. 8 al necropolei (Paulsen 1953, 41, nr. 15), era asociată unei spade de tipul Y, datate în intervalul de timp cuprins între mijlocul secolului al X şi mijlocul secolului al XI-lea (Андрощук 2013, 77-78, табл. II:10). Tot aşa se datează buterola din necropola tumulară de la Gulbišče (reg. Černigov), descoperită în asociere cu un dirhem de la sfârşitul secolului IX şi o spadă de tipul E. Chiar dacă spada este atribuită perioadei timpurii de apariţie a acestui tip, respectiv primei jumătăţi a secolului IX, mormântul nu poate fi datat anterior mijlocului secolului X, argumentul bazându-se pe faptul că în mormânt a fost utilizată o spadă veche, practică curentă în acea perioadă (Андрощук 1999, 82). Menţionăm că Fedir Androščiuk datează vârfurile de teacă de tipul VI, din care face parte şi piesa în discuţie, cu anii 950-1000 (Андрощук 2013, 112-113). Atragem atenţia la alte două fragmente de buterolă ajurată, similare celei de la Mîrzoaia, care au fost descoperite la Velikij Novgorod, în secţiunea Troiţkoe, în anul 2014. Straturile în care au fost identificate piesele au fost datate cu al doilea sfert al secolului X (Каинов 2020, 64, рис. 47). Pentru noi rămâne neelucidată, deocamdată, problema prezenţei sau lipsei protuberanţei pe partea inferioară a acestui tip de vârfuri de teacă. Este acesta un indiciu cronologic, funcţional (de protejare a buterolei de uzură), stilistic sau de importanţă regională? Pe de altă parte, găurile pentru nituri de pe vârful de teacă de la Mîrzoaia par să indice o perioadă mai îndelungată de utilizare a acesteia, prelungindu-se, posibil, chiar până către începutul secolului al XI-lea. În opinia lui V.I. Kulakov, prezenţa niturilor pe buterole sau urme ale acestora pe vârfuri de teacă ar indica perpetuarea lor până către finalul epocii vikingilor (Кулаков 2021, 152), deci până după mijlocul secolului XI.

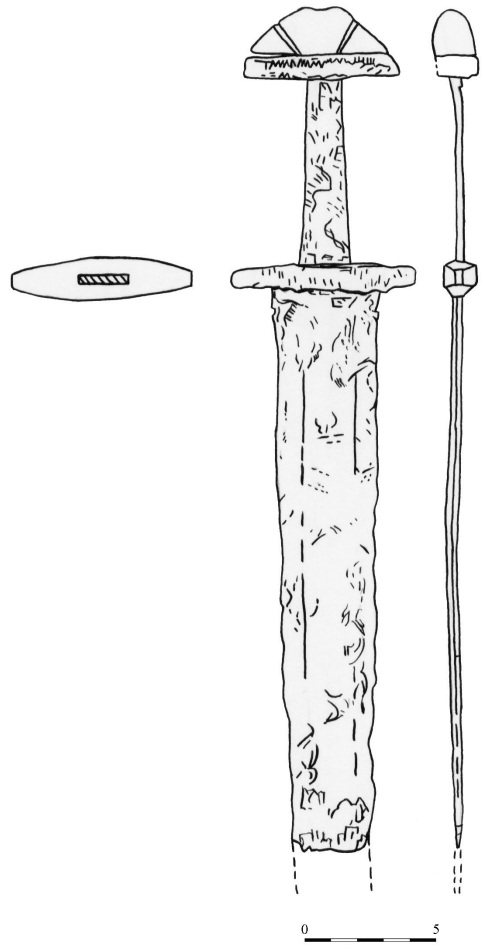


Fig. 7. Spada de la Paşcani (jud. Iaşi). Tipul U (după Petersen). Secolul X.

La cele menţionate anterior ar putea fi luat în calcul încă un aspect cu valenţă de reper cronologic, chiar dacă se prezintă în mod indirect. Având în vedere că piesa de la Mîrzoaia constituie, din punct de vedere al funcţionalităţii, un detaliu constructiv, dar şi un important element decorativ al tecilor de spadă, este rezonabilă corelarea acesteia cu descoperirile de spadă din regiune. Dintre puţinele descoperiri din spaţiul carpato-nistrean medieval timpuriu, menţionăm o spadă vikingă (fig. 7), descoperită la Paşcani (jud. Iaşi, România) (Spinei 2009, fig. 9/13). Această arma scandinavă constituie piesa cea mai apropiată geografic de locul descoperirii vârfului de teacă de la Mîrzoaia. Spada de la Paşcani aparţine tipului U, după clasificarea propusă de J. Petersen

(Petersen 1919, 153-154). G.S. Lebedev include acest tip de spade în grupul IV (grupul cuprinde tipurile V, W, U, X, 124), acestea având, pe de o parte, calităţi combative mult augmentate, iar pe de alta, conţinând elemente decorative mult simplificate, în comparaţie cu cele din tipurile R şi S, ce aparţin perioadei imediat anterioare (Лебедев 1985, 125-127; Лебедев 1991, 281; Андрощук 2013, 72-73, рис. 32). Spadele de tipul U[19] sunt atribuite celei de-a doua jumătăţi a secolului X, perioadă care coincide perfect cu intervalul de timp al funcţionării buterolei de la Mîrzoaia.

Dincolo de parametrii tehnici şi contextul arheologic al descoperirilor de acest tip, este oportună examinarea motivului decorativ, dar şi evoluţia stilului ornamental nord-european, specific intervalului de timp corespunzător. Reiterăm că decorul vârfului de teacă de la Mîrzoaia este realizat în stilul ornamental *Jelling* cu elemente ale stilului *Borre*. Stilul *Jelling* apare în Scandinavia în a doua jumătate a secolului al IX-lea (probabil, pe la anul 870), înlocuind, treptat, stilul *Borre,* cu care coexistă un timp până către anul 1000 (Paulsen 1953, 35; Лебедев 1985, 129; Fuglesang 1991, 83-106). Stilul decorativ scandinav *Jelling* îşi are numele după piatra runică comemorativă, descoperită lângă tumulul de nord, în apropierea reşedinţei regale, din localitatea omonimă din Danemarca[20]. Pe aceasta piatră, care a dat nume tipului de buterole *„cu motivul pietrelor runice”*, este imaginat *Şarpele runic*, care serveşte în calitate de suport pentru textul omagial, realizat cu rune. Imaginea de pe piatra cu rune (fig. 6/3) din a doua jumătate a secolului al X-lea este interpretată diferit. Unii cercetători consideră că piatra în sine ar reprezenta figura lupului Fenrir, *Fiara Uriaşă*, încolăcită de *Marele Şarpe*; că înfăţişează figura unui leu ornamental luptând cu un şarpe sau lupta şarpelui cu un grifon (Успенский 2015, 19). Reconstituirea iconografiei de pe piatra regală de la Jelling a permis cercetătorilor să identifice pe suprafaţa decorată a stelei comemorative imaginea lui Iisus Christos crucificat, încolăcit de *Marele Şarpe* (Fuglesang 1977, 73-94; Sawyer 2000, 200; Hedensterna-Jonson 2002, 107-112).

Tot în legătură cu lupta eshatologică dintre *Fiara Uriaşă* şi *Marele Şarpe* pot fi interpretate trei pietre comemorative cu inscripţii cu caractere runice, cu iconografie incomparabil mult mai modestă decât pe stelele regale, însă tot cu motivul *Şarpelui runic*. Acestea au fost descoperite în anul 1744 în curtea bisericii din localitatea Sjonhem, pe insula Gotland (Suedia) (fig. 6/4). Textul runic incizat pe acestea este realizat în formă de bandă lată, cu capetele împletite, având terminaţiile dispuse orizontal pe partea centrală a stelei comemorative. În partea de sus, peste benzile cu inscripţie, a fost imaginată o cruce (Spinei 1973a, 58-63; Spinei 1982, 77, fig. 1; Мельникова 2001, 75, 297-299). Una dintre cele trei pietre cenotaf, comandate de soţii Rodvisl şi Rodelf în memoria fiilor pierduţi în străinătate, menţionează moartea lui Rodfos, omorât de către *Blakumen* în timpul călătoriei acestuia în străinătate. Inscripţia runică este datată la mijlocul sau în a doua jumătate a secolului XI (Мельникова 2001, 298). Absoluta majoritate a cercetătorilor i-au identificat pe *Blakumen*-ii din inscripţie de la Sjonhem cu vlahii de pe Nistru sau de la est de Carpaţi (Stephens 1884, 265, 287; Рыдзевская 1978, 97; Джаксон 1998, 112, 168), iar pe Rodfos – cu unul dintre ultimii vikingi care au pătruns pe traseul din lungul Vistulei şi al Nistrului, spre Marea Neagră, Bizanţ şi Constantinopol (Ekblom 1924, 211). Această inscripţie susţine, o dată în plus, mărturia surselor arheologice privind pătrunderea şi staţionarea vikingilor în spaţiul carpato-nistrean pe parcursul anumitor perioade de-a lungul secolelor IX-XI.

Cercetătorii religiilor au atras atenţia asupra unităţii fundamentale a religiei vechilor germani, a consistentei moşteniri indo-europene a acesteia, dar şi a similitudinii unor evenimente, eroi şi personaje din miturile scandinave, în special în cele din *Edda Veche,* care se regăsesc în *Mahabharata*, aceasta de la urmă fiind, conform lui G. Dumezil, *„transpunerea epică a unei crize eshatologice*” (Dumezil 1959, 42). S-a atras atenţia că în ultima perioadă de existenţă a păgânismului nord-european, în special către anul 1000, vechii germani erau foarte preocupaţi de eshatologie, de problema sfârşitului lumii. Tradiţia apocaliptică prezintă fenomenul ca pe unul când *„moravurile decad, oamenii se ucid între ei, pământul*

[19] E. Gall atribuie spada de la Paşcani tipului S (după Petersen) (Gall 2015, 319). Acestea însă, spre deosebire de cele din tipul U, au butonul mânerului şi garda mult mai elaborate ornamental, fiind atribuite primei jumătăţi a secolului X de către P. Petersen şi G. Lebedev (Petersen 1919, 153-154; Лебедев 1985, 125-127; Лебедев 1991, 281) sau celei de-a doua jumătăţi a aceluiaşi secol (anilor 970-1000) de către F. Androščiuk (Андрощук 2013, 69-70).

[20] Se consideră că aici a fost înmormântat regele danez Gorm cel Bătrân (900-958) şi soţia sa, Thyra. Gorm a fost primul rege recunoscut istoric al Danemarcei, domnind din anul 936 până în 958.

se cutremură, soarele se întunecă, eliberaţi din lanţurile lor, monştrii năpădesc pe pământ, Marele Şarpe iese din adâncul apelor oceanului, provocând inundaţii catastrofale (Potopul)...” (Eliade 1992, 166).

Criza eshatologică şi drama *Ragnorök*-ului, descrise în marile poeme *Boewulf* şi *Völuspá*, au influenţat puternic arta nord-europeană de la sfârşitul mileniului I, în ajunul anului 1000. În acest sens, un bun exemplu îl constituie piatra vikingă de la Gosforth (Cumberland), amintită mai sus, care redă, în forme specifice artei scandinave, dramatica desfăşurare a evenimentelor de la *Sfârşitului Lumii*. În iconografia ei, la fel ca şi pe piatra regală de la Jelling, regăsim alături, în armonie perfectă, elemente decorative păgâne şi creştine, cum ar fi, spre exemplu, reprezentarea Crucificării lui Iisus. După toate, o secvenţă a acestor scene de dramatice lupte şi retrăiri din ajunul Sfârşitului Lumii, este reprezentată pe vârful de teacă de la Mîrzoaia. Chiar dacă partea superioară a buterolei de la Mîrzoaia lipseşte, fiind ruptă în vechime, judecând după analogiile cunoscute, imaginea de pe câmpul ornamental al piesei reprezintă corpul unui „monstru” legat, având capul turtit şi gura larg deschisă. Vârfurile de teacă cu imagini analoge sau identice, unde capul fiarei este realizat în stilul ornamental *Borre,* iar corpul – în stilul *Elling,* sunt atribuite celei de-a doua jumătăţi a secolului al X-lea (Paulsen 1953, 35). Totodată, cercetătoarea S.H. Fuglesang a întrevăzut în stilul ornamental al vârfurilor de teacă aparţinând acestui tip clare elemente ale stilului decorativ scandinav Mammen (Fuglesang 1991, 95). Răspândirea acestui stil în Scandinavia este atribuită de către cercetători celei de-a doua jumătăţi a secolului X (Jansson 1991, 273), ceea ce ne determină să optăm pentru un interval cronologic foarte apropiat şi în cazul buterolei de la Mîrzoaia. Or, analiza corelată a elementelor structurale evolutive ce ţin de funcţionalitatea, sistemul constructiv, ornamentica, semantica decorului şi perpetuarea vârfului de săgeată de la Mîrzoaia permite să considerăm că piesa a fost pierdută, probabil, în a doua jumătate – la sfârşitul secolului X sau chiar la începutul secolului XI.

Concluzii

Analiza comparată a materialelor aparţinând secolelor IX-XI, descoperite în spaţiul carpato-nistrean, a permis să se constate că în această perioadă în regiune creşte mult numărul de situri arheologice. Acestea le depăşesc îndoit sau chiar întreit pe cele din perioada anterioară şi ulterioară. În hinterlandul Răut şi Nistru şi pe Nistrul Mijlociu sunt documentate mai multe „aşezări mari şi foarte mari” (Хынку 1972, 159-175). Acestea sunt înzestrate cu puternice sisteme de fortificare, de formă neregulată sau de plan circular, realizate din şanţ, val de pământ şi palisadă din lemn. În interiorul şi exteriorul lor au fost cercetate locuinţe de suprafaţă şi „case lungi” de tradiţie nord-europeană, unele dintre ele atingând 30 m lungime şi chiar depăşind aceşti parametri (Федоров 1953, 116; Тимощук 1982, 77). Investigaţiile arheologice sistematice au scos la lumină ateliere meşteşugăreşti pentru prelucrarea fierului, asociate cu cuptoare pentru îmbogăţit minereul şi furnale pentru reducerea minereurilor fieroase, unelte, arme şi armament realizate din fier de înaltă calitate, dar şi categorii de vestigii anterior necunoscute în regiunea cercetată – lacăte în formă de cub şi chei pentru acestea, cuie şi nituri din fier forjat, urechiuşe, tortiţe şi cercuri de fier de la găleţi din lemn, fibule din fier în formă de potcoavă, realizate din bară torsadată, amulete-toporaş din bronz sau fier, monede arabe de argint (dirhemi), piese de podoabă, pandantive şi accesorii vestimentare din argint[21] (cu titlul 96%, identic cu argintul monedelor arabe, lucrate în tehnica filigranului sau/şi a granulării). Unele pandantive sunt decorate cu ornament animalier tipic scandinav, realizat în stilurile *Borre* sau *Elling*. S-a constatat că cele mai multe artefacte de acest fel au fost descoperite în siturile arheologice, cercetate în hinterlandul Nistru şi Răut, pe Nistrul Mijlociu sau pe Prutul Superior, sau în cadrul unor tezaure mixte de argintărie ce erau asociate cu monede bizantine şi dirhemi arabi (tezaurele de la Răducăneni, Alcedar etc.). Prospectările arheologice sistematice, descoperirile fortuite, izolate şi depozitele din această perioadă (cu arme, cu unelte agricole şi meşteşugăreşti) au furnizat accesorii aparţinând negustorului – cântar de tip balanţă cu două talere, ponduri de bronz sau din fier, înfăşurate în folie de bronz, lingouri de argint, forme de turnat lingouri etc. Toate acestea pot fi puse în legătură directă cu reluarea circulaţiei pe vechiul traseu comercial trans-

[21] Titlul argintului pandantivelor coincide cu cel al dirhemilor arabi din această perioadă, din care, presupunem, au fost confecţionate de către meşterii locali sau itineranţi (Tentiuc 2021).

continental din lungul Vistulei şi al Nistrului, cunoscut şi utilizat în antichitatea târzie de goţi şi numit în perioada medievală timpurie „cel de-al doilea drum de la varegi la greci” (Paşuto 1950, 166-167). Acesta lega Scandinavia şi Marea Baltică de Marea Neagră, Bizanţ, Constantinopol, Califatul Arab şi Bagdad, funcţionând, cel mai probabil, de la sfârşitul secolului al VIII-lea sau începutul secolului al IX-lea până către mijlocul secolului XI. Este perioada când în regiunile de la est de Carpaţi pătrund şi se stabilesc enclave ale vikingilor (Tentiuc 2020, 249-286). Cu ajutorul populaţiei locale romanice, scandinavii îşi construiesc puternice aşezări fortificate de plan circular, amplasate pe pantele domoale ale unor văi, sau ravene dispuse perpendicular cursurilor mari de ape. Este perioada când în regiune pătrund unelte agricole şi meşteşugăreşti, arme şi echipament militar scandinav, realizate din fier de calitate înaltă. Considerăm că aceeaşi origine şi direcţie de pătrundere o are şi buterola din bronz, descoperită în situl de la Mîrzoaia, în partea centrală a spaţiului pruto-nistrean, amplasat la circa 20 km spre est de râul Prut.

CrossRoads Scientific XRS-FP Analysis Report

File: D:\results\MNIM\21.03.2022\MARZ BUT.str

19:24:50 21-Mar-22

Comment line

Layer Table ==========

#	Thick	Type	Error	Units	Density	Norm.	Total
1	0.00	Bulk	0.00	mg/cm2	0.00	On	100.00

Sample Table ==========

Layer	Component	Type	Concn.	Error	Units	Mole%	Error
1	Cu	Calc	50.335	0.466	wt.%	72.405	0.671
1	Au	Calc	0.000	0.000	wt.%	0.000	0.000
1	Mn	Calc	0.000	0.000	wt.%	0.000	0.000
1	Bi	Calc	0.241	0.491	wt.%	0.105	0.215
1	Co	Calc	0.027	0.054	wt.%	0.043	0.083
1	Ni	Calc	0.034	0.048	wt.%	0.053	0.075
1	Fe	Calc	2.102	0.116	wt.%	3.440	0.190
1	As	Calc	0.061	0.266	wt.%	0.074	0.324
1	Sb	Calc	0.000	0.000	wt.%	0.000	0.000
1	Ag	Calc	0.171	0.407	wt.%	0.145	0.344
1	Zn	Calc	1.740	0.155	wt.%	2.432	0.216
1	Pb	Calc	41.264	0.862	wt.%	18.203	0.380
1	Sn	Calc	4.016	0.746	wt.%	3.092	0.574
1	Rh	Fixed	0.010	0.000	wt.%	0.009	0.000

Element Table ==========

Elmt	Line Code	Cond Code	Ratio Method	Intensity (c/s)	Error (c/s)	Intensity Method	Conc.	Conc Method	Calibration Coefficient
Mn	Ka	1	None	0.000	3.0155	Gaussian	0.000	FP	0.000
Fe	Ka	1	None	124.700	6.8912	Gaussian	2.102	FP	0.000
Co	Ka	1	None	1.986	3.8848	Gaussian	0.027	FP	0.000
Ni	Ka	1	None	2.317	3.2955	Gaussian	0.034	FP	0.000
Cu	Ka	1	None	3679.182	34.0822	Gaussian	50.335	FP	0.000
Zn	Ka	1	None	144.596	12.8506	Gaussian	1.740	FP	0.000
As	Ka	1	None	3.605	15.7934	Gaussian	0.061	FP	0.000
Rh	Ka	1	None	60.692	6.1046	Gaussian	0.010	FP	0.000
Ag	Ka	1	None	1.627	3.8752	Gaussian	0.171	FP	0.000
Sn	Ka	1	None	21.710	4.0328	Gaussian	4.016	FP	0.000
Sb	La	1	None	0.000	3.6854	Gaussian	0.000	FP	0.000
Au	La	1	None	0.000	3.7877	Gaussian	0.000	FP	0.000
Pb	La	1	None	896.144	18.7178	Gaussian	41.264	FP	0.000
Bi	La	1	None	7.784	15.8436	Gaussian	0.241	FP	0.000

Analysis Conditions ==========

#	Tar Filter get	Thick. mg/cm2	kV	uA	---Detector--- Type	Filter	Thick. mg/cm2	Atm	Preset Time(s)	Actual Time(s)
1	Rh None	0.00	45.0	30.0	SDD	None	0.00	Air	100.0	30.0

Processing Conditions ==========

#	No. Smths	Escape Peaks	Sum Peaks	Back Type	C/R Ratio	Blank Rem.	----Blank---- ----File-----
1	1	Yes	No	Auto	No	No	

Fig. 8. Analiza metalografică a buterolei de la Mârzoaia.

Bibliografie

Andersen, Jensen, Skovsgaard 2016: P. Andersen, S. Jensen, Chr. V. Skovsgaard, The heavy plow and the agricultural revolution in Medieval Europe. Journal of Development Economics 118 (C), 2016, 133-149.

Arne 1913: T.J. Arne, Einige Schwert-Ortbänder aus der Wikingerzeit. In: (Ed. B. Salin) Opuscula archaeologica Oscari Montelio septuagenario dicata (Stockholm 1913), 375-390.

Bailey 1985: R.H. Bailey, Aspects of Viking-Age sculpture in Cumbria. In: (Eds. J.R. Baldwin, I.D. Whyte) The Scandinavians in Cumbria (Edinburgh: Scottish Society for Northern Studies 1985), 53-64.

Bakay 1967: K. Bakay, Archaologische Studien zur Frage der ungarischen Staatsgrundung. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae XIX, 1967, 105-173.

Balaş 2007: O. Balaş, Reprezentări ale feminităţii în eposul germanic medieval (Cluj-Napoca 2007).

Barnea 1967: I. Barnea, Arme și piese de harnașament. In: (Ed. Gh. Ștefan) Dinogetia. Aşezarea feudală timpurie de la Bisericuţa-Garvăn, I (Bucureşti 1967), 337-349.

Beeson, De Jong, Troesken 2001: P.E. Beeson, D.N. De Jong, W. Troesken, Population growth in U.S. counties, 1840-1990. Regional Science and Urban Economics 31 (6), 2001, 669-699.

Buringh 2013: E. Buringh, From Baghdad to London: unravelling urban development in Europe and the Arab world 800-1800. Review of Economics and Statistics 95 (4), 2013, 1418-1437.

Boyer 1992: R. Boyer, Yggdrasill. La religion des anciens Scandinaves (Paris 1992).

Boyer 1997: R. Boyer, Les religions des Germains, des Slaves, des Baltes et de Celtes. In: (Ed. Fr. Lenoir) Encyclopédie des religions (Paris 1997), 231-239.

Braudel 1989: F. Braudel, Timpul lumii, vol. I (Bucureşti 1989).

Collingwood 1927: W.G. Collingwood, Northumbrian crosses of the pre-Norman age (London: Faber & Gwyer 1927).

Crossley-Holland 2018: K. Crossley-Holland, Miturile nordului. Poveştile lui Odin, Thor şi Loki (Bucureşti: Humanitas 2018).

Damian, Vasile 2011: O. Damian, M. Vasile, Varangians nearby the Danube delta. About an archaeological discovery in the Byzantine fortress at Nufăru, Tulcea county. SCIVA 62/3-4, 2011, 275-290.

Diaconu 1986: P. Diaconu, Despre unele meşteşuguri de la Păcuiul lui Soare (sec. X-XI). Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos II, 1986, 115-121.

Diaconu 2001: P. Diaconu, Urme ale vikingilor la Dunărea de Jos. In: Contribuţii istorice şi etimologice (Aalborg: Aalborg University 2001), 11-16.

Diaconu, Vîlceanu 1972: P. Diaconu, D. Vîlceanu, Păcuiul lui Soare. Vol. I. Cetatea bizantină (Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste Române 1972).

Diaconu, Baraschi 1977: P. Diaconu, S. Baraschi, Păcuiul lui Soare. Vol. II. Aşezarea medievală (Bucureşti: Editura Academiei Republicii Socialiste Române 1977).

Diaz et al. 2011: H.F. Diaz, R. Trigo, M.K. Hughes, M.E. Mann, E. Xoplaki, D. Barriopedro, Spatial and temporal characteristics of climate in medieval times revisited. Bulletin of the American Meteorological Society 92, 11, 2011, 1487-1500.

Dienes 1972: I. Dienes, A honfoglaló magyarok (Budapest: Corvina 1972).

Drîmba 1998: O. Drîmba, Istoria culturii şi civilizaţiei universale, vol. 2 (Bucureşti: Saeculum 1998).

Duby 1996: G. Duby, Anul 1000 (Bucureşti 1996).

Dumézil 1959: G. Dumézil, Les Dieux des Germains (Paris: Presses Universitaires de France 1959).

Ekblom 1924: R. Ekblom, Die Waräger im Weichselgebiet. Archiv für slavische Philologie 39, 3-4, 1924, 185-211.

Eliade 1992: M. Eliade, Istoria credinţelor şi ideilor religioase, vol. II (Chişinău: Universitas 1992).

Fairbridge 2005: R.W. Fairbridge, Medieval Warm Period or "little Climatic Optimum". In: (Ed. J.E. Oliver) Encyclopedia of World Climatology. Encyclopedia of Earth Sciences Series (Springer: Dordrecht 2005), 612-624.

Fuglesang 1977: S.H. Fuglesang, Crucifixion iconography in Viking Scandinavia. In: (Eds. H. Bekker-Nielsen, P. Foote, O. Olsen) Proceedings of the Eighth Viking Congress. Arhus 24-31 August 1977 (Odense: Odense University Press 1977), 73-94.

Fuglesang 1991: S.H. Fuglesang, The axehead from Mammen and the Mammen style. In: (Ed. M. Iversen) Mammen. Grav, kunst og samfund i vikingetig. Jysk Arkæologisk Selskabs skrifter, 28 (Aarhus 1991), 83-106.

Gaiman 2017: N. Gaiman, Mitologie nordică (Bucureşti 2017).

Gall 2015: E. Gall, The archaeological research state of the 9/10th-11th centuries in Moldova (Romania). Some thoughts on funerary places and stray ginds (azes). Ziridava. Studia Archaeologica 29, 2015, 313-332.

Glaeser 2014: E.L. Glaeser, A World of cities: the causes and consequences of urbanization in poorer countries. Journal of the European Economic Association 12 (5), 2014, 1154-1199.

Gollin, Remi, Vollrath 2016: D. Gollin, J. Remi, D. Vollrath, Urbanization with and without industrialization. Journal of Economic Growth 21 (1), 2016, 35-70.

Goosse et al. 2006: H. Goosse, O. Arzel, J. Luterbacher, M.E. Mann, H. Renssen, N. Riedwyl, A. Timmermann, E. Xoplaki, H. Wanner, The origin of the European "Medieval Warm Period". Climate of the Past 2, 2006, 99-113.

Hedenstierna-Jonson 2002: C. Hedenstierna-Jonson, A group of Viking Age sword chapes reflecting the political geography of the time. Journal of Nordic Archaeological Science 13, 2002, 103-112.

Hedenstierna-Jonson 2006: C. Hedenstierna-Jonson, The Birka Warrior. The material culture of a material society. Theses and Papers in Scientific Archaeology, 8 (Stockholm 2006).

Horedt 1954: K. Horedt, Voievodatul de Bălgrad-Alba Iulia. SCIV V/3-4, 1954, 487-512.

Jakobsson 1992: M. Jakobsson, Krigarideologi och vikingatida svärdstypologi (Stockholm: Stockholms universitet 1992).

Janson 2013: H. Janson, Edda and "Oral Christianity": Apocryphal Leaves of the Early Medieval Storyworld of the North. In: (Eds. L.B. Mortensen, T.M.S. Lehtonen, A. Bergholm) The Performance of Christian and Pagan Storyworlds. Medieval identities: socio-cultural spaces 3 (Turnhout: Brepols 2013), 171-197.

Jansson 1991: I. Jansson, År 970/971 och vikingatidens kronologi. In: (Ed. M. Iversen) Mammen. Grav, kunst og samfunt i vikingetig (Aarhus 1991), 267-284.

Kazakevičius 1992: V. Kazakevičius, Sword shapes from Lithuania. In: (Ed. A. Loit) Die kontakte zwischen Ostbalticum und Skandinawien im Fruhen Mittelalter (Stockholm: Almqvist & Wiksell International 1992), 91-107.

Kazakevičius 1998: V. Kazakevičius, Iš velyvojo geležies amžiaus baltų ginklų istorijos (kalavių makstų galų apkalai). Lietuvos Archeologija 15, 1998, 287-332.

Kernbach 1995: V. Kernbach, Dicţionar de mitologie generală. Mituri, divinităţi, religii (Bucureşti: Albatros 1995).

Lecouteux 2010: C. Lecouteux, Dicţionar de mitologie germanică (Bucureşti 2010).

Lopez 1974: R.S. Lopez, La révolution commerciale dans l'Europe médiévale (Paris 1974).

Maloney, Caicedo 2015: W.F. Maloney, F.V. Caicedo, The Persistence of (Subnational) Fortune. The Economic Journal 126/598, 2015, 2363-2401.

Mann 2003: M.E. Mann, Medieval Climatic Optimum. In: (Eds. M.C. MacCracken, J.S. Perry) The Earth system: physical and chemical dimensions of global environmental change, Encyclopedia of Global Environmental Change, Editor-in-Chief T. Munn (Chichester: John Wiley & Sons Ltd 2003).

Maure 1977: M. Maure, Les épées de l'époque Viking – essai de classification typologique, Universitetets Oldsaksamling. Arbok 1975-1976 (Oslo 1977).

Miller 2012: A.R. Miller, The Stones of Cumbria (Toronto 2012).

Munteanu, Iarmulschi, Batog 2021: O. Munteanu, V. Iarmulschi, N. Batog, Celtul din fier: un nou tip de unelte în spaţiul pruto-nistrean/Iron socketed axe: a new type of tools in the Prut-Dniester area. In: (Eds. A. Zanoci, M. Băţ) Economie şi mediu în spaţiul tiso-nistrean în epoca fierului/Economy and Environment in the Tisza-Dniester region in the Iron Age (Chişinău 2021), 209-242.

Munteanu, Iarmulschi, Batog 2022: O. Munteanu, V. Iarmulschi, N. Batog, Two brooches from Roman period discovered at Mîrzoaia, Nisporeni region, Republic of Moldova (reconfirming the presence of sedentary communities in the Prut-Dniester interfluve at the beginning of the 1st millennium AD). Tyragetia s.n. XVI/1, 2022, 281-291.

Musset 2002: L. Musset, Invaziile. Al doilea asalt asupra Europei creştine (Bucureşti 2002).

Musteaţă 2021: S. Musteaţă, Sedentari şi migratori în regiunile carpato-danubiano-pontice în secolele VIII-IX. Lucrare de sinteză pentru titlul de doctor habilitat în istorie (Chişinău 2021).

Niculiţă 2018: A. Niculiţă, Piese de giuvaiergerie antică din colecţiile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei. Catalog (Chişinău 2018).

Paulsen 1953: P. Paulsen, Schwertortbänder der Wikingerzeit. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Osteuropas (Stuttgart: W. Kohlhammer 1953).

Paulsen 1957: P. Paulsen, Feldzeichen der Normannen. Archiv für Kulturgeschichte 39, 1, 1957, 1-41.

Petersen 1919: J. Petersen, Die norske Vikingesverd: En Typologisk-Kronologisk Studie Over Vikingetidens Vaaben (Kristiania: J. Dybwad 1919).

Petrescu-Dîmboviţa, Teodor 1987: M. Petrescu-Dîmboviţa, D.Gh. Teodor, Sisteme de fortificaţii medievale timpurii la est de Carpaţi. Aşezarea de la Fundu Herţii (jud. Botoşani) (Iaşi 1987).

Pinter 2007: Z.-K. Pinter, Spada şi sabia medievală în Transilvania şi Banat (secolele IX-XIV). Ed. a doua revăzută şi adăugită (Sibiu 2007).

Popa 1984: R. Popa, Knaufkrone eines wikingerzeitlichen Prachtschwertes von Păcuiul lui Soare. Germania 62/2, 1984, 425-431.

Postică 2007: Gh. Postică, Civilizaţia medievală timpurie din spaţiul pruto-nistrean (secolele V-XIII) (Bucureşti 2007).

Sawyer 2003: B. Sawyer, The Viking-Age Rune-Stones. Custom and Commemoration in Early Medieval Scandinavia (Oxford: Oxford University Press 2003).

Schönbäck, Thunmark-Nylén 2002: B. Schönbäck, L. Thunmark-Nylén, De vikingatida båtgravarna vid Valsgärde: relativ kronologi. Fornvännen 97, 1, 2002, 1-8.

Sikora 2003: P. Sikora, Früchmittelalterliche Ortbänder bei West- und Ostslawen. Versuch einer typologisch-chronologischen Einordnung. Zeitschrift fur Archaologie des Mittelalter 31, 2003, 11-38.

Spinei 1973a: V. Spinei, Informaţii despre vlahi în izvoarele medievale nordice. I. SCIV 24/1, 1973, 57-81.

Spinei 1973b: V. Spinei, Informaţii despre vlahi în izvoarele medievale nordice. II. SCIV 24/2, 1973, 259-282.

Spinei 1982: V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Bucureşti: Editura Ştiinţifică şi Enciclopedică 1982).

Spinei 1985: V. Spinei, Realităţi etnice şi politice în Moldova meridională în secolele X-XIII. Români şi turanici (Iaşi 1985).

Spinei 1990: V. Spinei, Migraţia ungurilor în spaţiul carpato-dunărean şi contactele lor cu românii în secolele IX-X. ArhMold XIII, 1990, 103-148.

Spinei 1993: V. Spinei, Comerţul şi geneza oraşelor din sud-estul Moldovei (secolele XIII-XIV). Analele Brăilei S.N. I/1, 1993, 171-234.

Spinei 1997: V. Spinei, Coordonate ale problemei formării poporului român. Destin românesc 3, 1997, 3-20.

Spinei 2009: V. Spinei, The Romanians and the Turkis Nomads North of the Danube Delta from the Tenth to the Mid-Thirteenth Century (Leiden-Boston: Bril 2009).

Tentiuc 2017: I. Tentiuc, Populaţia din Moldova Centrală în secolele X-XIII (Chişinău: Bons Office 2017).

Tentiuc 2020: I. Tentiuc, On the Viking enclaves and their relations with the inhabitants of the Carpathian-Dniester region between the 9th and 11th centuries. Dacia N.S. LXII-LXIII, 2018-2019, 2020, 249-286.

Tentiuc 2021: I. Tentiuc, Podoabe scandinave şi monede arabe în spaţiul carpato-nistrean (secolele IX-XI). Unele consideraţii. In: Sesiunea ştiinţifică a Departamentului Istoria românilor, Universală şi Arheologie a USM. Ed. a VII-a. 4 iunie 2021 (Chişinău 2021), 38-39.

Tentiuc, Bubulici 2020a: I. Tentiuc, V. Bubulici, Early medieval hoard of forging and jewelry tools found at Voloave, Soroca District. Tyragetia s.n. XIV/1, 2020, 255-280.

Tentiuc, Bubulici 2020b: I. Tentiuc, V. Bubulici, Early medieval miniature axes in Carpathian-Dniester region. The issues of dating, origin and functionality. In: (Eds. Р.А. Рабинович, Н.П. Тельнов) На одно крыло – серебряная, на другое – золотая. Сборник статей памяти Светланы Рябцевой (Кишинев 2020), 299-307.

Tentiuc, Bubulici 2021: I. Tentiuc, V. Bubulici, Consideraţii privind pandantivele scandinave cu decor animalier sau în formă de scut semisferic din secolele X-XI, descoperite pe Nistrul Mijlociu. Acta Musei Tutovensis. Istorie veche şi arheologie XVII, 2021, 141-153.

Tentiuc, Munteanu 2021: I. Tentiuc, O. Munteanu, Despre o buterolă din secolul al X-lea, descoperită la Mîrzoaia, r-nul Nisporeni, Republica Moldova. In: Conferinţa ştiinţifică internaţională a Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, ediţia XXXI, 28-29 octombrie 2021 (Chişinău 2021), 75-76.

Teodor 2003: D.Gh. Teodor, Aspecte etno-demografice ale continuităţii la est de Carpaţi în secolele V-XI e.n. In: Memoriile secţiei de ştiinţe istorice, seria IV, tom. XII, 1987, Bucureşti 1990, 173-178. Citat după: Spaţiul carpato-dunăreano-pontic în mileniul migraţiilor (Buzău 2003), 491-494.

Teodor 2008: D.Gh. Teodor, Realităţi etnice, demografice şi culturale la est de Carpaţi în evul mediu timpuriu (secolele VIII-XII). In: (Eds. D. Ţeicu, I. Cândea) Românii în Europa medievală (între Orientul bizantin şi Occidentul latin). Studii în onoarea profesorului Victor Spinei (Brăila 2008), 161-174.

Teodor 2017: D.Gh. Teodor, Armament din secolele V-XI la est de Carpaţi. Acta Musei Tutovensis XIII, 2017, 260-272.

Trouet et al. 2009: V. Trouet, J. Esper, N.E. Graham, A. Baker, J.D. Scourse, D.C. Frank, Persistent positive North Atlantic Oscillation mode dominated the medieval climate anomaly. Science 324, 2009, 78-80.

Vulcănescu 1985: R. Vulcănescu, Mitologie română (Bucureşti: Editura Academiei RSR 1985).

Wallerstein 1992: I. Wallerstein, Sistemul mondial modern. Vol. I. Agricultura capitalistă şi originile economiei mondiale europene în secolul al XVI-lea (Bucureşti 1992).

Yotov 2007: V. Yotov, The Vikings in the Balkans (Tenth to 11th Centuries). Strategic and tactical changes. New archaeological data on weaponry. Archaeologia Baltica 8, 2007, 321-327.

Yotov 2018: V. Yotov, Data about Northmen's presence in the Lower Danube Area. In: (Eds. D. Aparaschivei, J. Bilavschi) Studia romana et mediaevalia europaensia. Miscellanea in honorem annos LXXXV peragentis proffesoris emeriti Dan Gh. Teodor oblata (Bucureşti-Brăila 2018), 467-484.

Амбросиани, Андрощук 2006: Б. Амбросиани, Ф. Андрощук, Вооружение и восточные контакты Бирки. В сб.: Русь на перехресті світів (межнародні впливи на формування давньоруськоі держави) IX-XI ст. (Чернігів 2006), 3-16.

Андрощук 1999: Ф. Андрощук, Нормани і слов'яни у Подесенні (Київ 1999).

Андрощук 2013: Ф. Андрощук, Мечи викингов (Киев 2013).

Артамонов 1966: М.И. Артамонов, Предисловие к книге Л.Н. Гумилева „Открытие Хазарии" (Москва 1966).

Биркетт 2021: Т. Биркетт, Скандинавские мифы и легенды (Москва 2021).

Богуславский 1991: О. И. Богуславский, К хронологии Юго-Восточного Приладожья IX-XII веков. В сб.: (Ред. А.Н. Кирпичников) Проблемы хронологии и периодизации в археологии (Ленинград 1991), 99-114.

Болдуряну 2010: А. Болдуряну, Византийские и исламские монеты из Алчедарского клада. Stratum plus 5, 2010, 301-306.

Болдуряну, Рябцева 2015: А.И. Болдуряну, С.С. Рябцева, Денежно-вещевые клады и отдельные находки монет в памятниках Карпато-Днестровского региона IX - начала XI вв. В сб.: Эпоха викингов в Восточной Европе. Памятники нумизматики VIII-XI вв. Материалы научной конференции (Санкт-Петербург 2015), 108-115.

Бондарь 2021a: И. Бондарь, Скандинавские подвески „гнездовского типа" на Среднем Днестре. In: Slavs and their neighbors in the 1st milenium A.D. Archaeological Conference (Nowi Sad 2021), 158-159.

Бондарь 2021b: И. Бондарь, Новый скандинавский амулет в зверином стиле и рунической надписью в контексте древнегерманской мифологической системы мира. Скандинавская филология 19/1, 2021, 190-213.

Бондарь 2022: И. Бондарь, Руническая надпись нового скандинавского зооморфного амулета раннесредневекового времени, обнаруженного на Среднем Днестре в Молдавии. Скандинавская филология 20/1, 2022, 150-168.

Дементьева 2007: А.С. Дементьева, Подвески „гнездовского типа" на территории Древней Руси X-XII вв. В сб.: Гнездово. Результаты комплексных исследований памятника (Санкт-Петербург: Alfaret 2007), 211-271.

Джаксон 1994: Т.Н. Джаксон, Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарий (Москва: Ladomir 1994).

Ениосова 1994: Н.В. Ениосова, Ажурные наконечники ножен мечей X-XI вв. на территории Восточной Европы. В сб.: (Ред. Ю.А. Щапова) История и эволюция древних вещей (Москва: МГУ 1994), 100-121.

Зоценко 2007: В.М. Зоценко, Південноруські знахідки наконечників піхов мечів типу II:1,3 - Paulsen. В сб.: Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії центрально-східноі Европи (Чернігів 2007), 90-99.

Каинов 2009: С.Ю. Каинов, Наконечники ножен мечей из Гнездова. Acta Militaria Medievalia 5, 2009, 79-110.

Каинов 2020: С.Ю. Каинов, Наконечник ножен меча из раскопок усадьбы Ж Троицкого раскопа. В сб.: Усадьба X-XI веков в Людином конце средневекового Новгорода (по материалам усадьбы Ж Троицкого раскопа) (Москва 2020), 64-69.

Каинов, Авдеенко 2012: С.Ю. Каинов, Е.Е. Авдеенко, Литые наконечники ножен (по материалам Троицкого раскопа Новгорода Великого). Археологические вести 18, 2012, 145-151.

Калиниченко 2017: В. Калиниченко, Предметы средневекового вооружения из Рухотинского городища (уроч. Корнешты) и военное дело болгарского государства в IX в. В сб.: Списание Епохи. Издание на Историческия факултет на ВТУ „Св. Кирил и Методий", том XXV, кн. 1 (Велико Тырново 2017), 78-91.

Кирпичников 2007: А.Н. Кирпичников, Мечи типа *Ulfberht* на восточном пути. В сб.: Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії центрально-східноі Европи (Чернігів 2007), 82-90.

Корзухина 1950: Г.Ф. Корзухина, Из истории древнерусского оружия XI века. СА XIII, 1950, 50-94.

Кулаков 1989: В.И. Кулаков, Знамена дружин Балтийского региона. СА 4, 1989, 61-70.

Кулаков 2021: В.И. Кулаков, У начала Янтарного пути. Северная Самбия (Калининград: Калининградская книга 2021).

Кулаков, Иов 2001: В.И. Кулаков, О.В. Иов, Наконечники ножен меча из кургана 174 могильника Кауп и с городища Франополь. КСИА 211, 2001, 77-84.

Лебедев 1985: Г.С. Лебедев, Эпоха викингов в Северной Европе (Ленинград 1985).

Лебедев 1991: Г.С. Лебедев, Этюд о мечах викингов. В: Л.С. Клейн, Археологическая типология (Ленинград: Академия наук СССР 1991), 280-304.

Мелетинский 1991: Е.М. Мелетинский (гл. ред.), Мифологический словарь (Москва: Советская Энциклопедия 1991).

Мельникова 2001: Е.А. Мельникова, Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретация. Тексты, перевод, комментарий (Москва: Восточная литература 2001).

Мельникова 2009: Е.А. Мельникова, Варяги на севере и на юге Восточной Европы: региональные особенности. В сб.: Хорошие дни. Памяти А.С. Хорошева (Великий Новгород, Санкт-Петербург, Москва 2009), 340-347.

Михайлов, Носов 2002: К.А. Михайлов, Е.Н. Носов, Новые находки наконечников ножен мечей на Рюриковом городище. Археологические вести 9, 2002, 136-140.

Пашуто 1950: В.Т. Пашуто, Очерки по истории Галицео-Волынской Руси (Москва 1950).

Пелещишин, Чайка 1991: М.А. Пелещишин, Р.М. Чайка, Нови давньоруські ювелірні вироби із Західної Волині. Археологія 1, 1991, 137-141.

Пивоваров, Калініченко 2013: С. Пивоваров, В. Калініченко, Ланцетоподібні наконечники стріл з Рухотина (уроч. Корнешти). В сб.: Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнографії, т. 1 (35) (Чернівці 2013), 23-42.

Рыдзевская 1978: Е.А. Рыдзевская, Древняя Русь и Скандинавия IX-XI вв. Древнейшие государства на территории СССР (Москва: Наука 1978).

Рябцева, Тельнов 2010: С. Рябцева, Н. Тельнов, Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX – начала XI вв. Stratum plus 5, 2010, 285-300.

Тентюк 2020: И. Тентюк, Викинги и их взаимоотношения с восточными романцами Карпато-Днестровских земель в IX-XI веках. Stratum plus 5, 2020, 205-230.

Тимощук 1982: Б.А. Тимощук, Древнерусская Буковина (X - первая пол. XIV ст.) (Киев 1982).

Томсинский 1999: С.В. Томсинский, Скандинавские находки из Угличского кремля и легенда об основании Углича. Stratum plus 5, 1999, 169-178.

Топоров 1980: В.Н. Топоров, Vilnius, Wilno, Вильнюс: город и миф. В сб.: Балто-славянские этноязыковые контакты (Москва: Наука 1980), 3-57.

Топоров 1988: В.Н. Топоров, Вокруг «лютого зверя» (голос в дискуссии). В сб.: Балто-славянские исследования (Москва 1988), 249-258.

Успенский 2015: Ф.Б. Успенский, Люди, тексты и вещи. Из истории культуры средневековой Скандинавии (Москва: Forum 2015).

Федоров 1952a: Г.Б. Федоров, Работа славяно-днестровской экспедиции. КСИИМК 44, 1952, 83-92.

Федоров 1952b: Г.Б. Федоров, Древнерусская культура Поднестровья (X-XII вв.). В сб.: Древняя культура Молдавии (Кишинев 1974), 109-126.

Федоров 1953: Г.Б. Федоров, Городище Екимауцы (работы Славяно-Днестровской экспедиции в 1951 г.). КСИИМК 50, 1953, 104-126.

Федоров, Чеботаренко 1974: Г.Б. Федоров, Г.Ф. Чеботаренко, Памятники древних славян (VI-XIII вв.). Археологическая карта МССР, вып. 6. (Кишинев 1974).

Фетисов 2018: А.А. Фетисов, „Знак Рюриковичей" на Нижнем Дунае. In: В сб.: (Ред. А.А. Фетисов, А. Щавелев) Викинги. Между Скандинавией и Русью (Москва: History Files 2018), 262-282.

Фетисов, Щавелев 2018: А.А. Фетисов, А. Щавелев, Викинги. Между Скандинавией и Русью (Москва: History Files 2018).

Хейвуд 2019: Д. Хейвуд, Люди Севера. История викингов. 793-1241 (Москва 2019).

Хынку 1972: И.Г. Хынку, К вопросу о расселении тиверцев и уличей в Поднестровье. В: (Ред. И.Г. Будак и др.) Юго-Восточная Европа в средние века (Кишинев 1972), 159-175.

Шаров 1997: О. Шаров, Гибель Ерманариха: история и эпос. В сб.: Stratum: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории (Санкт-Петербург 1997), 95-106.

Шевеленко 1992: А.Я. Шевеленко, Природные условия, этнодемографические процессы, развитие производительных сил. В: (Ред. М.А. Ланцов) История Европы, том 2. Средневековая Европа (Москва 1992), 36-62.

The connections of the East Carpathian region with the world of the Vikings: new find of the chape of the scabbard of an early medieval sword in the territory of Moldova

Keywords: chape of a sword scabbard, Early Middle Ages, Dniester-Carpathian region, Scandinavian animal ornament, semantics, chronology, Viking Age.

Abstract: Among the categories of weapons and military equipment of the early Middle Ages (the 9th - 11th centuries) in the Dniester-Carpathian region, swords are distinguished by the rarity of discovery. Considered "noble" and prestigious weapons, of Byzantine or Scandinavian origin, they have always been true symbols of military elites. In

the Carpathian-Danubian-Pontic region, whole or fragmentary swords were found in Paşcani (Iaşi County), Albeşti (Constanţa County), Alba Iulia (Alba County), Vetiş (Satu Mare County) and some other places. One of them (the sword from Albeşti) has the inscription "Ulfberht" on the blade, indicating the workshop in which it was made. Details of swords and sabers, represented by bronze or iron guards, pommels or scabbard chapes made of iron, bronze or silver, were found in Dinogetia, Păcuiul-lui-Soare, Alba-Iulia, Echimăuţi (Rezina District), Bârlad (Vaslui County), Fundu-Herţii (Botosani County), Rukhotin-Cornesti (Khotyn Raion, Chernivtsi Oblast), etc. Some of these artefacts are believed to be Byzantine or Oriental, but most of them appear to be of northern European origin.

Through this communication we include into the scientific use the chape of the sword scabbard found in the village of Mîrzoaia, Nisporeni District, Republic of Moldova. The artifact is one of the few surviving components of early medieval swords found in the area of early medieval sites of the Carpathian-Danubian-Pontic region. Among them, there are one gilded silver and one iron chapes from the Echimăuti settlement, as well as similar bronze specimens from Bârlad and Alba Iulia. The chape of the scabbard from Mîrzoaia is made up of an alloy where the copper and lead predominate. On both surfaces, it has an almost identical ornament in the form of a four-legged animal made of woven bands, rendered in the Scandinavian ornamental Jelling style. The upper part of the chape was broken in antiquity. At the same time, based on existing analogies, it can be assumed that it was an element in the shape of a flattened animal head, interpreted by researchers as an image of a wolf or a dog in the Borre style. It is believed that this is one of the animals of Norse mythology (Fenrir wolf), participating in the last battle of the gods on the Day of Ragnarök. The image of Fenrir is often found in the Icelandic and Norwegian sagas of the 10th-11th centuries. The son of the god Loki and a giantess named Angrboda, Fenrir became a threat to the world of the gods. By cunning, the gods bound him with a magic chain, sticking a sword into his mouth. In our opinion, this mythological scene is depicted on the chape of the scabbard from Mîrzoaia. The chape belongs to the "Scandinavian group" according to P. Paulsen's classification. The artifact finds analogues in the early medieval sites of Northern, Central and Eastern Europe, such as Birka, Linkunen, Gnezdova, Listvin, Shestovits, Rurik's Hillfort near Novgorod, Danilovka, Dombrádról and others. It can be dated the second half of the 10th century.

List of illustrations:

Fig. 1. Map showing the location of the scabbard chape from Mîrzoaia.

Fig. 2. The sword scabbard chape from Mîrzoaia in the typo-chronological aspect of the artifacts found in the Carpathian-Danubian-Pontic region.

Fig. 3. The sword scabbard chape from Mîrzoaia (photo and drawing).

Fig. 4. Distribution of sites mentioned in the text (Map by Cristian Corolenco).

Fig. 5. The closest analogies for the sword scabbard chape from Mârzoia: 1 - Danilovka (after Kazakevičius 1998); 2 - Linkunen (Кулаков 2001); 3 - Listvin (after Пелещишин, Чайка 1991); 4 - Dombrádról (after Diens 1972); 5 - Gnezdova (after Каинов 2009); 6 – Žąsinas (after Kazakevičius 1998).

Fig. 6. Memorial stones with the "rune serpent". 1, 2 - Gosforth, Cumbria, Anglia (1 - after Janson 2013; 2 - after Collingwood 1927); 3 - Jelling, Denmark (the colorized copy, from the Viking exhibition at the National Museum of Denmark); 4 - Schönheim, Gotland, Sweden (after https://en.wikipedia.org/wiki/Varangian_runestones).

Fig. 7. Sword from Paşcani (Iaşi County, Romania). Type U (according to Petersen 1919). 10th century.

Fig. 8. Metallographic analysis of the sword scabbard chape from Mârzoiaia.

Взаимосвязь Восточно-Карпатского региона с миром викингов: новая находка наконечника ножен раннесредневекового меча на территории Молдовы

Ключевые слова: наконечник ножен, Раннее Средневековье, Карпато-Днестровский регион, скандинавский звериный орнамент, семантика, хронология, эпоха викингов.

Резюме: Среди категорий оружия и вооружения раннего средневековья (IX-XI вв.) в Карпато-Днестровском регионе мечи выделяются редкостью обнаружения. Считающиеся «благородным» и престижным оружием, византийского или скандинавского происхождения, они всегда были настоящими символами военной элиты. В Карпато-Дунайско-Понтийском регионе целые или фрагментарные мечи были обнаружены в Пашкань (уезд Яссы), Албешть (уезд Констанца), Алба-Юлии (уезд Алба), Ветише (уезд Сату-Маре) и некоторых других местах. Один из них (меч из Албешть) имеет на клинке надпись «Ulfberht», указывающую на мастерскую, в которой он был изготовлен. Детали мечей и сабель, представленные бронзовыми или железными перекрестиями, навершиями рукоятей или наконечниками ножен, изготовленными из железа, бронзы или серебра, были обнаружены в Диногетии, Пэкуюл-луй-Соаре, Алба-Юлии, Екимэуць (Резинский район), Бырладе (уезд Васлуй), Фунду-Херций (уезд Ботошань), Рухотин-Корнешть (Хотинский район Черновицкой области) и т.д. Считается, что некоторые из них являются византийскими или восточными, но большая часть их, как оказалось, имеет североевропейское происхождение.

Эта статья вводит в научный оборот наконечник ножен меча, обнаруженный в селе Мырзоая Ниспоренского района Республики Молдова. Артефакт является одним из немногих сохранившихся компонентов раннесредневековых мечей, обнаруженных в ареале раннесредневековых памятников Карпато-Дунайско-Понтийского региона. Среди них следует упомянуть одну серебряную с позолотой и одну железную бутероли из городища Екимэуць, а также подобные бронзовые изделия из Бырлада и Алба-Юлии. Наконечник ножен из Мырзоая отлит из бронзы с довольно ощутимым добавлением олова. На обеих поверхностях он имеет почти идентичный орнамент в виде четвероногого животного из плетеных лент, выполненного в скандинавском орнаментальном стиле *Еллинг*. Верхняя часть наконечника ножен была сломана в древности. Однако, исходя из существующих аналогий, можно предположить, что она представляла собой элемент в виде приплюснутой головы животного, интерпретируемой исследователями как изображение волка или собаки в стиле *Борре*. Считается, что это один из зверей североевропейской мифологии (волк Фенрир), участвующий в последней битве богов в *День Рагнарёка*. Образ Фенрира часто встречается в исландских и норвежских сагах X-XI веков. Сын бога Локи и великанши по имени Ангрбода, Фенрир стал угрозой миру богов. Хитростью боги сковали его магической цепью, воткнув ему в пасть меч. По нашему мнению, именно эта мифологическая сцена изображена на наконечнике ножен из Мырзоая. Наконечник принадлежит к «скандинавской группе» по классификации П. Паулсена. Артефакт находит аналоги на раннесредневековых памятниках Северной, Центральной и Восточной Европы, таких как Бирка, Линкунен, Гнездово, Листвин, Шестовиц, Рюриково городище близ Новгорода, Даниловка, Домбрадрол и прочих. Бутероль из Мырзоая можно отнести ко второй половине X века.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта с местом обнаружения наконечника ножен из Мырзоая.

Рис. 2. Наконечник ножен меча из Мырзоая в типохронологическом раскладе артефактов, обнаруженных в Карпато-Дунайско-Понтийском регионе.

Рис. 3. Наконечник ножен меча из Мырзоая (фото и рисунок).

Рис. 4. Распространение памятников, упомянутых в тексте (карта составлена Кристианом Короленко).

Рис. 5. Ближайшие аналогии для бутероли из Мырзоая: 1 - Даниловка (по Kazakevičius 1998); 2 - Линкунен (Кулаков 2001); 3 - Листвин (Пелещишин, Чайка 1991); 4 - Домбрадроль (по Diens 1972); 5 - Гнездова (по Кайнов 2009); 6 - Žąsinas (по Kazakevičius 1998).

Рис. 6. Мемориальные камни с «руническим змеем»: 1, 2 - Госфорт, Англия (1 - по Janson 2013; 2 - по Collingwood 1927); 3 - Йелинг, Дания (цветная копия, с выставки викингов в Национальном Музее Дании); 4 - Шенхем, Готланд, Швеция (по https://en.wikipedia.org/wiki/Varangian_runestones).

Рис. 7. Меч из Пашкань (уезд Яссы, Румыния). Тип U (по Petersen 1919). X век.

Рис. 8. Металлографический анализ бутероли из Мырзоая.

25.06.2022

Dr. Ion Tentiuc, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989, 121 A, MD- 2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-3126-6499; e-mail: tentiucion2016@gmail.com

Dr. Octavian Munteanu, Universitatea Pedagogică de Stat „Ion Creangă”, str. Ion Creangă nr. 1, MD-2069, Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-9340-8002 , e-mail: ocmunteanu@gmail.com

AŞEZĂRI NEOLITICE ŞI ENEOLITICE TIMPURII DIN BAZINULUI RÂULUI DELIA

Irina Rusu

Cuvinte-cheie: Teşcureni, epoca neo-eneolitică, cultura Starčevo-Criş, cultura ceramicii liniare, Precucuteni, cercetare perieghetică.

Introducere

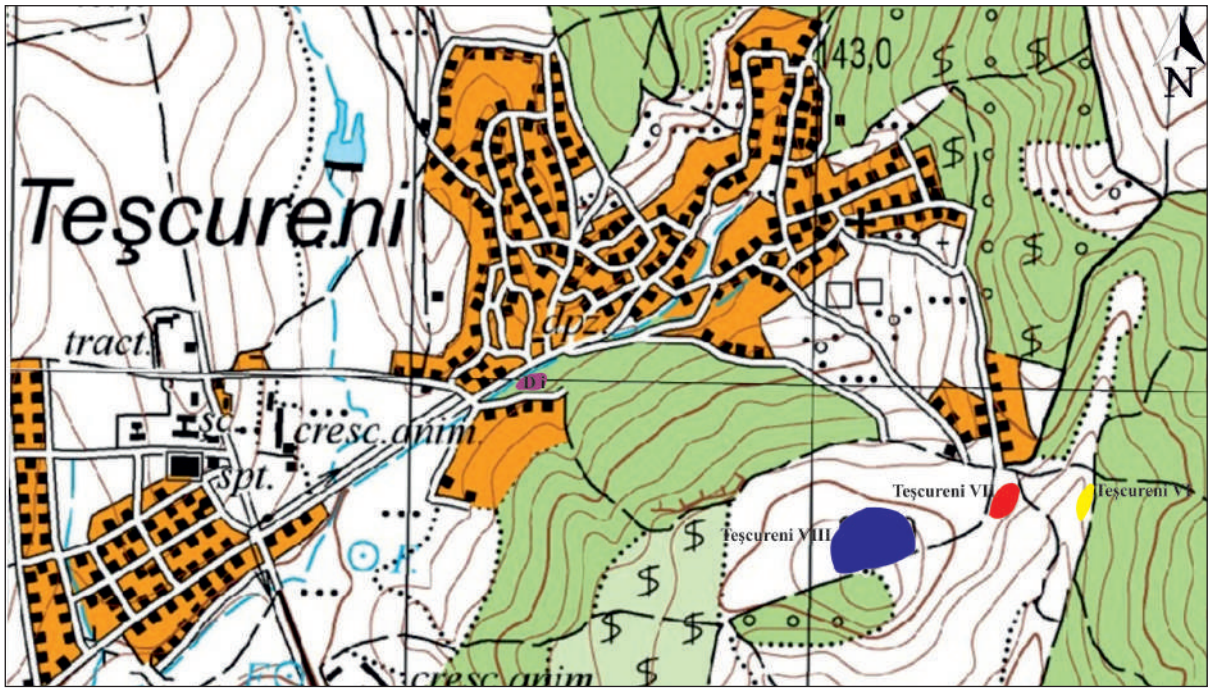
Chiar dacă cercetarea perieghetică nu aduce rezultate la fel de complexe şi complete precum săpătura arheologică, acest tip de cercetare non intruzivă este uneori unica metodă disponibilă de a descoperi, a încadra cronologic şi a include în circuitul ştiinţific noi situri arheologice. În această ordine de idei, prin intermediul acestui articol, dorim să facem cunoscute trei aşezări neo-eneolitice inedite, descoperite pe suprafaţa teritoriului satului Teşcureni, raionul Ungheni, Republica Moldova, în perioada mai 2021 - februarie 2022. Prima aşezare aparţine culturii Starčevo-Criş, numită cific Teşcureni VI, o altă aşezare se încadrează în arealul culturii ceramicii liniare, numită Teşcureni VII, iar cea din urmă face parte din complexul Precucuteni-Tripillia A, numită Teşcureni VIII.

Istoricul cercetărilor aşezărilor neo-eneolitice din bazinul Deliei

Locuirea neo-eneolitică în bazinul Deliei, în lumina cercetărilor de până acum, se evidenţiază doar în proximitatea cursurilor afluenţilor săi de stânga, unde, începând cu deceniul al patrulea al secolului trecut, au fost descoperite şi parţial cercetate câteva aşezări din această perioadă.

În ordine cronologică, menţionăm că aşezări specifice culturii Criş, pe baza cercetărilor efectuate până acum, nu se cunosc. În schimb, o aşezare a culturii ceramicii liniare a fost descoperită pe teritoriul satului Bumbăta; aceasta a fost cercetată perieghetic (Bodean 2003, 97) şi sondată ulterior (Зайле и др. 2016, 53; Țerna et al. 2016a, 98-104). Altele două s-au găsit în satul Rezina: Rezina I şi Rezina II, au fost analizate la suprafaţă, una dintre ele fiind cercetată şi prin săpătură: Rezina I „Valea la Răgoz" (Bicbaev 2006a, 44-46; Bicbaev 2006b, 53-54; Bodean 2017, 27-28). În literatura de specialitate, pe teritoriul satului Rădenii Vechi sunt menţionate două situri ale culturii ceramicii liniare, descoperite de către Vsevolod Marchevici în 1988, dintre care unul este reprezentat de o descoperire izolată de fragmente ceramice, iar celălalt este cartografiat drept o aşezare propriu-zisă (Ларина 1999, 114; Bodean 2017, 25-26). Ţinem să menţionăm că în monografia publicată de Olga Larina despre cultura ceramicii liniare în interfluviul pruto-nistrean nu există nicio referire bibliografică despre aşezările descoperite de Marchevici la Rădeni, informaţia fiind prezentată doar într-un tabel.

Urmează trei aşezări aparţinând culturii Precucuteni-Tripolie A: una – la Bumbăta, în locul denumit „Şirişei", cercetată perieghetic (Bodean 2003, 98) şi, ulterior, încadrată cronologic în faza Precucuteni III (Bodean 2015, 15), altele două – la Rădeni, în locurile numite „Valea Ilenii" şi „Sărătura Bălăneşti", cercetate prin sondaje de către Ecaterina Vulpe (Vulpe 1944, 83; Sorochin 1994, 67; Bodean 2001, 86; Covalenco 2006, 29), cu menţiunea că cel din urmă cercetător încadrează situl „Valea Ilenii" în cultura Cucuteni-Tripolie A. Ulterior, în literatura de specialitate, aşezarea din locul numit Sărătura-Bălăneşti a fost cartografiată pe teritoriul satului Alexeevca, comuna Rădenii Vechi (Маркевич 1973, 79; Bodean 2001, 10; Covalenco 2006, 11), cel din urmă autor încadrând-o în cultura Cucuteni-Tripolie. Aceste două toponime menţionate de Ecaterina Vulpe în raportul de săpătură de la Rădeni, publicat în 1944, au creat o serie de confuzii în literatura de specialitate în care au fost menţionate descoperirile culturii Precucuteni din această localitate. Una dintre confuzii este semnalată în notele lucrării dedicate aşezărilor Precucuteni-Tripolie A din Republica Moldova, potrivit căreia este greu de stabilit care dintre toponime se află în Rădenii Vechi şi care în Alexeevca (Bodean 2001, 116).



1

2

3

Fig. 1. Poziţia topografică (1), reprezentarea satelitară (2) şi hidrologică (3) a microzonelor aşezărilor Teşcureni VI, Teşcureni VII şi Teşcureni VIII.

Mediul fizico-geografic

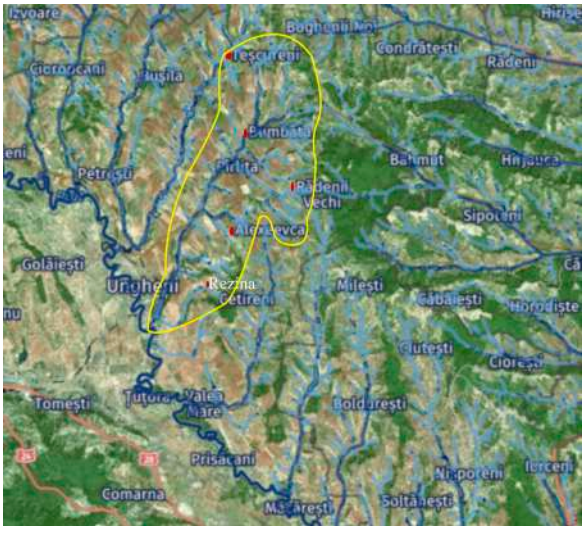
Sub aspect fizico-geografic, aşezările descoperite sunt poziţionate pe înşeuarea unui lanţ deluros (fig. 1/1) din subregiunea Câmpiei Prutului de Mijloc, mărginită la nord de Podişul Moldovei de Nord, la sud – de Podişul Bâcului de Vest, la est – de Câmpia Cuboltei, Dealurile Ciulucurilor (Boboc 2009, 164), iar la vest – de Câmpia Jijiei Superioare şi a Bahluiului, unitate componentă a regiunii Podişului Moldovei (Badea et al. 1992, 491). Dealul din partea estică a localităţii, unde sunt amplasate siturile, face parte din lanţul deluros ce străbate teritoriul raionului Ungheni pe direcţia sud-est – nord-vest şi care, în partea de nord-est a localităţii, marchează linia de delimitare între bazinul hidrografic al Prutului şi Nistrului[1]. Din punct de vedere hidrografic, siturile tratate de noi în această lucrare sunt amplasate în apropierea izvoarelor unor afluenţi intermitenţi de dreapta ai râului Delia, în trecut numit Turbata (Covalenco 2006, 6), care, la rândul lui, având o lungime de 30 km, este unul dintre cei mai importanţi afluenţi de dreapta, direcţi, ai râului Prut (Cazac, Bejenaru 2006, 19) (fig. 2/3). Astfel, la est de aşezarea culturii ceramicii liniare, la nord-est de cea Precucuteni şi la sud-vest de cea Criş izvorăşte unul din afluenţii Deliei, ce curge spre sud şi se conectează cu reţeaua hidrografică a satului Romanovca, care, la rândul ei, alimentează cursul Deliei. În partea de nord-vest a aşezărilor îşi începe cursul un alt afluent, care se conectează cu bazinul pârâului Flămânda de pe teritoriul satului Teşcureni şi, continuându-şi cursul spre sud, pe teritoriul satului Hristoforovca, se varsă, la fel, în bazinul Deliei (fig. 1/3).

Situl Teşcureni VI „În Şuşmei”

Aşezarea Teşcureni VI este amplasată în partea satului numită „La Şchid”, pe o terasă joasă, cu altitudinea de 174 m şi coordonatele geografice 47°24'22" N, 27°57'48" E. Terasa se află în apropiere de curba drumului ce delimitează livada de meri, situată în partea de est, şi livada de nuci, din partea vestică (fig. 1/1; 2/2 - aşezarea marcată cu săgeată galbenă). Pe suprafaţa terasei, care în prezent este arată, s-au găsit destul de puţine materiale. Din categoria obiectelor litice menţionăm un gratoar lucrat pe aşchie, întreg, de mici dimensiuni (L = 3 cm; LA = 2,8 cm)[2] şi

1

2



3

Fig. 2. Reprezentarea fotografică a aşezărilor Teşcureni VIII (1), Teşcureni VI (marcată cu săgeată galbenă), Teşcureni VII (marcată cu săgeată roşie) (2) şi harta bazinului hidrografic al râului Delia (3).

[1] http://www.apelemoldovei.gov.md; https://earth.google.com/web/

[2] În lucrare, pentru indicarea dimensiunilor pieselor au fost utilizate următoarele abrevieri: L – lungime; H – înălţime; LA – lăţime; G – grosime.

câteva deșeuri de debitaj – toate confecționate din silex de nuanță albastră și neagră. Fragmentele ceramice sunt la fel de puține, reprezentate de o buză de vas, fără decor, de culoare cenușiu-gălbuie, modelată dintr-o pastă semifină, în care a fost adăugată pleavă ca degresant vegetal. Grosimea profilului este de 0,7 cm. Un fragment asemănător provine din corpul unui vas, în interior de culoare cenușie, iar la exterior – galben-maronie. Fragmentul ceramic care, practic, ne-a permis încadrarea culturală mai exactă a așezării, provine din buza unui vas, modelat dintr-o pastă în care s-a adăugat pleavă, pereții sunt cenușii-gălbui, iar miezul gălbui-roșietic, grosimea peretelui fiind de 1 cm. Fragmentul este decorat cu niște proeminențe duble, numite „coadă de rândunică" (Păpușoi 1980, 13), făcute cu degetele (fig. 17/3). Analogii ale fragmentului de buză, în așezările Criș din interfluviul pruto-nistrean se regăsesc în așezarea de la Sacarovca (r-nul Sângerei), unde în locuința nr. 1 a fost descoperit un fragment cu același decor, care a permis reconstituirea cvasi-totală a vasului (Larina 1994, 60, fig. 3/37). Astfel, putem spune că fragmentul nostru făcea parte dintr-un vas cu buza evazată spre exterior, gâtul scurt și corpul globular. La vest de Prut, un fragment asemănător a fost descoperit în așezarea atribuită culturii Criș de la Balș, în locul numit „Valea Părului", jud. Iași (Păpușoi 1980, 15, fig. 11/4; Boghian et al. 2018, 85, fig. 37/10).

Pe suprafața terasei se mai observă și bucăți de lut. Cantitatea mică de materiale la suprafață poate fi cauzată de adâncimea mare la care se află stratul arheologic și de suprapunerea lui de un nivel medieval, care se întinde pe toată lungimea depresiunii din această parte a satului.

Un fragment ceramic de aceeași culoare și consistență a fost descoperit la aproximativ 2 km, în linie dreaptă, de așezarea Criș. Locul (fig. 1/1 (D.i)) unde a fost descoperit fragmentul, împreună cu o lamă de silex, are forma unei terase cu altitudinea de 112 m și coordonatele 47°24'32" N, 27°56'49" E, și este situat de-a lungul unui afluent al pârâului Flămânda.

Situl Teșcureni VII „Grădina lui Lupușoru"

Situl Teșcureni VII, numit și „Grădina lui Lupușoru"[3], este situat în aceeași parte a satului, la fel ca situl precedent. Așezarea se află pe partea dreaptă a intersecției de drumuri, care delimitează intravilanul localității de extravilan (fig. 1/1; 2/2 - marcată cu săgeată roșie). Perimetrul așezării (cca 241 m - porțiunea terenului arabil) are forma unei terase medii, delimitate de o pantă abruptă în partea de est, de o ușoară denivelare în partea de sud și de drumul rural în partea de nord-vest. Locul are altitudinea de 190 m și coordonatele 47°24'22" N, 27°57'38" E. Sub aspect geografic, comunitatea stabilită aici a menținut canonul de alegere a locului pentru așezare, specific majorității așezărilor culturii ceramicii liniare din spațiul carpato-nistrean: terase medii și proximitatea unei surse acvatice mai puțin importante, încadrate de unii cercetători în gradul IV (Ursulescu 1984, 98-99; Ларина 1999, 28).

Conform acestor parametri, așezarea culturii ceramicii liniare de la Teșcureni s-ar asemăna cu cele două de la Rădeni, a căror altitudine este menționată de Olga Larina ca variind între 150-270 m (Ларина 1999, 28). Însă, așa cum am menționat anterior, existența unor așezări liniar-ceramice la Rădeni, în lipsa unui indiciu bibliografic, este incertă la momentul actual și foarte probabil au fost confundate cu cele Precucuteni, sondate de Ecaterina Vulpe în 1943. Totuși Vsevolod Marchevici, în lucrarea din 1973, menționează cele două așezări precucuteniene (Маркевичи 1973, 79). Este posibil ca, până în momentul în care s-a publicat lucrarea Olgăi Larina în 1999, Marchevici să mai fi descoperit încă două așezări liniar-ceramice la Rădenii Vechi.

Revenind la așezarea discutată, menționăm că, în urma mai multor cercetări de suprafață, au fost colectate o serie de piese litice (care se găsesc sporadic și pe terenul din partea de vest a așezării, după porțiunea cu livada de cireșe), fragmente ceramice, bucăți de lut și un topor de piatră.

Materialul litic[4]. Gama tipologică a materialului litic din această așezare nu este foarte bogată, majoritatea fiind lame microlite. Unele dintre ele sunt prevăzute, în partea proximală, cu con de percuție și talon, la unele lame talonul fiind minuscul (fig. 3/3, 4, 6, 8, 10-12). Câteva lame sunt rupte în partea medială (fig. 3/2, 5-7). Doar două lame păstrează pe avers bucăți de cortex (fig. 3/4, 10). În afară de gratoarul pe lamă din

[3] Toponimul este dat după numele posesorului lotului de pământ.

[4] Pentru caracterizarea materialului litic au fost folosite lucrări consacrate studiului industriei litice din cultura ceramicii liniare (Păunescu 1970; Țurcanu 2008).

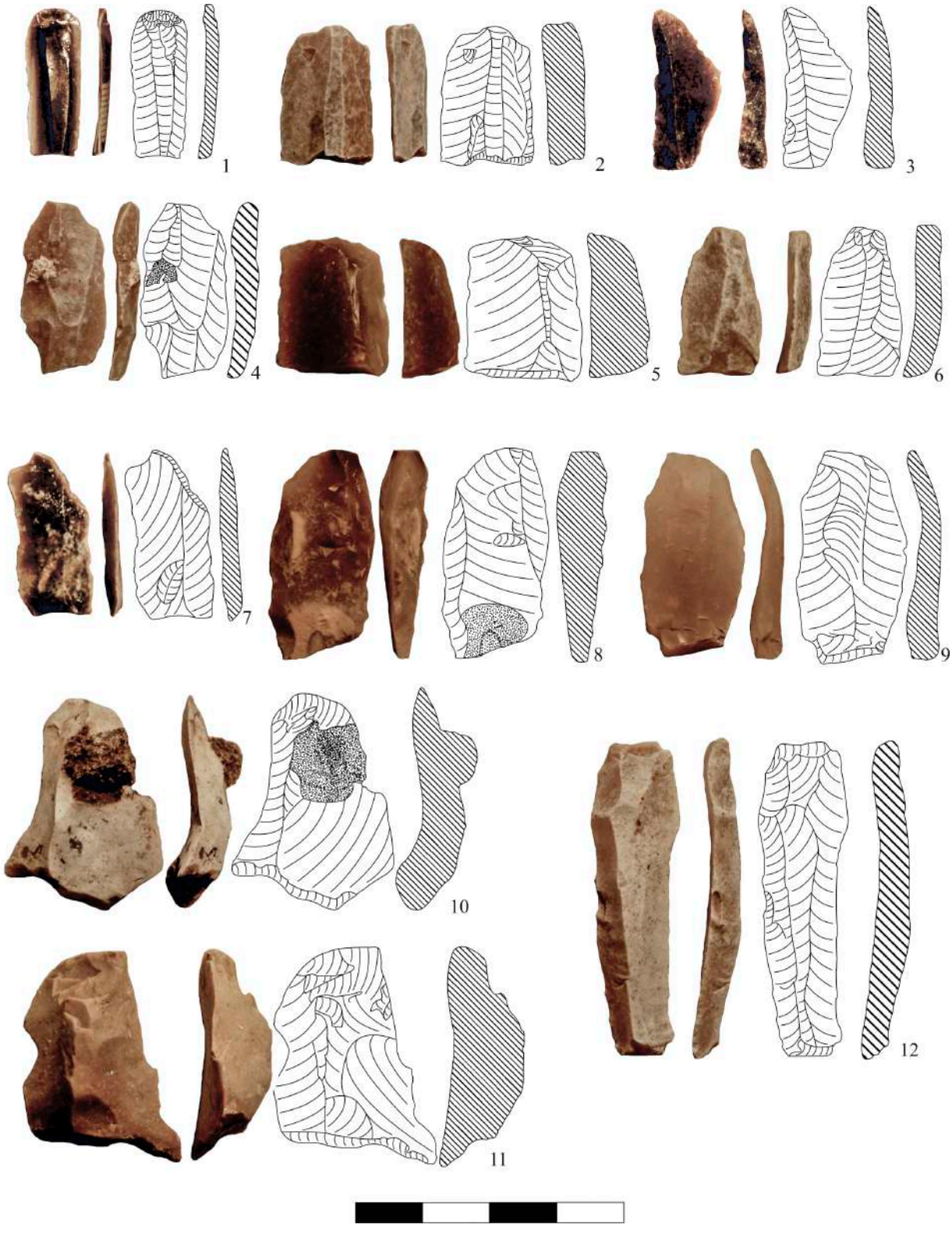


Fig. 3. Unelte din obsidian (1) şi din silex (2-12): lame (1-4, 6-12), gratoar pe lamă (5) din aşezarea liniar ceramică Teşcureni VII.

fig. 3/5, cu partea activă circulară şi rupt în partea centrală, niciuna dintre piese nu este prevăzută cu retuşe marginale. Din punct de vedere al funcţionalităţii, obiectele pot fi încadrate în categoria uneltelor simple.

Pe suprafaţa sitului au mai fost identificate două lame, care, în comparaţie cu materialele descrise mai sus, sunt mult mai mari. De exemplu, lama din fig. 4/2 are L = 5, 7 cm şi LA = 2, 2, în comparaţie cu lama din fig. 3/12, care are L = 4 cm şi LA = 1 cm în acelaşi loc. Ambele lame sunt întregi, una dintre ele are suprafeţele patinate (fig. 4/2), ambele au păstrat talonul punctiform şi bulbul ştirbit în cazul lamei din fig. 3/2 şi nu sunt prevăzute cu retuşe. Suprafaţa de desprindere a lamei din fig. 4/1 este marcată de creste. Credem că aceste două piese sunt atipice pentru industria litică a ceramicii liniare, care, în cea mai mare parte, se caracterizează prin microlitism. Nici nu avem suficiente dovezi pentru teoria că populaţia ceramicii liniare, stabilită în această aşezare, ar fi asimilat pe parcursul migraţiei o populaţie tardenoiziană, de unde ar fi preluat astfel de unelte. În literatura de specialitate mai veche, s-a înaintat ipoteza că unele comunităţi ale culturii ceramicii liniare ar fi refolosit unele piese paleolitice, găsite în proximitatea lor, aşa cum este presupus tabloul din aşezarea de la Glăvăneştii Vechi (Comşa 1994, 73). Dificultatea încadrării acestor două piese vine şi din faptul că nu departe de acest sit se află două aşezări paleolitice şi una eneolitică, în care obiectele de silex de mari dimensiuni sunt mult mai des întâlnite. De aceea, în acest studiu, ne vom rezuma doar la descrierea lor de mai sus (Păunescu 1970, 38-40).

Tot din categoria obiectelor mai rar întâlnite în mediul culturii ceramicii liniare, anume în arealul aspectului târziu, „cu capete de note muzicale", de data aceasta din punct de vedere al materiei prime, este o lamă confecţionată din obsidian, o rocă vulcanică, de culoare neagră, sticloasă şi transparentă. Piesa, cu dimensiunile L = 2 cm şi LA = 0,7 cm, este frântă în partea centrală, însă păstrează bulbul de percuţie şi talonul (fig. 3/1). În spaţiul dintre Carpaţi şi Nistru astfel de piese sunt menţionate în descoperirile liniar-ceramice de la Traian „Dealul Fântânilor" (Dumitrescu 1970, 45), în săpăturile de la Târpeşti, unde a fost descoperit un arsenal mai divers de unelte din acest material (Marinescu-Bîlcu 1981, fig. 17/1-7), Glăvăneştii Vechi (Comşa 1994, 76) Floreşti (Пассек 1960, 53) şi Dănceni I (Ларина 1999, 47). Identificarea unei piese singulare pe suprafaţa sitului, până la momentul dat, ne determină să ne întrebăm dacă piesa a ajuns aici sub forma unui produs finit sau a fost confecţionată chiar în această aşezare.

Pe suprafaţa sitului au mai fost identificate două nuclee de silex, unul cu formă relativ piramidală (fig. 4/4), iar altul amorf (fig. 4/3), la fel şi bazele acestora.

În ceea ce priveşte materia primă folosită la confecţionarea uneltelor, s-a utilizat, în mare parte, silexul/cremenele din categoria rocilor silicioase. Culoarea silexului variază de la cenuşie-negricioasă, vineţie-albăstruie la galben-maronie. Cu siguranţă, materia primă era adusă din depozitele Prutului, prezente pe teritoriul raionului Ungheni, conform investigaţiilor lui Nicolae Moroşan, la Sculeni şi Gherman-Dumeni (Păunescu 1999, 46).

Obsidianul a fost folosit ca materie primă încă de primele comunităţi ale Paleoliticului Superior de la nord-vestul şi estul Carpaţilor (Dobrescu 2017, 18; Cârciumaru 1985, 571). Această materie continuă să fie utilizată mai des de triburile culturii Criş, ulterior, în mediul triburilor band-ceramice, originare din zona nord-vest slovacă, se întâlneşte tot mai rar. Se consideră că din Paleolitic şi până în Neolitic această materie a fost adusă sau importată în toată regiunea vest şi est carpatică din regiunea Tokaj-Prešov (Păunescu 1970, 39), situată pe teritoriile Ungariei (zona Tokaj, numită şi Carpatică II) şi Slovaciei (zona Prešov, sau Carpatică I) (Dobrescu 2007, 17-18; Kaczanowska 2018, 411-416). Încadrarea exactă a piesei provenite din situl nostru într-una din sursele de mai sus, fără o analiză petrografică, este, practic, imposibilă, chiar dacă se consideră că se poate efectua acest lucru după nuanţa şi opacitatea obsidianului. Conform unor cercetători, obsidianul din cele două surse poate fi diferenţiat prin culoarea neagră şi opacitate pronunţată pentru cel provenit din Ungaria şi culoarea gri-maronie şi semi-transparentă pentru cel din Slovacia (Dobrescu 2007, 18). În cazul nostru, lama are culoarea neagră şi este semitransparentă.

Prin urmare, judecând după traseul comunităţilor liniar-ceramice, stabilit pe baza descoperirilor arheologice, care au arătat că ele s-au răspândit în interfluviul pruto-nistrean la mijlocul mileniului al VI-lea a. Chr., din zona Ungariei şi Slovaciei prin Polonia, Ucraina subcarpatică şi bazinul Nis-

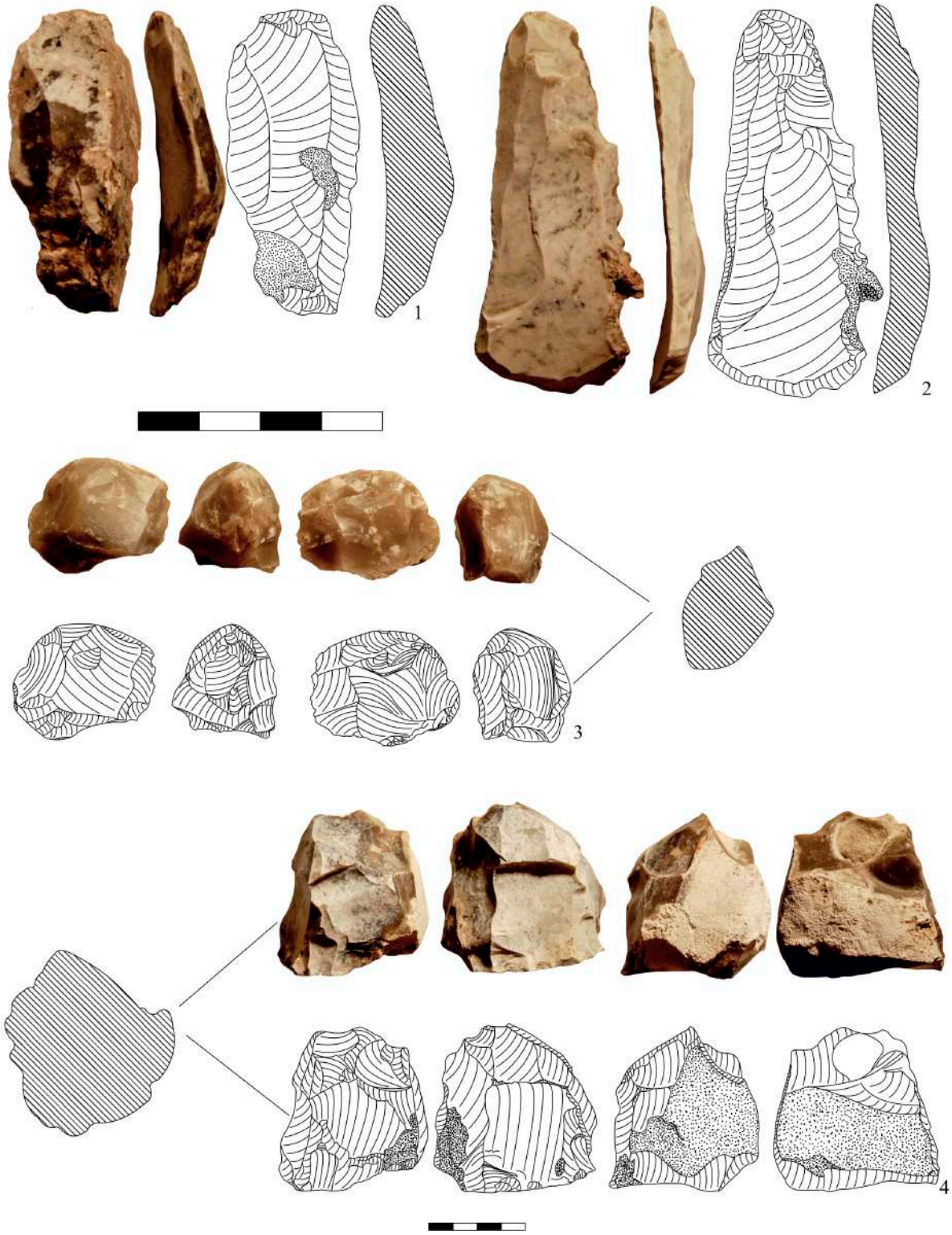


Fig. 4. Unelte din silex (1-4): lame (1-2), nuclee (3-4) din aşezarea liniar ceramică Teşcureni VII.

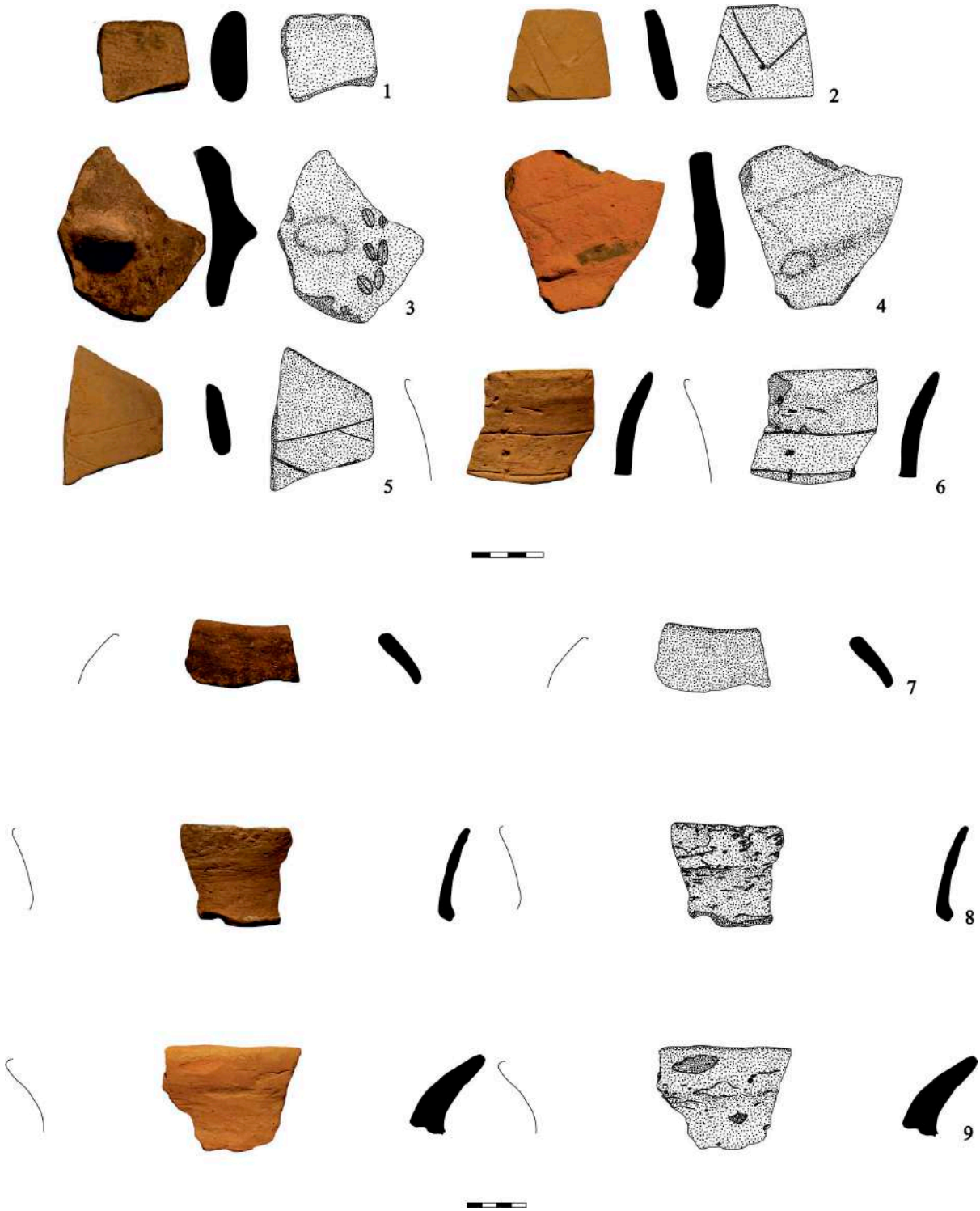


Fig. 5. Fragmente ceramice (1-9) din aşezarea liniar ceramică Teşcureni VII.

trului Superior, credem că este cel mai rezonabil să presupunem că au procurat obsidian din cele două surse carpatice menţionate (Ursulescu 1990, 13-14), depozitele de obsidian din Mediterană, Anatolia sau Armenia fiind departe de traiectoria lor de deplasare. Cantitatea redusă de unelte şi deşeuri din această materie indică faptul că, odată ce s-au îndepărtat de sursa primară, aceste comunităţi au manifestat o predilecţie pentru materia locală, în cazul nostru, silexul. În general, această situaţie este valabilă pentru tot arealul culturilor neo-eneolitice de pe teritoriul Republicii Moldova şi României (Boroneanţ et al. 2019, 27-40).

Toporul identificat pe suprafaţa terenului este păstrat întreg, nu are urme de folosire sau deteriorare. Acesta este confecţionat din siltit de culoare galbenă deschisă, are dimensiunile L= 6 cm şi LA = 3,5 cm, are o convexitate slab accentuată pe o singură latură. Spre marginea tăişului acesta se îngustează. Linia tăişului este uşor oblică (fig. 6/8). Tipologic, se încadrează în registrul topoarelor de tip calapod, după Olga Larina, în varianta C/a (Ларина 1999, рис. 40; 43/10). Asemenea topoare au fost identificate în aşezarea de la Mihoveni (Ursulescu, Batariuc 1979, fig. 5/2) şi Glăvăneştii Vechi (Comşa 1994, fig. 12/1).

Fragmentele ceramice: tehnici de fabricare. Fragmentele ceramice din această aşezare au fost identificate într-o cantitate redusă, dar sunt destul de reprezentative. Am ales să prezentăm în acest articol doar fragmentele care ne-au fost de folos la reconstituirea unor forme de vase şi cele care provin din corpul vaselor şi au decor. Pentru caracterizarea lor am ţinut cont atât de parametrii tehnologici, cât şi de cei morfologici şi stilistici: tehnica de prelucrare, compoziţia pastei, făţuirea suprafeţelor, culoarea rezultată în urma arderii, forma şi decorul, aceste componente influenţând destinaţia ulterioară a vasului (Ursulescu 1990, 280-283; Ларина 1999, 58; Ignătescu 2001, 47-50).

Din punct de vedere al tehnicii de prelucrare, fragmentele ceramice se împart în două categorii: cele care au făcut parte din vasele lucrate din pastă fină şi cele modelate din pastă grosieră. Prima categorie de fragmente este prezentă într-o cantitate mai redusă, comparativ cu cea din urmă. Ambele tipuri de fragmente ceramice din această aşezare se încadrează în parametrii specifici întregului areal liniar-ceramic cu capete de note muzicale.

Ceramica fină se deosebeşte de cea grosieră, în primul rând, prin calitatea pastei, care este curată, fără adaosuri de materiale adiţionale. Un al doilea indiciu este grosimea pereţilor, care variază între 0,5-0,7 mm. Grosimea mică a pereţilor a favorizat arderea completă a pastei şi obţinerea unor nuanţe uniforme pe toată suprafaţa fragmentelor ceramice, care variază de la galben (fig. 5/2, 5, 6) la gri (fig. 6/1-3, 5, 7). Pereţii vaselor sunt netezi şi au un aspect făinos, fără urme de lustruire.

Ceramica grosieră se individualizează printr-o pastă cu adaosuri semnificative de pleavă, care, în urma arderii, cauzează porozitate suprafeţelor. Grosimea pereţilor variază între 1 cm şi 5 cm, aceasta determinând, de altfel, şi arderea neuniformă a vaselor. Astfel, nuanţa fragmentelor ceramice variază de la roşie-cărămizie (fig. 5/4; 6/6) şi galbenă (fig. 5/9) la cenuşie-neagră (fig. 5/3, 7; 6/4), miezul lor având culoarea neagră. Pe suprafaţa acestor fragmente nu sunt executate decoruri, decât în foarte puţine cazuri (fig. 5/3; 6/6).

Forme. În această aşezare, tipologia vaselor modelate din ambele tipuri de pastă nu este una diversă. Astfel, în repertoriul vaselor modelate din pastă fină se încadrează două oale cu gâtul cilindric, corpul bombat şi buza îndoită spre exterior (fig. 5/6; 6/2), încadrate de O. Larina în grupa IV B (Ларина 1999, рис. 48; Ursulescu 1990, pl. 1/4). În literatura de specialitate, forma acestor vase corespunde cu tehnica de modelare pentru ceramica grosieră sau intermediară, care continuă, de fapt, tradiţia de modelare din cultura Criş (Ursulescu 1990, 18). În aşezarea noastră, aşa cum vom vedea în continuare, cele mai multe vase de această formă sunt modelate chiar din pastă grosieră. Însă între aceste vase există o deosebire: pe lângă compoziţia pastei, sunt prevăzute cu decor doar vasele din categoria fină. După formă şi decor, vasele se aseamănă cu cele de la Dănceni, Radoaia, Floreşti I (Ларина 1999, рис. 74/2; 84/7; 89/1, 3, 4), dar şi cu altele, pe care le vom menţiona la categoria ceramicii grosiere.

Fragmentele din fig. 5/2, 5 fac parte din castroane sferice cu buzele foarte puţin curbate spre interior, asociate grupei I B. Mai puţin tipic este fragmentul din fig. 5/5, care are buza oblică. Primele fragmente menţionate îşi găsesc analogii în aşezarea de la Dăneşti (Ursulescu 1990, fig. 2/6, 8-10). Tot din corpul unor castroane semisferice,

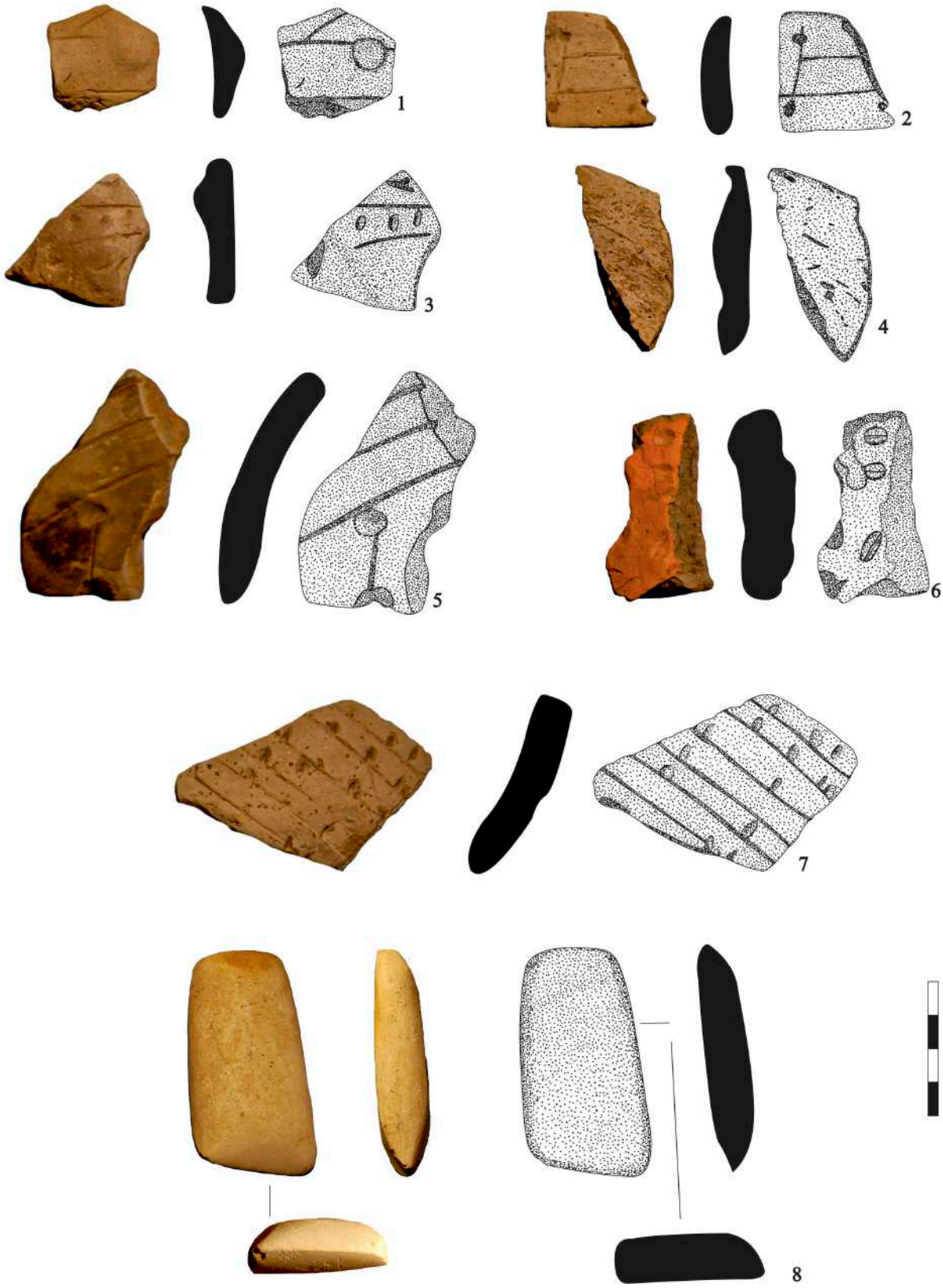


Fig. 6. Fragmente ceramice (1-7) şi topor calapod din siltit (8) din aşezarea liniar ceramică Teşcureni VII.

credem, fac parte fragmentele din fig. 6/1, 3, 5, 7. Fragmentul din fig. 6/1 este prevăzut cu toartă sub forma unui buton modelat în zona diametrului maxim şi face corp comun cu acesta. Castroanele sferice sunt prezente în aşezarea de la Floreşti (Пассек 1960, 52, рис. 3/1, 3, 4), Dănceni, Sângerei (Ларина 1999, рис. 74/1; 58/6) şi Dăneşti (Ursulescu 1990, pl. 2/6).

Din registrul formelor de vase modelate din pastă grosieră fac parte un bol semisferic, cu buza lin arcuită spre interior (fig. 5/7), după aceiaşi cercetători, încadrat în grupa I B. Analogii ale acestui tip de vas se regăsesc în aşezarea de la Glăvăneşti (Comşa 1994, fig. 25/4), Şcheia-Silişte (Ignătescu 2003, pl. III/8-9). Tot dintr-un bol, dar cu marginea dreaptă, de astă dată, face parte fragmentul din fig. 6/4.

O altă categorie o constituie vasele cu buzele lin arcuite în afară, cu gâtul cilindric şi corpul bombat (fig. 5/4, 8). Primul vas este prevăzut cu o tortiţă de formă ovală, asemănătoare după formă cu cea de la fragmentul de vas descoperit în locuinţa 17 la Floreşti (Пассек, Черныш 1963, рис. XIX/16). La această categorie se înscrie şi vasul din fig. 5/9, însă, spre deosebire de precedentele, el are o deschidere mult mai largă în zona gurii şi pereţii sunt foarte groşi: 2,5 cm grosime în zona diametrului maxim. Vasele aparţin categoriei IV şi V B (Ларина 1999, рис. 48) şi sunt foarte populare în mediul culturii liniar-ceramice, întâlnindu-se şi în aşezarea de la Dănceni I, Mândreşti, Gura-Camenicii IV (Ларина 1999, рис. 63/8; 74/3; 66/6; 69/3; 87/6), Glăvăneştii Vechi (Comşa 1994, fig. 25/1), Mihoveni (Ursulescu, Batariuc 1979, fig. 10/5), Şcheia-Silişte (Ignătescu 2003, pl. IV/12), Târpeşti (Marinescu-Bîlcu 1981, fig. 18/4a; 28/10), Nezvisko (Пассек, Черныш 1963, рис. IV/1; V/5).

Decoruri. Fragmentarea vaselor într-o măsură destul de mare a îngreunat reconstituirea totală a decorului de pe suprafeţele acestora. Cu toate acestea, putem menţiona că decorurile au fost realizate prin tehnica inciziei, sub forma unor linii combinate divers şi însoţite, în unele cazuri, de „capete de note muzicale". În aşezarea noastră, ele apar exclusiv pe vasele din categoria fină (fig. 5/2, 5, 6; 6/2, 3, 7) şi prin ornamente adâncite prezente doar pe ceramica grosieră (fig. 5/3; 6/6).

Un prim model decorativ este format din unghiuri suspendate, cu bazele direct de la buza vasului, marcate în vârf cu o notă muzicală (fig. 5/2). În arealul est-carpatic, acest motiv se regăseşte în aşezările de la Dănceni I, Gura-Camencii VI (Ларина 1999, рис. 76/8, 10-12; 87/7) şi Mihoveni (Ignătescu 2001, fig. 4/8).

Un alt decor are forma unor linii care înconjoară gâtul vasului pe orizontală, iar pe verticală sunt prevăzute cu un şir de note, dispuse atât pe linii, cât şi între ele (fig. 5/6). Analogii se regăsesc în aşezările de la Rădoaia, Sângerei, Floreşti (Ларина 1999, рис. 84/7; 86/17; 89/1). Această compoziţie ornamentală este specifică şi bolurilor cu buza dreaptă sau curbată spre interior, identificate la Gura-Camencii, Floreşti VI (Ларина 1999, рис. 87/8; 88/5-8; 91/9). Dintr-o linie care înconjoară vasul şi de la baza căreia pornesc triunghiuri pare să fie format şi decorul fragmentului din fig. 5/5.

Un alt tip de decor este cel constituit din două linii incizate sub buză, care înconjoară vasul pe orizontală şi sunt intersectate pe verticală de o altă linie, prevăzută la ambele capete cu câte o notă muzicală (fig. 6/2). Cu o bandă formată din şase linii oblice, prevăzute pe suprafaţă cu capete de note muzicale, este ornat fragmentul din fig. 6/7. Acest tip de ornament poate fi un derivat de la cel spiralic, care înconjoară vasul în zona diametrului maxim sau chiar pe toată suprafaţa. Exemplificativ, în acest sens, este vasul de la Nezvisko, chiar dacă acesta este decorat cu linii orizontale (Пассек, Черныш 1963, рис. 2/1). Fragmentul din fig. 6/3 este ornamentat cu două linii, între care sunt incizate trei note muzicale pe orizontală. Cu şiruri de linii simple dispuse orizontal sau oblic sunt decorate fragmentele din fig. 6/1, 5.

Fragmentele de vase din pastă grosieră sunt ornamentate cu şiruri de impresiuni de unghii şi degete, dispuse pe vertical, sub forma unui spic de grâu (fig. 5/3) sau haotic (fig. 6/6). Acest decor este considerat de tradiţie Criş şi se întâlneşte sub diferite forme în aşezările de la Găureanca-Vâlcele, Traian (Ursulescu 1990, pl. 5/28; 12/5), Dănceni I (Ларина 1999, рис. 63/4). Pe vasele de la Sângerei şi Floreşti impresiunile sunt dispuse sub buza vasului, sub forma unui şir (fig. 67/1) sau a două şiruri orizontale (Ларина 1999, рис. 67/2, 73/8). Tot pe un vas de la Floreşti întâlnim acest decor sub forma a două linii verticale paralele, care pornesc de la marginea buzei, sau a două şiruri ce înconjoară vasul în zona torţii (Ларина 1999, рис. 73/4-5).

Cronologie. Pentru încadrarea cronologică a așezării Teșcureni VII, am avut în vedere, în special, registrul decorativ de pe vase. În urma identificării unor analogii cu materialul ceramic din așezările situate pe teritoriul Republicii Moldova, al României și al Ucrainei, putem spune că așezarea se încadrează în prima fază a culturii ceramicii liniare din spațiul est-carpatic (Ursulescu 2000, 246). Această primă fază de pe teritoriul dintre Carpați și Nistru este sincronă cu faza mijlocie și târzie a ceramicii liniare din nord-vestul Slovaciei, aspectul Želiežovce (Ursulescu 2000, 277; Ignătescu 2003, 6; Braungart 2014, 24-25).

Situl Teșcureni VIII „Dealul Crucii"

Nu departe de așezarea Teșcureni VII, la 400 m distanță spre sud-vest, a fost identificat situl ce aparține culturii Precucuteni – Teșcureni VIII[5] (fig. 1/1; 2/1). Acesta este situat pe locul numit „Dealul Crucii", cu o altitudine de 216 m și coordonatele 47°24'14" N, 27°57'21" E. În partea sudică, situl este mărginit de un versant abrupt, iar la nord-est și vest – de pante ușor înclinate. Așezarea, cu un perimetru de cca 400 m, se extinde pe o porțiune de teren arabil, densitatea cea mai mare de materiale fiind înregistrată în partea de est, acolo unde suprafața arabilă este delimitată de un tronson de teren înierbat și continuă spre nord, unde terenul este plantat cu viță de vie. Mijlocul sitului este întretăiat de un drum de țară, care delimitează terenul cultivat cu culturi agricole de sectorul cu vii. Pe harta topografică am marcat aproximativ perimetrul sitului; materiale ceramice și litice, într-o cantitate mult mai mică, se găsesc și în partea de nord și est, acolo unde panta terenului coboară.

Materialul litic. Inventarul litic din această așezare este unul bogat, mai mult de 300 de piese, dintre care am ales să prezentăm doar pe cele care sunt reprezentative și pe baza cărora se poate vorbi de o diversitate tipologică. Pentru încadrarea lor în acești parametri, am ținut cont de clasificările, făcute anterior în literatura de specialitate, referitoare la materialul litic din cultura Precucuteni (Păunescu 1970, 45-46; Boghian, Țurcanu 1994, 147-159; Boghian 1995, 15-22; Țurcanu 2006, 133-138; Țurcanu 2008; Vornicu 2011, 8-10).

Cea mai numeroasă categorie de piese litice este constituită din lame microlitice și doar din câteva exemplare de lame macrolitice (fig. 7/11). Din punct de vedere al prelucrării, lamele sunt sub forma unor produse primare de debitaj, fără retușe (fig. 7/1-11; 8/1, 4-6, 8-11, 13; 9/1-5, 8, 9; 10/1-3, 7), sau sub forma unor obiecte finite, cu retușe marginale sau chiar cu prelucrări care au transformat lama într-un obiect cu o altă destinație: străpungătoare, răzuitoare. Unele din ele păstrează pe avers urme de cortex (fig. 7/1, 6; 9/5; 10/1, 4-6, 10; 11/6), lucru ce sugerează o pregătire insuficientă a nucleului înainte de debitare. Pe reversul pieselor, la majoritatea lor, este sesizabil bulbul de percuție, iar în partea bazilară – talonul. O mică parte din lame au creste pronunțate pe avers (fig. 7/6; 10/4; 11/2).

Din categoria obiectelor finite lucrate pe lame menționăm un străpungător de dimensiuni medii, cu vârful triunghiular, nu foarte ascuțit, cu mici retușe marginale, uzate în partea inferioară, piesa este ruptă în partea centrală (fig. 8/3), cu lame „encoche" de dimensiuni mici și medii. Unele lame sunt prevăzute cu scobitura retușată pe partea dreaptă (fig. 8/2; 11/5) sau cu scobitura neretușată pe aceeași parte (fig. 8/7) și doar una singură are scobitura neretușată pe partea stângă (fig. 8/12). Numai piesele din fig. 8/12 și 11/5 s-au păstrat întregi, celelalte sunt rupte în partea mezială. O altă piesă interesantă este lama cu laturile oblice, prevăzute cu retușe (fig. 10/9).

O altă categorie de obiecte sunt gratoarele, lucrate pe lame mici (fig. 11/1) și mijlocii (fig. 11/2, 5). După tipologie, acestea sunt semicirculare. Unul dintre ele are latura stângă complet retușată, iar pe latura dreaptă este prevăzut cu o mică scobitură (fig. 11/5).

Un alt grup de obiecte sunt așchiile, care se diferențiază de lame printr-o lățime mai mare decât lungimea și, la fel ca cele din urmă, se împart în piese sub formă primară și piese transformate. Așchiile sub forma lor primară sunt integral păstrate (fig. 8/14; 10/6, 10). Marea parte a așchiilor au fost transformate în gratoare, unele dintre ele fiind foarte masive (fig. 11/8), iar altele – cu creastă (fig. 11/7). Tipologic, gratoarele pe așchii sunt circulare, cu retușe pe o porțiune din latura dreaptă (fig. 11/3) sau ușor oblice în plan (fig. 10/8).

[5] Menționăm că acest sit ne-a fost semnalat de către un localnic, care ne-a pus la dispoziție câteva fragmente ceramice. Situl respectiv este amplasat pe dealul pe care, potrivit localnicilor, a fost trasată linia frontului în cel de-al Doilea Război Mondial, drept dovadă fiind gloanțele, fragmentele de obuze, care se găsesc într-un număr destul de mare. De asemenea, semnalăm că situl se află în atenția detectoriștilor.

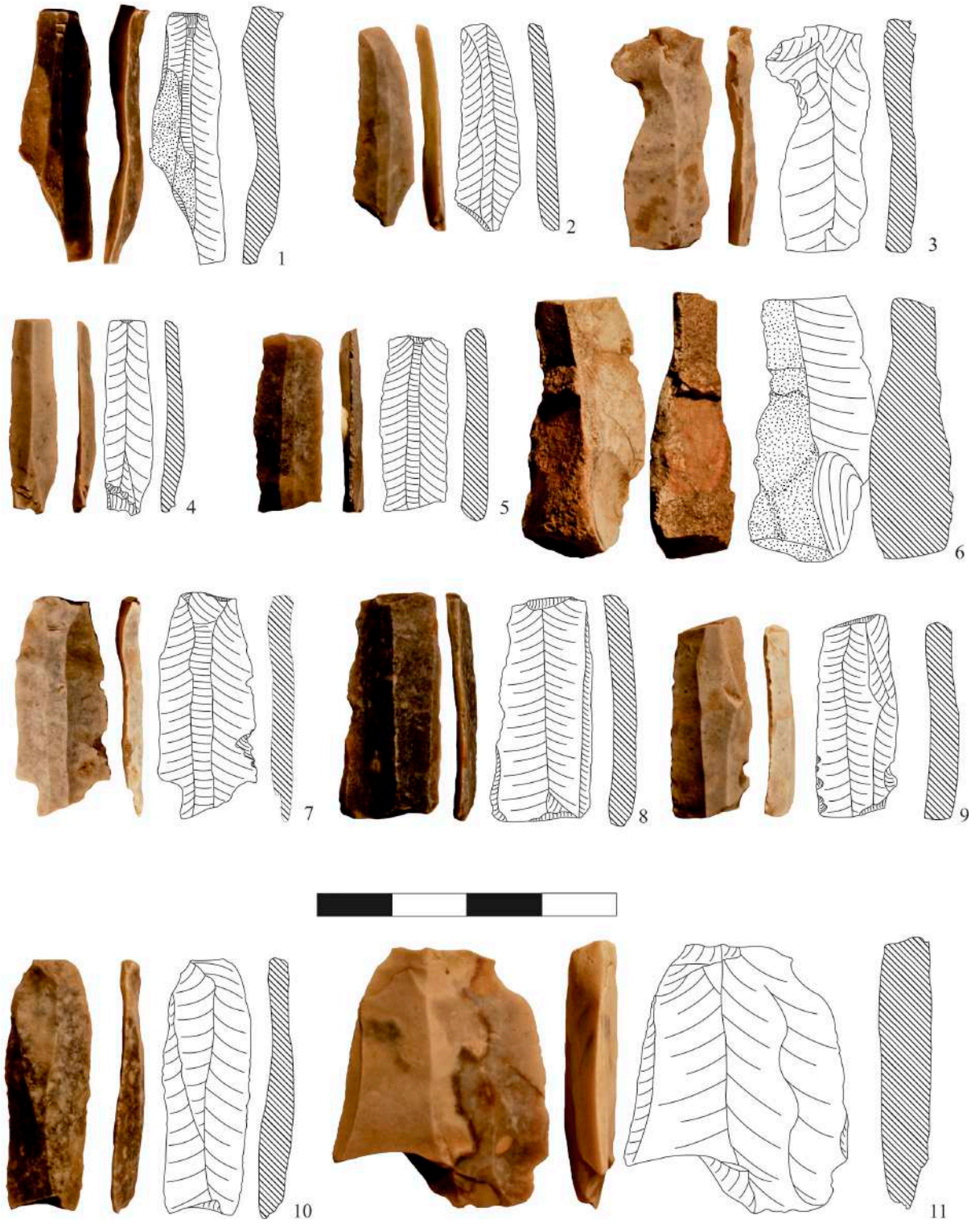


Fig. 7. Unelte din silex (1-11): lame (1-11) din aşezarea precucuteniană Teşcureni VIII.

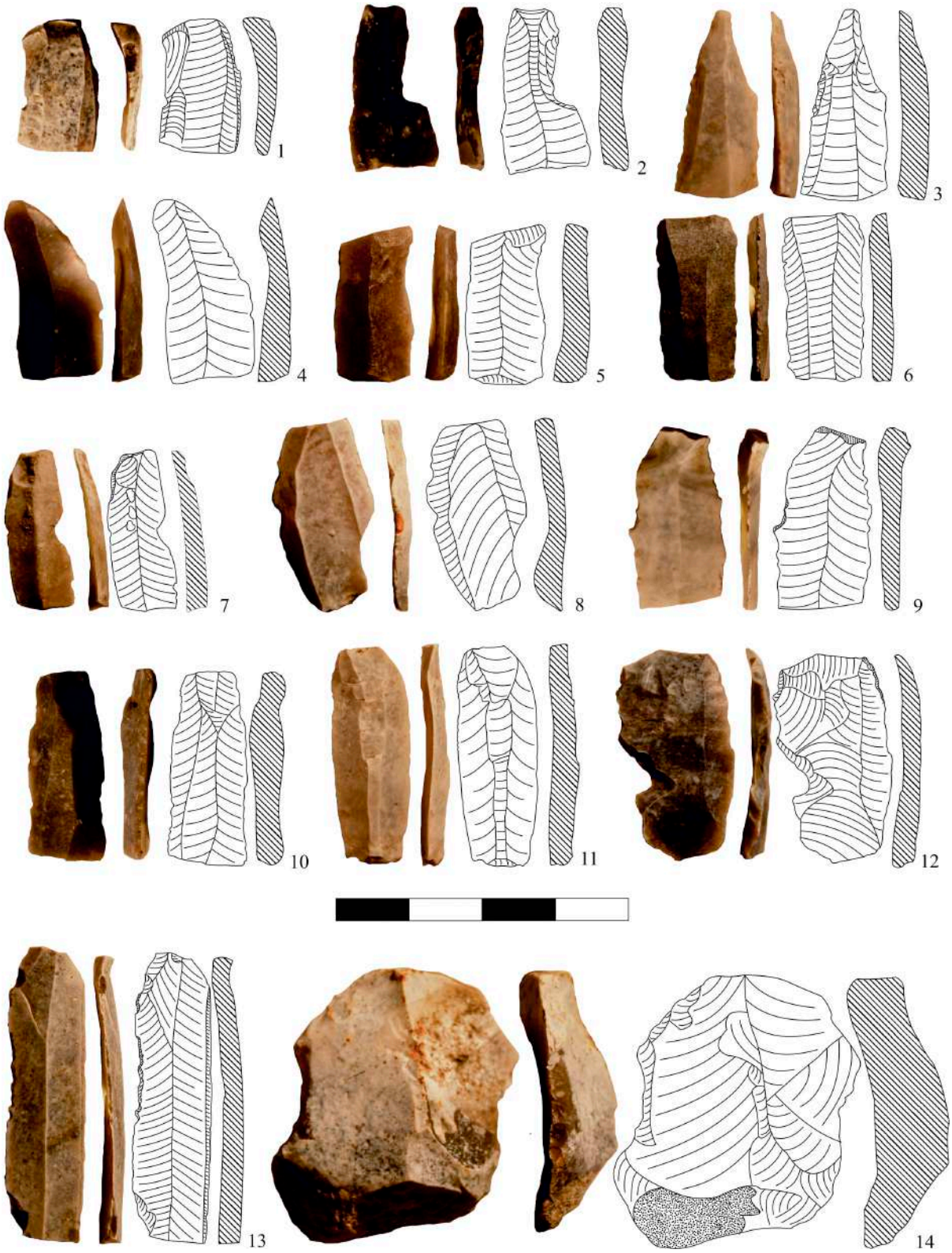


Fig. 8. Unelte din silex (1-14): lame (1, 4-11, 13), lame encoches (2, 12), străpungător (3), aşchie (14) din aşezarea precucuteniană Teşcureni VIII.

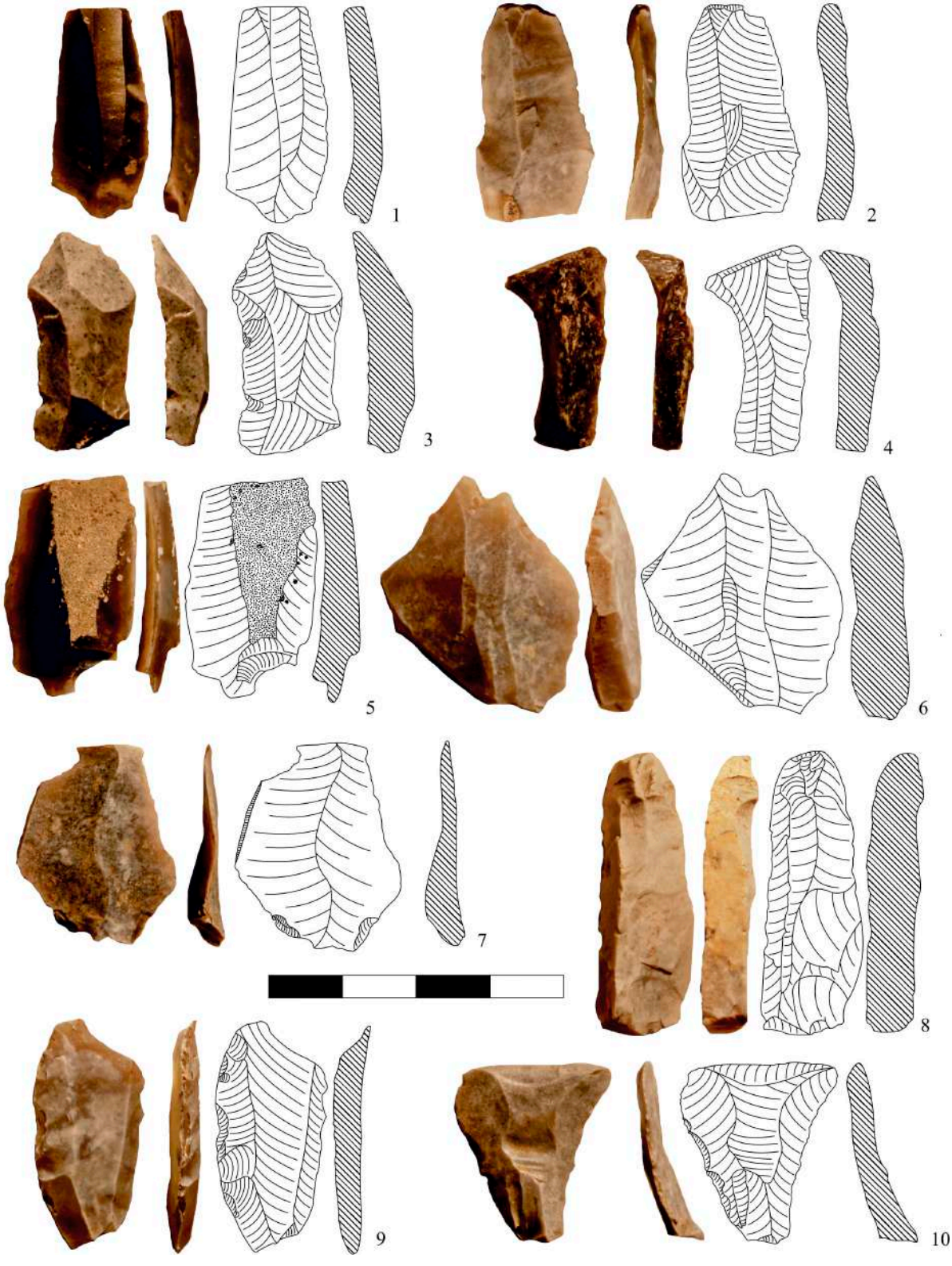


Fig. 9. Unelte din silex (1-10): lame (1-5, 8-9), piese geometrice (6-7, 10) din aşezarea precucuteniană Teşcureni VIII.

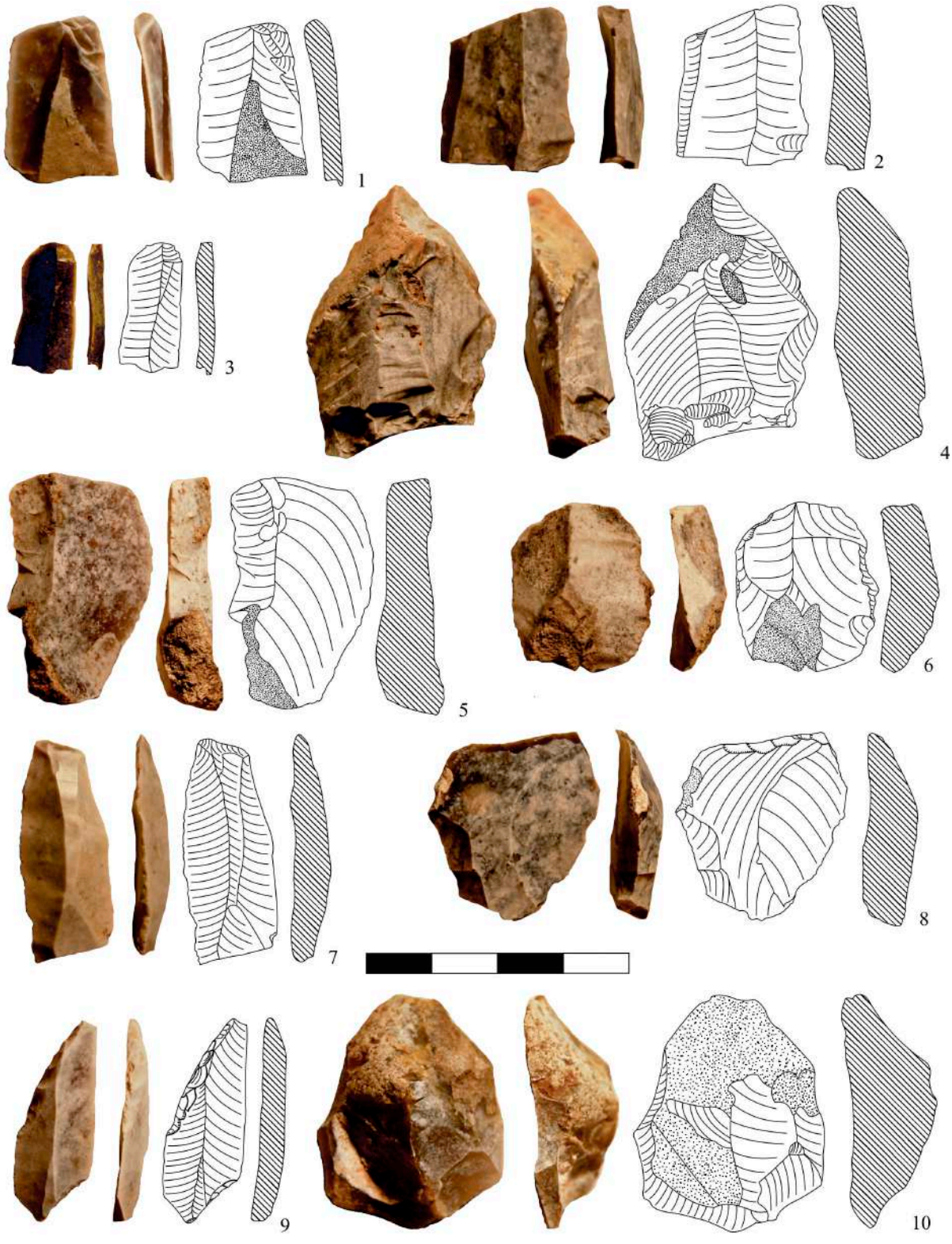


Fig. 10. Unelte din silex (1-10): lame (1-5, 7, 9), gratoare pe aşchii (6, 8), aşchie (10) din aşezarea precucuteniană Teşcureni VIII.

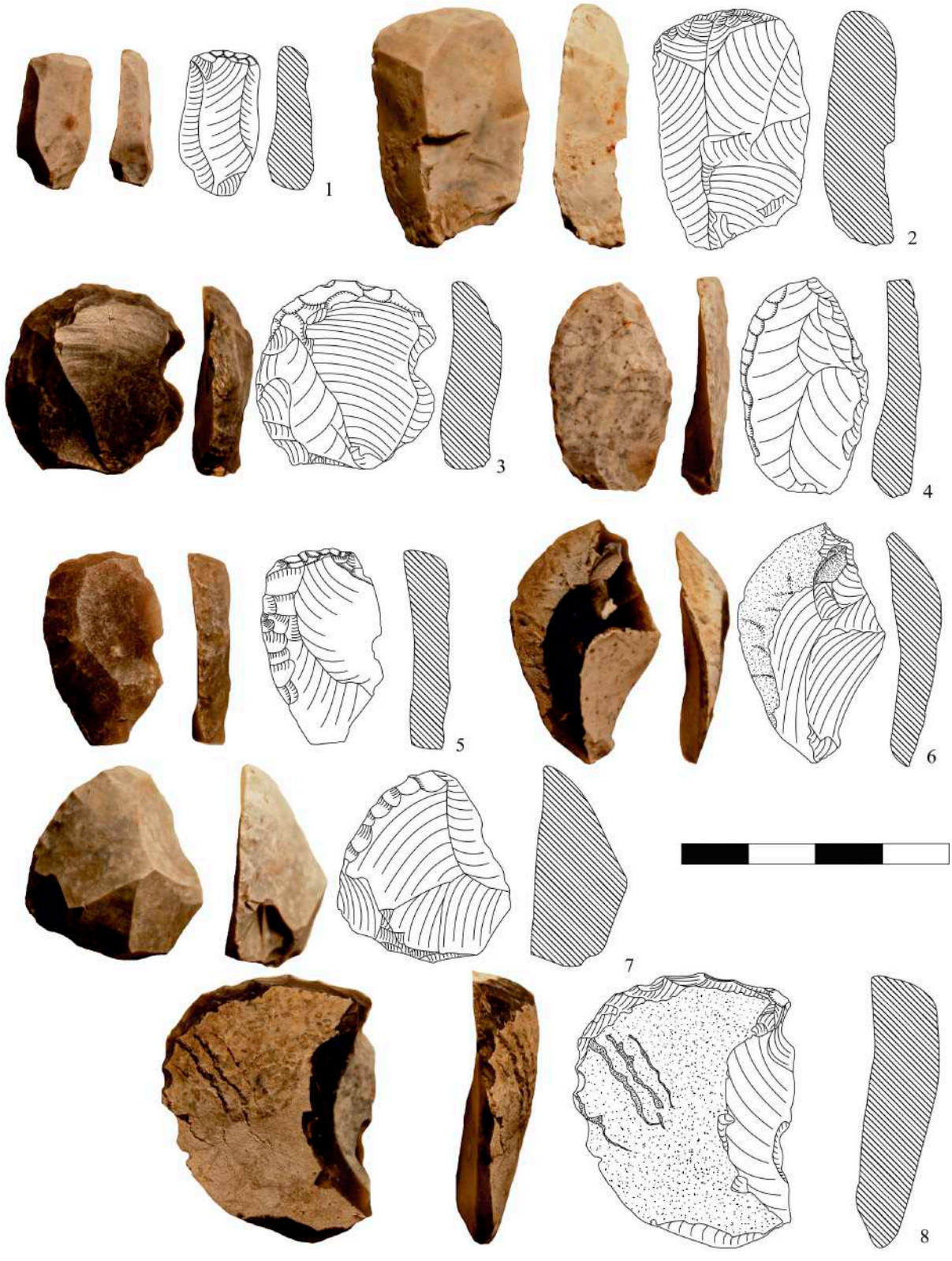


Fig. 11. Unelte din silex (1-8): gratoare pe lame (1-2, 4-5), gratoare pe aşchii (3, 7-8), lamă (6) din aşezarea precucuteniană Teşcureni VIII.

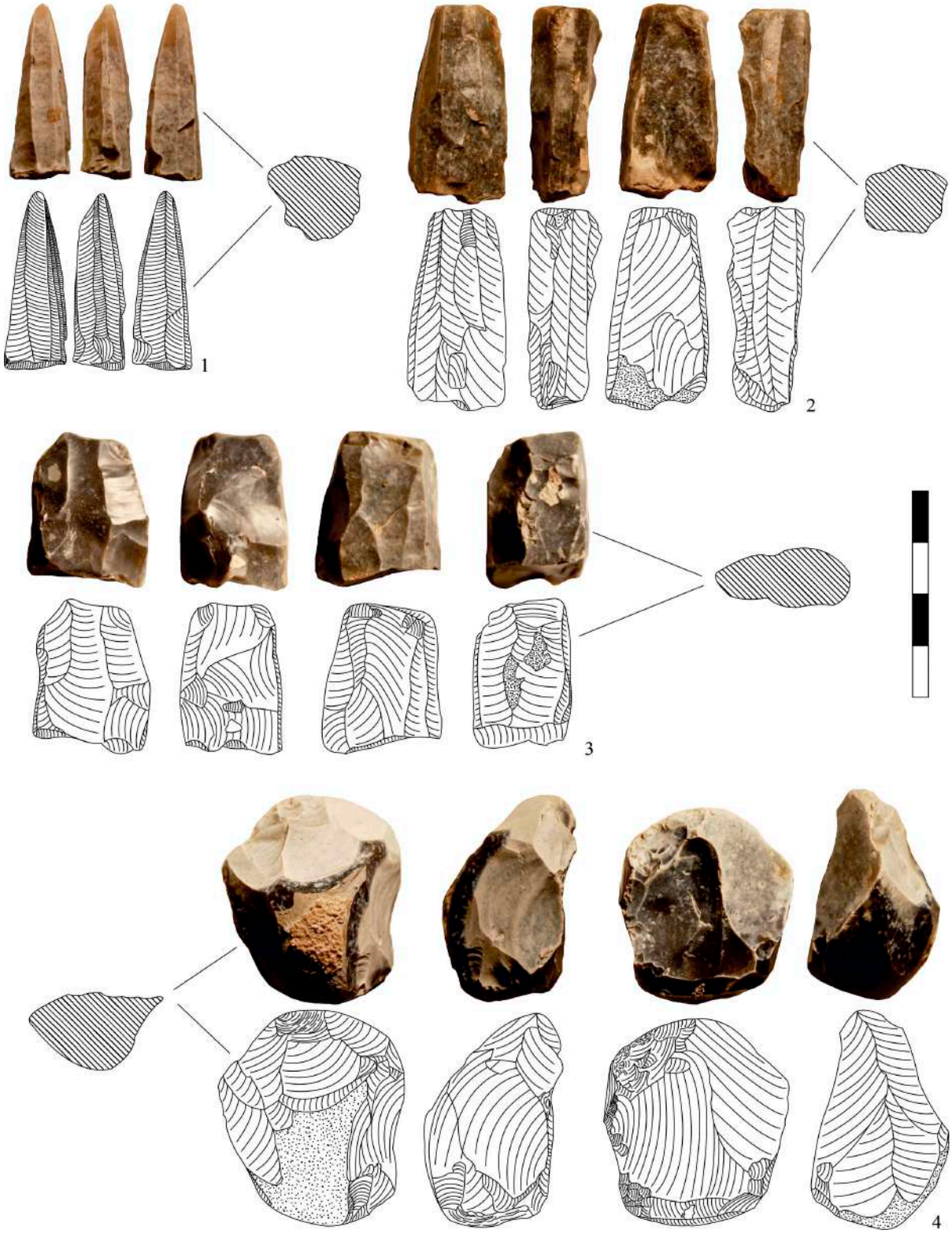


Fig. 12. Unelte din silex (1-4): nuclee (1-4) din aşezarea precucuteniană Teşcureni VIII.

De asemenea, sunt prezente şi piesele geometrice, sub forma unor trapeze asimetrice, fără retuşe marginale (fig. 9/6, 7, 10). Piesa din fig. 9/6 este prevăzută cu o scobitură în partea superioară, motiv care ne face să presupunem că acest obiect a putut fi întrebuinţat în mod asemănător cu lamele cu *encoche,* iar piesa din fig. 9/10 ar fi putut servi drept răzuitor.

Nucleele reprezintă o altă categorie de obiecte, care, de fapt, au constituit suportul de debitare pentru toate uneltele prezentate anterior. După formă şi suprafaţă putem distinge două tipuri de nuclee: unele aflate parţial încă în faza de prelucrare, acestea fiind, de obicei, masive şi având pe suprafaţă porţiuni acoperite cu cortex (fig. 12/4; 13/1, 2, 4) şi nuclee în curs de exploatare, care se diferenţiază printr-o dimensiune relativ mai mică şi suprafeţe plane ce conservă urmele lamelor (fig. 12/1-3; 13/3). După formă, nucleele pot fi împărţite în fusiforme/conice prelungi (fig. 12/1), prismatice (fig. 12/2, 3; 13/3, 4) şi neregulate (fig. 12/4; 13/1).

Piesele sunt prelucrate exclusiv din silex, a cărui culoare, la fel ca în prima aşezare, variază de la albă-albăstruie la gri-cenuşie şi chiar neagră. Cea mai mare parte a pieselor au fost expuse procesului de patinare, căpătând o culoare albicioasă. Doar în câteva cazuri am observat silexuri uşor calcinate, cel mai probabil datorită expunerii lor la temperaturi ridicate, având o textură uşor poroasă (fig. 7/6; 8/7). Credem că sursa de aprovizionare cu materie litică este aceeaşi ca la situl anterior.

Din categoria obiectelor confecţionate din piatră face parte o râşniţă, lucrată din gresie sarmaţiană. Râşniţa, cu dimensiunile L = 21 cm, LA = 12,5 cm, G = 3,3 cm, s-a păstrat într-o stare fragmentară, are colţurile rotunjite şi suprafaţa dreaptă (fig. 14/5). Tot din această rocă a fost confecţionat şi un frecător de formă oval-rotundă, cu L = 8 cm, LA = 7 cm şi G = 4,5 cm. Ambele feţe sunt drepte, una dintre ele are în mijloc o adâncitură rotundă. Tot pe această parte sunt vizibile urme de utilizare (fig. 14/3). De asemenea, a fost identificat un topor, din care s-a păstrat doar partea proximală, de dimensiunile L = 5, cm, LA = 4 cm şi G = 2 cm. Toporul are profilul drept, culoarea cenuşie, cu pete gălbui-maronii şi gri-albicioase. Pe una dintre feţe prezintă o scobitură ovală şi câteva fisuri (fig. 14/4).

Fragmentele ceramice: tehnici de fabricare. Pe lângă industria litică, un indicator nu mai puţin important al gradului de dezvoltare economică, socială şi artistică a comunităţilor aparţinând culturii Precucuteni este ceramica sub toate formele ei: vase, obiecte de cult, statuete etc. În aşezarea discutată, fragmentele ceramice sunt la fel de bine reprezentate ca şi piesele litice, însă cea mai mare parte, datorită fragmentării pronunţate, nu au fost de ajutor în reconstituirea totală a unor forme sau decoruri. Am ales să prezentăm fragmentele ceramice după aceeaşi structură ca la aşezarea anterioară: compoziţia pastei, formele vaselor şi decorurile.

Astfel, pentru clasificarea fragmentelor de vase ne-am ghidat după criteriile tehnice, morfologice şi stilistice, realizate anterior în literatura de specialitate (Marinescu-Bîlcu 1974, 55-80; Збенович 1989, 75-108; Ignătescu 1999, 391; Aparaschivei, Tencariu 2019, 11-15).

Din punct de vedere compoziţional, fragmentele ceramice sunt modelate din trei feluri de pastă: fină, intermediară şi grosieră. Pasta fragmentelor fine este omogenă, foarte rar se observă urme de la ingredientele adiţionale. Pereţii vaselor sunt, în general, subţiri, iar suprafeţele – netede, uneori cu urme de lustruire. Gama cromatică a acestui tip variază între: cenuşiu, galben-maroniu, deschis, roşietic, la care se mai adaugă şi pete de culoare neagră, ca urmare a arderii secundare (fig. 15/1-6; 16/1, 4, 6; 17/1, 4-9, 11; 18/1, 2, 6, 8, 12, 14, 16, 17; 19/3, 5, 8, 9).

Pasta fragmentelor de calitate intermediară se deosebeşte de precedenta prin adaosul în compoziţie a unei cantităţi mai mari de ingrediente bioclaste, de obicei, pleava şi cristaloclaste. Pereţii sunt subţiri sau un pic mai groşi, iar suprafeţele acestora diferă, la unele vase acestea fiind uniforme, iar la altele – poroase. Această categorie de fragmente ceramice este mai friabilă la atingere, mai ales la contactul cu apa. Culorile fragmentelor variază între galben-roşietic, deschis, cenuşiu, maroniu şi maroniu-negru (fig. 16/2, 5, 7; 17/2, 10; 18/3-5, 7, 9-11; 19/1, 2, 4, 6, 7, 10).

Cea din urmă categorie este grosieră; din punct de vedere compoziţional, se aseamănă cu ceramica intermediară, dar, spre deosebire de cea din urmă, este mult mai groasă. Culorile sunt şi în acest caz neuniforme, alternând între cenuşiu-

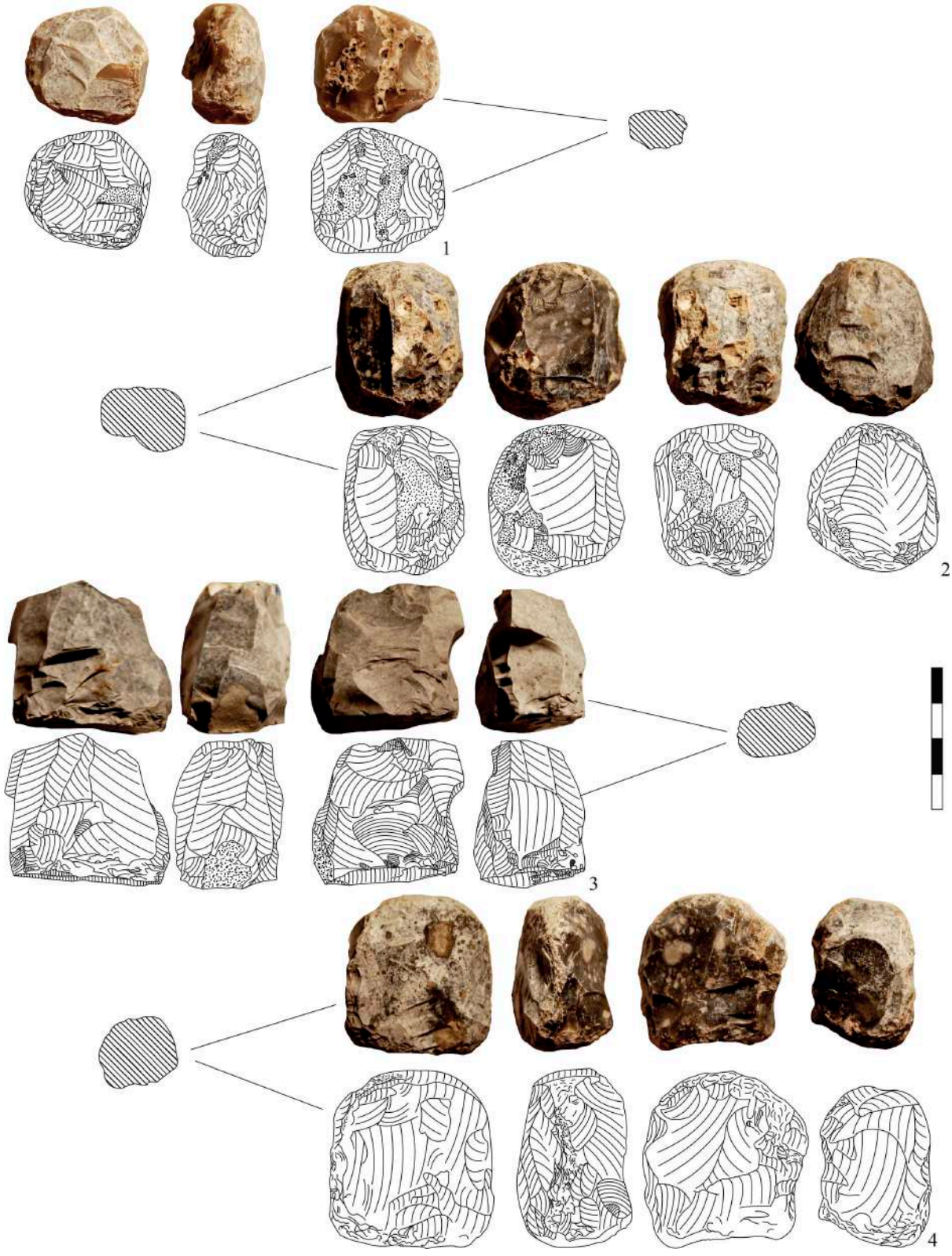


Fig. 13. Unelte din silex (1-4): nuclee (1-4) din aşezarea precucuteniană Teşcureni VIII.

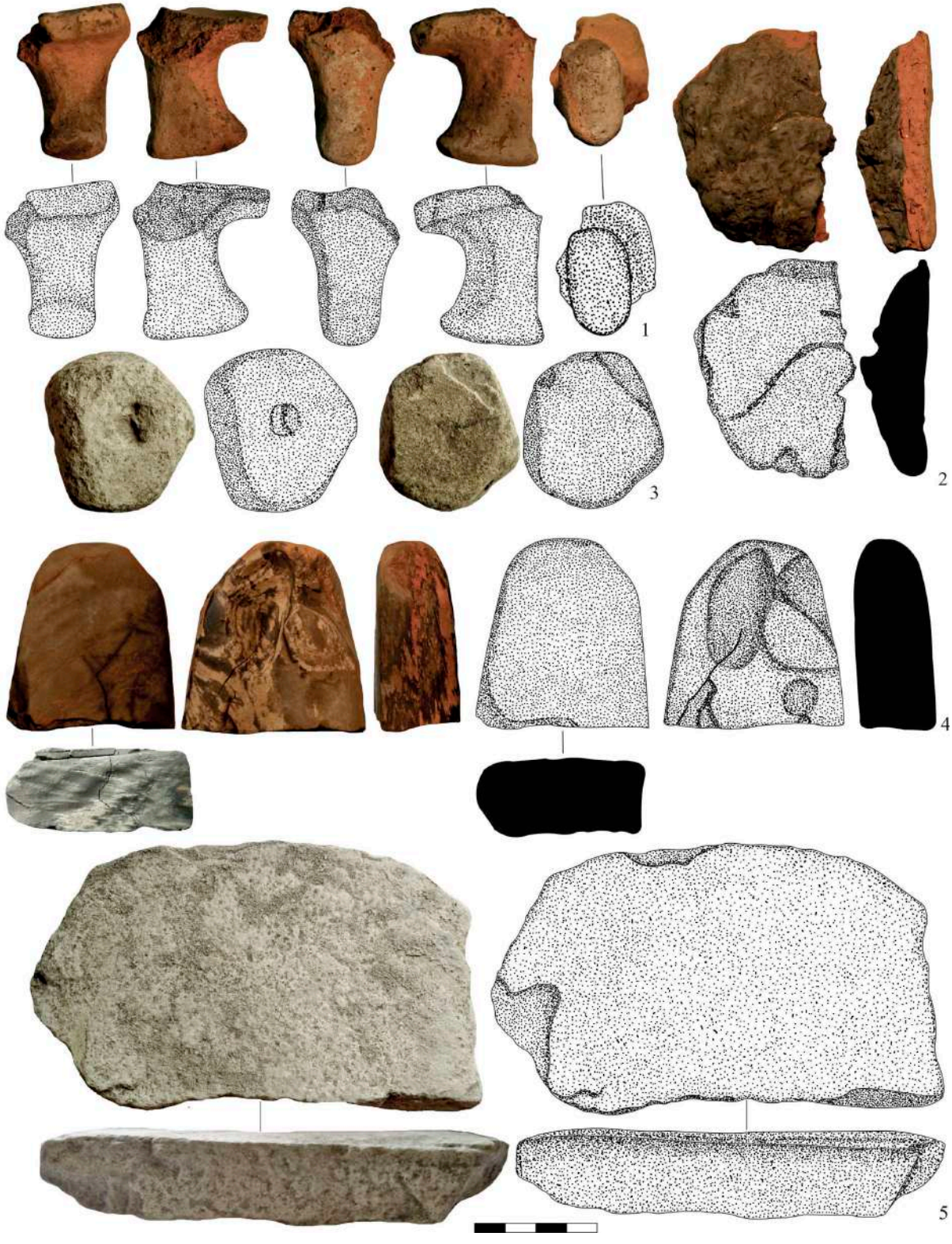


Fig. 14. Piese din lut (1-2): picior antropomorf (1), tabletă din lut (2), unelte din gresie sarmaţiană (3, 5): frecător (3), râşniţă (5) şi din siltit (4): topor (4) din aşezarea precucuteniană Teşcureni VIII.

negru și galben-maroniu. Deoarece din această așezare provin doar fragmente mici din pastă grosieră, am considerat că nu este necesar să fie prezentate.

Forme. În ceea ce privește registrul formelor vaselor, pe baza fragmentelor avute la dispoziție, acesta se prezintă mult mai sărac decât cel decorativ. O primă categorie de vase sunt cele în formă de fructiere. Din păcate, în această așezare au fost identificate doar fragmente din părțile lor inferioare. În linii generale, fructierele sunt modelate din două părți: partea superioară, care are forma unei străchini tronconice, cu deschiderea largă, cu buza mai puțin evazată și partea inferioară sub forma unui picior cilindric, înalt. Partea inferioară a piciorului cilindric este ușor modelată în afară, fiind, astfel, mai lată decât partea mezială a acestuia. Din punct de vedere al dimensiunii, fructierele pot fi mari (fig. 15/1, 2; 17/10, 11) sau mici (fig. 15/4, 5).

O altă categorie de vase sunt străchinile, care, la rândul lor, sunt de mai multe tipuri. Un prim tip îl constituie strachina cu corpul cilindric, prevăzută, în partea diametrului maxim, cu o proeminență în formă conică având vârful ușor rotunjit (fig. 16/1). Un alt tip este strachina tronconică, cu buza evazată, delimitată de corpul vasului printr-o ușoară scobire (fig. 16/2). Într-o măsură mai mare sunt reprezentate străchinile tronconice cu buza dreaptă (fig. 16/3, 7) sau cele cu buza cu tendință de evazare (fig. 16/4). Într-un exemplar este înfățișată o strachină cu o ușoară tendință de bitronconism și cu buza dreaptă (fig. 16/5). De asemenea se mai regăsesc fragmente ce aparțin unor castroane cu buza ușor evazată spre exterior, cu gâtul drept și lung (fig. 17/1), sau castroane cu buza modelată spre interior, care fac corp cu restul vasului (fig. 17/2).

Au fost identificate și trei torți de vase, realizate dintr-o pastă de calitate intermediară. Două dintre ele sunt sub formă de cornițe, cealaltă este simplă, cu profil circular. În literatura de specialitate, torțile sub formă de cornițe le mai întâlnim la castroanele tronconice de la Izvoare (Garvăn, Buzea, Frînculeasa 2009, 51) sau la vasele globulare, cu gâtul înalt, de la Bernashevka (Збенович 1980, рис. 73/2), de obicei, în combinație cu alte două sau trei cornițe de același fel. Aceste torți se regăsesc în toate fazele culturii Precucuteni.

Decoruri. Decorurile, așa cum am mai precizat, sunt mult mai divers reprezentate – atât pe cioburile de la extremitățile vaselor, cât și pe cele din corpul lor.

Suporturile fructierelor sunt decorate în două sau mai multe registre. Astfel, partea superioară a suportului la unele fragmente de fructiere este decorată cu un registru sub forma unei scărițe multiplicate/ tablă de șah, formate dintr-un șir de două linii incizate, care au pe alocuri pătrate excizate (fig. 15/1; 18/12). Uneori pătratele incizate sunt încrustate cu pigmenți de culoare albă (fig. 18/12). Alte suporturi sunt decorate în partea superioară cu motivul dinților de lup, formând un rând, dinții fiind dispuși cu vârful în sus (fig. 15/4), în jos (fig. 18/11) sau zig-zag (fig. 17/10).

În partea centrală, suporturile sunt decorate cu bucle formate din spirale din două (fig. 15/2) sau trei benzi (fig. 15/1; 17/9; 18/11, 12). Observăm că spațiile care sunt în interiorul spiralelor sunt umplute cu linii orizontale sau cu șiruri de triunghiuri lungite, dispuse cu bazele pe liniile orizontale incizate (fig. 15/2). Alteori, liniile care alcătuiesc spirala sunt triunghiulare la curbură (fig. 17/11). În alte cazuri, partea mezială a suportului este decorată cu o casetă, formată din linii incizate, între care, prin același procedeu, sunt reprezentate tabla de șah sau dinții de lup, doar că într-o variantă mult mai degenerată, colțurile acestora fiind rotunjite (fig. 15/4; 18/2). În alte cazuri, cel din urmă decor și-a păstrat forma lui triunghiulară (fig. 18/4). Mai există un exemplar, la care se observă că partea centrală a fost decorată cu niște benzi, unele dintre ele având capătul sub forma unui apex (fig. 17/10).

În partea inferioară, suporturile sunt decorate cu motivul dinților de lup, reprezentați, în majoritatea cazurilor, acolo unde baza se lărgește. Dinții de lup pot fi incizați, cu capătul ascuțit în jos, dispuși în rând (fig. 15/4), sau pot porni cu baza de la o linie incizată, fiind mult mai alungiți (fig. 15/5; 18/8; 17/5). Tot în partea inferioară acest decor poate fi încadrat în două linii incizate orizontal și încrustați cu alb, la fel ca tăbliță de șah (fig. 17/6).

Decorul sub forma spiralelor cu bucle rotunjite sau ușor triunghiulare, scărița multiplicată, dinții de lup, la fel și apexurile, își au originea în faza Precucuteni I, în așezările de la Traian- Dealul Viei (Marinescu-Bîlcu 1974, fig. 32/8; 33/1-4; 36/7; 37/9) și la Baia (Niculică, Andronic 1997-1988, fig. 4/2, 14).

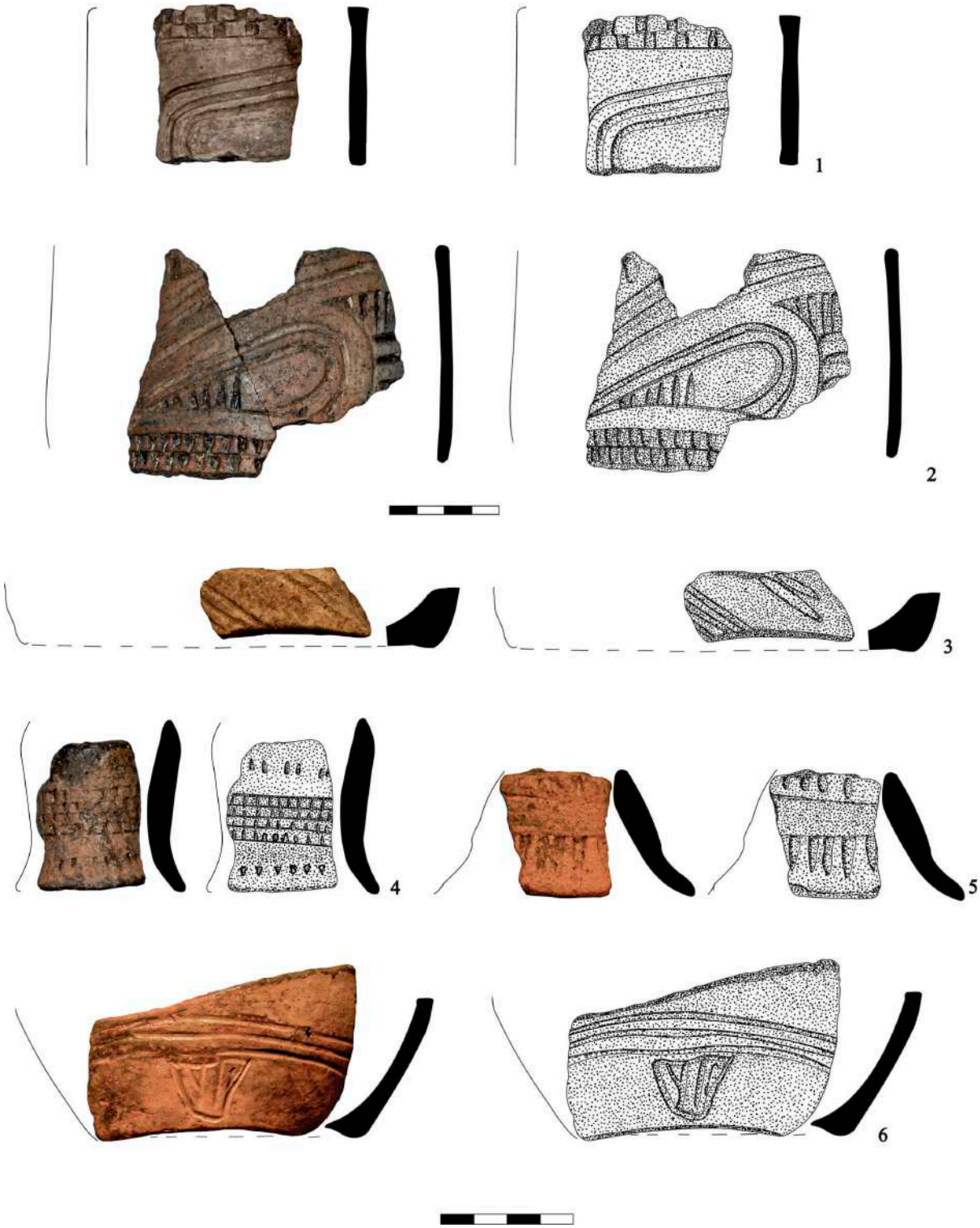


Fig. 15. Fragmente ceramice (1-6) din aşezarea precucuteniană Teşcureni VIII.

Motivele lor continuă şi în faza Precucuteni II. Pe teritoriul Republicii Moldova, analogii se regăsesc în aşezarea de la Rogojeni I[6] (Bodean 2001, 94; Bicbaev 2014, fig. 10/8), Floreşti, (Пассек 1960, рис. 4/13), aşezări încadrate în faza Precucuteni II, iar pe teritoriul Ucrainei – în aşezarea de la Bernashevka (Збенович 1980, 121). În faza Precucuteni I, aceste decoruri sunt incizate mult mai adânc şi în benzi mai late; în faza Precucuteni II ele sunt realizate nu foarte adânci şi mai înguste, iar dinţii de lup sunt reprezentaţi mai alungit, tendinţă care deja la sfârşit de Precucuteni II şi început de Precucuteni III conduce la degenerarea lor în simple linii incizate.

Străchinile sunt decorate sub buză cu un şir de împunsături de formă rotundă sau ovală (fig. 16/4-6; 17/1). Analogii se regăsesc în aşezarea de la Coşerniţa I, datată cu începutul fazei Precucuteni III (Bodean 2001, 37). În general, acest tip de decor este întâlnit la o serie mare de vase: pirifome, bitronconice, cupele cu gâtul lung, polonicele, vase cu picior, pahare etc. Un singur exemplar (fig. 16/1) este prevăzut cu patru rânduri de incizii de formă pătrată, în partea stângă a torţii, iar sub aceasta – cu două linii incizate. Acest decor s-a realizat, cel mai probabil, cu ajutorul unui instrument de os curbat (rotiţă) şi este caracteristic pentru faza Precucuteni II, dar îşi are maxima întrebuinţare în Precucuteni III. Analogii aproximative ale formei vasului şi ale decorului se regăsesc în aşezarea de la Rus-Mănăstioara, încadrată în Precucuteni III (Ignat 1973, fig. 3/9), şi Floreşti (Bodean 2001, fig. 16/1). Unele străchini, care fac parte din categoria ceramicii intermediare şi nu numai, nu au fost ornamentate (fig. 16/2, 3, 7). Un singur castron este decorat cu impresiuni de unghii sub buză (fig. 17/2).

Împunsăturile circulare pot forma un decor singular sau pot fi îmbinate cu alte motive decorative. Avem două exemplare de vase, sub buzele cărora a fost realizat un şir orizontal de împunsături; sub acest şir urmează caneluri dispuse orizontal (fig. 17/1; 18/1). Analogii ale acestor forme şi decoruri se regăsesc în aşezarea Okopy – la străchini sau la vasele cu gâtul înalt şi corpul bombat (Збенович 1989, рис. 57/4, 7), şi Bernashivka (Збенович 1989, рис. 55/2, 8), situate cronologic la nivelul fazei Precucuteni II, început de Precucuteni III . Canelat în aceeaşi manieră, pe toată suprafaţa, este şi fragmentul din figura 18/9. Dispuse circular sunt canelurile ce înconjoară tortiţa unui vas (fig. 16/5). În general, încadrarea unui fragment cu decor canelat într-un registru decorativ desfăşurat este destul de greu, întrucât acest decor este comun mai multor tipuri de vase şi se întâlneşte în mod singular sau combinat. Cert este că decorul sub formă de canelură se atestă încă în faza Precucuteni I în combinaţie cu decorul incizat şi continuă şi în celelalte două faze (Marinescu-Bîlcu 1974, 56, 65, 75).

Un alt decor folosit pe larg în cultura Precucuteni în toate fazele sale sunt liniile incizate în mod singular sau combinat (fig. 17/7; 18/6, 7, 16, 17; 19/1, 4, 9, 10). Liniile pot fi dispuse unghiular (fig. 18/3, 7) sau circular (fig. 19/9). În ce priveşte decorul din linii circulare, acesta este, de obicei, incizat în partea centrală a vaselor, un exemplu, în acest sens, fiind fragmentul din aşezarea de la Trifeşti, datată în faza Precucuteni II (Iconomu 1998, 9/6).

Pe suprafaţa vaselor se mai găsesc incizate proeminenţe alungite, dispuse în două şiruri orizontale, care, de fapt, reprezintă o variantă mai nouă a ornamentului sub forma dinţilor de lup, care dispare la sfârşitul fazei Precucuteni II, dar, mai ales, în Precucuteni III (fig. 18/14). Un astfel de decor se regăseşte pe un vas bitronconic din aşezarea de la Alexandrovca I, sit atribuit perioadei de tranziţie de la Precucuteni II la Precucuteni III, şi pe cupele de la Cărbuna, încadrate în Precucuteni III (Bodean 2001, 8, 23).

Un singur exemplar oglindeşte o serie de linii dispuse pe suprafaţa vasului – atât orizontal, cât şi oblic –, combinate cu un apex bifurcat, suspendat (fig. 19/10). Un alt decor combinat este cel format din două linii incizate, care au în mijloc un şir de împunsături rotunjite (fig. 19/8). Analogii ale acestui fragment – atât din perspectiva formei, cât şi a dispunerii decorului pe suprafaţă – se regăsesc în aşezarea de la Isacova II, încadrată la sfârşitul fazei Precucuteni II şi începutul Precucuteni III (Sorochin 2000, fig. 4/11), precum şi în aşezarea de la Izvoare, datată la începutul fazei Precucuteni III (Bodean 2001, fig. 33/6). Însă remarcăm că pe suprafaţa fragmentelor din aşezările analoage, sub acest decor sunt imprimate un şir de liniuţe verticale sau oblice.

[6] Rogojeni I este un sit din satul Rogojeni, care a făcut parte din raionul Floreşti (1944-1991), apoi din judeţul Soroca (1991-2003) şi, din 2003 până în prezent, este parte a raionului Şoldăneşti. Din acest motiv, întâlnim în lucrările de specialitate situl localizat în următorul fel: Маркевич 1973 - Rogojeni I, (s. Rogojeni, r-nul Floreşti); Bodean 2003 - Rogojeni I (s. Rogojeni, com. Pohoarna, jud. Soroca); Bodean, Bicbaev 2014 - Rogojeni I (com. Rogojeni, r-nul Şoldăneşti).

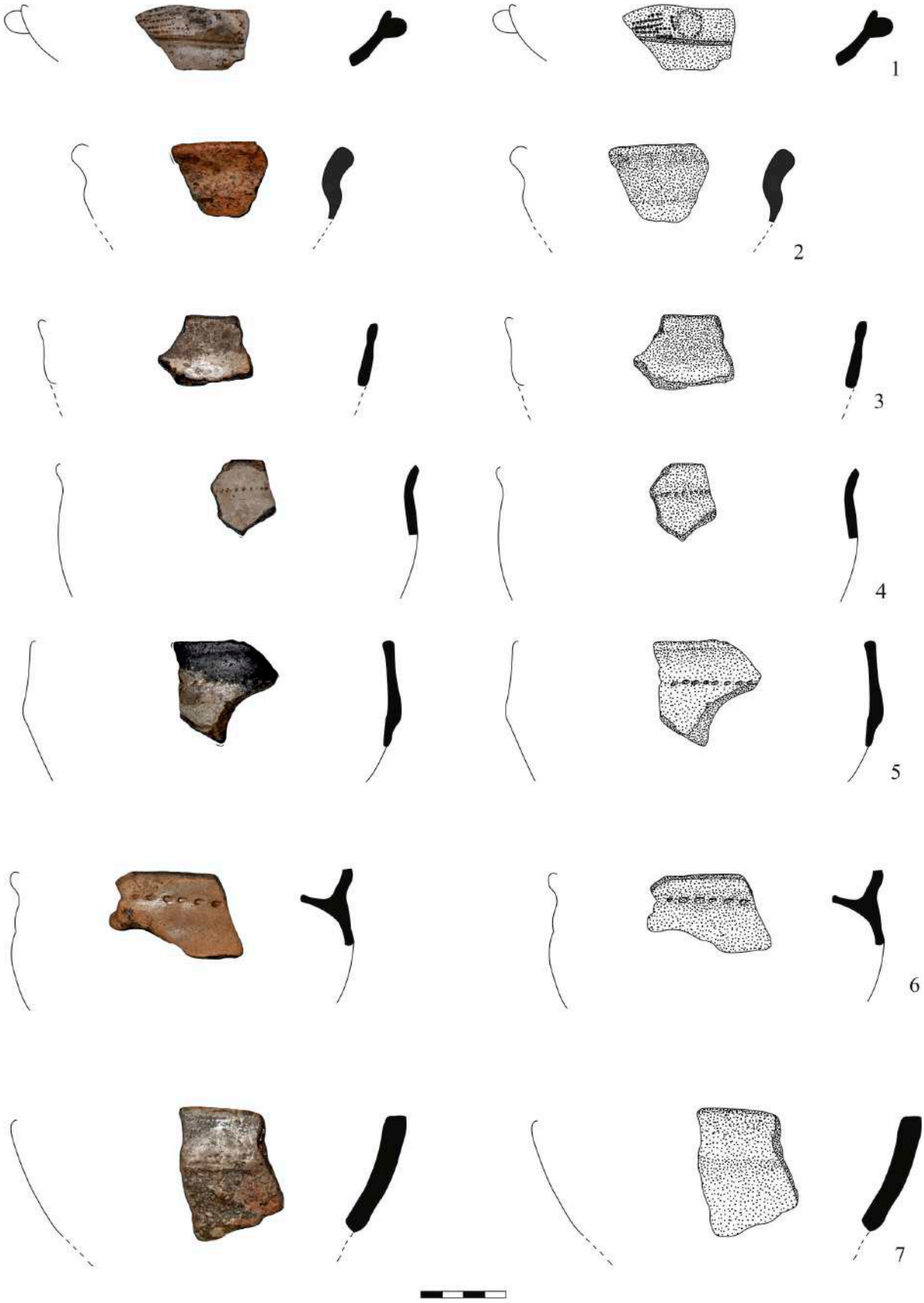


Fig. 16. Fragmente ceramice (1-7) din aşezarea precucuteniană Teşcureni VIII.

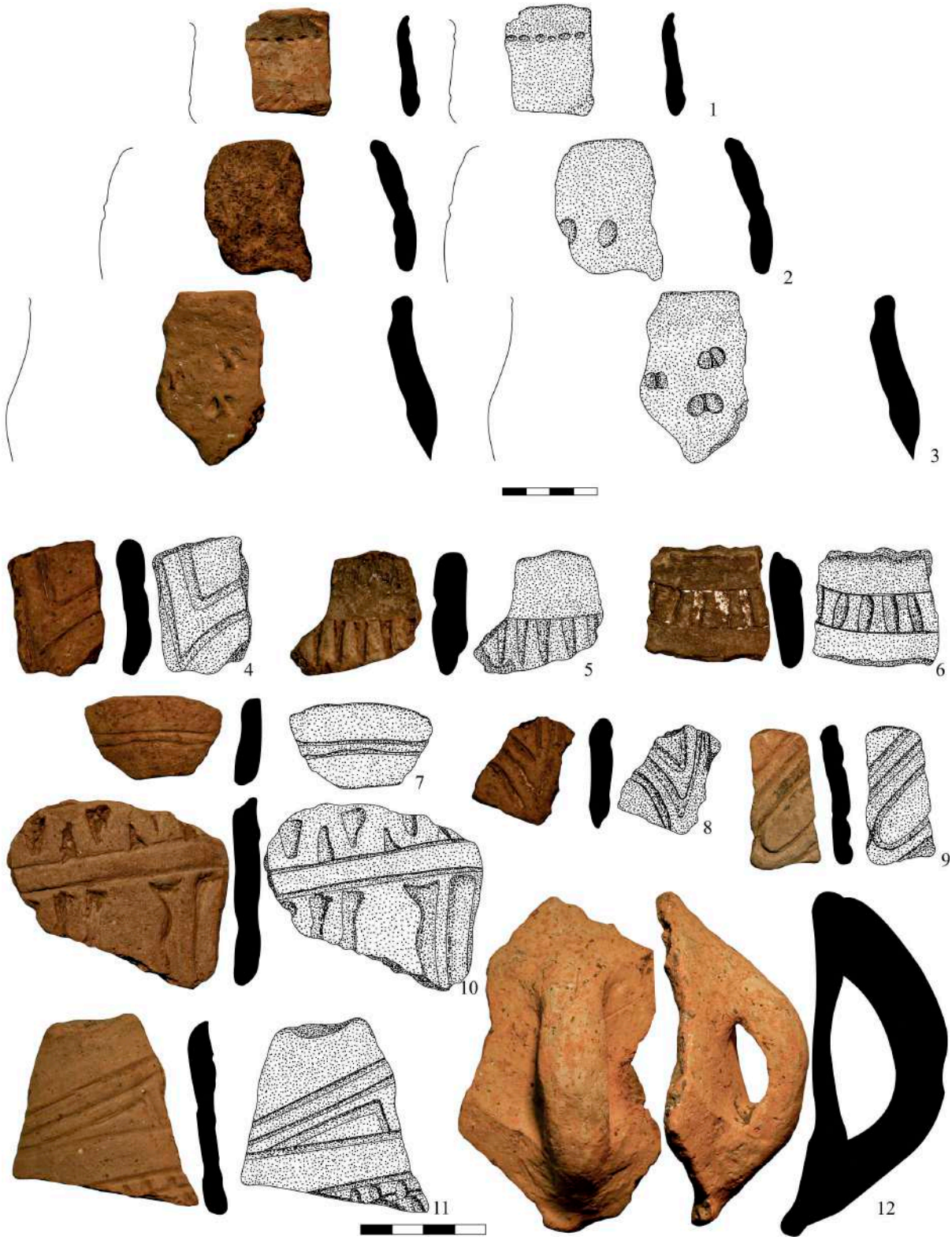


Fig. 17. Fragmente ceramice (1-12), din aşezarea precucuteniană Teşcureni VIII (1-2, 4-12) şi din aşezarea Starčevo-Criş Teşcureni VI (3).

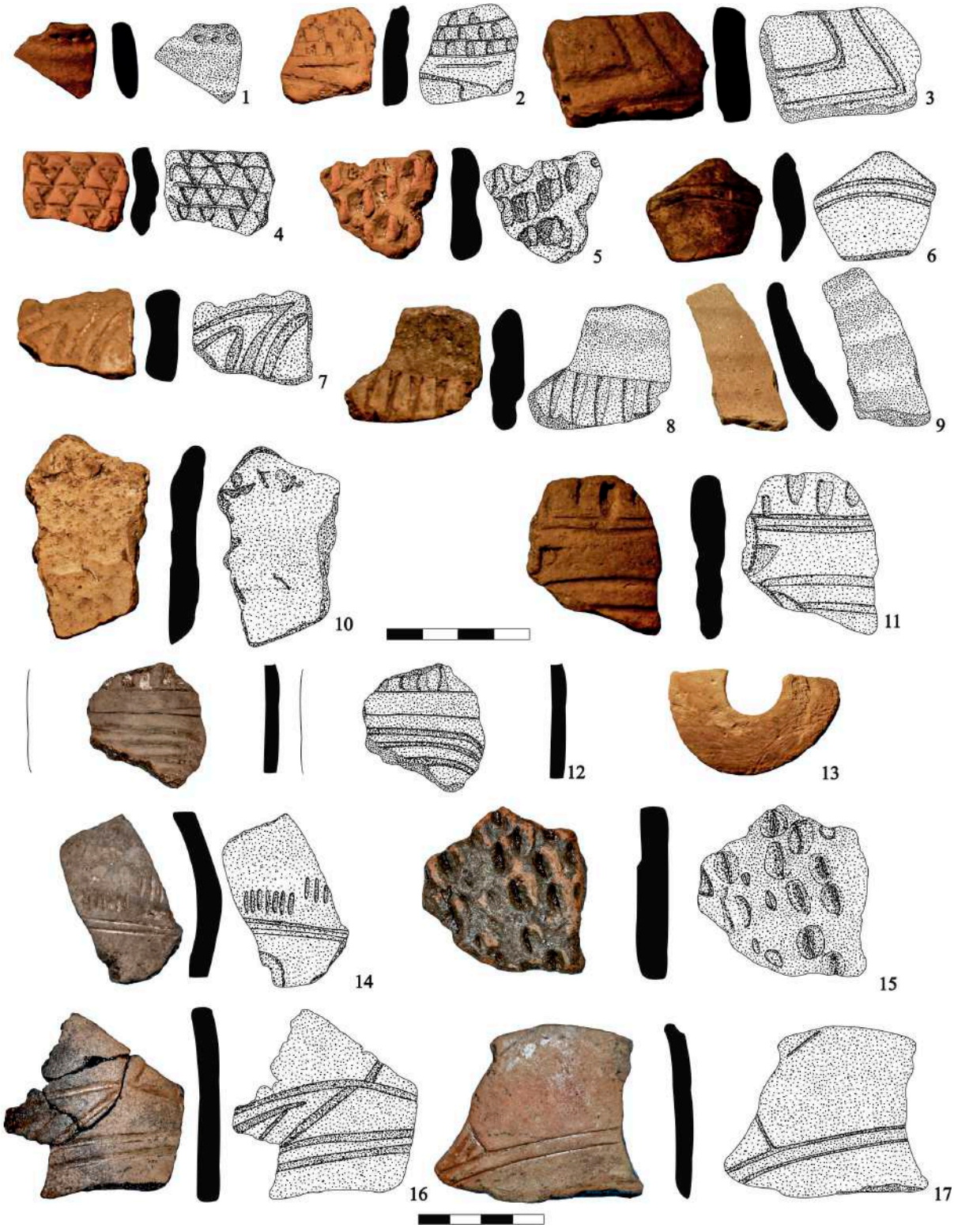


Fig. 18. Fragmente ceramice (1-12, 14-17) şi cataramă de os (13) din aşezarea precucuteniană Teşcureni VIII.

Fig. 19. Fragmente ceramice (1-10) din aşezarea precucuteniană Teşcureni VIII.

Destul de bine reprezentat este şi decorul sub formă de impresiuni şi ciupituri de tradiţie Criş. Acest decor este prezent în toate fazele culturii Precucuteni, dar cunoaşte o maximă dezvoltare şi întrebuinţare în cea de-a două fază. Cu acest decor erau prevăzute, de obicei, bolurile sau vasele-borcan. Ciupiturile pot fi dispuse în şiruri (fig. 18/10; 19/6, 7) sau neregulat (fig. 18/5). Decorat cu două şiruri de impresiuni simple, dispuse paralel, este fragmentul din figura 19/2, iar cu o serie de impresiuni adânci, dispuse neuniform, este cel din figura 18/15. Pe teritoriul Republicii Moldova, analogii ale decorului din urmă le identificăm în aşezarea de la Chetriş I, care aparţine fazei Precucuteni II, Rogojeni (Маркевич 1973, 78, 108), şi Floreşti (Пассек 1960, рис. 4/15). În Ucraina, fragmente identice se găsesc în aşezarea de la Okopy (Збенович 1989, 91, рис. 57/9).

Un vas cu totul deosebit din perspectiva decorului, de la care s-a păstrat doar partea inferioară, este cel din figura 15/6. Fragmentul este prevăzut cu trei linii incizate sub care, tot prin tehnica inciziei, este realizat un simbol. Simbolul este constituit dintr-un apex cu bifurcaţia în sus şi alte două linii cu aceeaşi poziţionare, toate elementele fiind încadrate într-o figură geometrică sub forma unui trapez cu baza în sus.

Analogia cea mai apropiată din perspectiva formei vasului şi a poziţionării decorului o regăsim în aşezarea de la Bernashivka, cu precizarea că în această aşezare vasul este prevăzut cu două linii incizate care îl înconjoară, iar simbolul nu mai este încadrat într-un trapez, ci este format dintr-un pătrat, de la latura superioară a căruia sunt incizate cinci liniuţe, ultimele două, din partea dreaptă, amintind forma unui apex (Збенович 1989, рис. 55/11; Видейко 2005, 147; Merlini 2009, 631; Burdo 2011, fig. 11/12). Tot la Bernashivka, acest simbol a fost identificat pe butonul unui vas (Merlini 2009, 631).

Pe teritoriul României, simboluri asemănătoare se regăsesc incizate pe corpul unui vas în aşezarea de la Trifeşti (Iconomu 1998, fig. 7/7). Unul dintre simboluri este constituit dintr-un triunghi cu baza în sus, aşezat pe orizontală, de la care pornesc o serie de ramificaţii. Celălalt este format dintr-un triunghi cu vârful în jos, fără bază, din interiorul căruia pornesc trei ramificaţii, a patra ramificaţie fiind conectată sub forma unui apex cu latura dreaptă a triunghiului. Ambele simboluri sunt conectate cu vârfurile la bucla unei spirale, făcând corp comun cu registrul decorativ al vasului.

Credem că atât simbolul descoperit pe vasul din aşezarea de la Teşcureni, cât şi cele de la Bernashivka, Trifeşti sunt nişte adaptări ale simbolurilor din mediul culturii Vinča-Turdaş, unde astfel de semne sunt prezente într-o formă diversă (Merlini 2009, fig. 4. 15. b/10). Acest lucru nu este surprinzător, întrucât, aşa cum prea bine se cunoaşte, pe lângă culturile parentale Criş şi liniar-ceramic, care au stat la baza formării culturii Precucuteni, influenţe importante au fost receptate şi din cultura Vinča-Turdaş, cultura Boian, faza Bolintineanu şi Hamangia (Garvăn, Buzea, Frânculeasa 2009, 23-27).

Menţionam, într-un alt studiu, identificarea pe teritoriul satului Teşcureni a unei sârme contorsionate, care, în urma analizelor chimice, s-a dovedit a fi din cupru. În studiul precedent, am încadrat acest obiect, bazându-ne pe secţiunea dreptunghiulară, trunchierea oblică a capătului şi pe analogiile cu un alt obiect din tumulul de la Căinari, în faza Cucuteni A 1-3 (Rusu 2020, 53). Dat fiind faptul că această sârmă de află la doar 1 km de aşezarea precucuteniană, credem că poate proveni din această aşezare, cu toate că în mediul culturii Precucuteni nu am găsit nicio analogie.

Piese de inventar. Din categoria pieselor de inventar, descoperite în această aşezare, face parte un picioruş antropomorf, cu dimensiunile H = 4,3 şi LA = 2,3 cm în partea mezială, descoperit în partea de nord-est a sitului, unde suprafaţa arată este mărginită, la nord, de drum, iar la est – de terenul înierbat (fig. 1/2 - porţiunea marcată cu un pătrat albastru). Obiectul este modelat dintr-o pastă semifină, are culoarea roşietică şi pete gri destul de mari pe suprafaţă, miezul este gri, fapt care indică o ardere oxidantă incompletă. În partea inferioară a picioruşului este foarte bine reprezentată laba piciorului, fără să fie incizate falangele (L = 3,2 şi LA = 1,8 cm). În partea superioară, datorită rupturii şi secţiunii relativ rotunde şi adâncite, se observă că acest picioruş era parte componentă a unui suport (fig. 14/1). În aşezările culturii Precucuteni, astfel de obiecte sunt o raritate. O excepţie este aşezarea de la Isaiia, încadrată în faza Precucuteni II – început de Precucuteni III, unde au fost descoperite picioruşe antropomorfizate, de regulă, grupate câte patru, fiind părţi componente ale unor „măsuţe-altare". Astfel, cele mai fidele analogii ale picioruşului din aşezarea noastră, după formă, nu însă şi după dimensiuni, se regăsesc la Isaiia în descoperirile din locuinţa cu nr. 5, în preajma structurii cupto-

rului nr. 4 și în groapa 59 (Ursulescu, Tencariu, Scarlat 2005, 39-41, fig. 4/1-4; 5/1-4; Ursulescu, Tencariu 2006, fig. 8/4; pl. IX/4).

Un alt obiect deosebit este o tabletă de lut, în stare fragmentară, descoperită în aceeași zonă cu piciorușul antropomorf. Tableta este modelată dintr-o pastă grosieră, în care s-a adăugat o cantitate importantă de pleavă, ale cărei urme sunt foarte vizibile. Are o formă relativ circulară. Una dintre suprafețe este netedă, având culoarea roșie, iar cealaltă este denivelată, de nuanță cenușie, ceea ce indică, la fel, o ardere reducătoare. Piesa are L = 6,3 cm, LA = 4,5 cm, G= 1,5 cm. Judecând după culoarea neviciată a miezului tabletei, putem spune că piesa este ruptă recent (fig. 14/2). Astfel de obiecte au fost descoperite în așezarea de la Isaiia, însă, spre deosebire de piesa noastră, pe acele tablete sunt incizate haotic linii, care, după părerea unor cercetători, ar fi de influență vinciană și ar arăta încercarea precucutenienilor de a-și crea un propriu sistem de semne cu valoare simbolică (Ursulescu, Tencariu, Scarlat 2005, 124, fig. 4/1; Ursulescu et al. 2001-2002, 42, 71, fig. 6/1, 4). Alți cercetători au reconstituit, pe baza analogiilor cu semnele din cultura Turdaș, imaginea unor animale: elefanți, urs și broască țestoasă, care ar fi schițate pe aceste tăbliițe (Lazarovici, Lazarovici 2008, 15).

Cronologie. Cronologia așezării precucuteniene Teșcureni VIII a fost stabilită, în special, pe baza decorului și a analogiilor acestuia cu așezările descoperite pe teritoriul Republicii Moldova, României și Ucrainei. Majoritatea decorurilor se regăsesc în așezările încadrate în faza Precucuteni II și, mai puțin, la începutul fazei Precucuteni I și III, sincrone pe teritoriul de la est de Nistru cu faza Tripolie A. Astfel, pe baza materialului avut la dispoziție, considerăm că așezarea noastră se încadrează în faza Precucuteni II. Așa cum menționam, avem un singur fragment care are incizat motivul dinților de lup și benzi late (fig. 17/10), care își găsește analogiile în Precucuteni I, ulterior aceste motive, împreună cu tabla de șah, cunosc o vizibilă degenerare, devenind mai rotunjite la colțuri și mai mici în dimensiuni. Specifice Precucuteniului II final și începutului de III avem doar două fragmente: unul pe care decorul este realizat cu un instrument de os curbat (rotița) (fig. 14/1) și celălalt care are realizat pe corp niște linii incizate ce amintesc forma unor dinți de lup (fig. 15/14). Astfel, pe majoritatea fragmentelor avem motive decorative ce se regăsesc atât în Precucuteni I, cât și în Precucuteni II, dar prezența ornamentului efectuat cu rotița ne face să credem că ne aflăm deja în faza Precucuteni II. De asemenea, există multe fragmente care oglindesc tradiția de ornamentare Criș, și acest lucru ne determină să credem că este vorba de un Precucuteni II, întrucât în faza I și III acest decor este mult mai slab reprezentat (Marinescu-Bîlcu 1974, 58).

Epoca bronzului

Chiar dacă lucrarea noastră tratează locuirea neo-eneolitică din bazinul afluenților de dreapta ai râului Delia, vom menționa încă o descoperire, care a fost făcută pe suprafața sitului Teșcureni VIII. Este vorba despre o jumătate de cataramă, de formă circulară, ușor curbată, confecționată din os (fig. 18/13). Pe lângă acest obiect, au mai fost descoperite oase umane, concentrate cu precădere în zona nord-estică a sitului până la traversarea acestuia de drum. Printre oasele aflate într-un număr destul de mare se individualizează fragmente din calota craniană, rotule și membre (posibil, din humerus, femur sau tibie). Credem că oasele umane pot fi asociate cataramei, cel mai probabil, provenind din cadrul unui mormânt. Pentru încadrarea culturală a acestuia, am apelat la literatura de specialitate, în care astfel de catarame sunt cunoscute în cultura Mnogovalikovaia (Sava 1994, 141-143), numită de unii cercetători și Delacău-Babino (Pâslaru 2006). Conform încadrărilor tipologice, catarama poate corespunde celei de-a doua grupe a cataramelor discoidale, cu oblon în jurul orificiului central, sau celei de-a treia grupe, de aceeași formă, dar cu încă un orificiu mai mic pe una dintre laturi, care, în cazul nostru, poate fi pe latura care lipsește (Pâslaru 2006, 106). Referitor la încadrarea cronologică, obiectul indică o înmormântare din perioada timpurie a epocii bronzului (sec. XVII-XV/XIV a. Chr.). Analogii ale cataramei se găsesc în complexul funerar de la Balabani (Sava 1994, fig. 2/10) și în așezarea de la Trinca-Izvorul lui Luca (Leviți, Sîrbu, Sîrbu 2020, fig. 6/2).

Pe suprafața terenului a mai fost identificată o toartă de vas. Aceasta este modelată dintr-o pastă semifină, în care s-au adăugat bioclaste și cristaloclaste. Suprafața exterioară are culoarea roșie, iar pe interior este cenușie. Extremitățile ciobului sunt curbate, ceea ce ne face să credem că făcea parte din zona diametrului maxim al unui vas (fig. 17/12). Nu am găsit analogii ale obiectului în mediul culturii Precucuteni, nici în Mnogova-

likovaia, de aceea ne rezumăm, la etapa actuală, doar la descrierea tehnică. Ceea ce putem spune cert este că aparţine unei epoci preistorice.

Concluzii

În concluzie, aşezările discutate mai sus completează tabloul arheologic al satului Teşcureni şi, prin extindere, al bazinului râului Delia. Sub aspect fizico-geografic, comunităţile acestor culturi respectă, în cea mai mare parte, criteriile generale de alegere a teritoriului pentru întemeierea unor noi aşezări.

Astfel, prima comunitate neolitică care ajunge pe acest teritoriu este Starčevo-Criş, o parte din marele etnos circummediteranean Presesklo-Starčevo-Criş-Karanovo I-II-Kremikovţî I, care se formează la începutul mileniului VI a. Chr. (Larina 1994, 47; Larina 2010, 198; Ursulescu 2002, 67-69). Aşezarea comunităţii Starčevo-Criş de pe teritoriul satului actual Teşcureni este asemănătoare cu majoritatea aşezărilor sincrone cultural din interfluviul pruto-nistrean, în sensul că a fost întemeiată în zona de silvostepă, pe o terasă nu prea înaltă din lunca unui afluent intermitent.

Următoarea comunitate de la est de Carpaţi după Starčevo-Criş, din punct de vedere cultural şi cronologic, este comunitatea purtătoare a culturii ceramicii liniare, formată, în Europa Centrală, pe teritoriile Ungariei şi Slovaciei actuale, la mijlocul mil. al VI-lea a. Chr. Aşa cum menţionam anterior, la fel ca în cazul primei culturi, grupurile de oameni afiliaţi culturii liniar-ceramice ajung pe teritoriul actual al României şi Republicii Moldova în prima fază a culturii liniar-ceramice din spaţiul est-carpatic, a cărei particularitate este prezenţa notelor muzicale şi care este sincronă cu faza mijlocie şi târzie a ceramicii liniare din nord-vestul Slovaciei. Aşezarea liniar-ceramică respectă normele de alegere a spaţiului pentru aşezare după criteriile pe care le-am menţionat anterior.

Aşezarea aparţinând culturii Precucuteni, care se formează în prima jumătate a mil. V a. Chr., face parte din puţinele aşezări situate pe un martor de eroziune de formă semisferică (un deal), format, cu siguranţă, înainte de fondarea aşezării preistorice. De obicei, aceste forme de relief au fost preferate de triburile culturii Cucuteni. Comunitatea ajunsă în acest loc a venit dinspre vest, din preajma lanţului Subcarpatic, ajungând pe teritoriul de la est de Prut, în lumina cercetărilor actuale, în cea de-a doua fază a evoluţiei sale: Precucuteni II.

Toate trei aşezările au fost întemeiate în apropierea unor izvoare de apă, care asigurau necesarul de apă pentru oameni şi animale. Acest lucru este perfect normal, întrucât vorbim de nişte comunităţi de agricultori şi crescători de animale. În plus faţă de acestea, promontoriul pe care este situată aşezarea Precucuteni oferă o panoramă extraordinară în toate cele patru direcţii şi reprezintă, de asemenea, un loc geostrategic important.

Cantitatea însemnată de artefacte, mai ales în aşezarea comunităţii aparţinând culturii Precucuteni, indică, în primul rând, caracterul sedentar al acesteia, iar în al doilea rând, importanţa majoră acordată aspectului material al vieţii, întrucât de materialitate depindea, în mare parte, buna funcţionare a sistemului socio-economic. Prezenţa în toate cele trei aşezări a fragmentelor de vase, a uneltelor din roci dure – silex, siltit, obsidian, gresie – sunt nişte indicatoare ale existenţei unei diviziuni a muncii în economia acestor comunităţi, reprezentată, pe de o parte, de olărie, iar pe de altă parte, de prelucrarea rocilor dure, care au luat forma unor unelte de forme diverse.

Diversitatea de roci folosite ca materii prime pentru unelte arată că oamenii din aceste comunităţi cunoşteau bine proprietăţile acestor materii prime şi locurile unde se găseau. Dat fiind faptul că depozitele de silex şi siltit se găsesc în apropierea râului Prut, putem spune că aceste comunităţi, chiar dacă erau sedentare, nu aveau un caracter întru totul static, deplasându-se pe o rază de circa 30 km, pentru a exploata şi transporta aceste roci. În acelaşi timp, extrăgeau şi materii prime din microzonă, în cazul nostru, gresia care, datorită alunecărilor de teren foarte accentuate, cel mai probabil, se vedea şi la suprafaţă (Boboc 2009, 165). Identificarea fragmentului de obsidian în aşezarea liniar-ceramică demonstrează păstrarea tradiţiilor de confecţionare a pieselor din acest material, însă, aşa cum menţionam, într-o cantitate mult mai redusă decât în locurile de origine ale acestor comunităţi.

În plan economico-social, diversitatea artefactelor descoperite arată o anumită specializare a oamenilor din aceste comunităţi. Din păcate, pe baza unor cercetări primare şi în lipsa altor dovezi concludente, nu putem spune cu precizie ce sex, vârstă şi statut aveau persoanele implicate în aceste sectoare economice.

Pentru fabricarea ceramicii, toate cele trei comunităţi au folosit, cel mai probabil, lutul chiar din aşezările în care stăteau, în toată zona respectivă fiind vizibile la suprafaţă pete de lut galben (fig. 1/2), care sunt, de altfel, și o particularitate a solurilor argilo-nisipoase din această regiune (Boboc 2009, 165). Tipologia formelor de vase din aceste aşezări, precum și decorurile de pe ele, respectă întru totul canoanele de fabricare și decorare specifice arealelor culturilor în cauză. Fragmentul ceramic cu simbol din aşezarea precucuteniană este de o importanţă majoră, întrucât, deocamdată, este singurul de acest fel în arealul carpato-nistrean.

Se pare că membrii comunităţii din cultura Precucuteni nu erau străini nici de viaţa magico-religioasă, specifică altor aşezări contemporane, cea mai bine cunoscută, în acest sens, fiind aşezarea de la Isaiia. Identificarea picioruşului antropomorf și a tabletei de lut ne confirmă acest lucru, întrucât în contexte mult mai clare, identificate prin săpătură, astfel de obiecte au fost găsite împreună, formând complexe de obiecte de cult (Ursulescu, Tencariu 2006, 41-43).

În ansamblu, partea de nord-est a satului actual Teşcureni se pare că a reprezentat încă din cele mai vechi timpuri o zonă prielnică pentru întemeierea unor aşezări. Aşa cum relevă cercetările perieghetice, avem o surprinzătoare succesiune de culturi arheologice: Gravettian oriental (situl *„În deal la Mirceşti”*), Starčevo-Criș, a ceramicii liniare, Precucuteni II și Mnogovalikovaia, identificate într-un areal de 400 ha. Pe baza artefactelor descoperite în perimetrul satului Teşcureni, se creionează o imagine armonioasă dintre mediu și om, care a debutat în Paleolitic, a fost menţinută în cursul perioadei neo-eneolitice și a continuat sporadic în Epoca Bronzului și chiar în Antichitate.

Mulţumiri

Pe această cale dorim să aducem mulţumiri domnilor profesori Felix-Adrian Tencariu, cercetător ştiinţific în cadrul Institutului de Cercetări Interdisciplinare, Centru Arheoinvest, Universitatea „Alexandru Iona Cuza”, Iași, și Sorin Ignătescu, lector, Universitatea „Ştefan cel Mare”, Suceava, pentru îndrumări tehnice și bibliografice la realizarea acestui articol.

Bibliografie

Aparaschivei, Tencariu 2019: C. Aparaschivei, F.-A. Tencariu, Analiza tehnologică, morfologică și stilistică a unui lot de ceramică din aşezarea Precucuteniană de la Isaiia (jud. Iași). Cercetări istorice (seria nouă) XXXVIII, 2019, 11-26.

Badea et al. 1992: L. Badea et al., Geografia României, vol. IV (Bucureşti: Ed. Academiei Române 1992).

Bicbaev 2006a: V. Bicbaev, Contribuţii la constituirea repertoriului arheologic al raionului Ungheni. Pyretus II, 2006, 41-51.

Bicbaev 2006b: V. Bicbaev, Cercetările arheologice de la Rezina și Movila Măgurii din anul 1995. Pyretus 2, 2006, 52-64.

Boboc 2009: N. Boboc, Probleme de regionalizare fizico-geografică a teritoriului Republicii Moldova. In: Buletinul Academiei de Ştiinţe a Moldovei. Ştiinţele vieţii, nr. 1 (307) (Chișinău 2009), 163-165.

Bodean 2001: S. Bodean, Aşezările culturii Precucuteni-Tripolie A din Republica Moldova (Chișinău: Pontos 2001).

Bodean 2003: S. Bodean, Contribuţii la repertoriul arheologic al Republicii Moldova. Tyragetia XII, 2003, 97-105.

Bodean 2015: S. Bodean, Siturile fazei Precucuteni III din Podișul Codrilor. In: Sesiunea ştiinţifică a Departamentului Istoria Românilor, Universală și Arheologie (ediţia II) (Chișinău 2015), 15.

Bodean 2017: S. Bodean, Siturile culturii ceramicii liniare din bazinul râului Delia. Pyretus III-IV, 2017, 25-32.

Bodean, Bicbaev 2014: S. Bodean, V. Bicbaev, Cercetări arheologice preventive în stațiunea eneolitică Rogojeni I (com. Rogojeni, r-nul Șoldănești). Arheologia preventivă în Republica Moldova I/1-2, 2014, 9-22.

Boghian 1995: D. Boghian, Unele consideraţii asupra utilajului litic al complexului cultural Precucuteni-Cucuteni/ Tripolie (I). Codrul Cosminului 1 (11), 1995, 7-42.

Boghian 2009: D. Boghian, Din nou despre unele surse de materie primă pentru confecţionarea utilajului litic al comunităţilor complexului cultural Precucuteni-Cucuteni. In: Anuarul complexului muzeal Bucovina (Suceava 2009), 117-146.

Boghian, Tudose 1994: D. Boghian, S. Tudose, Consideraţii preliminare asupra utilajului litic din aşezarea precucuteniană de la Târgu Frumos. ArhMold XVII, 1994, 147-159.

Boghian et al. 2018: D. Boghian, S-C. Enea, M. Chelcu, I. Minea, Monografia oraşului Târgu Frumos (Iaşi: Ed. Univ. „Alexandru Ioan Cuza" 2018).

Boroneanţ et al. 2019: A. Boroneanţ, P. Mirea, A. Ilie, C. Bonsall, Sourcing obsidian artefacts from early Neolithic sites in South-Central Roumania. Materiale şi cercetări arheologice XV, 2019, 27-40.

Burdo 2011: N. Burdo, Late Neolithic cultural elements from the Danube and Carpathian regions of Precucuteni-Trypillia A culture. Documenta Prehistorica XXXVIII, 2011, 357-371.

Cazac, Bejenaru 2006: V. Cazac, Gh. Bejenaru, Afluenţii Prutului pe teritoriul Republicii Moldova. Regimul hidrologic şi parametrii morfometrici principali. Mediul ambiant 5 (29), 2006, 19-21.

Cârciumaru et al. 1985: M. Cârciumaru, A. Muraru, E. Cârciumaru, A. Oţetea, Contribuţii la cunoaşterea surselor de obsidian ca materie primă pentru confecţionarea uneltelor paleolitice de pe teritoriul României. Memoria Antiquitatis IX-XI, 1979, 561-603.

Comşa 1994: E. Comşa, Aşezarea culturii cu ceramică liniară de la Glăvăneştii Vechi. Hierasus IX, 1994, 65-124.

Covalenco 2006: S. Covalenco, Repertoriul arheologic al raionului Ungheni. Pyretus II, 2006, 5-41.

Dobrescu 2007: R. Dobrescu, Obsidianul din aşezările aurignaciene din nord-vestul României. Studii de Preistorie 4, 2007, 17-31.

Dumitrescu, Dumitrescu 1970: H. Dumitrescu, V. Dumitrescu, Şantierul arheologic de la Traian. Materiale şi cercetări arheologice 9, 1970, 39-58.

Garvăn, Buzea, Frînculeasa 2009: D. Garvăn, D. Buzea, A. Frînculeasa, Precucuteni. Originea unei Mari civilizaţii (Piatra-Neamţ: Ed. Constantin Matasă 2009).

Iconomu 1998: C. Iconomu, Cercetări arheologice în aşezarea Precucuteni de la Trifeşti-Iaşi. ArhMold XXI, 1998, 5-27.

Ignat 1973: M. Ignat, Şantierul arheologic de la Rus-Mănăstioara. Suceava. Studii şi materiale III, 1973, 227-236.

Ignătescu 1999: S. Ignătescu, O descoperire precucuteniană în apropierea oraşului Suceava. Codrul Cosminului 5 (15), 1999, 389-399.

Ignătescu 2001: S. Ignătescu, Ceramica liniară de la Mihoveni-Cahla Morii. In: Anuarul Muzeului Naţional al Bucovinei (Suceava 2001), 45-87.

Ignătescu 2003: S. Ignătescu, Locuirea liniar-ceramică de la Şcheia-Silişte (judeţul Suceava). Codrul Cosminului 6-7 (16-17), 2003, 3-10.

Kaczanowska 2018: M. Kaczanowska, The importance of obsidian distribution during the Neolithic in the Circum-Carpathian area. In: Multas per gentes et multa per saecula (Kraków 2018), 411-417.

Larina 1994: O. Larina, Neoliticul de pe teritoriul Republicii Moldova. Thraco-Dacica XV, 1-2, 1994, 41-66.

Larina 2010: O. Larina, Începuturile economiei productive. Neoliticul. Orânduirea gentilico-tribală. In: (Coord. V. Dergaciov) Istoria Moldovei. Epoca preistorică şi Antică (până în sec. V) (Chişinău 2010), 177-218.

Lazarovici, Lazarovici 2008: G. Lazarovici, M. Lazarovici, Sanctuarele culturii Precucuteni-Cucuteni. Angvstia 12, 2008, 9-40.

Leviţki, Sîrbu, Sîrbu 2020: O. Leviţki, L. Sîrbu, G. Sîrbu, Rezultatele investigaţiilor arheologice efectuate în cadrul sitului Trinca-Izvorul lui Luca în 2001. Revista arheologică s.n. XVI/1, 2020, 78-98.

Marinescu-Bîlcu 1981: S. Marinescu-Bîlcu, Tîrpeşti From prehistory to history in Eastern Romania. BAR International series, 107 (Oxford 1981).

Merlini 2009: M. Merlini, Danube script from the book Neo-Eneolithic literacy in Southeastern Europe (Alba Iulia: Ed. Altip 2009).

Niculică, Andronic 2000: B. Niculică, M. Andronic, O nouă aşezare precucuteniană în nordul Moldovei. Anuarul Muzeului Naţional al Bucovinei XXIV-XXV (1997-1998), 2000, 7-19.

Păpuşoi 1980: E. Păpuşoi, Sondajul arheologic de la Balş (jud. Iaşi). ArhMold IX, 1980, 7-17.

Păunescu 1970: Al. Păunescu, Evoluţia uneltelor şi armelor de piatră cioplită, descoperite pe teritoriul României (Bucureşti 1970).

Păunescu 1999: Al. Păunescu, Paleoliticul şi mezoliticul de pe teritoriul Moldovei cuprins între Siret şi Prut, vol. II (Bucureşti: Ed. Satya Sai 1999).

Pâslaru 2006: I. Pâslaru, Cultura Delacău-Babino (Mangalia: Ed. Callasprint 2006).

Rusu 2020: I. Rusu, Situri paleolitice de pe teritoriul satului Teşcureni, raionul Ungheni. Tyragetia s.n XV/1, 2021, 51-66.

Sava 1994: E. Sava, Epoca bronzului - perioada mijlocie şi târzie (sec. XVII-XII î.e.n). Thraco-Dacica XV/1-2, 1994, 141-158.

Sorochin 1994: V. Sorochin, Culturile eneolitice din Moldova. Thraco-Dacica XV/1-2, 1994, 67-92.

Sorochin 2000: V. Sorochin, Cercetări arheologice în aşezarea precucuteniană Isacova II. Tyragetia IX, 2000, 51-61.

Țerna et al. 2016a: S. Țerna, T. Saile, M. Dębiect, M. Posselt, Scanări geofizice și cercetări arheologice pe situri din neoliticul târziu - eneoliticul timpuriu de pe teritoriul Republicii Moldova (2014-2015). Tyragetia s.n. X/1, 2016, 81-116.

Țerna et al. 2016b: S. Țerna, M.M. Dębiect, A. Vornicu-Țerna, M. Vasilache-Curoșu, T. Saile, Rezultatele preliminare ale cercetărilor arheologice întreprinse în anul 2016 în așezarea neo-eneolitică de la Nicolaevca V. Tyragetia s.n. X/1, 2016, 117-128.

Țurcanu 2006: S. Țurcanu, Trăsăturile industriei litice cioplite din prima fază a culturii Precucuteni. Aşezarea de la Traian-Dealul Viei (jud. Neamţ). In: (Eds. N. Ursulescu, C.-M. Lazarovici) Cucuteni 120 – valori universale. Lucrările simpozionului naţional, Iaşi, 30 septembrie 2004 (Iaşi 2006), 131-140.

Țurcanu 2009: S. Țurcanu, Industria litică cioplită din neoliticul Moldovei (Iași: Ed. Universității ,,Alexandru Ioan Cuza" 2009).

Ursulescu 1984: N. Ursulescu, Consideraţii istorice privind tipurile de aşezări ale culturilor Starcevo-Criş şi Ceramicii liniare din Moldova. Anuarul Muzeului Judeţean Suceava XI-XII, 1984-1985, 95-100.

Ursulescu 1990: N. Ursulescu, Contribuţii privind evoluția culturii ceramicii liniare pe teritoriul Moldovei. ArhMold XIII, 1990, 13-34.

Ursulescu 2000: N. Ursulescu, Contribuţii privind Neoliticul şi Eneoliticul din regiunile est-carpatice ale României (Iaşi: Ed. Universităţii „Alexandru Ioan Cuza" 2000).

Ursulescu 2002: N. Ursulescu, Începuturile istoriei pe teritoriul României (Iași: Casa editorială „Demiurg" 2002).

Ursulescu, Batariuc 1979: N. Ursulescu, P. Batariuc, Aşezarea culturii ceramicii liniare de la Mihoveni (Jud. Suceava). SCIVA 30/2, 1979, 271-284.

Ursulescu et al. 2001-2002: N. Ursulescu, D. Boghian, V. Cotiugă, V. Merlan, Noi date privind complexele de cult din cultura Precucuteni. Sargetia XXX, 2001-2002, 61-78.

Ursulescu, Tencariu, Scarlat 2005: N. Ursulescu, F.A. Tencariu, L. Scarlat, Isaiia 2005. Noi date privind complexele de cult din cultura Precucuteni. Carpica XXXIV, 2005, 37-54.

Ursulescu, Tencariu 2006: N. Ursulescu, F.A. Tencariu, Religie și magie la Est de Carpați acum 7000 ani. Tezaurul cu obiecte de cult de la Isaiia, (Iaşi: Casa editorială „Demiurg" 2006).

Vornicu 2011: D.-M. Vornicu, Relațiile între cultura Precucuteni și aspectul cultural Stoicani-Aldeni reflectate în utilajul litic din aşezarea de la Târgu Frumos. Acta Musei Tutovensis VI, 2011, 7-15.

Vulpe 1944: E. Vulpe, Raport provizoriu asupra cercetărilor arheologice din Moldova și a săpăturilor de la Rădeni din Basarabia. Raport asupra activității științifice a MNA în anii 1942 și 1943 (Bucureşti: „Bucovina" I. E. Torouțiu 1944).

Видейко 2005: М.Ю. Видейко, Путешествие в трипольский мир (Киев 2005).

Зайле и др. 2016: Т. Зайле, С. Церна, М. Дембец, М. Посселт, К интепретации жилищных комплексов восточного ареала культуры линейно-ленточной керамики. В сб.: (Eds. S. Țerna, B. Govedarica), Interactions, changes and meanings. Essays in honour of Igor Manzura on the occasion of his 60th birthday (Kishinev 2016), 47-63.

Збенович 1980: В.Г. Збенович, Поселение Бернашевка на Днестре (к происхождению трипольской культуры) (Киев: «Наукова Думка» 1980).

Збенович 1989: В.Г. Збенович, Ранний этап трипольской культуры на территории Украины (Киев: «Наукова Думка» 1989).

Ларина 1999: О. Ларина, Культура линейно-ленточной керамики Пруто-Днестровского региона. Stratum plus 2, 1999, 10-139.

Маркевич 1973: В.И. Маркевич, Памятники эпох неолита и энеолита, АК МССР, вып. 2 (Кишинэу: Штиинца 1973).

Пассек 1960: Т. Пассек, Результаты археологических раскопок у с. Флорешты в Молдавии. В сб.: Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и Румынской народной республики (Кишинев 1960), 49-58.

Пассек, Черныш 1963: Т. Пассек, Е. Черныш, Памятники культуры линейно-ленточной керамики на территории СССР. САИ Б1-11 (Москва: Наука 1963).

Neolithic and Early Eneolithic settlements in the Delia River basin

Keywords: Teşcureni, Neo-Eneolithic era, Starčevo-Criş culture, Linear Pottery culture, Precucuteni, surface research.

Abstract: This article presents three unique Neo-Eneolithic settlements identified by surface research between May 2021 and February 2022. In chronological-cultural order, the first settlement belongs to the Starčevo-Criş cul-

ture (Teşcureni VI). The second settlement is attributed to the Linear Pottery culture (Teşcureni VII). Among the finds discovered here, there are an obsidian blade and a shoe ax. The third settlement belongs to the Precucuteni culture (Teşcureni VIII). More than 300 pieces of flint, a fragment of an ax, a grinder, a scraper and a large number of ceramic fragments were found in the area of the settlement. Several special objects were also discovered: an anthropomorphic foot, a clay tablet and a fragment of a vessel with a Vincian influence symbol. The Precucuteni settlement proved to be multi-layered, being partly superimposed by a possible burial specific to the Mnogovalikovaya culture of the Early Bronze Age.

List of illustrations:

Fig. 1. Topographic position (1), satellite (2) and hydrological representation (3) of the micro-zones of the Teşcureni VI, Teşcureni VII and Teşcureni VIII settlements.

Fig. 2. Photographic representation of the settlements of Teşcureni VIII (1), Teşcureni VI (marked with a yellow arrow), Teşcureni VII (marked with a red arrow) (2) and the map of the Delia River basin (3).

Fig. 3. Teşcureni VII. Flint (2-12) and obsidian (1) tools: 1-4, 6-12 - blades; 5 - scraper on blade.

Fig. 4. Teşcureni VII. Flint tools: 1, 2 - blades; 3, 4 - cores.

Fig. 5. Teşcureni VII. Ceramic fragments.

Fig. 6. Teşcureni VII. 1-7 - Ceramic fragments; 8 - siltstone shoe ax.

Fig. 7. Teşcureni VIII. Flint tools (blades).

Fig. 8. Teşcureni VIII. Flint tools: 1, 4-11, 13 - blades; 2, 12 – notched blades; 3 – piercing tool; 14 - flake.

Fig. 9. Teşcureni VIII. Flint tools: 1-5, 8, 9 - blades; 6, 7, 10 - geometric pieces.

Fig. 10. Teşcureni VIII. Flint tools: 1-5, 7, 9 - blades; 6, 8 - scrapers on flakes; 10 - flake.

Fig. 11. Teşcureni VIII. Flint tool: 1, 2, 4, 5 - scrapers on blades; 3, 7, 8 - scrapers on flakes; 6 - blade.

Fig. 12. Teşcureni VIII. Flint tools (cores).

Fig. 13. Teşcureni VIII. Flint tools (cores).

Fig. 14. Teşcureni VIII. Clay pieces: 1 - anthropomorphic foot; 2 - clay tablet. Sarmatian sandstone tools: 3 - scraper; 5 - grinder. Siltstone tools: 4 - ax.

Fig. 15. Teşcureni VIII. Ceramic fragments.

Fig. 16. Teşcureni VIII. Ceramic fragments.

Fig. 17. Ceramic fragments from the Precucuteni settlement of Teşcureni VIII (1, 2, 4-12) and from the Starcevo-Criş settlement of Teşcureni VI (3).

Fig. 18. Teşcureni VIII. 1-12, 14-17 - Ceramic fragments; 13 - bone buckle.

Fig. 19. Teşcureni VIII. Ceramic fragments.

Неолитические и раннеэнеолитические поселения в бассейне реки Делия

Ключевые слова: Тешкурень, эпоха неоэнеолита, старчево-кришская культура, культура линейно-ленточной керамики, Прекукутень, наземные исследования.

Резюме: В данной статье представлены три уникальных неоэнеолитических поселения, выявленных в результате наземных исследований в период с мая 2021 года по февраль 2022 года. В культурно-хронологическом порядке первое поселение относится к старчево-кришской культуре (Тешкурень VI). Второе поселение – к культуре линейно-ленточной керамики (Тешкурень VII). Среди обнаруженных здесь предметов имеются обсидиановая пластина и топор-калапод. Третье поселение относится к культуре Прекукутень (Тешкурень VIII). В периметре городища найдено более 300 кусочков кремня, обломок топора, зернотерка, скребок и большое количество фрагментов керамики. Также были обнаружены несколько особых предметов: антропоморфная ступня, глиняная табличка и фрагмент сосуда с символом. Поселение Прекукутень оказалось многослойным, на него частично наложено погребение, характерное для многоваликовой культуры. Свидетельством погребения являются человеческие кости и костяная пряжка.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Топографическое (1), спутниковое (2) и гидрологическое (3) положение микрозон поселений Тешкурень VI, Тешкурень VII и Тешкурень VIII.

Рис. 2. Фотографическое изображение поселений Тешкурень VIII (1), Тешкурень VI (отмечено желтой стрелкой), Тешкурень VII (отмечено красной стрелкой) (2) и карта бассейна реки Делия (3).

Рис. 3. Тешкурень VII. Кремневые (2-12) и обсидиановые (1) орудия: 1-4, 6-12 - пластины; 5 - скребок на пластине.

Рис. 4. Тешкурень VII. Кремневые орудия: 1, 2 - пластинки; 3, 4 - нуклеусы.

Рис. 5. Тешкурень VII. Фрагменты керамики.

Рис. 6. Тешкурень VII. 1-7 - Фрагменты керамики; 8 - топор из алевролита.

Рис. 7. Тешкурень VIII. Кремневые орудия (пластины).

Рис. 8. Тешкурень VIII. Кремневые орудия: 1, 4-11, 13 - пластины; 2, 12 - выемчатые пластины; 3 - проколка; 4 - осколок.

Рис. 9. Тешкурень VIII. Кремневые орудия: 1-5, 8, 9 - пластины; 6-7, 10 - орудия геометрической формы.

Рис. 10. Тешкурень VIII. Кремневые орудия: 1-5, 7, 9 - пластины; 6, 8 - скребки на отщепах; 10 - осколок.

Рис. 11. Тешкурень VIII. Кремневые орудия: 1, 2, 4, 5 - скребки на пластинах; 3, 7, 8 -скребки на отщепах; 6 - пластина.

Рис. 12. Тешкурень VIII. Кремневые орудия (нуклеусы).

Рис. 13. Тешкурень VIII. Кремневые орудия (нуклеусы).

Рис. 14. Тешкурень VIII. Изделия из глины: 1 -антропоморфная ступня; 2 - глиняная табличка. Орудия труда из сарматского песчаника: 3 - скребок; 5 - зернотерка. Орудия из алевролита: 4 - топор.

Рис. 15. Тешкурень VIII. Фрагменты керамики.

Рис. 16. Тешкурень VIII. Фрагменты керамики.

Рис. 17. Фрагменты керамики (1-12) из прекукутенского поселения Тешкурень VIII (1, 2, 4-12) и из старчево-кришского поселения Тешкурень VI (3).

Рис. 18. Тешкурень VIII. 1-12, 14-17 - Фрагменты керамики; 13 - костяная пряжка.

Рис. 19. Тешкурень VIII. Фрагменты керамики.

28.03.2022

Irina Rusu, Universitatea „Ștefan cel Mare”, str. Universității, 13, Suceava, România, https://orcid.org/0000-0003-3381-8514, e-mail: irinarusu.1998moon@gmail.com

УСАТОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК II (по раскопкам 1984 г.)

Игорь Манзура, Владислав Петренко

Ключевые слова: Украина, Северо-Западное Причерноморье, ранняя бронза, усатовская культура, погребальный обряд, могильник, могила.

В 2021 году исполнилось сто лет с начала исследований крупного археологического комплекса в селах Усатово и Большой Куяльник около Одессы. Открытие и многолетнее изучение этого уникального во многих отношениях памятника позволило совершенно по-новому взглянуть на древнюю историю не только Северного Причерноморья, но и более отдаленных европейских регионов. В силу этого кажется совсем неудивительным, что усатовские материалы постоянно привлекаются в решении исследовательских проблем самого различного плана, будь то индоевропейские миграции (Gimbutas 1997; Anthony 2008), возникновение ранних комплексных обществ (Петренко 2013; Manzura 2020), формирование воинского этоса (Jeunesse 2017; Hansen 2018) или древние религиозные представления (Петренко 1980; Петренко 1983) и т.п.

Несмотря на то, что многие археологические объекты были разрушены в ходе сельской застройки, в частности, курганный могильник III на западной окраине Большого Куяльника, большая их часть подверглась методичным раскопкам. В различные годы, вплоть до середины 80-х годов прошлого века, исследовательские работы проводились М.Ф. Болтенко, В.И. Селиновым, Е.Ф. Лагодовской, В.Г. Збеновичем, Э.Ф. Патоковой и В.Г. Петренко, что позволило составить достаточно полное представление о характере материалов и структурных особенностях памятника. Результаты этих раскопок до середины 70-х годов нашли почти полное отражение как в различных статьях, так и в монографии Э.Ф. Патоковой (1979), хотя полноценную характеристику некоторых аспектов, например, керамического ансамбля, еще предстоит выполнить. Помимо этого, за пределами внимания исследователей до сих пор остаются некоторые неопубликованные материалы второго курганного могильника в Усатово.

Курганный могильник II находится в южной части комплекса, на территории действующего сельского кладбища (рис. 1/1). Он состоял из 10 курганов, расположенных двумя группами в восточной и западной частях кладбища. Один из курганов, № 10, находился между этими двумя группами и оказался памятником античного времени. Первая группа из трех курганов была исследована в 1933 и 1936 гг. (Лагодовская 1940; Селинов, Лагодовская 1940). Курганы второй, восточной, группы, в которую входило шесть насыпей, концентрировались вокруг самого крупного на могильнике кургана 4 (рис. 1/2). Вторая группа курганов в пределах могильника была окружена рвом шириной 2 м и глубиной 2 м от современной поверхности (1,4 м от материка). Стенки рва сужались ко дну, дно округлое (рис. 1/3). В заполнении рва обнаружены камни, фрагменты керамики усатовской культуры и обломок каменного топора-молота (рис. 1/4). В 1984 году Усатовским отрядом под руководством В.Г. Петренко, входившим в состав экспедиции «Южная» (начальник А.Г. Загинайло), были исследованы четыре кургана второй группы. Все исследованные курганы относятся к усатовской культуре.

Описание погребальных комплексов

Курган II-5 находился в восточной части могильника, в непосредственной близости к юго-востоку от самого крупного кургана 4. Высота насыпи равнялась 0,25 м, диаметр – 10 м. Курган сооружен из чернозема, поверх-

[1] Статья была написана в рамках проекта 20.80009.0807.43 «Музейное наследие и историческая память: исследование, интерпретация, презентация».

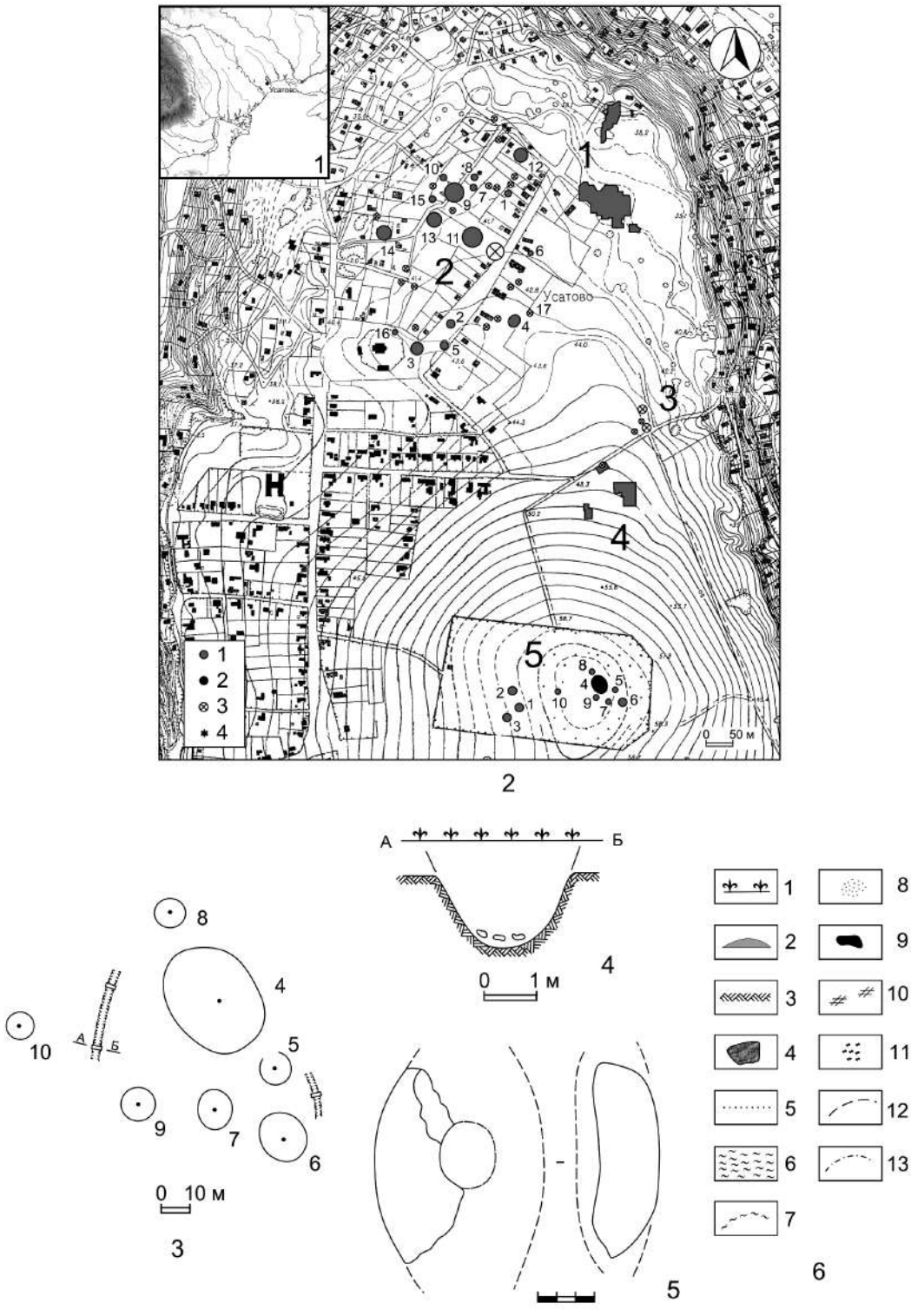


Рис. 1. Археологический комплекс в с. Усатово: 1 - расположение археологического комплекса в Северо-Западном Причерноморье; 2 - ситуационный план археологического комплекса (расположение отдельных памятников на территории комплекса: 1 - поселение; 2 - курганный могильник I; 3 - курганный могильник III; 4 - грунтовый могильник; 5 - курганный могильник II. Условные обозначения: 1 - исследованные курганы; 2 - неисследованные курганы; 3 - разрушенные курганы; 4 - предполагаемые курганы); 3 - общий план курганной группы на курганном могильнике II; 4 - разрез рва; 5 - обломок каменного топора с территории могильника; 6 - условные обозначения (1 - современная дневная поверхность; 2 - материковый выкид; 3 - материк; 4 - камни; 5 - верхняя граница глинобитной забутовки; 6 - слой жидкой грязи; 7 - границы грязевого слоя; 8 - охра; 9 - смолистое вещество; 10 - растительная подстилка; 11 - древесные угольки; 12 - невидимый контур; 13 - реконструируемый контур).

ность к началу раскопок была задернована. Северо-восточная пола насыпи была занята современным захоронением. Северо-западная пола оказалась сильно деформированной оплывами соседнего кургана 4. В кургане выявлены два погребения усатовской культуры (рис. 2/1).

Погребение 1 (рис. 2/2) обнаружено в центре кургана, в 0,4 м к югу от репера, на глубине 0,15-0,35 м. Оно располагалось выше южного края погребения 2. От погребенного сохранились кости ног, согнутые коленями влево, фрагменты костей таза и рук. По их расположению можно определить, что погребенный лежал в скорченном положении на левом боку, головой на юго-восток. На костях заметны пятна темно-красной охры. Под скелетом прослеживался коричневый тлен от растительной подстилки. Наклонное положение костяка в насыпи, вероятно, было вызвано усадкой заполнения могильной ямы погребения 2. В силу этого можно предполагать, что оба погребения были разделены небольшим промежутком времени.

Погребение 2 обнаружено в центре кургана, под репером (рис. 2/5). В южной части оно было частично перекрыто погребением 1. Могильная яма в плане трапециевидной формы, с подбоем в северном углу. Длина ямы 1,7 м, ширина 1,2 м, глубина от уровня материка 0,65 м, высота подбоя 0,5 м. Возле ямы предматериковая почва под насыпью выклинивалась, сменяясь черноземом, который залегал также и в яме до глубины 10-20 см от линии материка. Ниже, до глубины 0,50-0,55 м, яма была заполнена своего рода глинобитом: очень твердой, равномерной смесью глины и чернозема с отпечатками коротких стеблей растений и вкраплениями зерен гипса. В забутовке встречались единичные фрагменты керамики из глины с примесью толченых раковин, кремневые сколы и створки раковин. При выемке забутовка раскалывалась на вальки длиной 25-35 см и диаметром 20-25 см, местами прослеженные и в контрольном разрезе. Забутовку подстилал сплошной слой иловой (?) грязи интенсивно черного цвета, с трудом поддающийся расчистке.

В грязевом слое находились расписная миска и скелет, принадлежавший мужчине молодого возраста (скелет 1)[2]. Череп погребенного и внутренняя поверхность чаши грязевыми слоями не перекрывались, а залегали непосредственно под глиняной забутовкой. Скелет лежал в скорченном положении на спине с разворотом на левый бок, черепом на восток-северо-восток (71°). Левая рука вытянута вдоль тела. Правая рука согнута в локте и уложена поперек тела. Скелет окрашен охрой, при этом на костях голеней и ступней умершего отмечены беспорядочные пятна красной охры, тогда как на черепе краска темно-бурого цвета отложилась 6-7 параллельными полосами. Возле голени левой ноги лежала кость крупного животного.

В северной стенке могилы, на 0,1 м выше дна, имелся вход в щелевидный подбой шириной 0,85 м. Свод подбоя частично обрушился, его обломки в виде пластов чистой материковой глины толщиной 8-20 см залегали в рыхлом черноземе и непосредственно на костяке погребенного (скелет 2). Реконструируемая высота подбоя 0,35-0,4 м, ширина 0,85-1,25 м, длина более 1,5 м. Длина точно не установлена, поскольку северный край подбоя поврежден позднейшим перекопом. В подбое находился скелет мужчины 40-45 лет. Погребенный лежал в скорченном положении на спине, черепом на юго-юго-восток (169°). Левая рука вытянута вдоль тела. Правая рука полусогнута и уложена кистью на таз. Все кости, за исключением черепа, равномерно окрашены красной охрой. На черепном своде прослеживается темно-бурая краска, отложившаяся такими же полосами, как и у первого погребенного.

Инвентарь:

1. Миска полусферической формы находилась у юго-восточной стенки, на уровне черепа (рис. 2, 3). Изготовлена из тщательно отмученной глины без видимых примесей. Поверхность подлощена, с отпечатками зерен злаков на стенках и ткани на дне. Снаружи и внутри миска украшена метопным орнаментом, выполненным темно-коричневой краской. Внутри сосуда заметен след какой-то

[2] Предварительные антропологические определения были выполнены К.В. Зиньковским. Анализ древнего ДНК некоторых индивидов из курганного могильника II, проведенный сотрудниками Института эволюционной антропологии им. Макса Планка в Лейпциге, подтвердил первоначальные половозрастные характеристики.

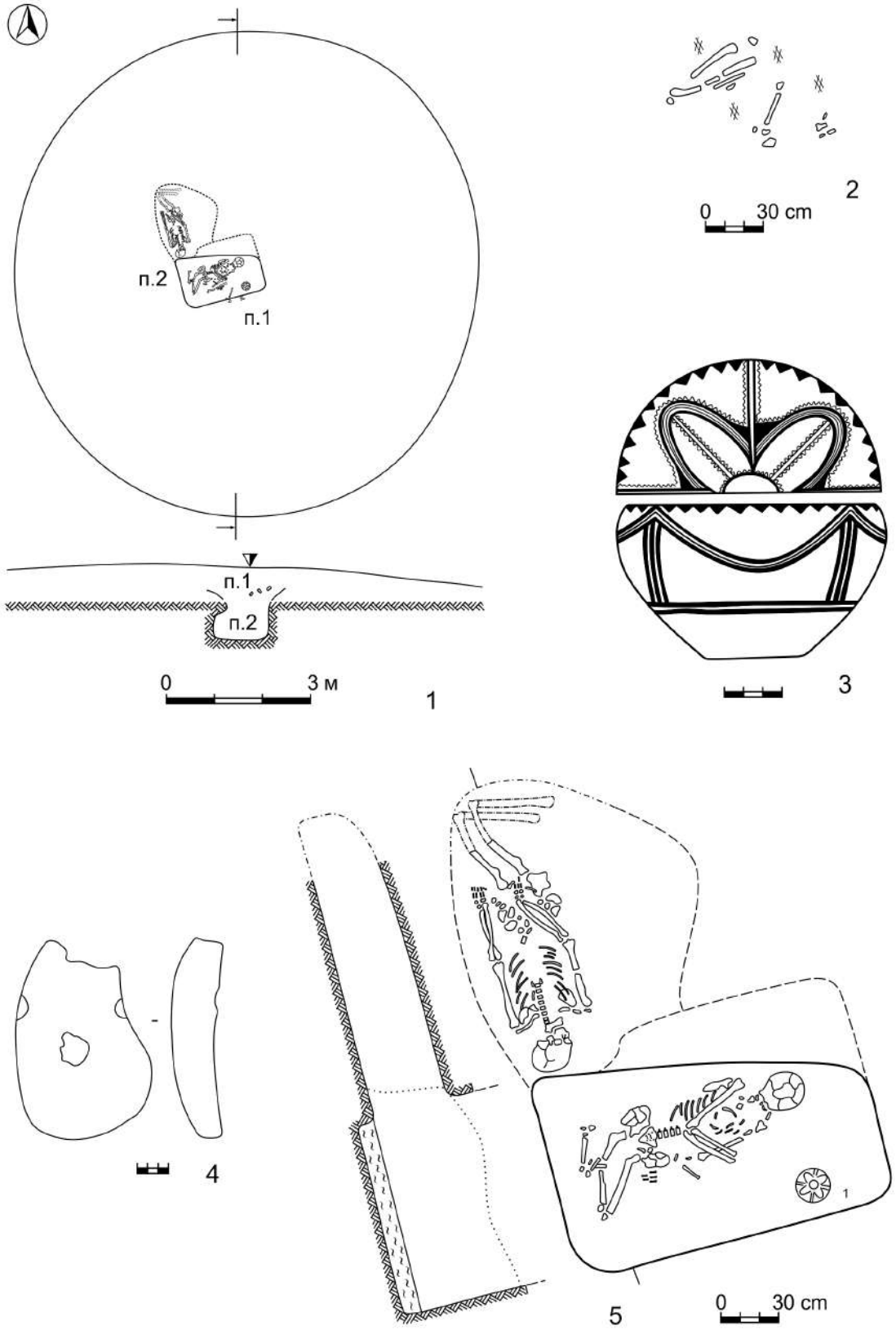


Рис. 2. Усатово – курганный могильник II, курган 5: 1 - общий план и профиль кургана; 2 - погребение 1; 3, 5 - погребение 2; 4 - каменное изделие из скопления 1.

жидкости, заметно высветлившей роспись и часть поверхности. Расположение и форма затека свидетельствует о том, что миска с этой жидкостью первоначально стояла в наклонном положении. Высота миски 9,8 см, максимальный диаметр 16,8 см, диаметр дна 6 см. В миске находился кусочек красной охры.

В насыпи, на глубине 0,1-0,2 м обнаружено несколько групп небольших (20×15×4 см) известняковых камней, возможно, представлявших собой остатки некогда существовавшего кромлеха. Помимо этого, на уровне предматерикового грунта, на глубине 0,4-0,5 м, выявлены три горизонтальных скопления диаметром 0,35-0,45 м, состоявших из раковин, кремневых сколов и мелких фрагментов керамики из глины с примесью ракушки. Скопление 1 находилось в 1,1 м к югу от репера (далее Р), скопление 2 – в 2,1 м к востоку-северо-востоку от Р, и скопление 3 – в ? к ? от Р. Черноземная почва под скоплениями была тверже и темнее, чем грунт насыпи. Она также отличалась от грунта кургана наличием зерен гипса, встречавшихся до высоты 0,2-0,3 м от уровня скоплений. Эти скопления, по-видимому, являются дном небольших ямок, устроенных в насыпи и впоследствии засыпанных.

В скоплении 3 найден предмет непонятного назначения (рис. 2/4). Он представляет собой известняковую плитку бобовидной формы, слегка прогнутую в продольном сечении. Особенно тщательно обработана ее вогнутая поверхность, по краям которой имеются две выемки (следы от использования веревки?), а в центре – группа выбоин. Один край изделия обломан в древности.

В стратиграфическом отношении основным для кургана 5 следует считать погребение 2 усатовской культуры. Погребение 1, которое частично перекрывает более раннюю могилу, является более поздним, но относится к этому же культурному кругу. Можно предположить, что хронологический разрыв между погребениями был, скорее всего, не очень значительный.

Курган II-7 находился в южной части группы, примерно в 12 м к югу от кургана 4. Высота кургана 0,3 м, диаметр 10-14 м. Насыпь сооружена из чернозема и к началу раскопок была задернована (рис. 3/1). В кургане выявлены одно погребение, одна культовая яма и остатки кромлеха.

Погребение 1 обнаружено в центре кургана, между каменной вымосткой и репером, на глубине 0,65 м от Р и на 0,3 м ниже уровня вымостки (рис. 4/3). Яма трапециевидной формы с закругленными углами была ориентирована северо-восток – юго-запад. Длина ямы 1,95 м, ширина 1,4 м, дно опущено в материк на 0,9 м. Заполнение состояло из очень твердого темно-коричневого грунта, насыщенного зернами гипса. В заполнении найдены фрагменты керамики, пережженные кости животных, раковины, комок черной смолы и обломок изделия (терочник?) из камня розового цвета. Погребенный (женщина 40-45 лет) лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток-северо-восток (70°). Руки согнуты в локтях и направлены предплечьями вперед. Нижние эпифизы предплечья правой руки обожжены. Кисти обеих рук отсутствуют. Верхняя часть скелета была покрыта толстым слоем (15-20 см) очень твердой иловой (?) грязи интенсивно-черного цвета. На надбровных дугах прослежены полоски желтой глины. На костях и слева от черепа, в северном углу ямы, встречались мелкие куски сгоревшего дерева. Под подбородком лежал продолговатый предмет из темно-красной необожженной глины. Справа и слева от черепа были рассыпаны крупицы красной краски, лежавшие поверх коричневого тлена. Под тленом была обнаружена канавка глубиной 5-6 см и шириной 6-15 см, направленная от лицевой части черепа вперед к сосуду (2), входившему в состав инвентаря. За спиной скелета, на дне ямы, находился овальный (6×14 см) натек черной смолы.

Инвентарь:

1. Бронзовое (?) четырехгранное шило (0,3×0,3 см) длиной 4,9 см лежало у колен (рис. 4/2). 2. Лепной горшковидный сосуд, изготовленный из глины с примесью ракушки, находился перед лицом погребенного (рис. 4/4). Под венчиком и у основания горла сосуд орнаментирован горизонтальными рядами серповидных оттисков твердого штампа. Высота сосуда 10,5 см, диаметр венчика 9,8 см, диаметр тулова 12 см, диаметр дна 5,3 см. 3. Фрагменты амфоры из отмученной глины, расписанной черной и красной кра-

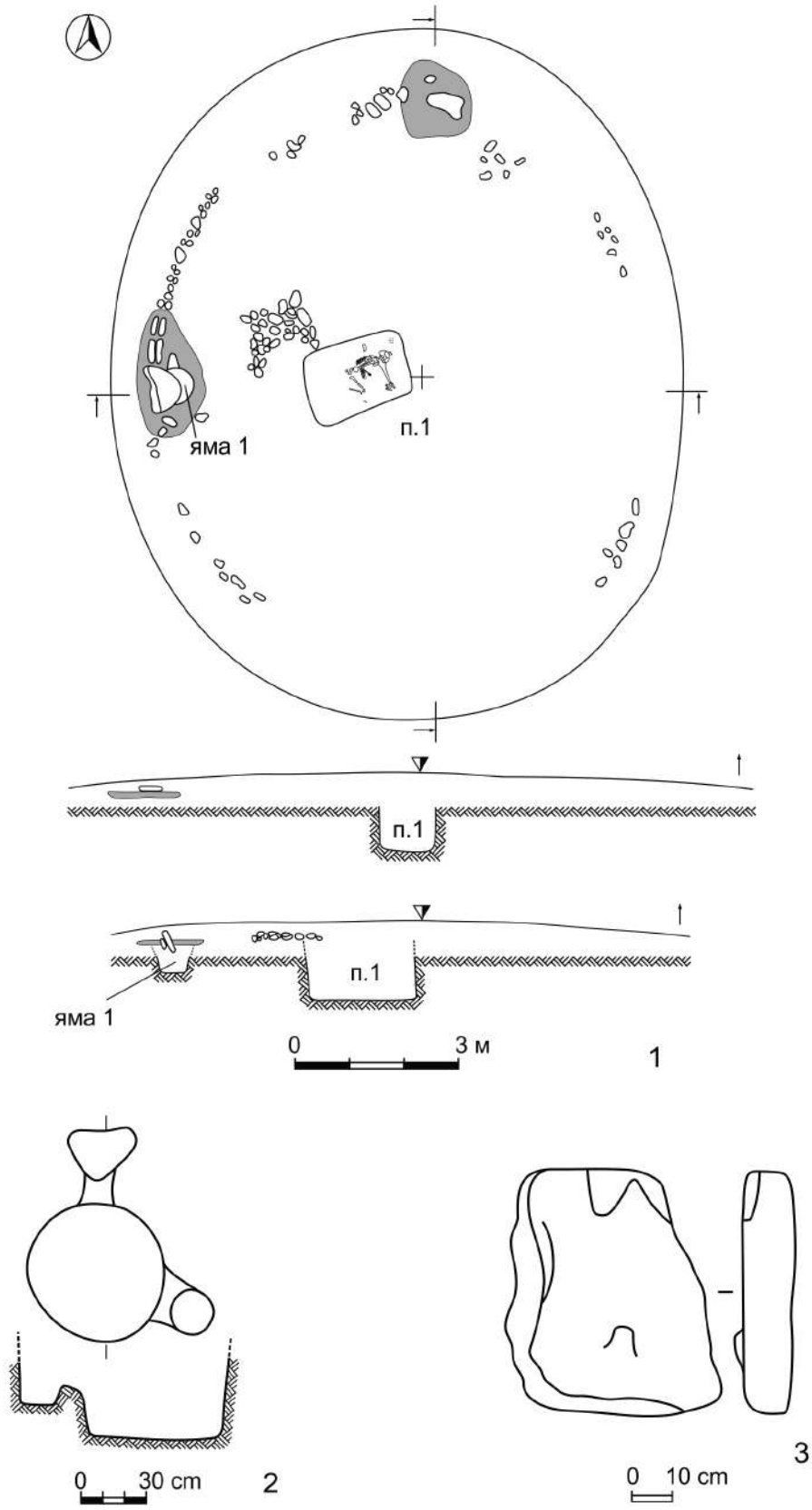


Рис. 3. Усатово – курганный могильник II, курган 7: 1 - общий план и профиль кургана; 2 - культовая яма 1; 3 - обработанная каменная плита из кромлеха.

сками, лежали рядом с сосудом. 4. Обломки сосуда из отмученной глины лежали у темени и нижней челюсти.

Кромлех плохой сохранности диаметром около 8 м, сооруженный в основном из небольших камней и плит известняка, обнаружен на глубине 0,35 м, что должно соответствовать уровню древней дневной поверхности (рис. 3/1). Камни северо-восточного участка кромлеха обожжены; камни и плиты северного и западного участков располагались в насыпном слое материковой глины толщиной 3-10 см, которая, по всей вероятности, являлась частью выкида из центральной погребальной ямы. Плиты западного участка кромлеха стояли в два ряда на ребре, тогда как остальные камни (15×10×5 см) и плиты (25×15×10 см) лежали плашмя.

Одна из вертикально поставленных плит отличается неправильными трапециевидными очертаниями (рис. 3/3). По краю плиты имеется ступенчатая протеска глубиной 2 см, в центре – рельефный выступ высотой 1,5-2,0 см. Противоположная и боковые стороны плиты не обработаны. Длина плиты 58 см, максимальная ширина 46 см, толщина 10 см.

Вторая плита представляет собой примитивную зооморфную скульптуру (рис. 4/1). Внизу она имеет округлую форму, вверху изваяния выделяются два подтреугольных выступа. Края грубо обколоты. На поверхности, обращенной в кромлехе наружу от центра кургана, высечена рельефная площадка в виде расширяющегося книзу овала с двумя роговыми выступами вверху справа и выемкой в нижней части. Высота рельефа составляет 1,0-3,5 см. Высота скульптуры 84 см, ширина 96 см, толщина 16 см.

Вымостка из небольших камней и плит известняка, уложенных в два слоя на уровне древнего горизонта, находилась в непосредственной близости к северо-западу от центрального погребения (рис. 3/1). Длина вымостки 1,3 м, ширина 1,2 м.

Культовая яма 1 была обнаружена под зооморфной скульптурой и насыпным слоем материковой глины (рис. 3/2). Яма диаметром 0,62 м и глубиной 0,32 м от материка имела в плане округлые очертания. От стенок ямы отходили две канавки, завершавшиеся неглубокими ямками. Одна канавка ориентирована на юго-запад. Здесь найдены три кремневых скола. Вторая канавка шла в северном направлении. На дне был выявлен порошок красной краски. Заполнение ямы состояло из пережженного комковатого грунта темно-коричневого цвета.

Курган II-8 находился в северо-западной части группы, примерно в 10 м к северо-западу от кургана 4 (рис. 4/5). Высота насыпи 0,3 м, диаметр 10 м. Курган насыпан из чернозема, к началу раскопок был задернован. В кургане обнаружено одно погребение усатовской культуры.

Погребение 1 обнаружено в 0,5 м к востоку от Р, на глубине 0,6 м (рис. 5/1). Яма прямоугольной формы с закругленными углами была ориентирована по линии восток-запад. Длина ямы 1,8 м, ширина 1,35 м, глубина около 1,2 м. Стенки ямы с небольшими подбоями высотой 0,25-0,3 м и глубиной 0,06-0,14 м. Заполнение состояло из очень твердого темно-коричневого грунта с большим содержанием зерен гипса. В заполнении по центру ямы, на глубине 0,3 м от материка, обнаружено пятно красновато-коричневого тлена диаметром 0,36 м. В пятне найдены фрагменты сосудов из глины с примесью толченых раковин, пережженная кость животного и стеклянная бусина. Погребенный (мужчина 40-50 лет) лежал в скорченном положении на левом боку, головой на восток (96°). Руки согнуты и кистями уложены перед лицом. Череп лежал непосредственно на материковом дне ямы, а остальные кости скелета – на темно-коричневом тлене, под которым залегал слой очень твердой иловой (?) грязи интенсивно-черного цвета толщиной 5-10 см. Такая же грязь покрывала весь скелет, за исключением черепа. Справа от черепа, на дне могилы, выявлены древесные угольки. Вокруг погребенного были разбросаны пережженные кости животных, раковины и фрагменты керамики.

Инвентарь:

1. Кремневая трапеция лежала справа от черепа (рис. 5/3). Края обработаны мелкой ретушью. Высота трапеции 1 см, ширина 0,6-1,0 см. 2. Миниатюрный лепной сосуд с двумя ручками под венчиком, изготовленный из глины с примесью песка, находился справа от черепа (рис. 5/4). Под венчиком проделаны

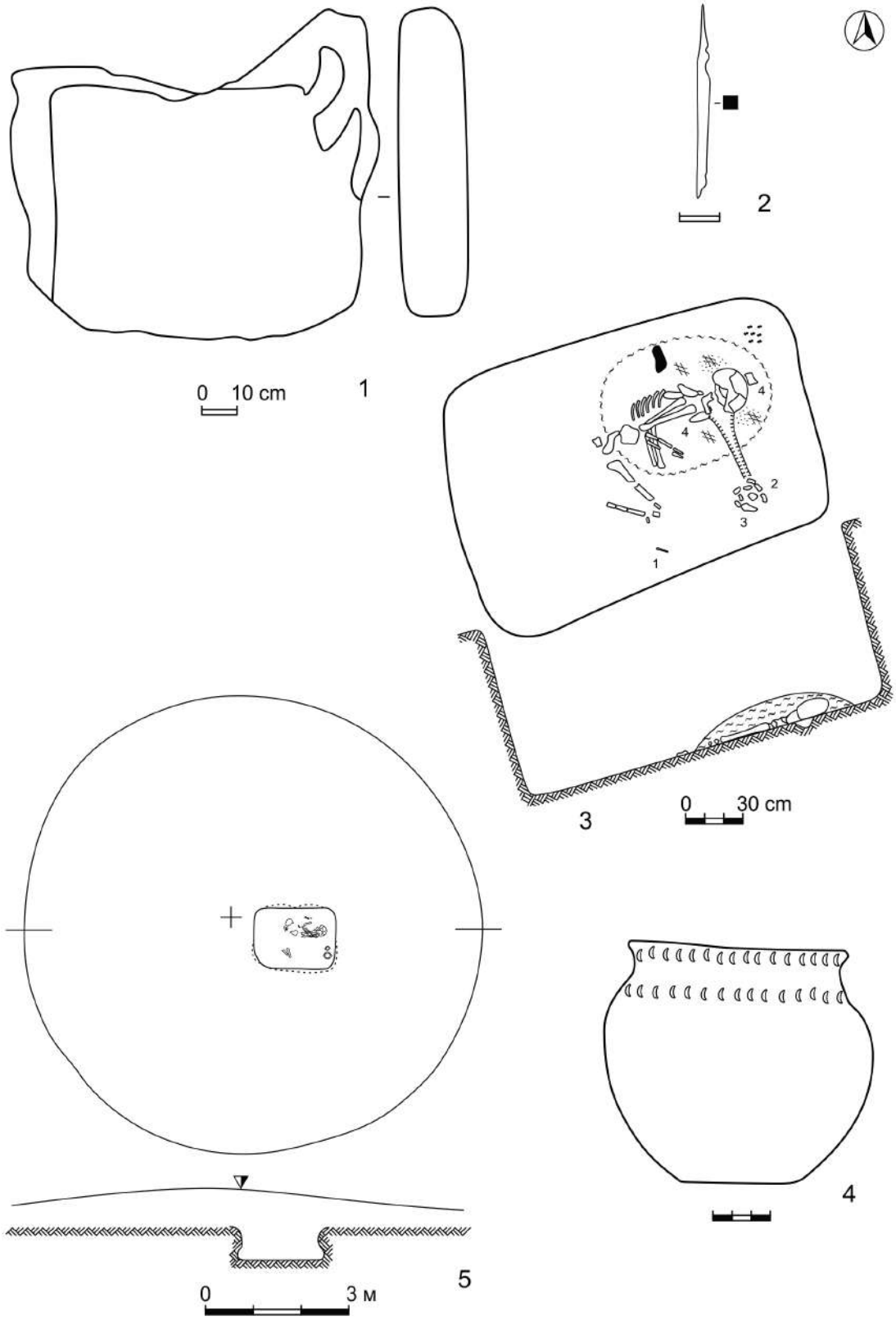


Рис. 4. Усатово – курганный могильник II, курган 7: 1 - обработанная каменная плита из кромлеха; 2-4 - погребение 1. Курган 8: 5 - общий план и профиль кургана.

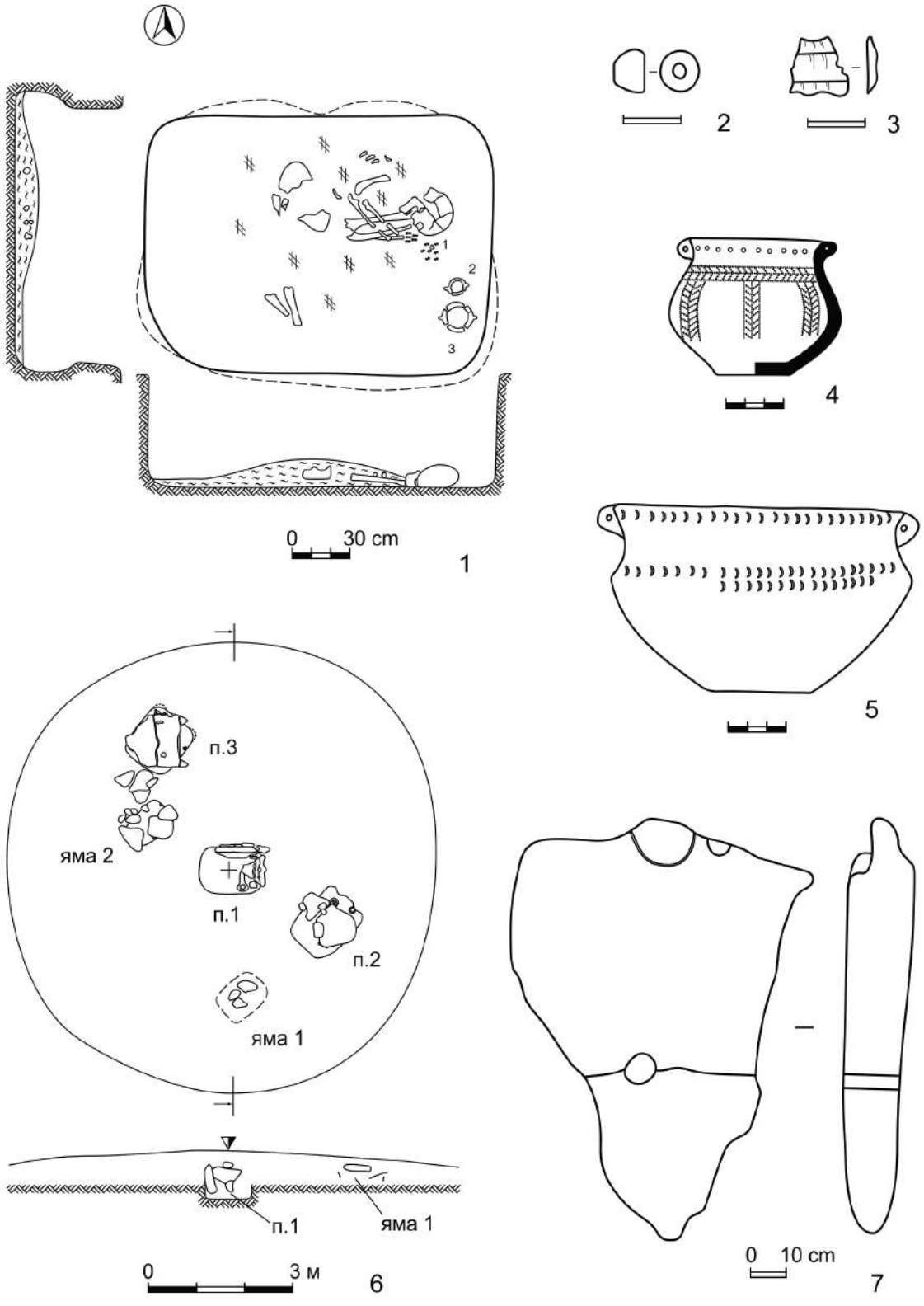


Рис. 5. Усатово – курганный могильник II, курган 8: 1-5 - погребение 1. Курган 9: 6 - общий план и профиль кургана; 7 - антропоморфная стела из перекрытия погребения 1.

сквозные отверстия. Основание шейки орнаментировано тремя опоясывающими оттисками тонкого шнура, пространство между которыми заполнено оттисками такого же шнура в виде «елочки». Семь аналогичных вертикальных лент расположено вертикально по тулову сосуда. Орнамент инкрустирован белой пастой. Поверхность сосуда серовато-коричневого цвета, подлощена. Высота сосуда 7,2 см, диаметр венчика 6,8 см, диаметр тулова 9 см, диаметр дна 3 см. 3. Широкогорлая ребристая миска с двумя вертикальными ручками под венчиком стояла рядом с первым сосудом, ближе к юго-восточному углу (рис. 5/5). В изломе заметна примесь крупнотолченой ракушки и вкрапления темно-красного вещества (охры?). Поверхность шероховатая, серовато-охристого цвета. Под венчиком расположен опоясывающий ряд серповидных оттисков перевитого шнура. Аналогичные оттиски имеются на основании шейки и верхней части тулова. На стороне тулова серповидные оттиски разделены горизонтальной линией простого шнура. Высота сосуда 9,5 см, диаметр венчика 15 см, диаметр тулова 15 см, диаметр дна 5,4 см. 4. Стеклянная бусина неправильной грушевидной формы найдена в заполнении ямы (рис. 5/2). Длина бусины 0,6 см, максимальный диаметр 0,75 cm, диаметр отверстия 0,2 см.

Курган II-9 находился в юго-западной части группы, примерно в 25 м к юго-западу от кургана 4 (рис. 5/6). Курган сооружен из чернозема, к началу раскопок был задернован. Высота насыпи 0,25 м, диаметр 8-10 м. В кургане обнаружены три погребения и две культовые ямы усатовской культуры.

Погребение 1 обнаружено в центре кургана, на глубине 0,6 м от Р (рис. 6/1). Могильная яма в плане прямоугольной формы с сильно закругленными углами, была ориентирована по линии восток-запад. Длина ямы 1,4 м, ширина 1 м. Дно опущено в материк на 0,4 м, тогда как первоначальная глубина ямы составляла около 1 м. Заполнение состояло из очень твердого темно-серого грунта с примесью глины и песка. В заполнении найден кусок плитчатой обмазки с отпечатками растений.

У северной и восточной стенок ямы были вертикально установлены известняковые плиты. Северная плита имеет четырехугольную форму (86×70×19 см), верх ее отесан. Между этой плитой и стенкой могилы имелись еще две небольшие плиты (38×24×8 см и 32×20×6 см), стоявшие на ребре, и мелкие камни. Вторая плита представляет собой антропоморфную стелу, установленную в погребальной камере головным выступом вверх и расколовшуюся под давлением грунта на две части (рис. 5/7). Верх скульптуры обнаружен на глубине 0,28 м от Р. Стела имеет подтреугольную форму, ее боковые края грубо обколоты, слегка покатые плечи и невысокий, тонкий в сечении головной выступ тщательно протесаны. Под головным выступом высечено чашевидное углубление, а в центре – сквозное отверстие диаметром 6 см. Углубление меньших размеров диаметром 3 см расположено и на левом плече стелы. Высота изваяния 88 см, ширина в плечах 70 см, толщина 17 см. В основании плит в забутовке могилы, на глубине 0,26 м от верха ямы, прослежена прослойка раковин мидий диаметром 0,43 м. Она свидетельствует о том, что плиты и стела были установлены в могиле после ее частичного заполнения грунтом.

Под стелой, на дне ямы, находился череп без нижней челюсти, принадлежавший ребенку не старше 5-6 лет. Он был уложен на левую сторону, глазницами на запад. На лбу было заметно пятно красной охры. Череп был частично перекрыт налепом из светло-желтого леса в виде кольца с выступом. Длина налепа 43 см, сечение полукруглое, высотой 6-7 см.

Инвентарь:

1. Круглодонный кубок, изготовленный из глины с примесью ракушки, находился у черепа (рис. 6/3). Тулово уплощенно-сферическое, шейка короткая, венчик отогнут наружу. На внутренней стороне венчика нанесены короткие оттиски перевитого шнура, образующие ромбическую сетку. Поверхность сосуда темно-серого цвета, подлощена. Высота сосуда 9,6 см, диаметр венчика 11,8 см, диаметр тулова 13,5 см. 2. Фрагменты миниатюрной миски, вылепленной из глины с примесью песка, находились у северной стенки (рис. 6/2). По краю венчика проходят короткие оттиски перевитого шнура. Поверхность темно-серого цвета, подлощена. Высота мисочки 3 см, максимальный диаметр 6,4 см, диаметр дна 2,7 см.

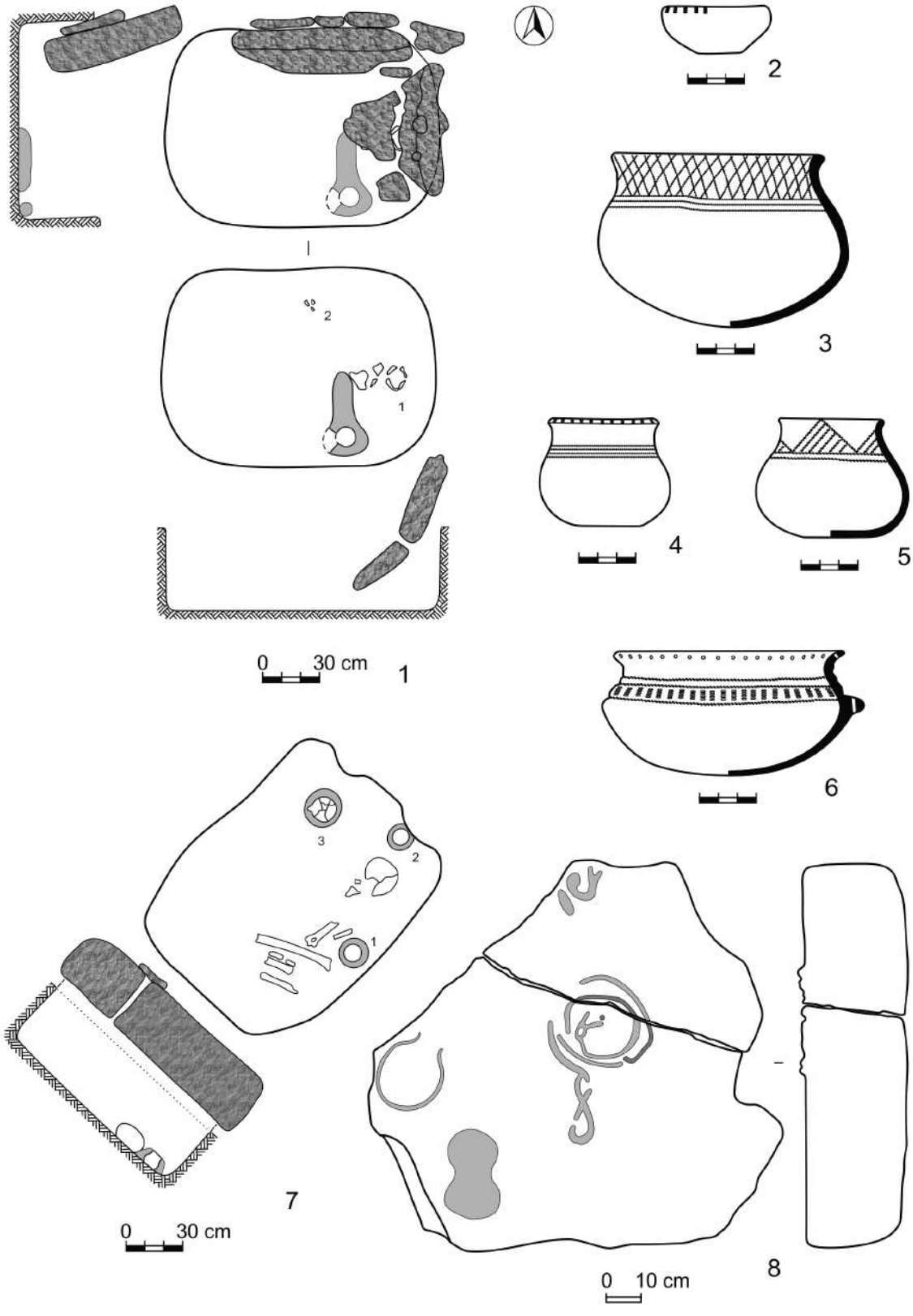


Рис. 6. Усатово – курганный могильник II, курган 9: 1-3 - погребение 1; 4-8 - погребение 2.

Погребение 2 обнаружено в 0,9 м к северо-востоку от погребения 1 на глубине 0,3 м, по каменному закладу (рис. 6/7). Заклад состоял из нескольких мелких известняковых камней и крупной плиты, расколовшейся на две части. Плита является схематическим антропоморфным изваянием (рис. 6/8). Голова, плечи и поверхность, обращенная непосредственно к погребению, протесаны. Кроме того, в центре этой поверхности высечено рельефное кольцо высотой 1,5-2,5 см и диаметром 25-30 см с точечным углублением в центре, окруженное неглубокими выгравированными дугами. Одна из них соединена с перечеркнутой S-образной линией. Еще несколько слабо проработанных гравированных линий и выемок различной формы имеется вдоль левого края стелы. В перекрытии могилы изваяние было ориентировано головным выступом к юго-западу. Высота стелы 128 см, ширина 114 см, толщина 30 см.

Могильная яма подпрямоугольной в плане формы с закругленными углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Длина ямы 1,35 м, ширина 1,1 м. Дно опущено в материк на 0,35 м, но изначально глубина ямы, вероятно, равнялась около 0,65 м. Стенки могилы вертикальные, причем северо-восточная стенка имела два выступа, обращенные внутрь могилы. На стенах прослежены желобки шириной 2-3 см, длиной 10-15 см от орудия, с помощью которого копали яму. Могила заполнена очень плотным черноземом, смешанным с глиной. В заполнении встречалось большое количество зерен гипса, раковины, фрагменты усатовской керамики.

Останки погребенного мужчины возрастом около 40 лет находились в правой части ямы, у юго-восточной стенки. Посткраниальный скелет представлен фрагментированными, заизвесткованными костями правых руки и ноги. Сломы костей древние. В данном случае, очевидно, имело место перезахоронение останков умершего. Темя и лобная часть черепа окрашены красной краской. Помимо этого, в лобной части имеется овальное (2,5×3,5 см) отверстие с рваными краями, окруженное радиальными трещинами. Находившиеся в погребении сосуды были покрыты глиняной обмазкой толщиной 1,5-2,5 см, с помощью которой они крепились ко дну могилы.

Инвентарь:

1. Кубковидный сосуд с приземистым округлым туловом находился у костей конечностей, справа от погребенного (рис. 6/4). Изготовлен из глины с примесью песка. Венчик слабо отогнут наружу, дно незначительно уплощено. Поверхность сосуда шероховатая, розового цвета, в изломе – черного. По краю венчика кубок орнаментирован короткими оттисками перевитого шнура. Четыре опоясывающих оттиска простого шнура проходят по основанию шейки сосуда. Снаружи и внутри сосуд окрашен красной охрой. Высота сосуда 6,9 см, диаметр венчика 7,2 см, диаметр тулова 8,4 см, диаметр дна 4 см. 2. Кубковидный сосуд, изготовленный из глины с примесью песка, стоял у теменной части черепа (рис. 6/5). Кубок орнаментирован оттисками простого шнура, образующими на шейке заштрихованные треугольники и две горизонтальные опоясывающие линии. Стенки окрашены красной охрой. Высота сосуда 6,5 см, диаметр венчика 5,7 см, диаметр тулова 8,4 см, диаметр дна 5,2 см. 3. Круглодонная чаша с полусферическим туловом из глины без видимых примесей находилась слева от черепа (рис. 6/6). Поверхность светло-коричневого цвета, тщательно залощена, покрыта красной охрой. На тулове имеется один конический налеп с вертикальным отверстием. Венчик сильно отогнут наружу. Под венчиком проделаны сквозные отверстия. На шейке имеются два горизонтальных опоясывающих оттиска простого шнура. Ниже расположен еще один аналогичный оттиск. Между верхними и нижним оттисками нанесены вертикальные отпечатки зубчатого штампа. На глиняной обмазке чаши прослеживались пятна красной охры. Высота чаши 6,6 см, диаметр венчика 12,6 см, диаметр тулова 13,5 см.

Погребение 3 обнаружено в 1,8 м к северо-западу от погребения 1 и в 0,8 м к северу от культовой ямы 2, на глубине 0,32 м (рис. 7/3). Могильная яма была перекрыта крупной обработанной плитой известняка, соединенной с закладом культовой ямы 2 кладкой из небольших (30×20×5 см) плит, уложенных плашмя в два слоя.

Плита перекрытия представляет собой примитивное изваяние (рис. 7/8). Схематически переданы голова и плечи, а на противополож-

ном краю плиты высечены два выступа. На поверхности плиты имеются два искусственных углубления. Высота стелы 1,4 м, ширина 1,2 м, толщина 0,2 м. В погребении стела была ориентирована головным выступом к юго-западу.

Погребальная яма прямоугольной в плане формы с закругленными углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Длина ямы 1,2 м, ширина 1,1 м, дно опущено в материк на 0,5 м. Стенки с небольшими подбоями высотой 0,2-0,26 м, глубиной 0,05-0,08 м. Заполнение состояло из рыхлого чернозема в верхней части и очень твердой глины, смешанной с черноземом, в нижней части. На поверхности мешаного слоя глины и чернозема, в западном углу, лежали кости младенца, слабо окрашенные малиновой краской. На дне могилы, в северном углу, находилось скопление человеческих костей. Внизу находились две бедренные кости, на которые была уложена левая половина таза. На тазовой кости лежал череп, накрытый правой половиной таза. Череп принадлежал молодой женщине, а тазовые и бедренные кости индивиду молодого возраста. Пятна красной охры прослеживались на левом виске и надбровье. Возле верхнечелюстной кости находилось скопление желтого леса.

Образец, взятый из черепа женщины, был продатирован радиоуглеродным методом: 3764-3641 calBCE (4914±26 BP, MAMS-48808) (Penske et al., in press).

Инвентарь:

1. Фрагментированная миска из глины с примесью ракушки находилась у юго-восточной стенки (рис. 7/1). Поверхность и излом темно-коричневого цвета. Край загнут внутрь. Высота миски 5,8 см, диаметр венчика 10,8 см, максимальный диаметр 12,0 см, диаметр дна 4,5 см. 2. Костяная бусина диаметром длиной 0,45 см и диаметром 0,8 см обнаружена в подбое северо-восточной стенки (рис. 7/2).

Культовая яма 1 обнаружена в 1,6 м к югу от центрального погребения и в 1,1 м к юго-западу от погребения 2 по известняковой плите перекрытия (56×34×8 см), на глубине 0,3 м. Форма ямы точно не определена. На глубине 0,15 м ниже плиты обнаружены фрагменты ребристой миски из глины с примесью ракушки, украшенной шнуровым орнаментом (рис. 7/4). Фрагменты этой же миски оказались и в заполнении погребения 2.

Культовая яма 2 обнаружена в 0,9 м к северо-западу от погребения 1, на глубине 0,28 м. Яма трапециевидной формы с закругленными углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад (рис. 7/5). Длина ямы 1,05 м, ширина 0,8 м, дно опущено в материк на 0,35 м. Перекрытие состояло из двух необработанных плит известняка (81×62×15 см и 80×54×20 см). Яма была заполнена рыхлым черноземом в верхней части и очень твердой глиной, смешанной с черноземом, в нижней части. В этом слое, до которого просели плиты перекрытия, у юго-восточной стенки, найдена придонная часть кубка из глины с примесью ракушки (рис. 7/6). У северо-восточной стенки выявлена ямка диаметром 3 см и глубиной 12 см, перекрытая стенкой миски. Еще несколько фрагментов этой миски оказались в погребении 3 (рис. 7/1).

В центре насыпи, на глубине 0,3 м, обнаружено небольшое схематическое антропоморфное (?) изваяние высотой 45 см, шириной 32 см и толщиной 7 см, высеченное из плиты известняка (рис. 7/7). У изваяния моделированы приподнятые вверх плечи и голова, углубленная дополнительной протеской относительно лицевой поверхности стелы. В нижней части скульптуры имеется округлая выемка.

Курган II-10 находился к западу от второй группы курганов. Высота кургана 0,25 м, диаметр около 10 м. Края насыпи были заняты могилами конца XIX - начала XX века. В центральной части насыпи был разбит раскоп 6×6 м. Курган насыпан из чернозема. В центре насыпи на уровне предматерика, на глубине 0,5-0,6 м были обнаружены многочисленные расслоившиеся фрагменты двух эллинистических амфор и одного лепного скифского сосуда, рассеянные на площади около 10 кв. м. Древние погребения и какие-либо ямы отсутствовали.

Помимо открытых погребальных комплексов, на территории курганного могильника II были обнаружены материалы, скорее всего, связанные с усатовской культурой. На поверхности южной полы кургана 4, среди камней и плит разрушенного кромлеха была найдена обработанная известняковая плита (58×54×9

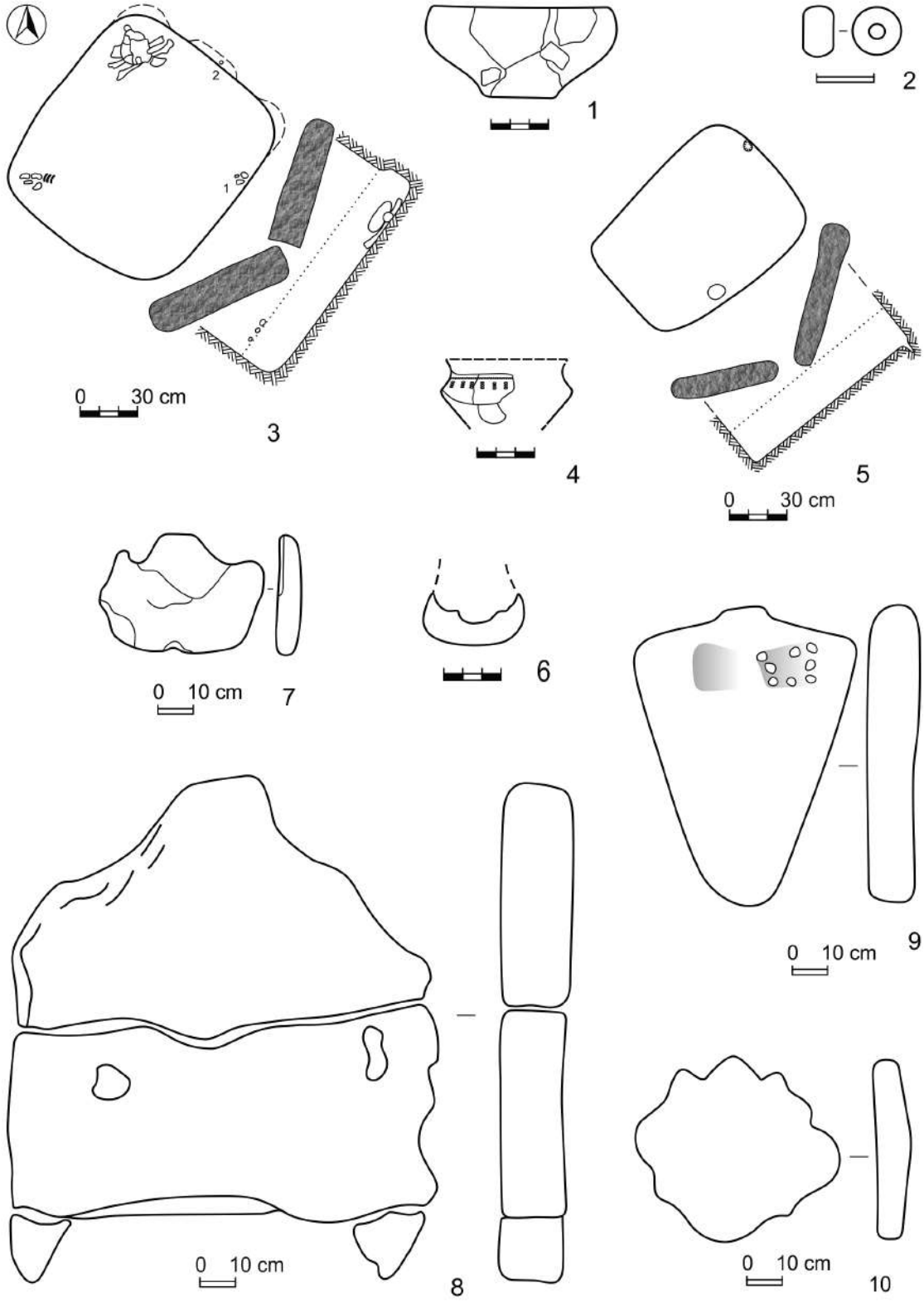


Рис. 7. Усатово – курганный могильник II, курган 9: 1-3, 8 - погребение 3; 4 - культовая яма 1; 5, 6 - культовая яма 2; 7 - антропоморфная стела из насыпи; 9, 10 - антропоморфная стела и обработанная каменная плита с территории курганного могильника II.

см) в виде крестообразной фигуры с треугольными и округлыми выступами (рис. 7/10). На поле к востоку от этого же кургана была найдена поврежденная плугом известняковая антропоморфная стела (рис. 7/9). Поверхность стелы обожжена. В верхней части имеется искусственная выемка, в которой вырезаны 8 округлых углублений. Высота стелы 83 см, ширина в плечах 61 см, ширина основания 20 см, толщина 12 см.

Характеристика погребального обряда

Всего в 1984 г. на курганном могильнике II в Усатово было исследовано 5 курганов, четыре из которых (№№ 5, 7, 8, 9) относятся к усатовской культуре и один (№ 10) представляет собой, по-видимому, жертвенный комплекс античного периода. В собственно курганах были изучены семь погребений и три культовые ямы усатовской культуры, тогда как инокультурные комплексы здесь отсутствуют. В курганах 7 и 8 было открыто по одному погребению, в кургане 5 – два погребения, в кургане 9 – три погребения и 2 культовые ямы. При рассмотрении погребального обряда следует учитывать такие черты, как планировка курганов в составе группы, характер надмогильных сооружений, устройство могильных и культовых ям, способ размещения усопших, состав и особенности погребального инвентаря, использование краски и другие контекстуальные признаки.

Планировка курганов. Все исследованные курганы усатовской культуры входили в состав отдельной группы в пределах могильника и располагались вокруг самой крупной насыпи 4 (рис. 1/2). Помимо них к этой же группе относится курган 6[3]. Изолированный характер группы подтверждается окружавшим ее рвом, прослеженным на двух участках к западу и востоку от курганов.

Стратиграфия курганов. В стратиграфическом отношении исследованные насыпи не отличались особой сложностью. Курганы 7 и 8 были сооружены над единственными центральными захоронениями. Камни кромлеха в кургане 7 были выложены на глиняном выкиде из культовой ямы. Это должно свидетельствовать о том, что данная каменная конструкция была создана после совершения центрального погребения и сооружения культовой ямы. По уровню фиксации каменных перекрытий могильных и культовых ям в кургане 9 можно допустить, что все они относятся к одному стратиграфическому горизонту и были перекрыты общей насыпью. В кургане 5 погребение 1 частично перекрывало погребение 2, однако отсутствие нарушений насыпи над погребениями свидетельствует о том, что они перекрывались одним курганом. Погребение 1, по всей видимости, было совершено на древней дневной поверхности.

Надмогильные сооружения. К числу надмогильных сооружений можно отнести курганные насыпи и кромлехи. Насыпи, сооруженные из чернозема без включений какого-либо другого грунта, отличались относительно небольшими размерами и достигали в высоту 0,25-0,3 м при диаметре 8-14 м. В плане они имели округлую или овальную форму. Кромлехи были выявлены только в курганах 5 и 7. В кургане 5 кромлех оказался практически полностью разрушенным. От него сохранились только отдельные группы камней средних размеров, лежавших плашмя. В кургане 7 кромлех диаметром 8 м, сооруженный из небольших камней и плит, также сохранился частично. Камни и плиты кромлеха по всему диаметру были уложены плашмя и только в западной части были установлены на ребро в два ряда (рис. 3/1). Две обнаруженные здесь плиты представляют собой примитивные изваяния. К числу особой разновидности надмогильных конструкций следует отнести каменную вымостку из кургана 7, расположенную рядом с центральным погребением.

Погребальные сооружения. Могильные ямы были обнаружены в 6 погребениях. Почти все они представляют собой прямоугольные в плане сооружения с закругленными углами и отвесными стенками, иногда с небольшими подбоями. В погребении 9/2[4] в торцовой стенке были вырезаны два выступа, что в плане придавало яме сходство с антропо-

[3] Достоверная информация о кургане 6 отсутствует. В фондах Одесского археологического музея были обнаружены кости скелета женщины из погребения 4, которое, возможно, относится к этому кургану. Погребение было продатировано радиоуглеродным методом: 3646-3529 calBCE (4819±26 BP, MAMS-48809) (Penske et al., in press).

[4] В числителе указывается номер кургана, в знаменателе – номер погребения.

морфной стелой (рис. 6/7). Примерно так же была оформлена торцевая стенка в погребении 3 этого же кургана, в которой были устроены небольшие подбои по центру и углам (рис. 7/1). Особенно сложным устройством отличается погребальная камера погребения 5/2 (рис. 2/5). В одной из продольных стен была вырыта глубокая щелевидная ниша, куда был уложен один из погребенных. В качестве редкой детали устройства погребальной камеры также можно отметить неглубокую канавку, вырытую на дне погребения 1 кургана 7 и вытянутую от лицевой части черепа к сосуду (рис. 4/3).

Размеры могильных ям относительно небольшие. Их длина варьировала от 1,2 м до 1,95 м и ширина от 1,1 м до 1,2 м, глубина в основном равнялась 0,8-1,0 м от уровня древней дневной поверхности. Заполнение ям в большинстве случаев состояло из двух или трех слоев. Как правило, в верхней части залегал рыхлый чернозем. Под ним находился очень твердый однородный грунт или глинобит: смесь глины и чернозема, которая при расчистке раскалывалась на отдельные вальки. В погребении 5/2 придонная часть была покрыта слоем очень плотной иловой грязи черного цвета, в которой лежал погребенный и инвентарь (рис. 2/5). В двух погребениях такая же грязь частично покрывала скелеты, оставляя открытым череп или ноги (рис. 4/3; 5/1). В погребении 9/2 при помощи грязи сосуды крепились ко дну ямы (рис. 6/7). По структуре заполнения можно утверждать, что ямы преднамеренно забутовывались глинобитом или плотным грунтом до сооружения перекрытия. Перекрытие могильных и культовых ям было выявлено только в кургане 9. Оно состояло из антропоморфной стелы в погребении 3 и известняковых плит в погребении 2. В погребении 1 этого же кургана антропоморфная стела и обработанная плита были установлены вертикально у стен ямы (рис. 6/1). В остальных погребениях можно предположить наличие деревянного перекрытия.

Одним из элементов оформления могильных камер можно считать подстилку из растительных материалов в виде мата или циновки, на которую укладывался погребенный. Остатки такой подстилки в виде темно-коричневого тлена были прослежены в трех погребениях (5/1, 7/1 и 8/1).

Половозрастной состав погребенных. В погребениях исследованной группы курганов засвидетельствованы различные половозрастные группы, за исключением индивидов пожилого возраста. Половозрастные характеристики не определены только для погребения 5/1. Останки двух детей были обнаружены в погребениях 9/1 и 9/3. Четыре скелета принадлежали мужчинам 40-45 лет или молодого возраста, и два скелета – женщинам 40-45 лет или молодого возраста. Пол молодого индивида из коллективного погребения 9/3 не был установлен.

Размещение и ориентировка погребенных. Погребения усатовской культуры в основном были одиночными. Исключения составляют парное погребение 5/2 и погребение 9/3, где находились останки трех индивидов. Усопшие, как правило, располагались на дне ямы. Только в погребении 9/3 кости ребенка залегали на глинобитной забутовке в верхней части ямы. Все захоронения были совершены по обряду ингумации, хотя способ размещения погребенных был различным. Достоверно положение определено для четырех скелетов. В погребении 5/2 оба усопших были размещены в скорченном положении на спине, причем один с разворотом на левый бок. В погребениях 7/1 и 8/1 индивиды были уложены скорченно на левом боку. При этом в погребении 7/1 согнутые руки были направлены предплечьями вперед, а в погребении 8/1 уложены кистями перед лицом. Скелет в погребении 5/1 также лежал в скорченном положении на левом боку, однако из-за плохой сохранности его позиция точно не установлена. Все погребения кургана 9, скорее всего, являются перезахоронениями. В центральном погребении 1 был обнаружен только череп ребенка без нижней челюсти. В погребении 2 были захоронены кости и череп взрослого мужчины, которым, по-видимому, пытались придать какую-то видимость анатомического порядка, имитирующего положение скорченно на левом боку. В погребении 3 кости были распределены по двум группам. В одной группе находились кости ребенка, а во второй – кости двух молодых индивидов.

Ориентировка была определена для пяти индивидов. Двое усопших были ориентированы головами в северо-восточном направлении, один – на восток и двое – на юго-восток.

Однако юго-восточная ориентировка прослежена в боковом и вторичном захоронениях кургана 5, которые не совсем характерны для усатовского погребального обряда. Судя же по расположению могильных и культовых ям, длинной осью вытянутых по линии восток-запад или северо-восток – юго-запад, восточная и северо-восточная ориентировка являлась доминирующей.

Охра и другие вещества. Использование охры в виде краски или порошка отмечено в четырех погребениях. В погребении 5/2 пятна красной краски наблюдались на костях первого скелета, тогда как кости второго скелета были покрыты охрой равномерно. На черепах обоих скелетов прослеживалась окраска в виде 6-7 полос. Также равномерно были окрашены кости ребенка в погребении 9/3. В погребении 9/1 пятно охры располагалось на лобной части черепа, а на черепе женщины в погребении 9/3 пятна красной краски выявлены на левом виске и надбровье. В погребении 7/1 крупицы охры были рассеяны справа и слева от черепа. Достаточно необычная деталь была обнаружена в погребении 7/1, где на надбровные дуги были нанесены две полоски желтой глины.

Погребальный инвентарь в открытых комплексах по количественным показателям относительно невелик и не отличается особым разнообразием. К категории орудий труда можно отнести кремневую микролитическую трапецию из погребения 8/1 (рис. 5/3) и металлическое шило из погребения 7/1 (рис. 4/2). Керамические изделия обнаружены во всех захоронениях, за исключением погребения 5/1. В каждом погребении находилось от одного до трех сосудов или их фрагментов. К категории столовой посуды, вылепленной их хорошо отмученной глины, относится одна расписная полусферическая миска с метопным орнаментом из погребения 5/2 (рис. 2/3), а также фрагменты амфоры и горшка из погребения 7/1. Остальные сосуды, относящиеся к категории кухонной керамики, были изготовлены из глины с примесью толченых раковин или песка. Посуда этой категории представлена мисками полусферической или S-образной формы (рис. 5/5; 6/2, 6; 7/1, 4), кубками (рис. 6/3-5; 7/6), сосудом типа молочной кринки (рис. 5/4) и одним горшком (рис. 4/4). Интересно отметить, что фрагменты миски из погребения 9/2 оказались в культовой яме 1 этого же кургана, а фрагменты кубка из погребения 9/3 были обнаружены в культовой яме 2. К разряду украшений можно отнести стеклянную бусину из погребения 8/1 (рис. 5/2) и костяную бусину из погребения 9/3 (рис. 7/2).

Каменные изваяния. К категории каменных изваяний относятся антропоморфные стелы и известняковые плиты с рельефными и гравированными изображениями, обнаруженные в курганах 7 и 9, а также на поверхности в границах курганной группы. Изваяния были установлены в западной части кромлеха в кургане 7, а также использовались в качестве перекрытий погребений и культовых ям в кургане 9. В погребении 9 антропоморфная стела была помещена вертикально в могильную яму. Две антропоморфные стелы по своему облику соответствуют наиболее распространенному типу каменной скульптуры раннего бронзового века, отличаясь треугольным в плане туловом с небольшим головным выступом (рис. 5/7; 7/9). Еще две стелы из кургана 9 имеют прямоугольные очертания тулова (рис. 7/7, 8), причем на изваянии из насыпи особо выделены плечевые выступы, что придает изделию некоторое сходство с антропоморфной статуэткой. К числу зооморфных изображений, по-видимому, можно отнести плиту из кромлеха в кургане 7, на которой были высечены два выступа в виде рогов (рис. 4/1). Возможно, к такому же виду рельефных изображений можно отнести и другую плиту из этого же кургана (рис. 3/3). Достаточно необычной выглядит небольшая плита крестообразной формы с промежуточными выступами-лучами, обнаруженная на территории могильника (рис. 7/10). Гравированные изображения довольно абстрактного вида были обнаружены только на плите из перекрытия погребения 9/2 (рис. 6/8).

Культовые ямы были обнаружены в курганах 7 и 9. В кургане 9 две ямы прямоугольной в плане формы, перекрытые каменными плитами, по своему устройству, в сущности, практически ничем не отличались от обычных погребений. Прослеживается определенная связь между этими сооружениями и отдельными погребениями посредством размещения фрагментов одного и того же сосуда в обоих комплексах. Вследствие этого образу-

ются две пары: погребение 2 – яма 1 и погребение 3 – яма 2.

Яма в кургане 7 имела округлые в плане очертания. Рядом с ней были вырыты две неглубокие ямки, соединенные с основным сооружением канавками (рис. 3/2). В канавках были обнаружены три кремневых скола и пятно красной краски.

Заключение

По своим признакам открытые в 1984 году захоронения в основном вполне соответствуют характеристикам обряда ранее исследованных погребальных памятников на территории с. Усатово. Это касается конструкции курганов и кромлехов, устройства могильных сооружений, размещения погребенных, качественных и количественных показателей погребального инвентаря, способов использования охры и т.п. Такое сходство, по-видимому, свидетельствует о синхронности исследованных погребений с материалами других погребальных комплексов. Полученные радиоуглеродные даты, уходящие в первую половину IV тыс. до н.э., в общем-то не очень согласуются с традиционными хронологическими определениями памятников усатовского типа, которые в основной своей массе должны датироваться третьей четвертью IV тыс. до н.э. (Manzura 2020, 76). К слову сказать, это уже далеко не первый случай излишне ранней датировки усатовских комплексов (Петренко, Кайзер 2011; Petrenko, Gerling, Kaiser 2018). По всей вероятности, излишне ранние радиоуглеродные значения, явно противоречащие данным относительной хронологии, объясняются резервуарным эффектом, поскольку образцы были взяты из человеческих костей. Несмотря на явное сходство изученных комплексов с прежними материалами, наблюдаются и определенные отличия от уже известных канонов.

В первую очередь это касается принципов планировки как раскопанных, так и неисследованных курганов на данном участке. По сути, они представляют собой самостоятельную группу в пределах могильника, чей изолированный и целостный характер подтверждается окружавшим ее рвом. Прежде такая обособленность на площади могильников в Усатово не прослеживалась. К числу уникальных могильных конструкций, ранее не известных в ареале усатовской культуры, можно отнести устройство погребения 5/2. Здесь в одной из длинных стен ямы была вырыта глубокая щелевидная ниша, куда был помещен один из погребенных. Также довольно своеобразным выглядит обычай покрытия дна могильных камер, останков усопших и предметов инвентаря жидкой грязью, который был засвидетельствован только в исследованной курганной группе. Также обращает на себя внимание округлое дно некоторых сосудов из глины с примесью ракушки, что для усатовского керамического ансамбля, в принципе, не характерно. В общих же чертах, полученные материалы можно рассматривать в качестве вполне традиционных как для могильных памятников в с. Усатово, так и для усатовской культуры в целом.

Библиография

Лагодовская 1940: Е.Ф. Лагодовская, Отчет о раскопках кургана II-3. Архив Одесского археологического музея, 1940, № 59124.

Патокова 1979: Э.Ф. Патокова, Усатовское поселение и могильники (Киев 1979).

Петренко 1980: В.Г. Петренко, О семантике усатовской антропоморфной пластики. В сб.: (отв. ред. В.Н. Станко) Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя (Киев 1980), 96-100.

Петренко 1983: В.Г. Петренко, Архитектурные особенности некоторых курганов Усатово. В сб.: (отв. ред. Г.А. Дзис-Райко) Материалы по археологии Северного Причерноморья (Киев 1983), 22-32.

Петренко 2013: В.Г. Петренко, Металл и усатовская культура. В сб.: (ред. Г.М. Тощев, Я.Б. Михайлов, О.В. Заматаєва, О.В. Пеньова) Північне Приазов'я в епоху кам'яного віку-енеоліту (Мелітополь 2013), 146-153.

Петренко, Кайзер 2011: В.Г. Петренко, Э. Кайзер, Комплексный памятник Маяки: новые изотопные даты и некоторые вопросы хронологии наличных культур. Материалы по археологии Северного Причерноморья 12, 2011, 31-61.

Селинов, Лагодовская 1940: В.И. Селинов, Е.Ф. Лагодовская, Раскопки Одесского историко-археологического музея под Одессой в 1936 г. (Усатовская культура). СА V, 1940, 239-263.

Anthony 2008: D.W. Anthony, A New Approach to Language and Archaeology: The Usatovo Culture and the Separation of Pre-Germanic. The Journal of Indo-European Studies 36, 1-2, 2008, 1-51.

Gimbutas 1997: M. Gimbutas, The Three Waves of the Kurgan People into Old Europe, 4500-2500 B.B. In: (Eds. M.R. Dexter, K. Jones-Bley), The Kurgan Culture and the Indo-Europeanization of Europe. Selected articles from 1952 to 1993 (Washington 1997), 240-268.

Hansen 2018: S. Hansen, Elements for an Iconography of Bronze Age Graves in Europe. In: (Hrsg. Ü. Yalçın), Anatolian Metal VIII. Eliten–Handwerk–Prestigegüter (Bochum 2018), 281-293.

Jeunesse 2017: Ch. Jeunesse, Emergence of the Ideology of the Warrior in the Western Mediterranean during the second Half of the fourth Millennium BC. Eurasia Antiqua 20, 2017, 171-184.

Manzura 2020: I. Manzura, History Carved by the Dagger: the Society of the Usatovo Culture in the 4th Millennium BC. In: (Hrsg. S. Hansen), Repräsentationen der Macht. Beiträge des Festkolloquiums zu Ehren des 65. Geburtstags von Blagoje Govedarica (Wiesbaden 2020), 73-97.

Penske et al., in press: S. Penske, A.B. Rohrlach, A. Childebayeva, +24 authors, Early contact between late farming and pastoralist societies in southeastern Europe, in press.

Petrenko, Gerling, Kaiser 2018: V. Petrenko, C. Gerling, E. Kaiser, Majaki – ein komplexes Denkmal der Usatovo-Kultur. Isotopendaten werfen neue Fragen auf. Eurasia Antiqua 21 – 2015, 2018, 45-75.

Necropola tumulară II de la Usatovo (după săpăturile din anul 1984)

Cuvinte-cheie: Ucraina, nord-vestul Mării Negre, bronz timpuriu, cultura Usatovo, rit funerar, necropolă, mormânt.

Rezumat: În articol sunt prezentate rezultatele cercetărilor unui grup de movile din necropola tumulară II de la Usatovo, regiunea Odesa, Ucraina. Grupul consta din șase tumuli ce au aparținut culturii Usatovo, dintre care patru (nr. 5, 7-9) au fost cercetați în anul 1984. Ca urmare, au fost descoperite șapte înmormântări tipice culturii Usatovo. În articol sunt descrise detaliat complexele funerare, fiind caracterizat ritul și ritualul de înmormântare.

După caracteristicile lor, înmormântările cercetate corespund în totalitate materialelor deja cunoscute în cultura Usatovo. Totodată, există și unele trăsături specifice, care nu au fost atestate anterior la cimitirele acestei culturi.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Complexul arheologic de la Usatovo: 1 - amplasarea complexului arheologic în nord-vestul Mării Negre; 2 - planul situaţional al complexului arheologic (amplasarea siturilor arheologice: 1 - așezare; 2 - necropola tumulară I; 3 - necropola tumulară III; 4 - necropola plană; 5 - necropola tumulară II [1 - tumuli cercetați; 2 - tumuli necercetați; 3 - tumuli distruși; 4 - tumuli presupuși]); 3 - planul grupului de movile din necropola tumulară II; 4 - secţiune prin șanț; 5 - fragmentul unui topor de piatră, descoperit pe teritoriul necropolei; 6 - semne convenționale (1 - nivelul actual de călcare; 2 - lut din morminte; 3 - strat steril; 4 - pietre; 5 - marginea de umplere a gropii; 6 - strat de noroi lichid; 7 - marginea stratului de noroi; 8 - ocru; 9 - rășină; 10 - așternut din vegetație; 11 - cărbune de lemn; 12 - contur invizibil; 13 - contur reconstituit).

Fig. 2. Usatovo – necropola tumulară II, tumulul 5: 1 - planul general și profilul tumulului; 2 - mormântul 1; 3, 5 - mormântul 2; 4 - piesă din piatră din aglomerația 1.

Fig. 3. Usatovo – necropola tumulară II, tumulul 7: 1 - planul general și profilul tumulului; 2 - groapă de cult; 3 - lespede de piatră prelucrată din cromleh.

Fig. 4. Usatovo – necropola tumulară II, tumulul 7: 1 - lespede de piatră prelucrată din cromleh; 2-4 - mormântul 1. Tumulul 8: 5 - planul general și profilul tumulului.

Fig. 5. Usatovo – necropola tumulară II, tumulul 8: 1-5 - mormântul 1. Tumulul 9: 6 - planul general și profilul tumulului; 7 - stelă antropomorfă din mormântul 1.

Fig. 6. Usatovo – necropola tumulară II, tumulul 9: 1-3 - mormântul 1; 4-8 - mormântul 2.

Fig. 5. Usatovo – necropola tumulară II, tumulul 9: 1-3, 8 - mormântul 3; 4 - groapa de cult 1; 5, 6 - groapa de cult 2; 7 - stelă antropomorfă din mantaua tumulului; 9, 10 - stelă antropomorfă și lespede de piatră prelucrată de pe teritoriul necropolei tumulare II.

The Usatovo kurgan cemetery II (excavation 1984)

Keywords: Ukraine, Northwest Pontic region, Early Bronze Age, Usatovo culture, burial rite, cemetery, grave.

Abstract: The article presents results of field research of a kurgan group in the Kurgan cemetery II in the village of Usatovo near Odessa, Ukraine. The group consists of 6 kurgans related to the Usatovo culture. Four kurgans (numbers 5, 7-9) were excavated in 1984. The kurgans contained 7 graves typical to the Usatovo culture. Kurgan 10 was an antique sacrificial complex. A detailed description of burial complexes and characteristics of mortuary rite are provided in the article. According to their attributes, investigated graves are almost completely correspond

to earlier researched material of the Usatovo culture although some specific traits are recognized in the newly uncovered complexes.

List of illustrations:

Fig. 1. Archaeological complex in the village of Usatovo: 1 - location of the complex in the Northwest Pontic region; 2 - plan of the complex (Distribution of sites: 1 - settlement, 2 - kurgan cemetery I; 3 - kurgan cemetery III; 4 - flat cemetery; 5 - kurgan cemetery II. Legend: 1 - excavated kurgans; 2 - unexcavated kurgans; 3 - destroyed kurgans; suggested kurgans); 3 - plan of the kurgan group in the Kurgan cemetery II; 4 - section of the ditch; 5 - fragment of a stone hammer-axe; 6 - legend (1 - modern surface; 2 - clay from graves; 3 - level of virgin soil; 4 - stones; 5 - border of hard filling of the pit; 6 - layer of liquid mud; 7 - border of mud layer; 8 - ochre; 9 - resin; 10 - plant mat; 11 - charcoal; 12 - invisible contour; 13 - reconstructed contour).

Fig. 2. Usatovo – Kurgan cemetery II, kurgan 5: 1 - plan and section of the kurgan; 2 - grave 1; 3, 5 - grave 2; 3 - stone object from accumulation of material 1.

Fig. 3. Usatovo – Kurgan cemetery II, kurgan 7: 1 - plan and section of the kurgan; 2 - cult pit 1; 3 - worked stone slab from the cromlech.

Fig. 4. Usatovo – Kurgan cemetery II, kurgan 7: 1 - worked stone slab from the cromlech; 2-4 - grave 1. Kurgan 8: 5 - plan and section of the kurgan.

Fig. 5. Usatovo – Kurgan cemetery II, kurgan 8: 1-5 - grave 1. Kurgan 9: 6 - plan and section of the kurgan; 7 - anthropomorphic stela from grave 1.

Fig. 6. Usatovo – Kurgan cemetery II, kurgan 9: 1-3 - grave 1; 4-8 - grave 2.

Fig. 7. Usatovo – Kurgan cemetery II, kurgan 9: 1-3, 8 - grave 3; 4 - cult pit 1; 5, 6 - cult pit 2; anthropomorphic stela from the kurgan; 9, 10 - anthropomorphic stela and worked stone slab from the territory of the cemetery II.

22.08.2022

Др. Игорь Манзура, Национальный музей истории Молдовы, ул. 31 Августа 1989 г., Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: ingvarmnsr6@gmail.com

Владислав Петренко, †

РАБОТЫ А.А. МАТВЕЕВА 1890 ГОДА У АККЕРМАНА ПО ПОРУЧЕНИЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ: РАЗВЕДКИ, РАСКОПКИ, ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА С ЛАТИНСКОЙ НАДПИСЬЮ[1]

Игорь Сапожников, Майя Кашуба

Бессарабское побережье Днестровского лимана и Черного моря бесспорно представляет собой весьма богатое поле для археологических исследований, почти непочатое и только еще ожидающее широкого научного изыскания.
А.А. Матвеев, 1891 г.

Ключевые слова: Аккерман, Аккерманский уезд, архив Императорской археологической комиссии, А.А. Матвеев, находка латинской надписи, курганография, курганы, археологические разведки, раскопки, «курганный ландшафт», Нижнеднестровский вал, судьба находок.

Введение

Прежде чем перейти к сути статьи, авторы считают необходимым заметить, что рассматриваемый в ней эпизод поисковой деятельности Императорской археологической комиссии (ИАК) в Северо-Западном Причерноморье недостаточно освещен в литературе (см.: Матвеев 1893; Императорская 2009, 29, 33), а биография его главного «героя» еще не написана. Наиболее полно, хотя и не без изъянов, лишь отчасти восполняемых источниками Императорского Одесского общества истории и древностей (ИООИД), ход и итоги исследований А.А. Матвеева 1890 г. под эгидой ИАК отображены в деле «Об открытии древней плиты с латинской надписью в с. Будаки»[2], а их предыстория – в деле «О раскопках А.А. Матвеева в Бессарабской губ.»[3]. Частично документы из этих дел приведены в приложениях (документы 1-9). Однако в настоящей статье не рассматривается переписка ИАК с В.В. Латышевым по поводу латинской надписи[4], а также бумаги о финансировании исследований, стоимости тех или иных работ, расписки и пр.[5] Кроме этого, в Фотоотделе того же архива хранятся несколько ранее неизвестных фотографий, выполненных одесским фотографом И.И. Полномочным по заказу А.А. Матвеева в Аккермане в 1890 г.[6] (рис. 2-6).

Археология в биографии А.А. Матвеева

Антон Александрович Матвеев родился в 1852 г. в семье военного, дворянина Екатеринославской губернии. В 1874 г. он завершил курс обучения на историко-филологическом факультете университета Св. Владимира в Киеве. После работы в гимназиях Херсона, он переехал в 1883 г. в Одессу, где преподавал историю в Одесской Рисовальной школе и других учебных заведениях (Музичко 2021, 60), а в 1885-1897 гг. служил заведующим общеобразовательным училищем при той же школе[7] (Барковская 2015, 133, 139). Имея чин статского советника, он проживал по адресу

[1] И. Сапожников подготовил свою часть исследования в рамках выполнения темы «Материальная культура древнего Причерноморья как индикатор влияния глобальных миграционных процессов» (гос. регистр. №0121U110296). М. Кашуба подготовила свою часть исследования в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

[2] Научный архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук (далее *НА ИИМК РАН),* Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18.

[3] НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1889, д. 43а.

[4] НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18, л. 50-52.

[5] Отметим, что в деле 1890 г. отсутствует оригинал и даже отпуск «Открытого листа» № 189 от 16.02 на имя А.А. Матвеева, хотя он был выписан и отправлен владельцу (документ 5).

[6] Фотоотдел (ФО) НА ИИМК РАН, негатив О.24-30.

[7] Директором Одесской Рисовальной школы в 1884-1887 гг. был профессор кафедры теории и истории искусств Одесского Новороссийского университета Н.П. Кондаков (Барковская 2015, 132-133, 138).

ул. Торговая 49, где, вероятно, и закончился «одесский этап» эго жизненного пути около конца 1890-х гг. ((Одесская 2015, 30-31).

Судя по отрывочным данным, А.А. Матвеев получил опыт практической археологии на раскопках курганов в экспедициях профессора В.Б. Антоновича, которого называл «наставником» (Матвеев 1884в, 7 и др.). Наиболее ярким было время его работы членом Распорядительного Комитета по устройству VI Археологического съезда (Одесса, 1884 г.). Тогда он побывал в Константинополе в составе экскурсии под руководством Н.П. Кондакова и подготовил три брошюры, приуроченные к этому форуму (Матвеев 1884в; Отчет 1886)[8]. С марта 1889 г. А.А. Матвеев был действительным членом ИООИД, 50-летнему юбилею которого посвятил статью, а также подготовил три публикации документов в его «Записках» (Матвеев 1889а; Отчет 1891; и др.). Помимо этого, он был членом Крымского Горного клуба и членом-корреспондентом МАО (документ 6).

14 мая 1889 г., пользуясь знакомством со старшим членом и редактором «Отчетов ИАК» В.Г. Тизенгаузеном, А.А. Матвеев письмом испросил у него «легальное разрешение на археологические изыскания в губерниях Херсонской и Волынской», где планировал пробыть лето. В нем же он сообщил, что «Указатель археологических статей» по «Jornal d'Odessa» и «Одесскому вестнику» «…уже начат и доведен до половины 1830-х гг. » и он отправит его адресату осенью того же года[9] (документ 1). Удивительно, но уже через девять дней его просьба была удовлетворена. Из Санкт-Петербурга был отправлен положительный ответ, в котором ИАК обратилась с просьбой к А.А. Матвееву «принять на себя труд произвести в нынешнем году разведки в окрестностях Аккермана по ближайшему

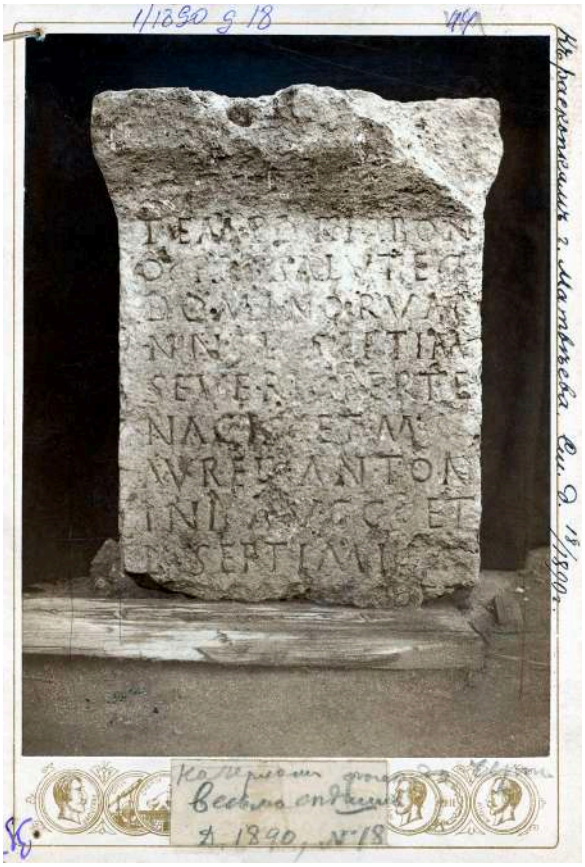


Рис. 1. Памятник из известняка с латинской надписью, найденный близ Аккермана в 1890 г. Фотография И. Полномочного (© РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18, л. 44).

Вашему усмотрению и соображению с тамошней местностью», на что выделялось 400 рублей (документ 2). Можно предположить, что на такое решение ИАК о районе работ, как и на изменение планов самого А.А. Матвеева, могло повлиять мнение профессора кафедры истории искусств Санкт-Петербургского университета Н.П. Кондакова[10], который писал: «Позволяю себе указать вновь на настоятельную потребность строгой ученой проверки на месте всех предположений о различных местностях Днестровского побережья, которые, на основании исторических свидетельств, могут представить следы классической культуры в этом крае. Таковыми местностями представляются Аккерман, его окрестности, противоположный ему Овидиополь, село Коротное и место нахождения так называемой Неопто-

[8] Вып. I посвящен этнографии (Матвеев 1884а), вып. II является «Программой историко-географических сведений» (Матвеев 1884б). Вып. III *по археологии получил положительные отзывы* (Каманин 1884). Он был наиболее популярен, так как содержал инструкции: «Общую для курганной экскурсии», «Специальную для исследования курганов», «Антропологическую» А.П. Богданова, «При эксплорации каменных гробов и древних кладбищ», «Для описания городищ и валов» Д.Я. Самоквасова и А.А. Браунера, а также «Программу для собирания сведений о каменных бабах» (Матвеев 1884в, 49-91; Шаманаев 2017, 32, 59-60).

[9] Насколько известно, такой работы в опубликованном виде не существует, но рукопись может храниться в архиве ИАК.

[10] На основании того, что А.А. Матвеев был «магистрантом теории и истории искусств», можно допустить, что руководителем его диссертации мог быть Н.П. Кондаков (Музичко 2021, 60), что пока не доказано.

Рис. 2. Вход в Аккерманскую крепость. Фотография И. Полномочного, 1890 г. Публикуется впервые (© ФО НА ИИМК РАН, негатив О.1641-24).

лемовой башни» (Кондаков 1876, 24; об этом см.: Сапожников 2021)[11].

Так или иначе, но запланированные на 1889 г. работы под Аккерманом не состоялись, хотя А.А. Матвеев получил от ИАК не только необходимые документы, но и деньги. Позже он объяснил, что выполнению обязательств помешали непредвиденные обстоятельства, а точнее «внезапный экскурс с больным родственником за границу к Бильроту»[12]. Что касается выделенных средств, то, по указанию комиссии, 400 рублей были переведены 21 сентября того же года К.К. Косцюшко-Валюжиничу в Севастополь для проведения раскопок в Херсонесе[13].

Изучение места находки памятника с латинской надписью

Как видим, благодатная почва для начала первых археологических исследований в Аккермане была готова – осталось бросить в нее зерно. Им оказалось письмо церковного старосты с. Будаки Варфоломея Мельниченко Н.П. Кондакову (в Санкт-Петербург) с просьбой прочитать и пояснить надпись, вырезанную на выявленном недавно камне. Это послание 12 февраля 1890 г. было передано в ИАК, после чего история закрутилась. Хотя точная дата и место находки не указывались (документ 3), ее сразу же связали с селом Будаки, отстоящим от последнего более чем на 26 км. Тут же вспомнили о А.А. Матвееве, перед которым 16.02.1890 г. поставили такие задачи: «получить точный снимок с означенной надписи и ближайшие сведения о том: нет ли в той местности каких-нибудь других остатков древностей в виде курганов, городищ и т.д. и не были находимы там древности в прежнее время» (документ 5; см. также документ 4).

По причине занятости на службе А.А. Матвеев смог совершить поездку в Будаки и Аккерман лишь 8-10 мая. Тогда он зарисовал и обмерил плиту, осмотрел место находки и заключил, что на виноградниках близ Черкесской дороги следует провести шурфовки (документ 6). ИАК эти планы утвердила и даже была готова добавить финансирование к уже высланным 100 рублям (документ 7 от 09.06.1890). 11 июня, не дожидаясь получения ответа, А.А. Матвеев посетил Аккерман, где обговорил с владельцем участка Арнаутовым срок будущих работ

[11] Интерес ИАК к изучению этого района был обусловлен и тем, что после обрушения в 1888 г. одной башни цитадели и по ряду других причин Комиссия включилась в затяжные перипетии по охране Аккерманской крепости (см.: дело ИАК «О поддержании стен древней Аккерманской крепости» (Рукописный отдел (РО) НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1889, д. 22, л. 6-21 и др.; Отчет 1891, 12-21). Однако эта сложная и объемная тема требует специального исследования.

[12] Христиан Альберт Теодор Бильрот (1829-1894) – профессор хирургии Венского университета, известный тем, что в 1881 г. впервые успешно удалил часть желудка вместе с раковой опухолью.

[13] НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1889, д. 43а, л. 7-8.

Рис. 3. Аккерманская крепость, укрепления справа от ворот. Фотография И. Полномочного, 1890 г. Публикуется впервые (© ФО НА ИИМК РАН, негатив О.1641-25).

(во второй половине августа, после уборки винограда) и договорился с ним о передаче памятника местным властям для «помещение камня в приличном ему и сохранном месте» (документ 8). Заметим, что второй пункт противоречил планам ИАК передать находку в Российский Исторический музей в Москве или в Одесский музей ИООИД (документ 4).

В начале июля В. Мельниченко за 10 рублей перевез памятник из с. Будаки в Аккерман, где поместил его «в избранном для него месте», в «ограде греческой-приходской церкви под охрану ее настоятеля». 10 июля туда прибыл А.А. Матвеев с фотографом И.И. Полномочным[14], который, кроме фотографии надписи (рис. 1), сделал несколько видовых снимков Аккерманской крепости (рис. 2-6). Исследования места находки памятника и его окрестностей были проведены 11 августа 1890 г. (документ 8).

Для характеристики этих работ воспользуемся рефератом, составленным в ИАК на основании отчетов А.А. Матвеева. Раскопкам подверглись два пункта: «а) яма, где найден был фрагмент означенного памятника, и б) близлежащая каменная глыба. Расчистка первого пункта до самого материка посредством широкого колодца в 2 сажени в диаметре не обнаружила никаких других остатков памятника. Подобный же, но еще более широкий колодезь был вырыт Матвеевым и вокруг того места, где лежала под землей, еле обнажаясь частичкой, каменная глыба. Последняя оказалась большой плитой из слоистого известняка той породы, какая добывается из нижних слоев аккерманских каменоломен. Так как плита эта покоилась не на материке, а на слоях более или менее рыхлой почвы, то от этого (второго) колодца проведены были в разные стороны, и главным образом к тому месту, где найден фрагмент с надписью, траншей, которые, однако, нигде не обнаружили ни присутствия фундаментов, ни залежей каких-нибудь других камней. Только в одном месте встретилась небольшая кучка истлевших человеческих костей и черепков древней горшечной утвари, между которыми оказались: глиняная лампадка с отбитым носиком и грубым лиственным рельефным орнаментом, глиняная тонкогорлая урночка с отбитым концом шейки и два глиняные кувшинчика вроде детских игрушек, тоже с отбитыми верхушками шеек» (Матвеев 1893, 49-50). Выявленная керамика 21.12.1894 г. была передана на хранение в Музей ООИД (документ 9), но пока идентифицировать ее в фондах ОАМ НАН Украины не удалось.

Более запутанной выглядит судьба памятника с надписью. Хотя в таблице 3 распределения материалов, помещенной в отчете ИАК за 1890 г., указано, что все находки А.А. Матвеева были переданы в Российский исторический музей (ныне ГИМ) (Таблица 1893, 133), ни одного подтверждающего этот факт документа в деле ИАК не отложилось. Казалось, что решить вопрос о современном месте хранения артефакта позволит раздел «Тира и окрестности» в «Корпусе древних надпи-

[14] Этот фотограф называл себя «вольным художником» (НА ИИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18, л. 58) и был прямым наследником офицера флота, автобиографические записки которого опубликовал А.А. Матвеев (Матвеев 1889б). Поиски показали, что И.И. Полномочный не имел в Одессе своего фотоателье.

Рис. 4. Аккерманская крепость, А.А. Матвеев на фоне угловой башни. Фотография И. Полномочного, 1890 г. Публикуется впервые (© ФО НА ИИМК РАН, негатив О.1641-26).

Рис. 5. Аккерманская крепость, надвратная башня (вид со двора). Фотография И. Полномочного, 1890 г. Публикуется впервые (© ФО НА ИИМК РАН, негатив О.1641-27).

сей Северного Причерноморья» (IOSPE³ I). Однако там данная надпись пока отсутствует (Корпус 2017; также см.: Иванчик 2017), причем она не попала и в перечень поддельных надписей Тиры (Иванчик 2015).

Специалистам по римской эпиграфике хорошо известно, что надпись изучил В.В. Латышев, который датировал ее между 198 и 209 гг. н.э. и интерпретировал как благодарственную от тиритов за подтверждение прав беспошлинной торговли в 201 г. Ученый опубликовал ее в статье с прорисовкой текста (Латышев 1892, 60-61), а позже в «Корпусе» с фотографией И.И. Полномочного (Latyshev 1916, 18-20; IOSPE I² № 6; рис. 1). Однако мало кто знает, что уже 23 августа 1890 г. вице-президент ИООИД В.Н. Юргевич на заседании общества сделал доклад об артефакте на основании снимка (рисунка) или эстампажа. Датировав

Рис. 6. Аккерманская крепость, часть внешней стены Торгового двора с Водяного барбакана. Фотография И. Полномочного, 1890 г. Публикуется впервые (© ФО НА ИИМК РАН, негатив О.1641-28).

надпись 198 г. н.э., он заключил, что она свидетельствует о том, что древняя Тира располагалась на месте Аккермана (Протокол 1890, 2-3). Правда, близкие выводы есть и в отчетах А.А. Матвеева от 15.05.1890 и 31.03.1891 гг. (документы 6 и 8), а на одном из заседаний ИООИД в конце 1890 г. он представил подробное описание плиты, изложил ход раскопок и указал «на некоторые лапидарные надписи, находящиеся в гор. Аккермане» (Отчет 1891, 4, 7-8).

Здесь уместно добавить, что в начале 1960-х гг. П.О. Карышковский упоминал памятник в статье «Эпиграфические памятники Белгород-Днестровского музея» (Карышковский 1963, 102), но через два десятилетия он не фигурировал в монографии о древней Тире (Карышковский, Клейман 1985). На сегодняшний день установлено, что памятник с надписью находится в Аккерманской крепости.

Что касается места находки артефакта, то на основании изучения топографических карт установлено, что его выявили в районе примыкания ул. Кочубинского (Черкесской дороги) к железной дороге в Сарату с юго-востока[15] (рис. 10/1; 11/1), в 1,56 км к ЮЗ от собора и в 2,85 км к З-ЮЗ от южного угла Аккерманской крепости. Близ памятника и плиты-основания по обе стороны «Черкесской дороги» находились скопления «сильно разложившихся людских костей и битых черепков древней горшечной утвари»[16], а также медная монета Тиры с профилем и именем жены Септимия Севера Юлии Домны. Такой набор позволяет поставить вопрос об интерпретации всего комплекса находок на винограднике Арнаутовых как остатков жертвенника и (или) разрушенного погребения, что допускал еще А.А. Матвеев (документы 6 и 8). Скорее всего, эти объекты находились вдоль дороги, которая вела из Тиры в сторону Нижнего Траянова вала и дельты Дуная. Если такая интерпретация допустима, то территорию некрополя Тиры римского времени следует расширить вдоль правого берега Днестровского лимана от цитадели не только на 3-4 км к Ю-ЮВ (Сон 1993, 97-102, рис. 10, 11), но и на 3 км к З-ЮЗ.

Разведки курганов и Нижнеднестровского вала в Аккерманском уезде

Переходя к этой части исследований А.А. Матвеева, напомним, что он сам высказал ИАК желание провести подобные работы (документ 1), а уже в 1890 г. большую часть

[15] Примерные координаты по программе «Гугл-карты»: 46°10’46.7»N 30°19’34.6»E (46.179627, 30.326289).

[16] В состав которого входили терракотовая лампочка (светильник) грубой работы с лиственным рельефным орнаментом по верху и три небольшие вазочки, две из которых А.А. Матвеев назвал «миниатюрными кувшинчиками вроде детских игрушек» (документы 6 и 9).

полевого времени посвятил курганам и валу, потратив на них 24 дня в ходе трех выездов в поле[17]. Незадолго до этого он написал, что доисторическая археология относит к вещественным следам архаичного человека особый отдел памятников «***земляные насыпи***», который явно распадается на две серии архаических сооружений – «могилы-курганы и городища-валы», а для «могил-курганов» он использовал специальный термин «курганография» (Матвеев 1884в, 1, 7). Относительно «курганографии», то, судя по всему, термин был известен и циркулировал среди исследователей древностей в то время. В ходе подготовки VI Археологического съезда А.А. Матвеев мог просматривать близкие по теме материалы из других регионов, в частности он мог быть знаком с обращением А.В. Адрианова ко всем любителям старины. «Курганография Сибири» А.В. Адрианова была опубликована в «Сибирской Газете» и выпущена отдельной брошюрой в несколько тысяч экземпляров (Адрианов 1884а, 1884б). Хотя речь шла о курганах на далеком от Бессарабии востоке, обращение было известно в Московском археологическом обществе (членом которого являлся и А.А. Матвеев), как это видно из письма А.В. Адрианова графине В.П. Уваровой, написанного в июле 1887 г. (см.: Дэвлет 2008, 177).

А.А. Матвеев кроме полевого дневника (документ 8) представил в ИАК «карту», а на самом деле схему Аккерманского уезда без масштаба, на которой написал: «начертанные между селениями линии не представляют собой действительные направления путей, а только лишь кратчайшие расстояния между пунктами в верстах, поэтому определяющего значения для положения курганов не имеют» (рис. 7). Однако этой информации достаточно, чтобы в целом охарактеризовать результаты его разведки.

Отметим, что он не описал все курганы уезда и посетил главным образом его южную часть (около половины площади), от правого берега Днестровского лимана до левого берега долины р. Ялпуг, ограниченной с севера линией Казаклия – Красная (Рошанская) Коса. При этом он пропустил нижнюю часть правого берега Днестровского лимана близ сс. Беленькое (Акембет) и Шабо, но пересек условную границу в районе сс. Негрово и Молодово в верховьях долины р. Сарата (рис. 7). Во втором районе, по его словам, пробная поездка «по степям густо расположенных здесь поселков <…> завела меня поистине в такую дебрь «Курганного царства”, что для того, чтобы разобраться в ней, нужны были бы специальные планы ее дач и особая экскурсия с большим количеством времени, чем имевшееся на тот час в моем распоряжении (то есть, более 2 дней). Отметив приблизительное местоположение некоторых рядов, групп и отдельных курганов, и отложив подробный осмотр этой территории до будущих экскурсий, я ограничился пока поездкой по югу уезда». Помимо этого, автор «почти не отмечал, да часто и не считал экземпляров ниже полусажени [1 м]. Таких измельчавших от распашки и атмосферных вод могил пришлось бы считать десятками сотен, и все же с неизбежными пропусками таких экземпляров, которые не отмечаются даже на специальных землемерных планах». Он бегло описал несколько сот курганов по 43 пунктам (группам), в которые входят от одного до нескольких сел и до десятков курганных насыпей (документ 8). На схеме они отмечены красной тушью без привязки к долинам рек – точками и крестиками разных размеров, некоторые из которых зарисованы простым карандашом (рис. 7).

Существующую тогда трехверстовую карту (листы XXXI – 7-9 и XXXII – 7-9) А.А. Матвеев не использовал, что видно при сравнении с его схемой (рис. 7). Тем не менее, последняя отчасти отражает реальную планиграфию и плотность могильных насыпей. В дневнике особый интерес представляют упоминания ограбленных курганов и описание отрезка Нижнеднестровского вала на протяжении более 8 км от с. Семеновки до хут. Аккерманского (северной части с. Выпасное). Другое дело, что часть данных по курганографии (документ 8) нуждается в новом прочтении, а именно в обновлении привязок и измерении высот насыпей, особенно при упоминании величин в 5-10 и до 15 саженей (более 30 м), что маловероятно (см.: Сапожников 2019, 414).

[17] Потратив на них 25 руб., не считая оплаты проезда из Одессы в Аккерман и обратно пароходом, билет на который стоил 1,5 руб. (НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18, л. 56об, 65).

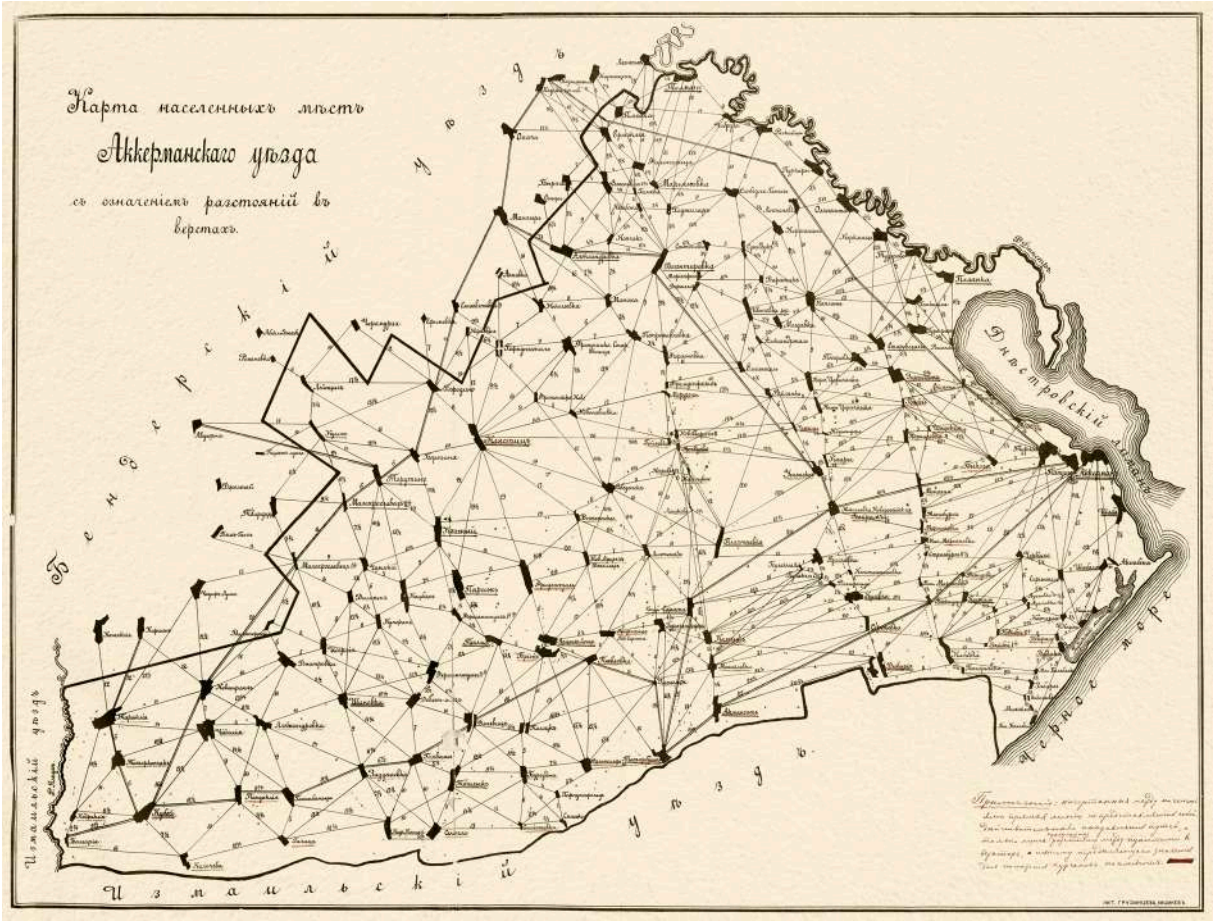


Рис. 7. План Аккерманского уезда с курганами, нанесенными А.А. Матвеевым. Публикуется впервые (© РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18, л. 49).

Несмотря вышеизложенные комментарии, в основе которых лежат накопленные за более чем столетие новые сведения, материалы новых и порой масштабных раскопок, развитие методики полевой археологии, а также все более широкое распространение комплексных исследований, сведения А.А. Матвеева представляют интерес для археологической науки. Речь идет о неизвестных данных по истории археологического изучения юга Бессарабии, с одной стороны. А с другой, А.А. Матвеев впервые в этом регионе провел специализированные разведки, составил карту расположения курганов и зафиксировал «курганный ландшафт» в пределах тогдашнего Аккерманского уезда. Полученные им сведения – это ранее неизвестные материалы, которые можно использовать для реконструкции мест расположения и топографии древних курганов на юге Бессарабии в конце XIX в.

Раскопки кургана у хуторов Аккерманских (Бахчи)

Как уже говорилось, А.А. Матвеев с 1884 г. стал известен как теоретик курганографии и один из разработчиков методики исследования намогильных насыпей. Он писал, что из-за нарушения последней «чуть не девять десятых прежде собранного материала, пусть количественно на первый взгляд он и не мал <…>, в сущности лишены научной ценности». А.А. Матвеев справедливо полагал, что «раскопкою <…> кургана оригинал памятника уничтожается, а потому неполнота в описании раскопки или ошибки в этом описании в большинстве случаев не могут быть исправлены. Следовательно, раскопка, неправильно и неполно описанная, не только бесполезна для науки, но вредна: уничтожая исторический памятник, она может привести к неверным в науке выводам» (Матвеев 1884в, 3, 52). На практике он раскопал курган у г. Аккер-

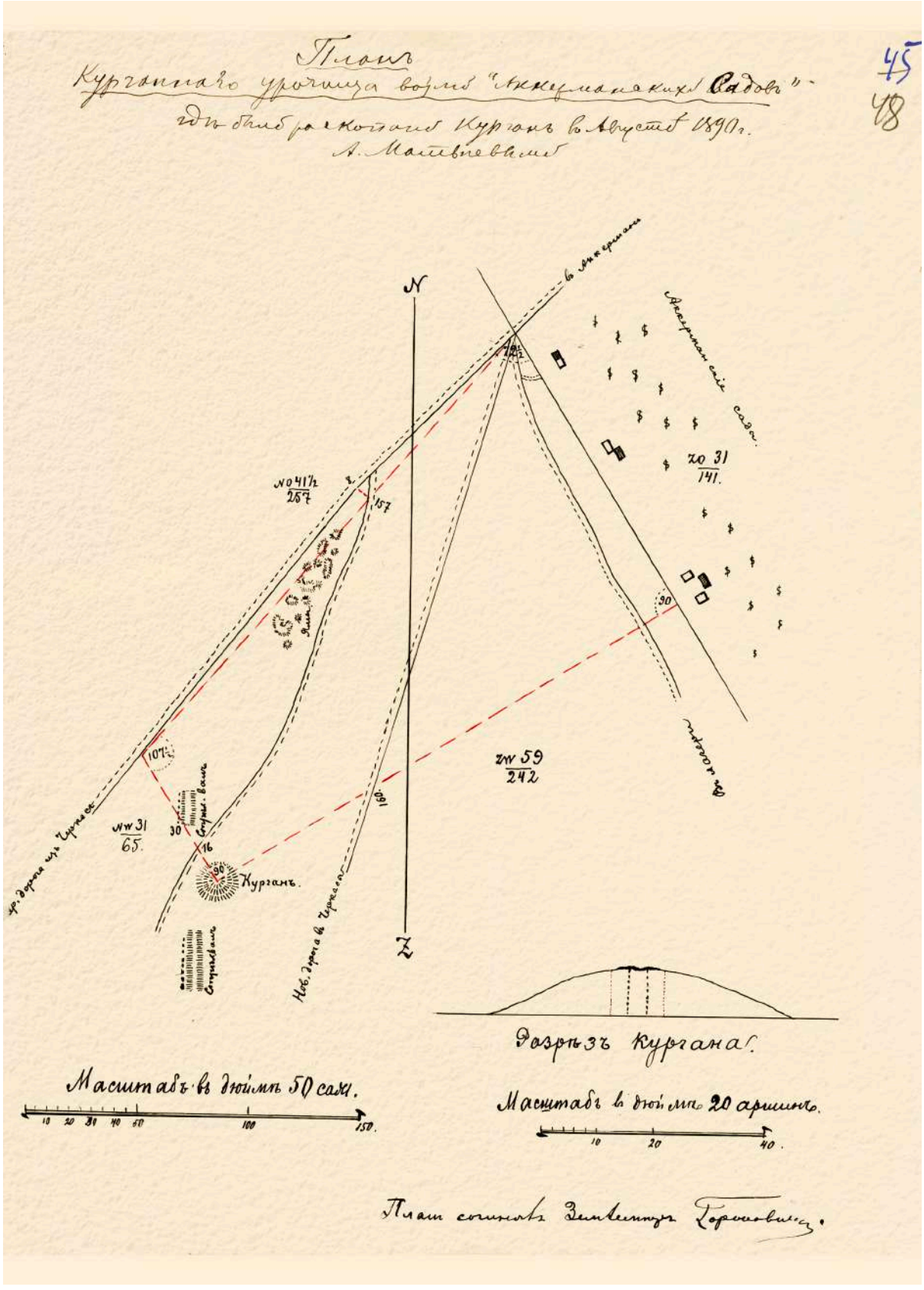


Рис. 8. План курганного урочища у «Аккерманских садов» (1); разрез раскопанного кургана (2). Снимал землемер В.Я. Горонович в 1890 г. Публикуется впервые (© РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18, л. 48).

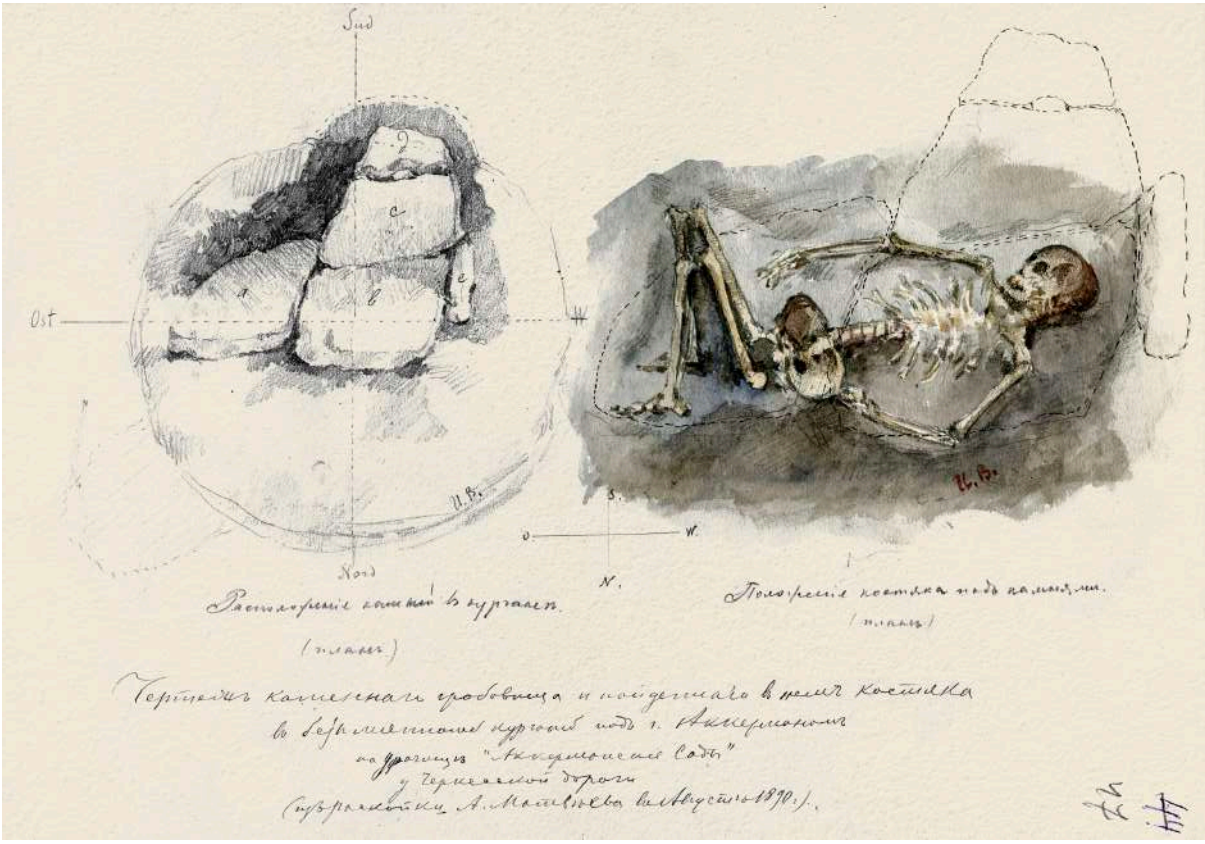


Рис. 9. Погребение 2 в кургане, раскопанном в 1890 г. Рисунок учащегося Одесской рисовальной школы с инициалами «И.В.». Публикуется впервые (© РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18, л. 47).

мана высотой 5,7 м диаметром 39-40 м одним круглым колодцем диаметром 7 м по центру, хотя в его же инструкции, кроме «прорытия колодца», разрешались раскопки «послойной съемкой земли, начиная с вершины» и «сквозной траншеей» (Матвеев 1884в, 54-55).

Приведем описание этих работ 12 и 29 августа 1890 г. по реферату ИАК: «Высота этого кургана почти 8 арш., окружность в 175 шагов. Заложив колодезь в 10 арш. в диаметре, г. Матвеев на глубине почти 1½ фута в восточной половине его встретил разбросанные человеческие кости. На глубине 2½ арш. снова встретились раздробленные кости сильно истлевшего человеческого костяка, но в таком незначительном количестве, что о положении погребенного можно только сказать то, что оно находилось в восточной части кургана. На ½ арш. ниже, почти у середины кургана оказался целый скелет, кости которого имели красно-бурую окраску. Погребенный лежал горизонтально, на спине, ногами к В-СВ, головой к З-ЮЗ, но череп покоился на правой щеке, так что лицевые кости были обращены к В. Руки были вытянуты вдоль туловища и примкнуты к бокам. Никаких следов ни одежды, ни утвари, ни украшений возле костяка не найдено, за исключением сильно перержавевшей и развалившейся железной дужки, вероятно, от конского удила, так как влево от человеческого костяка, то есть к С от левой плечевой кости его, найдены сильно истлевший конский череп и конские копыта [погр. 1]. В южной половине колодца оказалось 6 толстых известняковых плит, под которыми находилась могила [погр. 2], заваленная землею и остатками совершенно перегнившего дерева. Костяк в ней лежал головой на З, ногами на В. Последние в коленных суставах были согнуты под острым углом. Правая рука имела весьма незначительный изгиб, а левая была согнута почти под прямым углом. Кости носили на себе красновато-бурый цвет и почти совершенно истлели. При костяке не найдено никаких вещей» (Матвеев 1893, 50-51).

Рис. 10. Примерное место находки плиты с надписью (1) на карте 1929 г.
(Карта РККА, лист L36-61-B; фрагмент).

Изученные погребения относятся к разным историческим эпохам: первое (на глубине 2,1 м) – позднекочевническое, второе – ямной культуры (рис. 9). По основным признакам погребение 2 относится к развитому «городцовскому» этапу ямной культуры (прямоугольная форма камеры; перекрытие поперек тремя необработанными каменными плитами и расположение четвертой плиты вертикально у западной, короткой стены; ориентировка по линии восток–запад; скорченное на спине положение погребенного, головой на запад; окраска охрой с наибольшей интенсивностью черепа и правого крыла таза). Исходя из того, что камни были выявлены почти на глубине 5 м от устья колодца, скелет погребения 2 лежал на глубине 5,8 м, а высота насыпи достигала 5,7 м (документ 8), можно полагать, что это было основное погребение (рис. 8/2).

По ряду специфических черт (скорченное на спине положение погребенных с вытянутыми вдоль туловища руками, окраска охрой) погребение соответствует 5-му типу или собственно памятникам ямной культуры (Яровой 2000, 21-22). Характерные признаки погребения позволяют отнести его к варианту I, типам 1, 15 (Яровой 1985, 36-46, рис. 2/2, 3). Такие захоронения отличает ориентировка скелета и погребальной камеры в западном полукруге; западная ориентировка доминирует и составляет 93% от всей группы или же присутствует в 763 случаях для всех ямных погребальных комплексов Северо-Западного Причерноморья, что составляет 51% от всех исследованных в регионе (Яровой 2000, 21).

В целом основные признаки данного погребения характерны для развитого периода ямной культуры Северо-Западного Причерноморья. Что касается каменного перекрытия, то следует отметить, что для курганов раннего бронзового века на территории Дунай-Днестровского междуречья в целом преобладает перекрытие погребальных камер деревом, при этом каменное перекрытие (включая антропо-

Рис. 11. Место находки плиты с надписью (1) и раскопок кургана А.А. Матвеевым (2) на карте 1917 г. (Двухверстовая карта, лист XLVII-29; фрагмент).

морфные стелы) также присутствует. Далее на восток от Днестра до Буга и Ингула каменное перекрытие в захоронениях ямной культуры встречается чаще. Это отличает южно-бугский вариант ямной культуры (Шапошникова, Фоменко, Довженко 1986), хотя отдельные элементы обряда этих погребений отмечены в курганах, исследованных между Днестром и Дунаем, как и орудия для обработки камня и дерева (Субботин 2003). Ряд аналогий «аккерманскому» захоронению имеется в материалах территориально близких памятников Правобережья Днестра и Днестровского лимана: в погребениях ямной культуры 5-го типа, перекрытых каменными закладами, в том числе антропоморфными стелами, Семёновского курганного могильника (Субботин, Разумов, Синика 2017, 92, рис. 54/1), а также в аналогичных захоронениях в курганах у с. Молога (Малюкевич, Агульников, Попович 2017, 141, рис. 19/2).

Поскольку курган явно не был исследован на значительной площади, уточним место его расположения, тем более что для этого есть достаточно материалов. Во-первых, А.А. Матвеев подробно его описал: «Избранный мною для археологической эксплуатации курган, не нося никакой местной клички, расположен на ровной степи, в расстоянии 65 саж. на ЮВ от старой дороги из Аккермана в с. Черкесы, почти в 50 саж. на З от новой дороги в то же село и в 240-250 саж. (почти ½ версты) от подгородного к Аккерману поселка, называемого «Бачи» [Бахчи] (официально – «Аккерманские хутора», а также «Аккерманские сады», каковой поселок отстоит от самого Аккермана (Соборной церкви) почти в 5 верстах» (документ 8). Во-вторых, курган отмечен на трехверстовке (лист. XXXI-8), а в-третьих, он присутствует на плане В.Я. Гороновича, выполненном по заказу М.М. Матвеева (рис. 8/1). На основании изложенного выше остатки кургана следует искать на краю плато, примыкающего к правому берегу балки Бритавской, в 660 м к ЮВ от железной дороги из Белгорода-Днестровского в Сарату, к ЮВ от ул. Кочубинского – бывшей старой дороги в с. Черкесы (рис. 11/2).[18]

Заключение

Если оценить значение и уровень археологических изысканий А.А. Матвеева в 1890 г., то следует сказать, что он явно имел хорошее образование и некую практику полевой, в первую очередь курганной археологии. Он стремился провести комплексные исследования и привлек для этого профессионалов: фотографа И.И. Полномочного, картографа В.Я. Гороновича, антрополога И.М. Видгальма, художника с инициалами «И.В.» из Одесской рисовальной школы и, возможно, палеографа В.Н. Юргевича. Однако, как это бывает, сделанные им тогда находки в большинстве не оказались сенсационными, но камень с латинской надписью вошел в соответствующие своды. Собственно, он исследовал и ввел в научный оборот первую латинскую надпись Тиры, найденную на некрополе этого города. По невыясненным причинам ИАК больше не прибегала к его услугам, а сам он позже археологией не занимался, хотя и прожил вполне благополучную жизнь, более или менее успешно подвизаясь на иных поприщах, в

[18] Примерные координаты по программе «Гугл-карты»: 46°10’01.4»N 30°19’09.1»E 46.167050 30.319189.

частности истории искусства и преподавания истории.

В целом, изучение и анализ документов двух архивных дел ИАК, хранящихся в ИИМК РАН, позволили внести существенные дополнения в историографию археологии юга Бессарабии. Речь идет о том, что А.А. Матвеев сделал попытку развить в данном регионе курганографию, основу которой еще в начале 1840-х гг. заложил А.А. Олофсон (см.: Сапожников, Аргатюк 2018), и продолжил раскопки курганов, начатые всего за два года до него профессором Университета Св. Владимира Ф.И. Кнауэром (Сапожников 2018, 398-402, 414-417). Впервые для целой территории А.А. Матвеев провел разведки и составил карту расположения курганов, изучив тем самым «курганный ландшафт» в пределах значительной части тогдашнего Аккерманского уезда, что может быть хорошим подспорьем для реконструкции мест расположения и топографии древних курганов на юге Бессарабии в конце XIX в.

Благодарности: Авторы глубоко признательны С.М. Агульникову за консультации и помощь в работе.

Приложения

Документ 1

Письмо А.А. Матвеева В.Г. Тизенгаузену
Одесса, 14.05.1889 г. Получ. 19.05. Вход. № 279. Оригинал
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1889, д. 43а, л. 1-2)

Высокоуважаемый барон, милостивый государь Владимир Густавович!

Соблаговолите милостиво простить, если, основываясь лишь на, быть может, излишне великодушном [отношении] Вашем к покорному слуге Вашему, которым он осчастливлен был в январе настоящего года в бытность его в Санкт-Петербурге, я осмеливаюсь утруждать едва ли имеющийся у Вас досуг настоящими строками. Не сочтите во зло мне их мотив, вполне естественный в душе молодого археолога, который, располагая свободными от занятий июлем и половиной августа, как уже имел честь заявить Вам о том раньше, желал бы посвятить их служению научным задачам /1об./ ИАК.

Вполне сознавая, быть может, далеко не обильно обставленное на нынешний сезон денежное status quo ИАК, я осмеливаюсь почтительно просить Вас, высокоуважаемый Владимир Густавович, не отказать мне всего лишь только в легальном разрешении на археологические изыскания в губерниях Херсонской и Волынской (где я думаю пробыть лето), – конечно, если только настоящая просьба Вашего покорного слуги не явится почему либо в непредусмотрительном им противоречии с текущими видами и соображениями ИАК.

В надежде, высокоуважаемый Владимир Густавович, вскоре быть осчастливленным несколькими строками Вашими, хотя бы и отрицательного для моих намерений содержания.

Честь имею с истинным почтением и преданностью остаться покорным слугой Вашим, А. Матвеевым.

P.S. Желаемый Вами «Указатель археологических статей» /2/ по «Jornal d'Odessa» и «Одесскому вестнику» мною уже начат и доведен до половины *[18]30-х гг.* [19], но составляется медленно и не без помех, ввиду [моих] служебных занятий, отсутствия полного экземпляра в [Одесском] Обществе истории и древностей и несовершенной еще организации самой Одесской Публичной библиотеки. Все же питаю надежду, что его Вам поднесу – осенью этого года.

Адрес Вашего покорного слуги: Одесса, Рисовальная школа, Преображенская ул. № 12 – инспектору классов – Антону Александровичу Матвееву.

[19] Здесь и далее курсив А.А. Матвеева – И.С. и М.К.

Документ 2

Письмо от ИАК А.А. Матвееву
Санкт-Петербург, 23.05.1889 г. Исход. № 479. Отпуск на бланке
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1889, д. 43а, л. 5-5об.)

Милостивый государь Антон Александрович!

Считая долгом воспользоваться изъявленною Вами готовностью заняться производством археологических исследований на Юге России, ИАК покорнейше просит Вас принять на себя труд произвести в нынешнем году разведки в окрестностях Аккермана по ближайшему Вашему усмотрению и соображению с тамошней местностью. На производство этих работ ассигновано 400 руб., из которых 100 руб. назначены Вам лично на путевые издержки и расходы по содержанию и 300 руб. авансом на производство раскопок. В расходовании этой последней суммы ИАК просит Вас предоставить отчет по прилагаемой форме и о произведенных работах будет ожидать от вас присылки подробного дневника с приложением при особой описи древностей, /5об./ которые будут найдены Вами. К каждой вещи должен быть приложен особый ярлык под тем же номером, под которым она будет названа в описи.

При чем прилагается открытый лист на представленное Вам производство раскопок, который по окончании работ должен быть возвращен Комиссии. Кроме того, Комиссия вместе с сим отнеслась к Бессарабскому [Херсонскому – зачеркнуто] губернатору с просьбой об оказании Вам местным начальством должного содействия в успешном выполнении возложенного на Вас поручения. Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности

Подписал: В. Тизенгаузен.

Верно: делопроизводитель И. Суслов (собств. подпись).

Документ 3

Письмо церковного старосты с. Будаки В. Мельниченко (Гулого) проф. Н.П. Кондакову
с. Будаки Аккерманского уезда Бессарабской губ., до 12.02.1890 г. Оригинал
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18, л. 1)

Осмеливаюсь утруждать Ваше Высокопревосходительство просьбой разъяснить нам надпись, найденную нами [и] вырезанную на камне, глубоко вкопанном в земле.

Церковный староста с Будаки.

Пометы: «Получено от Н.П. Кондакова 12 февраля 1890 г.»; на обороте карандашом два варианта прочтения надписи.

Документ 4

Ответ ИАК церковному старосте с. Будаки
Санкт-Петербург, 16.02.1890 г. Исход. № 170. Отпуск на бланке
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18, л. 3-3об.)

Член ИАК, проф. Н.П. Кондаков передал ей полученное им от Вас письмо об открытом Вами камне с латинской надписью.

В надписи этой упоминаются имена римских императоров Л. Септимия Севера, Пертинакса и Марка Аврелия Антонина, следовательно она относится ко II веку по РХ.

К сожалению, она представляет только обломок большой надписи и потому в видах отыскания остальной ее части весьма желательно расследование местности, в которой найден упомянутый обломок.

Расследование это АК поручила инспектору классов Одесской рисовальной школы А. А. Матвееву, который прибудет с этой целью в село Будаки и которому на этот предмет выданы денежные /3об./ средства и особый открытый лист.

Самую плиту необходимо передать в Императорский Российский исторический музей в Москве или в Одесский музей.

Подписал: председатель гр. А. Бобринской.

Скрепил и верно делопроизводитель: И. Суслов (собств. подпись).

Пометы и резолюции: «д. 18/90»; «Одесса, Рисовальная школа, господину Матвееву. Археологическая комиссия просит поспешить сообщением результатов поездки в Будаки. Подписал и верно: делопроизводитель И. Суслов».

Документ 5

Письмо от ИАК А.А. Матвееву
Санкт-Петербург, 16.02.1890 г. Исход. № 181. Отпуск на бланке
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18, л. 4-4об.)

Его Высокородию А.А. Матвееву
Милостивый государь Антон Александрович.

По сведениям, доставленным церковным старостою села Будаки Аккерманского уезда, в этой местности найден глубоко вкопанный в землю обломок камня с латинской надписью, в которой упоминаются имена Септимия Севера, Пертинакса и Марка Аврелия Антонина.

Полагая, что дальнейшие расследования места находки этой надписи может привести к открытию и остальной части ее, ИАК имеет честь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой принять на себя таковое расследование и о последующем не оставить ее уведомлением. При этом Комиссии, конечно, желательно получить точный снимок с означенной надписи и ближайшие сведения о том: нет ли в той местности каких-нибудь других остатков древностей в виде курганов, городищ и т.д. и не были ли находимы там древности /3об./ в прежнее время.

На производство работ и на расходы по поездке Вашей в село Будаки и обратно препровождается при сем свидетельство на получение из Одесского казначейства 100 руб., в израсходовании которых Комиссия покорнейше просит Вас доставить ей по окончании работ авансовый отчет по прилагаемой форме. Кроме того, при сем прилагается открытый лист на допущение Вас к означенным работам.

Примите, милостивый государь, уверение в моем совершенном почтении и преданности.

Подписал: гр. А. Бобринской.

Верно: делопроизводитель Ил. Суслов (собств. подпись).

Пометы и резолюции: «д. 18/90»; рукой Ил. Суслова «Открытый лист за № 182 для раскопок в Аккерманском у. Бессарабской губ. (не упоминая села Будаки)».

Документ 6

Краткий отчет А.А. Матвеева в ИАК
Одесса, 15.05.1890 г. Получ. 21.05. Вход. № 325. Оригинал
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18, л. 6-12об.)

Во исполнение возложенного на меня ИАК поручения предложением ее от 23 февраля настоящего года за № 181, честь имею предоставить на ее благоусмотрение *краткий отчет* о результатах состоявшейся 8-10 числа текущего мая моей *предварительной поездки* в г. Аккерман, его

окрестности и уезд (село Будаки и др.) с целью как определения места находки указанного АК камня с латинской надписью, осмотра сего последнего и дешифровки самой надписи, так и для отметки в дорожниках некоторых пунктов, могущих представить интерес /6об./ для археологических поисков в предстоящее лето:

I. Что касается *местонахождения памятника*, то указанный ИАК камень с латинской надписью найден рабочими при возделывании (посадке) винограда в плантации, принадлежащей аккерманской купчихе Аксинии Арнаутовой и расположенной под Аккерманом в расстоянии едва одной версты от городской окраины, у ведущей из Аккермана в уезд проезжей дороги, известной у местных жителей под кличкой «Черкесской». Виноградник от дороги отделен канавой, местонахождение же памятника отстоит от последней шагах в 15. Камень сокрыт был в мягкой почве виноградника и, судя по оставшейся от его ложа яме, впрочем, уже отчасти засыпанной виноградарями, покоился на /7/ глубине не более двух аршин от поверхности.

В 5-6 шагах от этой ямы находится каменная плита или, скорее, каменный блок, глубоко водруженный в почву, из которой хотя обнаруживается лишь небольшая часть его массива, судя по внешности, не обработанного зодческими снарядами, тем не менее при зондировании железным щупом намечается присутствие в почве твердого тела весьма значительных размеров. По некоторым признакам, именно – общему характеру окружающей этот каменный блок местности (между прочим, и по недавнему насаждению плантанции, удалению ее от скученных жилищ и т.п.), камень кажется был нетронутым издавна, по крайней мере, его присутствие здесь открылось лишь благодаря огородным работам только /7об./ настоящей весны, а потому и представляет собой интерес для дальнейших поисков, хотя раскопка и извлечение его (обещающие быть нелегкими в виду значительных размеров блока) произведены в настоящую экскурсию не были за отсутствием на тот час (праздничный) рабочих рук и ввиду предстоящего еще исследователю соглашения с владелицей участка; то и другое отложено мной до следующей поездки, с заблаговременным, однако, извещением местного исправника о необходимости надзора за данным урочищем впредь до научной его эксплуатации. Сверх того, интерес к исследованию данного пункта, и в частности вышеупомянутой каменной глыбы, усиливается еще следующими соображениями и местными обстоятельствами: *во-первых*, покоящийся в винограднике каменный блок /8/ бесспорно завезен сюда нарочито [специально], так как местность на значительном вокруг расстоянии представляет повсюду мягкую и глубокую почву, т.е. лишена природных обнажений каменной подпочвы, каковые обнажения встречаются только на берегу Аккерманского (Днестровского) лимана, т. е. не менее как в 3-4 верстах [к В] от данного виноградника, и с каковыми по геогностическому составу (раковистый известняк) тождественен и каменный блок, и найденный вблизи него камень с латинской надписью; *во-вторых*, как в том же винограднике, так и по другую сторону «черкесской дороги» в противолежащих виноградных плантациях уже при самом поверхностном исследовании найдены мной остатки сильно выветренных человеческих костей и черепки (по всему) древней горшечной утвари из красноватой /8об./ глины, что наводит на мысль о близости старинного некрополя.

Ввиду таковых соображений, честь имею ходатайствовать перед ИАК о соизволении мне произвести систематические поиски в этой местности в предстоящее лето, что необходимо ввиду одного уже разыскания недостающей части камня с латинской надписью, возможно, находящейся где-либо поблизу от места находки его первой половины, к описанию которой теперь и переходим.

II. Найденный в упомянутом винограднике (г-жи Арнаутовой) *камень с латинской надписью* представляет собой обработанный каменотесом под грубый тип монумента параллелепипед из простого, не поддающегося тонкой [обработке] (по причине /9/ своей крохкости и обилию раковинных гнезд) местного известняка с расширенной, как бы под карниз или капитель, верхней частью и с отчасти неровной от излома нижней, – каковой излом все же не препятствует камню стоять вертикально при постановке его даже на гладкой поверхности, причем ребра его боковых граней, несмотря на сильно выветрившуюся поверхность камня, а отсюда и некоторую

излучистость контуров, все же достаточно указывают на их былую прямолинейность. *Высота* найденной части (т. е. по линии вертикали) параллелепипеда достигает 1 аршина 4½ вершков, *ширина* фасадной и задней поверхности (т. е. по горизонтали) 14 вершков, а *толщина* камня (т. е. ширина каждой боковой поверхности) – около 9½ вершков. На противоположной фасу стороне /9об./ камня – свежо выдолблено углубление руками виноградарей, искавших внутри камня (sic) денег. Камень найден был опрокинутым, т. е. верхней или карнизной частью вниз в почву. Надпись, несмотря на выветрившиеся как лицевую поверхность, так и некоторые штрихи в очертании букв (напр. «поперечки» в литере A, хвостики в литере S и других), читается сравнительно нетрудно, даже при одном и, собственно говоря, единственном приеме смачивания водой, так как снятие бумажного эстампажа путем губки или щетки почти невозможно по причине сплошной ноздреватости и сильной гигроскопичности камня. Фотографический снимок и гипсовый слепок будут сделаны мной в самом непродолжительном времени и, буде потребуется, представятся на благоусмотрение АК /10/ одновременно. Надпись, как это явствует из нижеприведенного рукописного снимка, размещается в девяти строках и начертана обычным, в безыскуственных очертаниях, латинским «монументальным» шрифтом, заурядно высеченным вглубь. Средний размер букв почти два дюйма. Знаки препинания отсутствуют или, вернее сказать, не различаются среди множества дырок в выветрившейся поверхности и пустых гнезд от выпавших раковин. Горизонтали строк выдержаны довольно правильно, но интервалы между литер не всегда равномерны, иногда представляя собой как бы перерыв слов, очевидно, в зависимости от качества камня, местами препятствующего своим раковистым составом начертанию литер. Содержание надписи /10об./ в полной версии следующее:

1 **TEMPORI BON**
2 **O PR**O **SALUTE**
3 **DOMINORUM**
4 **NN L SEPTIMI**
5 **SEVERI PERTE**
6 **NACIS ET M**
7 **AVREL ANTON**
8 **INI AVG**G **ET**
9 I **SEPTIMI**
Tempori bono p(ro) salu-
te dominorum n(ostrum)
L(ucii) Septimi Severi Perte
nacis et M(arci) Aurel(ii)
Antonini Aug(gustorum)
et I (P) **Septimi.....**

<...> /11/ Облом камня следует почти тотчас под девятой строкой, захватывая в то же время и угол лицевой поверхности вслед за словом Septimi, что, быть может, не лишает права и предполагать былое существование дальнейших строк, как то вполне логично заключить уже из одного смысла надписи, так как памятник во здравие (или скорее во благо) трех государей, из который Септимий Север, как известно, был не безучастен к судьбам обитателей Приднестровья, едва ли мог быть воздвигнут без обозначения времени и имени соорудившего его единичного или коллективного лица.

Не осмеливаясь преждевременно дозволить себе какие-либо научные предположения по поводу данного памятника, тем более /11об./ что некоторые места его надписи (например, необычное в строго-латинской монументальной палеографии выражение «tempori bono», а также формула «pro salute» по отношению к покойным уже в царствование Септимия – Марка Аврелия и Пертинакса) нуждаются еще в веской интерпретации, все же решаюсь представить на усмотрение ИАК то скромное замечание, что настоящий камень в сущности *первый памятник с латинской надписью, найденный на территории Аккермана*, так как имеющиеся доселе фрагменты латинских надписей (каковы: найденный в 1842 г. в с. Коротном и в 1881 г. в с. Чобручах) по при-

чине отдаленности места находки их от г. Аккермана, к которому некоторые ученые приурочивали древнюю Тиру, много теряют в решении вопроса /12/ о местонахождении Тиры. Поэтому не выпадает ли на долю ныне открытому камню послужить некоторым аргументом в пользу приурочения спорной пока территории города Тиры к местности Аккермана. Во всяком случае, тот или другой ответ о значении настоящего памятника могут дать только дальнейшие изыскания на его территории, к каковым, согласно желанию ИАК, обязуюсь приложить все свое рвение и старания.

Камень в настоящее время находится в с. Будаках (Аккерманского уезда), взятый по моему поручению на сохранение (в виду посягательства на его целость виноградарей) церковным старостой того же села Варфоломеем Мельниченком, по прозванию Гулым /12об./, у которого и помещается в одной из усадебных построек впредь до разыскания его недостающей части и особых распоряжений ИАК.

О результатах дальнейших моих поисков в Аккерманском уезде буду честь иметь донести в АК своевременно.

Инспектор Одесской рисовальной школы, член Одесского общества истории и древностей и чл.-корреспондент Императорского Московского археологического общества Антон Матвеев [собст. подпись].

Документ 7

Письмо от ИАК А.А. Матвееву
Санкт-Петербург, 09.06.1890 г. Исход. № 642. Отпуск на бланке
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18, л. 13)

Милостивый государь Антон Александрович.

На отзыв Ваш от 15 минувшего мая относительно осмотра как камня с латинской надписью, найденного близ Аккермана, в селе Будаки, так и самого места, где он открыт, ИАК имеет честь уведомить Вас, что к [два дописанных позже слова неразборчивы] производству любых систематических поисков в местности ее открытия со стороны Комиссии препятствий не встречается.

Деньги, которые могут понадобиться на это, сверх отпущенных Вам уже 100 руб., будут высланы Вам немедленно по получении счета в израсходовании этих 100 руб.

Подписал: старший член В. Тизенгаузен.

Верно: делопроизводитель И. Суслов (собств. подпись).

Документ 8

А.А. Матвеев

Отчет
[для] ИАК об археологических исследованиях, произведенных по ее поручению в мае, июне, июле и августе 1890 года в окрестностях г. Аккермана (Бессарабской губ.) и его уезде.
Приложение к рапорту от 31.03.1891 г. Вход. № 238. Оригинал. Сокращен
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18, л. 19-42об.[20])

Получив 23 февраля предложение ИАК (документ 5), <...> я немедленно снесся письмом с известившим Комиссию о находке камня церковным старостой с. Будак Варфоломеем

[20] Текст, написанный в виде дневника, черновой, изобилует правками неизвестного представителя ИАК под инициалами А.А.М.: перечеркиваниями слов, фраз и целых абзацев, а в начале, по сути, повторяет «Краткий отчет» о работах А.А. Матвеева 8-10 мая 1890 г. (документ 6), но содержит интересные подробности. Поэтому в нашей публикации явные повторы опущены или сокращены, а текст дан в авторской редакции.

Мельниченко (он же Гулый) о месте нахождения данного памятника, а равно навел справки о местных условиях поездки в с. Будаки, которое лежит на берегу смежного с Черным морем грязелечебного лимана.

Из полученных мною сведений оказалось, что сообщение Одессы /19об./ с с. Будаки возможно только через Аккерман, так как Будакский лиман совершенно изолирован от моря пересыпью и никакой стоянки судов на побережье этого села не имеется.

В виду ранней поры года, еще не открывшейся навигации по Днестру, а также по причине неотложных служебных обязанностей поездка в Будаки была отложена мной до первых удобных к тому дней, какими могли быть лишь дни 9–11 мая. Принимая в расчет, что на рейс из Одессы в Аккерман уходит больше половины дня, село же Будаки отстоит от Аккермана в 22-х верстах, причем сообщение по ним производится (до начала купального сезона) обыкновенно на крестьянских лошадях, – имеющиеся в наличности три дня вправе было употребить лишь на *предварительную поездку*, т. е. для первого пока ознакомления с памятником и его местностью в целях будущей, более обстоятельной их эксплуатации.

Отправившись из Одессы 8 мая утром и не без затруднений добыв коней в Аккермане, я лишь к вечеру того же дня прибыл в Будаки, успев, однако, по пути отметить в дорожнике и сделать примерное определение высоты нескольким курганам, как под Аккерманом, так и на «степях» соседних с дорогой селений – Черкесы, Шаба, Шабалат и Катарги и колоний Софиенталь и Нейфаль (именно: под Аккерманом у Черкесской дороги – близ урочища «Аккерманские сады» 1 курган, на землях колонии Шаба – 1, на Шабалатской [дороге] /20/, в стороне к Софиенталь – 2, возле Катарги – 2 и у колонии Нейфаль – 1; первые два высотой более 2 саж., последние 5 – от 1½ до 1 саж.).

Прибыв в Будаки и разыскав Мельниченку, я нашел камень (уже) лежащим у него во дворе. По заявления Гулого, опросу некоторых лиц-свидетелей, а впоследствии и по засвидетельствованию самих владельцев места находки камня, памятник найден был рабочими при возделывании почвы (под посадку виноградных кустов) не в Будаках, а *под самим Аккерманом*, на плантации, принадлежащей аккерманским купцам гг. Арнаутовым и расположенной в расстоянии почти версты от городской окраины, у прогонной дороги, ведущей из Аккермана в с. Черкесы. Случайно проезжая мимо виноградника и узнав о находке, Мельниченко счел долгом своим известить о том ИАК, а затем, желая сохранить камень от порчи рабочими, счел уместным перевезти его к себе в Будаки.[21]

[Далее следуют описание камня, надписи на нем и места находки.] <…>

/24/ К сожалению, на первый раз пришлось довольствоваться только этими, чисто поверхностными замечаниями, так как не только раскопка на территории памятника, но даже извлечение находившейся обок с ним помянутой каменной глыбы были в данное время немыслимы, во-первых, обещая быть нелегкими ввиду значительных размеров блока, требовавшего много рук и времени, а во-вторых, – что всего важнее, – могло повредить виноградным порослям; при том же, для эксплуатации места необходимо было прежде всего заручиться разрешением /24об./ владельцев виноградников, на то время отсутствовавших в Аккермане. Отложив поэтому и то, и другое до следующей поездки, я счел полезным поручить местным властям некоторый надзор за данным урочищем и затем 11 числа отбыл в Одессу.

С наступлением в июне месяце каникулярной поры, прибыв в Аккерман 11 числа, я снова посетил место находок камня, и мне удалось получить от гг. владельцев виноградника разрешение на производство в нем поисков, однако при условии произвести таковые не ранее половины августа и по возможности только на месте находки камня и каменной глыбы, конечно, по соображениям чисто агрикультурного свойства. При этом г. Арнаутов согласился отчудить камень

[21] Вызвав, между прочим, столь ревностным в интересах науки поступком пререкания и даже жалобы к мировому судье со стороны владельцев плантации, устраненные, впрочем, при моем содействии. – Примечание *А.А.М.*

при условии, что [я] испрошу у местных властей разрешение на помещение камня в приличном ему и сохранном месте.

Однако с перевозкой камня пришлось повременить. Я узнал, что для Мельниченка, занятого сельскими работами, доставка камня из Будак в Аккерман в июне месяце является делом довольно трудным[22]. Поэтому, переслав ему, Мельниченке, 10 руб. с предложением перевезти памятник в первое удобное время, я решил употребить настоящую (вторую) мою поездку /25/ в Аккерман на посещение ближайших к Днестровскому лиману и Черному морю сел для отметки имеющихся в них более выдающихся курганов.

На первый раз я взял участок Аккерманского уезда, заключающийся между почтовым трактом из Аккермана в сс. Байрамчу, Сарату, Татарбунар и границей с Измаильским уездом. В течение 8 дней (с 12 по 19 июня) я побывал и отличил курганы в окрестностях:

1. *Байрамчи*[23], на полях которой и прилегающих к ней хуторов, кроме нескольких, уже еле заметных от времени могил, узнано все-таки около десяти заметных курганов различной высоты, из них – четыре высотой не менее 2 саж. и один (если я не ошибся в определении) – около 8 саж. Все они археологически не разработаны, хотя некоторые не без следов посягательства искателей кладов.

2. Следуя по дороге в с. *Старая Сарата*, отметил: в 1½ верстах от Байрамчи, справа от дороги – один курган (до 2 саж.), на 9 версте (тоже справа от дороги) – один курган (до 1½ саж.), между 12 и 13 верстами /25об./ (в полуверсте от дороги влево) – один курган (более 3 саж.) и не доезжая 1½ версты до Сараты – один курган около 1 саж. На полях Сараты (кроме 7-8 почти исчезающих могил) можно отметить около дюжины еще сохранившихся, из них – одна в 2½ саж., две – в 1½ саж., большинство от двух аршин и менее. Пять из них со следами правильной, хотя местами как бы незаконченной раскопки. По заявлению колонистов, курганы эти исследовал весной 1888 г. профессор из Киева Кнауэр. Находки: людские и конские кости, остатки железной сбруи, браслеты, кольца (серебряные иль золотые).[24]

3. Узнав от немцев, что на землях ближайших к Сарате сс. Гурачелигидер, Камчик и Михайловки находится много курганов, и притом значительных по высоте, я объехал их урочища, насчитал и отметил, конечно, далеко не все и приблизительно топографически (в зависимости от весьма несовершенной карты Аккерманского уезда [см. рис. 7]): а) возле *Гурачелигидер* – до десяти курганов (большинство 2-3 саж., а два экз. до 10 саж.); б) у с. *Камчик* – два кургана (5-6 саж.) и пять могил (2-4 саж.); на землях *Михайловки* – только три кургана (между 1 саж. и 5 арш.), другие весьма незначительны.

4. По дороге из Михайловки в с. *Акмангит*, в окрестностях его заметил разбросанных более десяти курганов, из /26/ числа которых некоторые еле выдаются над пахотою, пять же или шесть, напротив, разнообразятся по высоте между 1 и 4 саж.

5. Особенно много замечено могил в степи кругом с. *Дивизии* (у границы Измаильского уезда); насчитал я их около 26, хотя, по заявлению возницы, их здесь наберется за три десятка. Большинство (измеренных мной на выдержку) едва ли превышает 1½ саж. и только три (из четырех более видных) – выше 4 саж., а один – более 3 саж.

6. К З вдоль с. *Кибабчи*, от границы уезда и до северной оконечности того же села тянется с промежутками ряд могил (в количестве почти двадцати) менее и более 1 саж., в их числе три высотой 2-3 саж.

[22] Камень весит почти 20 пудов. – Примечание *А.А.М.*

[23] Между прочим, следуя в Байрамчу из Аккермана по почтовому тракту, я отметил на окраинах «Турлацких садов», у самой дороги, один большой курган (саж. в 3), возле него кучку малых (различной высоты, 1½ до 1 саж.). В 3 верстах отсюда далее на З по той же дороге (справа от нее) – курган (более 2 саж.). Кроме них вплоть до Байрамчи курганов поблизости от дороги не имеется – примеч. А.А.М.

[24] Речь идет о раскопках Ф.И. Кнауэра 1888-1889 гг. , в ходе которых у Сараты было частично раскопано шесть курганных насыпей (Сапожников 2019, 398-407, рис. 1).

7. Продолжением этого ряда служит другой ряд почти из десяти могил в направлении к С от Кибабчи к с. *Бенкендорф*. Впрочем, они не выше 1½ саж., а большинство даже ниже 1 саж.

8. К В от Кибабчи, на степи по направлению к с. *Каибей I* насчитал я до восьми курганов, из них три 1-2 саж., остальные ниже 1 саж. На полях *Каибея II* отмечено всего два кургана в 1½ саж. Каибейские курганы, кажется, не избежали поисков кладоискателей. /26об./

9. Столь же невелики и малочисленны могилы возле с. *Посталь*: их отмечено (по дороге из Кибабчи) всего две ближе к Кибабче и две ближе к Посталь (все не выше 1½ саж.). Еще ниже (менее 1 саж.) два кургана у *Большой Марьяновки* и два у *Демидовки* с явными следами раскопок (говорят, местным землевладельцем Демидовым в 1870-х гг. с находкой только костей).

10. Возле *Сергеевки* отмечено два кургана, и неподалеку от дороги в *Бенкендорф* один курган (почти в 3 саж. каждый). Два из них со следами основательной раскопки (один – недавней, другой – давнишней), но кем и с какими находками, я не мог узнать.

11. Несравненно значительнее по высоте курганы в окрестностях *Кулевчи*, четыре из них – до 6 саж., а четыре других разнообразятся по высоте, однако не превышая сажени. Между прочим, большие экземпляры кажутся нетронутыми.

12. Два больших кургана покоятся на полях сс. *Константиновки* (почти в 10 саж.) и *Малой Марьяновки* (едва ли не полтора раза выше предыдущего, хотя за точность измерения не могу поручиться ввиду отсутствия на тот час под рукой сложных измерительных приборов и необходимых для этого помощников[25]). /27/ На вид курган кажется куда выше, и это почти обычное явление в степной обстановке. На территории соседних с Малой Марьяновкой сс. *Маразлиевки* и *Мансбурга* я отметил один курган около 3 саж. и четыре экз. от 3 до 5 арш. Отметив еще один курган (саж. в 2) к В от с. Монаши, я к концу восьмого дня курганной экскурсии, то есть 19 июня, вернулся в Аккерман, а затем в Одессу.

Получив в июле месяце известие, что фрагмент с латинской надписью доставлен уже из Будак в Аккерман и помещен в избранном для него месте (именно в ограде греческой-приходской церкви и под охрану ее настоятеля), я тотчас приискал в Одессе фотографа и отправился с ним 10 июля в Аккерман, прибыв куда, немедля, с парохода прошел к памятнику, с которого и сделал (объективами разной системы) несколько снимков. Впрочем, таковые (как обнаружилось впоследствии) не все оказались удачными, по замечанию фотографа, вследствие высокой температуры дня (между 2 и 3 часами пополудни) и сильно накалившегося на солнце камня, а следовательно, и быстрого испарения воды, которой пришлось смачивать его поверхность[26]. /27об./

Желая возможно более воспользоваться присутствием фотографа, я обязал его отправиться со мной в Аккерманскую крепость и сделать с нее снимки, что и было исполнено в тот же день и в том количестве снимков, сколько оказалось в запасе у фотографа чувствительных пластинок, именно 5 больших и 2 меньшим аппаратом. К сожалению, последние (да и некоторые из больших снимков) вследствие близкого к закату времени дня вышли не совсем удачно. Большие снимки воспроизводят:

№ 1 – Внешний (со стороны города) фасад главного входа в крепость (что по деревянному мостику, перекинутому через крепостной ров);

№ 2 – Вид с мостика вправо с тех же входных ворот по линии рва в сторону Днестровского лимана;

№ 3 – Вид башни на угловом бастионе влево от главного входа, снятый извне, то есть от ближайшей к крепости городской улицы;

№ 4 – Вид тех же (что под № 1) главных входных ворот изнутри крепостного двора;

[25] Я был только с одним возницей – примеч. А.А.М.

[26] Из всех приемов, применявшихся нами тогда для удобства фотографической съемки с надписи, только этот один оказался более подходящим, очевидно, в зависимости от весьма изуродованной выветриванием поверхности камня. – Примеч. А.А.М.

№ 5 – Вид части крепостных стен, прилегающих к Днестровскому лиману, снятый с моста полуразрушившейся набережной башни;

№ 6 – Вид находящейся внутри крепости цитадели; /28/

№ 7 – Внутренность Аккерманской цитадели[27].

Отпустив фотографа, я счел уместным воспользоваться этой (третьей) поездкой в Аккерман для осмотра курганов сначала в окрестностях ближайших к Аккерману сел, но расположенных к С от дороги в Байрамчу, а потом и более удаленных, в направлении к Измаильскому уезду, то есть в южной части уезда.

11 июля я выехал из Аккермана по тракту в Байрамчу, с которого свернул:

13/1[28]. В с. *Быкозу*. На степи между Быкозой и Турлаками, кроме упомянутого [?], отметил я один курган возле *Турлак* (в 2 саж.) да три кургана у Быкозы, и то небольших (два из них до 1½ саж., третий – едва ли более полусажени).

14/2. Продолжая путь по направлению к З, с. *Чельмекчии*, отметил на степи (к З от Быкозы) один курган (не более 2 саж.) и на полях Чельмекчии один курган (почти в 4½ саж.).

15/3. К З от соседней *Корниловки* два кургана (в 1 и в 2½ саж.). /28об./

16/4. Степь между сс. *Бабий* и *Эйгейгейм* не представляет заметных могил, зато их целая куча (больше дюжины) возле с. *Сеймены*, от которого, кроме того, тянется еще ряд курганов, почти совпадая с линией большой дороги из Турлак в Каушаны, именно вблизи низкого уже вала, расположенного над Днестровским лиманом, который у местных жителей именуется «Змеиным валом». Начинаясь севернее Сеймен, этот вал тянется вдоль берега в ЮВ направлении на пространстве более 8 верст за с. Мологу, доходя до Аккерманского хутора. Курганы Сейменской группы разнообразятся по высоте между ½ и 2 саженями.

17/9. Повернув из Бабия в *Чемчелы*, чтобы оттуда через с. Успенское проехать в Байрамчу, я отметил между Чемчелами и Бабием, поближе к первым, один курган, да у с. Нижней Царичанки четыре. Кроме того, два кургана виднеются вправо от дороги на степи между Бабием и Нижней Царичанкой. К З от Чемчел, вправо от почтовой дороги из Байрамчи в Бендерский уезд отмечен еще один курган (до 1½ саж.).

18/10. Южнее его, у той же дороги, но ближе к с. *Успенскому*, один курган почти в 4 саж. высотой и к В от Успенского два, причем один из них уже у с. Каиры (1½-2 саж.).

Совершив таким образом четырехдневный объезд, я поздно вечером 14 числа прибыл в Байрамчу. /29/

15 июля, ранним утром выехал я в с. Плахтеевку, которое избрал исходным пунктом для дальнейшей курганной экскурсии по юго-западной части уезда[29].

19/11. В окрестностях *Плахтеевки* отмечено мной четыре кургана (вышиной от 4 арш. до 2 саж. /29об./

[27] Настоящие снимки, оказавшиеся, к сожалению, довольно неудовлетворительными, будут возмещены ИАК новыми и, надеюсь, лучшими, которые считаю своим долгом изготовить предстоящим летом 1891 года. – Примеч. А.А.М.

[28] Здесь и далее при описании пунктов курганов: в числителе продолжение предыдущей (общей) нумерации, в знаменателе – нумерация А.А. Матвеева. – И.С. и М.К.

[29] Сначала я предполагал из Плахтеевки сделать обзор центральной части уезда, о многочисленных курганах которой слышал отзывы местных жителей, но пробная поездка в окрестности сс. Молодова и Новый Париж (по степям густо здесь расположенных поселков: Лашково, Негрово, Навроцкого, Гойловки, вплоть до Морузен и Фрейденсфельда) завела меня поистине в такую дебрь «Курганного царства», что для того, чтобы разобраться в ней нужны были бы специальные планы ее дач и особая экскурсия с большим количеством времени, чем имевшееся на тот час в моем распоряжении (то есть более 2 дней). Отметив приблизительное местоположение некоторых рядов, групп и отдельных курганов и отложив подробный осмотр этой территории до будущих экскурсий, я ограничился пока поездкой по югу уезда. – Примеч. А.А.М.

20/12. По дороге из Плахтеевки в с. *Лихтенталь* отличен один курган (более 2 саж.), а к ЮЗ от него – кучка могил, из которых одна, кажется, превышает 6 саж.

21/13. Ряд курганов (в количестве шести) тянется на СЗ от Лихтенталя, вправо от дороги в *Вознесенское*, разнообразясь по высоте от ½ до 2 саж. К СВ и к З от Вознесенска отмечены одна кучка могил и пять курганов (от ½ саж. до 2 саж.), да еще виднеется вдали на степи, в направлении к с. Клястиц кучка курганов, впрочем, мною не измеренных, так как весьма обильные (по заявлению местных жителей) курганами обширные и малозаселенные окрестности и степи с. Клястиц не входили в программу настоящей поездки.

22/14. Повернув из Вознесенского на Ю к с. *Джаллар* (Новый Арциз), я отметил на степи вправо от дороги два кургана (до 1½ саж. высоты), причем на З в сторону с. Красного отметил я (на глазомер) /30/ три кургана – один ближе к Вознесенскому и два подальше, именно в окрестностях Красного. У южной оконечности Джаллара начинается ряд курганов, идущих по направлению к с. Гнаденталь (в числе пяти экз. три кургана высотой от 1 саж. и до 2½ саж.).

23/15. На степи *Гнаденталь* насчитывается около восьми курганов, из числа которых я отличил выдающихся только четыре (от 1 до 3 саж. высотой).

24/16. Возле деревни *Павловки* насчитал я около полудесятка могил, но отличил из них только три экз. (высотой от 2 до 4 саж.). /30об./

25/17. Куда численнее курганами местность к З от Павловки: здесь на полях соседних одного с другим сс. *Арциза Старого* и *Бриень* мною отмечено в дорожнике более десятка курганов (начав от 1 и до 4 почти саж.), а на землях с. *Теплиц* насчитал от десяти и до двенадцати курганов (в том числе два экз. высотой почти в 4 саж., большинство же – не ниже одной саж.)[30]. /31/

Сделав к ночи 18 числа привал в колонии Теплиц, я 19 числа направился через с. Фершампенуаз в юго-западную часть уезда, но сырой и туманный день, потом перешедший (благодаря ветру предыдущего дня) в полное ненастье, лишили меня возможности ближе исследовать почти сороковерстный участок между сс. Теплиц и *Чийшия*, куда мне пришлось с большим трудом добраться лишь поздно ночью.[31] Выехав заутра (и уже при лучшем небе) из Чийшии в Тараклию, я в окрестностях Чийшии почти совсем не заметил курганов, зато их область открылась в юго-западном углу уезда – в соседстве с левым берегом р. Ялпуха. Так, например:

26/18. В окрестностях с. *Тараклии* (начав от северной границы уезда, кругом села и до Ялпуха) отметил я более полутора десятка, из них шесть высотой от 1½ до 2½ саж.

27/19. На землях Татар-Койчака – одиннадцать (от ½ до 2 саж.). /31об./

28/20. К Ю и В от с. *Койраклии* – четыре (около 1 саж.) и около полудесятка незначительных.

29/21. В окрестностях *Болгарии* [Болграда (?)] из полутора десятка, большей частью еле приметных, я отметил всего один у самой границы (высотой сажени в 2).

30/22. Из числа добрых двух десятков могил вокруг с. *Кубей* заслуживают внимания еле девять (к В от села, начав от 1½ до 2 саж.).

31/23. Кругом *Кальчево* наберется больше пол-десятка, но еле приметных.

32/24. К Ю от *Пандаклии* шесть, да к СВ, на степи два (все от ½ до 2 саж.).

33/25. У с. Голица один курган (из числа трех), в 1 саж. с небольшим.

---

[30] Обстоятельному исследованию курганов на всем участке между Павловкой и Теплицем много препятствовал мне взявшийся с полудня и перешедший потом в степной «крепыш» (то есть, почти ураган) резкий ветер. – Примеч. А.А.М.

[31] Впрочем, курганов на этом пространстве, кажется мне, не так много (хотя и не поручусь за то, что в туманную погоду, быть может, упустил я многие из виду); вообще, делать выбор между курганами ради определения их высоты, а тем более измерять их в ненастное время было немыслимо. Во всяком случае, я ограничился лишь отметкой: у Фершампенуаза двух курганов, между Ивановкой и Александровкой – двух и между Александровкой и Чийшией – одного. – Примеч. А.А.М.

34/26. Ряд курганов (около девяти) на степи между *Код-Китаем* и *Задунаевкой* (в их числе два более 1½ саж.), к СЗ от Задунаевки – один (в 2 саж.), к ЮВ от нее – два (тоже в 2 саж.), и несколько других, незначительных.

35/27. У с. *Главаны* к В – три кургана (от 1 до 2 саж.).

36/28. В окрестностях *Ташлыка* восемь курганов (от ½ до 1½ саж.).

37/29. У с. *Селиогло* к СВ три кургана (тоже от ½ до 1½ саж.).

38/30. Между *Селиогло*, *Код-Китаем* и границей уезда /32/ около десятка расбросанных могил той же высоты.

39/31. По дороге из Селиогло в *Спилиотовку* отмечено два кургана (в 2 саж.).

40/32. Из Спилиотовки в *Бургуджу* (вправо от дороги) два кургана (в 2½ саж.).

41/33. Около Бургуджи два кургана (в 2 саж.).

42/34. В окрестностях *Дельжилера* более десятка малых, и в том числе (к югу от села, в направлении к границе уезда) пять курганов (не выше 1½ саж.).

Заночевав в *Татарбунарах*, я на следующее утро 25 июля, несмотря на сильное утомление от двухнедельной кочевки по степям и курганам, все же не упустил случая завершить этот второй или юго-западный цикл аккерманских курганов осмотром татарбунарской околицы: к ЮЗ и З от села отмечено мной всего три больших и один малый курган (1-3 саж.); зато к СВ от дороги в Акмангит и особенно на С в *Гамалею* и *Сарату* тянутся цепью ряды курганов самой разнообразной высоты (от 1 арш. до 3 саж.), и конечно, отмечены мной топографически приблизительно только некоторые.

Вообще, считаю моим долгом заявить, что не имея под рукой специальных планов переименованных дач сел (в настоящих двух экскурсиях), при том возможно сокращая путь, я мог обращать внимание лишь на более выдающиеся и зачастую даже случайно входившие в поле зрения курганы; отсюда, /32об./ вполне естественно ожидать, что количество отмеченных мною этим летом курганов несравненно ниже действительности, тем более что, просто подавленный их обилием, я почти не отмечал, да часто и не считал экземпляров ниже полусажени. Таких измельчавших от распашки и атмосферных вод могил пришлось бы считать десятками сотен, и все же с неизбежными пропусками таких экземпляров, которые не отмечаются даже на специальных землемерных планах. Что касается измерянных мною высот, то всякий знакомый с сельскохозяйственными условиями наших степей, конечно, тоже едва ли будет вправе укорить меня в возможных и в этом случае ошибках: только удаленные от селений и нетронутые плугом курганы даются измерить себя более или менее точно (и то при небольших высотах, так как крупные экземпляры определяются только при сложном приеме нивелировки), да и то, как известно, после раскопки кургана всегда почти приходится делать поправку в полученной перед этим цифре.

Утром 26 июля вернувшись в Сарату, я, на обратном пути в Аккерман, под городом на урочище «Аккерманские сады» на «Черкесской дороге» осмотрел намеченный еще прежде курган, который решил раскопать в первую следующую экскурсию из Одессы, после производства раскопок в винограднике Арнаутовых.

Таковая (четвертая) экскурсия состоялась не ранее 10 августа. /33/ Избирая вторую неделю августа для расследования виноградника и раскопки намеченного кургана, я руководствовался как поставленными мне г. владельцем плантации условием, так и желанием иметь соучастников в этой экскурсии в лице нескольких учеников строительного и рисовального отделения Одесской Рисовальной школы, уже вернувшихся к этому времени из каникулярного отпуска, а также в лице одного землемера, согласившегося за умеренную плату сделать плановую съемку местности кургана. С другой стороны, рабочая пора года при высокой поденной плате, да и отсутствие в Аккермане подходящих землекопов ставили меня в необходимость прибегнуть к найму солдат из местных войск, вернувшихся именно к этому времени из лагерного сбора.

11 августа на заре в сообществе с учениками Рисовальной школы и солдатами-землекопами отправился я на виноградник гг. Арнаутовых и наметил здесь два пункта исследования: а) яму, где найден был фрагмент памятника и б) близлежащую каменную глыбу; немедленно приступил к раскопкам. Первым подверглось исследованию ложе (ямина) найденного камня с надписью. Заложен был и вырыт колодец глубиной в 1 саж. при 2 саж. в диаметре, охвативший кольцом очутившуюся таким образом в центре его яму. Пройдены были слои: во-первых, рыхлой пахоты виноградника, состоящий из песка с малой примесью чернозема; затем слой более плотной земли с примесью рыхлой глины; и наконец верхний пласт твердой глины (материка), оказавшийся непочатым, то есть /33об./ без следов обработки. Выбрав послойно землю до самого материка и от периферии к центру, то есть от стен колодца и середины ямы, никаких следов памятника в виде больших фрагментов не встретили. Попадались только в рыхлом пахотном слое сильно измельченные кусочки камня известняковой породы, того же раковистого строения, что и камень с надписью. Очевидно, в этой яме в момент находки памятника покоился уже только известный нам большой его фрагмент.

Сообразуясь с указанием железного щупа, заложен был и вырыт рабочими подобный же колодец вокруг того места, где покоилась под землей, еле обнажаясь частичкой, каменная глыба, охваченная теперь этим колодцем при диаметре его в 3 саж. и при глубине в 1 саж. (то есть тоже до материкового слоя), причем пройдены были те же слои, как и при раскопке ложа памятника. После послойной расчистки земли и в колодце с каменной глыбой, последняя оказалась большой плитой из слоистого известняка «дикаря», то есть из той породы, какая получается из нижних слоев аккерманских каменоломен. Плита по форме весьма неправильный трапецоид, 2¼ арш. по продольному ребру, 1½ арш. поперек у большего края и 1¼ арш. у меньшого, толщина плиты весьма разнообразится (именно от ¼ до 1 арш.), вследствии того, что верхняя ее поверхность ровная и плоская, снизу же, то есть со стороны ее ложа (или от грунта), поверхность весьма неровная и покрытая буграми. Верхняя поверхность производит на зрителя впечатление хотя грубой, но все-таки отделки /34/ каменотеса. Нижняя, напротив, представляет только следы природных слоев и «накипей», с какими обыкновенно получается камень при откалывании его в каменоломнях. В таком виде плита не может еще идти на стены здания и разве только употребляется как помост под более правильную кладку из уже отесанных камней. Возможно, что в данном случае найденная мною плита именно и входила в состав такого помоста (быть может, как подстилка под пьедестал памятника), но, безусловно, лишь в сообществе с другими, и ни в коем случае не служила сама по себе пьедесталом по причине своей зодческой необработанности.

Так как плита эта покоилась не на материке, а на слоях более или менее рыхлой почвы, следовательно, вправе было явиться предположению, что она может покоиться теперь не на прежнем своем месте (здесь же, в винограднике). Я счел полезным [проложить] от этого второго колодца в разные стороны, и главным образом к первому колодцу, испытательные траншеи, которые, однако, нигде не обнаружили ни присутствия фундаментов, ни залежей каких-нибудь других камней: повсюду встречался чисто пахотный слой виноградника (рыхлый песок, ниже суглинок и, наконец, материковая глина).

Только в одном месте встретилась /34об./ небольшая кучка сильно разложившихся людских костей и битых черепков древней горшечной утвари, тщательно перебрав которую, я нашел между ними только глиняную лампадку грубой работы с отбитым носиком и с не менее грубым лиственным рельефным орнаментом по верху и два миниатюрных кувшинчика вроде детских игрушек, тоже с отбитыми верхушками шеек; все три находки из бледнокрасной глины[32].

[32] Кости и остатки лампадки и урночек дают возможность предположить, что в этом месте был кто-то погребен. Между прочим, впоследствии я узнал от аккерманских жителей, что или в том же винограднике Арнаутовых, или в одном из соседних ему была найдена недавно медная монета с профилем и подписью «Юлия Домна» (то есть жена Септимия Севера) с одной стороны и с подписью и эмблемой Тиры на обороте. К сожалению, владельца монеты разыскать мне не удалось. – Примеч. А.А.М.

За исключением этого, повсюду встречались только кусочки раздробившегося известняка. Это обстоятельство, то есть почти повсеместное нахождение измельченных камешков и почва, сильно и глубоко проросшая старыми корнями винограда, противоречит предположению о непочатости места находки камня с надписью; напротив, все указывало на то, что эта местность издавна была в обработке, распахивалась и насаждалась, всего вероятнее, виноградом, причем находившиеся на урочище каменные сооружения старины могли постепенно разбираться на текущие надобности как строевой материал или просто свозиться с плантации как мешавшие обработке, мелочь же раздробилась от времени и орудий. Отсюда едва ли будет большой погрешностью предположение, что найденные фрагменты памятника и плита – только более счастливые /35/ остатки бывших здесь сооружений, сохранившиеся лишь случайно в почве до очередного удара сапки или плуга. Явная древность излома внизу памятника и общий вид его дают как бы чувствовать зрителю, что перед ним из целого монумента только больший кусок, и едва ли в то же время не дают возможности предположить, что памятник разбит уже давно и что меньшей (то есть нижней) его части куда легче было измельчать и погибнуть среди земледельческой обстановки наследовавших гражданам Тиры позднейших полукультурных туземцев. Раскопки на виноградной плантации гг. Арнаутовых окончены были ввечеру того же дня.

12 августа, почти на заре, в сообществе частного землемера В.Я. Гороновича, учеников Одесской рисовальной школы и двух солдатов-землекопов я отправился на раскопку кургана, намеченного еще в первую мою поездку в Аккерман (по пути в Будаки) и осмотренного потом на обратном пути из курганной экскурсии 11-26 июля.

Избранный мною для археологической эксплуатации курган, не нося никакой местной клички, расположен на ровной степи, в расстоянии 65 саж. на ЮВ от старой дороги из Аккермана в с. Черкесы, почти в 50 саж. на З от новой дороги в то же село /35об./ и в 240-250 саж. (почти ½ версты) от подгородного к Аккерману поселка, называемого «Бачи» [Бахчи] (официально – «Аккерманские хутора», а также «Аккерманские сады»), каковой поселок отстоит от самого Аккермана (Соборной церкви) почти в 5 верстах.

При выборе кургана из числа подгородных к Аккерману я руководился именно тем соображением, что данный курган самый ближний к городу из степных[33], затем, без всяких признаков посягательства кладоискателей, наконец, стоит на совершенно не початой пахотой степи и всего в расстоянии полуверсты от жилья и одной версты от лагерной стоянки; следовательно, он представлял на тот час многие удобства при эксплуатации[34].

К СЗ и к ЮЗ от кургана, в 25 саж. находится по небольшому валику (в 1 арш. высоты) со рвами, которые насыпаны несколько лет тому назад для учебной стрельбы лагерных солдат.

Курган по форме довольно правильный, равнопокатый, куполовидный конус (то есть с равными наклонами боковой его поверхности от вершины к основанию). Высота его над степью 5,68 м (или почти 8 арш.), /36/ а над уровнем моря (по данным военно-топографической съемки) равняется 23,97 саж. Окружность кургана (по линии местами уже неясная от размыва атмосферными осадками обычной его канавки у подошвы) немного превосходит 123 м (именно между 173 и 175 шагами). Диаметр вершины 5,5 м. На вершине, посередине – еле заметная впадина в 3½ арш. в диаметре и менее ¼ арш. глубины в центре. Весь курган был сплошь покрыт густой, но низкой травой почти без проплешин и без всяких видимых следов раскопок, что утверждали старожилы-хуторяне и потом подтвердилось исследованием внутренности кургана.[35]

Эксплуатируя этот курган лишь как пробный на территории Аккермана, притом не сообразуясь с наличными рабочими силами (какие только и мог добыть с разрешения местных военных властей), а равно и с количеством имевшегося в распоряжении экскурсантов времени.

[33] Ближе к городу находится только один курган, но таковой стоит в одном из частных садов и для эксплуатации едва ли доступен. – Примеч. А.А.М.

[34] Этим отчасти объясняется и сравнительная дешевизна стоимости его раскопки. – Примеч. А.А.М.

[35] Как на единственное исключение в этом случае должно указать на недавнее погребение у подножья кургана с западной стороны одной женщины-самоубийцы. – Примеч. А.А.М.

Заложив колодец сравнительно небольших размеров в 7 м или 10 арш. в диаметре, зато с намерением опускаться вглубь строго по отвесу, то есть по возможности избегая обычно происходящей при раскопке курганов «воронки».

После всех предварительных измерений и осмотров и по установлении над жерлом будущего колодца перекрестных шнуров-координат (то есть «полуденной» линии и линии В-З), в 10 часов утра рабочие /36об./ совместно с некоторыми учениками Рисовальной школы приступили в моем присутствии к самой раскопке, тогда как остальные экскурсанты приняли участие в съемке землемером плана курганного урочища.

Земля в курганном колодце снималась послойно (по местному выражению «на штых»), идя от центра к периферии и обратно. С первых же ударов заступом почва кургана оказалась весьма плотной[36] и нетронутой. Состав ее – серый чернозем верхних слоев окрестной степи с примесью глины.

1. В центре колодца на глубине 0,3 м встречены мелкие и раздробленные косточки недавнего происхождения, оказавшиеся типичными (по определению зоолога, лаборанта Имп. Новороссийского университета г-на Видгальма[37]).

2. На той же глубине, но в восточной половине колодезного углубления встречены сильно выветренные кости весьма разбросанного костяка, о положении которого только и можно было сказать, что некогда оно было горизонтальное, так как кости найдены на одном уровне, но как бы растасканные (быть может, хомяками, хотя без всяких следов нор), и при том в сильно дефектном для полного костяка числе: не нашлось ни черепных костей, ни позвоночника и таза, ни лопаток, а только [кости] конечностей, рассыпавшиеся от одного прикосновения так, что собрать их не было возможности. Цвет их был сероватый, /37/ совершенно отличный от характерного красно-бурого цвета древних курганных костей, а потому нахождение их в кургане является для меня загадочным.

3. С этого уровня (то есть с 1½ фут.) до глубины 1,7 м курганная земля, все при прежнем составе, оказалась все так же плотной. На глубине 2½ арш. она стала как бы рыхлее, и тут же снова встретились раздробленные кости от сильно истлевшего человеческого костяка, но в таком незначительном и дефектном количестве (без черепа, позвоночника, таза и лопаток), что о положении погребения можно сказать только то, что оно имело место в восточной части кургана. Цвет этих костей также сероватый; они весьма хрупки, и собрать их не оказалось возможным. Нахождение их в кургане так же загадочно.

4. Совсем иная археологическая картина представилась на ½ арш. ниже, то есть на глубине 2 м с лишком, в северной части, но ближе к оси колодца (то есть почти у середины кургана). Тут открыт был цельный скелет, крепко утвердившийся в земле, многие кости которого довольно изрядно сохранились от тления и приняли всю характерную красно-бурую окраску, позднее отчасти поблекшую на солнце. Погребенный лежал горизонтально на спине, головой к З-ЮЗ, ногами к В-СВ, причем череп покоился не на затылке, а на правой височной кости, так что лицевые кости обращены были на В. Руки были вытянуты вдоль туловища и примкнуты к бокам «по швам». /37об./ Череп оказался не только сплющенным (вероятно, под тяжестью земли), но даже треснувшим в теменных швах и других местах, так что при изъятии его из почвы сломанные части тотчас отвалились; раздробленными оказались височные кости и верхняя челюсть; лучше сохранилась нижняя челюсть с зубами, хотя и сломанная почти пополам. Длина костяка 1,53 м, и показанная мера едва ли не будет ниже действительности, так как пяточные кости оказались лежащими не на обычном месте (быть может, сдвинутые при раскопках). Никаких следов одежды или утвари, равно украшений, возле костяка не найдено, за исключением сильно перержавевшей и развалившейся железной дужки (вероятно, от конского удила), что в действительности и подтвердилось, так как влево от человеческого костяка, то есть к С от левой плечевой

[36] Впрочем, плотность верхних слоев может быть приписана отчасти стоявшей здесь долго в это лето засухе (по заявлению местных жителей). – Примеч. А.А.М.

[37] *И.М. Видгальм – консерватор зоологического кабинета ИНУ в 1885*-1903 гг. *– И.С. и М.К.*

кости, найдены сильно истлевшие конский череп и копыта (но без других частей лошадиного скелета). Конские зубы и копыта сохранились изрядно, и, судя по зубам, можно допустить, что возраст лошади был около 6 лет. Никаких следов дерева вокруг костяка, а также присутствия краски (нередко встречающейся в южных курганах) не найдено (быть может и то, и другое разложились под влиянием сыроватой курганной почвы).

Довольно медленно производившаяся раскопка по причине послойной съемки земли (с соблюдением всех предосторожностей) проведена была затем еще на один метр в глубину (считая от оси /38/ колодца) и ввиду исхода дня и окончания плановой съемки курганного урочища закончена была к 6 часам вечера.

Собрав и очистив от земли просохшие на ветру кости, я с участниками экскурсии вернулся в Аккерман, а на следующий день 13 августа – в Одессу, отложив (за недосужестью как моей, так и моих спутников) окончание раскопок до новой поездки.

В Одессе под руководством г. Видгальма я занялся исследованием отрытых костей по тем их экземплярам, которые можно было собрать и сохранить при перевозке. Хотя и лишенный лицевых костей, но все же сохранившийся <…> череп более или менее точно представил следующие данные: 1. Уже судя по надбровным дугам и скорее угловатому, чем округленному подбородку, череп несомненно мужской;[38] 2. Череп долихоцефальный и скорее гипокефальный [размеры 19×15 см]; 3. Шишкообразно вытянутая орбитальная часть лобной кости сужена до 8 см; 4. *Crista nasalis* лобной кости с орбитальными буграми образует сильно выдающийся валик с глубокой впадиной, а лобные и теменные бугры весьма слабо развиты; 5. Общая форма лобной кости скорее четырехугольная, чем полукруглая; /38об./ 6. *Satura frontalis* отсутствует; 7. Лобная кость перед *satura curonalis* только слабо дугообразна; 8. Satura coronalis обнаруживает слабую выемку (так сильно выраженную, например, у кавказских макрокефалических черепов); 9. Теменные кости удлинены и нижний передний угол выдается как длинный узкий шип, лишая лобную кость ее округленности; 10. Длина и плоскость лобной кости и крутой подъем затылочной части черепа обусловливает его гипокефальный тип; 11. Толщина костей этого, несомненно, мужского черепа весьма незначительна, каковое обстоятельство, как и то еще, что *satura curonalis*, *sagitalis* и *lambdoidea* нигде не срослись, свидетельствует о том, что погребенный был человеком не старым; 12. Кровлеобразно выдвигающиеся надбровные дуги дают возможность предположить в субъекте сильно дикое выражение лица; 13. *Protuberantia occipitalis, cisterna fossae cerebri* развиты и весьма глубоки; 14. Правая часть *lineae crociatae* образует глубокий канал, поднимающийся почти до *satura lambdoidea*; 15. Зубы моложавы, мало стерты; 16. *Processus coronoidens* нижней челюсти низок и широк, едва ли не указывающий /39/ на сильные и короткие жевательные мышцы; 17. Бедренная кость указывает своим плоским малоподжатым и широко раздвинутым *condilus externus* и *enternus* и широкой *intercondylar fossa posterior* на малорослого, но плотного телосложением субъекта; 18. Длина бедренной кости 44 см, а ширина ее нижней части 8 см.

29 августа прибыл в Аккерман в сообществе тех же воспитанников Одесской рисовальной школы и, пригласив с соизволения воинского начальства двух прежних и еще одного солдатов-землекопов, отправился я на урочище начатого кургана, куда прибыл уже вечером и, переночевав в ближайшей к кургану хате поселка, на другой день, 30 августа, часов в 6 утра приступил к дальнейшей раскопке кургана.

Очистив вырытый прежде колодезь от оставшейся в нем земли, на что ушло добрых два часа, рабочие около 8 часу перешли к непочатым еще слоям. Состав кургана прежний, плотность [грунта] почти та же. Снимаемая рабочими послойно земля извлекалась из колодца учениками посредством мешков и корзин. Длившееся 3½ часа с лишком рытье колодца до глубины почти 5 м от его устья, то есть почти до уровня горизонта, /39об./ не обнаружило присутствия в кургане каких-либо археологических объектов. Около полудня заступы встретили твердую препону

[38] Принадлежность костяка мужчине подтверждается и формой тазовых костей. – Примеч. А.А.М.

в южной половине колодца. Снятый метлой слой земли обнаружил камень. Железным щупом отмечен район камней от мягкой почвы. Откинув заступы, прибегли к метлам и железным скребкам. Ровно в 12 часов дня обнажен был слой толстых каменных плит из плотного известняка-дикаря.

Всех плит оказалось пять (на чертеже они обозначены литерами a, b, c, d и e); две из них (c и d), как кажется, некогда составляли одну цельную плиту, которая лопнула под тяжестью земли (быть может, после потери опоры в сгнившей под нею древесной подстилке). Плиты a, b, c и d оказались лежащими подобно помосту, то есть более или менее горизонтально (в сущности же образуя камнями b и c покатость к середине помоста, быть может, тоже по причине потери опоры; вероятно, они были положены некогда горизонтально). Пятый камень-плита (e) поставлен вертикально, то есть водружен в дно колодца ребром, образуя как бы стенку заключавшегося под остальными камнями пространства, и еще служа опорой для плит b и c. Отношение плит к линии горизонтальных координат следующее: плиты a и b совпали с линией В-З, немного переходя за нее в северную половину колодца; точка пересечения /40/ координат – на плите b в ее восточной трети, причем «полуденная» линия еле захватывала плиту c и касалась плиты d только у начала излома, при этом плита d выходила южным концом за периферию колодца, так что для определения контуров камня пришлось сделать над ним выемку в виде ниши в южной стенке колодца.

Сняв чертеж с расположения плит и заметив в земле при расчистке их контуров кусочки раздробленных костей, что заставляло предположить присутствие под плитами костяка, я приступил к вскрытию гробовища. Судя по употребленным усилиям на передвижение камней, плиты a, b и c могли весить каждая от 6 до 8 пудов.

По вскрытии плит, под ними оказался тонкий слой земли, очевидно, занесенный сюда просачивающимися сквозь курган под плиты атмосферными водами. При очистке этого землистого слоя в его нижних частях встречалась местами (хотя и редко) порошковидная масса буроватого цвета со штрихами, до того напоминавшая истлевшую древесину, что я вынес полное убеждение в существовании некогда под камнями древесной подстилки (хотя бы только из тонких досок). К сожалению, древесновидная масса обращалась в пыль при малейшем к ней прикосновении. /40об./

Самый тщательный пересмотр древесного слоя не обнаружил никаких вещественных остатков и только открыл лежащий под этим слоем костяк. Пробное прикосновение к одной из костей такового обнаружило полное их тление (мучнистость): очевидно изъять их из почвы не представлялось возможным, а потому я немедля поручил снять с погребенного рисунок (при сем прилагаемый).

Костяк лежал (до тазовых костей включительно) вполне горизонтально на спине, головой (теменем) обращенный к З (то есть к вертикальной плите e), общим же направлением ног к В, в частности же ноги оказались согнутыми в коленных суставах под острым углом, то есть пятками были обращены к ягодичным частям, подошвенной стороной на С, коленными чашечками (вершинами угла сгибов) – на юг. Бедренная и голенная кости левой ноги лежали на соименных костях правой, тогда как кости плюсны и пальцев правых и левых ног остались лежащими горизонтально и порознь: современная картина была такова, что давала полное право предположить, что при погребении ноги трупа были согнуты в корточки коленями вверх, а с истлением древесного покрова они под давлением плиты и земли из отвесного положения перешли в горизонтальное, свалившись в правую сторону, но с сохранением угла коленного сгиба. /41/

Руки костяка оказались не сомкнутыми с корпусом, а удаленными от него, причем правая рука менее отклонена, с весьма незначительным дугообразным изгибом и кистью, немного удаленной от таза (то есть от правой подвздошной кисти), левая же рука, напротив, согнута в локтевом суставе почти под прямым углом, и кисть ее оказалась под левой подвздошной кистью, как будто она была подложена при погребении под левую ягодицу трупа.

Лицевые кости (насколько можно было судить о том ввиду полного их раздробления, скорее же основываясь на повороте подобной кости и затылка) показывали в момент вскрытия камней положение головы на правой щеке, то есть поворот лица к югу, что могло произойти от надавивших на голову погребенного плиты и земли в кургане; вероятно, при погребении лицо было обращено в сторону ног, то есть на В. Кости носили на себе обычный (курганный) красновато-бурый цвет, становившийся на воздухе только одним бурым, притом пришли уже в полное тление. Более твердыми оказались лишь два куска от черепных костей, которые и были взяты мною из гробовища /41об./ только ради констатирования присутствия на одной из них краски[39], а на другом – следов вполне сросшихся швов, что указывало на довольно зрелый возраст погребенного[40].

Сделанное не без труда измерение роста, то есть длина костяка, дало величину 1,6 м (хотя это показание едва ли результат строгого приема в измерении, оказавшегося совершенно невозможным по причине раздробленности грудной части скелета, сгиба ног его и тому подобных дефектов).

Общее впечатление от гробовища, как и тщательное исследование окружавших его слоев земли говорят за полную неприкосновенность гробовища до самого момента его вскрытия: окрестная гробовищу почва внутри кургана везде представлена плотно слежавшимся насыпным черноземом.

Убрав костяк и тщательно просеяв его землистую подстилку, оказавшуюся тонким слоем проникшего под камни того же курганного чернозема, причем не было найдено никаких вещественных находок, мы тотчас же под этим слоем встретили (на глубине 5,8 м от устья /42/ колодца, то есть немного ниже горизонта степи) обычную здесь подпочвенную глину, на верхнем пласте которой, кажется, и был некогда положен труп, а затем уже прикрыт древесной настилкой и привален плитами. Продолжив после того еще часа на два раскопки (нишами в разных направлениях) в стенах колодца, не обнаружившие никакого присутствия в них других костяков, я около 6 часа вечера закончил раскопку и, сообщив для памяти ближайшим к кургану жителям хутора «Аккерманские сады» о том, кто проводил раскопки и что при этом было найдено в кургане, вернулся с соучастниками моей экскурсии в Аккерман, а 31 августа – в Одессу.

Раскопкой вышеупомянутого безымянного кургана вблизи пос. «Аккерманские сады» у Черкесской дороги, собственно, и завершились археологические исследования, произведенные мною по просьбе ИАК в мае, июне, июле и августе месяцах 1890 года в окрестностях Аккермана (Бессарабской губ.) и в его уезде. Как ни ограничены были временем и пространством и как ни скромны по результатам вышеупомянутые мои экскурсии прошлого лета, но все же /42об./ они не могли не убедить меня в том, что Бессарабское побережье Днестровского лимана и Черного моря, бесспорно, представляет собой весьма богатое поле для археологических исследований, почти непочатое и только еще ожидающее широкого научного изыскания.

г. Одесса, 1891 г.

Документ 9

Отношение ИАК в ООИД
Санкт-Петербург. 21.12.1894 г. Исх. № 1861. Отпуск
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1890, д. 18, л. 66)

Препроваждая при сем для коллекции Общества терракотовую лампочку и три небольшие вазочки, найденные в 1890 г. А.А. Матвеевым при раскопках его близ Аккермана в виноградной плантации г-жи Арнаутовой, на месте случайно открытой плиты с латинской надписью, ИАК покорнейше просит уведомить о получении означенных вещей.

Подписал: председатель, гр. А. Бобринской.

Скрепил и верно: делопроизводитель Ил. Суслов (собств. подпись).

[39] Почти микроскопические крупинки темно-красной краски, между прочим, попадались кое-где и в окружающей костяк земле. – Примеч. А.А.М.
[40] На то же указывали и сильно стертые зубы (резцы), найденные среди истлевших костей челюсти. – Примеч. А.А.М.

Библиография

Адрианов 1884а: А.В. Адрианов, Курганография Сибири: обращение ко всем любителям старины и изучения края. Сибирская Газета 15 июля (№ 29) (Томск 1884), стб. 733-736.

Адрианов 1884б: А.В. Адрианов, Курганография Сибири: обращение ко всем любителям старины и изучения края (Томск 1884).

Барковская 2015: О.М. Барковская, Одесское художественное училище. Хроника 1865-1940. Вісник Одеського художнього музею 2, 2015, 130-140.

Иванчик 2015: А.И. Иванчик, О некоторых поддельных надписях Ольвии и Тиры. Археологія і давня історія України 1(14), 2015, 147-157.

Иванчик 2017: А.И. Иванчик, Новые декреты из Тиры. ВДИ 77(4), 2017, 967-977.

Императорская 2009: А.Е. Мусин (ред.-сост.), Императорская Археологическая Комиссия (1859-1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Приложение (Санкт-Петербург 2009).

Дэвлет 1998: М.А. Дэвлет, А.В. Адрианов как археолог. Первый период (1879-1900). В: Очерки истории отечественной археологии II (Москва 1998), 167-186.

Каманин 1884: И. Каманин, Рец. на кн.: Матвеев А. А. К вопросу об археологических исследованиях в Южной России. Вып. III. Одесса, 1884. 102 с. Киевская старина XIII, 10, 1884, 324-325.

Карышковский 1963: П.О. Карышковский, Эпиграфические памятники Белгород-Днестровского музея. В: Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГАМ 1961 года (Одесса 1963), 102-109.

Карышковский, Клейман 1985: П.О. Карышковский, И.Б. Клейман, Древний город Тира: историко-археологический очерк (Киев 1985).

Кондаков 1876: Н.П. Кондаков, О некоторых мелких предметах древности, найденных в Аккермане в 1876 г. Труды II Археологического Съезда в Санкт-Петербурге (1871 г.) I (Санкт-Петербург 1876), 20-24.

Корпус 2017: Корпус древних надписей Северного Причерноморья. Тира и окрестности (2017) – Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. (IOSPE³ T. I). URL: https://iospe.kcl.ac.uk/index-ru.html (дата обращения: 25.01.2022).

Латышев 1892: В.В. Латышев, Надписи из г. Тиры. Материалы по археологии России, издаваемые ИАК. № 9: Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889-1891 гг. (Санкт-Петербург 1892), 58-61.

Малюкевич, Агульников, Попович 2017: А.Е. Малюкевич, С.М. Агульников, С.С. Попович, Курганы Правобережья Днестровского лимана у с. Молога (Одесса-Кишинев 2017).

Матвеев 1884а: А.А. Матвеев, К вопросу об археологических исследованиях в Южной России. Вып. I. Этнография (Одесса 1884).

Матвеев 1884б: А.А. Матвеев, К вопросу об археологических исследованиях в Южной России. Вып. II. Программа историко-географических сведений (Одесса 1884).

Матвеев 1884в: А.А. Матвеев, К вопросу об археологических исследованиях в Южной России. Вып. III Археология: По поводу VI Археологического съезда. К вопросу об исследовании «земляных насыпей» (Одесса 1884).

Матвеев 1889а: А.А. Матвеев, К 50-летнему юбилею ИООИД. Одесские новости (14 ноября 1889).

Матвеев 1889б: А. Матвеев, Род мой и происхождение – краткие автобиографические записки офицера Черноморского флота Ивана Андреева Полномочного (1764-1833). ЗООИД XV, 1889, 683-710.

Матвеев 1893: [А.А. Матвеев], Раскопки в Бессарабской губернии. Отчет ИАК за 1890 г. (Санкт-Петербург 1893), 49-51.

Музичко 2021: О.Є. Музичко, Започаткування історико-мистецької періодики в Одесі наприкінці XIX ст. Бібліотечний Меркурій 1 (25), 2021, 58-68.

Одесская 2015: О.М. Барковская (сост.), И.С. Шелестович (ред.), Одесская художественная школа. Воспоминания бывших учеников, 1865-1940 (Одесса 2015).

Отчет 1886: Отчет Распорядительного Комитета по устройству VI Археологического съезда в Одессе. Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.) I (Одесса 1886), XLIII-XLVII.

Отчет 1891: Отчет ИООИД с 14 ноября 1889 по 14 ноября (Одесса 1891).

Протокол 1890: Протокол 253 заседания ИООИД 23-го августа (Одесса 1890).

Сапожников 2018: И. Сапожников, Начала изучения курганов Буджака: историография и картография. Tyragetia s.n. XII/1, 2018, 121-139.

Сапожников 2019: И.В. Сапожников, Курганы Буджака, исследованные Ф.И. Кнауэром: история раскопок, картография и нынешнее состояние. Археологія і давня історія України 4(33), 2019, 396-422.

Сапожников 2021: И.В. Сапожников, Башня Неоптолема, Нижнеднестровский вал и Никоний по картам и разведкам середины XIX века. Revista de Arheologie, Antropologie şi Studii Interdisciplinare 3, 2021, 191-220.

Сапожников, Аргатюк 2018: И. Сапожников, С. Аргатюк, Александр Олофсон – полковник, помещик и первый археолог Буджака. Scriptorium nostrum № 1(10), 2018, 89-116.

Сон 1993: Н.А. Сон, Тира римского времени (Киев 1993).

Субботин 2003: Л.В. Субботин, Орудия труда, оружие и украшения ямной культуры (Одесса 2003).

Субботин, Разумов, Синика 2017: Л.В. Субботин, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Семеновские курганы (Тирасполь 2017).

Таблица 1893: Таблица распределения древностей, добытых при раскопках, произведенных в 1890 году на средства ИАК. Отчет ИАК за 1890 г. (Санкт-Петербург 1893), 132-133.

Шаманаев 2017: А.В. Шаманаев, Вопросы охраны культурного наследия на всероссийских археологических съездах: вторая пол. XIX - нач. XX в. (Екатеринбург 2017).

Шапошникова, Фоменко, Довженко 1986: О.Г. Шапошникова, В.Н. Фоменко, Н.Д. Довженко, Ямная культурно-историческая область (Южно-Бугский вариант). САИ, вып. 1-3 (Москва 1986).

Яровой 1985: Е.В. Яровой, Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (Кишинев 1985).

Яровой 2000: Е.В. Яровой, Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук (Москва 2000).

Latyshev 1916: V.V. Latyshev, Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. 2nd ed. (Petropoli 1916). IOSPE I².

Lucrările lui A.A. Matveev din anul 1890 la Akkerman, realizate din porunca Comisiei arheologice imperiale: periegheze, săpături, studierea monumentului cu inscripţie latină

Cuvinte-cheie: Akkerman, arhiva Comisiei arheologice imperiale, A.A. Matveev, descoperirea monumentului cu inscripţie latină, tumuli, periegheze, săpături, „peisaj tumular", valul de la Nistrul Inferior, soarta descoperirilor.

Rezumat: Articolul este consacrat colaborării lui A.A. Matveev cu Comisia arheologică imperială, care a avut loc în anii 1889-1890. Aceasta este reflectată în dosarele „Despre săpăturile lui A.A. Matveev în gubernia Basarabia" şi „Despre descoperirea plăcii antice cu inscripţie latină", care se păstrează în secţia de manuscrise a Arhivei ştiinţifice a Institutului Istoriei Culturii Materiale a Academiei de Ştiinţe a Rusiei. În urma analizei acestor dosare, a fost completată substanţial istoriografia arheologiei din sudul Basarabiei. A.A. Matveev a cercetat şi a introdus în circuitul ştiinţific prima inscripţie latină de la Tyras, descoperită în necropola acestui oraş. Din varii motive, inscripţia a dispărut pentru o perioadă de timp din vizorul specialiştilor, acum însă a fost stabilit locul descoperirii ei în cetatea de la Akkerman. În articol este publicată prima fotografie a inscripţiei, realizată de fotograful odesit I. Polnomochny. De asemenea, A.A. Matveev a întreprins şi unele încercări de studiere a tumulilor în sudul Basarabiei. El a săpat un tumul, în care a cercetat două morminte (din perioada culturii iamnaia şi din perioada nomazilor târzii). A.A. Matveev este primul care întreprinde periegheze specializate şi întocmeşte o hartă a amplasării tumulilor pe un teritoriu destul de vast – uezdul Akkerman. Astfel, publicarea materialelor necunoscute ale lui A.A. Matveev contribuie la reconstituirea locurilor amplasării şi a topografiei tumulilor vechi din sudul Basarabiei de la sfârşitul secolului XIX.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Monumentul din piatră de calcar cu inscripţie latină, descoperit în apropierea Akkermanului în anul 1890. Fotografie de I. Polnomochny (© SM IICM al AŞR, F. 1, op. 1, 1890, d. 18, f. 44).

Fig. 2. Intrarea în cetatea Akkerman. Fotografie de I. Polnomochny, anul 1890. Prima publicare (© SF IICM al AŞR, negativ O.1641-24).

Fig. 3. Cetatea Akkerman: întăritura din dreapta porţii. Fotografie de I. Polnomochny, anul 1890. Prima publicare (© SF IICM al AŞR, negativ O.1641-25).

Fig. 4. Cetatea Akkerman: A.A. Matveev pe fonul turnului de colţ. Fotografie de I. Polnomochny, anul 1890. Prima publicare (© SF IICM al AŞR, negativ O.1641-26).

Fig. 5. Cetatea Akkerman: turnul porţii (vedere dinspre incintă). Fotografie de I. Polnomochny, anul 1890. Prima publicare (© SF IICM al AŞR, negativ O.1641-27).

Fig. 6. Cetatea Akkerman: parte a peretelui exterior al curţii comerciale, văzută din barbacană. Fotografie de I. Polnomochny, anul 1890. Prima publicare (© SF IICM al AŞR, negativ O.1641-28).

Fig. 7. Planul uezdului Akkerman, cu tumulii cartaţi de A.A. Matveev. Prima publicare (© SM IICM al AŞR, F. 1, op. 1, 1890, d. 18, f. 49).

Fig. 8. Planul teritoriului cu tumuli din preajma „Livezilor Akkermanului" (1); secţiune prin tumulul săpat (2). Întocmite de V. Goronovich în anul 1890. Prima publicare (© SM IICM al AŞR, F. 1, op. 1, 1890, d. 18, f. 48).

Fig. 9. Mormântul 2 din tumulul săpat în anul 1890. Desen realizat de elevul şcolii de pictură din Odesa, semnat cu iniţialele „I.V.". Prima publicare (© SM IICM al AŞR, F. 1, op. 1, 1890, d. 18, f. 47).

Fig. 10. Locul aproximativ de descoperire a plăcii cu inscripţie (1) pe harta din anul 1929 (Harta RKKA, fila L36-61-B, fragment).

Fig. 11. Locul descoperirii plăcii cu inscripţie (1) şi a tumulului săpat de A.A. Matveev (2) pe harta din anul 1917 (Harta de două verste, fila XLVII-29, fragment).

A.A. Matveev's works in 1890 in the vicinity of Akkerman at the instruction of Imperial Archaeological Commission: surveys, excavations, investigation of the ancient plate with a Latin inscription

Keywords: Akkerman, Akkerman Uyezd, Imperial Archaeological Commission archive, Anton A. Matveev, discovery of the Latin inscription, kurganography, kurgans, surveys, excavations, "kurgan landscape", Lower Dniester Wall, fate of finds

Abstract: This article deals with the collaboration of Anton A. Matveev with the Imperial Archaeological Commission, which took place in 1889-1890. Its circumstances are described in files "On the excavations of A.A. Matveev in Bessarabia Governorate" and "On the discovery of an ancient plate with a Latin inscription in the village of Budaki, Akkerman Uyezd, Bessarabia Governorate", which are held in the Department of Manuscripts of the Scientific Archive of the IHMC RAS. The analysis of the data made it possible to significantly supplement the historiography of the archeology of Southern Bessarabia. Anton A. Matveev studied and introduced into scholarly discourse the first ancient plate with the Latin inscription of Tyras, discovered at the Necropolis of the city. Due to some circumstances, this inscription fell out of the scholars' scope for some time. Now its localization in the fortress of Akkerman is established. The first photograph of the inscription was made already in 1890 by Odessa photographer I. Polnomochny and is published here for the first time. Moreover, Anton A. Matveev attempted to develop kurganography studies in the region. He excavated a kurgan and studied two burials in it: one of the developed stages of the Yamnaya culture and one of late nomadic origin. He was the first to survey large territory specifically for kurgans and to elaborate a map of them. In fact, he studied and recorded the "kurgan landscape" of the region for the first time in borders of the Akkerman Uyezd of the day. The new, previously unknown data gathered by Anton A. Matveev and published here, may serve to reconstruct the locations and topography of ancient kurgans in the south of Bessarabia at the end of the 19th c.

List of illustrations:

Fig. 1. Limestone ancient plate with the Latin inscription, discovered near Akkerman in 1890. A photograph by I. Polomochny (© Scientific archives of the IHMC RAS, Manuscript department, Archive Group 1. Inventory 1. 1890. File 18. Sheet 44).

Fig. 2. Entrance to the fortress of Akkerman. A photograph by I. Polnomochny, 1890. Previously unpublished (© Scientific archives of the IHMC RAS, Department of Photography, Negative O.1641-24).

Fig. 3. The fortress of Akkerman, fortifications to the right of the gates. A photograph by I. Polnomochny, 1890. Previously unpublished (© Scientific archives of the IHMC RAS, Department of Photography, Negative O.1641-25).

Fig. 4. The fortress of Akkerman, A.A. Matveev in front of the corner tower. A photograph by I. Polnomochny, 1890. Previously unpublished (© Scientific archives of the IHMC RAS, Department of Photography, Negative O.1641-26).

Fig. 5. The fortress of Akkerman. The gate tower (view from the courtyard). A photograph by I. Polnomochny, 1890. Previously unpublished (© Scientific archives of the IHMC RAS, Department of Photography, Negative O.1641-27).

Fig. 6. The fortress of Akkerman. A part of an outer wall of the commercial courtyard viewed from the Water barbican. A photograph by I. Polnomochny, 1890. Previously unpublished (© Scientific archives of the IHMC RAS, Department of Photography, Negative O.1641-28).

Fig. 7. Schematic map of Akkerman Uyezd with the kurgans marked by A.A. Matveev. Previously unpublished (© Scientific archives of the IHMC RAS, Manuscript department, Archive Group 1. Inventory 1. 1890. File 18. Sheet 49).

Fig. 8. Schematic map of the kurgan area in the vicinity of "the Akkerman gardens" (1); Section of an excavated kurgan (2). A photograph by V.Ya. Goronovich, 1890. Previously unpublished (© Scientific archives of the IHMC RAS, Manuscript department, Archive Group 1. Inventory 1. 1890. File 18. Sheet 48).

Fig. 9. Burial 2 in the kurgan, excavated in 1890. drawing of a student of Odessa Drawing School, signed with initials "I.V." Previously unpublished (© Scientific archives of the IHMC RAS, Manuscript department, Archive Group 1. Inventory 1. 1890. File 18. Sheet 47).

Fig. 10. Approximate place of discovery of the ancient plate with the Latin inscription (1) marked on the map of 1929 (map of the Workers' and Peasants' Red Army, sheet L36-61-B; a fragment).

Fig. 11. Place of discovery of the ancient plate with the Latin inscription (1) and of the excavations of the kurgan by A.A. Matveev marked on the map of 1917 (two-verst map, sheet XLVII-29; a fragment).

05.02.2022

Др. хаб. Игорь Сапожников, Отдел Крыма и Северо-Западного Причерноморья Института археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда, д. 12, 04210 Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0003-3889-6714, e-mail: ssappog5@gmail.com

Др. Майя Кашуба, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры, Российская Академия наук, Дворцовая наб., д. 18, 191186, Санкт-Петербург, Россия, https://orcid.org/0000-0001-8901-8116, e-mail: mirra-k@yandex.ru

DESPRE LOTUL DE „PÂINICI” DE LUT DESCOPERITE LA CUCOARA I (din fondurile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei)[1]

Eugen Mistreanu

Cuvinte-cheie: epoca Bronzului târziu; „bile” şi „pâinişoare” de lut, spaţiul est-carpatic, cultura Noua-Sabatinovka.

Introducere

Articolul de faţă prezintă un lot de 15 pâinici[2] din lut, descoperite în timpul săpăturilor arheologice din situl Cucoara I, în 1972, şi redescoperite recent în depozitul de arheologie al Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei. Aşezarea este localizată în preajma satului Cucoara, raionul Cahul, Republica Moldova, amplasată la 60 m nord-vest de sat, pe un promontoriu uşor înclinat în direcţia luncii Prutului, la 0,5 km sud de ferma de vite mari cornute (fig. 1). Suprafaţa aproximativă este de 120×60 m, parţial excavată de o carieră de lut dinspre sud şi vest în momentul descoperirii. Monumentul arheologic a fost descoperit în 1966 de către V.S. Bejlekči (Бейлекчи, Бырня 1969, 182; Бейлекчи 1970, 7; Субботин 1971, 181; Маркевич 1973, 152; Дергачев 1973, 109; Sava 2014, 339), fiind prezentat ca o aşezare cu mai multe straturi culturale: epoca eneolitică (cultura Gumelniţa), epoca bronzului târziu, antichitate târzie (cultura Sântana de Mureş-Černjachov), evul mediu moldovenesc. În 1972 au loc săpături arheologice de salvare în partea de sud-vest a sitului, când este cercetată o suprafaţă de 446 m² (Бейлекчи, 1973, 2). A fost descoperită o locuinţă adâncită (fig. 2), atribuită purtătorilor culturii Gumelniţa, cu o suprafaţă totală de 390 m², aceasta reprezentând un complex din 10 gropi diferite, care alcătuiau un contur neregulat al locuinţei adâncite, şi fiind orientată – cu lungimea de 18.3 m şi lăţimea de 10.2 m – pe axa est-vest (Бейлекчи 1974, 54-57). Au mai fost identificate alte 5 gropi gospodăreşti, atribuite, de asemenea, comunităţilor gumelniţene (Бейлекчи 1973, 11-13; Бейлекчи 1978, 13). Zona este cercetată prin perieghezа în primăvara anului 2016 de către E. Sava, E. Mistreanu, M. Sîrbu, E. Kaiser, situl nefiind identificat (Sava et al. 2017, 29, fig. 1).

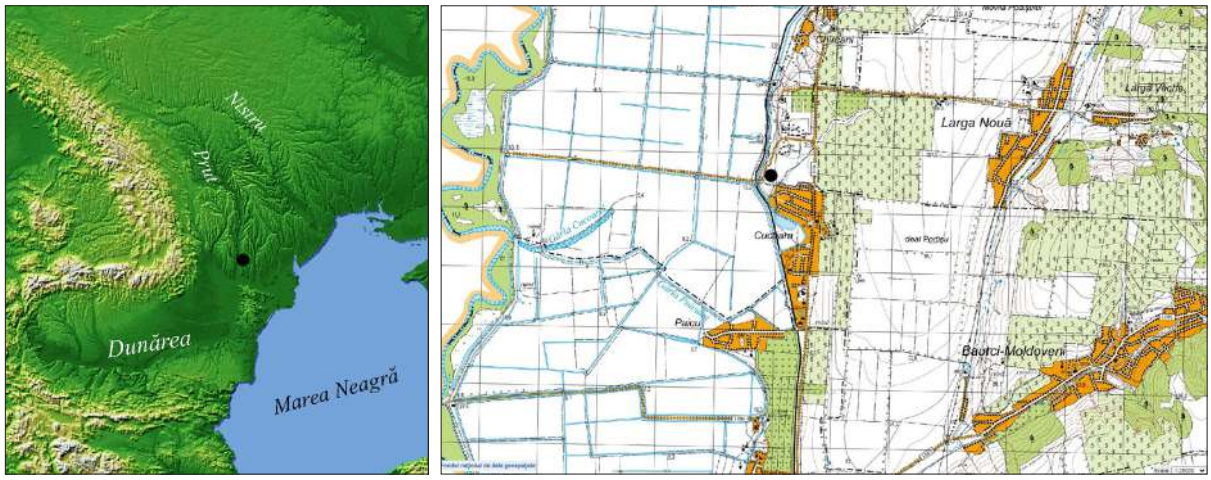
Context

Analizând raportul de săpătură, precum şi un articol ulterior, aflăm că respectivele artefacte au fost semnalate în partea de nord-est a *suprafeţei I* de cercetare, unde au fost găsite – aproape una de alta – trei grămezi de obiecte sferice din lut, toate cu o adâncitură de deget în mijloc, uneori împunsătura fiind verticală, alteori – sub unghi, oblică (Бейлекчи 1973, 8). Chiar dacă în raport nu este amintit numărul acestora, în articolul ulterior se menţionează că ar fi în total 21 de exemplare întregi, care au diametrul cuprins între 5,0 şi 9,5 cm, fiind descoperite împreună, amenajate în trei grămezi, la adâncimea de circa 60 cm. Autorul presupunea că ar fi vorba despre piese cu caracter cultic, bazându-se pe unele analogii de la Lepenski Vir, unde piesa este confecţionată din piatră, totodată ea aminteşte despre un tip asemănător de artefacte eneolitice din zona Asiei Mici. În ambele surse bibliografice ale descoperitorului, respectivele piese sunt atribuite nivelului eneolitic, culturii Gumelniţa (Бейлекчи 1973, 9; Бейлекчи 1974, 52).

Pornind de la aceste constatări, am căutat să găsim mai multe analogii în mediul gumelniţean, precum şi eneolitic, din zona est-carpatică. Căutările noastre nu s-au încununat cu succes, ceea ce ne-a condus la concluzia că, practic, este o lipsă a acestor tipuri de artefacte. Descoperirile din această categorie nu sunt atât de numeroase, constituind o excepţie în siturile eneolitice: obiecte

[1] Cercetare realizată în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal şi memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare”.

[2] Notăm că, în accepţiunea noastră, termenul de „pâinici” cuprinde un număr foarte larg de obiecte modelate din lut, de formă sferică, semi-sferică, quasi-ovală, deseori aplatizate, cu sau fără o alveolare pe centru, a căror funcţionalitate este incertă, iar palierul cronologic de răspândire cuprinde intervalul de timp din epoca neolitică până în cea medievală.



1 2

Fig. 1. Cucoara I. 1 - Localizarea sitului; 2 - harta topografică.

parţial asemănătoare, unele boţuri de lut, forme aproape rotunde, alungite, au fost semnalate în zona gumelniţeană, pe teritoriul României (Dumitrescu 1925, 92, fig. 67/1-5), un exemplar mult mai masiv, împreună cu altul mai micuţ, descoperit la suprafaţă, provin de la Vulcăneşti II (Пассек 1964, 15). Câteva tablete care pot fi considerate şi „pâini" sunt întâlnite în aşezarea Cucuteni A de la Hăbăseşti (Lazarovici 2013, 561, fig. 2/2-4). În mediul tripolian, artefacte care sunt numite „pâinici" se atestă la Olexandrivka, Bernaşivka, Luka Vrublevetskaja, Maidanetskoje (Lazarovici 2013, 565, fig. 3/1-4), dar ele au caracteristici total diferite de piesele de la Cucoara I. Douăzeci de piese asemănătoare au fost semnalate în aşezarea de la Magala, însă acestea par a fi totuşi greutăţi de lut pentru plasele de pescuit, după cum afirmă autorul (Винокур 1966, 162). Alte pâinici de lut, de forme diverse, sunt întâlnite la Poduri (Monah 2002, fig. 7). Exemplele de mai sus, împreună cu altele din mediul Precucuteni, nemenţionate aici, sunt departe de a fi încadrate în acelaşi tip cu piesele noastre, având forme diferite, calitatea pastei şi modelarea deosebindu-se, contextul descoperirii nu are paralele cu materialele găsite de noi şi majoritatea sunt descoperite singular.

Deci, conceptual şi practic, termenul de „pâini" folosit pentru obiectele din neo-eneolitic diferă de cel referitor la artefactele analizate de noi. Observând aceste neclarităţi de încadrare culturală şi cronologică, în cele ce urmează, după o descriere a artefactelor, ne propunem o prezentare a observaţiilor ce ţin de contextul descoperii, o tipologie, cu atribuirea culturală a acestui grup de artefacte, precum şi stabilirea unor analogii care ne vor permite încadrarea lor în paliere temporale exacte. Obiectele individuale în discuţie nu se remarcă prin artistism, nici prin calitate înaltă în confecţionare, în schimb impresionează prin rudimentarismul lor, al formelor şi mărimilor, dar, mai ales, prin simbolismul şi presupusele funcţionalităţi în viaţa comunităţilor preistorice, pe care îl transmit.

Catalog[3]:

1. Bilă de lut, întreagă (fig. 3/1). Modelată din pastă de lut, în amestec cu nisip şi fragmente mici de sol/lut „viu". Are forma circulară, prevăzută pe centru cu o adâncitură elipsoidală bine pronunţată, realizată prin împingerea cu degetul ţinut oblic. Suprafaţa poroasă, aspră la atingere, denivelată, cu mai multe zone alveolate. Pe corp se observă o linie care fracţionează piesa, ceea ce ne face să presupunem că a fost confecţionată din două bucăţi de lut frământat. Arderea oxidantă, destul de omogenă, culoarea galbenă-cărămizie cu nuanţe roşii. Dimensiuni: Î – 56 mm; D_{max} – 70 mm; D_{min} – 65 mm; Gr – 188 g.

2. Bilă de lut, întreagă (fig. 3/2). Este modelată din pastă de lut, în amestec cu nisip, bucăţi de lut ars şi pietricele (?), prost frământată. Are forma rotundă în plan, oval aplatizată în secţiune, este prevăzută pe centru cu o adâncitură verticală, conică. Ardere oxidantă, culoarea galbenă-cărămizie, închegată destul de bine, suprafaţa sumar

[3] În catalog sunt utilizate următoarele abrevieri: Î – înălţimea; Dmax – diametrul maxim; Dmin – diametrul minim; Gr – greutate.

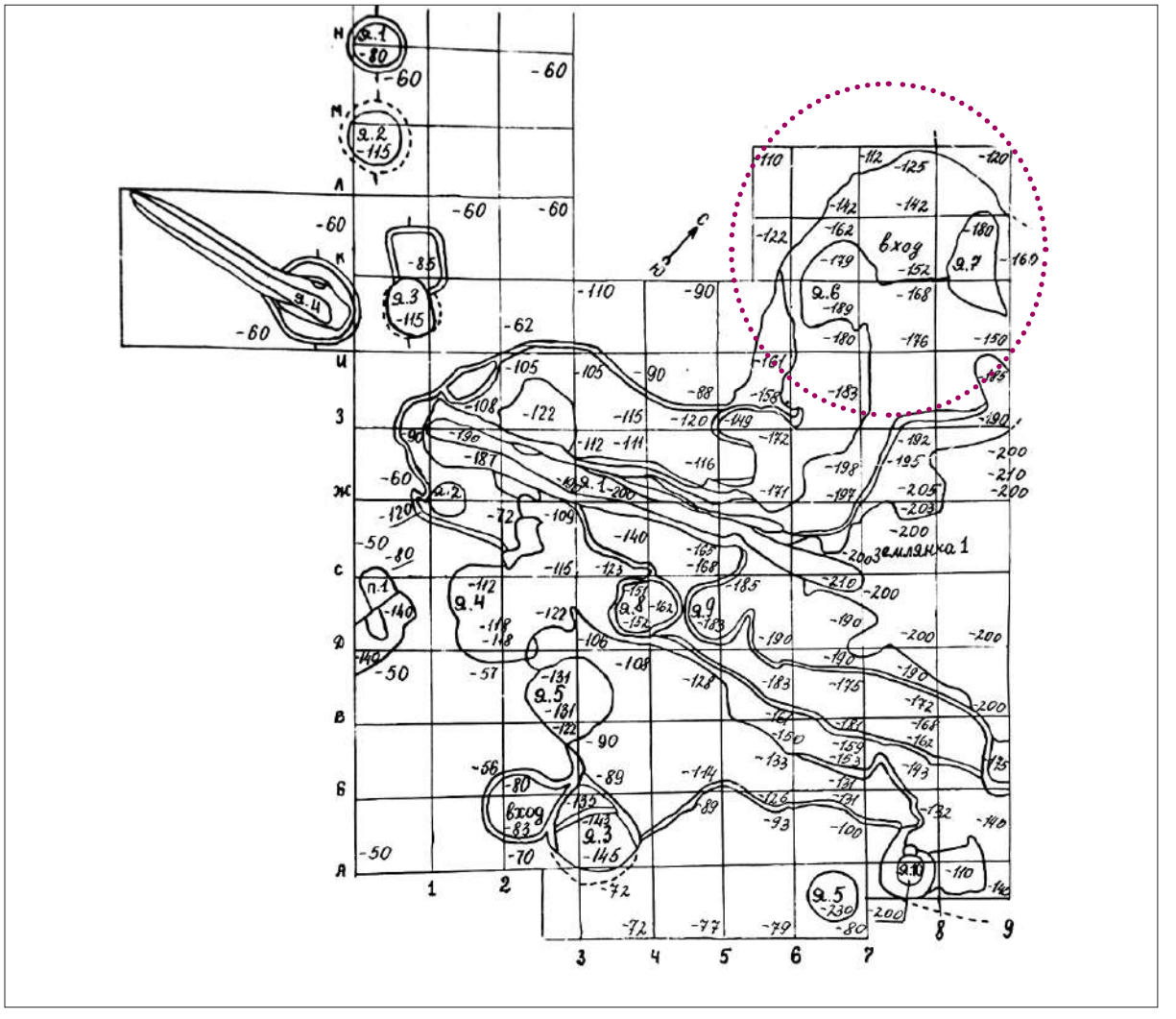


Fig. 2. Cucoara I. Planul locuinţei adâncite, cu zona în care sunt identificate „bilele" de lut (după Бейлекчи 1973, 28, рис. I).

netezită, denivelată, aspră, cu multe crăpături, se observă direcţiile de modelare cu mâna. Dimensiuni: Î – 52 mm; D_{max} – 83 mm; D_{min} – 78 mm; Gr – 250 g.

3. Bilă de lut, întreagă, reîntregită (fig. 3/3). Modelată din pastă de lut slab frământat, în amestec cu bucăţi de lut ars. Forma rotundă în plan şi circulară în secţiune, pe centru e prevăzută cu o adâncitură verticală, puţin sub unghi. Arderea oxidantă, culoarea galbenă-roşietică, suprafaţa denivelată, dură, aproape pietrificată, cu mai multe crăpături şi desprinderi de fragmente de lut. Dimensiuni: Î – 67 mm; D_{max} – 74 mm; D_{min} – 67 mm; Gr – 235 g.

4. Bilă de lut, reîntregită, restaurată (fig. 3/5). Este modelată din pastă de lut, în amestec cu pietricele şi nisip, slab frământată. Are formă conică, circulară (aproape rotundă) în plan şi triunghiulară în secţiune, este prevăzută pe centru cu o adâncitură alveolată, destul de largă. Suprafaţa netezită sumar, cu zone în care se desprind firimituri de lut, textura aspră. Arderea oxidantă a oferit piesei culoare cenuşie-gălbuie la suprafaţă şi cărămizie în interior. Dimensiuni: Î – 67 mm; D_{max} – 81 mm, D_{min} – 30 mm; Gr – 246 g.

5. Bilă de lut, întreagă (fig. 4). Modelată din pastă de lut slab/prost frământată, cu incluziuni de fragmente de lut crud, se observă mici pietricele şi urme de pleavă sau altă vegetaţie, textura poroasă, suprafaţa zgrunţuroasă. Are formă ovală, asemănătoare unui bulgăre, prevăzută pe centru cu o adâncitură ovală centrată, bine pronunţată. Arderea oxidantă, culoarea galbenă, cărămizie, cenuşie pe alocuri. Dimensiuni: Î – 59 mm; D_{max} – 76 mm; D_{min} – 74 mm; Gr – 268 g.

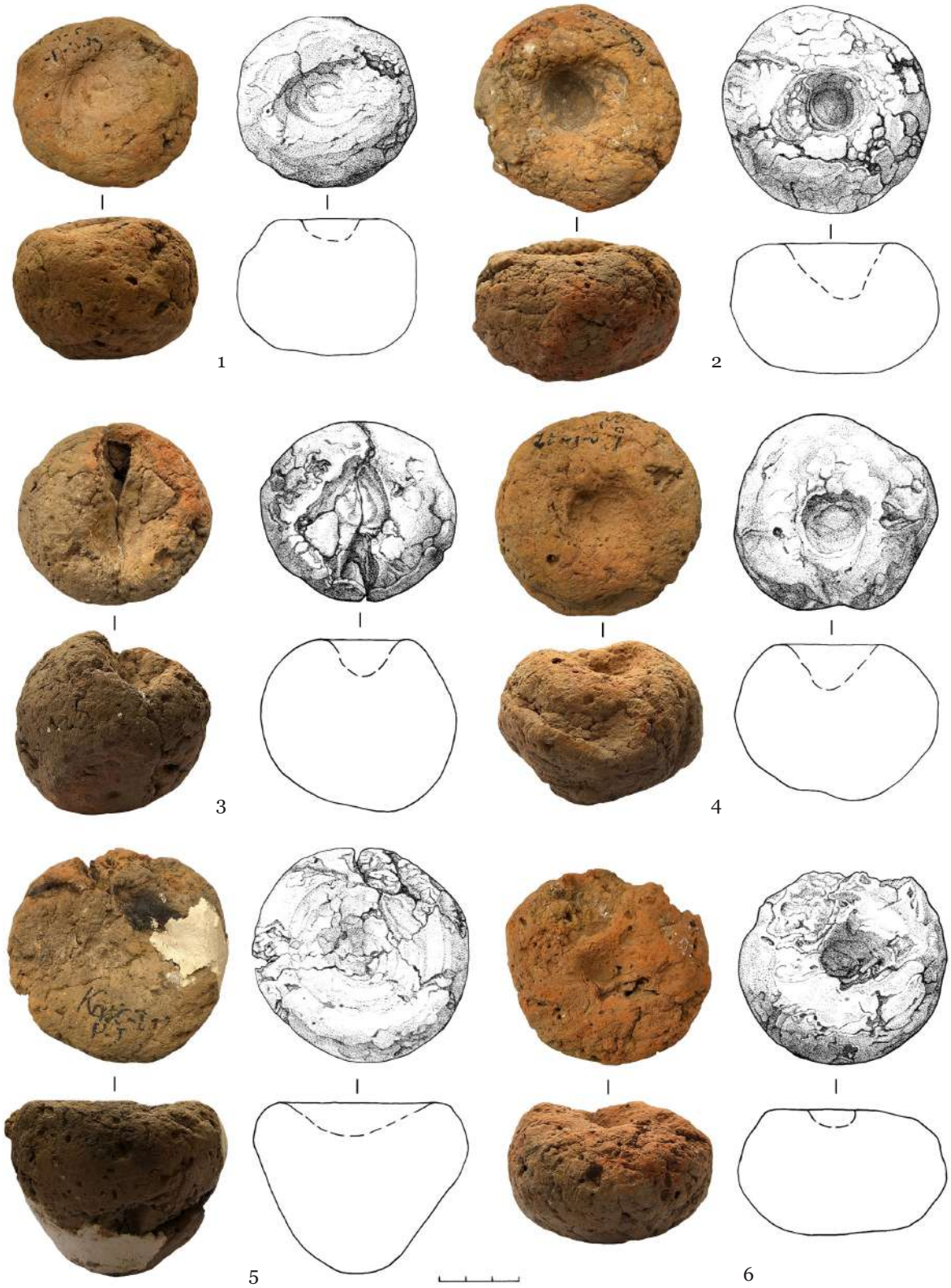


Fig. 3. Cucoara I. „Bile” de lut, foto, desen.

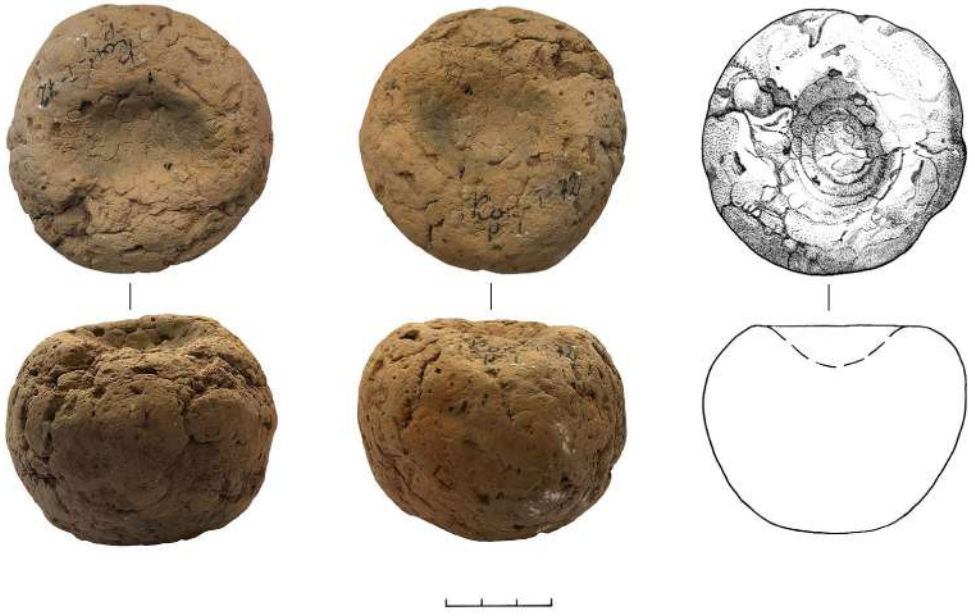


Fig. 4. Cucoara I. „Bila" de lut nr. 5, foto, desen.

6. Bilă de lut, întreagă (fig. 3/4). E modelată din pastă de lut prost frământată, în amestec cu nisip și pietricele, pe suprafață se observă amprente de pleavă. Are forma circulară, rotundă, prevăzută cu o adâncitură verticală pe centru, destul de pronunțată. Este aspră la atingere, cu zone denivelate, formate de la degete, mai multe părți sunt crăpate și se observă mici desprinderi. Arderea oxidantă, omogenă, culoarea galbenă-roșcată. Dimensiuni: Î – 58 mm; D_{max} – 78 mm; D_{min} – 73 mm; Gr – 233 g.

7. Bilă de lut, aproximativ întreagă, sunt desprinse două fragmente de pe margine (fig. 3/6). Modelată din pastă de lut slab frământată, în amestec cu nisip și pietricele, pe suprafață se observă câteva impresiuni de vegetație. Rudimentar modelată, suprafața poroasă, neuniformă, zgrunțuroasă. Forma circulară în plan, oval aplatizată în secțiune, este prevăzută pe centru cu o adâncitură verticală. Arderea oxidantă, culoarea roșiatică în partea superioară, gălbuie în zona inferioară și interior. Dimensiuni: Î – 46 mm; D_{max} – 78 mm; D_{min} – 76 mm; Gr – 200 g.

8. „Pâinișoară" de lut, s-a păstrat aproximativ mai puțin de jumătate din piesa originală, cealaltă este restaurată cu ghips (fig. 5/1). Modelată simplist din pastă de lut, în amestec cu nisip și pietricele, se observă și impresiuni de vegetație, prost frământată. Suprafața netezită sumar, denivelată, zgrunțuroasă, destul de dură. Forma circulară în plan, ovală aplatizată în secțiune, prevăzută cu o adâncitură verticală pe centru. Arderea oxidantă a dat o culoare roșcat-maronie piesei la suprafață. Dimensiuni: Î – 32 mm; D_{max} – 58 mm; D_{min} – 55 mm; Gr – 86 g.

9. „Pâinișoară" de lut, s-a păstrat jumătate de piesă, cealaltă e restaurată cu ghips (fig. 5/2). Modelată din pastă de lut, în amestec cu sol negru și pietricele, se observă și impresiuni de vegetație, prost frământată. Suprafața netezită sumar, denivelată, zgrunțuroasă. Forma circulară în plan, ovală aplatizată în secțiune, prevăzută cu o adâncitură verticală pe centru. Arderea oxidantă a dat o culoare gri-cafenie piesei la suprafață. Dimensiuni: Î – 28 mm; D_{max} – 51 mm; D_{min} – 49 mm; Gr – 52 g.

10. „Pâinișoară" de lut, s-a păstrat jumătate de piesă, cealaltă e restaurată cu ghips (fig. 6/1). Modelată din lut, în amestec cu pietricele și fragmente de origine vegetală, prost frământat, suprafața neglijent netezită, zgrunțuroasă la atingere. Are forma circulară în plan, aplatizată, cu o adâncitură ovală, verticală pe mijloc. Ardere oxidantă, culoare cenușie, cărămizie. Dimensiuni: Î – 26 mm; D_{max} – 58 mm; D_{min} – 52 mm; Gr – 65 g.

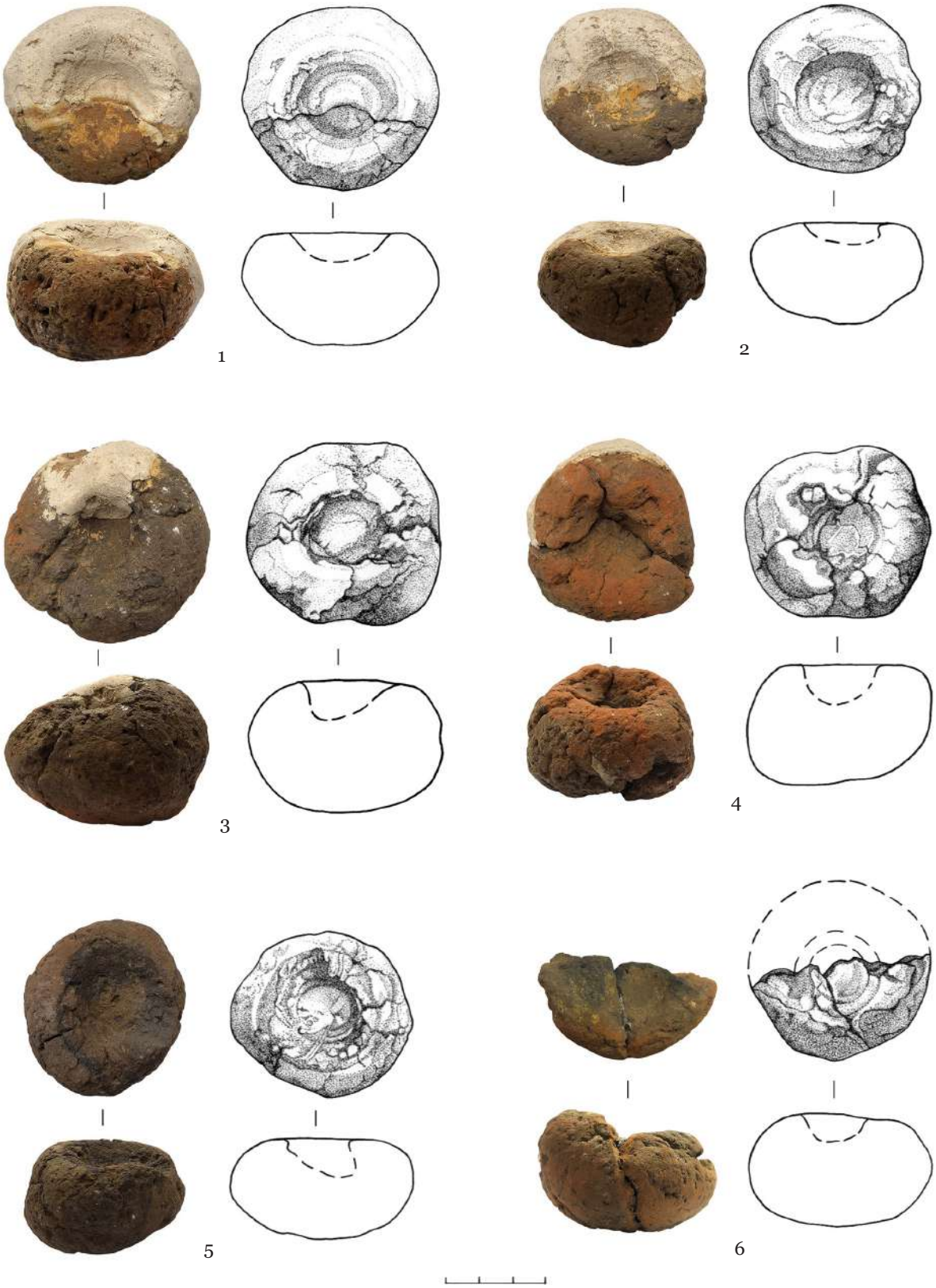


Fig. 5. Cucoara I. „Pâinici” de lut, foto, desen.

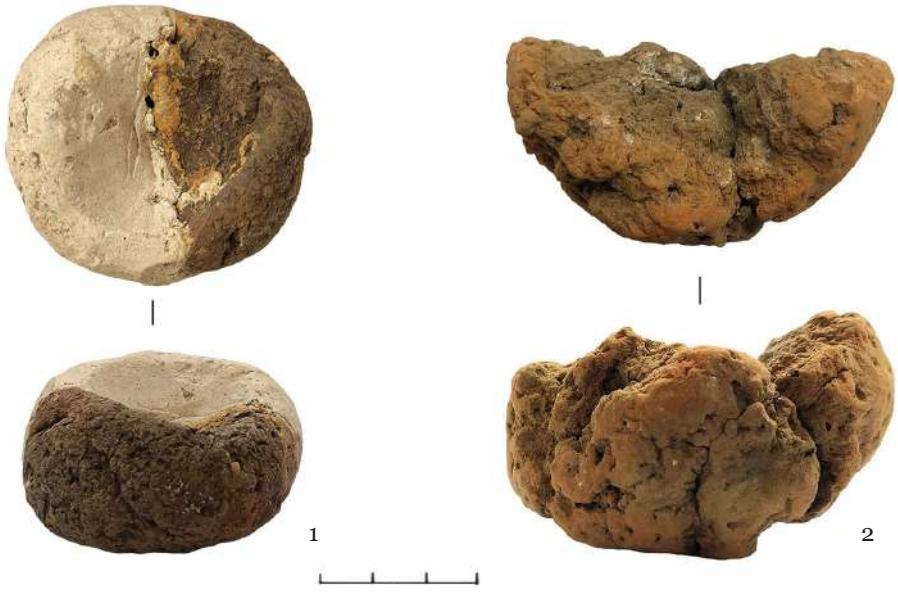


Fig. 6. Cucoara I. 1 - „Pâinica" de lut nr. 10, foto; 2 - „bila" de lut nr. 7, fragment, foto.

11. „Pâinişoară" de lut, restaurată un pic din buza adânciturii (fig. 5/3). Piesă realizată din pastă de lut în amestec cu sol negru, nisip, pietricele şi elemente vegetale. Frământarea şi modelarea simplistă a rezultat o suprafaţă zgrunţuroasă, denivelată, destul de aspră. Forma aproape circulară în plan, piesa aplatizată cu o alveolare oblică pe centru. Arderea oxidantă, neomogenă, a oferit piesei o culoare maronie în partea superioară şi roşie-cărămizie în zona inferioară a piesei. Dimensiuni: Î – 39 mm; D_{max} – 60 mm; D_{min} – 59 mm; Gr – 100 g.

12. „Pâinişoară" de lut, reîntregită şi restaurată parţial cu ghips pe o margine (fig. 5/4). Este modelată din pastă de lut, în amestec cu pământ, pietricele şi nisip, slab frământată. Are formă aproape circulară în plan şi ovală aplatizată în secţiune, este prevăzută pe centru cu o adâncitură alveolată, verticală, destul de largă. Suprafaţa netezită sumar cu zone în care se desprind firimituri de lut, textura aspră. Arderea oxidantă a oferit piesei culoare cenuşie în partea inferioară şi cărămizie-roşcată în partea superioară. Dimensiuni: Î – 37 mm; D_{max} – 52 mm; D_{min} – 49 mm; Gr – 72 g.

13. „Pâinişoară" de lut, aproximativ întreagă, cu marginea adânciturii uşor desprinsă (fig. 5/5). Modelată dintr-o pastă în care prevalează pământul în amestec cu lut, pietricele şi nisip, slab frământată. Formă circulară în plan şi ovală în secţiune, prevăzută pe centru cu o adâncitură alveolată, destul de largă. Suprafaţa netezită sumar cu zone în care se desprind firimituri de pastă, textura aspră, dar cu firicele de nisip care se surpă. Arderea oxidantă a oferit piesei culoare cenuşie-gri la suprafaţă, în interior fiind neagră. Dimensiuni: Î – 29 mm; D_{max} – 53 mm; D_{min} – 46 mm; Gr – 54 g.

14. „Pâinişoară" de lut, fragment, reîntregit, reprezintă jumătate dintr-o piesă (fig. 5/6). Modelată din lut, în amestec cu pietricele şi fragmente de origine vegetală, prost frământat, suprafaţa neglijent netezită, zgrunţuroasă la atingere. Are forma circulară în plan, aplatizată, cu o adâncitură ovală, verticală pe mijloc. Ardere oxidantă, neomogenă, culoare cărămizie-roşcată la suprafaţă, gălbuie-neagră în interior. Dimensiuni: Î – 32 mm; D_{max} – 53 mm; D_{min} – ? mm; Gr – 35 g.

15. Bilă de lut, fragment, reîntregit din două fragmente (fig. 6/2). Este modelată din pastă de lut frământată slab, în amestec cu nisip şi impurităţi vegetale. Prezintă o suprafaţă neglijent, sumar netezită, cu mai multe desprinderi. Forma circulară în plan, oval aplatizată în secţiune, presupunem că a fost prevăzută pe centru cu o adâncitură verticală. Arderea oxidantă, culoarea roşiatică în

partea superioară, gălbuie în zona inferioară și interior. Dimensiuni: Î – 43 mm; D_{max} – 71 mm; D_{min} – ? mm; Gr – 67 g.

Pe lângă aceste 15 piese, în cutia unde au fost identificate sunt mai multe fragmente de lut ars, la care se observă destul de evident suprafața exterioară modelată, convexă, acestea provin, cel mai probabil, de la alte obiecte similare, dar starea lor nu ne permite să le reîntregim, însă acestea oricând pot fi parte a unor analize interdisciplinare, fizico-chimice, spre exemplu.

Observații

Piesele sunt modelate din pastă de lut, în amestec cu pietricele și impurități vegetale, unele par a avea la bază chiar sol negru, sunt de formă aproximativ sferică, quasi-ovală sau circulară în plan, cu o adâncitură mediană sau oblică în centru, cel mai probabil realizată cu degetul. Din 21 de piese întregi, care au fost descoperite împreună, astăzi avem păstrate doar 15 exemplare, dintre care opt – întregi și reîntregibile, alte șapte – restaurate. Analiza primară a permis categorisirea în cel puțin două grupe, având la bază dimensiunile și formele pieselor: I – „bile", acestea fiind mai masive, aproximativ rotunde, cu înălțimea de 50×67 mm, iar diametrul oscilând între 65×83 mm, și II – „pâinișoare", care se caracterizează prin dimensiunile mai mici și forma ușor aplatizată, înălțimea variind între 26×39 mm, iar diametrul – între 46×60 mm. Din cauza proastei calități a pastei, toate piesele au o suprafață poroasă, zgrunțuroasă, arse oxidant neuniform, ceea ce le oferă o culoare care variază de la cafeniu-cărămiziu la negru-cenușiu. Un exemplar de „bilă" (fig. 3/5) se evidențiază prin forma sa conică, fiind unic și negăsindu-și analogii directe, deocamdată.

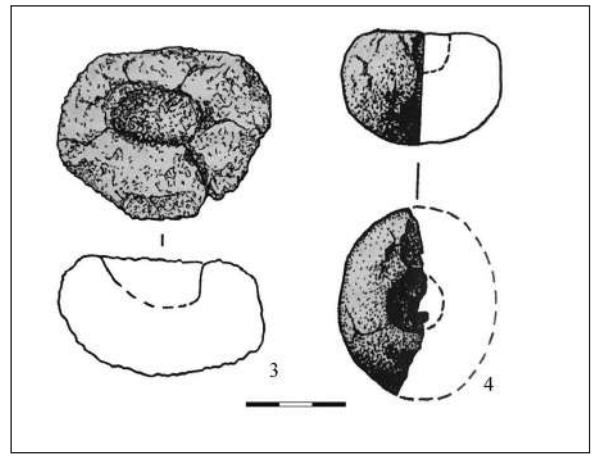
Chiar dacă acest tip de obiecte din lut, provenite dintr-un context clar al epocii bronzului târziu în spațiul est-carpatic, în speță cultura Noua-Sabatinovka, sunt tratate într-un șir de contribuții (Sîrbu 2012; Sîrbu 2015; Sava 2014; Munteanu, Sîrbu, Sîrbu 2017), lotul de la Cucoara I nu și-a găsit descrierea în nicio lucrare anterioară. Notăm că despre apartenența la stratul din epoca bronzului a unui grup de „pâinici" de la Cucoara se amintește într-o contribuție privind investigațiile de la Căușeni, remarcându-se că în text se punctează că ar fi situl Cocoara III[4], iar în sursa bibliografică indicată – lucrare care, de altfel, nu există, este o invenție a autorilor sau o gravă eroare? – este amintit situl Cocoara II, ceea ce provoacă o confuzie astăzi! (Агульников, Левинский 1990, 79). Situația este rezultată din slaba cunoaștere a culturii materiale a epocii bronzului târziu și a eneoliticului gumelnițean din spațiul pruto-nistrean la momentul descoperirii, dar, desigur, și din faptul că piesele au fost „uitate" în depozite. Nu excludem ca un alt motiv să fi fost animozitățile și rivalitățile care existau în perioada respectivă între membrii breslei arheologice moldovenești. Remarcăm totuși că ele au prezentat un interes la un moment dat, ținând cont de faptul că multe din ele sunt reîntregite și restaurate cu ghips. Cu toate acestea, nu putem să nu amintim concluzia, după noi, eronată, a autorului săpăturii, care neagă existența unui nivel de locuire aparținând epocii bronzului și culturii Sântana de Mureș-Cerneahov în situl Cucoara I (Бейлекчи 1973, 5), în condițiile în care tot el amintește descoperirile de fragmente ceramice, caracteristice epocii bronzului târziu până la adâncimea de 60 cm, iar până la 20 cm – și de cioburi Sântana de Mureș-Cerneahov, dar și mai multe piese individuale (Бейлекчи 1973, 2-5).

Din lectura raportului de săpătură, cât și din cercetarea pieselor, reținem câteva informații, care ne permit să purcedem la analiza primară de mai departe pentru clarificarea tabloului general. Așadar:

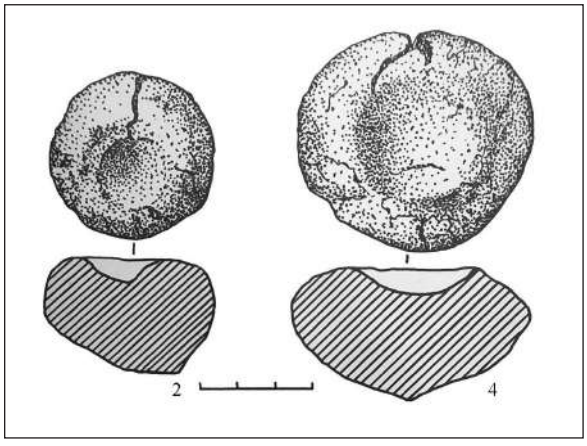
- artefactele noastre sunt descoperite la adâncimea de circa 60 cm, ceea ce constituia al treilea strat de săpătură, în toate nivelurile s-au descoperit mai multe fragmente ceramice și piese individuale din epoca eneolitică, a bronzului tardiv, din perioada antică târzie, cât și din epoca medievală mijlocie, artefactele din bronz și os pot fi atribuite astăzi ca aparținând comunităților epocii bronzului târziu.
- complexele gumelnițene se conturează după adâncimea de 60 cm, când dispar cioburile din alte culturi arheologice.
- lotul nostru de piese este identificat în 3 grupuri care formează un poligon schematic cu trei laturi.
- toate piesele beneficiază de o adâncitură pe mijloc.

[4] Despre săpăturile din situl Cocoara III a se vedea raportul (Лапушнян 1969), unde nu sunt amintite descoperiri de tipul celor analizate de noi.

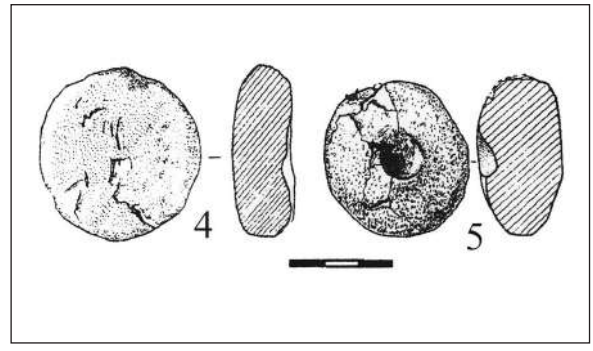
1



3

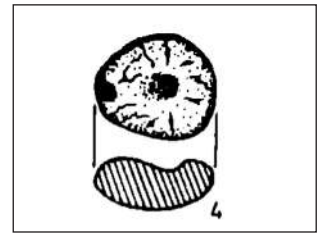


2

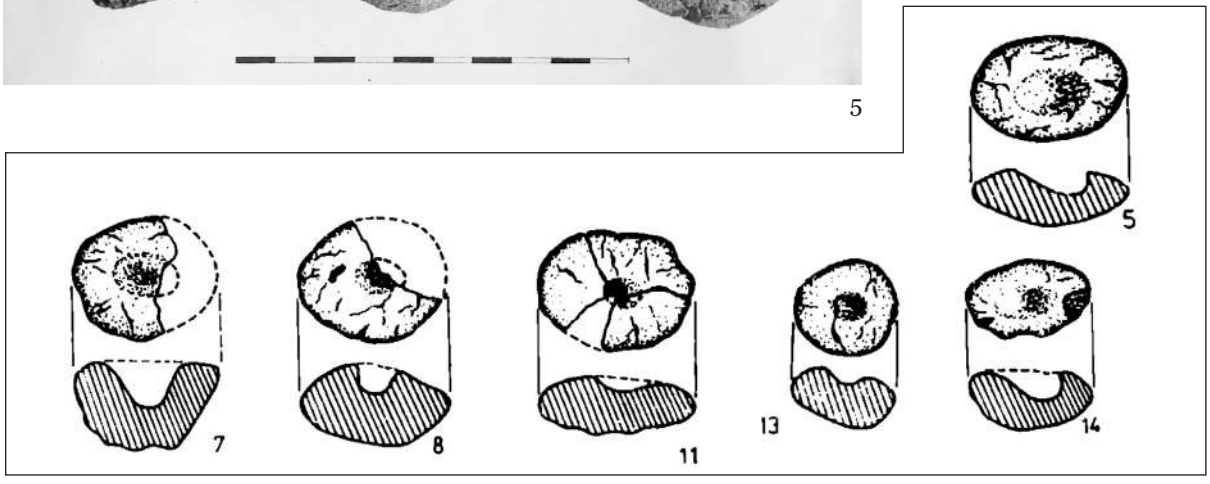


4

5

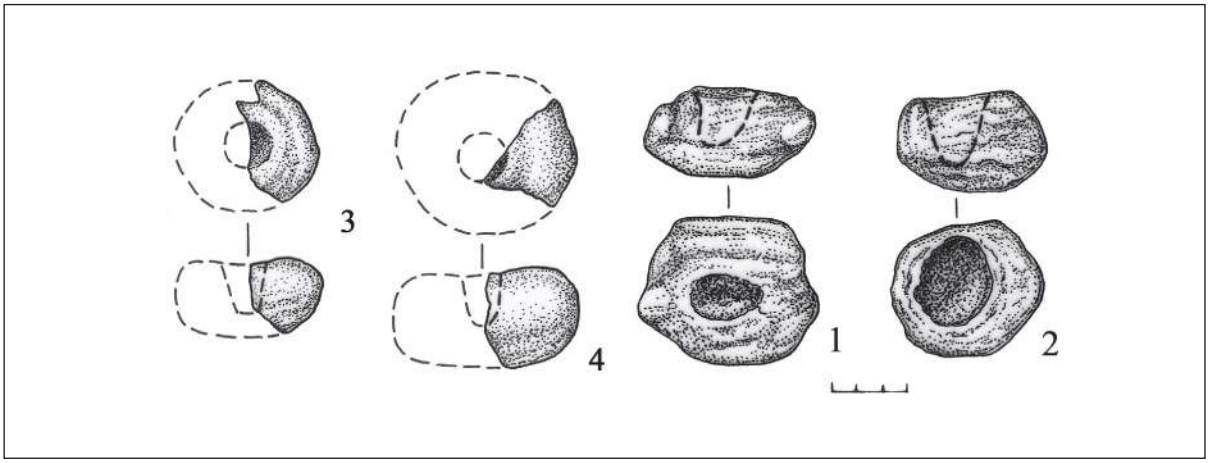


6

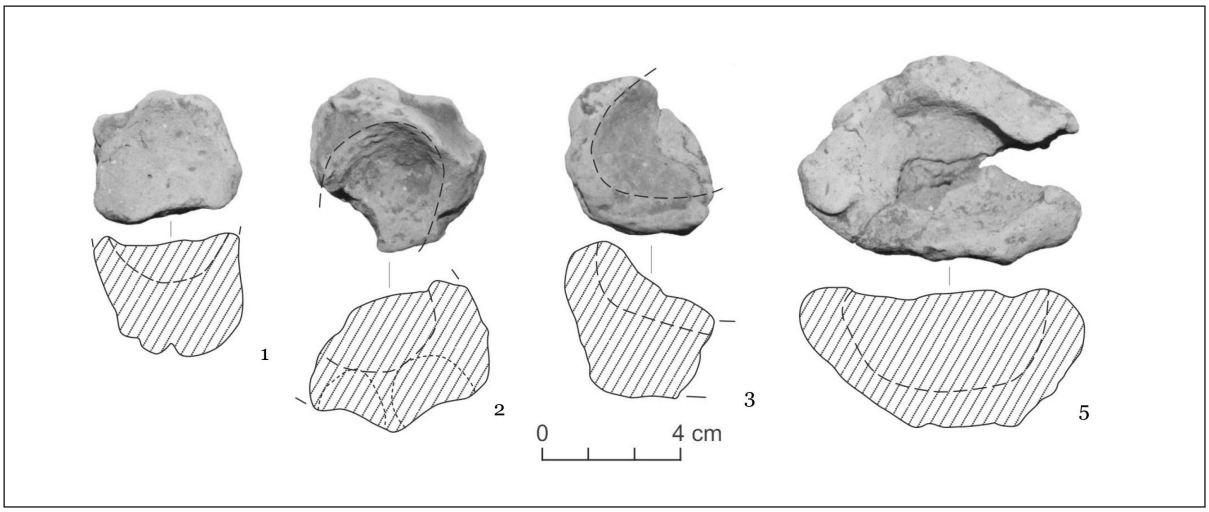


7

Fig. 7. 1 - Aglomerare de oase, Căușeni 1985, foto (după Левинский 1986, 19, рис. 10/2). „Bile" de lut de la: 2 - Căușeni, aglomerarea de oase (după Левинский 1986, 19, рис. 7/2, 4); 3 - Odaia-Miciurin (după Сава, Кайзер 2011, 306, рис. 91/3, 4); 4 - Novokievka (după Агульников, Малюкевич 2010, 161, рис. 5/4, 5); 5 - Ghindești (după Мелюкова 1957, 12, табл. XX/5-7); 6. Popeni *„Cerchez"* (după Rotaru 1983, 80, fig. 6/4), fără scară; 7 - Giurcani (după Rotaru 1983, 74, fig. 6/5, 7, 8, 11, 13, 14), fără scară.



1

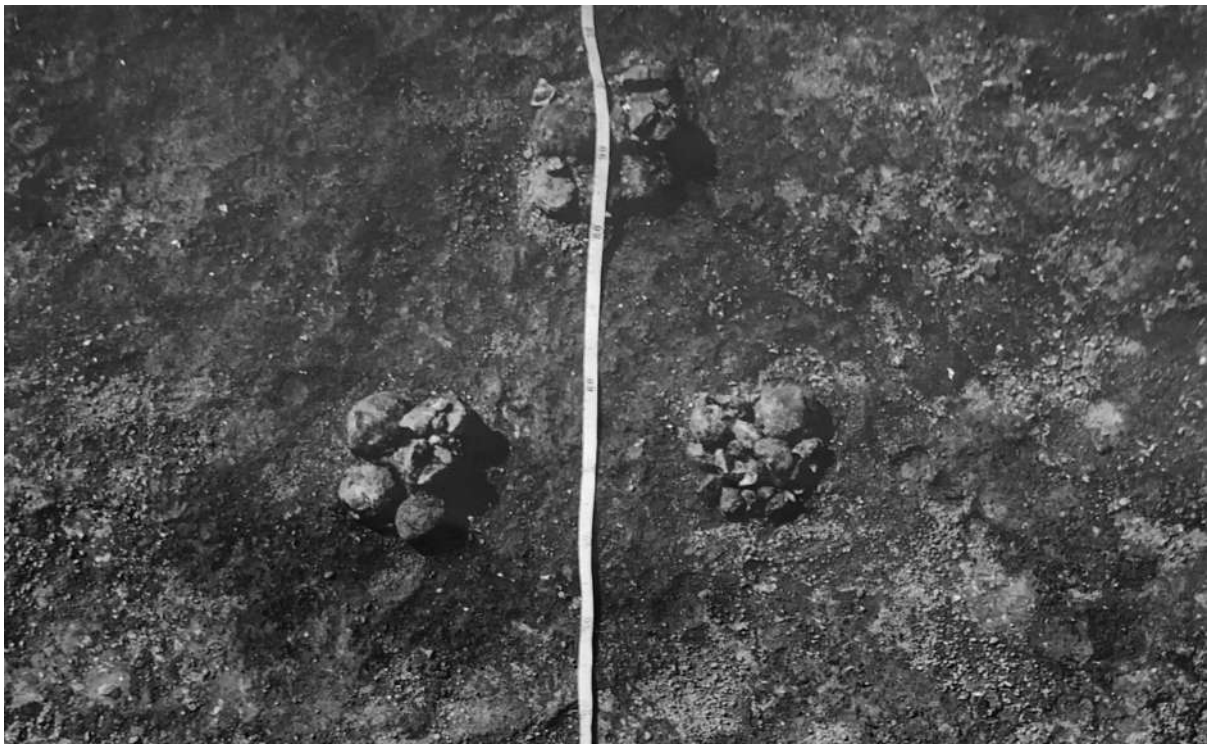


2

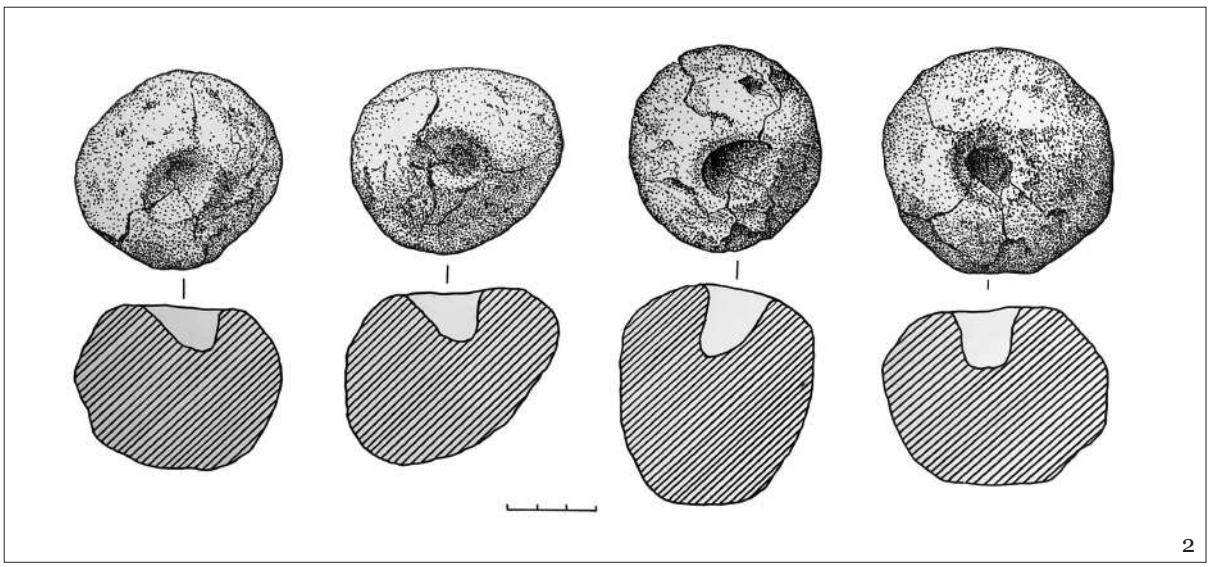
Fig. 8. „Bile” şi „pâinici” de lut. 1 - Mologa II (după Агульников, Малюкевич 2010, рис. 3/3, 4; 4/1, 2); 2 - Ulmu (după Munteanu, Sîrbu, Sîrbu 2017, fig. 5/1-3, 5).

Analogii

Coroborând informaţiile de mai sus din textul raportului de săpătură cu diversele analogii provenite din mediul Noua-Sabatinovka, observăm mai multe similitudini foarte exacte pentru aceste tipuri de piese. Fără a insista pe o tipologie/clasificare mai detaliată a ceea ce literatura de specialitate recunoaşte a fi „pâinici”, nu putem să nu ne axăm pe elementul care contribuie la definirea unei categorii aparte printre grupul larg al „pâinicilor”, şi anume această adâncitură alveolară, prezentă pe mai multe exemplare din perioada bronzului târziu la est de Carpaţi, exemple elocvente fiind descoperite la Căuşeni, într-o aglomerare de oase (fig. 7/1), unde, împreună cu fragmente ceramice şi piese individuale din silex, au fost descoperite şi două exemplare de „pâinici”, care beneficiază de aceeaşi adâncitură pe mijlocul piesei (fig. 7/2) (Левинский 1986, 19, рис. 7/2, 4); Miciurin-Odaia (fig. 7/3) (Сава, Кайзер 2011, 306, рис. 91/3, 4; Sava 2014, fig. 223/9, 12; Sîrbu 2015, fig. 2/11, 12), Novokievka (fig. 7/4) (Gerškovič 1999, Taf. 37; Агульников, Малюкевич 2010, 161, рис. 5/4, 5) şi Ghindeşti (fig. 7/5) (Мелюкова 1957, 12, табл. XX/5-7). Mai multe exemplare de „turtiţe” de lut, după cum le numeşte autorul, care au aceleaşi caracteristici ca tipul II – „pâinişoare”, au fost descoperite pe suprafaţa sitului Popeni „Cerchez” (fig. 7/6) şi Giurcani (fig. 7/7) (Rotaru 1983, 80, fig. 6/4, 5, 7, 8, 11, 13, 14). Pe lângă câteva (12) bile de lut fără adâncitură, două piese similare „pâinicilor” de formă cilindrică, cu adâncituri în capete, sunt descoperite la Cobâlnea (Демченко, Левицкий



1



2

Fig. 9. Căuşeni 1985. 1 - Grămezile de „pâinici", foto (după Левинский 1986, 19, рис. 10/1); 2 - exemplare de „bile" de lut din grămezi (după Левинский 1986, 19, рис. 8/5; 9).

1992, 122; Sava 2005, Abb. 11/1, 2), acestea fiind tratate ca reprezentări antropomorfe (Sîrbu 2015, 91, fig. 1). Exemplare de piese de lut, aproximativ similare celor în discuţie, sunt semnalate şi la Mologa II (fig. 8/1), într-un complex arheologic închis, groapa 21, unde sunt identificate 15 exemplare de „pâinici", din care zece au o adâncitură în zona mediană (Агульников, Малюкевич 2010, 156, рис. 3/3-5; 4/1-3, 6-10). Cinci exemplare de „bile" de lut de formă neregulată (fig. 8/2), care, în accepţiunea noastră, se încadrează mai mult la categoria „pâinişoare", cu adâncituri bine pronunţate, sunt identificate în complexul nr. 9 de la Ulmu (Munteanu, Sîrbu, Sîrbu 2017, 114, fig. 5). Adâncitura, alveolarea pe zona centrală a pieselor – atât pe cele mai sferice, aproximativ rotunde, cât şi pe grupul de dimensiuni mai mici, de formă mai aplatizată – constituie o caracteris-

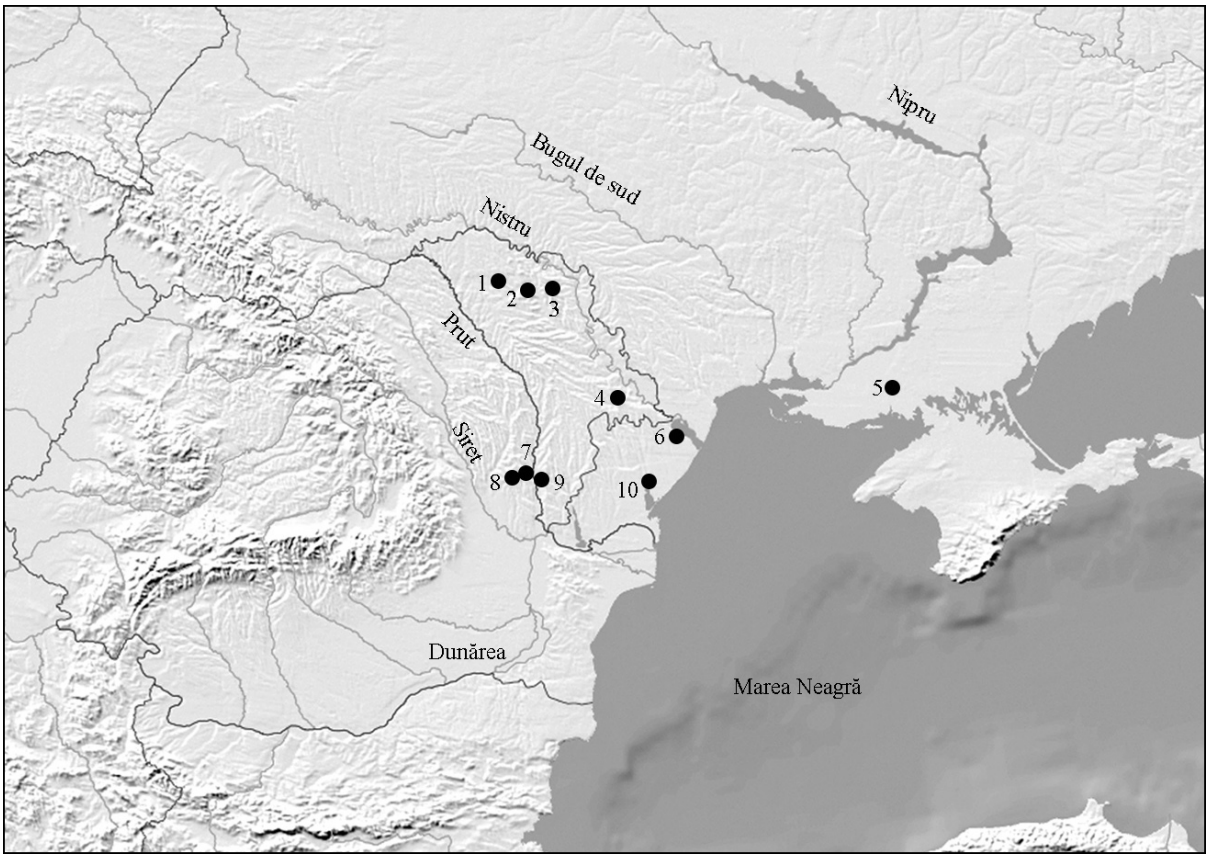


Fig. 10. Răspândirea descoperirilor de „pâinici" şi „bile" din lut cu adâncituri în mediul cultural Noua-Sabatinovka. 1 - Odaia-Miciurin; 2 - Ghindeşti; 3 - Cobâlnea; 4 - Căuşeni; 5 - Novokievka; 6 - Mologa; 7 - Giurcani; 8 - Popeni *„Cerchez"*; 9 - Cucoara I; 10 - Novoselicja.

tică ce le individualizează şi le extrag, practic, din grupul celorlalte obiecte similare. Acest element tehnologic şi de producţie trebuie urmărit mai atent pe viitor, în momentul studierii pieselor din categoria „pâinicilor".

Totuşi cel mai surprinzător şi explicit este contextul descoperirii şi identificarea grupului de artefacte în trei grămezi, o situaţie, practic, identică, întâlnită la Căuşeni, unde la adâncimea de 1,05-1,15 m sunt identificate, la fel, trei grămezi de „pâinici", care formează un triunghi schematic, cu latura de 0,6-0,7 m, cu un unghi orientat spre nord, în grămezile de est şi vest fiind depistate câte şase bile, iar în cea de nord – cinci „bile", din care două sunt deteriorate grav (Левинский 1986, 20; Агульников, Левинский 1990, 74-76). Imaginile foto (fig. 9/1) din raportul de săpătură de la Căuşeni, practic, corespund cu descrierea situaţiei la momentul descoperirii pieselor de la Cucoara I. Un context similar se întâlneşte la Novoselicja, unde, în sectoarele de sud-vest, sud-est şi est ale şantierului, la adâncimea de 1,4 m, sunt descoperite 3-4 grupuri de „pâinici" – câte trei, patru piese în fiecare grămăjoară –, acestea având forme sferice, semisferice şi quasi-ovale, piesele sferice dispunând de o adâncitură în zona centrală (Тощев 1978, 394; Тощев, Черняков 1986, 123).

Concluzii

Puţinele observaţii de mai sus ne permit să afirmăm că grupul nostru de piese constituie, cu certitudine, urme ale purtătorilor culturii Noua-Sabatinovka, sec. XVI-XII/XIII a. Chr. Răspândirea „bilelor" şi ,,pâinişoarelor" de lut cu adâncitură acoperă atât mediul culturii Noua, cât şi Sabatinovka, dar remarcăm că nu sunt atât de numeroase, la moment, avem 10 locaţii în care sunt prezente piesele de lut cu adâncitură, luate în discuţie (fig. 10).

Dorim să atragem atenţia la un fapt care rezultă din greutatea acestor artefacte, în primul rând, a celor nerestaurate, astfel „bilele" de lut variază între 188 şi 268 de grame, totuşi se pot observa două

grupuri a căror greutate ar fi apropiată de 200 și 250 grame. O situație similară se evidențiază și la piesele mai mici, „pâinișoarele", de 50, 70, 100 grame. Ținând cont de asta, propunem o ipoteză de lucru la nivel interpretativ, că piesele de acest tip sunt dispozitive de cântărit, folosite la un cântar de tip balanță, unde intuim că adâncitura servea ca element de reglare a greutății, prin umplerea ei, de exemplu, cu nisip sau alte soluri, roci, metale în procesul de schimb sau comerț.

Cu toate acestea, nu putem să excludem observațiile ce rezultă din depunerea și amenajarea intenționată a pieselor în trei grămezi, practic, la nivelul de locuire, în zone mai periferice ale cenușarelor, fapt ce nu pare întâmplător, iar elementul „triadei" în procesul de amenajare poate fi componenta unui ritual, tradiții de ordin spiritual, de purificare a locului sau de protejare a unui spațiu de elemente nedorite de ordin spiritual, „duhuri rele", spre exemplu, dar și fizice.

Din informațiile noastre, acest grup de piese de la Cucoara I devine cel mai numeros, descoperit astăzi într-un nivel și context arheologic comun, iar faptul că toate piesele beneficiază de acea adâncitură pe mijloc le individualizează. Nutrim speranța că piesele inedite prezentate, dar și semnalarea analogiilor exacte ale modelului de amenajare a lor, vor contribui la deslușirea semnificației și funcționalității acestor tipuri de artefacte, care rămâne a fi încă un subiect de discuții foarte larg – de la element de cult până la inventar în activități casnice curente.

Bibliografie

Dumitrescu 1925: V. Dumitrescu, Fouilles de Gumelnița. Dacia II, 1925, 29-103.

Gerškovič 1999: Ja.P. Gerškovič, Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres., AE, Bd. 7 (Rahden/Westf. 1999).

Lazarovici 2013: C-M. Lazarovici, Pâini plachete sau tăbliţe de lut cu semne și simboluri / Clay breads, slates or tablets with signs and symbols. Facets of the past, the challenge of the balkan neo-eneolithic. In: Proceedings of the international symposium celebrating the 85th birth anniversary of Eugen Comșa, Bucharest, 6-12 October 2008 (Bucharest 2013), 560-573.

Munteanu, Sîrbu, Sîrbu 2017: O. Munteanu, L. Sîrbu, g. Sîrbu, Descoperiri cu semnificație de cult în așezarea din epoca bronzului târziu de la Ulmu. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 107-119.

Rotaru 1983: M. Rotaru, Noi descoperiri de la sfârșitul epocii bronzului în bazinul Elanului. Thraco-Dacica IV/1-2, 1983, 73-84.

Sava 2005: E. Sava, Die spätbronzezeitlichen Aschehügel („Zol'niki") – ein Erklärungsmodell und einige historisch-wirtschaftliche Aspekte. Praehistorische Zeitschrift 80/1, 2005, 65-109.

Sava 2014: E. Sava, Așezări din perioada târzie a bronzului (Noua-Sabatinovka) în spațiul pruto-nistrean (Chișinău 2014).

Sava et al. 2017: E. Sava, E. Kaiser, M. Sîrbu, E. Mistreanu, Investigațiile arheologice și interdisciplinare ale așezărilor culturii Sabatinovka (campania 2016). In: Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2016. Sesiunea națională de rapoarte (24 mai 2017). Program, rezumatele comunicărilor (Chișinău 2017), 28-30.

Sîrbu 2012: M. Sîrbu, Piese din lut descoperite în așezările culturilor Noua-Sabatinovka din spațiul carpato-nistrean. Tyragetia s.n. VI/1, 2012, 91-111.

Sîrbu 2015: M. Sîrbu, Viața spirituală a comunităților Noua-Sabatinovka-Coslogeni prin prisma elementelor non-funerare descoperite în așezări. Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 91-122.

Агульников, Малюкевич 2010: С. Агульников, А. Малюкевич, Ритуальный комплекс периода поздней бронзы с поселения Молога II в нижнем Поднестровье. Revista Arheologică s.n. VI/1, 2010, 151-163.

Агульников, Левинский 1990: С.М. Агульников, А.Н. Левинский, Исследования на поселении у г. Кэушень. В сб.: АИМ в 1985 году (Кишинев 1990), 73-89.

Балагурі 1968: Е.А. Балагурі, Поселення культури Ноа біля с. Острівець, Ивано-Франківської області. Археология 21, 135-146.

Бейлекчи 1970: В.С. Бейлекчи, Поселения культуры Гумельница на территории СССР (Материалы к археологической карте). В сб: Известия Академии наук МССР. Серия общественных наук, № 2 (Кишинев 1970), 3-9.

Бейлекчи 1973: В.С. Бейлекчи, Отчет о раскопках поселения Кукора I в 1972 г. (Кишинёв 1973). Arhiva MNIM, nr. inv. 74.

Бейлекчи 1974: В.С. Бейлекчи, Исследования гумельницкого поселения у с. Кокора. В сб.: АИМ в 1972 г. (Кишинев 1974), 51-67.

Бейлекчи 1978: В.С. Бейлекчи, Ранний энеолит Низовьев Прута и Дуная: (Гумельницкие поселения Вулканешты II и Лопацика в южной части Молдавской ССР) (Кишинев 1978).

Бейлекчи, Бырня 1969: В.С. Бейлекчи, П.П. Бырня, Материалы к археологической карте Попрутья. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Кетрару, В.И. Маркевич и др.) Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 171-184.

Дергачев 1973: В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. АКМ, 3 (Кишинев 1973).

Демченко, Левицкий 1992: Т. Демченко, О. Левицкий, Исследования зольников культуры Ноуа у ст. Кобыльня. В сб.: АИМ в 1986 г. (Кишинев 1992), 120-135.

Лапушнян 1969: В.Л. Лапушнян, Отчет об археологических раскопках поселения Кокора III Кагульского р-на в 1968 г. (Кишинёв 1969). Arhiva MNIM, nr. inv. 46.

Левинский 1986: А.Н. Левинский, Отчёт о полевых работах черняховского отряда Каушанской новостроечной археологической экспедиции по исследованию многослойного поселения Кэушень-племсовхоз у пгт. Каушаны, Каушанского р-на в 1985 г. (Кишинев 1986). Arhiva MNIM, nr. inv. 229.

Маркевич 1973: В.И. Маркевич, Памятники эпох неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 2. (Кишинев 1973).

Мелюкова 1957: А.И. Мелюкова, Отчёт о работе отряда скифской археологии Молдавской археологической экспедиции ИИМК и Молдавского филиала АН СССР в 1956 г. (Кишинёв 1957). Arhiva MNIM, nr. inv. 380.

Пассек 1964: Т.С. Пассек, Отчет о работах Молдавской археологической экспедиции в 1964 г. (Кишинёв 1965). Arhiva MNIM, nr. inv. 27.

Сава, Кайзер 2011: Е. Сава, Э. Кайзер, Поселение с «зольниками» у села Одая, Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования) / E. Sava, E. Kaiser, Die Siedlung mit „Aschehügeln“ beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova. Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen (Chişinău 2011).

Субботин 1971: Л.В. Субботин, Памятники энеолитической культуры Гумельницы на левом берегу Нижнего Дуная. МАСП 7, 1971, 179-187.

Тощев 1978: Г.Н. Тощев, Исследования памятников Сабатиновской культуры в Татарбунарском районе Одесской области. В сб.: АО 1977 г. (Москва 1978), 393-394.

Тощев, Черняков 1986: Г.Н. Тощев, И.Т. Черняков, Культовые зольники сабатиновской культуры. В сб.: Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья (Киев 1986), 115-138.

Шарафутдінова 1964: І.Н. Шарафутдінова, Поселення епохи пізньої бронзи поблизу Кременчука. Археологія 17, 1964, 153-169.

Шарафутдинова 1982: И.Н. Шарафутдинова, Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы (Киев 1982).

About the batch of clay “breadcakes” found at the Cucoara I site (from the collections of the National Museum of History of Moldova)

Keywords: the Late Bronze Age, clay balls and “breadcakes”, Noua-Sabatinovka culture.

Abstract: This article presents a batch of 15 clay items stored in the collections of the National Museum of History of Moldova. They were discovered in 1972 during excavations at the Cucoara I site and were initially erroneously attributed to the Eneolithic Gumelnitsa culture. These artifacts can be divided into two groups depending on their shape and size: I – balls, II – “breadcakes”. Several very exact analogies for these types of objects allow us to consider them as belonging to the Noua-Sabatinovka culture. The similarity of their shapes and context with objects found in Căuşeni is striking. Their distinguishing feature is a recess made by a finger in the center. This element individualizes them and practically distinguishes them from the group of other clay products from the broad category of “breadcakes”. The group of pieces from Cucoara I is currently the most numerous of those found in a common archaeological layer and context and belongs to the Late Bronze Age in the East Carpathian area.

List of illustrations:

Fig. 1. Cucoara I. 1 - Site location; 2 - topographic map.

Fig. 2. Cucoara I. Plan of an in-depth dwelling with a plot where clay balls and “breadcakes” were found (after Бейлекчи 1973, 28, рис. I).

Fig. 3. Cucoara I. Clay balls (photo, drawing).

Fig. 4. Cucoara I. Clay ball no. 5 (photo, drawing).

Fig. 5. Cucoara I. Clay “breadcakes” (photo, drawing).

Fig. 6. Cucoara I. 1 - Clay "breadcake" no. 10 (photo); 2 - clay "ball" no. 7, fragment (photo).

Fig. 7. 1 - Agglomeration of bones, Căușeni 1985 (photo) (after Левинский 1986, 19, рис. 10/2). Clay "balls" from: 2 - Căușeni, agglomeration of bones (after Левинский 1986, 19, рис. 7/2, 4); 3 - Odaia-Miciurin (after Сава, Кайзер 2011, 306, рис. 91/3, 4); 4 - Novokievka (after Агульников, Малюкевич 2010, 161, рис. 5/4, 5); 5 - Ghindești (after Мелюкова 1957, 12, табл. XX/5-7); 6 - Popeni "Cerchez" (after Rotaru 1983, 80, fig. 6/4), no scale; 7 - Giurcani (after Rotaru 1983, 74, fig. 6/5, 7, 8, 11, 13, 14), no scale.

Fig. 8. Clay balls and "breadcakes". 1 - Mologa II (after Агульников, Малюкевич 2010, рис. 3/3, 4; 4/1, 2); 2 - Ulmu (after Munteanu, Sîrbu, Sîrbu 2017, fig. 5/1-3, 5).

Fig. 9. Căușeni 1985. 1 - Piles of clay "breadcakes" (photo) (after Левинский 1986, 19, рис. 10/1); 2 - specimens of clay balls from piles (after Левинский 1986, 19, рис. 8/5; 9).

Fig. 10. Spreading of discoveries of clay "breadcakes" and balls with recesses, in the environment of Noua-Sabatinovka culture: 1 - Odaia-Miciurin; 2 - Ghindești; 3 - Cobâlnea; 4 - Căușeni; 5 - Novokievka; 6 - Mologa; 7 - Giurcani; 8 - Popeni "Cerchez"; 9 - Cucoara I; 10 - Novoselicja.

О партии глиняных «хлебцев», обнаруженных на памятнике Кукоара I (из фондов Национального музея истории Молдовы)

Ключевые слова: поздний бронзовый век; глиняные шарики и «хлебцы»; культура Ноуа-Сабатиновка.

Резюме: В данной статье представлена партия из 15 глиняных предметов, хранящихся в фондах Национального музея истории Молдовы. Они были обнаружены в 1972 г. при раскопках стоянки Кукоара I и первоначально были ошибочно отнесены к культуре Гумельница эпохи энеолита. Эти артефакты можно разделить на две группы в зависимости от их форм и размеров: I – шарики, II – «хлебцы». Несколько очень точных аналогий этих типов изделий позволяют считать их принадлежащими к культуре Ноуа-Сабатиновка. Поражает сходство их форм и контекста с предметами, обнаруженными в Каушанах. Их отличительной особенностью является углубление – вмятина, выполненная пальцем по центру. Этот элемент индивидуализирует их и практически выделяет из группы других глиняных изделий из широкой категории «хлебцев». Группа предметов из Кукоары I в настоящее время является самой многочисленной из обнаруженных в общем археологическом слое и контексте и относится к позднему бронзовому веку на Восточно-Карпатском пространстве.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Кукоара I. 1 - Местонахождение археологического памятника; 2 - топографическая карта.

Рис. 2. Кукоара I. План углубленного жилища с участком, где выявлены глиняные шарики и «хлебцы» (по Бейлекчи 1973, 28, рис. I).

Рис. 3. Кукоара I. Глиняные шарики (фото, рисунок).

Рис. 4. Кукоара I. Глиняный шарик № 5 (фото, рисунок).

Рис. 5. Кукоара I. Глиняные «хлебцы» (фото, рисунок).

Рис. 6. Кукоара I. 1 - Глиняный «хлебец» № 10 (фото); 2 - глиняный «шарик» № 7, фрагмент (фото).

Рис. 7. 1 - Скопление костей, Кэушень 1985, (фото) (по Левинский 1986, 19, рис. 10/2). Глиняные «хлебцы» из: 2 - Кэушень, скопление костей (по Левинский 1986, 19, рис. 7/2, 4); 3 - Одая-Мичурин (по Сава, Кайзер 2011, 306, рис. 91/3, 4); 4 - Новокиевка (по Агульников, Малюкевич 2010, 161, рис. 5/4, 5); 5 - Гиндешть (по Мелюкова 1957, 12, табл. XX/5-7); 6 - Попень «Черкез» (по Rotaru 1983, 80, fig. 6/4), без масштаба; 7 - Джуркань (по Rotaru 1983, 74, fig. 6/5, 7, 8, 11, 13, 14), без масштаба.

Рис. 8. Глиняные шарики и «хлебцы». 1 - Молога II (по Агульников, Малюкевич 2010, рис. 3/3, 4; 4/1, 2); 2 - Улму (по Munteanu, Sîrbu, Sîrbu 2017, fig. 5/1-3, 5).

Рис. 9. Кэушень 1985. 1 - Кучки глиняных «хлебцев» (фото) (по Левинский 1986, 19, рис. 10/1); 2 - образцы глиняных шариков из куч (по Левинский 1986, 19, рис. 8/5; 9).

Рис. 10. Распространение находок глиняных «хлебцев» и шариков с углублениями в среде ноуа-сабатиновской культуры: 1 - Одая-Мичурин; 2 - Гиндешть; 3 - Кобылня; 4 - Кэушень; 5 - Новокиевка; 6 - Молога; 7 - Джуркань; 8 - Попень «Черкез»; 9 - Кукоара I; 10 - Новоселица.

07.08.2022

Eugen Mistreanu, Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-2307-2010, e-mail: eugenmistreanu@gmail.com

COMPLETĂRI PRIVIND LOTUL ARTEFACTELOR DIN PIATRĂ, DESCOPERIT ÎN INCINTA PRIMEI AŞEZĂRI DE TIP NOUA CERCETATE PE TERITORIUL REPUBLICII NOLDOVA

Mariana Sîrbu

Cuvinte-cheie: perioada târzie a epocii bronzului; cultura Noua, aşezarea Ghindeşti VI; obiecte din piatră.

Dezvoltarea metalurgiei bronzului a dus la perfecţionarea unor categorii de obiecte care au început să fie turnate în serie din acest aliaj. Cu toate acestea, noua tendinţă nu a putut înlocui funcţional un şir de unelte şi arme, care – fie datorită practicităţii şi calităţii, fie tradiţiei sau semnificaţiei sociale – continuau să fie prelucrate din piatră. Avântul metalurgic s-a remarcat în perioada tardivă a epocii bronzului, atunci când teritoriul ţării noastre era populat de comunităţile a două culturi arheologice: Noua – în jumătatea nordică, şi Sabatinovka – în cea sudică. În aşezările acestor medii culturale, artefactele din piatră reprezintă un procent ridicat şi fac parte cu precădere din categoria uneltelor. Unele din aşezări, precum Ghindeşti VI, Slobozia-Şireuţi, Odaia-Miciurin şi Taraclia-Gaidabul, se remarcă printr-o prezenţă abundentă a pieselor litice (Сава, Кайзер 2011, 289-301; Sava 2014, 40-41, fig. 19-21, 114, fig. 86-91, 198-200; Sava et al. 2019, Sava et al. 2020). Dintre toate aşezările Noua-Sabatinovka, cercetate pe teritoriul Republicii Moldova, doar artefactele din piatră, descoperite în situl de la Odaia-Miciurin, au fost publicate relativ complet (categorii, dimensiuni, date statistice, analogii).

Pe teritoriul ţării noastre, primele vestigii tipice culturii Noua au fost descoperite în localitatea Ghindeşti (fig. 1) (raionul Floreşti), unde în anii 1956-1957 cercetătoarea rusă A.I. Meliukova a investigat trei dintre „cenuşarele" acestei aşezări, intrate în literatura de specialitate sub denumirea Ghindeşti VI. În urma cercetărilor arheologice,

Fig. 1. Locul amplasării aşezării Ghindeşti VI.

a fost colectat un lot impresionant de fragmente ceramice şi artefacte prelucrate din os, piatră, lut şi bronz. În mare parte, materialul arheologic (cu precădere, cel reprezentativ) a fost publicat de către autoarea săpăturilor la începutul anilor '60 (Мелюкова 1961, 5-34). Însă materialul litic a fost cel mai puţin valorificat, deşi, statistic, reprezintă categoria cea mai numeroasă. Anume din această cauză, am considerat necesară analiza şi publicarea întregului lot de piese din piatră, descoperite în aşezarea Ghindeşti VI, în contextul în care, deşi frecventă în aşezările culturii Noua cercetate, această categorie de artefacte este prezentată superficial în publicaţii.

[1] Cercetare realizată în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal şi memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare".

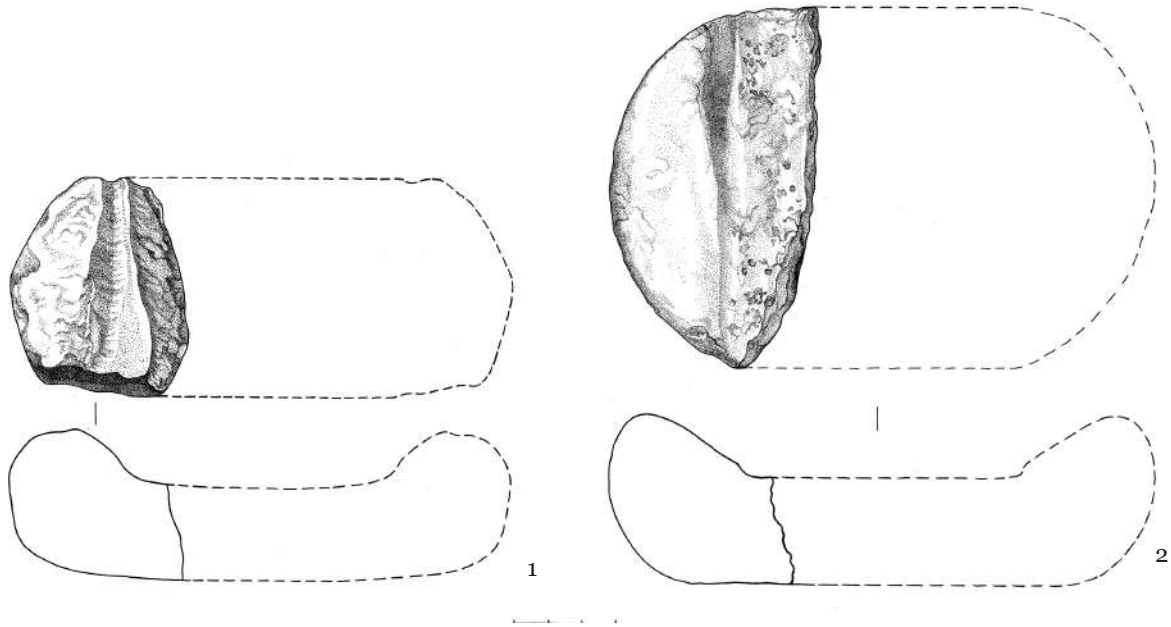


Fig. 2. Ghindeşti VI. Fragmente de râşniţă.

Catalogul artefactelor din piatră, descoperite în aşezarea Ghindeşti VI

Râşniţele[2] (fig. 2; 9/7). Reprezentate fragmentar (11 unităţi), sunt prelucrate din gresie macrogranulată, cuarţată sau calcaroasă, de culoare cenuşie, cenuşie-gălbuie şi brună. Patru din ele reprezintă capete de râşniţă (unul dintre ele păstrând urme de reutilizare), celelalte fiind fragmente de formă trapezoidală sau neregulată, rezultate în urma spargerii. Dimensiunile acestora variază între 7,8×4,7 cm şi 24,0×17,5 cm, grosimea fiind de la 2,5 cm la 7,0 cm. Toate fragmentele au suprafaţa de lucru plată sau albiată şi bine şlefuită.

Frecător (fig. 3/1). Este prelucrat din gresie microgranulată de culoare cenuşie şi cenuşiu-maronie. Are formă semiovală în plan şi ovală alungită, neregulată în secţiune, cu o latură plată şi alta albiată, ambele şlefuite (dimensiuni 8,8×8,0×3,4 cm).

Abrazivele (fig. 3/2-10). În total au fost descoperite 17 obiecte de acest fel, prelucrate din gresie microgranulată, de culoare cenuşie, gălbuie şi maronie (un exemplar este lucrat din tuf vulcanic, de culoare cenuşie închisă). Au formă trapezoidală, triunghiulară sau neregulată în plan şi trapezoidală sau dreptunghiulară în secţiune. Dimensiunile acestora variază între 5,7×4,2×2,0 cm şi 11,0×8,5×3,7 cm. Cu excepţia a trei exemplare, celelalte au ambele laturi plate, şlefuite – una sau ambele părţi.

Şlefuitoarele (fig. 4). Din cele 10 exemplare, şapte sunt prelucrate din gresie microgranulată, de culoare cenuşie, gălbuie şi maronie (fig. 3/1, 2, 4, 6, 9, 10) iar altele trei – din pietre de râu (fig. 3/3, 5, 7). Trei din exemplarele din gresie au formă trapezoidală în plan şi două sunt de formă neregulată. Toate s-au păstrat întregi şi au suprafaţa bine şlefuită pe toate laturile. Al şaselea obiect, păstrat fragmentar, de formă trapezoidală în plan şi secţiune, cu colţurile rotunjite şi una din laturi şlefuită până la lustru. O formă aparte de şlefuitor o reprezintă aşa-numitul tip „utiujok", prelucrat din gresie de culoare cenuşie (fig. 3/1; 8/6). Acesta are talpă plată, ce trece într-un mâner sub forma unei proeminenţe dreptunghiulare în plan, cu colţurile rotunjite (6,3×4,0×4,0 cm). Suprafaţa obiectului este bine şlefuită. Şlefuitoarele din piatră de râu sunt dreptunghiulare neregulate în plan şi dreptunghiulare cu colţurile rotunjite în secţiune. Dimensiunile şlefuitoarelor variază între 5,5×1,8×1,2 cm şi 6,9×6,4×1,2 cm.

[2] În publicaţia A.I. Meliukova din 1961, autoarea menţionează descoperirea a două râşniţe întregi (Мелюкова 1961, 29), pentru care, cel puţin la momentul de faţă, nu se cunoaşte locul aflării lor.

Polizor (fig. 5/10). Reprezintă o placă de gresie nisipoasă, de culoare gălbuie, romboidală în plan şi triunghiulară alungită în secţiune. Pe una din laturi păstrează mai multe şănţuiri, rezultate din ascuţiriea sau şlefuirea diferitor obiecte din os sau bronz, precum ar fi acele şi împungătoarele. Piesa este acoperită cu o depunere subţire, cenuşoasă. Dimensiuni: 7,2×7,0×3,0 cm.

Percutoarele (fig. 5/1-7). Din cele şapte exemplare, patru sunt prelucrate din gresie microgranulată şi calcaroasă, de culoare cenuşiu-gălbuie, galbenă şi maronie (fig. 4/1, 2, 4, 7). Trei din ele, mai mici ca mărime, au formă ovală neregulată, suprafaţa zgrunţuroasă (cu excepţia percutorului de culoare maronie, a cărui suprafaţă este bine şlefuită). Cel de-al patrulea exemplar are formă circulară neregulată, suprafaţa şlefuită superficial pe una din laturi, partea opusă fiind parţial zgrunţuroasă. Percutoarele din silex (în număr de 3) s-au păstrat fragmentar şi au suprafaţa aşchiată (fig. 4/3, 5, 6). Acestea au fost prelucrate din silex de culoare cenuşiu-deschisă şi cenuşiu-gălbuie. Dimensiunile percutoarelor variază de la 4,4×3,8×2,8 cm la 6,9×6,2×3,7 cm.

Pisăloagele (fig. 5/8, 9). Cele două exemplare sunt prelucrate din gresie microgranulată, de culoare cenuşiu-maronie şi cenuşiu-maronie cu pete negre şi roşietice. Ambele s-au păstrat fragmentar şi au formă conusoidală în plan şi ovală în secţiune. Au suprafaţa şlefuită, cu urme de utilizare pe capătul îngust. Dimensiuni : 1) 7,0×4,1×3,3 cm; 2) 8,2×6,3×5,9 cm.

Discuri (fig. 6; 9/8, 9). Acest tip de artefact a fost descoperit într-un număr relativ mare (32 de unităţi) în aşezarea de la Ghindeşti, luând în considerare frecvenţa prezenţei acestora în cadrul altor aşezări ale culturii Noua. Din toate exemplarele descoperite la Ghindeşti, doar şapte dintre ele au, cel puţin, o latură şlefuită. În cazul celorlalte, prelucrarea s-a limitat la redarea formei circulare prin cioplire rudimentară. Diametrul acestora variază între 3,2 cm şi 11,4 cm, iar grosimea – între 1,3 cm şi 4,8 cm. Majoritatea sunt prelucrate din gresie micro- sau macrogranulată şi gresie calcaroasă, culoarea variind între cenuşiu-deschisă şi gălbuie. Două sunt lucrate din rocă sedimentară poroasă de calcar (fig. 8/8) şi unul – din tuf vulcanic (fig. 5/7), de culoare cenuşie-închisă. Nu este clară funcţionalitatea acestor obiecte, însă forma şi dimensiunile acestora ne permit să presupunem că puteau fi utilizate ca elemente de joc sau asemenea rondelelor din ceramică şi turtiţelor de lut puteau fi simboluri votive.

Topoare (2 unităţi):

Topor perforat (fig. 7/3; 9/2). Este prelucrat din rocă vulcanică (andezit), de culoare neagră. Reprezintă jumătatea superioară (ceafa şi corpul până în zona mediană a orificiului). Ceafa toporului are formă circulară şi aplatizată, cu diametrul de 1,8 cm. Orificiul de înmănuşare are formă circulară şi diametrul de 2,1 cm. Suprafaţa toporului este minuţios şlefuită. Dimensiuni: 5,4×5,4×3,8 cm.

Topor de mână (fig. 7/5; 9/5). Are formă trapezoidală în plan şi secţiune, cu colţurile rotunjite. În zona mediană este prevăzut cu o şănţuire orizontală, cu lăţimea de 2,3 cm şi adâncimea de 0,5 cm, evidenţiată mai mult pe două din laturi. Ambele capete ale obiectului prezintă urme de utilizare prin batere. Este prelucrat din granit de culoare cenuşiu-închis, cu pete albe şi gălbui. Are suprafaţa şlefuită, aşchiată în vechime. Dimensiuni: 14,8×8,4×7,6 cm.

Sceptru-coloană (fig. 7/1; 9/1), fragmentar. Reprezintă capătul superior al unui aşa-numit sceptru-coloană sau sceptru-pisălog, ornamentat cu patru protuberanţe circulare. Este prelucrat, cel mai probabil, din rocă vulcanică, care însă, din cauza arderii, a căpătat culoare cenuşie-deschisă. Piesa a fost spartă în vechime şi reutilizată, cel mai probabil, în calitate de şlefuitor, fapt demonstrat de porţiunea plată şi şlefuită, păstrată pe capătul rupt. Capătul are formă patrulateră cu colţurile şi laturile uşor rotunjite. Suprafaţa piesei este şlefuită, cu aşchieri vechi. Dimensiuni : 7,4×3,8×3,7 cm.

Sceptru sferic perforat/ Măciucă (fig. 7/2; 9/4). Este prelucrată din andezit de culoare neagră-verzuie. Iniţial de formă sferică aplatizată, aceasta s-a păstrat fragmentar. Este prevăzută cu orificiu central, perforat pe un diametru lărgit spre capătul superior. Capătul inferior este mărginit de un manşon cu lăţimea de 0,7 cm şi înălţimea de 0,4 cm. Suprafaţa piesei este şlefuită minuţios şi prezintă câteva aşchieri uşoare contemporane. Dimensiuni: H – 6,7 cm; D – 8,0 cm; $D_{orif.}$ – 1,6-1,9 cm.

Piesă în formă de ou (fig. 7/4; 9/3). Este prelucrată din gresie microgranulată de culoare gălbuie şi are forma ovală, uşor alungită spre unul

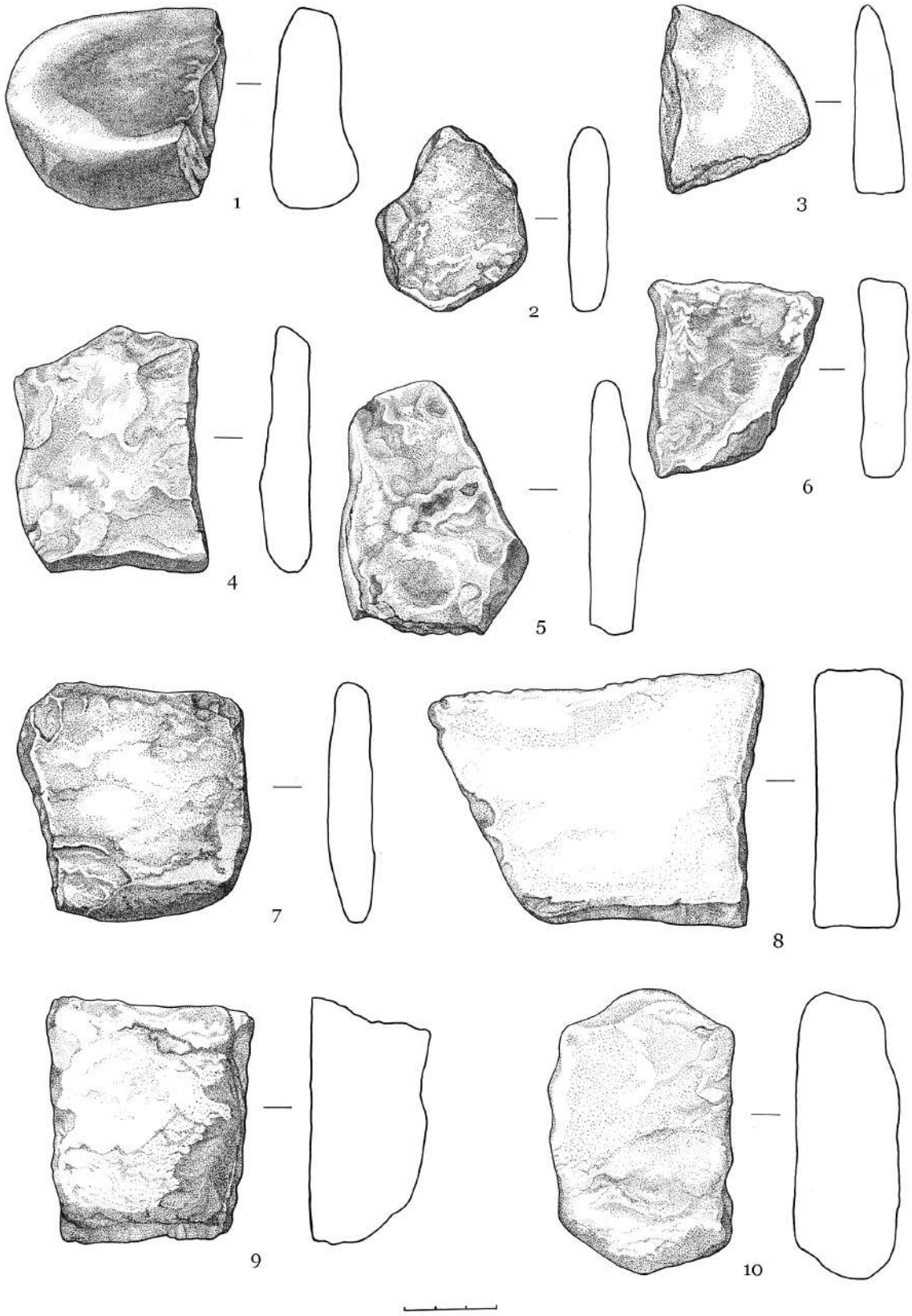


Fig. 3. Ghindeşti VI. 1 - Fragment de frecător; 2-10 - abrazive.

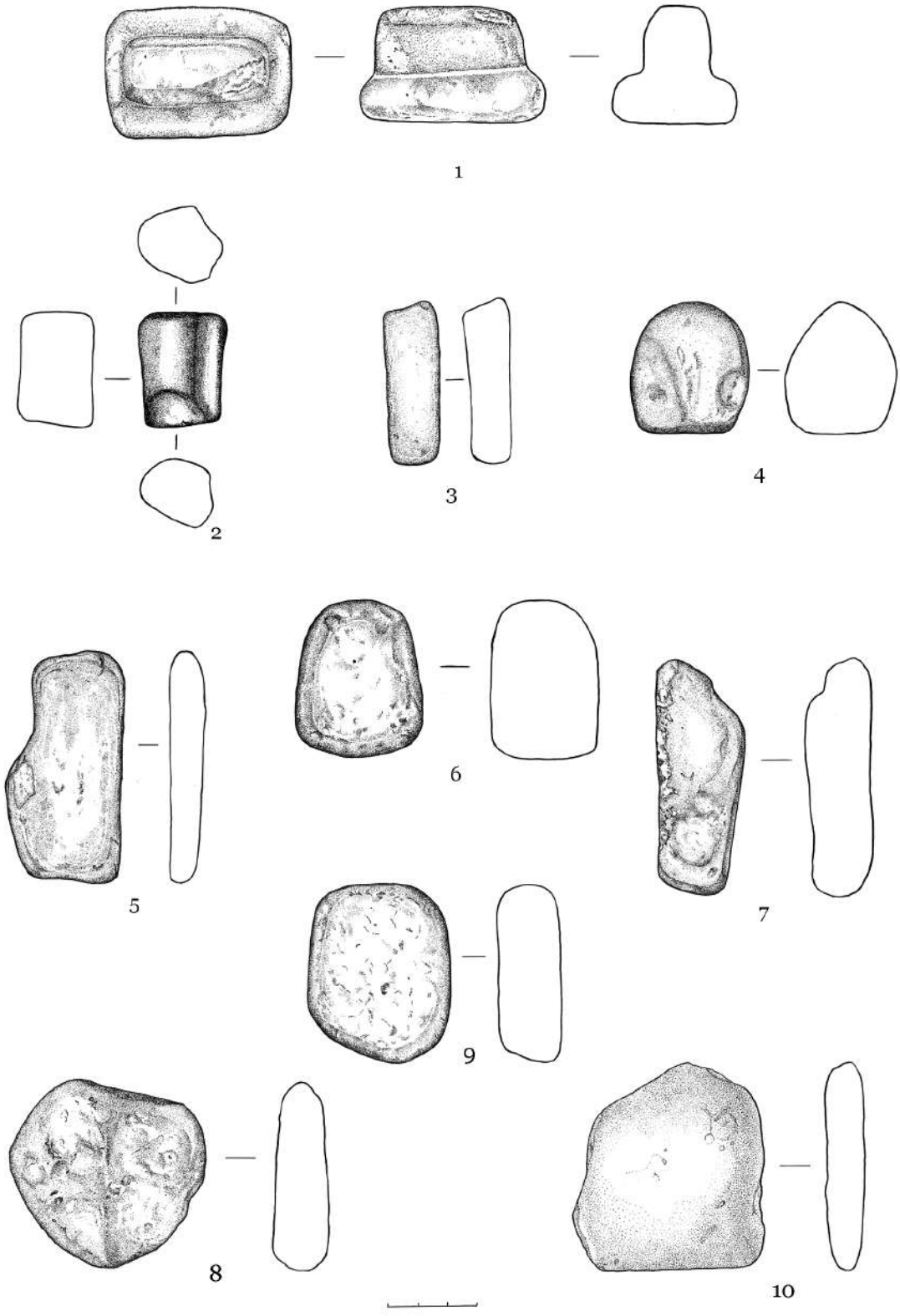


Fig. 4. Ghindești VI. Șlefuitoare (1, 2, 4, 6, 9, 10 - gresie; 3, 5, 7 - piatră de râu).

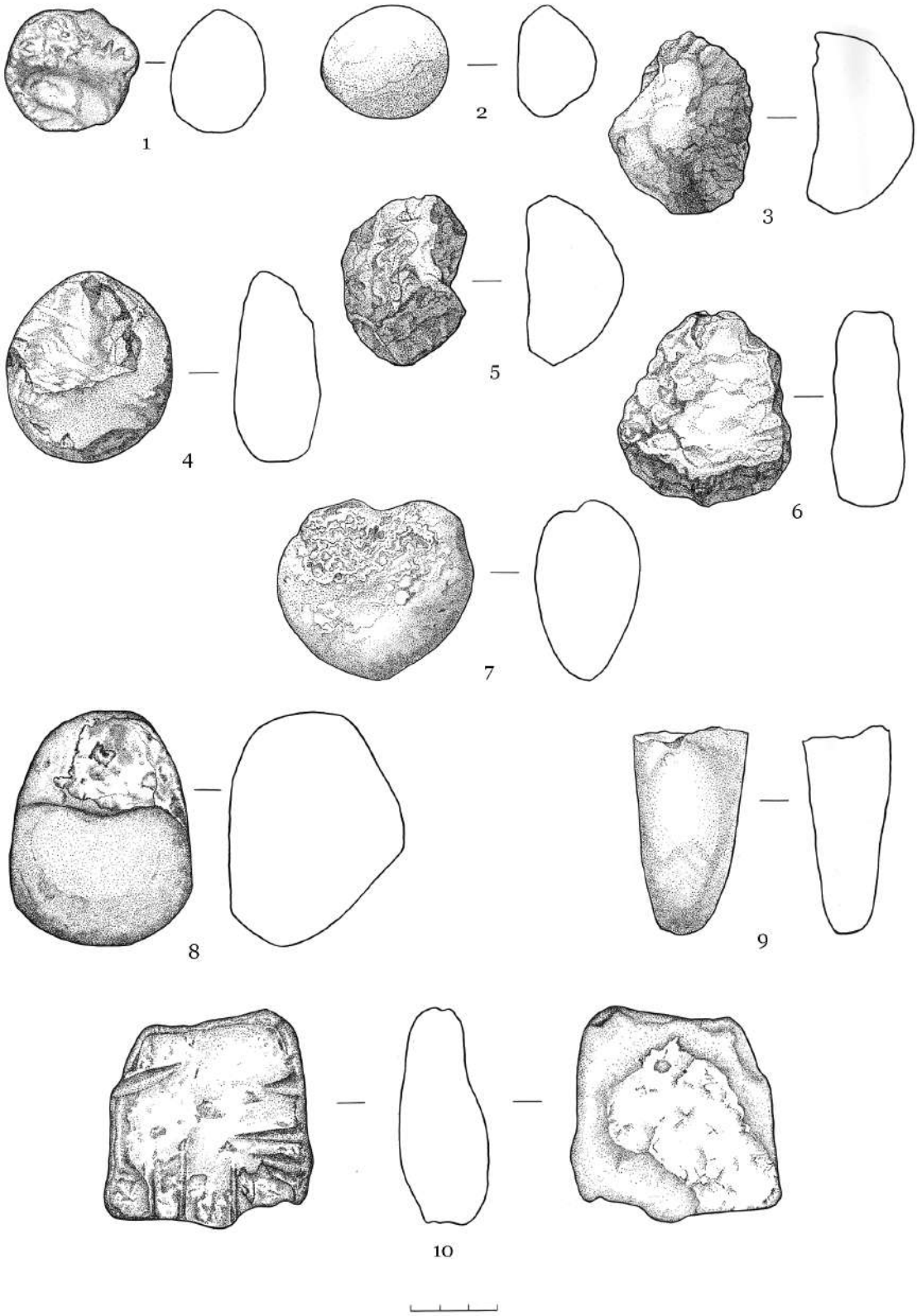


Fig. 5. Ghindeşti VI. 1-7 - Percutoare; 8, 9 - pisăloage; 10 - polizor (1, 2, 4, 7-10 - gresie; 3, 5, 6 - silex).

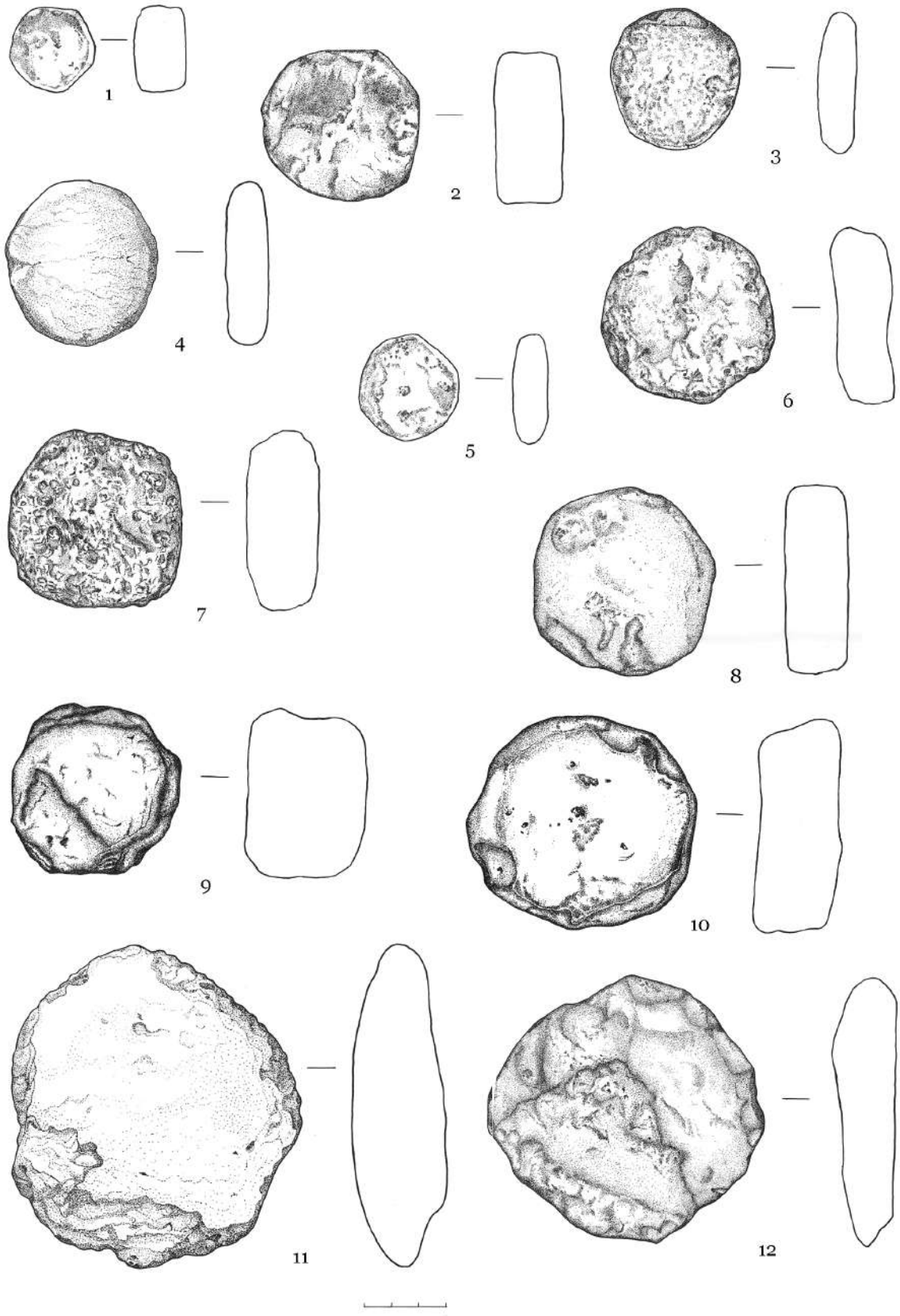


Fig. 6. Ghindeşti VI. Discuri (1-6, 8, 9 - gresie; 7 - tuf vulcanic).

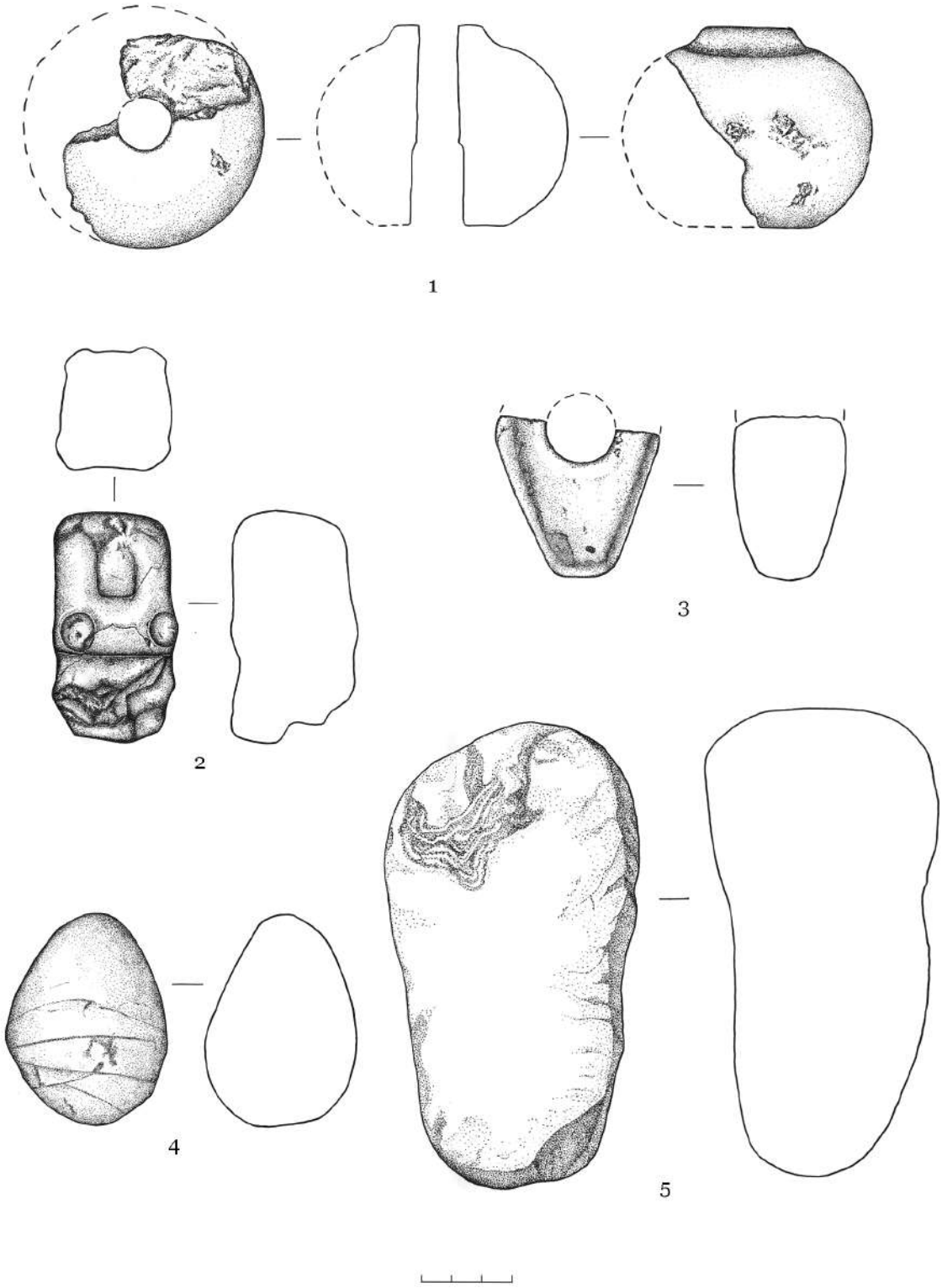


Fig. 7. Ghindești VI. 1, 2 - Fragmente de sceptre; 3, 5 - topoare; 4 - obiect în formă de ou.

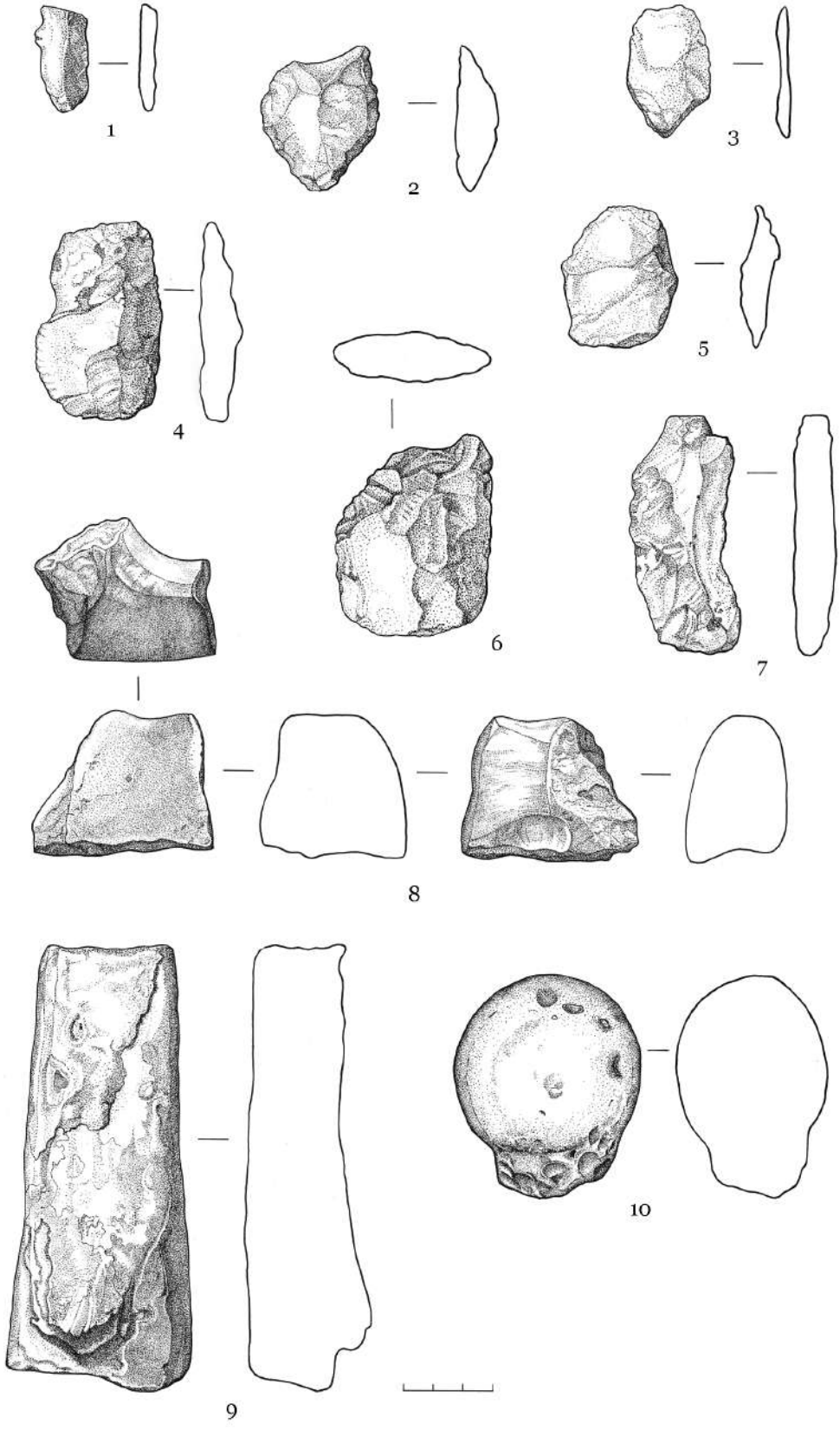


Fig. 8. Ghindeşti VI. Piese din silex: 1 - lamă; 2, 4 - gratoare; 3, 5, 7 - răzuitoare; 6 - fragment de topor; 8-10 - piese cu utilitate incertă (gresie).

din capete. Spre capătul mai lat, pe suprafaţa piesei se observă trei nervuri fine, care dau aspectul unui ornament, format din două benzi lenticulare ce se ridică arcuit pe corpul obiectului şi apoi coboară în punctul de unde pornesc. Suprafaţa piesei este netedă, şlefuită şi nu prezintă urme de utilizare. Dimensiuni: 6,8×5,2×5,2 cm.

Piese cu utilitate incertă (fig. 8/8-10). În număr de cinci unităţi, acestea au forme şi dimensiuni diferite, prezintă urme de prelucrare prin şlefuire, însă nu pot fi atribuite funcţional – fie din cauza fragmentării puternice, fie a aspectului general atipic.

Piese din silex[3]:

Topor (fig. 8/6). Fragment de topor prelucrat din silex, de culoare cenuşie închisă, cu pete cenuşii-deschise. Are formă trapezoidală, neregulată în plan şi semiovală alungită în secţiune. Suprafaţa piesei este aşchiată şi prezintă urme de batere pe unul din capete. Dimensiuni : 6,5×5,3×2,0 cm.

Lamă (fig. 8/1). Este prelucrată pe aşchie de silex, de culoare cenuşie-închisă, cu pete mici gălbui. Are forma triunghiulară alungită în plan şi triunghiulară în secţiune, iar marginile retuşate mărunt. Dimensiuni : 3,4×1,5×0,5 cm.

Răzuitoare (fig. 8/3, 5, 7). Cele cinci exemplare au formă neregulată, ovoidală şi trapezoidală, şi sunt lucrate pe aşchii de silex, de culoare cenuşie-închisă, cu pete cenuşii-deschise. Pe una sau două din marginile acestor piese au fost observate urme de prelucrare prin retuşare măruntă. Dimensiunile răzuitoarelor variază de la 4,4×2,6×0,4 cm la 5,3×5,0×2,5 cm.

Gratoare (fig. 8/2, 4). Patru la număr, acestea sunt prelucrate pe aşchii de silex, de culoare cenuşie-închisă cu pete albe, cenuşie-deschisă cu pete întunecate şi calcinat, de culoare albă. Trei dintre ele au formă prismatică. Acestea au marginile retuşate mărunt. Dimensiunile gratoarelor variază de la 4,4×3,0×0,4 cm la 7,9×4,1×1,8 cm.

Din săpătură provin şi 14 aşchii de silex fără urme de prelucrare.

[3] Pe această cale, aduc sincere mulţumiri domnului Evghenii Sliesarev (cercetător ştiinţific, Wissenschaftliche Mitarbeiter, Christian Albrecht Universität zu Kiel) pentru determinarea artefactelor din silex.

Discuţii

Inventarul litic, descoperit în aşezările de tip Noua-Sabatinovka, este reprezentat de o gamă variată de obiecte – de la piese lucrate rudimentar (abrazive, şlefuitoare, polizoare, discuri ş.a.) la categorii care impresionează prin calitate şi meticulozitatea realizării lor (sceptre, mojare, forme de turnare, topoare). Uneltele erau realizate, în cea mai mare parte, din roci simple de gresie micro- sau macrogranulată, din pietre de râu şi silex. Pentru arme şi însemne sociale erau preferate rocile dure, vulcanice. Prima categorie, cea a uneltelor, este mai variată şi mult mai prezentă cantitativ decât cea a armelor şi însemnelor sociale. Această situaţie ar putea fi explicată prin continuarea practicii tradiţionale a folosirii pietrei la prelucrarea uneltelor, dar şi prin prezenţa/accesul la sursa de materie primă, prin duritatea materialului, comoditatea în prelucrare şi utilizare. Deşi perioada cronologică s-a remarcat prin avântul industriei bronzului, acest aliaj reprezenta un deficit, cu accesibilitate limitată, bazată, în mare parte, pe relaţiile de schimb intercomunitare şi interzonale, aşa încât sursele cele mai accesibile pentru prelucrarea uneltelor rămâneau a fi cele de piatră şi os.

Statistic, cel puţin pentru teritoriul Republicii Moldova, prima poziţie în categoria *unelte* o deţin aşa-numitele *abrazive,* cu una sau, mai rar, ambele laturi şlefuite, prelucrate din gresie diversă ca granulaţie. Şlefuirea superficială, observată pe multe din ele, vorbeşte, cel mai probabil, de un timp scurt de utilizare, până la epuizarea aşchierii care servea în calitate de suprafaţă abrazivă. Pe teritoriul ţării noastre, în unele aşezări cercetate, acest tip de piesă s-a remarcat printr-o prezenţă abundentă (Сава, Кайзер 2011, 290-292, рис. 85-86; Демченко, Левицкий 1992, 125; Сава и др. 2017, 166). Posibil, erau utilizate la răzuirea unor suprafeţe dure, precum şi în procesul de curăţare a pieilor (Сава, Кайзер 2011, 292).

O categorie sporadică o reprezintă *polizoarele,* asemănătoare ca formă abrazivelor, diferenţiindu-se de acestea prin prezenţa şănţuirilor longitudinale pe una sau pe ambele laturi (Florescu 1991, fig. 162A/2-5; Крушельницька 2006, 40, рис. 17/9; Dascălu 2007, 177; Паша, Агульников, Попович 2009, 126, рис. 2/ II,6; Сава, Кайзер 2011, 296, рис. 88/5-9; Sîrbu 2013, fig. 1/1, 3/2, 4; Sîrbu, Sava 2014, fig. 216/1-4, 6-7; Diaconescu

2018, fig. 24/3 ş.a.). Cel mai probabil, erau utilizate în procesul de finisare sau la redarea aspectului estetic al piesei. Analogii sunt cunoscute în cadrul culturii Cozia-Saharna (Кашуба 2000, рис. LII/12).

Făcând referinţă nemijlocit la materialul litic descoperit în aşezarea Ghindeşti VI, menţionăm aici întâietatea artefactelor în formă de disc. *Discuri din piatră* sunt cunoscute în mai multe aşezări de tip Noua-Sabatinovka de pe teritoriul ţării noastre (Дергачев 1969, 118; Дергачев 1973, рис. 20/26; Демченко, Левицкий 1992, 125; Сава, Кайзер 2011, 299; Sîrbu 2013, 166, fig. 4/5-6 ş.a.) şi, mai puţin, în arealul acestor culturi din afara ţării (Балагурі 1968, 140, рис. 2/43; Тощев, Черняков 1986, рис. 6/30; Ğerškovič 1999, Taf. 39/7-10; Sîrbu, Sava 2014, fig. 217; Diaconescu 2018, fig. 24/1-2). Funcţionalitatea discurilor din piatră este incertă, iar descoperirea lor uneori în apropierea „pâinicilor" de lut sau a altor piese cu caracter votiv permit, cu rezervă, atribuirea acestui caracter şi lor (Sîrbu 2015, 103). Analogii sunt cunoscute şi în culturile Katakombnaja (Гребенников, Горбенко 2010, 157, 160) şi Srubnaja (Бровердер 2010, 207, рис. 7/7-8).

Râşniţele şi *frecătoarele* sunt descoperiri relativ frecvente în aşezările culturilor Noua şi Sabatinovka şi reprezintă, de fapt, o dovadă a creşterii cerealelor de către comunităţile respective şi a unui grad evident de sedentarism al acestora. Descoperiri de acest fel sunt cunoscute în multe din aşezările cercetate atât pe teritoriul ţării noastre, cât şi pe întreg arealul de răspândire a acestor culturi (Телегін 1961, 9; Балагурі 1968, 145; Дергачев 1969, 118, таб. III/23; Смирнова 1957, 106; Смирнова 1972, 21; Ğerškovič 1999, Taf. 35/13; Sava 2014, fig. 62/1-2, 148/1, 161/3; Diaconescu 2018, fig. 24/4-5 ş.a.). Râşniţele şi frecătoarele sunt prezente pe o durată cronologică îndelungată, forme asemănătoare fiind cunoscute în culturile Srubnaja, Belogrudovka, Belozerca (Отрощенко 1985, 470, 503, 524, рис. 127/20), Cozia-Saharna (Кашуба 2000, рис. XXVIII/16).

O altă categorie de unelte litice – *şlefuitoarele* – au fost descoperite în mai multe aşezări de tip Noua-Sabatinovka de pe teritoriul ţării noastre şi din afara acesteia (Дергачев 1973, 91-92; Шарафутдинова 1982, 134, рис. 53/2; Ситник 1994, рис. 28/1,3; Агульников, Паша, Попович и др. 2009, 8, рис. 4/7; Сава, Кайзер 2011, 295, рис. 87/1-4; Sîrbu 2013, 166, fig. 5/1-6, 8, 10; Sîrbu, Sava 2014, 457, fig. 218/1-9 ş.a.). Şlefuitoarele de tip „utjuzok" sunt cunoscute preponderent în aşezările de tip Sabatinovka. Un studiu dedicat acestui tip de artefacte litice a fost elaborat de I. Šarafutdinova (Шарафутдінова 1972, 68-71, рис. 2). Funcţional, cel mai probabil, erau utilizate în procesul de finisare a diferitor articole din ceramică, os, bronz, lemn. Analogii sunt cunoscute şi în aşezările culturilor Srubnaja (Бровендер 2010, рис. 28/1, 3-5) şi Babadag (Jugănaru 2005, 68, fig. 46/8, 9, 21).

Percutoarele reprezintă o altă categorie de unelte prelucrate din gresie sau silex, descoperită relativ frecvent în aşezări Noua-Sabatinovka (Смирнова 1972, 21; Демченко, Левицкий 1992, 125; Ситник 1994, рис. 8/2, 24/1, 28/2, 4-6; Ğerškovič 1999, Taf. 35/9; Dascălu 2007, 183, 225; Сава, Кайзер 2011, 300, рис. 89; Sîrbu 2013, 170, fig. 5/10, 13-15, 9/17-23; Sîrbu, Sava 2014, fig. 222/17-23), în unele remarcându-se printr-un număr sporit (Сава, Кайзер 2011, 299, рис. 89; Дергачев 1969, 118; Dumitroaia 1992, 87, fig. 27/3, 4, 29/1, 30/4-5). Statistic, percutoarele prelucrate din silex sunt concentrate în aşezările de tip Noua din spaţiul pruto-nistrean. Cel mai probabil, aveau caracter multifuncţional, pe lângă utilizarea în calitate de atribut în procesul de obţinere a focului, fiind folosite şi la spargerea/ sfărâmarea diferitor materii prime şi produse vegetale. Analogii sunt cunoscute şi în cadrul culturilor Jamnaja (Иванов и др. 2005, 62, рис. 63/7) şi Srubnaja (Березанская и др. 1971, рис. 118/37-39).

Pisăloagele reprezintă o categorie de unelte descoperite sporadic în aşezări. Forma cilindrică sau uşor ovoidală, cu un capăt rotunjit şi urme de presare, le atribuie, cu o doză de rezervă, funcţionalitatea, în lipsa altor dovezi concludente. Pe lângă exemplarele descoperite în aşezarea Ghindeşti VI, piese asemănătoare sunt cunoscute în alte câteva aşezări Noua-Sabatinovka (Сава, Кайзер 2011, рис. 87/11-12; Ğerškovič 1999, Taf. 10/3). În unele cazuri, în calitate de pisăloage erau reutilizate fragmente de *sceptre-coloană*, aşa cum este cazul fragmentului de sceptru-coloană descoperit în aşezarea Ghindeşti VI.

Sceptrele-coloană erau lucrate din roci dure – granit, marmură, serpentin şi alte specii rare de piatră. Acestea au fost clasificate în cinci tipuri, fiecare cu câteva variante (Boroffka, Sava 1998, 19-46, Abb. 1-18). În arealul complexului cul-

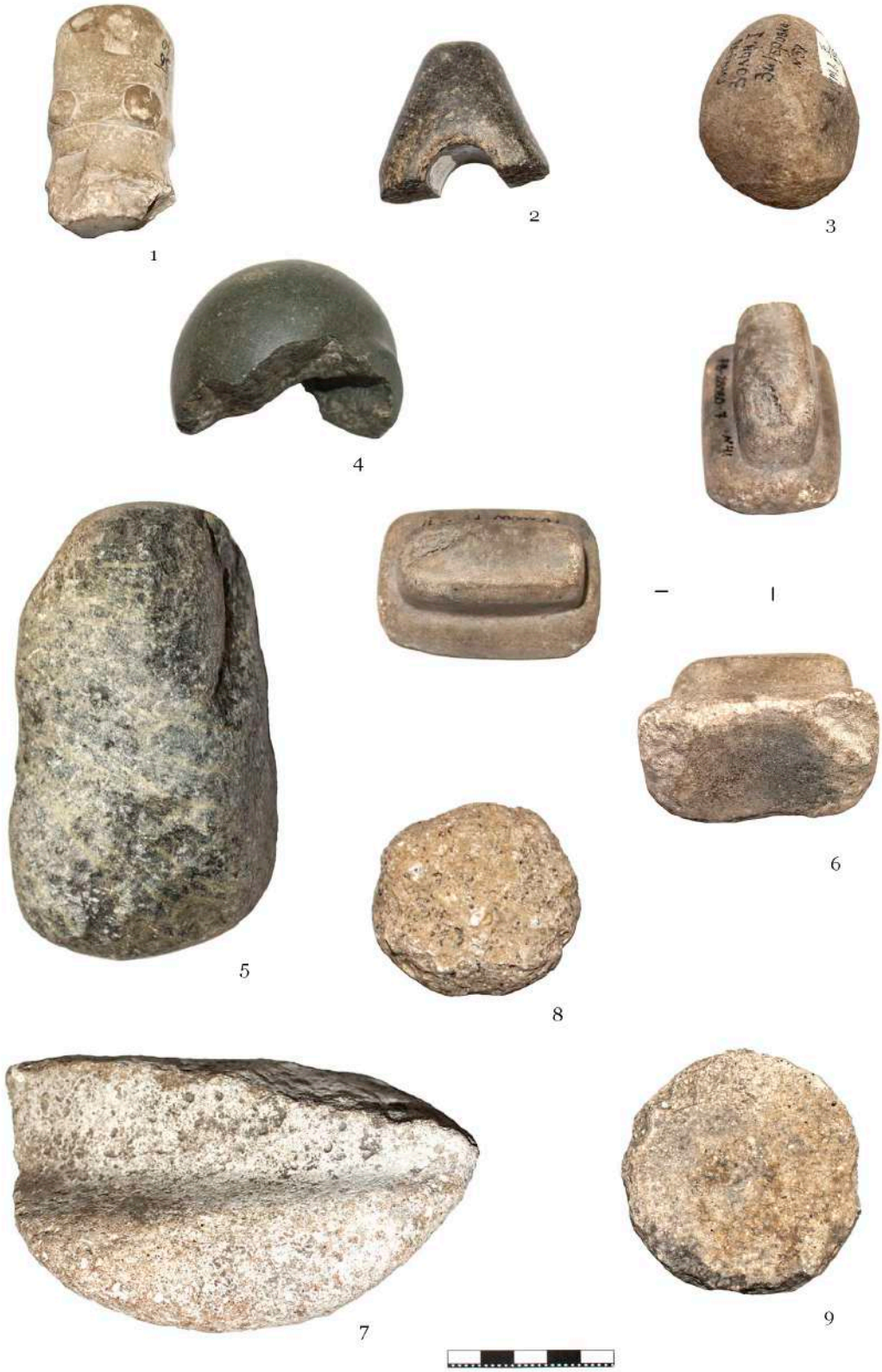


Fig. 9. Artefacte din piatră, descoperite în așezarea Ghindești VI (foto).

tural N-S-C sunt cunoscute sceptre de tipul I şi II şi, foarte rar, III (Сава 1987, 68). Conform tipologiei elaborate de N. Boroffka şi E. Sava, exemplarul descoperit în aşezarea culturii Noua de la Ghindeşti aparţine tipului I (varianta b) (Boroffka, Sava 1998, 19). În literatura de specialitate circulă mai multe ipoteze cu privire la funcţionalitatea acestor piese, printre care folosirea lor pentru mărunţirea minereurilor în procesul de turnare a pieselor de bronz. Această teorie se bazează pe descoperirea unora dintre exemplarele cunoscute alături de forme de turnare sau în componenţa depozitelor de bronzuri (Сава 1987, 60; Дергачев 2012, 154, илл. II/35). Funcţionalitate ritualică sau statutul de prestigiu sunt atribuite sceptrelor ornamentate (Сава 1987, 60; Irimia 2008, 82). Această categorie de artefact este cunoscută pe un areal larg, cuprins între Siberia de vest, la est, până la munţii Carpaţi, în vest, şi spre sud – până la marginea de vest a văii Indului (Boroffka, Sava 1998, 19-46, Abb. 1-18).

Măciucile sau, cum mai sunt numite, sceptrele sferice perforate reprezintă, la fel, descoperiri destul de rare. Sunt cunoscute în câteva aşezări de tip Noua-Sabatinovka (Дергачев 1969, 118, таб. III/24; Черняков 1985, 95, рис. 44/14; Дергачев 1986, 162, рис. 45/31; Ğerškovič 1999, Taf. 10/2; Sîrbu, Ţerna 2017, fig. 6/7). Acestora li se atribuie atât statut de armă (Comşa 1972, 260; Говедарица 2009, 419), cât şi valoare simbolică (Dumitroaia 2000, 124; Епимахов 2013, 29). Analogii sunt cunoscute şi în cadrul culturilor Katakombnaja (Синюк, Матвеев 2007, рис. 62/12, 91/1, 119/10), Belogrudovka (Березанская и др. 1994, рис. 12), Mnogovalikovaja (Kaiser 1997, 116-126), Belozerca (Черняков 1985, 95, рис. 44/11-13).

Prelucrate din roci dure de piatră, *topoarele* se împart în două categorii principale: perforate şi neperforate, ultimele fiind descoperite foarte rar. Din aşezarea de la Ghindeşti provin câte un exemplar din fiecare categorie. Toporul perforat s-a păstrat în stare fragmentară, cu toate acestea, poate fi atribuit aşa-numitelor *topoare-ciocan*. Numeric, reprezintă cel mai cunoscut tip de topor, descoperit în aşezările Noua-Sabatinovka (Лесков 1970, рис. 25/9, 12; Смирнова 1972, рис. 6/11; Florescu 1991, fig. 159/1, 4; Kluschinzew 1993, des. 1/2; Колотухин 2000, рис. 12/19; Dascălu 2007, 215, 222; Rotaru 2009, fig. 7/3; Sava 2014, fig. 62/7, 89/1, 132/23; Bolohan 2016, pl. 5/1). Al doilea exemplar reprezintă un topor dublu masiv. Cum am menţionat şi mai sus, topoarele de acest tip sunt descoperiri mai rare în aşezările de tip Noua-Coslogeni (Шарафутдінова 1962, таб. II/5-6; Козачок 1991, рис. 7/28; Rotaru 2009, fig. 1-3; Bolohan 2016, pl. 5/11). Funcţionalitatea topoarelor era, cel mai probabil, una diversă, fiind folosite ca unelte, arme sau simboluri sociale, în dependenţă de caracteristicile morfologice şi roca din care erau confecţionate.

Piesele în formă de ou sunt prelucrate, de regulă, din gresie, dar sunt cunoscute şi exemplare confecţionate din roci dure de piatră (Шарафутдінова 1964, рис. 7/2-3, 6). Astfel de obiecte au fost descoperite în aşezări de tip Noua-Sabatinovka (Сава, Кайзер 2011, рис. 87/10, 14; Тощев, Черняков 1986, рис. 6/11; Ğerškovič 1999, Taf. 9/1-16, 35/9), lipsind în cele din mediul Coslogeni. Analogii sunt cunoscute şi în aşezări ale perioadei bronzului târziu de pe teritoriul Kazahstanului, fiind considerate a fi bile pentru praştie (Варфоломеев, Дмитриев 2015, 379-385, рис. 1/1-7, 9-15; 2/1-7, 10, 15). Piese asemănătoare sunt cunoscute şi în Hallstattul timpuriu (Кашуба 2000, рис. XXVII/17).

Concluzii

Fiind cea mai veche îndeletnicire, prelucrarea pietrei a păstrat, în timp, unele tradiţii practice (despicare, şlefuire, perforare, lustruire), pe care le-a perfecţionat în cazul unor categorii (topoarele, sceptrele, mojarele, formele de turnare), creând şi practici de producere în serie şi redări artistice (ornament), cum este cazul sceptrelor-coloană şi cel al topoarelor de luptă.

Folosite preponderent în vechime, uneltele din piatră pot furniza date importante privind îndeletnicirile practicate de comunităţile preistorice, iar valorificarea lor poate ajuta considerabil la elucidarea mai multor aspecte, legate de activităţile economice dintr-o perioadă sau alta. Pentru o analiză mai amplă pe microzone, zone sau areal de răspândire, datele statistice pot oferi informaţii importante privind prezenţa, frecvenţa, nivelul de circulaţie a unor categorii de obiecte pe un anumit teritoriu.

În lipsa posibilităţilor de a supune acest lot de piese analizei petrografice, care ar putea furniza date importante atât despre rocile utilizate, cât şi despre funcţionalitatea obiectelor, ne rezumăm la informaţiile directe şi indirecte, cunoscute la momentul de faţă pentru fiecare categorie sau

tip. Marea majoritate a uneltelor din piatră, descoperite în aşezarea de la Ghindeşti, pot fi atribuite funcţional unei sau altei activităţi casnice şi reprezintă obiecte cunoscute şi în perioadele cronologice anterioare, deja cu o tradiţie de utilizare, precum râşniţe, frecătoare, şlefuitoare, percutoare, topoare. Neclaritatea apare în cazul unor categorii specifice strict pentru aşezările Noua-Sabatinovka – discurile şi piesele în formă de ou, care, până la o eventuală descoperire a lor într-un context clar privind funcţionalitatea sau însemnătatea lor, lasă loc de mai multe interpretări.

Analiza inventarului din piatră are importanţa sa în reconstituirea mai multor aspecte atât ale paleoeconomiei ca surse de date privind ocupaţiile gospodăreşti sau meşteşugăreşti, cât şi a relaţiilor sociale (statut, schimb) şi intercomunitare (caracter războinic/paşnic). Valorificarea incompletă a descoperirilor creează lacune ce vin în defavoarea cercetării care ar include, în special, elaborări de tipologii, documentarea nivelului prezenţei de la zonă la zonă a anumitor categorii de obiecte, identificarea indiciilor directe şi indirecte privind activităţile practicate.

Bibliografie

Bolohan 2016: N. Bolohan, Bronzul Târziu la Dunărea de Jos. Componente şi relaţii interculturale (Cluj-Napoca 2016).

Boroffka, Sava 1998: N. Boroffka, E. Sava, Zu den steinernen „Zeptern/Stössel-Zeptern“, „Miniatursäulen“ und „Phalli“ der Bronzezeit Eurasiens. In: Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 30 (Berlin 1998) 17-113.

Comşa 1972: E. Comşa, Date despre uneltele din piatră şlefuită din epoca neolitică şi din epoca bronzului de pe teritoriul României. SCIV 23/ 2, 1972, 245-261.

Dascălu 2007: L. Dascălu, Bronzul Mijlociu şi Târziu în Câmpia Moldovei (Iaşi 2007).

Diaconescu 2018: M. Diaconescu, Date noi privind epoca bronzului în lumina descoperirilor de la Vorniceni (jud. Botoşani). In: Arheovest VI. In memoriam Marian Gumă (1951-1998) (Szeged 2018), 225-261.

Dumitroaia 1992: Gh. Dumitroaia, Materiale şi cercetări arheologice din nord-estul judeţului Neamţ. MemAntiq XIX, 1992, 63-143.

Dumitroaia 2000: Gh. Dumitroaia, Comunităţi preistorice din nord-estul României. De la cultura Cucuteni până la bronzul mijlociu. In: Bibliotheca memoriae antiquitatis, VII (Piatra Neamţ 2000).

Florescu 1991: A.C. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. In: Cultură şi civilizaţe la Dunărea de Jos, IX (Călăraşi 1991).

Gerškovič 1999: Ja.P. Gerškovič, Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres. In: EA, Bd. 7 (Rahden/Westf., 1999).

Irimia 2008: M. Irimia, Sceptre de piatră inedite din jud. Constanţa şi unele consideraţii privind legăturile zonei vest-pontice cu spaţiul egeean în bronzul târziu. Pontica 41, 2008, 79-117.

Jugănaru 2005: G. Jugănaru, Cultura Babadag, I (Constanţa 2005).

Kaiser 1997: E. Kaiser, Der Hort von Borodino. In: Universitätsforschungen zur Prähistorischen Archäologie, Band 44, (Bonn 1997).

Kluschinzew 1993: W.N. Kluschinzew, Sabbatische Siedlung „Jushni Bug". In: Cultură şi civilizaţe la Dunărea de Jos, X, (Călăraşi 1993), 75-83.

Rotaru 2009: M. Rotaru, Aşezarea de la sfârşitul epocii bronzului de la Rai-Gura Hulubăţ, com. Murgeni, jud. Vaslui. In: Antichităţile Elanului, vol. II (Bârlad: Sfera 2009), 105-122.

Sava 2014: E. Sava, Aşezări din perioada târzie a epocii bronzului în spaţiul pruto-nistrean (Noua-Sabatinovka) (Chişinău 2014).

Sîrbu 2013: M. Sîrbu, Piese litice descoperite în aşezările culturilor Noua-Sabatinovka din spaţiul pruto-nistrean. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 163-189.

Sîrbu, Sava 2014: M. Sîrbu, E. Sava, Obiecte din piatră şi silex. In: E. Sava, Aşezări din perioada târzie a epocii bronzului în spaţiul pruto-nistrean (Noua-Sabatinovka) (Chişinău 2014), 453-470.

Sîrbu, Ţerna 2017: M. Sîrbu, S. Ţerna, Stolniceni II – o nouă aşezare cu „cenuşare" descoperită în zona de nord a Republicii Moldova. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 93-106.

Агульников, Паша, Попович 2009: С. Агульников, В. Паша, С. Попович, Археологические разведки в микрозоне с. Кэплань в Нижнем Поднестровье. В: Международная научная конференция «Сохранение культурного наследия в странах Европы (г. Кишинев, 25-26 сентября 2008 г.) (Кишинев 2009), 40-47.

Балагурі 1968: Е.А. Балагурі, Поселення культуры Ноа біля с. Острівець, Івано-Франківської області. Археология 21, 1968, 135-146.

Березанская и др. 1971: С.С. Березанская, Ю.М. Захарук, О.М. Лесков, Д.Я. Телегин, І.Г. Шовкопляс, Археологія Української РСР, том. 1 (Київ: «Наукова Думка» 1971).

Березанская и др. 1994: С.С. Березанская, Е.В. Цвек, В.И. Клочко, С.Н. Ляшко, Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине (Киев 1994).

Бровендер 2010: Ю.М. Бровендер, Поселение Червонэ Озеро 3 донецкого горнометаллургического центра эпохи бронзы. В: Донецкий археологічений збірник 2009-2010, №13/14 (Донецк 2010), 203-211.

Варфоломеев, Дмитриев 2015: В.В. Варфоломеев, Е.А. Дмитриев, Кентские овоиды. В: Древний Тургай и Великая Степь: часть и целое. Сборник научных статей, посвященный 70-летнему юбилею Виктора Николаевича Логвина (Костанай-Алматы 2015), 379-385.

Говедарица 2009: Б. Говедарица, Каменные крестовидные булавы медного века на територий Юго-Восточной и Восточной Европы. Stratum plus 2 (2005-2009), 2009, 419-437.

Гребенников, Горбенко 2010: В.Б. Гребенников, К.В. Горбенко, Поселения, грунтовые могильники и клады эпохи бронзы на территории Николаевской области (археологическая карта) (Николаев 2010).

Демченко, Левицкий 1986: Т. Демченко, О. Левицкий, Исследования зольников культуры Ноуа у станции Кобыльня. В: АИМ в 1986 г. (Кишинев 1992), 120-135.

Дергачев 1969: В.А. Дергачев, Поселение эпохи бронзы у с. Слободка-Ширеуць. В: Далекое прошлое Молдавии (Кишинев 1969), 110-122.

Дергачев 1973: В.А. Дергачев, Памятники эпохи бронзы. В: АКМ, вып. 3 (Кишинев 1973).

Дергачев 1986: В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).

Дергачев 2012: В.А. Дергачев, Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова. Revista Arheologică s.n. VIII/1-2, 2012, 154-160.

Епимахов 2013: А.В. Епимахов, К вопросу о времени бытовання и функции редкой разновидности каменных наверший булав бронзового века. КСИА 231, 2013, 29-36.

Кашуба 2000: М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.

Колотухин 2000: В.А. Колотухин, Поселение эпохи поздней бронзы Бай-Кият. Stratum plus 2, 2000, 526-553.

Козачок 1991: Н.Л. Козачок, Памятники эпохи бронзы на о. Хортица. В: Древности степного Причерноморья и Крыма, II (Запорожье 1991), 82-104.

Крушельницька 2006: Л.І. Крушельницька, Культура Ноуа на землях України (Львів 2006).

Лесков 1970: А.М. Лесков, Кировское поселение. В: Древности Восточного Крыма (Пресдкифский период и скифы) (Киев 1970), 7-59.

Иванова, Петренко, Ветчинникова 2005: С. Иванова, В. Петренко, Н. Ветчинникова, Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра (Одесса 2005).

Мелюкова 1961: А.И. Мелюкова, Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. В: МИА СССР, 96, 1961, 5-52.

Паша, Агульников, Попович 2009: В.И. Паша, С.М. Агульников, С.С. Попович, Жилой комплекс позднего бронзового века: поселении Ла Юрт в Северо-Восточном Буджаке. Старожитності степового Причорномор'я і Криму, XV, 2009, 124-129.

Отрощенко 1985: В.В. Отрощенко, Белозерская культура. В: Археология Украинской ССР. Первобытная археология, том 1 (Киев 1985).

Савва 1987: Е.Н. Савва, К вопросу о пестах-скипетрах эпохи поздней бронзы из Северного Причерноморья. В: Известия Академии наук Молдавской ССР, Серия общественных наук, № 1 (Кишинев 1987), 62-71.

Сава, Кайзер 2011: Е. Сава, Э. Кайзер, Поселение с «зольниками» у села Одая, Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования) / E. Sava, E. Kaiser, Die Siedlung mit „Aschehügeln" beim Dorf Odaia-Miciurin, Republik Moldova (Archäologische und naturwissenschaftliche Untersuchungen) (Chişinău 2011).

Сава и др. 2017: Е. Сава, Э. Кайзер, М. Сырбу, Е. Мистряну, Новые исследования поселений с «зольниками» эпохи поздней бронзы в Пруто-Днестровском междуречье. В: Ex Ungue Leonem. Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна (Санкт-Петербург 2017), 151-179.

Синюк, Матвеев 2007: А.Т. Синюк, Ю.П. Матвеев, Среднедонская Катакомбная культура эпохи бронзы (по данных курганных комплексов) (Воронеж 2007).

Ситник 1994: О. Ситник, Воля IV - поселення культури Ноа (Охоронні дослідження 1990 р.) (Львів 1994).

Смирнова 1957: Г.И. Смирнова, Поселение позднебронзового века и раннего железа возле с. Магала Черновицкой облости. КСИИМК 70, 1957, 99-107.

Смирнова 1972: Г.И. Смирнова, Новые исследования поселения Магала. АСГЭ 14, 1972, 12-31.

Телегін 1961: Д.Я. Телегін, Питання видносної хронологіі пам'яток пізної бронзи Нижнього Подніпровья. Археологія XII, 1961, 3-15.

Тощев, Черняков 1986: Г.Н. Тощев, И.Т. Черняков, Культовые зольники сабатиновской культуры. В: Исследование по археологии северо-западного Причерноморья (Киев 1986), 115-138.

Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э. (Киев 1985).

Шарафутдінова 1962: І.Н. Шарафутдінова, Нови пам'ятки епохи пізньої бронзи в нижньому подніпров'ї. В: АП УРСР, том X (Киев 1962), 12-25.

Шарафутдінова 1964: І.Н. Шарафутдінова, Поселення епохи пізньої бронзи поблизу Кременчука. Археологія XVII, 1964, 153-169.

Шарафутдінова 1972: І.Н. Шарафутдінова, Кам'яні праски епохи пізньої бронзи. Археологія V, 1972, 68-71.

Шарафутдинова 1982: И.Н. Шарафутдинова, Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы (Киев 1982).

Complementing the data on the collection of stone artifacts found at the first studied settlement of the Noua culture on the territory of the Republic of Moldova

Keywords: the late Bronze Age, Noua culture, Ghindeşti VI settlement, stone objects.

Abstract: On the territory of our country, the first archaeological remains characteristic of the Noua culture were discovered in the village of Ghindeşti (Floresti district), where in 1956-1957 A.I. Melyukova investigated three "ash lenses" at the settlement that entered the literature as Ghindeşti VI. As a result of archaeological research, an impressive assemblage of pottery fragments and artifacts made of bone, stone, clay and bronze was collected here. Most of the archaeological material was published by the author of the excavations in the early 1960s. However, the lithic material was the least explored, although statistically it represents the most numerous category. It is for this reason that we considered it necessary to analyze and publish the entire assemblage of stone objects found at the Ghindeşti VI settlement, given that although these artifacts are frequent in the researched settlements of the Noua culture, they are presented superficially in publications.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of Ghindeşti VI settlement location.

Fig. 2. Ghindeşti VI. Fragments of a grinding stone.

Fig. 3. Ghindeşti VI. 1 - Fragment of a rubbing stone; 2-10 - abrasives.

Fig. 4. Ghindeşti VI. Smoothers (1, 2, 4, 6, 9, 10 - sandstone; 3, 5, 7 - river pebble).

Fig. 5. Ghindeşti VI. 1-7 - Hammerstones; 8, 9 - pestles; 10 - whetstone (1, 2, 4, 7-10 - sandstone; 3, 5, 6 - silex).

Fig. 6. Ghindeşti VI. Disks (1-6, 8, 9 - sandstone; 7 - volcanic tuff).

Fig. 7. Ghindeşti VI. 1, 2 - Scepter fragments; 3, 5 - axes; 4 - egg-shaped object.

Fig. 8. Ghindeşti VI. Flint objects: 1 - bladelet; 2, 4 - scrapers; 3, 5, 7 - push-planes; 6 - ax fragment. 8-10 - Items of unclear utility (sandstone).

Fig. 9. Stone artefacts found at the settlement of Ghindeşti VI (photo).

Уточнение данных о коллекции каменных артефактов, обнаруженных на первом исследованном поселении культуры Ноуа на территории Республики Молдова

Ключевые слова: поздний бронзовый век, культура Ноуа, поселение Гиндешть VI, каменные предметы.

Резюме: На территории нашей страны первые археологические остатки, характерные для культуры Ноуа, были обнаружены в селе Гиндешть (Флорештский район), где в 1956-1957 гг. А.И. Мелюкова исследовала три «зольника» на поселении, вошедшем в специальную литературу под названием Гиндешть VI. В результате археологических изысканий здесь была собрана внушительная коллекция фрагментов керамики и артефактов из кости, камня, глины и бронзы. Большая часть археологического материала была опубликована автором раскопок в начале 60-х годов XX века. Однако наименее изученными оказались предметы из камня, хотя они составляют наиболее многочисленную категорию находок. Именно по этой причине мы сочли необходимым проанализировать и опубликовать весь комплекс каменных предметов, обнаруженных на поселении Гиндешть VI, учитывая, что эти артефакты, хоть и часто встречаются на исследованных поселениях культуры Ноуа, в публикациях представлены поверхностно.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта расположения поселения Гиндешть VI.

Рис. 2. Гиндешть VI. Фрагменты зернотёрки.

Рис. 3. Гиндешть VI. 1 - Фрагмент тёрочника; 2-10 - абразивы.

Рис. 4. Гиндешть VI. Лощила (1, 2, 4, 6, 9, 10 - песчаник; 3, 5, 7 - речная галька).

Рис. 5. Гиндешть VI. 1-7 - Отбойники; 8, 9 - песты; 10 - точило (1, 2, 4, 7-10 - песчаник; 3, 5, 6 - кремень).

Рис. 6. Гиндешть VI. Диски (1-6, 8, 9 - песчаник; 7 - вулканический туф).

Рис. 7. Гиндешть VI. 1, 2 - Фрагменты скипетров; 3, 5 - топоры; 4 - яйцеобразный предмет.

Рис. 8. Гиндешть VI. Кремневые предметы: 1 - пластина; 2, 4, - скребки; 3, 5, 7 - скобели; 6 - фрагмент топора. 8-10 - Предметы неясного назначения (песчаник).

Рис. 9. Каменные артефакты, обнаруженные на поселении Гиндешть VI.

23.05.2022

Mariana Sîrbu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-1537-7375, e-mail: sirbumary24@yahoo.com

COLCHIS – THE ANCIENT CENTER OF IRON METALLURGY

Nana Khakhutaishvili, Revaz Papuashvili, Guram Chkhatarashvili

Keywords: Archaeology, Colchis, metallurgy, ore, monument.

The research of the issues of ancient iron metallurgy is one of the most difficult fields for historical science. The interest in this issue is due to the great importance that iron has played in the life of ancient societies and in the advancement of mankind.

The study of the ancient iron metallurgy of Colchis is one of the most important problems in the ancient history of our country. The issue concerns the contribution of Georgian tribes in the world iron metallurgy (Berdzenishvili 1971).

It is noteworthy that the authors of antiquity in their time were also interested in the production of ancient iron. Ancient eastern and ancient Greek sources suggested that the ancient iron producers were the Chalybes and the Tubals (Tabal-Tiberians) living in northern Anatolia (southern Black Sea coast). In the Urartian epigraphy, iron is mentioned only once, in connection with the Culkha (tribal union of southwestern Georgia). According to the source, King Sardur II of Urartu invaded the country of Culkha, his royal city of Ildamusha, and made an iron ring there (Меликишвили 1959, 199; Меликишвили 1960, 304; Гиоргадзе 1988, 238-261); In the Bible, Book IV of Ecclesiastes, it is stated that "Tubal-Cain was a carpenter of copper and iron" (*Genesis*, IV, 22); Xenophon (5th century BC) in "Anabasis" mentions the Chalybes, subordinates of the Mossynoeci, who survived by processing iron (Xenophont, *Anabasis*, V. V, §I; Mikeladze 1967; Ксенофонт 1994); Euripides (480-406 BC) in his tragedy "Alcestida" refers to the "iron in the land of Chalybes" (Латышев 1947, 288), and his scholiast explains that "the Chalybes are the people of Pontus, where there are iron mines" (Латышев 1947, 292); Apollonius of Rhodes in his "Argonautica" paints the hard work of Chalyb-metallurgists in rather dark colors: there (at the confluence of the Thermodont River) is the Dionata Plain, and there are three Amazonian cities near it; and then the most unfortunate, brave Chalybes, who follow iron processing, live on rocky and gloomy land ... They neither cultivate the land with oxen, nor produce any sweet fruit, nor do their herds graze on wet pastures. They dig up the heavy soil containing iron, they change it (iron) for food... In black soot and smoke they do their hard work (Apollonius 1970); Eudoxus (III BC), Lyciphron (Латышев 1947, 269-274) and their later scholiasts (Stephen of Byzantium, Eustatius of Thessalonica and others) indicate the stringiness and good tempering iron features. The first concrete information about the Chalybe rule of iron-steel production is found in Pseudo-Aristotle (IV century BC). He points out that the production of Chalybe and Amiss iron is special and it is obtained from the sand brought by rivers. Only this iron does not oxidize, but its extraction takes place in insignificant quantities (Aristotle, *On the Amazing Voices*, 830; Kaukhchishvili 1969; Kaukhchishvili 1976). Thus, according to Aristotle, the Chalybes long ago possessed the secret of making high-quality iron.

According to Georgian scholars, the Chalybes belonged to the Chan (Western-Georgian) branch of the ethnic Kartvelian tribes and inhabited the south-eastern Black Sea coast (Меликишвили 1959; Mikeladze 1974). However, there are other considerations as well (Bittarello 2016, 497-534). It is noteworthy that iron production in the Chalybe settlement area did not stop even in the late period. During his voyage to Lazistan (historic Chaneti, present-day Turkey) (1869), near the river Shershiut-Chai (Tripoli-Chai) gorge, on the territory of Karasuk, many inactive mines were shown to G. Daylor in which he found fragments of iron ore and tools, and while exploring nearby mountains, he collected excellent specimens of iron ore on the surface of the earth (Daylor 1871). Other authors also cite the existence of iron production residues in this area.

Studies conducted in Georgia in recent decades have shown that Kartvelian tribes have made a

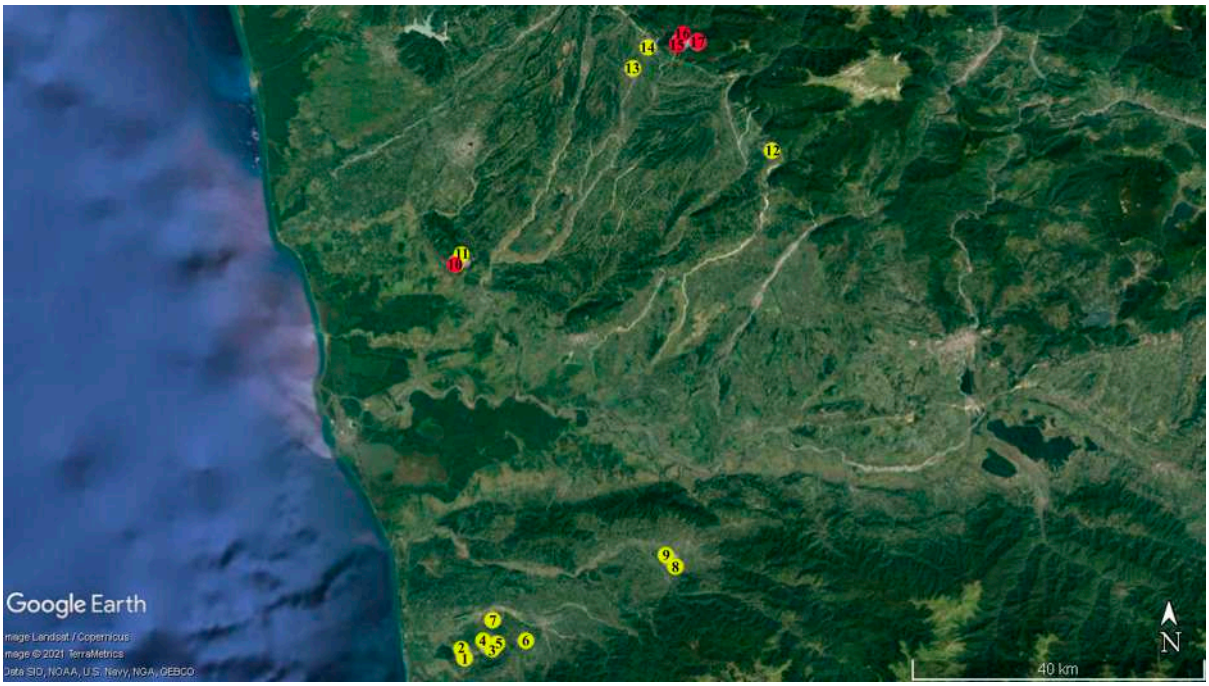


Fig. 1. The map showing the distribution of newly discovered sites due to archaeological fieldwork in 2020-2021. *Metallurgical slags:* 1 - Tsetskhlauri II; 2 - Tsetskhlauri III; 3 - Agarodni Gora II; 4 - Agarodni Gora I; 5 - Agarodni Gora III-1, III-2; 6 - Anaseuli; 7 - Agarodni Gora III-3; 8 - Jvartskhma; 9 - Goraberejhouli; 11 - Pirveli Maisi; 12 - Mesame Balda; 13 - Zumi; 14 - Mukhuri. *Hematite:* 10 - Khobi; 15 - Tsifuria mount, Kvartsighele pass; 16 - Tsifuria mount, Tsifuria pass; 17 - Tsifuria mount, Hematitiani Ghele.

significant contribution to the formation of Caucasian cultures and have played a leading role in the emergence and further development of this or that field (Lordkipanidze 1966; Mikeladze 1974, 114-149; Lordkipanidze 2002; Japaridze 2003). Based on the materials obtained by Georgian specialists and the available written sources, the contours of the scientific evidence that the tribes living in the foothills of the eastern and southeastern Black Sea region, in the territory of historical Colchis, in the boundary of the II-I millennia BC and possibly even earlier already possessed the technology of making iron and are also very successful in this business. It is thought that historic Colchis became an important base for ferrous metallurgy in the Caucasus and the Middle East at that period (Гзелишвили 1964; Хахутаишвили 1987; Khakhutaishvili 2005, 80-88; Khakhutaishvili 2006, 222-234).

The study of the problems of Colchian iron metallurgy began in the 60ies of the last century (Гзелишвили 1964; Khakhutaishvili 1964, 45-58; Khakhutaishvili 1974; Хахутаишвили 1987; Tavadze et al. 1977, 5-61). It took more than two decades for the corresponding member of the Georgian Academy of Sciences, Prof. David Khakhutaishvili to study the issues related to this problem. Based on archaeological, archaeomagnetic, radiocarbon or other geophysical data, the researcher established the working principle, chronology, construction of smelting furnaces, raw material production base of iron production (which differs in different regions), technological peculiarities of iron smelting, and considered them in the relation to other centres (Khakhutaishvili 1964, 45-58; Khakhutaishvili 1974; Хахутаишвили 1987; Khakhutaishvili 1990). Nevertheless, many issues need further investigation, while some contentious issues require further clarification and response. This especially refers to the issue of dating the early stages of ancient iron production in Colchis and the problems associated with it.

It should be noted that according to some experts, the absorption of iron was facilitated by long-term empirical knowledge-experience of copper-bronze processing, which led man to the discovery of the secret of iron-steel extraction in search of a cooler metal. According to others, the basis of the Iron Age was the processing of natural or meteorite iron. Quite authoritative European scientists (Zimmer 1916; Wright 1939, 450-462; Rickard

1

1

Fig. 2. Metallurgical slags: 1 - Jvartskhma; 2 - Agarodni Gora II.

1941, 55-66; Wertime, Muhly 1980; Pigott 1982; Muhly et al. 1985; Tylecote 1987; Waldbaum 1999; Pleiner 2000) doubted that meteorite iron processing gave rise to the Iron Age. In their view, since almost all meteorite iron is highly hardened and easy to process due to its high nickel content, it could not lead to the complexity of the complex technical and technological processes known as the extraction of iron in got from the ore. This view is shared by Georgian scientists, who believe that iron metallurgy was formed and developed on the basis of copper-bronze metallurgy (Mikeladze 1974; Japaridze 2003; Lordkipanidze 1998; Khakhutaishvili 2009; Хахутаишвили 1987).

It is confirmed today that all the necessary preconditions and all the components were present in the territory of historical Colchis, without which it would be impossible to conceive and further develop the ancient iron metallurgy here: 1. First of all, the rich traditions of the mentioned region – historical Colchis – in the production of metals, in particular copper, and its connections with the production centres of Anatolia even before the Bronze Age (Khakhutaishvili 1987; Khakhutaishvili 2005; Khakhutaishvili 2006; Khakhutaishvili 2008; Yalçin 1993, 177-187; Inanishvili 2007; Inanishvili 2014) are noteworthy. A large group of modern researchers working on the history of metal production and processing thinks that in the early period iron was mined in similar cold-rolled furnaces in which copper and lead were obtained (Smith, Wertime 1982; Smith, Wertime 1983; Muhly 2003 and others). A similar evolution must be allowed for the Colchian world; 2. There were different types of ores and their deposits, which according to the territorial location can be grouped into several main areas: Ajara-Trialeti,

Fig. 3. Hematite.

Guria-Samegrelo, Racha-Svaneti, Imereti and Abkhazia (Mineral 1933; Georgian 1935; Natural 1958; Tylecote 1981, 137-149; Kuparadze, Pataridze, Kerestedjian 2008, 248-252; Купарадзе, Патаридзе 2009, 277-294). It turned out that the old Colchian metallurgists mainly used magnetic sand, hematite, limonite as ore. 3. There was a large supply of refractory clays (Рокваа 1950, 127-132), which is necessary for the organizing of the workshop (lining the interior of the oven, making blast pipes, etc.). It is noteworthy that a strip rich in such clays runs along the entire length of the subtropical foothills of the Greater and Lesser Caucasus. Among them are Tsetskhlauri clays, the melting temperature of which is in the range of 1200-1600 degrees (Georgian 1935; Natural 1958); 4. Different species of trees (willow, oak, hornbeam) presented in the forests of historical Colchis made it possible to obtain high-quality charcoal (Rekhviashvili 1953, 30-40).

1 2 3 4

Fig. 4. Heating small pieces of hematite fragment in a high temperature. Experiment.

At present, the study of the issues of early iron production in Colchis continues and the clarification of the previously expressed opinions using the latest technological methods. The Georgian-British joint expedition, which carried out research work in Samegrelo (Chkhorotsku Municipality), Guria and Ajara regions in 2010-2014, served this purpose.

The joint expedition in the process of reconnaissance was mainly guided by the field diaries of the famous scientist – David Khakhutaishvili, without which it would have been impossible to find and fix the monuments identified and partially studied in the 60ies - 90ies of the last century. As a result of four years of work in the territories of Samegrelo (villages: Pirveli Chogha, Meore Chogha, Kirtskhi, Khabume, Nakiani, Jumiti, Mukhurisi, Shurubumu Cave, Migara Mountain, Ledarsale, Naphichkhovo, Zumi) Adjara (villages of Khulo Municipality: Chao, Zamleti, Tago, Dzmagula, Tsablana, Kishla) and Guria (villages: Askana, Mziani, Mshvidobauri, Maghali Etseri, Vakijvari) together with foreign colleagues, the workshops of both bronze and ancient iron production were studied (Erb-Satullo, Gilmour, Khakhutaishvili 2014; 2015; 2017; 2018; 2020).

As a result of research conducted at different times in western Georgia, approximately 100 workshops have been discovered, some of which have been scientifically studied. The identified archeological objects can be divided into three groups:

Monuments of the I group are mainly spread in the territory of modern Guria, chronological age of which varies between 1300-800 years BC according to the C14 method. A large proportion of these monuments are associated with the copper-bronze production (Erb-Satullo, Gilmour, Khakhutaishvili 2014; 2015; 2017; 2018; 2020).

Monuments of the II group are mainly concentrated in the territory of Samegrelo, both in the lowlands and in the foothills and mountainous region. The chronological age of the workshops is mainly related to the Classical-Hellenistic era (Erb-Satullo, Gilmour, Khakhutaishvili 2014; 2015; 2017; 2018; 2020). However, it should also be noted that the existence of iron items has

already been confirmed in the burial inventory of II-I millennia BC revealed as a result of archeological works (Папуашвили 2011, 82-94). Naturally, this fact is very significant and requires even more in-depth study of the issue.

Monuments of the III group have been identified in Skhalta-Ajaristskali gorge and date back to the Middle Ages (XI-XIV centuries) (Erb-Satullo, Gilmour, Khakhutaishvili 2014; 2015; 2017; 2018; 2020). The production of both copper-bronze and iron is confirmed in the monuments of all three groups. Naturally, these monuments provide quite important and noteworthy information about the development of metallurgical production in the region.

In the years 2020-2021 archaeological expedition of Batumi Shota Rustaveli State University carried out important works in the field of research of iron metallurgy (fig. 1-3)[1]. First of all, the discovery of iron ore – hematite is noteworthy in the historical mountainous Colchis, at an altitude of 1024 meters above the sea level – on Tsipuria Mountain. In our opinion, the ancient iron workshops working here used this ore as a raw material. To confirm this hypothesis, we decided to conduct an experiment in a modern iron extraction workshop, where we heated small pieces of iron from the above-mentioned hematite fragment by heating to a high temperature (fig. 4).

Exploration archaeological works continued in other districts as well. The workshop areas related to iron metallurgy were traced with accompanying materials: metallurgical slags, ore remains, oven plastering fragments, blast pipes, ceramic materials, etc.

We have selected one of the most interesting places for archaeological excavations, where fragments of metallurgical slag and tubers were well observed even on the surface. The monument is located in the village of Chkhorotsku municipality in the village of Zumi, on the territory of "Nagidu". As a result of field excavations, a large number of metallurgical slag and fragments of tuyeres were discovered almost all over the field. Unfortunately, the stove was either completely destroyed or was trapped between the roots of a perennial tree and could not be accurately identified. The obtained material is dominated by slags of different sizes, colour and structure, tubers, fragments of clay pottery, etc. Unfortunately, it is difficult to give an exact answer as to exactly which metal was being mined in the mentioned workshop. The answer to this is shown by future laboratory studies.

In parallel with the archeological excavations, the area around the monument was explored. In one place, small fragments of pottery and plaster were found in the cut channel for a small spring. One piece of pottery has a wavy ornament that probably dates to the late Hellenistic or Roman period. Given that both archaeological sites are adjacent to each other, as well as many commonalities are seen in pottery, it is possible that they were of a contemporary period. This will be shown by future studies.

Bibliography

Apollonius 1970: Apollonius of Rhodes, Argonautica (Tbilisi 1970) (in Georgian).

Bittarello 2016: M.B. Bittarello, The Chalybes as Mythical Blacksmiths and the Introduction of Iron. Mouseion: Journal of the Classical Association of Canada 13/3, LVII - Series III, 2016, 497-534.

Berdzenishvili 1971: N. Berdzenishvili, Qartuli Sabchota Arqeologiis Zogierti Principuli Sakitkhisatvis, V (Tbilisi 1971), 72-85.

Daylor 1871: G. Daylor, Travel to Lazistan and Armenia (Tiflis 1871).

Erb-Satullo, Gilmour, Khakhutaishvili 2014: N.L. Erb-Satullo, B.J.J. Gilmour, N. Khakhutaishvili, Late Bronze Age and Early Iron Age copper smelting technologies in the South Caucasus: The view from ancient Colchis c. 1500-600 BC. Journal of Archaeological Science 49, 2014. 147-159.

Erb-Satullo, Gilmour, Khakhutaishvili 2015: N.L. Erb-Satullo, B.J.J. Gilmour, N. Khakhutaishvili, Crucible technologies in the Late Bronze-Early Iron Age in the South Caucasus: copper processing, tin bronze production, and the possibility of local tin ores. Journal of Archaeological Science 61, 2015, 260-278.

Erb-Satullo, Gilmour, Khakhutaishvili 2017: N.L. Erb-Satullo, B.J.J. Gilmour, N. Khakhutaishvili, Copper production landscapes of the South Caucasus. Journal of Anthropological Archaeology 47, 2017, 109-126.

Erb-Satullo, Gilmour, Khakhutaishvili 2018: N.L. Erb-Satullo, B.J.J. Gilmour, N. Khakhutaishvili, The Ebb and Flow of Copper and Iron Smelting in the South Caucasus. Radiocarbon 60/1, 2018, 159-180.

[1] This work was supported by Shota Rustaveli National Science Foundation of Georgia (SRNSFG) [FR-19-14563].

Erb-Satullo, Gilmour, Khakhutaishvili 2020: N.L. Erb-Satullo, B.J.J. Gilmour, N. Khakhutaishvili, The metal behind the myths: iron metallurgy in the south-eastern Black Sea region. Antiquity 94 (374), 2020, 401-419.

Georgian 1935: Georgian Natural Resources (Tbilisi 1935) (in Georgian).

Ghambashidze 1919: D. Ghambashidze, Mineral Resources of Georgia and Caucasia: Manganese Industry of Georgia (London 1919).

Inanishvili 2007: G. Inanishvili, About the History of Iron Production in Georgia. Metalla 14, 2007, 1-62.

Inanishvili 2014: G. Inanishvili, At the Sources of Georgia Metallurgy (4rd - 1st millenium B.C.)

(Tbilisi 2014) (in Georgian).

Japaridze 2003: O. Japaridze, At the source of Georgian History (Tbilisi 2003) (in Georgian).

Kaukhchishvili 1969: T. Kaukchishvili, Berdzeni Mtserlebis Cnobebi Saqartvelos Shesaxeb (Tbilisi 1969).

Kaukhchishvili 1976: T. Kaukchishvili, Saqartvelos istoriis Dzveli Berdznuli Tskaroebo (Ancient Greek sources of Georgian history) (Tbilisi 1976).

Khakhutaishvili 1964: D.A. Khakhutaishvili, The Beginings of Colchian Iron Metallurgy. In: Monuments of South-Western Georgia, I (Tbilisi 1964), 45-58.

Khakhutaishvili 1974: D.A. Khakhutaishvili, Contribution of the Kartvelian Tribes to the Mastery of Iron Metallurgy in the Near East. Acta Antiqua 22/1-4, 1974, 339-348.

Khakhutaishvili 2005: N.D. Khakhutaishvili, Development of iron metallurgy in West Transcaucasia (Historical Kolkheti). Metalla 12, 2005, 80-87.

Khakhutaishvili 2006: N.D. Khakhutaishvili, Ancient iron production related to the recent findings on Gonio Castle surroundings (2001-2003). Eirene: studia graeca et latina 42, 2006, 222-234.

Khakhutaishvili 2008: N.D. Khakhutaishvili, An ancient Colchian center of iron metallurgy at Chorokhi: excavations in 2001. In: (Eds. A. Sagona, M. Abramashvili) Archaeology in Southern Caucasus: Perspectives from Georgia (Peeters, Leuven 2008), 397-405.

Khakhutaishvili 2009: D.A. Khakhutaishvili, The Manufacture of Iron in Ancient Colchis (Oxford 2009).

Kuparadze, Pataridze, Kerestedjian 2008: D.M. Kupradze, D.V. Pataridze, Th.N. Kerestedjian, Ancient Georgian iron metallurgy and its ore base. In: (Eds. R.I. Kostov, B. Gaydarska, M. Gurova) Geoarchaeology and Archaeomineralogy. Proceedings of the International Conference, 29-30 October 2008, Sofia (Sofia: Publishing House "St. Ivan Rilski"), 248-252.

Lordkipanidze 1966: O. Lordkipanidze, Antic World and Ancient Colchis (Tbilisi 1966) (in Georgian).

Lordkipanidze 2002: O. Lordkipanidze, The Sources of Ancient Georgian Civilisation (Tbilisi 2002) (in Georgian).

Mikeladze 1967: T.K. Mikeladze, Xenofontis Anabasisi (Tbilisi 1967) (in Georgian).

Mikeladze 1974: T.K. Mikeladze, Dziebani kolkhetisa da Samkhret-Agmosavlet Shavizgvispiretis udzvelesi mosakhleobis istoriidan (Tbilisi 1974).

Mineral 1933: Mineral Resources of the Georgian SSR (Tbilisi 1933) (in Georgian).

Muhly et al. 1985: J.D. Muhly, R. Maddin, T. Stech, E. Oezgen, Iron in Anatolia and the Nature of the Hittite Iron Industry. Anatolian Studies XXXV, 1985, 5-24.

Muhly 2003: J.D. Muhly, Metalworking/mining in the Levant. In: (Ed. S. Richard) Near Eastern Archaeology: a Reader (Eisenbrauns: Penn State University Press 2003), 174-183.

Natural 1958: Natural Resources of the Georgian SSR, vol. I (Tbilisi 1958) (in Georgian).

Pigott 1982: V.C. Pigott, The innovation of iron: cultural dynamics in technological change. Expedition 25, 1982, 20-25.

Pleiner 2000: R. Pleiner, Iron in Archaeology: The European Bloomery Smelters (Praha 2000).

Rekhviashvili 1953: N. Rekhviashvili, Mchedloba Rachashi (Tbilisi 1953).

Rickard 1941: T.A. Rickard, The Use of Meteoric Iron. The Journal of the Royal Anthropoligical Institute of Great Britian and Ireland 71, 1/2, 1941, 55-66.

Tavadze et al. 1977: T.N. Tavadze, T.N. Sakvarelidze, T. Abesadze, T.A. Dvali, Rkinis warmoebis istoriisatvis dzvel saqartveloshi (Tbilisi 1977), 5-61.

Tsetskhladze 1995: G.R. Tsetskhladze, Did the Greeks go to Colchis for metals? Oxford Journal of Archaeology 14/3, 1995, 307-332.

Tylecote 1987: R.F. Tylecote, The Early History of Metallurgy in Europe (London 1987).

Tylecote 1981: R.F. Tylecote, Iron sands from the Black Sea. Anatolian Studies 31, 1981, 137-149.

Waldbaum 1999: J.C. Waldbaum, The Coming of Iron in the Eastern Mediterranean: Thirty years of Archaeological and Technological Work. In: (Ed. V.C. Pigott) The Archaeometallurgy of the Asian Old World (Philadelphia: University of Pennsylvania Museum 1999), 27-57.

Wright 1939: G. Wright, Iron: the date of its introduction into common Use in Palestine. American Journal of Archaeology 43/3, 1939, 458-463.

Wertime 1982: T.A. Wertime, Cypriot metallurgy against the backdrop of Mediterranean pyrotechnology: Energy reconsidered. In: (Eds. J.D. Muhly, R. Maddin, V. Karageorghis) Acta of the International Archaeological Symposium on Early Metallurgy in Cyprus, 4000–500 BC, Larnaca, Cyprus 1-6 June 1981 (Nicosia: Pierides Foundation 1982), 351-361.

Wertime 1983: T.A. Wertime, The furnace versus the goat: The pyrotechnologic industries and Mediterranean deforestation in Antiquity. Journal of Field Archaeology 10/4, 1983, 445-452.

Wertime, Muhly 1980: T.A. Wertime, J.D. Muhly, The Coming of the Age of Iron (London 1980).

Yalçin 1993: Ü. Yalçin, Early iron metallurgy in Anatolia. Anatolian Studies 49, 1993, 177-187.

Zimmer 1916: G. Zimmer, The use of meteoritic iron by primitive men (1916).

Гзелишвили 1964: И.А. Гзелишвили, Железоплавильное дело в древней Грузии (Тбилиси 1964).

Гиоргадзе 1988: Г.Г. Гиоргадзе, Производство и применение железа в Центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов. В сб.: Древний Восток: этнокультурные связи (Москва 1988), 238-261.

Инанишвили и др. 2001: Г.В. Инанишвили, В.Г. Майсурадзе, Г.Г. Гобеджишвили, Т.П. Муджири, К истории горно-металлургического производства Колхиды. РА 3, 2001, 18-24

Ксенофонт 1994: Ксенофонт, Анабасис. Перевод М.И. Максимовой (Москва 1994).

Купарадзе, Патаридзе 2009: Д.М. Купарадзе, Д.В. Патаридзе, Добыча и использование железных руд в Грузии (историко-археологический очерк). В: Сборник трудов посвященный 80-летию основания Института и светлой памяти выдающихся ученых А.А., Г.А. и Т.А. Твалчрелидзе (Тбилиси 2009), 277-294.

Латышев 1947: В.В. Латышев, Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. ВДИ 1, 1947, 249-332.

Меликишвили 1959: Г.А. Меликишвили, К истории древней Грузии (Тбилиси 1959).

Меликишвили 1960: Г.А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи (Москва 1960).

Микеладзе, Хахутаишвили 1985: Т.К. Микеладзе, Д.А. Хахутаишвили, Древнеколхидское поселение Намчедури (Тбилиси 1985).

Папуашвили 2011: Р. Папуашвили, К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы-раннего железа. В сб.: (Ред. Х.М. Мамаев) Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа (Грозный 2011), 82-94.

Роква 1950: М.Л. Роква, Глины огнеупорные. В кн.: Природные ресурсы Грузинской ССР, том II (Москва 1950), 21-28.

Тавадзе и др. 1984: Т.Н. Тавадзе, Г.В. Инанишвили, Т.Н. Сакварелидзе, Т.Х. Загуа, Исследование древних шлаков железного производства на территории Грузии. В сб.: История науки (Тбилиси 1984), 21-28.

Хахутаишвили 1987: Д.А. Хахутаишвили, Производство железа в древней Колхиде (Тбилиси 1987).

Colchida – centru vechi al metalurgiei fierului

Cuvinte-cheie: arheologie, Colchida, metalurgie, minereu, sit arheologic.

Rezumat: Cercetarea metalurgiei fierului din Colchida reprezintă unul din subiectele cele mai importante ale studierii istoriei antice. În prezent, este recunoscut că triburile georgiene au avut o contribuţie enormă la metalurgia fierului. Interesul faţă de această problemă este condiţionat de însemnătatea colosală a fierului în viaţa societăţilor antice şi în evoluţia umanităţii.

Cercetările realizate în Georgia în ultimele decenii au demonstrat că triburile kartvele au contribuit semnificativ la formarea culturilor caucaziene şi, într-o anumită măsură, au jucat un rol decisiv în apariţia şi dezvoltarea unor sau altor ramuri. Luând în considerare materialele obţinute de specialiştii georgieni şi atestate în sursele scrise, în prezent se conturează unele argumente ştiinţifice în favoarea ideii că triburile care au locuit în zona premontană a bazinului de est şi de sud-est al Mării Negre, pe teritoriul Colchidei istorice, au cunoscut tehnologia producerii fierului încă la hotarul dintre mileniul II şi I a. Chr. şi au avut realizări în acest domeniu.

Cercetarea problemelor legate de siderurgia Colchidei au început-o, în anii '60 ai secolului trecut, savanţii Institutului de cercetări ştiinţifice „N. Berdzenishvili" din Batumi I. Gzelishvili şi D. Khakhutaishvili. Ei au stabilit principiul de lucru al atelierelor descoperite pe teritoriul Colchidei, au tratat probleme privind cronologia, construcţia cuptoarelor de topire, baza materiei prime pentru producerea fierului etc. În ultimul timp, expediţia arheologică internaţională georgiano-britanică a continuat investigaţiile în această direcţie pe teritoriul Colchidei istorice şi, aplicând metode contemporane de cercetare, a elucidat încă o dată subiectul datării primei etape a producerii fierului în Colchida, relevând problemele conexe.

Cercetarea subiectelor privind metalurgia fierului, însoţită de descoperirea unor noi monumente, se desfăşoară şi în prezent. O contribuţie esenţială în acest demers o are Fondul ştiinţific naţional al Georgiei „Şota Rustaveli", care a subvenţionat, în anul 2019, în cadrul unui proiect de grant, expediţia de cercetare a metalurgiei fierului.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Harta siturilor arheologice, descoperite în urma cercetărilor de teren în anii 2020-2021. *Zgură metalurgică:* 1 - Tsetskhlauri II; 2 - Tsetskhlauri III; 3 - Agarodni Gora II; 4 - Agarodni Gora I; 5 - Agarodni Gora III-1, III-2; 6 - Anaseuli; 7 - Agarodni Gora III-3; 8 - Jvartskhma; 9 - Goraberejhouli; 11 - Pirveli Maisi; 12 - Mesame Balda; 13 - Zumi; 14 - Mukhuri. *Hematit:* 10 - Khobi; 15 - muntele Tsifuria, trecătoarea Kvartsighele; 16 - muntele Tsifuria, trecătoarea Tsifuria; 17 - muntele Tsifuria, Hematitiani Ghele.

Fig. 2. Zgură metalurgică: 1 - Jvartskhma; 2 - Agarodni Gora II.

Fig. 3. Hematit.

Fig. 4. Încălzirea fragmentelor de hematit la temperatură înaltă. Experiment.

Колхида – древний центр металлургии железа

Ключевые слова: археология, Колхида, металлургия, руда, памятник.

Резюме: Исследование металлургии железа Колхиды является одним из важнейших вопросов в изучении древней истории. Сегодня признано, что грузинские племена внесли величайший вклад в металлургию железа. Интерес к этому вопросу обусловлен огромным значением железа в жизни древних обществ и в развитии человечества.

Исследования, проведенные в Грузии за последние десятилетия, показали, что картвельские племена внесли значительный вклад в формирование кавказских культур и в какой-то мере сыграли ведущую роль в возникновении и развитии тех или иных отраслей. С учетом материалов, полученных грузинскими специалистами, и имеющихся письменных источников сегодня вырисовываются контуры научных доказательств того, что племена, жившие в предгорной зоне восточного и юго-восточного Причерноморья, на территории исторической Колхиды, владели технологией производства железа уже на рубеже II и I тысячелетий до н.э., и очень преуспели в этой области.

Исследование вопросов черной металлургии Колхиды было начато в 60-х годах прошлого века учеными Батумского научно-исследовательского института им. Нико Бердзенишвили (И. Грдзелишвили, Д. Хахутаишвили). Был установлен принцип работы мастерских, обнаруженных на территории Колхиды, определены вопросы хронологии, устройства плавильных печей, сырьевой базы производства железа и т.д. В последнее время Грузино-Британская международная археологическая экспедиция продолжила работу в этом направлении на территории исторической Колхиды и с применением современных методов еще раз прояснила вопрос датировки первого этапа древнего производства железа в Колхиде и выявила связанные с этим проблемы.

Исследования по вопросам металлургии железа, сопровождающиеся обнаружением новых памятников, ведутся и сегодня. Большой вклад в это дело вносит Национальный научный фонд Грузии имени Шота Руставели, который в 2019 году финансово поддержал экспедицию по изучению металлургии железа в рамках грантового проекта.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта археологических памятников, обнаруженных в результате полевых исследований в 2020-2021 гг. *Металлургические шлаки:* 1 - Цецхлаури II; 2 - Цецхлаури III; 3 - Агародни Гора II; 4 - Агародни Гора I; 5 - Агародни Гора III-1, III-2; 6 - Анасеули; 7 - Агародни-Гора III-3; 8 - Джвархцма; 9 - Горабережхули; 11 - Пирвели Маиси; 12 - Месаме Балда; 13 - Зуми; 14 - Мухури. *Гематит:* 10 - Хоби; 15 - гора Цифурия, перевал Кварцигеле; 16 - гора Цифурия, перевал Цифурия; 17 - гора Цифурия, Гематитиани Геле.

Рис. 2. Металлургические шлаки: 1 - Джвархцма; 2 - Агародни Гора II.

Рис. 3. Гематит.

Рис. 4. Нагрев измельченных фрагментов гематита при высокой температуре. Эксперимент.

10.01.2022

Dr. Nana Khakhutaishvili, Batumi Shota Rustaveli State University, Ninoshvili str., 35, Batumi, Georgia, https://orcid.org/0000-0002-4944-2681, e-mail: nana_khakhutaishvili@yahoo.com

Dr. Revaz Papuashvili, Georgian National Museum, Rustaveli av., 3, Tbilisi, Georgia, https://orcid.org/0000-0002-1705-3382, e-mail: revazpapuashvili@yahoo.com

Dr. Guram Chkhatarashvili, Batumi Shota Rustaveli State University, https://orcid.org/0000-0002-0568-9797, e-mail: guramchkhatarashvili@bsu.edu.ge

PAS CU PAS. CERCETĂRI INTERDISCIPLINARE LA SITUL DE EPOCA FIERULUI DE LA SAHARNA „RUDE” DIN BAZINUL NISTRULUI DE MIJLOC[1]

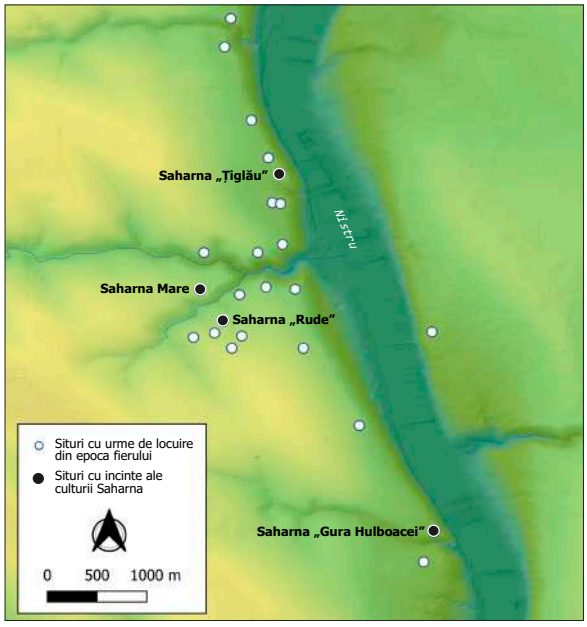
Aurel Zanoci, Andrei Asăndulesei, Mihail Băţ, Vitalie Sochircă, Tatiana Nagacevschi, Adrian-Felix Tencariu, Victor Dulgher

Cuvinte-cheie: bazinul Nistrului de Mijloc, microzona Saharna, epoca fierului, cercetări interdisciplinare, aşezare, incintă circulară, pandantiv, ceramică.

Introducere

Printre teritoriile spaţiului est-carpatic, intens populate pe parcursul epocii fierului, se evidenţiază bazinul Nistrului de Mijloc. Întrunind condiţii prielnice pentru un habitat de lungă durată, această regiune a favorizat, de-a lungul timpului, evoluţia mai multor comunităţi umane, asociate arheologic de culturile Holercani-Hansca (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016a), Cozia-Saharna (Кашуба 2000, 363-476; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016b), Basarabi-Şoldăneşti (Мелюкова 1961; Мелюкова 1989, 16-29; Kašuba 2008) şi getică (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016c). După terminarea celui de-al Doilea Război Mondial, se manifestă un interes tot mai crescut pentru antichităţile din acest areal, mai ales faţă de siturile arheologice din microzona Saharna. Aici, datorită numeroaselor cercetări de teren, întreprinse cu precădere în ultimii 20 de ani, au fost documentate cca 26 situri cu niveluri de locuire din epoca fierului (fig. 1/2)[2]. Recent, situl Saharna „Rude” a fost abordat interdisciplinar, având ca reper un model de cercetare, bazat pe integrarea datelor geoarheologice în mediul GIS, ca element de legătură dintre prospecţiunile non-invazive şi săpătura arheologică (Asăndulesei 2015, 17, 157, fig. 1). Rezultatele obţinute în baza acestui *workflow* metodologic,

1

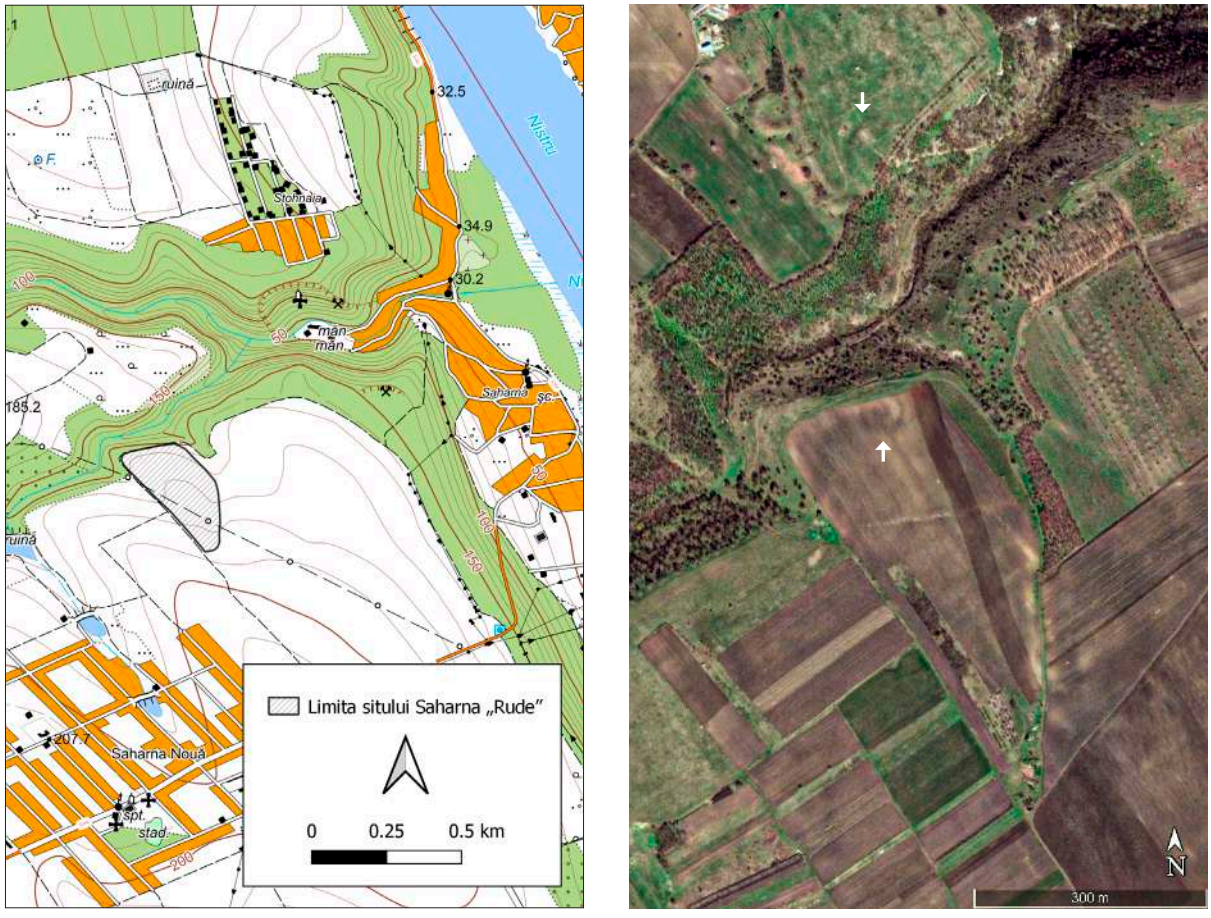


2

Fig. 1. 1 - Localizarea aşezării Saharna „Rude” pe harta Europei, detaliu; 2 - răspândirea siturilor arheologice din epoca fierului în microzona Saharna.

[1] Acest articol a fost realizat în cadrul proiectului 20.80009.1606.14 „Patrimoniul arheologic din epoca fierului în regiunea Nistrului Mijlociu şi bazinul râului Cogâlnic: cercetare interdisciplinară şi valorificare ştiinţifică”.

[2] Rezultatele cercetărilor la siturile arheologice din epoca fierului din microzona Saharna şi-au găsit reflectare în mai multe articole (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2013; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2015; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016b; Niculiţă et al. 2019 etc.) şi studii monografice (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008; Niculiţă, Nicic 2014; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016c).



1 2

Fig. 2. Microzona Saharna, detaliu: 1 - hartă topografică cu marcarea sitului „Rude"; 2 - imagine satelitară (Google Earth, 2016) cu localizarea incintelor din prima epocă a fierului (săgeată sus - Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii"; săgeată jos - Saharna „Rude").

desfăşurat într-o bună şi, de dorit, deja tradiţie caracteristică unor atare iniţiative, vor constitui subiectul prezentului studiu.

Cadrul natural

Situl Saharna „Rude" este aşezat în Podişul Nistrului, în microzona Saharna, pe un platou cu o altitudine ce variază între 150 m şi 216,3 m, fiind delimitat, la nord, de defileul „Valea Crac" şi râul Saharna, la est – de fluviul Nistru, la sud şi vest – de un defileu şi ravene formate de torente tributare Nistrului (fig. 2/1). Poziţionarea geografică a sitului valorifică plenar avantajele reliefului local: latura nordică se suprapune chiar muchiei versantului abrupt al „Văii Crac", dinspre est şi vest este flancat de două ravene, la o distanţă de circa 100-160 m, şi doar dinspre sud este deschis către suprafaţa plană a platoului (Sochircă, Nagacevschi 2021). Terenul din limitele sitului are o înclinare generală spre nord, cu un grad de înclinare mic (3-5%), fiind supus unei eroziuni slabe de suprafaţă. La baza acestui teritoriu sunt calcarele de vârsta Sarmaţianului mediu, care aflorează pe versanţi, iar fragmentele de rocă sunt frecvente pretutindeni în perimetrul sitului. Peste stratul de calcare sunt depozite de argile şi de terase fluviale, care servesc în calitate de rocă parentală pentru cernoziomul carbonatic – tipul predominant de sol în microzona Saharna, format în condiţii naturale de stepă xerofită, cu păiuş, negară şi pelin. Pe lângă apele de suprafaţă (fluviul Nistrul şi afluenţii săi), sunt prezente şi orizonturi de ape subterane potabile, pânza freatică fiind la adâncimea de 5-15 m. Ecosistemele din microzonă sunt variate, reprezentate de păduri de foioase, stepă, formaţiuni petrofite, cavernicole şi de luncă. Astfel, poziţia geografică a sitului oferă avantaje defensive şi un cadru natural prielnic, cu premise favorabile pentru traiul şi activitatea omului, inclusiv resurse naturale primordiale

1

pentru om: apă potabilă, resurse vegetale şi faunistice diverse, soluri fertile, roci care servesc ca materiale de construcţie.

Istoricul cercetării

Situl a fost descoperit în anul 1946, ca urmare a cercetărilor de teren realizate de către G. Smirnov (Смирнов 1953, 16). În 1993, aşezarea este cercetată la suprafaţă de E. Usataia şi A. Levinschi, care semnalează prezenţa ceramicii din prima epocă a fierului (Усатая, Левинский 1994, 52). În anul 2015, cercetătorii de la Universitatea de Stat din Moldova întreprind noi investigaţii în aşezare, în urma cărora au fost identificate două niveluri de locuire: cultura Cozia-Saharna (sec. X-IX a. Chr.) şi cultura getică (sec. IV-III a. Chr.) (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016c, 361, fig. 256). Ulterior, pe imaginile din satelit (Google Earth), realizate în 2016, la marginea de nord a aşezării s-a observat o anomalie de formă circulară, cu diametrul de cca 50 m (fig. 2/2) (Băţ, Asăndulesei 2018, 28, nota 1). Această descoperire a servit drept motiv pentru a iniţia, începând cu anul 2018, în colaborare cu Centrul Arheoinvest[3], o cercetare interdisciplinară a aşezării Saharna „Rude”. Astfel, în anii 2018, 2019 şi 2021 au fost efectuate prospecţiuni geofizice şi aeriene (Zanoci et al. 2019; Zanoci et al. 2020). În 2019 şi 2020, în spaţiul anomaliei circulare rezultate din scanarea magnetometrică, au fost efectuate săpături arheologice prin intermediul a două secţiuni, acoperind o suprafaţă de 76 m² (Zanoci et al. 2020; Zanoci, Băţ, Dulgher 2021). Totodată, din profilul secţiunii din 2019 au fost prelevate probe de sol pentru analize pedologice.

2

Fig. 3. Saharna „Rude”. Imagini aeriene oblice: 1 - dinspre nord-vest; 2 - dinspre nord-est.

[3] Centrul Arheoinvest este o platformă de cercetare şi formare din cadrul Departamentului de Ştiinţe al Institutului de Cercetări Interdisciplinare, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza” din Iaşi, România.

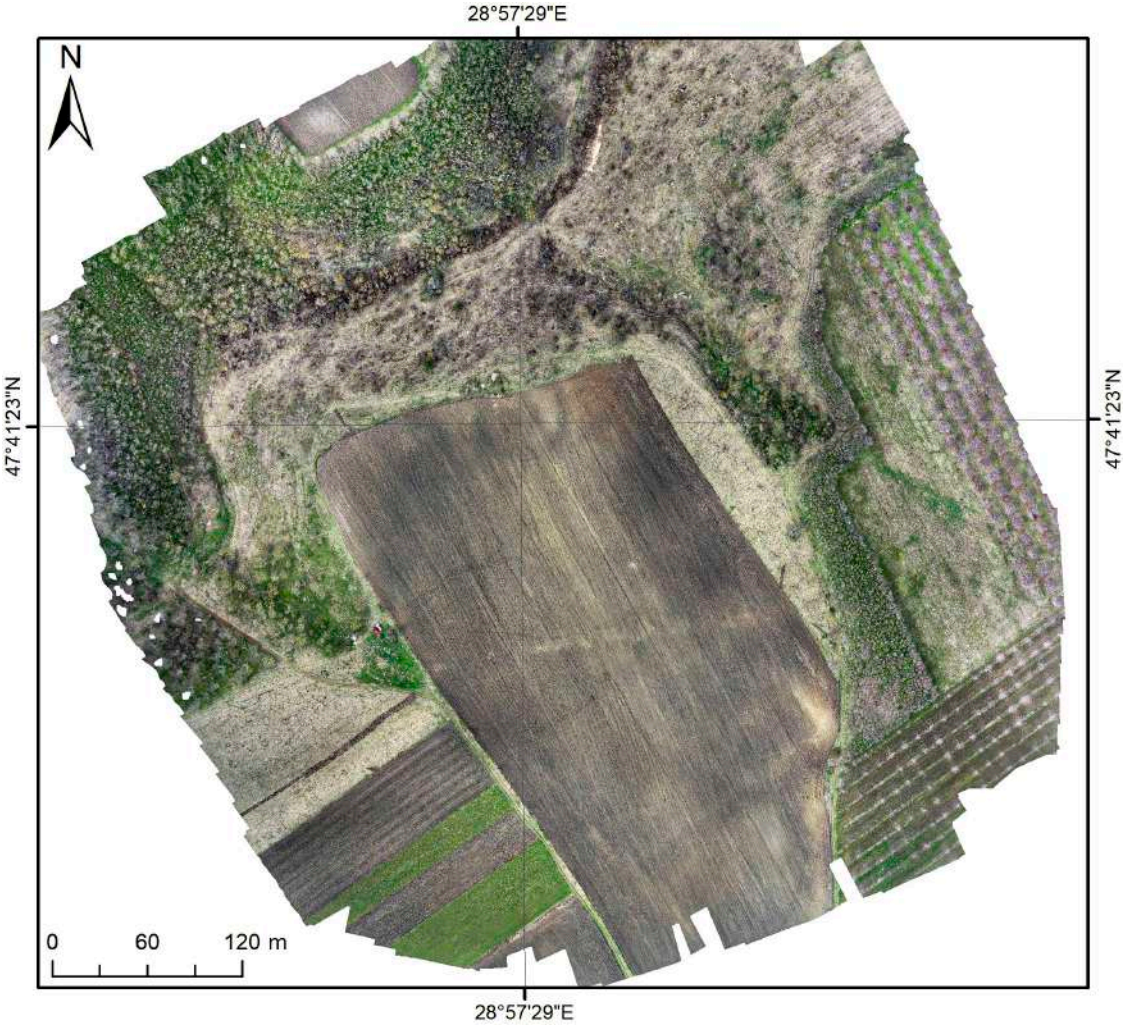


Fig. 4. Saharna „Rude". Imagine ortorectificată.

Prospecţiuni aeriene

Staţiunea pe care o avem în discuţie a beneficiat recent de mai multe vizite din partea cercetătorilor, toate având ca scop obţinerea unui volum de informaţie cât mai divers, care, ulterior, să faciliteze o abordare eficientă, clară, dar, mai ales, personalizată, pentru demersul invaziv, constituit de săpătura arheologică. Etapele iniţiale ale documentării ce au urmat cercetărilor de suprafaţă s-au bazat pe abordări non-invazive: fotografie aeriană, aplicaţii fotogrammetrice şi prospecţiuni magnetometrice.

Într-o primă fază a proiectului, au fost efectuate un şir de zboruri deasupra sitului în cauză cu ajutorul unei drone DJI Phantom 4, obţinându-se mai multe seturi de fotografii aeriene oblice, în diferite perioade de timp (fig. 3). Pentru zona delimitată prin perieghеză, precum şi pentru arealul proxim acesteia, a fost organizat un zbor ghidat, folosindu-se acelaşi echipament, în vederea obţinerii prin fotogrammetrie a unui ortofotoplan (fig. 4), a unui model numeric al suprafeţei (fig. 5/1) şi a modelului tridimensional al sitului[4].

Analiza imaginilor oblice din dronă, precum şi a celor din satelit, oferă indicii cu privire la existenţa unor structuri de natură arheologică în sol, observabile sub forma unor aşa-numite *soil marks* (fig. 2/2; 3/1, 2). Se distinge destul de clar, mai ales pe ortofotoplanul rezultat din fotogrammetrie (fig. 4), structura circulară localizată la limita dinspre nord, constituită de panta abruptă

[4] Imaginile aeriene au fost procesate folosind programul *Agisoft Metashape Professional* şi pachetul Relief Visualization Toolbox (RVT), dedicat analizelor de micro-geomorfologie, iar ulterior, o parte dintre datele rezultate au fost introduse în softul ArcGis pentru interpretare.

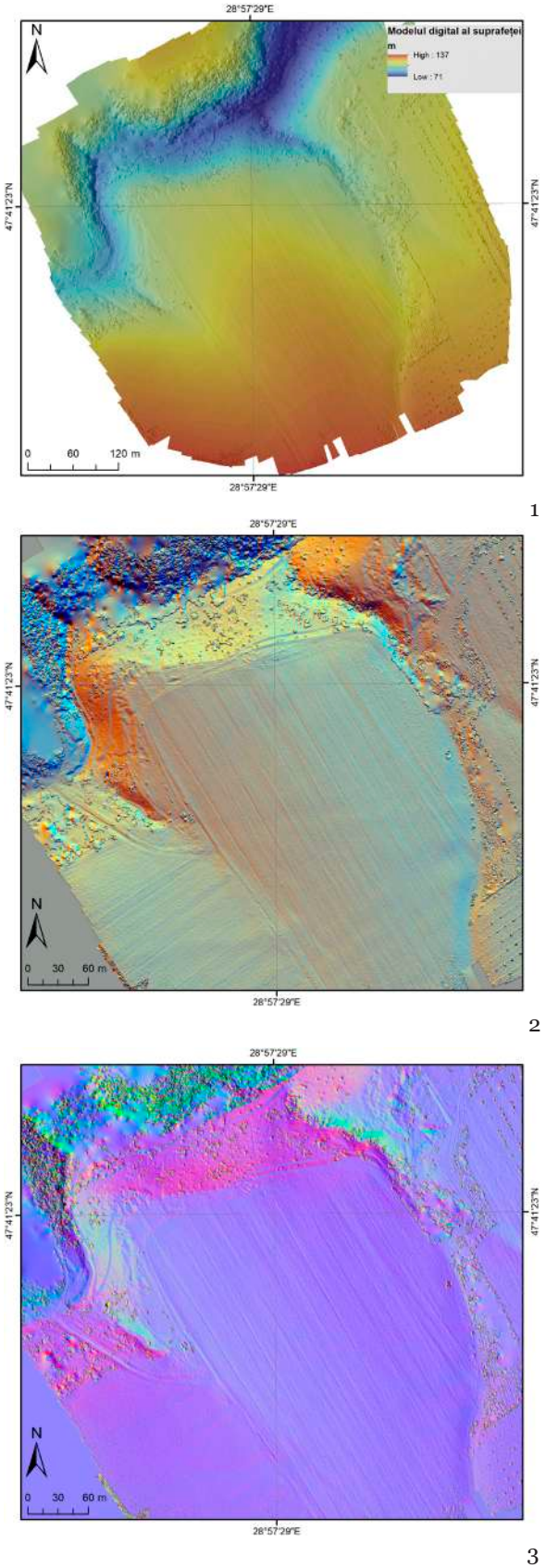


Fig. 5. Saharna „Rude”: 1 - modelul numeric digital al suprafeței; 2 - harta umbririi terenului din multiple direcții; 3 - analiza PCA (Principal Component Analysis).

a versantului. Sesizăm, de asemenea, o zonă de culoare roșiatică, aflată imediat la est de anomalia circulară, însă pentru care este greu de spus dacă reprezintă o activitate antropică din vechime sau nu. Alte anomalii liniare au fost identificate în zona centrală a sitului (pe direcția est-vest), precum și în zona de sud a acestuia (orientată ENE-VSV). Aceste intervenții recente, ce pot fi conducte sau alte lucrări de infrastructură locale, sunt bine vizibile și pe celelalte tipuri de date (modelul suprafeței (fig. 5/1), umbrirea terenului din multiple direcții (fig. 5/2) sau analiza PCA (Principal component analysis) (fig. 5/3). Aceste modele ale terenului sunt destul de sugestive și pentru descrierea din punct de vedere geomorfologic a zonei, evidențiind poziția strategică a așezării, în contextul reliefului din microzonă.

Scanări geofizice

Etapa ulterioară a fost reprezentată de măsurătorile magnetometrice[5], fiind prospectată o suprafață ce însumează 8 hectare (fig. 7/1), reprezentând, practic, întregul sit, așa cum a fost delimitat perieghetic. Hărțile magnetometrice obținute oferă o imagine mult mai clară asupra planimetriei acestui sit (fig. 6). Se distinge, în special, anomalia circulară dinspre nord, vizibilă și în fotografiile aeriene. Datele magnetometrice oferă un considerabil plus de claritate, fiind bine delimitate două incinte circulare perfect paralele (fig. 6; 7/3). Partea dinspre nord a celei dinspre exterior pare să fi fost afectată de alunecările de teren, fiind foarte aproape de panta abruptă a versantului.

Se pare că vorbim despre prezența unei incinte amplasate în zona central-nordică a așezării. Pe traseul celor două șanțuri ce compun această fortificație se observă o întrerupere înspre vest (pentru incinta exterioară), iar alta – spre nord-vest (pentru cercul interior). Întreruperea dinspre nord-vest pare să aibă, de o parte și de alta, două anomalii pozitive ce afișează un contrast mai

[5] Măsurătorile magnetometrice s-au derulat cu ajutorul unui echipament SENSYS, care a fost utilizat într-o configurație mobilă, alcătuită din cinci senzori separați de un interval de 0,50 m. Magnetometrul a fost conectat la un dispozitiv GNSS, legat, la rândul său, printr-o conexiune radio la o stație de bază fixă, reușind, astfel, să poziționăm precis măsurătorile noastre. Datele rezultate au fost prelucrate prin intermediul softurilor dedicate ale echipamentului (DLMGPS) și, mai apoi, cu ajutorul utilitarului din QGIS, intitulat AGT (Archaeological Geophysics Toolbox). Hărțile magnetometrice au fost transferate ulterior, de asemenea, către ArcGis.

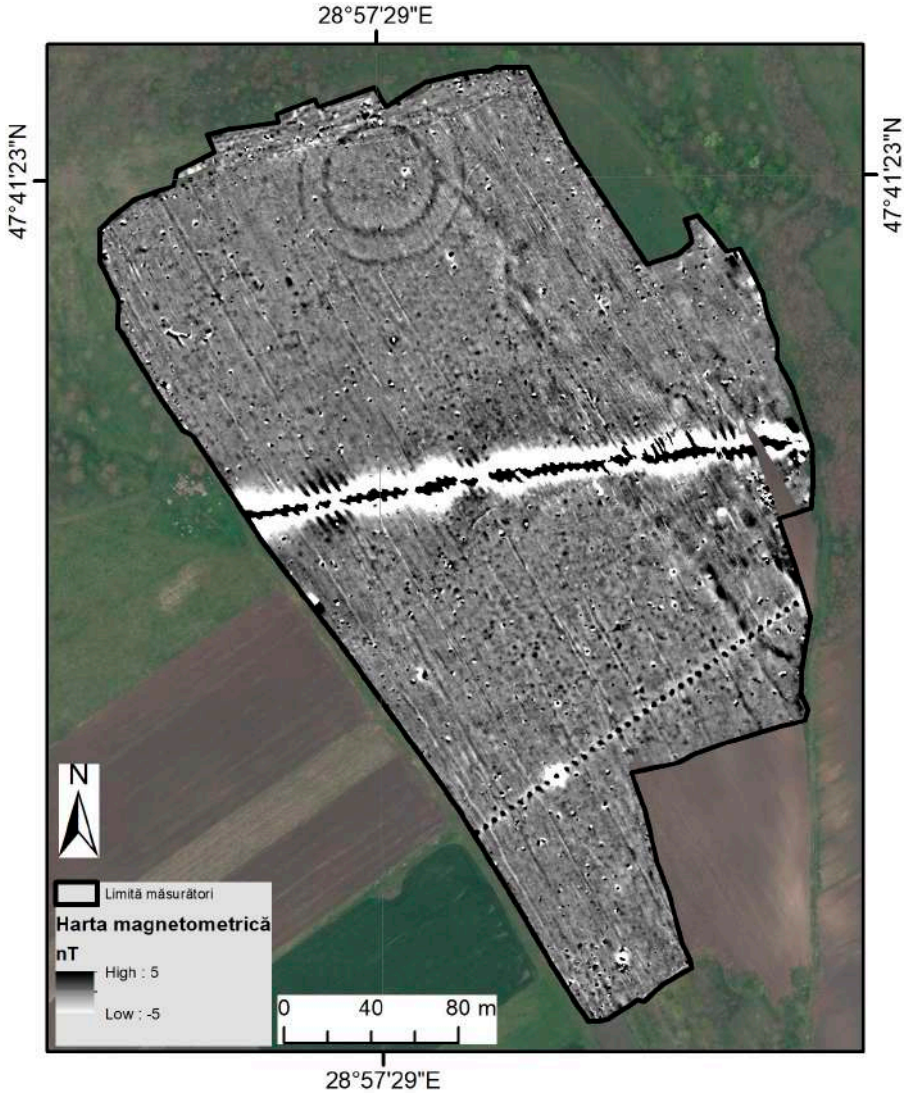


Fig. 6. Saharna „Rude". Harta magnetometrică (-5+5 nT) pentru întreaga suprafaţă a sitului.

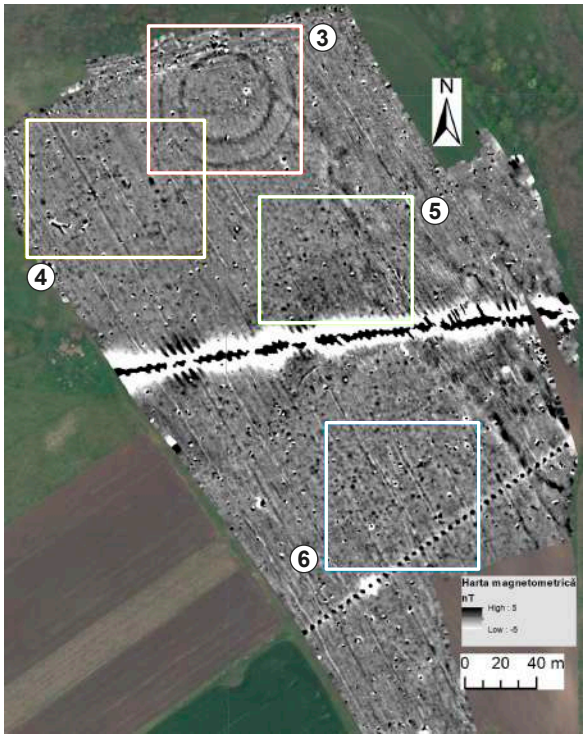
ridicat de susceptibilitate magnetică faţa de restul şanţului, motiv pentru care credem că reprezintă alte posibile lucrări întreprinse tot în legătură cu accesul în citadelă (o posibilă structură de la o poartă) (fig. 7/3).

Aceste întreruperi, judecate ca un ansamblu, pot fi considerate posibile ingenioase căi de acces în interiorul citadelei. Aici, în perimetrul incintei mici, sunt vizibile şi alte anomalii, tot pozitive, fără un contrast bine definit, însă pentru care se poate observa o anumită organizare logică. Ne referim, mai exact, la structura rectangulară, formată din mai multe gropi, probabil, de la un schelet lemnos, dispuse chiar în centrul citadelei (fig. 7/3).

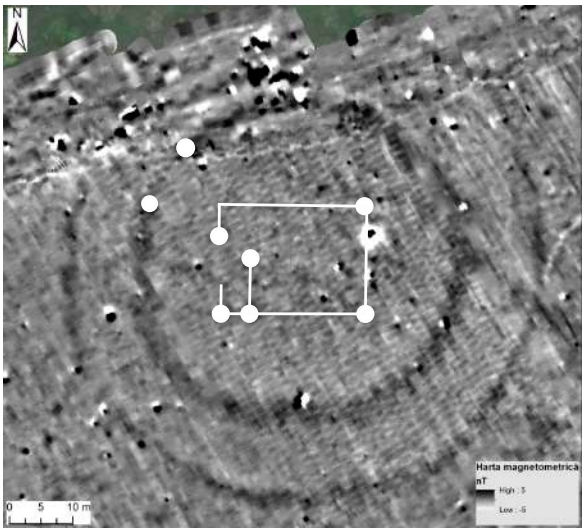
Multe alte structuri ce pot fi atribuite arheologiei se observă şi în afara acestei incinte circulare, unele dintre acestea fiind generate de prezenţa unor gropi sau, în cazul celor mai mari, posibil, a unor bordeie. Important de menţionat – pentru această locuire plană, exterioară elementelor de fortificare descrise anterior – sunt alte structuri de formă oarecum rectangulară, alcătuite din mici şanţuri sau doar din aliniamente de gropi, care argumentează prezenţa unor construcţii complexe printre cele mai multe îngropate sau semi-îngropate (fig. 7/4).

Numeroasele anomalii pozitive de mici dimensiuni (cele mai multe cu diametrul situat între 1 şi 1,50 m, iar intensitatea semnalului magnetic situată până în 3 nT sau maximum 5-7 nT pentru cele mai bine conturate) par a se concentra în trei zone (fig. 6; 7/2, 5, 6), formând un grup înspre nord-vest, unul central, iar altul – spre SSV, acestea

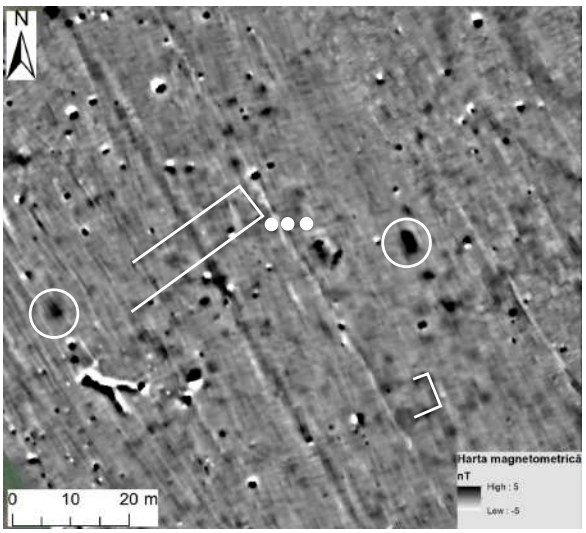
1



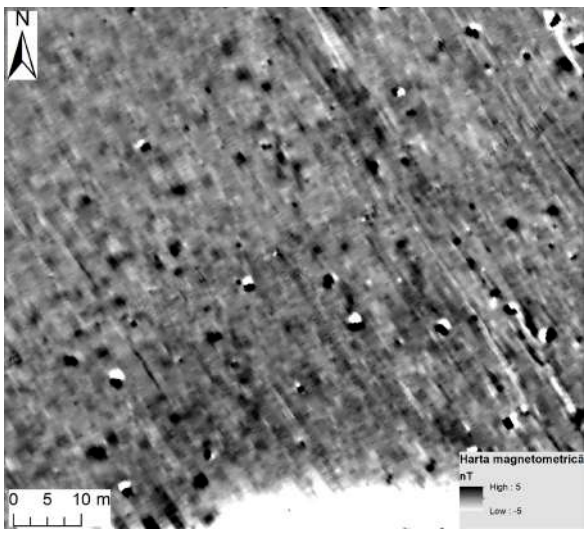
2



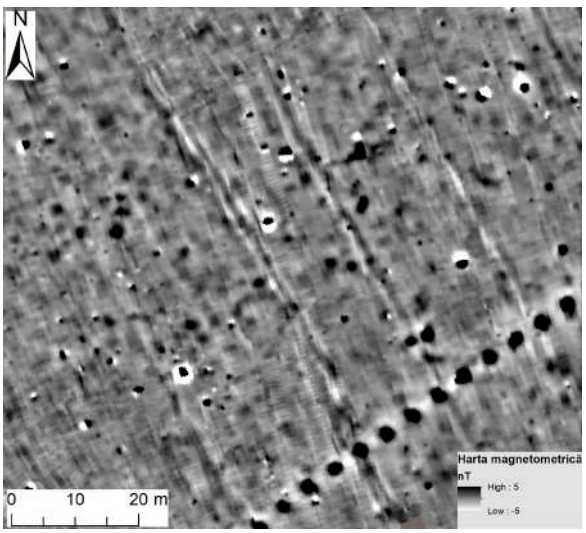
3



4



5



6

Fig. 7. Saharna „Rude”: 1 - suprafața măsurată (8 ha); 2 - harta magnetometrică cu marcarea detaliilor analizate; 3-6 - detalii ale hărții magnetometrice cu citadela (3), sectorul vestic (4), zona centrală (5), segmentul sudic (6).

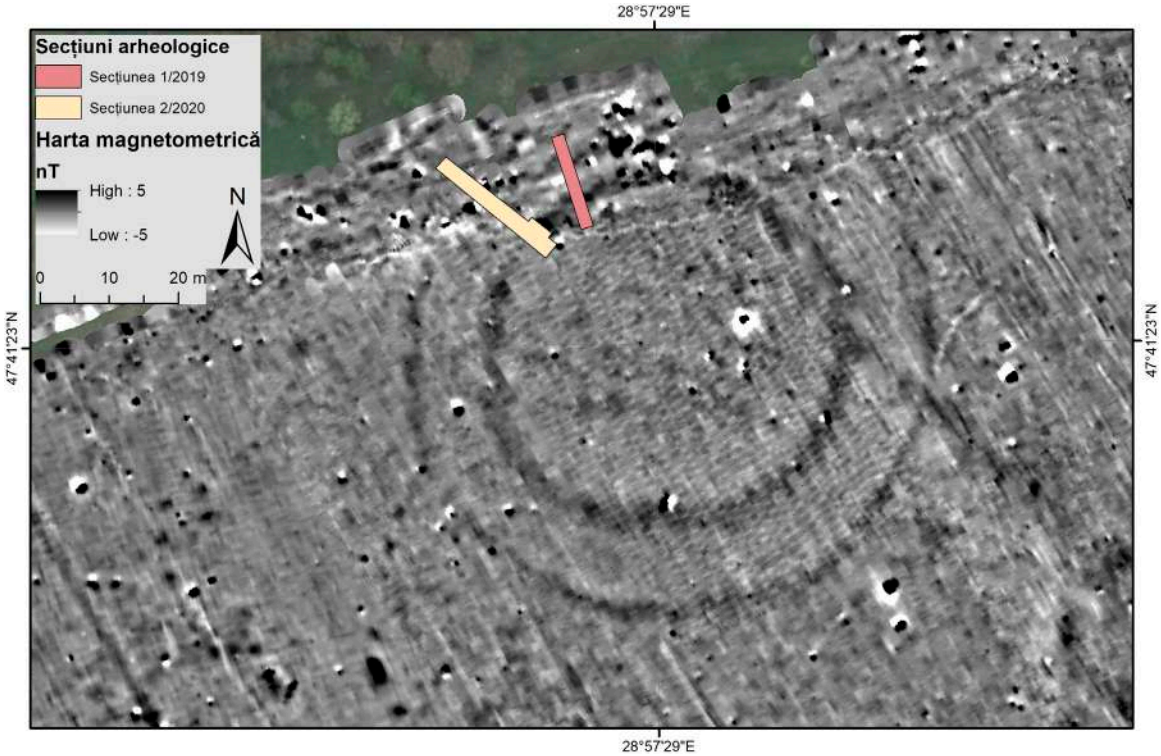


Fig. 8. Saharna „Rude". Incinta circulară pe harta magnetometrică a sitului, cu localizarea secţiunilor arheologice din 2019-2020.

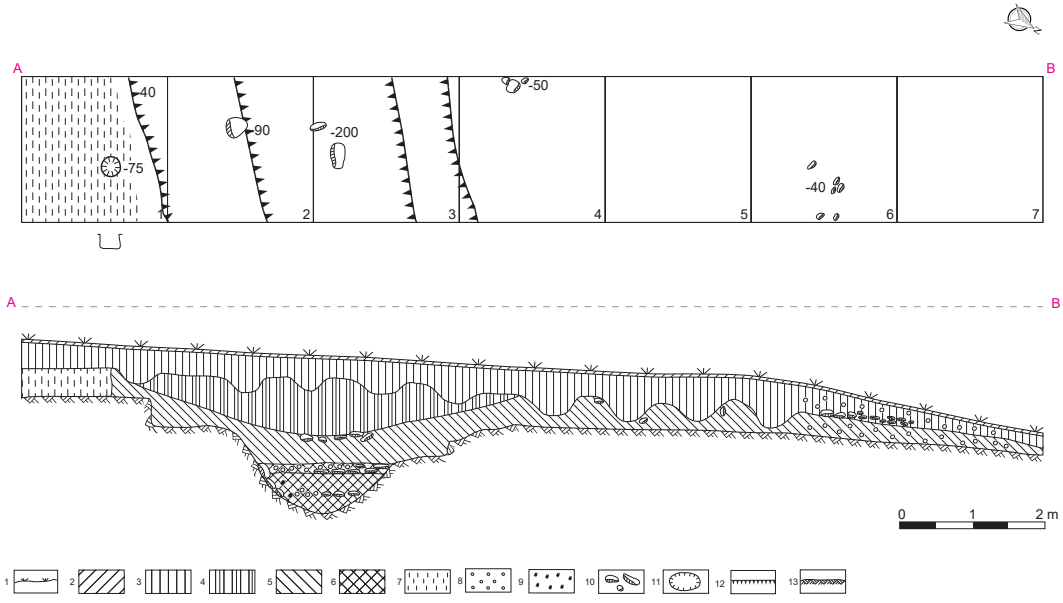
fiind zonele cu o densitate mare a anomaliilor ce definesc perimetrul sitului în limitele acestui promontoriu înalt, flancat – la nord, vest şi est – de torenţi. Spre sud, este posibil ca locuirea să continue, însă nu credem că foarte mult, în această zonă densitatea anomaliilor fiind deja una scăzută.

Pe harta magnetometrică se mai văd şi o serie de perturbaţii antropice sau geologice. În prima categorie pot fi introduse cele două anomalii liniare (cea pe direcţia est-vest şi cea orientată NE-SV), care sunt provocate de conducte (fig. 6; 7/6). Anomaliile de natură geologică se desfăşoară pe latura estică, pe direcţia NNV-SSE, şerpuit şi difuz. Capătul dinspre nord al acestei anomalii geologice afectează pe o porţiune şi anomalia circulară descrisă anterior (fig. 6).

Cercetări arheologice

Cercetările arheologice au avut ca scop verificarea anomaliei circulare, relevate de prospecţiunile non-invazive la marginea de nord a aşezării, precum şi studierea complexităţii depunerilor culturale din acest sit.

Prima secţiune (1/2019), cu dimensiunile de 14×2 m, a fost trasată perpendicular cercului interior al anomaliei (fig. 8). În urma investigaţiilor, la adâncimea de 0,60 m de la nivelul actual de călcare, s-a conturat un şanţ (fig. 9/2), care traversa secţiunea de la est la vest. După excavarea umpluturii, s-a stabilit că el a avut formă quasi-trapezoidală în secţiune, cu o deschidere în partea superioară de cca 4,20 m, lăţimea în partea inferioară fiind de cca 1,10 m, iar adâncimea – de cca 1,80 m (fig. 9/1, 3, 4). În umplutura şanţului au fost sesizate câteva lentile (fig. 9/1, 4), care corespund etapelor de astupare a acestuia. În partea inferioară s-a depus un strat compus din sol castaniu, cu grosimea de cca 0,30 m. Din partea lui inferioară, nemijlocit de pe fundul şanţului, au fost recuperate două fragmente de pereţi de la recipiente modelate cu mâna, ce aveau suprafaţa lustruită şi culoarea neagră sau cafenie, dintre care unul era decorat cu brâu în relief (fig. 15/18). Acest strat este urmat de o lentilă, cu grosimea de cca 0,10 m, compusă din pietriş şi pietre mărunte, după care urmează iarăşi un strat de sol castaniu, cu grosimea de cca 0,30 m, suprapus, la rândul său, de o lentilă de pietriş şi pietre mărunte. Plecând de la felul cum sunt aranjate aceste straturi, se poate presupune că ele s-au depus încă în timpul funcţionării liniei defensive, fiind provo-



Legenda: 1. suprafaţa actuală de călcare; 2. sol cenuşiu de pădure; 4. cernoziom carbonatic; 5. sol de culoare cenuşie; 6. sol de culoare castanie; 7. sol argilos în amestec cu cenuşă şi fragmente de lemn ars și lut ars; 8. pietriș; 9. fragmente de lemn ars; 10. pietre; 11. conturul gropilor; 12. limita șanțului; 13. strat steril.

1

3

2

4

Fig. 9. Saharna „Rude”: 1 - planul și profilul secțiunii 1/2019; 2-4 - vestigiile șanțului nr. 2 al incintei.

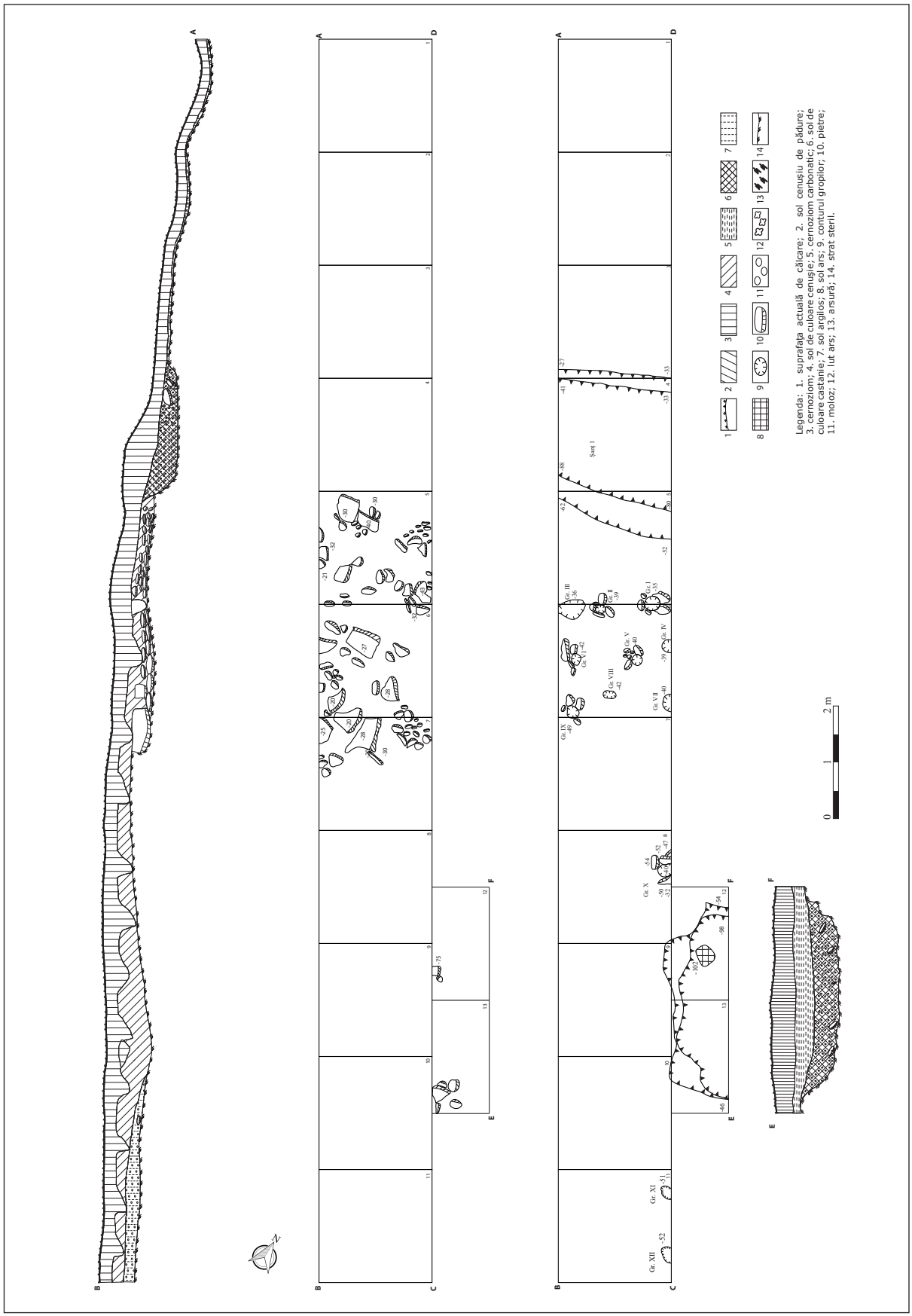


Fig. 10. Saharna „Rude”. Planul şi profilul secţiunii 2/2020.

Fig. 11. Saharna „Rude”. Aspecte din timpul cercetărilor arheologice în secţiunea 2/2020:
1 - şanţul nr. 1; 2-4 - şanţul nr. 2.

cate de precipitaţiile acumulate datorită pantei. Următorul strat, cu grosimea de cca 0,40 m era compus din sol cenuşiu în amestec cu cenuşă, pietriş şi pietre şi s-a depus, probabil, după abandonarea şanţului, ca urmare a scurgerilor de sol de pe suprafaţa incintei. Ultimul strat, compus din cernoziom carbonatic, reprezintă o nivelare a şanţului, realizată în perioada modernă.

La sud de şanţ, înspre incintă, a fost sesizată o aglomeraţie de sol cu urme de arsură, în amestec cu fragmente de lemn carbonizat şi lut ars, care atingea grosimea de cca 0,35 m. Sub această dărâmătură a fost descoperită o groapă de par, cu diametrul 0,25 m şi adâncimea 0,20 m (fig. 9/1).

Cea de-a doua secţiune (2/2020), cu dimensiunile de 22×2 m, a fost trasată pe latura de nord-vest a anomaliei circulare, întretăind cercul exterior, precum şi locul unde pe harta magnetometrică a fost sesizată o întrerupere a cercului interior (fig. 8). În procesul de cercetare arheologică, la adâncimea de 0,40 m de la nivelul actual de călcare, pe traseul cercului exterior au fost descoperite vestigiile unui şanţ denumit convenţional nr. 1 (fig. 10; 11/1). Cercetarea şanţului ne-a permis să stabilim că acesta avea forma quasi-trapezoidală în secţiune, cu o deschidere în partea superioară de cca 2,60 m, iar în cea inferioară – de cca 2,10 m, adâncimea lui fiind de doar 0,50 m. Umplutura şanţului consta din sol de culoare castanie în amestec cu particule de calcar (moloz), pietre de mici dimensiuni şi fragmente de lut ars.

Din emplectonul şanţului au fost recuperate: un pandantiv din bronz (fig. 12/1, 2), un fragment de cupă (fig. 12/3, 4), o lustruitoare (fig. 13/1) şi o bilă de praştie (fig. 13/2), confecţionate din piatră, patru colţi de mistreţ, cu urme de prelucrare (fig. 13/3-6) şi 25 de fragmente de ceramică modelată cu mâna (fig. 15/11-15). Dintre aceste

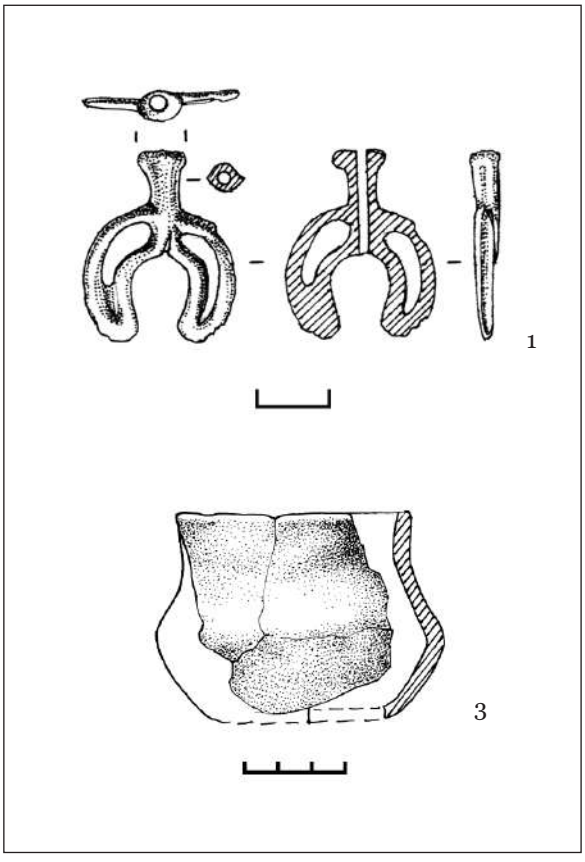


Fig. 12. Saharna „Rude". Piese descoperite pe fundul şanţului nr. 1:
1, 2 - pandantiv din bronz; 3, 4 - cupă (foto după restaurare).

artefacte, un interes aparte prezintă pandantivul şi fragmentul de cupă, ambele fiind descoperite la fundul şanţului.

Pandantivul (fig. 13/1, 2) este de tip semilunar ajurat cu tija perforată vertical[6], cu câte o deschidere la cele două braţe. Pandantivul are înălţimea de 2,90 cm şi lăţimea – de 2,20 cm. Lungimea tijei este de 0,70 cm, diametrul – de 0,60×0,40 cm, iar diametrul perforaţiei – de 0,30 cm.

Pandantivele de acest tip[7] sunt destul de numeroase şi se răspândesc pe arii vaste. La momentul de faţă, sunt cunoscute cca 66 de puncte în care au fost descoperite astfel de piese (Hansen 1994, 261, Abb. 165; Kacsó 1995, 115-116, Liste 4; Kacsó 2009, 168; Jankovits 2015, 246-247, Abb. 6). În vest, acestea ajung până în Baden-Württemberg (Reim 1983, Abb. 5/2; 11/4; Kreutle 2007, 207, 552, Taf. 136), în nord-vest – până în Saxonia-Anhalt (Brunn 1968, Taf. 94/7), în nord – până în Silezia Inferioară (Pfützenreiter 1931, Abb. 4). Spre sud-vest ele se răspândesc până în nordul Italiei (Jankovits 2015, Abb. 5/1, 2; Jankovits 2020, fig. 3C/1), iar la sud – până în Croaţia (Vinski-Gasparini 1973, Tab. 52/48-49). Cea mai estică descoperire a unui pandantiv semilunar ajurat cu tija perforată vertical, cu excepţia celui de la Saharna, a fost atestată în depozitul de bronzuri de la Bicaz I (Kacsó 1980, 296; Kacsó 1995, Liste 4/3).

Conform opiniei lui C. Kacsó, pandantivele semilunare ajurate cu tija perforată vertical au fost creaţii ale centrului metalurgic din vestul Transilvaniei, începând cu perioada Bz D, iar drept prototip au fost luate pandantivele în formă de potcoavă, perforate, care au ajuns în regiunea menţionată în urma unor influenţe Piliny

[6] În germană: *Halbmondförmiger durchbrochener Anhänger mit vertikal durchlochtem Stiel.*

[7] Aceste piese au fost interpretate de unii cercetători şi drept „apărătoare de ac" (*Nadelschützer*) (Paulík 1986, Abb. 9-10), alţii presupunând că ele puteau fi utilizate atât ca pandantive, cât şi în calitate de apărătoare de ac (Jankovits 2015, 248). De asemenea, ele sunt interpretate drept simboluri abstractizate de coarne, fiind considerate însemne sacre (Schauer 1995, 306; Kreutle 2007, 208). Mai multe detalii cu privire la discuţiile despre funcţionalitatea acestor piese a se vedea în: Kacsó 2009, 170 şi nota 46; Jankovits 2015, 247-248.

(Kacsó 1995, 100-101; Kacsó 2009, 168). Ulterior, în perioada Ha A_1, pandantivele semilunare s-au răspândit și în alte teritorii. Probabil, în această perioadă poate fi încadrată și piesa descoperită la Saharna „Rude”.

Cupa (fig. 12/3, 4) are suprafața lustruită, iar culoarea ei variază de la cenușiu-închis la cărămiziu-închis. Recipientul are marginea ușor evazată, gâtul scund și trunchiul bitronconic. Înălțimea vasului este de 6 cm, diametru gurii – de 6,90 cm, al gâtului – de 6,60 cm, al trunchiului – de 8,40 cm, iar al fundului – de 4,60 cm. Cele mai apropiate analogii pentru această cupă sunt cunoscute în așezările culturii Holercani-Hansca de la Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 8/8; Niculiță et al. 2016, fig. 176/4), Rașcov XI (Кашуба, Фидельский 2007, рис. 4/5), Coșnița (Levițki 1994, pl. 8/2). De asemenea, vase similare au fost descoperite și în așezarea Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiță, Zanoci, Băț 2016c, fig. 25/1, 2), inclusiv în groapa nr. 177, asociate cu un ac de tip Ösennadel, care a permis datarea complexului cu mijlocul sec. XII - sec. XI a. Chr. (Niculiță, Zanoci, Băț 2016c, 41-45, fig. 24).

Restul fragmentelor ceramice, descoperite în șanț, sunt de la chiupuri (fig. 15/11), oale (fig. 15/12, 13), străchini (fig. 15/15) și cești (fig. 15/14). Unele fragmente prezintă tehnici de decor, dintre care pot fi menționate elementele plastice (fig. 15/12) și incizate (fig. 15/13, 15). Aceste recipiente, conform particularităților lor, sunt caracteristice pentru cultura Cozia-Saharna, fiind similare celor din siturile Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 55, 67, 78), Saharna „Țiglău” (Niculiță, Nicic 2014, fig. 24, 30, 57), Alcedar III (Кашуба 2000, рис. CVI) etc.

În spatele șanțului, la adâncimea de 0,20-0,30 m de la nivelul actual de călcare, a fost atestată o dărâmătură din pietre de calcar cu dimensiunile de 0,20×0,15×0,10 m și 0,60×0,40×0,20 m (fig. 10; 14/1, 2). Printre ele au fost descoperite fragmente de la vase modelate cu mâna (fig. 15/19-23), analogice celor identificate în șanț. După degajarea stratului de pietre, la o distanță de cca 1,60 m spre sud de șanțul nr. 1, au fost atestate nouă gropi de pari, amplasate în trei șiruri, a câte trei gropi în fiecare șir (fig. 10). Distanța dintre șiruri era de cca 0,80-1,0 m, iar cea dintre gropi – de 0,40-0,80 m. Gropile aveau diametrul de 0,20-0,30 m și adâncimea de cca 0,10-0,20 m, marginea unora dintre ele fiind căptușită cu pietre de calcar (fig. 14/3-5).

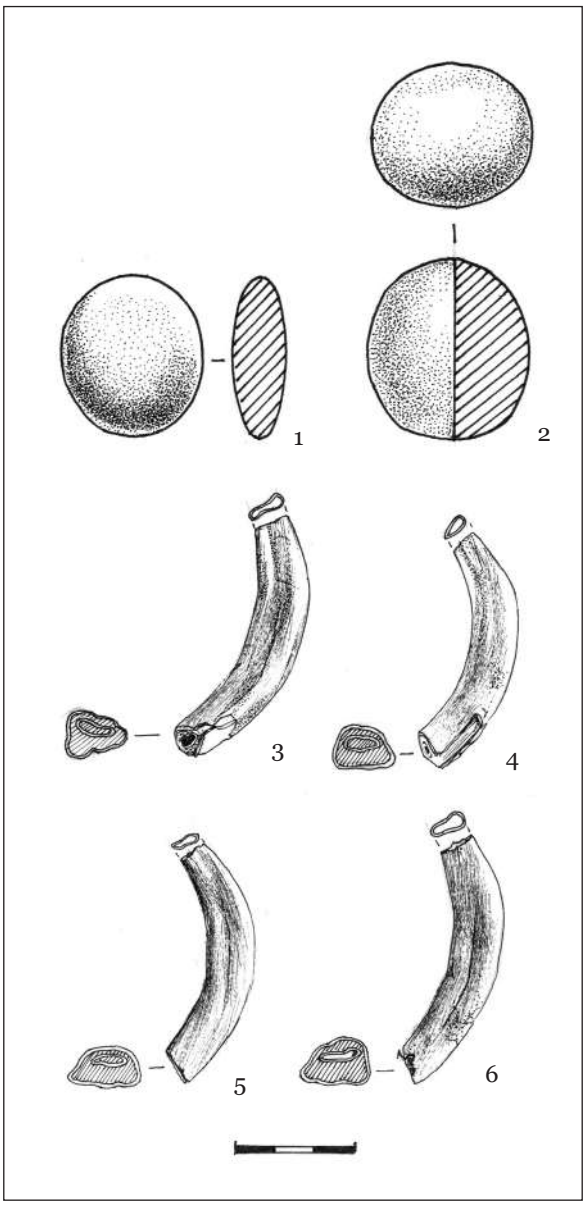


Fig. 13. Saharna „Rude”. Piese descoperite în umplutura șanțului nr. 1.

La o depărtare de cca 3,50 m spre sud-est de șirurile de gropi, pe traseul cercului interior, unde pe harta magnetometrică a fost sesizată întreruperea, nu au fost sesizate urmele vreunui șanț. Acesta însă a apărut în profilul de est al secțiunii. Astfel, pentru a cerceta acest șanț, la secțiunea de bază a fost adăugată o anexă cu dimensiunile de 4×1 m (fig. 10; 11/2-4). Ca urmare a investigațiilor arheologice, a fost descoperit capătul șanțului nr. 2, care avea pe porțiunea cercetată o deschidere la gură de 3,40 m și adâncimea de cca 0,80 m. Umplu-

1

2

3

4

5

Fig. 14. Saharna „Rude”. Vestigiile zidului cercetate în secțiunea 2/2020: 1, 2 - pietre din emplecton; 3 - imagine de ansamblu a fundației; 4, 5 - gropi de par, detaliu.

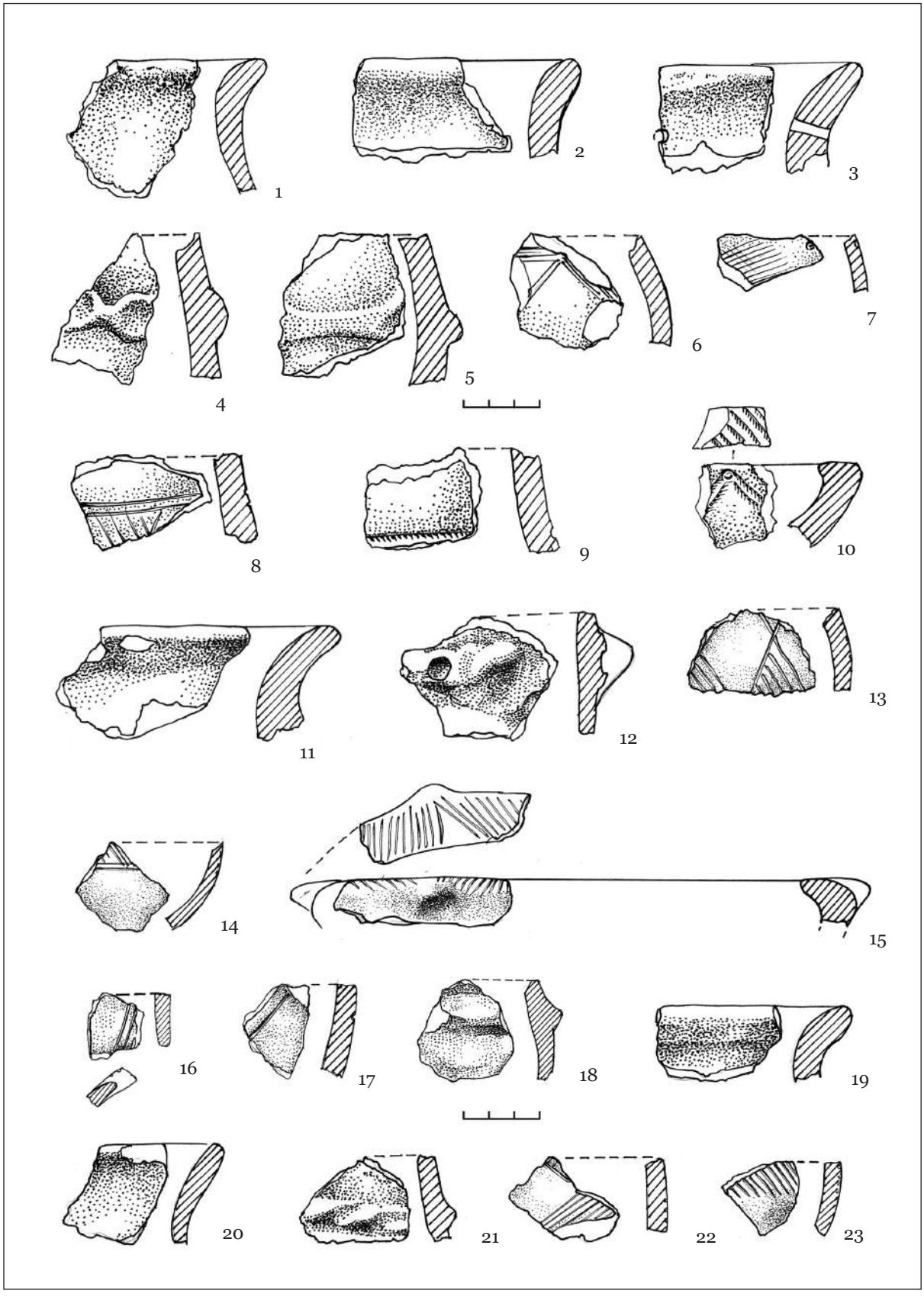


Fig. 15. Saharna „Rude”. Fragmente ceramice din prima epocă a fierului (cultura Saharna): 1-10 - incintă; 11-15 - șanțul nr. 1; 16-18 - șanțul nr. 2; 19-23 - dărâmătura zidului.

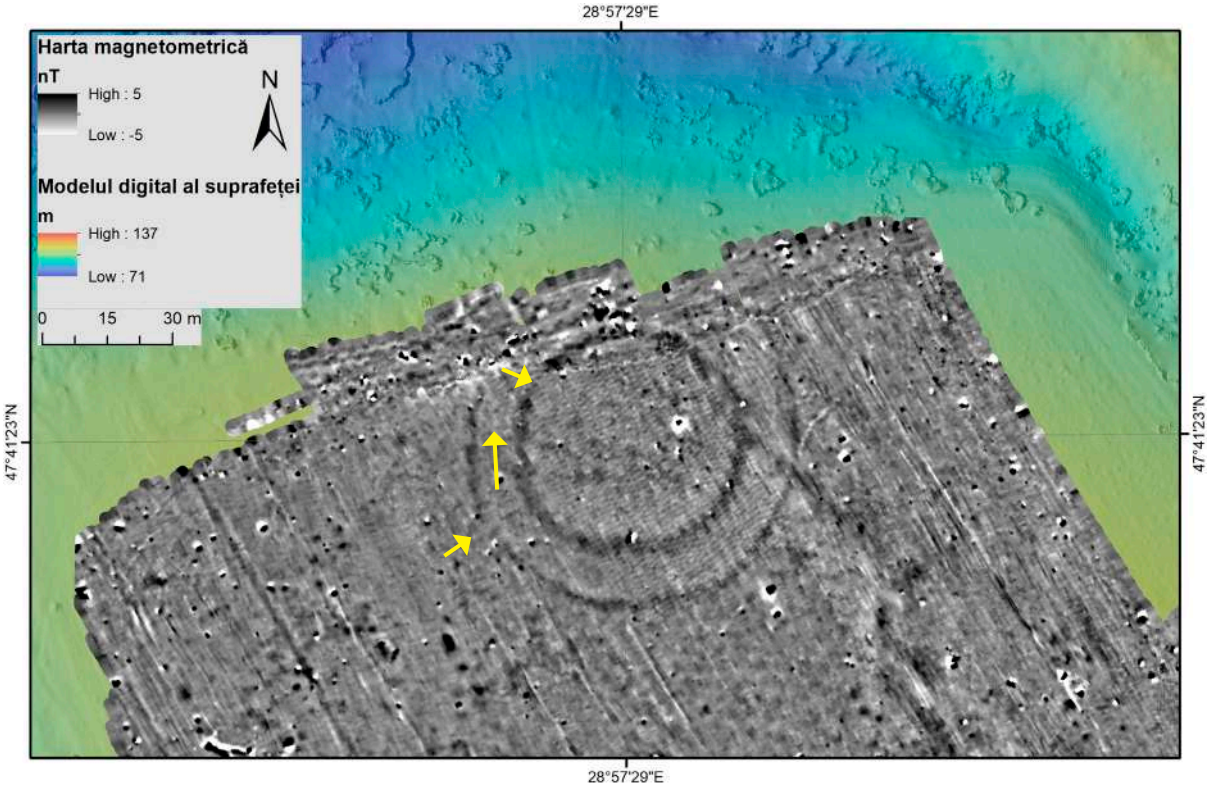


Fig. 16. Harta magnetometrică a incintei cu marcarea căii de acces.

tura lui consta din două straturi. Cel inferior, cu grosimea de cca 0,50 m, era compus din sol castaniu în amestec cu moloz şi fragmente de lut ars şi s-a depus, probabil, îndată după abandonarea sistemului defensiv. În partea de jos a acestui strat au fost descoperite şapte fragmente de ceramică modelată cu mâna, dintre care două decorate cu incizii (fig. 15/16, 17). Ceramica recuperată din şanţ este caracteristică pentru siturile din prima epocă a fierului – atât din microzona Saharna (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016b), cât şi din regiunile limitrofe (Кашуба 2000, 419-450). Stratul superior al umpluturi şanţului, cu grosimea de cca 0,30 m, era compus din cernoziom carbonatic şi reprezintă, probabil, o fază recentă de colmatare a şanţului.

La cca 1,0 m nord-est de capătul şanţului nr. 2 a fost descoperită o groapă de par de formă rotundă în plan, cu diametrul de cca 0,25 m şi adâncimea de 0,15 m, a cărei margine era căptuşită prin intermediul a trei pietre de calcar (fig. 10). Iar la o distanţă de cca 1,60 m, în spatele şanţului, au fost depistate alte două gropi de pari, amplasate la cca 1 m una faţă de alta (fig. 10). Gropile aveau diametrul de 0,20-0,25 m şi adâncimea de 0,15-0,20 m.

În cercetările din spaţiul neafectat de vestigiile construcţiilor defensive au fost descoperite: un fragment de la o împungătoare din fier (fig. 21/3), o lustruitoare confecţionată din toarta unei amfore greceşti (fig. 21/1), o lustruitoare din piatră (fig. 21/2) şi 12 fragmente de ceramică (fig. 21/4, 5), atribuite, conform particularităţilor lor, recipientelor de factură getică.

Deopotrivă cu săpăturile arheologice intruzive, în perimetrul incintei au fost realizate şi periegheze de tip *survey*. Ca urmare, au fost descoperite mai multe cioburi de ceramică modelată cu mâna, printre care se evidenţiază buze de chiupuri (fig. 15/1-3), pereţi de oale ornamentate cu brâie în relief (fig. 15/4, 5) sau cu decor incizat (fig. 15/6, 8) şi imprimat (fig. 15/9), fragmente de ceşti/cupe decorate cu incizii (fig. 15/7) şi un fragment de strachină cu decor imprimat (fig. 15/10). Toată ceramica recuperată de pe suprafaţa citadelei este similară celei descoperite printre vestigiile amenajărilor defensive, precum şi cu cea atestată în siturile culturii Cozia-Saharna din regiunea Nistrului Mijlociu (Кашуба 2000, рис. XIV, XX; Niculiţă, Nicic 2014, fig. 25, 30-32, 43, 56-61; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 65, 67, 78; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016c, fig. 67-72; etc.).

Cercetările geofizice şi arheologice au confirmat prezenţa, la marginea aşezării Saharna „Rude”, a unei incinte circulare de mici dimensiuni, de tip „citadelă”. Sistemul ei defensiv consta din două linii de apărare concentrice. Prima este compusă din şanţul nr. 1, lat la gură de cca 2,60 m şi adânc de 0,50 m[8], urmat, la o distanţă de cca 1,60 m, de un „zid” din lemn, cu emplecton din pământ şi piatră, care a avut lăţimea de cca 2 m. Drept dovadă a unei astfel de construcţii ne pot servi gropile de la pari, unele căptuşite cu lespezi de piatră, precum şi pietrele din dărâmătura „zidului”.

A doua linie defensivă a fost amplasată la o distanţă de cca 3,50 m faţă de „zidul” menţionat[9] şi consta dintr-un şanţ (nr. 2), în spatele căruia, la fel, la o distanţă de 1,60 m (sic!)[10], a fost ridicat un „zid” din lemn, pământ şi piatră. După cum au demonstrat săpăturile realizate în secţiunea 1/2019, şanţul avea lăţimea, la gură, de cca 4,20 m şi adâncimea de cca 1,80 m. Dimensiunile mai modeste ale şanţului în secţiunea 2/2020 (lăţimea de 3,40 m şi adâncimea de 0,80 m) pot fi explicate prin faptul că aici a fost surprins doar capătul lui. În partea de vest a secţiunii 2/2020, şanţul nu a fost atestat, fapt ce ne sugerează că acesta a fost întrerupt pe un segment[11], care ar coincide cu poarta/calea de acces în incintă. De asemenea, conform hărţii magnetometrice, menţionăm prezenţa unei întreruperi de cca 8 m şi pe traseul de vest al şanţului exterior (fig. 16). Prin urmare, plecând de la situaţia atestată, se poate presupune că accesul în „citadelă” se făcea dinspre vest, urmând spre nord cca 37 m, printre cele două linii defensive, apoi cotea la est, în dreptul întreruperii (porţii) din şanţul interior (fig. 16). Asemenea amenajări ale intrărilor (de tip *şicană*) în fortificaţii, sunt cunoscute pe larg în preistorie, în special în epoca fierului (Zanoci 2015).

Pentru datarea elementelor defensive servesc materialele arheologice, descoperite la fundul şanţurilor şi printre vestigiile „zidurilor”. Acestea, la momentul de faţă, sunt reprezentate de fragmente ceramice (fig. 15/11-23), caracteristice culturii Cozia-Saharna (sec. X-IX a. Chr.), cunoscute în această perioadă în regiunea Nistrului Mijlociu (Кашуба 2000, 363-476; Niculiţă, Nicic 2014; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016b ş.a.). În favoarea acestei perioade sunt şi materialele arheologice (fig. 15/1-10) descoperite în urma cercetărilor de suprafaţă din incintă.

Descoperiri *extra muros*

În spaţiul exterior incintei, deocamdată nu au fost realizate săpături arheologice, fiind colectate doar materiale de pe suprafaţa sitului. Ca urmare a perieghezelor, au fost recuperate mai multe piese din piatră de râu: cute (fig. 18/4, 5), percutoare (fig. 18/6, 7) şi lustruitoare (fig. 18/1-3). Astfel de unelte sunt cunoscute în majoritatea siturilor arheologice din regiunea Nistrului Mijlociu şi au fost utilizate atât în prima vârstă a epocii fierului (Кашуба 2000, рис. XXVIII; Niculiţă, Nicic 2014, fig. 14-15; Niculiţă et al. 2019, fig. 18; etc.), cât şi în perioada târzie (Kaşuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XXXVI; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 149; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016c, fig. 146-147).

De asemenea, au fost descoperite fusaiole întregi (fig. 17/4) sau fragmentare (fig. 17/1-3) şi jetoane (fig. 17/5), confecţionate din periţii unor vase modelate cu mâna, care, la fel, sunt întâlnite frecvent în aşezările din epoca fierului (Kaşuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XXXIV; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016c, fig. 66, 148). Se remarcă şi două fragmente de la o figurină zoomorfă (fig. 17/6) şi una antropomorfă (fig. 17/7). Figurinele zoomorfe sunt atestate destul de des în siturile culturii Cozia-Saharna din regiunea Nistrului Mijlociu: Solonceni „Hlinaia” (Кашуба 2000, рис. LXXXV/14), Alcedar III (Кашуба 2000, рис. CXV/11), Saharna „Ţiglău” (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 81/4; 99/12), Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016c, fig. 30/3; 66/11) etc. În ceea ce priveşte piesa antropomorfă, ea păstrează elemente decorate cu motive incizate şi imprimate. Cele mai apropiate analogii pentru această descoperire sunt cunoscute în aşezările din prima epocă a fierului de la Ţahnăuţi (Băţ 2017, fig. 6/1-7), Saharna „Ţiglău” (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 81/8), Solonceni „Hlinaia” (Кашуба 2000, рис. XXXIII/7) etc.

De asemenea, de pe suprafaţa aşezării au fost recoltate trei bucăţi de zgură de fier (fig. 18/8), precum şi numeroase fragmente de ceramică modelată cu mâna, care, conform particularităţilor ei, poate fi divizată în trei grupuri cultural-cronologice.

[8] Adâncimea mică a şanţului poate fi explicată prin imposibilitatea de a săpa mai adânc, din cauza duritătii rocii pe porţiunea dată.

[9] Pe acest sector al „citadelei” constatăm o apropiere maximă între liniile defensive, pe când pe alte porţiuni, după cum poate fi urmărit pe harta magnetometrică, distanţa dintre şanţuri este de cca 9 m.

[10] Păstrarea unei şi aceleiaşi depărtări (berme) dintre şanţuri şi „ziduri” ne conduce spre ideea existenţei unor standarde în procesul de edificare a sistemului defensiv.

[11] Judecând după harta magnetometrică, această întrerupere putea să aibă lăţimea de cca 8,50 m.

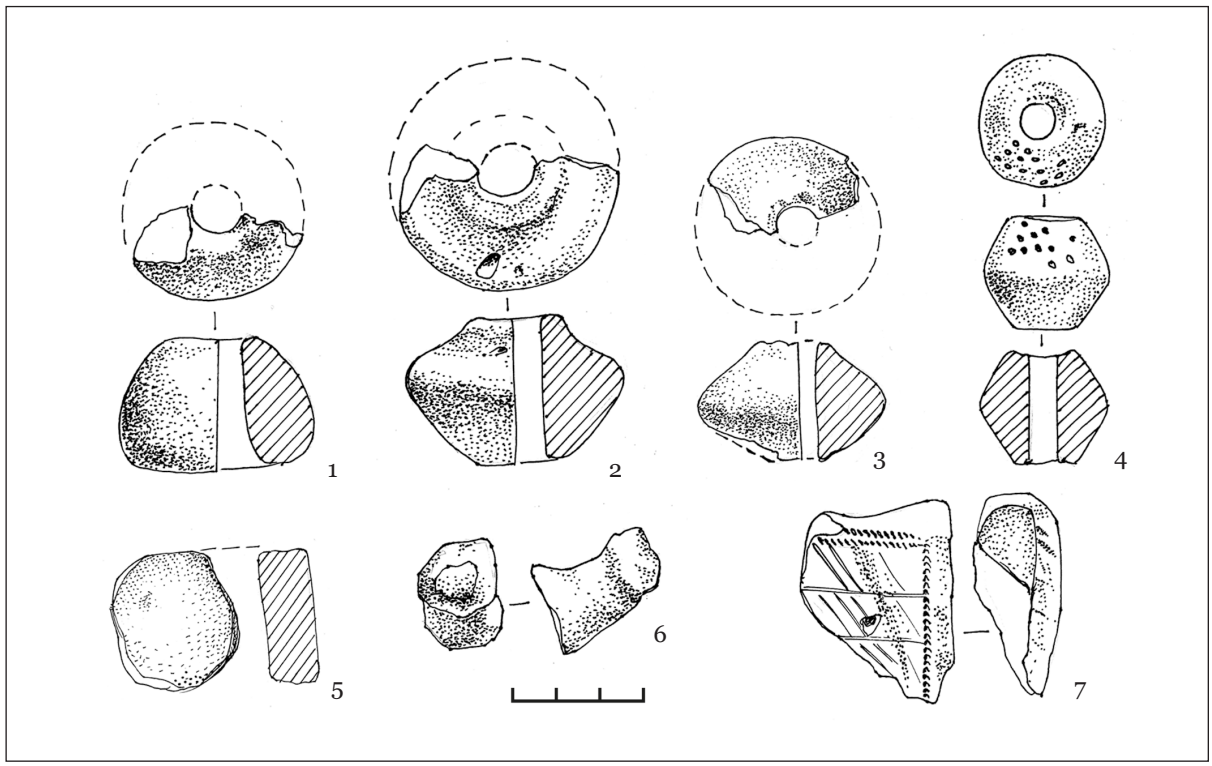


Fig. 17. Saharna „Rude”. Piese din lut descoperite pe suprafaţa aşezării.

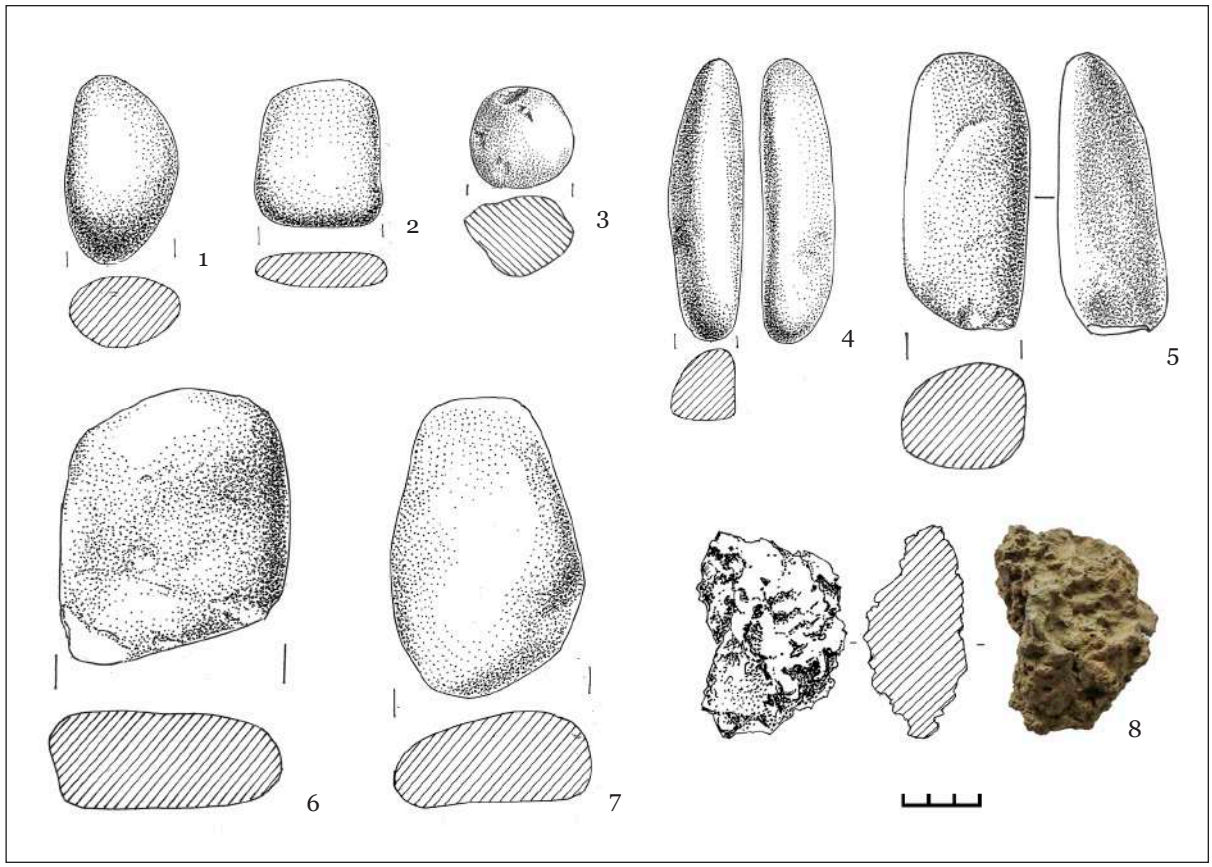


Fig. 18. Saharna „Rude”. Piese descoperite fortuit pe suprafaţa aşezării.

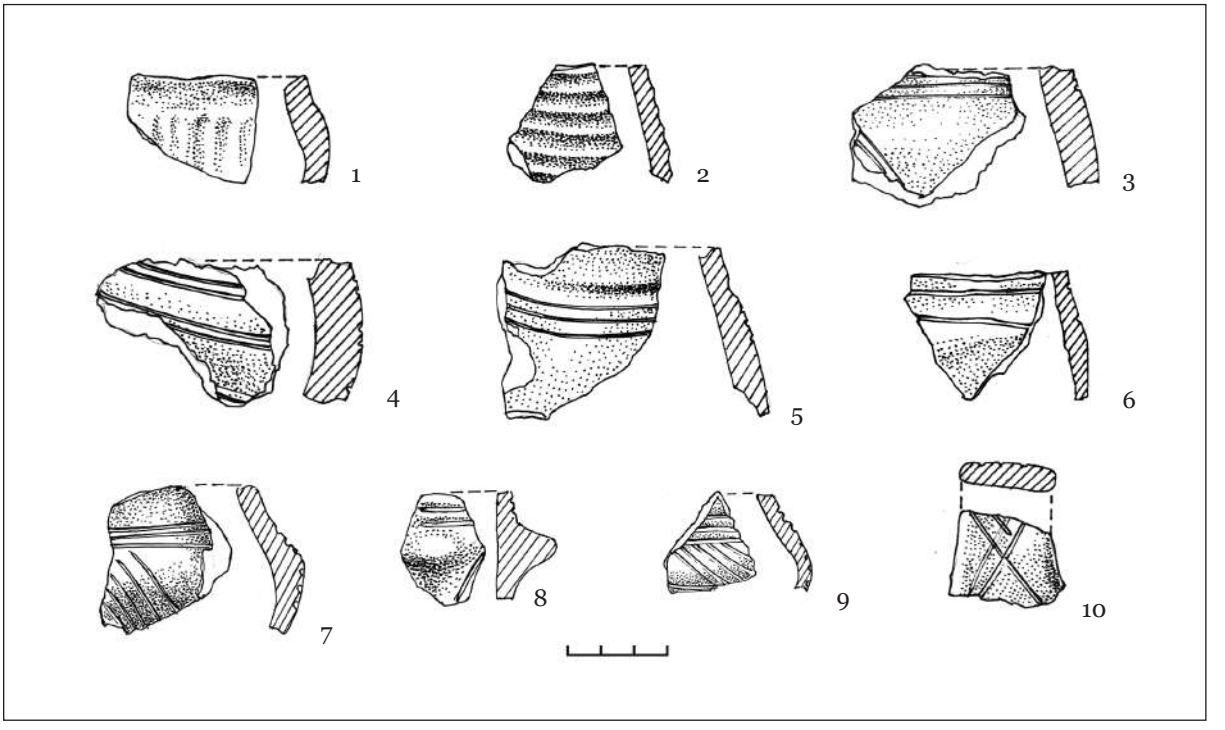


Fig. 19. Saharna „Rude”. Fragmente ceramice atribuite orizontului Holercani-Hansca.

Primul grup, atribuit *orizontului Holercani-Hansca,* întrunește fragmente de la vase cu suprafața lustruită, de culoare cenușie-închisă sau neagră, decorate cu caneluri sau incizii. Dintre ele se evidențiază un fragment de cupă, ornamentată pe trunchi cu caneluri verticale (fig. 19/1). Recipiente similare au fost atestate în așezările culturii Holercani-Hansca de la Suruceni (Niculiță 2019, fig. 2/28), Hansca „La Matcă” (Никулицэ 1981, рис. 4/2) și Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 32/22). La fel, remarcăm și un fragment de vas decorat cu caneluri orizontale (fig. 19/2), întocmai ca cele descoperite în situl Hansca „La Matcă” (Никулицэ 1981, рис. 2/1). Mai frecvente sunt fragmentele de la recipiente ornamentate cu incizii. Astfel, se evidențiază vase pe a căror suprafață apar câteva linii incizate, dispuse orizontal (fig. 19/4-6), ca și la exemplarele descoperite în așezarea Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 8/9; 33/11; Niculiță et al. 2016, fig. 183/17). Mai este practicată și combinația de linii orizontale și oblice (fig. 19/7, 9). Acest decor este des întâlnit pe vasele din așezările culturii Holercani-Hansca de la Solonceni „Hlinaia” (Кашуба 2000, рис. LXXIX/4), Hansca „La Matcă” (Никулицэ 1981, рис. 4/1), Rașcov XI (Кашуба, Фидельский 2007, рис. 3/6) și Saharna Mică (Niculiță et al. 2016, fig. 183/15, 16). La fel, au fost descoperite fragmente pe care liniile incizate formează unghiuri, orientate cu vârful în jos, ca și pe recipientele de la Hansca „La Matcă” (Никулицэ 1981, рис. 4/2) și Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 33/5). Linii incizate încrucișate apar pe un fragment de toartă (fig. 19/10), ca și pe torțile ceștilor descoperite la Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 11/9; 32/16). Iar pe un fragment de vas a fost atestată o combinație de decor în relief cu cel incizat (fig. 19/8), la fel ca pe recipientul de la Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 10/2).

Ceramica specifică *culturii Saharna* din regiunea Nistrului Mijlociu este mult mai numeroasă, fiind reprezentată de fragmente de la vase cu suprafața bine prelucrată, uneori lustruită, a căror culoare variază de la negru la cărămiziu, iar decorul lor este în relief, incizat sau imprimat. Printre fragmentele recuperate se evidențiază cele de la străchini cu buza îngroșată, arcuită în interior ori în exterior, decorate pe margini cu linii incizate (fig. 20/7) sau imprimate (fig. 20/1-6). Astfel de străchini sunt întâlnite în majoritatea așezărilor culturii Cozia-Saharna din regiunea Nistrului Mijlociu: Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 58/1-6; 59/1-13; Niculiță, Zanoci, Băț 2016c, fig. 67-70;

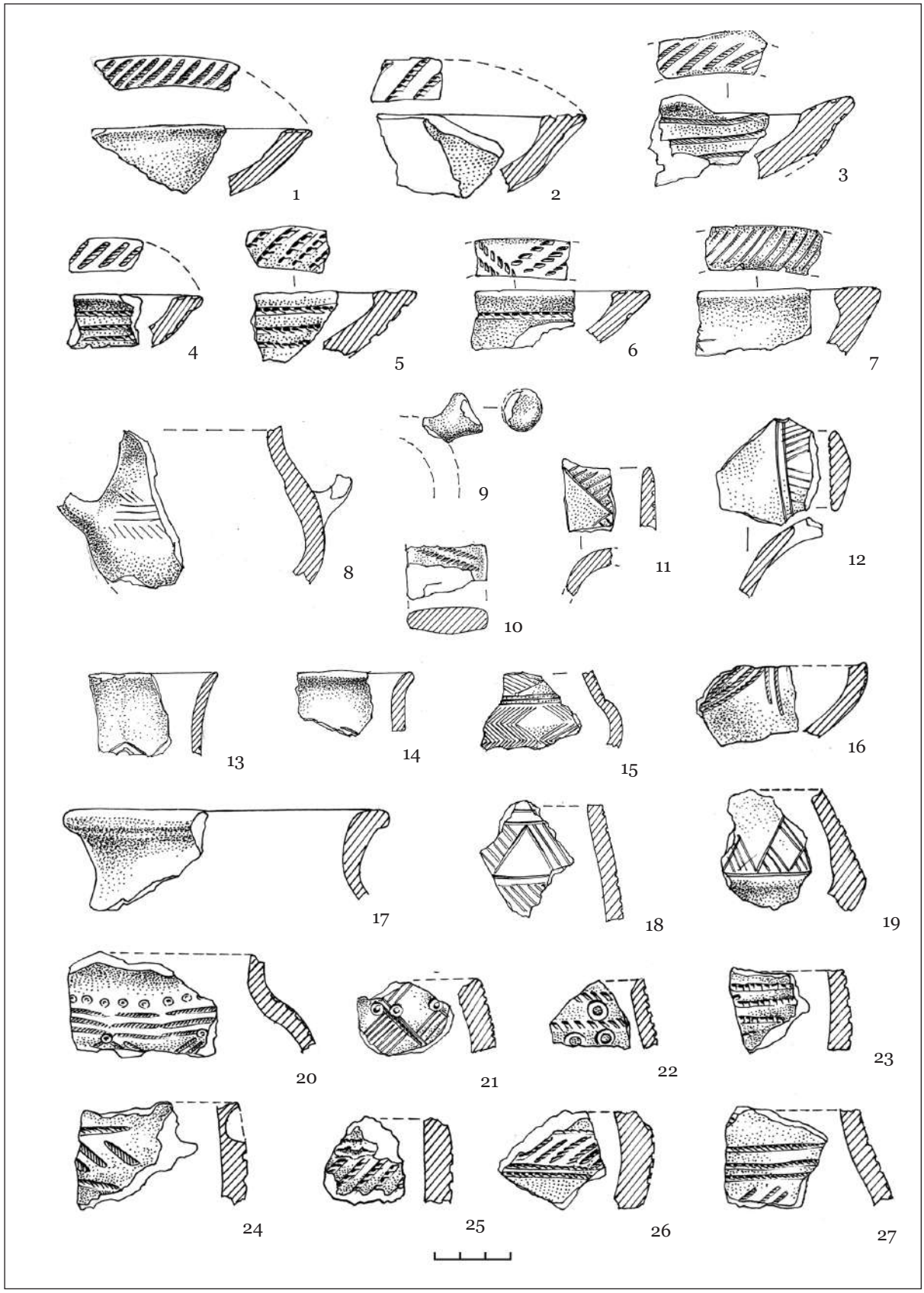


Fig. 20. Saharna „Rude”. Fragmente ceramice aparținând culturii Saharna.

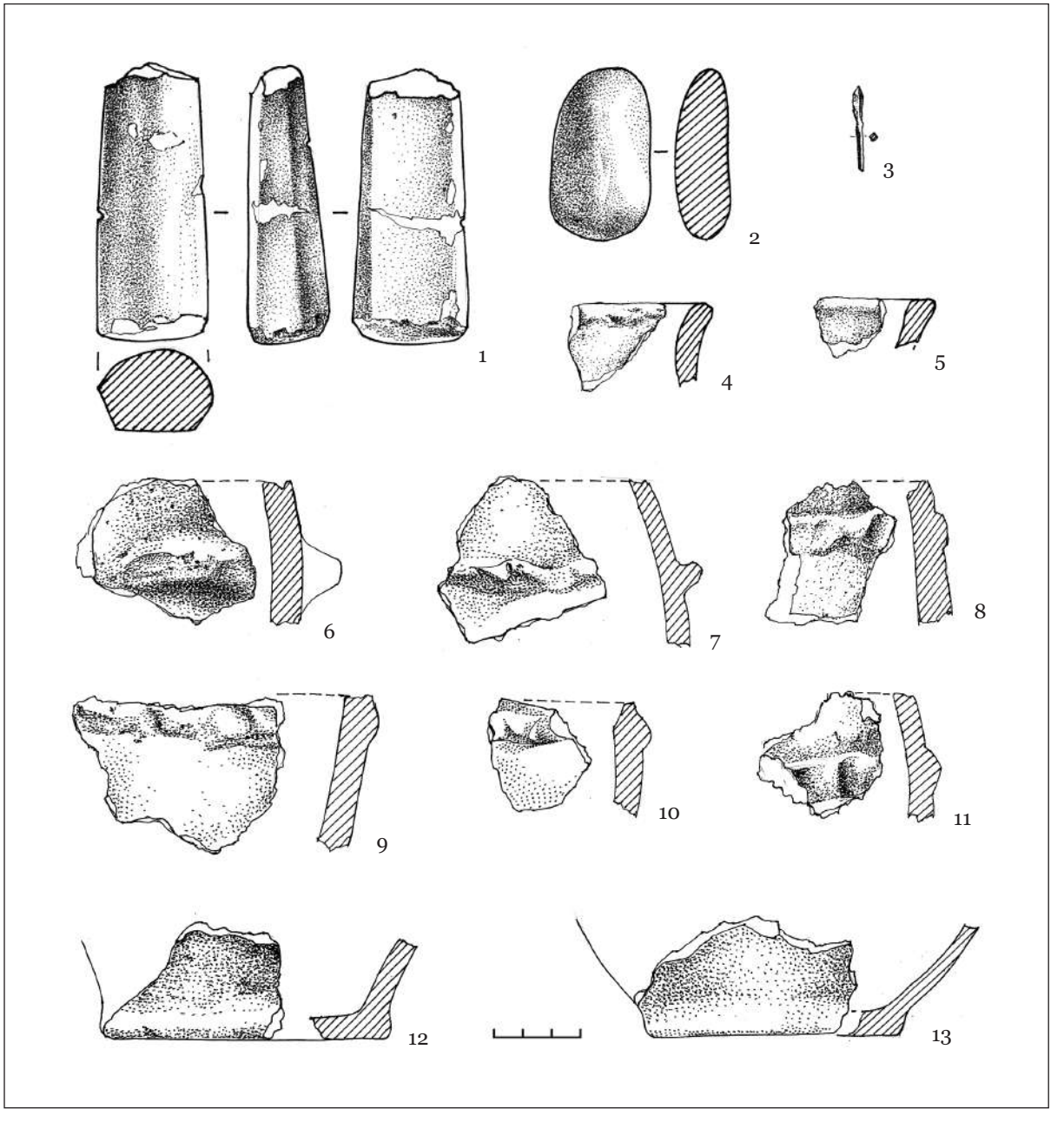


Fig. 21. Saharna „Rude”. Descoperiri arheologice aparţinând celei de-a doua epoci a fierului.

90/3, 5-8), Saharna „Ţiglău” (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 56-62), Mateuţi „La Başne” (Кашуба 2000, рис. XCIV) etc.

La suprafaţa aşezării Saharna „Rude” au fost descoperite şi fragmente de oale, cu ornament incizat (fig. 20/18, 19), imprimat (fig. 20/20, 22-27) sau în relief. Acest tip de vase, la fel, are multiple analogii în siturile culturii Cozia-Saharna de la Alcedar III (Кашуба 2000, рис. CVI/3, 4, 6, 7, 11), Glinjeni „La Şanţ” (Гольцева, Кашуба 1995, таб. XXXIII/4), Saharna „Ţiglău” (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 46-54) etc.

De asemenea, au fost atestate şi fragmente de cupe/ceşti (fig. 20/8-16), majoritatea fiind decorate cu motive incizate (fig. 20/8, 11-15). Astfel de recipiente au o răspândire largă în mediul culturii Saharna, fiind descoperite atât în aşezări (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 80; Niculiţă, Nicic 2014, fig. 67-75; Băţ 2017, fig. 10-12; etc.), cât şi în necropole (Кашуба 2000, рис. LVIII/20; LXII/2).

Cel de-al treilea grup ceramic este reprezentat de fragmente de la vase rudimentare, cu suprafața netezită, a căror culoare variază de la cafeniu la cenușiu. Decorul preponderent al acestor recipiente este cel în relief sub forma unor proeminențe aplatizate (fig. 21/6), brâie alveolate (fig. 21/8-11) sau brâie alveolate întrerupte de proeminențe (fig. 21/7). Astfel de vase sunt specifice *culturii getice* din sec. IV-III a. Chr. atât din regiunea Nistrului Mijlociu (Kașuba, Haheu, Levițki 2000, pl. VIII/6; XIX/2-4, 6-8; XLV/2, 5, 7; Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 14/1-13; 115/4-8; Niculiță, Zanoci, Băț 2016c, fig. 125/2-7; 157/2-8; etc.), cât și din alte teritorii populate de aceste comunități (Niculiță, Teodor, Zanoci 2002, fig. 87; 89/1-3, 7, 11; Zanoci 2004, fig. 19-20 etc.).

Cercetări pedologice

La investigațiile pedologice au fost utilizate metodele clasice de determinare a parametrilor chimici și fizici ai solului. O probă de sol a fost prelevată din profilul vestic al suprafeței cercetate în 2019 (fig. 22), cele pentru comparație (profilul 2 și profilul 3) fiind forate cu sonda până la adâncimea de 120 cm, la o distanță de circa 50 și 100 m spre est, pe un teren arabil.

Analizele probelor au fost efectuate în Laboratoarele „Fizica solului" și „Chimia solului" din cadrul Departamentului „Geoștiințe și Silvicultură" al Universității de Stat din Moldova și în laboratoarele Institutului de Pedologie, Agrochimie și Protecție a Solului „Nicolae Dimo"[12].

Ca rezultat al investigațiilor pedologice, s-a stabilit că subtipul de sol din spațiul cercetat este cernoziom carbonatic luto-argilos, valorificat la momentul prelevării probelor ca teren arabil. Acest subtip de sol este un mediu humificat, cu o structură relativ stabilă și conține carbonați de la suprafață. În arealul Saharna, cernoziomul carbonatic este prezent, de regulă, pe platourile și promontoriile formate la confluența Nistrului cu afluenții săi de dreapta. Prezența carbonaților în stratul superior indică regimul hidric xerofit. Carbonații interacționează cu elementele nutritive, trecându-le în stare insolubilă, iar reacția solului este bazică (Ursu 2011).

1

2

Fig. 22. Saharna „Rude". Cercetări pedologice:
1 - procesul de prelevare al probelor; 2 - profilul nr. 1;.

[12] Metodele de analiză utilizate în determinarea parametrilor chimici și fizici ai solului au fost următoarele: componența granulometrică – prin metoda pipetei, după N.A. Kacinski; densitatea fazei solide – prin metoda Petinov (Jigău, Nagacevschi 2006); humusul – prin metoda I.V. Tiurin, cu modificarea efectuată de V.N. Simakov (Аринушкина 1970). Conținutul de fosfor în sol a fost determinat în baza metodei spectrofotometrice prin absorbție moleculară, în conformitate cu SM SR ISO 11263:2012, SM SR ISO 14869-1:2012, SM ISO 6491:2014, GOST 26261-84, GOST 26205-91 și anexa nr. 3 la Reglementarea tehnică „Fertilizanți minerali. Cerințe esențiale", aprobată prin Hotărârea de Guvern nr. 268 din 26 aprilie 2012 (HG 268/2012). Conținutul de azot în sol a fost determinat în baza metodei volumetrice, în conformitate cu SM SR ISO 11261:2012, SM SR ENISO 5983-2:2009 și anexa nr. 3 la Reglementarea tehnică „Fertilizanți minerali. Cerințe esențiale", aprobată prin Hotărârea de Guvern nr. 268 din 26 aprilie 2012 (HG 268/2012).

Tabelul 1

Componența granulometrică a solului pe fracțiunile principale

Adâncimea, cm	Densitatea fazei solide, g/cm³			1-0,05 (nisip)			0,05-0,001 (praf)			< 0,001 (argilă)		
				%								
	Pr. 1	Pr. 2	Pr. 3	Pr. 1	Pr. 2	Pr. 3	Pr. 1	Pr. 2	Pr. 3	Pr. 1	Pr. 2	Pr. 3
0-20	2,59	2,59	2,59	19,58	9,48	17,76	48,27	53,42	49,89	32,15	37,10	32,25
20-40	2,60	2,65	2,65	19,87	10,54	18,58	49,22	52,95	48,50	30,91	36,51	32,92
40-60	2,63	2,65	2,66	14,56	7,86	16,59	55,39	52,09	48,68	30,05	39,05	34,73
60-80	2,64	2,65	2,66	13,76	7,25	15,12	57,04	53,06	48,42	30,20	39,69	36,46
80-100	2,64	2,65	2,66	11,83	7,40	15,00	59,08	53,57	48,40	29,09	39,03	36,60
100-120	2,64	2,65	2,66	12,12	10,34	16,00	59,72	53,43	48,03	28,16	36,23	35,97
120-140	2,64	-	-	13,64	-	-	58,84	-	-	27,52	-	-
140-160	2,64	-	-	12,07	-	-	57,58	-	-	28,35	-	-
160-180	2,64	-	-	11,19	-	-	58,04	-	-	28,77	-	-
180-200	2,65	-	-	17,28	-	-	53,94	-	-	28,78	-	-
200-220	2,65	-	-	20,88	-	-	52,59	-	-	25,54	-	-

Tabelul 2

Parametrii chimici ai solului (conținutul de Corg, humus, N, P)

Adâncimea, cm	Corg			Humus			N			P		
	%						mg/kg					
	Pr. 1	Pr. 2	Pr. 3	Pr. 1	Pr. 2	Pr. 3	Pr. 1	Pr. 2	Pr. 3	Pr. 1	Pr. 2	Pr. 3
0-20	1,99	2,01	2,09	3,73	3,46	3,60	2400	1900	1900	790	430	390
20-40	2,75	1,24	1,24	4,74	2,13	2,13	1900	1600	1500	650	350	350
40-60	2,94	1,24	1,22	5,06	2,13	2,10	3100	1300	1000	790	220	260
60-80	3,37	1,16	0,31	5,81	2,00	0,53	2600	1100	1000	830	220	260
80-100	3,09	0,59	0,30	5,33	1,01	0,52	2500	800	800	700	220	260
100-120	1,70	0,38	0,28	2,93	0,66	0,48	1900	800	800	650	220	260
120-140	1,54	-	-	2,66	-	-	1700	-	-	390	-	-
140-160	0,77	-	-	1,33	-	-	1100	-	-	390	-	-
160-180	0,53	-	-	0,91	-	-	1000	-	-	310	-	-
180-200	0,53	-	-	0,91	-	-	1000	-	-	350	-	-
200-220	0,46	-	-	0,80	-	-	900	-	-	260	-	-

Probele de sol din profilul 1 (fig. 22/2), colectate din secțiunea arheologică, prezintă un interes major din punct de vedere al cercetărilor efectuate, întrucât este un profil integru, bine stratificat și are, în stratul cultural, modificări antropice vizibile, comparativ cu profilul 2 și profilul 3. În urma analizei componenței granulometrice, observăm o segmentare a profilului: 0-60 cm, 60-180 cm și 180-220 cm (tab. 1 și tab. 2). Partea superioară (0-60 cm) corespunde caracteristicilor profilurilor naturale ale subtipului respectiv de sol. Segmentul de profil 60-180 cm se caracterizează prin valori ale densității aparente de 2,64 g/cm³ pe tot segmentul, ceea ce nu este specific pentru profilul genetic al acestui subtip de sol. Pe segmentul vizat este bine exprimată și fracțiunea de praf, care constituie 57-59%, pe când în solurile din proximitatea imediată a secțiunii (profilul 2 și profilul 3), la aceeași adâncime (60-120 cm), această fracțiune alcătuiește circa 48-54% (tab. 1). Conținutul majorat al fracțiunii de praf poate fi explicat prin concentrația sporită a cenușii, rezultată din activitatea umană într-o perioadă istorică îndepărtată.

Tabelul 3

Conţinutul de microelemente în sol

Adâncimea, cm	Ca	Mg	Na	Fe	Mn	Zn	Cu	Cr	Cd	Pb	Co	Ni
	mg/kg											
Profilul 1												
0-20	26,45	1,82	0,50	256,33	683,29	61,00	15,95	565,98	2,31	27,81	17,18	3,99
20-40	11,73	0,94	0,31	177,64	761,03	39,78	11,44	367,84	4,81	38,63	25,01	4,69
40-60	17,91	1,15	0,32	257,66	933,54	64,04	22,94	490,46	1,78	24,27	17,84	4,11
60-80	28,61	1,17	0,60	482,61	933,31	43,47	8,89	289,08	2,31	24,25	18,26	4,16
80-100	19,27	1,05	0,62	515,90	940,51	40,41	13,52	658,86	1,85	24,37	15,90	3,71
100-120	27,25	1,01	0,54	414,78	773,93	36,14	10,29	517,32	3,10	30,63	18,63	3,88
120-140	23,99	0,86	0,35	414,54	683,80	35,44	10,93	537,46	3,01	30,80	18,58	3,84
140-160	25,83	1,11	0,53	475,30	722,09	37,09	12,55	622,35	2,42	30,47	16,22	3,57
160-180	14,51	1,05	0,46	455,62	734,88	34,50	12,90	564,64	2,06	28,65	15,76	3,54
180-200	23,54	1,02	0,36	619,84	1119,9	32,81	12,58	727,39	2,37	30,08	16,34	3,47
200-220	28,13	1,17	0,56	170,73	767,14	30,09	11,54	598,37	2,96	34,79	18,32	3,50
Profilul 2												
0-20	32,41	2,20	0,53	561,73	627,81	61,37	18,03	602,88	1,30	20,51	15,83	3,79
20-40	33,82	2,14	0,42	379,40	474,58	45,19	13,90	528,95	1,12	18,07	14,79	3,44
40-60	34,85	2,79	0,47	433,89	481,51	58,41	19,74	702,74	0,88	20,88	16,33	3,73
60-80	25,07	2,61	0,33	405,52	498,15	44,43	16,57	727,76	0,99	21,64	15,72	4,07
80-100	20,13	2,58	0,30	209,46	528,74	45,90	17,82	715,36	2,61	26,52	19,20	4,22
100-120	50,44	2,60	0,39	387,24	469,67	35,00	12,47	538,60	1,60	26,33	14,67	3,24
Profilul 3												
0-20	33,14	2,16	0,50	529,74	549,11	54,69	19,20	801,80	0,92	24,21	16,23	3,93
20-40	51,21	1,87	0,68	453,37	610,45	47,80	13,59	640,44	1,48	22,25	17,58	4,10
40-60	38,47	1,53	0,76	150,02	460,14	39,16	10,79	601,28	1,42	22,61	16,60	3,89
60-80	27,50	1,47	0,54	145,66	437,36	0,00	11,74	349,75	1`,30	31,06	17,92	3,57

În scopul analizei proprietăţilor chimice ale solului, au fost investigaţi următorii parametri: conţinutul de azot (N), de fosfor (P), de carbon organic (C_{org}) şi de humus (tab. 2). Concluzia principală este aceeaşi ca în cazul rezultatelor proprietăţilor fizice ale solului: profilurile de sol 2 şi 3, situate în proximitate, dar în afara sitului arheologic, au o compoziţie genetică naturală, pe când profilul 1 din secţiunea arheologică este segmentat similar în trei straturi, cu valori necaracteristice unui profilul natural (Ursu 2011). Atât conţinutul de azot (N), cât şi cel de fosfor (P), pe segmentul de 60-180 cm, are parametrii majoraţi, în comparaţie cu profilul natural caracteristic pentru acest subtip de sol: în cazul azotului (N), el atinge valori de 2600-1100 mg/kg faţă de 800-900 mg/kg într-un profil natural, iar în cazul fosforului (P), ajunge la valori de 800-390 mg/kg faţă de 300-220 mg/kg într-un profil natural. Deşi conţinutul de P în sol este şi de origine minerală, totuşi asemenea conţinut majorat de P în orizonturile subiacente (>1 m), nu este caracteristic cernoziomurilor. Explicaţia rămâne aceeaşi: conţinutul majorat de P la adâncimea 60-180 cm este cauzat de activitatea antropică. Această constatare este bine demonstrată şi în cazul comparaţiei datelor de la adâncimea 60-120 cm a profilului 1 cu datele de la aceeaşi adâncime a profilului 2. Valorile conţinutului de humus şi, respectiv, de C_{org} sunt majorate cu 1-2% în stratul de 60-180 cm faţă de valorile de la aceeaşi adâncime într-un profil natural.

Conţinutul de microelemente (tab. 3) se încadrează în limitele caracteristice cernoziomului carbonatic, însă cu o creştere evidentă a conţinutului de mangan (Mn) în stratul de 40-120 cm, care ar putea fi generată de o concentraţie sporită de rămăşiţe rezultate din activitatea antropică, inclusiv cenuşa, deoarece conţinutul de mangan de peste 790 mg/kg pentru cernoziomul carbona-

tic este extrem de mare, dat fiind că, din punct de vedere pedogenetic, acumulări de mangan atât de mari se regăsesc în solurile acide, pe când cernoziomurile carbonatice se caracterizează ca alcaline (Возбуцкая 1964). Însă în limita admisibilă pentru solurile Moldovei (Кирилюк 2006), conţinutul de fier (Fe) în profilul 1 din secţiune are parametri majoraţi pe segmentul 80-200 cm, în comparaţie cu profilurile 1 şi 2 din proximitate, ca rezultat al activităţii antropice.

Astfel, după cum demonstrează rezultatele analizelor, solul din profilul 1, de la adâncimea de 60 cm în jos, are urme evidente de modificări antropice – atât morfologice, cât şi analitice – după parametrii fizici şi chimici: o densitate a fazei solide a solului perturbată; un conţinut înalt de humus la adâncime şi în roca de solificare; un conţinut mai înalt de praf, de azot (N), de fosfor (P) în orizonturile subiacente. Aceste abateri reflectă prezenţa materiei organice la adâncimi mari, precum şi a cenuşii rămase de la activitatea omului într-o perioadă îndepărtată de timp.

Concluzii

În stadiul actual al cercetărilor constatăm prezenţa în situl Saharna „Rude” a trei niveluri de locuire, caracteristice pentru culturile Holercani-Hansca, Cozia-Saharna şi getică.

O primă locuire pe platoul „Rude” poate fi atribuită purtătorilor culturii Holercani-Hansca (mijlocul sec. XII - sec. XI a. Chr.) şi este documentată prin pandantivul de bronz şi fragmentele de ceramică specifice perioadei.

În etapa următoare, în partea de nord a platoului a fost edificată o incintă circulară, flancată spre sud de o întinsă aşezare (cca 10 ha), locuire încadrată în cultura Cozia-Saharna (sec. X-IX a. Chr.). Foarte probabil că, deopotrivă cu aşezarea „Rude”, în sfera de „influenţă” a citadelei s-au aflat şi siturile din punctele „La Şanţ”, „Budei”, „Valea de Mijloc”, Saharna Nouă I şi Saharna Nouă II (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016c, 310-312, 361-364, fig. 244).

O situaţie similară în această perioadă atestăm şi pe malul de nord al defileului „Valea Crac”, la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii”, unde, la fel, a fost cercetată (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016c, 45-60, fig. 26-29) o incintă de formă circulară, cu dimensiunile de 74×76 m, fortificată prin intermediul unui şanţ, dublat de un „zid” din lemn cu emplecton din piatră şi pământ. Ca şi în cazul de la Saharna „Rude”, incinta de la Saharna Mare a fost flancată de o aşezare, ce se întindea pe o suprafaţă de cca 8 ha. Atât incinta, cât şi aşezarea din apropiere au fost încadrate în cultura Cozia-Saharna (sec. X-IX a. Chr.) (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016c, 50-140, fig. 30-91).

Recent, în partea de nord a microzonei Saharna au fost cercetate arheologic vestigiile unei incinte cu diametrul de cca 40 m (Zanoci 2021a), amplasată în proximitatea aşezării şi necropolei de la Saharna „Ţiglău”. Un model asemănător (aşezare, incintă, necropolă) este cunoscut şi în partea de sud a microzonei, în punctul „Gura Hulboacei” (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016c, 368-370, fig. 262-264), fiind atribuită, ca şi precedenta, culturii Cozia-Saharna.

Astfel, în microzona Saharna, într-un spaţiu cu suprafaţa de cca 11 km^2, au fost atestate patru incinte (fig. 1/2), în a căror proximitate gravitează una sau mai multe aşezări, iar în cazul de la Saharna „Ţiglău” şi Saharna „Gura Hulboacei” – şi câte o necropolă. „Aglomerări” similare celor de la Saharna sunt cunoscute şi în alte microzone din regiunea Nistrului Mijlociu (Zanoci 2021b), toate fiind încadrate în prima epocă a fierului (cultura Cozia-Saharna).

Plecând de la caracterul modest al elementelor defensive din această perioadă, este puţin posibil ca ele să fi prezentat un obstacol serios în calea invadatorilor. Din aceleaşi considerente, ele nu puteau servi drept refugiu pentru numeroasa comunitate din apropiere. Din punctul nostru de vedere, ele reprezintă, mai degrabă, reşedinţe ale căpeteniilor locale, simbolizând statutul şi puterea conducătorilor. Probabil, acestora li se „subordonau” comunităţile din preajmă.

Descoperirea de fragmente de amfore greceşti, precum şi a celor provenite de la vase modelate cu mâna, specifice culturii getice, ne oferă indici despre o locuire şi din perioada târzie a epocii fierului (sec. IV-III a. Chr.). Populaţia din aşezarea „Rude”, ca şi cea din siturile limitrofe, se putea adăposti, în caz de primejdie, în fortificaţia de refugiu Saharna „La Şanţ”, amplasată în proximitate, la doar 150 m spre est (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016c, 312-319). Iar toate, laolaltă, au făcut parte din „aglomerarea” de situri din microzona Saharna, care a dispus în acea perioadă de un sistem defensiv integru şi bine chibzuit (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016c, 388-396, fig. 273-278; Zanoci, Niculiţă, Băţ 2019, 317-320, fig. 6-7).

Bibliografie

Asăndulesei 2015: A. Asăndulesei, GIS (Geographic Information System), fotogrametrie și geofizică în arheologie. Investigaţii non-invazive în așezări Cucuteni din România (Iași: Editura Universităţii „Alexandru Ioan Cuza" din Iași 2015).

Asăndulesei 2016: A. Asăndulesei, Investigaţii non-invazive. In: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chișinău: Bons Offices 2016), 34-39.

Băţ 2017: M. Băţ, Așezarea din prima epocă a fierului de la Ţahnăuţi, raionul Rezina. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 137-163.

Băţ, Asăndulesei 2018: M. Băţ, A. Asăndulesei, Siturile din epoca fierului din microzona Saharna: GIS și analiză spaţială / Iron Age sites in the Saharna microzone: GIS and Spatial Analysis. In: (Eds. A. Zanoci, M. Băţ, S.-C. Ailincăi) Cercetări interdisciplinare la siturile din epoca fierului în spaţiul tiso-nistrean / Interdisciplinary research at Iron Age sites in the Tisa-Dniester space. Materialele colloquium-ului de vară de la Saharna (Saharna, 13-16 iulie 2017) / Proceedings of Saharna Summer Colloquium (Saharna, July 13th-16th, 2017) (Cluj-Napoca: Mega 2018), 21-43.

Brunn 1968: W.A. von Brunn, Mitteldeutsche Hortfunde der jüngeren Bronzezeit (Berlin 1968).

Hansen 1994: S. Hansen, Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen Rhônetal und Karpatenbecken. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Band 21 (Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt GmbH 1994).

Jankovits 2015: K. Jankovits, Neue Angaben zu den Kontakten zwischen dem Karpatenbecken und Norditalien aufgrund einiger spätbronzezeitlicher Schmucktypen. In: (Hrsg. I. Szathmári, G. Ilon) An der Grenze der Bronze- und Eisenzeit. Festschrift für Tibor Kemenczei zum 75- Geburtstag (Budapest 2015), 235-252.

Jankovits 2020: K. Jankovits, Dati sui rapporti fra il bacino carpatico e l'Italia settentrionale sulla base dei pendagli comuni nell'etá del Bronzo. Rivista di Scienze Preistoriche LXX S1, 2020, 311-322.

Jigău, Nagacevschi 2006: Gh. Jigău, T. Nagacevschi, Ghid al disciplinei Fizica Solului (Chișinău: CEP USM 2006).

Kacsó 1986: C. Kacsó, Date preliminare cu privire la descoperirile de bronzuri de la Bicaz (jud. Maramureș). SCIVA 31/2, 1986, 295-303.

Kacsó 1995: C. Kacsó, Der Hortfund von Arpășel, Kr. Bihor. In: (Hrsg. T. Soroceanu) Bronzefunde aus Rumänien. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa, Bd. 10 (Berlin 1995), 81-130.

Kacsó 2009: C. Kacsó, Depozitul de bronzuri de la Sânnicolau de Munte (jud. Bihor, România). Analele Banatului s.n., Arheologie - Istorie XVII, 2009, 167-173.

Kašuba 2008: M. Kašuba, Materiale ale culturii Șoldănești în bazinul Nistrului de Mijloc – observaţii preliminare. Tyragetia s.n. II/1, 2008, 37-50.

Kašuba, Haheu, Leviţki 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Leviţki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (București 2000).

Kreutle 2007: R. Kreutle, Die Urnenfelderkultur zwischen Schwarzwald und Iller. Südliches Württemberg, Hohenzollern und südöstliches Baden. Arbeiten zur Archäologie Süddeutschlands 19 (Bücherbach 2007).

Leviţki 1994: O. Leviţki, Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată. In: (Eds. P. Roman, M. Alexianu) Relations thraco-illyro-helléniques (Bucarest 1994), 219-256.

Niculiţă 2019: I. Niculiţă, Correlation of cultural-chronological groups at the end of the 2nd millennium - the beginning of the 1st millennium BC in the Prut-Dniester region. Археологія і давня історія України 2 (31), 2019, 140-148.

Niculiţă et al. 2016: I. Niculiţă, T. Arnăut, A. Nicic, A. Corobcean, Așezări deschise și situri fortificate pe promontoriul Saharna Mică. In: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chișinău: Bons Offices 2016), 249-328.

Niculiţă, Nicic 2014: I. Niculiţă, A. Nicic, Așezarea și necropola din prima epocă a fierului Saharna-Ţiglău (Chișinău: Bons Offices 2014).

Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chișinău: Bons Offices 2008).

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2013: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Diachronic evolution of sites from Saharna area, the region of Middle Dniester. In: (Eds. Cr. Schuster, O. Cîrstina, M. Cosac, G. Murătoreanu) The Thracians and their Neighbors in the Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 12th International Congress of Thracology (Târgoviște, 10th-14th September 2013), vol. I (Târgoviște 2013), 295-314.

Niculiță, Zanoci, Băț 2015: I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, Thraco-Getic fortifications in Middle Dniester region. Sites from Saharna micro-zone. In: (Eds. A. Zanoci, P. Ettel, M. Băț) Fortified sites from the 1st millennium BC in Central and South-Eastern Europe. Materials of the Moldovan-Romanian-German Colloquium (Saharna, July 24th-26th, 2014) (Chișinău 2015), 21-46.

Niculiță, Zanoci, Băț 2016a: I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, The horizon with incised pottery of the Holercani-Hansca type in the Middle Dniester River region. In: (Eds. A. Zanoci, E. Kaiser, M. Kashuba, E. Izbitser, M. Băț) Mensch, Kultur und Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisezeit im Nördlichen Eurasien. Beiträge zu Ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava (Chișinău: Bons Offices 2016), 295-317.

Niculiță, Zanoci, Băț 2016b: I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, Locuirea hallstattiană timpurie (Cozia-Saharna) în microzona Saharna, Republica Moldova. In: (Eds. L. Sîrbu, N. Telnov, L. Ciobanu, G. Sîrbu, M. Kașuba) Culturi, procese și contexte în arheologie. Volum omagial Oleg Levițki la 60 de ani (Chișinău 2016), 203-215.

Niculiță, Zanoci, Băț 2016c: I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, Evoluția habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chișinău: Bons Offices 2016).

Niculiță et al. 2019: I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, V. Dulgher, Investigațiile arheologice la situl Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii”, raionul Rezina (2017-2019). Tyragetia s.n. XIII/1, 2019, 253-322.

Paulík 1986: J. Paulík, Čakanská mohyla v Dedinke, okres Nové Zámky (IV). Zborník Slovenského národného múzea LXXX. História 26, 1986, 69-112.

Pfützenreiter 1931: F. Pfützenreiter, Zwei wichtige Grabfunde der Urnenfelderzeit. Altschlesien 3, 1931, 163-170.

Reim 1981: H. Reim, Ein Brandgrab der älteren Urnenfelderzeit von Gammertingen, Kreis Sigmaringen. Fundberichte aus Baden-Württemberg 6, 1981, 121-140.

Schauer 1995: P. Schauer, Eine späturnenfelderzeitliche Wagenbronze aus der Maas zwischen Montcy-Saint-Pierre, com. Charleville-Mézières und Charleville-Mézières, dép. Ardennes, Champagne. In: (Hrsg. A. Jockenhövel) Festschrift für Hermann Müller-Karpe zum 70. Geburtstag (Bonn 1995), 297-309.

Sochircă, Nagacevschi 2021: V. Sochircă, T. Nagacevschi, Aspecte privind cercetările geopedologice la situl arheologic din epoca fierului Saharna „Rude” din raionul Rezina. In: Sesiunea științifică a Departamentului Istoria Românilor, Universală și Arheologie, ediția a VII-a (Chișinău, 4 iunie 2021). Rezumatele comunicărilor (Chișinău: CEP USM 2021), 18-19.

Ursu 2011: A. Ursu, Solurile Moldovei (Chișinău: Știința 2011).

Vinski-Gasparini 1973: K. Vinski-Gasparini, Kultúra polja sa žarama u sjevernoj Hravatskoj / Die Urnenfelderkultur in Nordkroatien (Zadar 1973).

Zanoci 2004: A. Zanoci, Traco-geții din bazinul Răutului Inferior. Cetatea Măscăuți „Dealul cel Mare”. In: (Eds. I. Niculiță, A. Zanoci and M. Băț) Thracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II (Chișinău: Cartdidact 2004), 45-81.

Zanoci 2015: A. Zanoci, Typology and evolution of gates and access into early hallstattian fortresses in Tisa-Dniester space. Tyragetia s.n. IX/1, 2015, 7-27.

Zanoci 2021a: A. Zanoci, O nouă fortificație din prima epocă a fierului, descoperită la Saharna „Țiglău”, raionul Rezina. In: Conferința științifică internațională „Istorie. Arheologie. Muzeologie” a Muzeului Național de Istorie a Moldovei (28-29 octombrie 2021, Chișinău). Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2021), 51-52.

Zanoci 2021b: A. Zanoci, The fortified settlements of the Cozia-Saharna culture: new discoveries and considerations. In: (Ed. V. Diaconu) Fortifications and defensive systems east from the Carpathians. Strategies and social energies from prehistory to the middle ages (Piatra-Neamț 2021), 93-122.

Zanoci et al. 2019: A. Zanoci, A. Asăndulesei, M. Băț, F.-A. Tencariu, Prospecțiuni geomagnetice la situl din epoca fierului Saharna „Rude”, raionul Rezina. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova: Campania 2018. Sesiunea Națională de Rapoarte (18 aprilie 2019). Program. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2019), 51-53.

Zanoci et al. 2020: A. Zanoci, A. Asăndulesei, M. Băț, F.-A. Tencariu, Investigații geofizice și arheologice în situl din epoca fierului Saharna „Rude”, raionul Rezina. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova: Campania 2019. Sesiunea Națională de Rapoarte (18 aprilie 2020). Program. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2020), 53-55.

Zanoci, Băț, Dulgher 2021: A. Zanoci, M. Băț, V. Dulgher, Investigații arheologice la situl din epoca fierului Saharna „Rude”, raionul Rezina. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova: Campania 2020. Sesiunea Națională de Rapoarte (16 aprilie 2021). Program. Rezumatele comunicărilor (Chișinău 2021), 34-36.

Zanoci, Niculiță, Băț 2019: A. Zanoci, I. Niculiță, M. Băț, On the Guard of the Eastern Border of the Getic World: Fortified Sites in the Middle Dniester Basin. In: (Eds. V. Sîrbu, C. Schuster, D. Hortopan) Border guards of the passes, from the fortresses and the graves: the Bronze and Iron Ages. Proceedings of the 17th international colloquium of funerary archaeology (Târgu Jiu, Gorj County (Romania), 4th-7th October 2018) (Brăila 2019), 313-340.

Аринушкина 1970: Е.В. Аринушкина, Руководство по химическому анализу почв (Москва: Издательство Московского Университета 1970).

Возбуцкая 1964: А.Е. Возбуцкая, Химия почв (Москва: Высшая школа 1964).

Гольцева, Кашуба 1995: Н. Гольцева, М. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (Тирасполь 1995).

Кашуба 2000: М. Кашуба, Ранее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.

Кашуба, Фидельский 2007: М. Кашуба, С. Фидельский, Находки финальной бронзы и раннего железного века из многослойных поселений Рашков XI и Рашков XII (левобережье Среднего Днестра). Revista arheologică s.n. III/1-2, 2007, 266-281.

Кирилюк 2006: В.П. Кирилюк, Микроэлементы в компонентах биосферы Молдовы (Кишинэу 2006).

Мелюкова 1961: А.И. Мелюкова, Культуры предскифского периода в лесостепной Молдавии. МИА 96, 1961, 5-52.

Мелюкова 1989: А.И. Мелюкова, Культуры предскифского периода в лесостепной зоне. Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (Москва 1989), 16-29.

Никулицэ 1981: И. Никулицэ, Гальштатское поселение в Ханском микрорайоне. В сб.: Археологические исследования в Молдавии в 1974-1976 гг. (Кишинев 1981), 71-89.

Смирнов 1953: Г.Д. Смирнов, Отчетные материалы по археологическим исследованиям Молдавии за 1946-1953 годы (Кишинев 1953). Arhiva MNIM, inv. nr. 507.

Усатая, Левинский 1994: Е.А. Усатая, А.Н. Левинский, Отчет о полевых исследованиях в окрестностях села Сахарна Резинского р-на РМ в 1993 г. (Кишинев 1994). Arhiva MNIM, inv. nr. 473.

Step by step. Interdisciplinary research at the Iron Age site of Saharna "Rude" in the Middle Dniester Basin

Keywords: Middle Dniester Region, Saharna microregion, Iron Age, interdisciplinary research, settlement, circular enclosure, pendant, pottery.

Abstract: In the Middle Dniester Basin, from the 1940s to the present, several archaeological sites dating back to the Iron Age have been discovered and explored. In the past two decades, a team of researchers from the Moldova State University has been engaged in archaeological research in the Saharna microregion, where several fortifications and open settlements dating from both the Early and the Late Iron Age have been studied. Among them, the Saharna "Rude" site stands out, where, non-destructive surveys, as well as archaeological excavations were carried out in 2018-2021.

As a result, traces of three phases of habitation were found at the Saharna "Rude" site. According to the discovered artifacts, the first phase of habitation can be attributed to the Early Iron Age (middle of the 12th century – 11th century BC), which corresponds to the Holercani-Hansca horizon. At the next stage, a circular enclosure was built in the northern part of the plateau, to the south of which there was an extensive settlement belonging to the Cozia-Saharna culture (10th-9th centuries BC). The discovery of fragments of Greek amphoras, as well as handmade pottery specific to the Getic culture, indicates that this territory was also inhabited during the Late Iron Age (4th-3rd centuries BC). Therefore, the situation attested at Saharna "Rude" is similar to the one on the promontory opposite the Saharna Mare and comes to confirm the intense habitation of the Saharna microregion by human communities in the period from the middle of the 12th to the end of the 3rd century BC.

List of illustrations:

Fig. 1. 1 - Location of the Saharna "Rude" settlement on the map of Europe, detail; 2 - the spread of the Iron Age archaeological sites in the Saharna microregion.

Fig. 2. Saharna microregion, detail: 1 - topographic map with the marking of the "Rude" site; 2 - satellite image (Google Earth, 2016) with the location of the Early Iron Age enclosures (upper arrow - Saharna Mare / "Dealul Mănăstirii"; bottom arrow - Saharna "Rude").

Fig. 3. Saharna "Rude". Oblique aerial photos: 1 - from the northwest; 2 - from the northeast.

Fig. 4. Saharna "Rude". Orthorectified image.

Fig. 5. Saharna "Rude": 1 - the digital numerical model of the surface; 2 - terrain shading map from multiple directions; 3 - Principal Component Analysis.

Fig. 6. Saharna "Rude". Magnetometric map (-5+5 nT) of the entire area of the site.

Fig. 7. Saharna "Rude": 1 - measured area (8 ha); 2 - the magnetometric map with the marking of the analyzed details; 3-6 - magnetometric map details with enclosure (3), western sector (4), central area (5), southern segment (6).

Fig. 8. Saharna “Rude”. The circular enclosure on the magnetometric map of the site, with the location of the 2019-2020 archaeological trenchs.
Fig. 9. Saharna “Rude”: 1 - plan and profile of trench 1/2019; 2 - the remains of the ditch No. 2.
Fig. 10. Saharna “Rude”. Plan and profile of trench 2/2020.
Fig. 11. Saharna “Rude”. Photos taken during archaeological research at trench 2/2020: 1 - ditch No. 1; 2-4 - ditch No. 2.
Fig. 12. Saharna “Rude”. Objects found at the bottom of ditch No. 1: 1, 2 - bronze pendant; 3, 4 - cup (photo after restoration).
Fig. 13. Saharna “Rude”. Objects found in the filling of ditch No. 1.
Fig. 14. Saharna “Rude”. Remains of the wall, investigated in trench 2/2020: 1, 2 - stones from the filling; 3 - general view of the foundation; 4, 5 - post holes, detail.
Fig. 15. Saharna “Rude”. Fragments of the Early Iron Age pottery (Saharna culture): 1-10 - enclosure; 11-15 - ditch No. 1; 16-18 - ditch No. 2; 19-23 - ruins of the wall.
Fig. 16. Magnetometric map of the enclosure with the marking of the access road.
Fig. 17. Saharna “Rude”. Clay objects found on the surface of the settlement.
Fig. 18. Saharna “Rude”. Random finds from the surface of the settlement.
Fig. 19. Saharna “Rude”. Pottery sherds attributed to the Holercani-Hansca horizon.
Fig. 20. Saharna “Rude”. Pottery sherds belonging to the Saharna culture.
Fig. 21. Saharna “Rude”. Archaeological finds belonging to the Late Iron Age.
Fig. 22. Saharna “Rude”. Pedological research: 1 - the sampling process; 2 - profile no. 1.
Table 1. The granulometric composition of the soil by main fractions.
Table 2. Soil chemical parameters.
Table 3. The content of microelements in the soil.

Шаг за шагом. Междисциплинарные исследования на памятнике железного века Сахарна «Руде» в бассейне Среднего Днестра

Ключевые слова: Среднее Поднестровье, микрозона Сахарна, железный век, междисциплинарные исследования, поселение, кольцевое городище, подвеска, керамика.

Резюме: В среднем течении Днестра с 40-х годов XX века по настоящее время было обнаружено и исследовано множество археологических памятников, относящихся к железному веку. В последние два десятилетия группа исследователей из Молдавского государственного университета занималась археологическими изысканиями в микрозоне Сахарна, где были изучены несколько городищ и открытых поселений, датируемых как ранним, так и поздним железным веком. Среди них особого внимания заслуживает памятник Сахарна «Руде», где в 2018-2021 годах проводились неинвазивные полевые исследования, а также собственно археологические раскопки.

В результате, на памятнике Сахарна «Руде» были выявлены следы трех фаз заселенности. По обнаруженным артефактам первую фазу заселенности можно отнести к раннему железному веку (середина XII в. - XI в. до н.э.), что соответствует горизонту Холеркань-Ханска. На следующем этапе, в северной части плато была построена кольцевое городище, к югу от которой располагалось обширное поселение, относящееся к культуре Козиа-Сахарна (X-IX вв. до н.э.). Обнаружение фрагментов греческих амфор, а также фрагментов лепных сосудов, характерных для гетской культуры, указывает на заселенность этой территории также в период позднего железного века (IV-III вв. до н.э.). Таким образом, археологические остатки, засвидетельствованные на памятнике Сахарна «Руде», сходны с остатками на мысе напротив Сахарна Маре и свидетельствуют об интенсивной заселенности микрозоны Сахарна человеческими сообществами в период с середины XII до конца III века до н.э.

Список иллюстраций:

Рис. 1. 1 - Расположение поселения Сахарна «Руде» на карте Европы, фрагмент; 2 - распространение археологических памятников железного века в микрозоне Сахарна.
Рис. 2. Микрозона Сахарна, фрагмент: 1 - топографическая карта с обозначением памятника «Руде»; 2 - спутниковый снимок (Google Earth, 2016) с расположением укрепленных сооружений раннего железного века (верхняя стрелка - Сахарна-Маре / «Дялул-Мэнэстирий»; нижняя стрелка - Сахарна «Руде»).
Рис. 3. Сахарна «Руде». Перспективные аэрофотоснимки: 1 - с северо-запада; 2 - с северо-востока.
Рис. 4. Сахарна «Руде». Ортотрансформированное изображение.
Рис. 5. Сахарна «Руде»: 1 - цифровая численная модель поверхности; 2 - карта затенения местности с разных направлений; 3 - PCA-анализ (анализ основных компонентов).

Рис. 6. Сахарна «Руде». Магнитометрическая карта (-5+5 nT) всей территории памятника.

Рис. 7. Сахарна «Руде»: 1 - измеряемая площадь (8 га); 2 - магнитометрическая карта с обозначением анализируемых фрагментов; 3-6 - фрагменты магнитометрической карты с цитаделью (3), западный сектор (4), центральная зона (5), южный сегмент (6).

Рис. 8. Сахарна «Руде». Кольцевое городище на магнитометрической карте памятника, с обозначением археологических раскопок 2019-2020 гг.

Рис. 9. Сахарна «Руде»: 1 - план и профиль раскопа 1/2019; 2 - остатки оборонительного рва № 2.

Рис. 10. Сахарна «Руде». План и профиль раскопа 2/2020.

Рис. 11. Сахарна «Руде». Снимки, сделанные во время археологических исследований на раскопе 2/2020: 1 - ров №. 1; 2-4 - ров №. 2.

Рис. 12. Сахарна «Руде». Предметы, обнаруженные на дне рва № 1: 1, 2 - бронзовая подвеска; 3, 4 - чаша (фото после реставрации).

Рис. 13. Сахарна «Руде». Предметы, обнаруженные в заполнении рва № 1.

Рис. 14. Сахарна «Руде». Остатки стены, исследованные на раскопе 2/2020: 1, 2 - камни из заполнения; 3 - общий вид фундамента; 4, 5 - ямы от столбов, деталь.

Рис. 15. Сахарна «Руде». Фрагменты керамики раннего железного века (культура Сахарна): 1-10 - крепость; 11-15 - ров № 1; 16-18 - ров № 2; 19-23 - обломки стены.

Рис. 16. Магнитометрическая карта городища с обозначением подъездной дороги.

Рис. 17. Сахарна «Руде». Глиняные предметы, обнаруженные на поверхности поселения.

Рис. 18. Сахарна «Руде». Случайные находки с поверхности поселения.

Рис. 19. Сахарна «Руде». Фрагменты керамики, относящиеся к горизонту Холеркань-Ханска.

Рис. 20. Сахарна «Руде». Фрагменты керамики, относящиеся к культуре Сахарна.

Рис. 21. Сахарна «Руде». Археологические находки позднего железного века.

Рис. 22. Сахарна «Руде». Педологические исследования: 1 - процесс отбора проб; 2 - профиль № 1.

Таблица 1. Гранулометрический состав почвы по основным фракциям.

Таблица 2. Химические параметры почвы.

Таблица 3. Содержание микроэлементов в почве.

19.09.2022

Dr. Aurel Zanoci, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici , 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-3236-7582, e-mail: azanoci@gmail.com

Dr. Andrei Asăndulesei, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza”, str. Lascăr Catargi, 54, RO-700107 Iaşi, România, https://orcid.org/ 0000-0001-8781-0468, e-mail: andrei.asandulesei@yahoo.com

Dr. Mihail Băţ, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici , 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-6642-2888, e-mail: mb_usm@yahoo.com

Dr. Vitalie Sochircă, Universitatea de Stat din Moldova, str. M. Kogălniceanu, 65A, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0003-3924-2253, e-mail: sochirca1970@gmail.com

Dr. Tatiana Nagacevschi, Universitatea de Stat din Moldova, str. M. Kogălniceanu, 65A, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-2897-4785, e-mail: tatiana.nagacevschi@usm.md

Dr. Adrian-Felix Tencariu, Universitatea „Alexandru Ioan Cuza”, str. Lascăr Catargi, 54, RO-700107 Iaşi, România, https://orcid.org/ 0000-0001-8616-7415, e-mail: adifex@gmail.com

Victor Dulgher, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-9024-4599, e-mail: dulghervictor@gmail.com

К ВОПРОСУ О СЕВЕРНЫХ ГРАНИЦАХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО КРУГА В УКРАИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (КУРГАН У С. ЛАДЫЖИЧИ В НИЗОВЬЯХ Р. ПРИПЯТЬ)

Александр Могилов, Сергей Диденко

Ключевые слова: курган, погребение, скифский период, вооружение, узда.

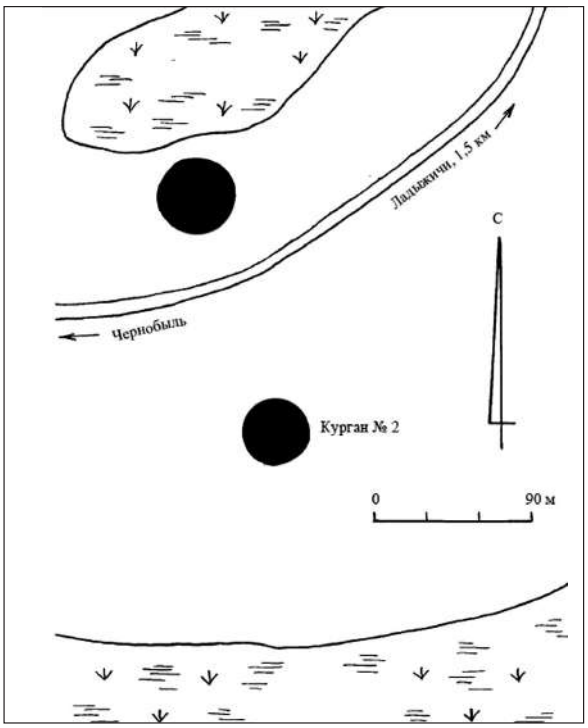
Приход скифов в Северное Причерноморье, становление скифской культуры, знаменовались распространением во многом унифицированной материальной культуры (прежде всего, в вооружении, узде, зверином стиле и некоторых других ее категориях) не только в степной зоне, но и в восточноевропейской лесостепи, на Северном Кавказе. Лесостепная зона при этом стала ареной сложных взаимоотношений между степными номадами и местным оседлым населением. Последнее воспринимает передовые для своего времени наборы оружия и конского снаряжения, будучи при этом объектом экспансии со стороны номадов, отдельные группы которых не только вторгались, но и постоянно проживали в лесостепи (Скорый 2003, 75-86).

Северными соседями лесостепных племен в украинском Правобережье и среднем течении Днепра были милоградские племена лесной зоны и родственное им население подгорцевской группы. Четкой границы в современном понимании между этими двумя этническими массивами, конечно, не было. Порой в порубежье фиксируется чересполосное их проживание. В районе Киева (Петровська 1971, рис. 1), например, сосуществование подгорцевско-милоградских и лесостепных скифоидных племен фиксируется от Ладыжичей на севере (см. далее) до Рудяков на юге (Савчук 1952, 56-58) в полосе шириной до 130 км. Свидетельством культурного взаимодействия между этими племенами являются находки милоградских вещей на памятниках скифского круга Северной Киевщины (Петровська 1964, рис. 7/8; Петровська 1970, рис. 6; Максимов, Петровская 2008, рис. 21/1, 2; 32/1, 3), а с другой стороны – скифские изделия на милоградских памятниках (Ильинская, Тереножкин 1983, 281; Мельниковская 1967, рис. 29/1-9; 30; 31/7-8, 19). Далее на запад, в бассейне Южного Буга и Горыни, в их верхних течениях, насколько можно судить по распространению поселений, городищ (Свешников 1971, рис. 1; Михальчишин, Шпаковський 2016, 73-74) и могильников (Лагодовська, Виєзжев, Копилов 1956, 17-19; Бандривский 1992, 21-22), милоградские племена продвинулись до Волыно-Подольского пограничья и даже южнее. И если находки предметов вооружения, узды у лесных жителей можно объяснить использованием высокофункциональных для своего времени деталей, то находки милоградской керамики на памятниках скифского круга весьма показательны.

Наиболее северным из известных сегодня погребальных памятников скифского круга в Правобережном Поднепровье может считаться курган, раскопанный у с. **Ладыжичи** в низовьях р. Припять. Сегодня этого села не найти на карте Украины, оно было отселено после Чернобыльской атомной катастрофы. Деревня локализировалась на левобережье нижнего течения Припяти, примерно в 80 км севернее г. Киев. Располагались Ладыжичи Радомысльского уезда Киевской губернии на берегах ее левого притока – р. Брагинки, делившей населенный пункт на две половины. По данным конца XIX в. известно, что часть села, располагавшаяся на левом берегу, называлась Малыми Ладыжичами, а на правом – Великими Ладыжичами (Похилевич 1887, 274). Иногда каждую из них отдельно именовали селом.

В 1886 г. помещик и землевладелец из Малых Ладыжичей – Желинский – раскопал у этого

1



2

Рис. 1. Курганы у Ладыжичей на карте Украины (1) и плане 1963 г. (2, по Максимов, Петровская 2008, рис. 6/ 1).

села курган. Он находился в полутора верстах от деревни, на поле с именем «Курганы» в группе из трех насыпей. Исследования Е.А. Петровской в 1963 г. позволили локализировать расположение могильника в 2 км[1] к юго-западу от села (рис. 1). К тому времени уцелели две песчаные насыпи в 100 м одна от другой, имевшие высоту 1,5-2,0 м, при диаметре 50 м (Максимов, Покровская 2008, 9; рис. 6/1). Для раскопок в 1886 г. был выбран «средний по величине» курган высотой 2,5 аршина (около 1,77 м). Исследования велись с вершины кургана посредством прямоугольной ямы, ориентированной с востока на запад, размерами 1 сажень на 2 аршина (2,16×1,42 м). В нижней части насыпи, или на уровне древнего горизонта, на глубине более 2 аршин (1,42 м), была найдена пережженная кучка «золы и угля», возможно, представлявшая собой остатки кремации на стороне (Спицын 1918, 109-110; Ильинская, Тереножкин 1983, 280)[2]. По бокам от нее лежали деревянный развалившийся «щит», железные кинжал и топор, наконечники 18 или 19 бронзовых стрел (разное их число по данным соответственно: Антонович 1893, 22; Антонович 1895, 3), некоторые с частично сохранившимися древками. С ними были и уздечные предметы: железные удила, бронзовые нахрапник, пряжка в виде кружка и трапеции и части других пряжек, по две круглые и в виде человеческого лица бляхи, пара «строгих» обойм. Найден здесь и фрагмент бронзовой булавки (?).

Помещик Желинский письмом сообщил о своей находке известному украинскому историку и археологу В.Б. Антоновичу, а также передал ему большую часть вещей (кроме меча, топора и щита). Благодаря публикациям В.Б. Антоновича (1893, 21-23; 1895, 3) этот погребальный комплекс и стал известен ученым. Материалы сопровождались и фото некоторых вещей (нахрапника, пряжки, блях в виде головы: рис. 2). В дальнейшем они экспонировались на выставке XI Археологического съезда в Киеве в 1899 г., что нашло отображение в каталоге выставки (1899, 149-150). Причем уже к тому времени из коллекции была похищена лучше сохранившаяся бляха в виде лица мужчины.

В фондах Национального музея истории Украины (НМИУ) сегодня сохранилась большая часть этих вещей. Точно неизвестно,

[1] По данным чертежа – в 1,5 км.

[2] В «Обозрении некоторых губерний и областей России в археологическом отношении» (1899, 255) комплекс в Ладыжичах без достаточных на то оснований отнесен к числу курганов с грунтовой ямой, перекрытой деревянной настилкой на столбах, с длинным узким ходом к ней. Хотя надежных свидетельств в пользу такой атрибуции нет. Как остаток сожженного столба можно было бы трактовать кучку пережженных фракций в центре захоронения, но других следов поджога «деревянной гробницы» не выявлено, а металлические вещи из захоронения не несут на себе следов воздействия огня, да и древки стрел со щитом в случае распространения пламени не уцелели бы.

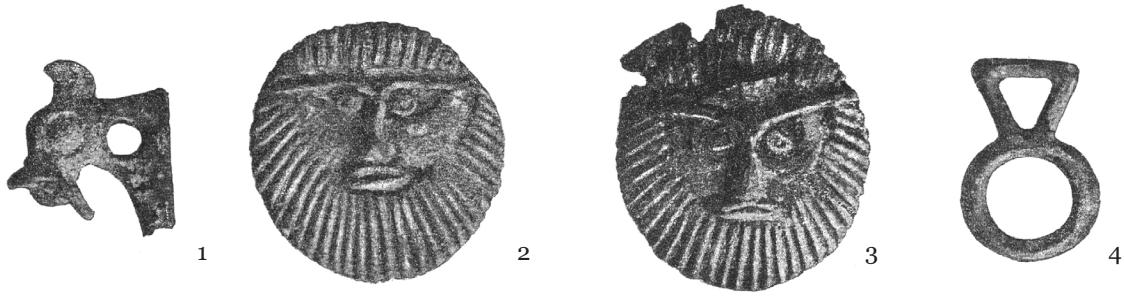


Рис. 2. Находки из кургана возле с. Ладыжичи из публикации В.Б. Антоновича (1893, 23).

когда они попали сюда, но есть данные о передаче коллекций в 1936 г. из Археологического музея Всеукраинской академии наук в Центральный исторический музей (сейчас НМИУ). Известно, что в состав этого собрания входили и вещи из коллекции В.Б. Антоновича (Яненко 2017, 33, 196-254). Вполне вероятно, что среди них могли быть и предметы из Ладыжичей. Анализ этих находок из фондов НМИУ позволяет сегодня более полно охарактеризовать этот интересный погребальный памятник.

Из бронзовых **наконечников стрел** уцелело 12 экземпляров; все, кроме одного, относятся к трехгранным типам. В их числе имеются:

Трехлопастный наконечник с трехгранной головкой и фигурными боковыми гранями, а также концами лопастей, формирующими «жальца» (рис. 3/1; 4/1). Он относится к редким разновидностям. Отдельные аналогии все же известны из курганов IV в. до н.э. (Мозолевский, Полин 2005, рис. 101/2, 10, 11).

Трехгранный наконечник с пирамидальной головкой, скрытой втулкой и широкой прямоугольной выемкой в основании граней (рис. 3/2; 4/2). Он близок к 3 отделу, 8 типу, 4 варианту по классификации А.И. Мелюковой (1964, рис. 1).

Такие экземпляры были широко распространены в IV веке до н.э. Аналогии происходят из степных курганов Чертомлык (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат. 218-220), Огуз (Спицын 1906, рис. 35), Водяна и Соболева Могилы (Мозолевский, Полин 2005, рис. 18/11; 101/7), 5 (погребение 5) и 21 (гробница 3) у с. Кут (Мелюкова 1964, табл. 9/д2; 9/е1), 20, захоронение 4, на Мамай-Горе (Андрух, Тощев 1999, рис. 32/10), 12 (погребение 1) возле Ильичево (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970, рис. 5/30), 6 около Марьяновки (Білан, Солтис 1998, рис. 7). Зафиксированы они и в Среднем Подонье: насыпи 32 в Колбино (Шевченко 2009, рис. 37/6), II (1906 г.) близ Мастюгино (Манцевич 1973, рис. 3/28б).

Трехгранные наконечники со скрытой втулкой, пирамидальной головкой, с выемкой в основании (рис. 3/3, 5, 6, 11, 12; 4/3, 5, 6, 11, 12). Они близки к изделиям 3 отдела, 7 типа, 3 и 7 вариантов по классификации А.И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Это один из наиболее распространенных типов IV в. до н.э., широко известный в Степной Скифии: курганы Гайманова Могила (Бидзиля, Полин 2012, рис. 390/4), Толстая Могила (Мозолевський 1979, рис. 105/5), Трехбратний (Бессонова 1973, рис. 2/6, 7), 7 группы Первомаевка III и 1, погребение 1, группы Первомаевка V (Евдокимов, Фридман 1991, рис. 8/3; 12/2). Находят их и на правобережье Среднего Днепра: насыпь 487 около Макеевки (Галанина 1977, табл. 10/6), захоронение 3 Светловодского некрополя (Бокий, Могилов 2015, рис. 5/15); в левобережной лесостепной Украине: Старый Мерчик, курган 6 (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 12/4). Немало таких предметов выявлено и в Среднем Подонье (Савченко 2001, рис. 38/5; Шевченко 2009, рис. 14/5; 37/4, 5).

Трехгранные наконечники со скрытой втулкой, пирамидальной головкой, с выемкой в основании, на боковых гранях которой имеется по две прямоугольные впадины

Рис. 3. Вещи из погребения, фото: 1-12, 14-19, 21, 22 - бронза; 13, 20 - железо.

(рис. 3/4, 9, 10; 4/4, 9, 10). Эти изделия могут быть отнесены к 3 отделу, 7 типу, 1 варианту по классификации А.И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Аналогии им известны из памятников IV в. до н.э. Многие из них происходят из Степной Скифии: курганы Солоха (Манцевич 1987, кат. 54), Чертомлык (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, кат. 218-220), 6 возле Башмачки (Мелюкова 1964, табл. 9/И 1-2; 9/В 4), 10 (захоронение 4) у Малой Лепетихи (Евдокимов, Данилко, Могилов 2012, рис. 9/14), 13 (могила 1) группы Капуловка I (Тереножкин и др. 1973, рис. 9/3) и другие. Значительна подборка таких находок и из лесостепи. На Правобережье, в частности, они были под насыпями 487 и 489 у Макеевки (Галанина 1977, табл. 10/7, 14), 14 возле Стеблева (Скорый 1997, рис. 53/11), 96 под Бобрицей (Петренко 1967, табл. 35/300), 3 Светловодского могильника (Могилов 2019, рис. 3/68, 69).

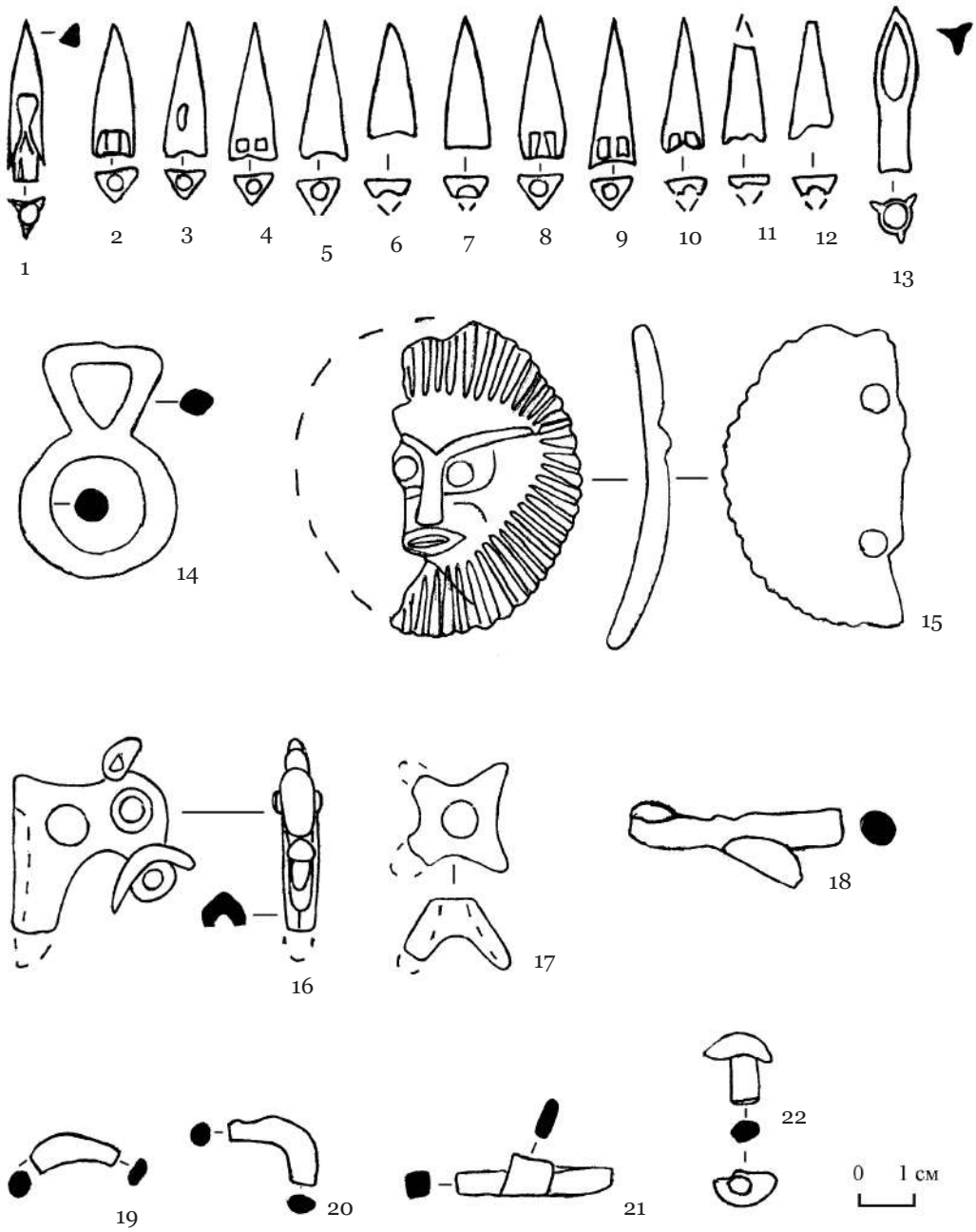


Рис. 4. Находки, сделанные в кургане у с. Ладыжичи: 1-12, 14-17, 19-22 - бронза; 13, 18 - железо.

Трехгранный наконечник с пирамидальной головкой и скрытой втулкой (рис. 3/7; 4/7). Он близок к изделиям 3 отдела, 4 типа, 1-3 вариантов по классификации А.И. Мелюковой (Мелюкова 1964, рис. 1). Аналогии относятся в основном к IV в. до н.э. Большая их часть происходит из Степной Скифии: курганы Мелитопольский (Тереножкин, Мозолевский 1988, рис. 128/2), Огуз (Спицын 1906, рис. 35), Трехбратний (Бессонова 1973, рис. 2/9), 8, гробница 1, у Ильичево (Яковенко, Черненко, Корпусова 1970, рис. 5/4), 5 и 11 возле Нагорного (Мозолевский 1973, рис. 6/2; 17/ 4), 13 на Мамай-Горе (Андрух, Тощев 1999, рис. 24/8). Много вещей известно и в лесостепи: курганы 493 у Ильинцев (Галанина 1977, табл. 16/4), 20 в Холодном Яру, у Осот (Петренко 1967, табл. 35/275, 280), 3 Верхнегиевской группы у Люботина (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь 1998, рис. 12/5).

Трехгранный наконечник со скрытой втулкой, пирамидальной головкой со суженной основой и двумя выемками в основании граней (рис. 3/8; 4/8). Подобные экземпляры близки к наконечникам 3 отдела, 5 типа, 4 варианта по классификации А.И. Мелюковой (1964, рис. 1). Однако, в отличие от них, имеют ровное основание. Аналогии известны из комплексов IV в. до н.э.: курганы 14 у Колбино (Савченко 2001, рис. 6/8), 1 группы Первомаевка-VI (Евдокимов, Фридман 1991, рис. 16/2), погребение 17/34 могильника Дугино-X (Прокофьев 2014, рис. 79/38).

Кроме этого, к комплексу Ладыжицкого кургана в музее оказался ошибочно приписан железный трехлопастный длинновтульчатый наконечник стрелы (рис. 3/13).

Уздечные предметы представлены следующими изделиями:

Бронзовый нахрапник, украшенный головкой орлиноголового грифона (рис. 2/1; 3/15; 4/16). Прямоугольная основа с утраченной нижней частью имеет выемку изнутри. Круглое отверстие предназначено для продевания уздечного ремня. Голова грифона подана с широко раскрытой пастью. Язык свернут в петлю с отверстием в центре. Глаз передан концентрическими окружностями. Сверху – заостренное ухо. Образ орлиноголового грифона на прямоугольной удлиненной основе не редок на скифских нахрапниках. Однако у большинства изделий конца V-IV вв. до н.э. клюв закрыт (Могилов 2008, 90, рис. 166/26-29; 167/1, 2, 6-10). Изделия с открытым клювом и обозначенным языком значительно более редки. Причем их находки в Скифской Могиле (Chochorowski, Skoryj 2006, fot. 30) и кургане 2 в урочище Стайкин Верх возле Аксютинцев (Ильинская 1968, табл. V/17) показывают, что этот мотив распространился еще в V в. до н.э. Продолжал он бытовать и в IV в. до н.э.

Бронзовая двухчастная цельнолитая пряжка в виде кружочка и присоединенной трапеции (рис. 2/4; 3/16; 4/14). Это один из наиболее распространенных типов пряжек, появляющийся еще в V в. до н.э., но наиболее распространенный уже в IV в. до н.э. (Могилов 2008, 66). На правобережье Среднего Днепра они известны из курганов Вакулина Могила (Клочко, Скорый 1991, рис. 5/5; 6/2), 409 у Журовки (Петренко 1967, табл. 25/3), 2 в урочище Галущино возле Пастырского (Древности 1899, табл. XIX/320a). В Среднем Побужье – из курганов 4 и 5 около Новоселки (Bydłowski 1904, rys. 76-89), 4 под Уманью (Покровська, Діденко 1970, рис. 1/12, 15), вблизи Редвинцев (Винокур 1985, рис. 11/8). На Левобережье – из-под насыпей 1 (1897-1898 гг.) под Волковцами (Древности 1899, табл. XV/315, XVII/317, XXI/401), 1 (1883-1885 рр.) у Аксютинцев (Бобринской 1894, табл. XXIII/18), 3 около Старого Мерчика (Бандуровский, Буйнов 2000, рис. 9/5), 14 возле Сеньковки (Покровська 1965, табл. 1/8).

Ряд обломков принадлежат, видимо, другим пряжкам (рис. 3/17-19; 4/19-21). Судя по угловатости некоторых фрагментов, можно предположить их принадлежность к типу пряжек наподобие описанной выше, или же к прямоугольному предмету. Изделия такой формы, как гладкие, так и с разнообразными выступами-фиксаторами или ограничителями, нередки среди скифских комплексов V-IV вв. до н.э. (Могилов 2008, 65, рис. 124/16-21; 125/1).

Бронзовые бляхи в виде лица бородатого мужчины с петлей на обороте передают один образ, отличающийся в деталях (рис. 2/2, 3; 3/13; 4/15). На нем – мужская голова с выразительно обозначенной бородой и волосами. Массивны брови и нос, ниже которого располагаются губы. Глаза переданы кружками. Один из предметов был похищен еще в конце XIX в. От второго сохранилась большая часть (рис. 4/15). Петля обломана. Антропоморфные бляхи не получили большого распространения в конском уборе у скифских племен, значительно уступая в числе зооморфно и геометрически оформленным изделиям (Могилов 2008, 39-59; Могилов 2012, 36-38). В курганах степной элиты IV в. до н.э. иногда встречаются такие высокохудожественные изделия из драгоценных металлов работы античных ювелиров. Но они редки. Выявлены такие вещи, например, в Александропольском кургане (Древности 1866, табл. XIV/2, 3). Для нас важны подобные находки, передающие голову бородатого мужчины, из Чмыревой Могилы (Отчет 1901, рис. 28, 29, 35; Браун 1906, рис. 42, 44, 45), Толстой Могилы (Мозолевський 1979, рис. 22/3). Эти предметы также можно связывать с античным производством, трактуя как эллинские и образы на них (Зевс

(?), Геракл, о чем свидетельствует наброшенная иногда львиная шкура). По всей видимости, бронзовые бляхи из Ладыжичей являются варварскими репликами подобных вещей.

Пара *бронзовых круглых блях* не сохранилась. Известно, что они были гладкие с ободком (Каталог 1899, 150). Идентификация их усложнена. Формально такому описанию, например, могли бы соответствовать круглые плоские бляхи с ободком и петлей на обороте, относимые ко второй половине V-IV вв. до н.э. и известные из ряда лесостепных памятников (Могилов 2008, 40, 41, рис. 86/1-15).

От **железных удил** сохранился фрагмент грызел круглого сечения (рис. 3/20; 4/18). По всей видимости, это могли быть обычные для этого времени петельчатые удила (Могилов 2008, 19-22).

Из пары **бронзовых «строгих» обойм** уцелела лишь одна (рис. 3/21; 4/17). Такие предметы насаживались на стержни удил, острыми концами к морде коня, и служили, в числе других приспособлений (Могилов 2009, 289-298; Могилов 2010, 283-287), для управления строптивыми лошадьми. Правда, были они обычно железными (Могилов 2008, 22). Обойма из Ладыжичей снабжена четырьмя шипами и круглым отверстием в центре. Его диаметр в 0,6-0,7 см, надо сказать, достаточно мал для насаживания на стержень обычных удил скифского времени. Впрочем, уцелевший фрагмент таковых из кургана как раз довольно тонок (до 0,7 см). Обратим также внимание на информацию о том, что в одном из этих предметов, называемых в изданиях «втулками» или «бронзовыми коническими гирьками от аркана», упоминаются остатки «шнурка». До сих пор другие способы использования подобных элементов, кроме как насадок для удил, были неизвестны. Если сообщение публикации достоверно, то можно предполагать наличие какого-то неизвестного варианта применения этих деталей. Но шипы все равно должны быть направлены к морде коня. Такое было возможно, к примеру, если эти обоймы крепились ремешками к средней части двудырчатых псалиев.

Фрагмент бронзового стерженька с грибовидной головкой (рис. 3/22; 4/22), несмотря на относительную массивность, видимо, принадлежит все же **булавке**. Для конца прямого двудырчатого псалия он все-таки слишком тонок. Булавки с подобной головкой относятся, прежде всего, к VII-VI вв. до н.э. (Петренко 1978, 14). Но Ладыжинский курган показывает нам, что подобные изделия могли доживать и до IV в. до н.э.

Кроме этого, о типе железных **меча** и **топора**, которые не были переданы В.Б. Антоновичу, ничего не известно, равно как и о деревянном распавшемся **щите**.

Погребальный обряд кургана из Ладыжичей показывает нам преобладающую в днепровском лесостепном правобережье традицию захоронений под насыпями (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 41-42), господствуют такие комплексы и в Степной Скифии (Ольховскй 1991, 98). Хотя и число грунтовых захоронений в этих регионах также постепенно увеличивается (Скорый 2003, 131-135; Попандопуло 2011; Могилов 2017, 303-307; Могилов 2018а, 287-310; Могилов 2018б, 119-120).

Если скопление пережженных остатков из Ладыжичей верно истолковано в качестве кремации на стороне, то мы имеем дело с одним из местных аборигенных способов погребения. Корни подобного обряда уходят еще в предскифское время, такие комплексы известны в захоронениях позднечернолесского и жаботинского времени в украинской лесостепи. В это время прах могли и помещать в урну, и ссыпать кучкой на дно могилы. Раскопаны они, в частности, в средних течениях Днестра (Шовкопляс 1956, 35-37; Смирнова 1984, 55), Днепра (Тереножкин 1961, 64; Клочко, Скорый 1993, 56), где распространены и сожжения всей гробницы (Ильинская 1975, 36; Романюк, Гречко, Могилов 2018а, 259), а также – на Ворскле (Ковпаненко 1962, 66). В скифское время этот обычай продолжал практиковаться населением украинской лесостепи. В раннескифское время известен он в западноподольской группе (Гуцал 2006, 9-10; Гуцал и др. 2005, 119; Гуцал и др. 2006, 159; Гуцал и др. 2007, 159; Могилов, Гуцал, Гуцал 2017, 251). В Киево-Черкасском регионе в тот период подобные комплексы также исследованы, но они немногочисленны (Бобринской 1901, 100; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 34). Масштабностью среди них отличается знаменитый курган Перепятиха с биритуальными захоронениями (Скорий

1990, 11, 12). В среднескифский период захоронения-кремации в регионе составляют до 20% (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 39). Известны они, например, под насыпью 232 в урочище Калантаево, где прах был ссыпан на дно гробницы (Бобринской 1894, 115). В позднескифское время трупосожжения на стороне отмечаются в основном для Поросья (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 46-47), где они известны в ряде могил у Бобрицы (Бобринской 1901, 109-110, 127, 129) и Грищенцев (Петренко 1962, 142-143). По-видимому, курган в Ладыжичах был еще одним таким комплексом позднескифской эпохи.

Таким образом, исходя из способа погребения, мы можем предположить захоронение в Ладыжичах одного из местных лесостепных жителей скифской эпохи. Довольно примитивные бляхи, варварские реплики степных лицеподобных изображений, могут служить подтверждением такого предположения.

Для датировки данного комплекса[3] наиболее важен колчанный набор, аналогии наконечникам которого, как показано, известны в IV в. до н.э. Этой дате не противоречат и уздечные предметы. Если же принять версию об антропоморфных бляхах из Ладыжичей как о наследовании подобных драгоценных уздечных фаларов работы античных мастеров, можно предположить «сужение» даты до второй – третьей четвертей этого столетия. Впрочем, подобные находки пока малочисленны для окончательных выводов.

Высота насыпи, представительный набор заупокойных даров из захоронения в Ладыжичах показывают нам, что здесь упокоился, без сомнений, не рядовой общинник. Наборы вооружения и узды, величина кургана в сравнении с другими комплексами региона (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989, 42), а также наличие в это время на Правобережье рядовых аборигенных бескурганных захоронений (Петренко 1967; Могилов 2018б; Панченко 2018) указывают, что в Ладыжичах мог быть погребен один из представителей местной знати, хотя и не самой ее верхушки.

Библиография

Алексеев, Мурзин, Ролле 1991: А.Ю. Алексеев, В.Ю. Мурзин, Р. Ролле, Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н. э.) (Киев 1991).

Андрух, Тощев 1999: С.И. Андрух, Г.Н. Тощев, Могильник Мамай-Гора (Запорожье 1999).

Антонович 1893: В.Б. Антонович, Древности Юго-Западного края. Раскопки в стране древлян. Материалы по археологии России 11, 1893, 1-78.

Антонович 1895: В.Б. Антонович, Археологическая карта Киевской губернии (Москва 1895).

Бандривский 1992: М.С. Бандривский, Могильник милоградской культуры на Северном Подолье. В сб.: Насельніцтва Балерусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза (Менск 1992), 21-22.

Бандуровский, Буйнов 2000: А.В. Бандуровский, Ю.В. Буйнов, Курганы скифского времени (северско-донецкий вариант) (Киев 2000).

Бандуровский, Буйнов, Дегтярь, 1998: А.В. Бандуровский, Ю.В. Буйнов, А.К. Дегтярь, Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина. В сб.: (Ред: Ю.В. Буйнов, Б.А. Шрамко, А.В. Бандуровский, В.К. Михеев) Люботинское городище (Харьков 1998), 143-182.

Бессонова 1973: С.С. Бессонова, Погребение IV в. до н.э. из Трехбратнего кургана. В сб.: (Ред: А.И. Тереножкин) Скифские древности (Киев 1973), 243-252.

Бидзиля, Полин 2012: В.И. Бидзиля, С.В. Полин, Скифский царский курган Гайманова Могила (Киев 2012).

Білан, Солтис 1998: Ю.О. Білан, О.Б. Солтис, Скіфські кургани поблизу с. Мар'янівка на Миколаївщині. Археологія 1, 1998, 82-98.

Бобринской 1894: А.А. Бобринской, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, II (Санкт-Петербург 1894).

Бобринской 1901: А.А. Бобринской, Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, III (Санкт-Петербург 1901).

[3] А.А. Спицын отнес курган ко «второй журовской культуре», то есть к памятникам среднескифского (младшего журовского) периода V-IV вв. до н.э. (1918, 110). Дата комплекса по В.А. Ильинской и А.И. Тереножкину (1983, 280), Г.Т. Ковпаненко, С.С. Бессоновой и С.А. Скорому (1989, 239), Е.В. Максимову и Е.А. Петровской (2008, 9) – IV в. до н.э.

Бокий, Могилов 2015: Н.М. Бокий, А.Д. Могилов, Открытие Светловодского могильника. Археологія і давня історія України 15, 2015, 253-264.

Браун 1906: Ф.А. Браун, Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. Известия Археологической комиссии 19, 1906, 81-116.

Винокур 1985: І.С. Винокур, Історія Лісостепового Подністров'я і Південного Побужжя (Київ; Одеса 1985).

Галанина 1997: Л.К. Галанина, Келермесские курганы (Москва 1997).

Гуцал 2006: А.Ф. Гуцал, Третій Шутнівецький курган. Хмельничина: Дивокрай 1-2, 2006, 9-12.

Гуцал и др. 2005: А.Ф. Гуцал, В.А. Гуцал, В.П. Мегей, О.Д. Могилов, Кургани ранньоскіфської доби біля села Колодіївка на Середньому Дністрі. В зб.: (Ред: Н.О. Гаврилюк) Археологічні дослідження на Україні 2003-2004 рр. (Запоріжжя 2005), 118-119

Гуцал и др. 2006: А.Ф. Гуцал, В.А. Гуцал, В.П. Мегей, О.Д. Могилов, Розкопки курганів ранньоскіфської доби біля села Колодіївка у Середньому Подністров'ї. В зб.: (Ред: Н.О. Гаврилюк) Археологічні дослідження на Україні 2004-2005 рр. (Київ 2006), 157-159.

Гуцал и др. 2007: А.Ф. Гуцал, В.А. Гуцал, В.П. Мегей, О.Д. Могилов, П.А. Болтанюк, Продовження робіт на курганах ранньоскіфського часу біля с. Колодіївка. В зб.: (Ред: Н.О. Гаврилюк) Археологічні дослідження на Україні 2005-2007 рр. (Київ 2007), 158-160.

Древности 1866: Древности Геродотовой Скифии. Атлас (Санкт-Петербург 1866), 1.

Древности 1899: Древности Приднепровья (Киев 1899), 2.

Євдокимов, Данилко, Могилов 2012: Г.Л. Євдокимов, Н.М. Данилко, О.Д. Могилов, Скіфський курган 10 біля с. Мала Лепетиха у Нижньому Подніпров'ї. Археологія 2, 2012, 76-95.

Евдокимов, Фридман 1991: Г.Л. Евдокимов, М.И. Фридман, Курганы скифского времени у с. Первомаевка на Херсонщине. В сб.: (Ред: Ю.В. Болтрик, К.П. Бунятян) Курганы Степной Скифии (Киев 1991), 72-97.

Ильинская 1968: В.А. Ильинская, Скифы днепровского лесостепного Левобережья (Киев 1968).

Ильинская 1975: В.А. Ильинская, Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (Киев 1975).

Ильинская, Тереножкин 1983: В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, Скифия VII-IV вв. до н.э. (Киев 1983).

Каталог 1899: Каталог выставки XI Археологического съезда в Киеве (Киев 1899).

Клочко, Скорий 1993: В.І. Клочко, С.А. Скорий, Курган № 15 біля Стеблева у Пороссі. Археологія 2, 1993, 71-84.

Ковпаненко 1962: Г.Т. Ковпаненко, Погребение VIII-VII вв. до н.э. в бассейне р. Ворсклы. Краткие сообщения Института археологии АН УССР 12, 1962, 66-72.

Лагодовська, Виєзжев, Копилов 1956: О.Ф. Лагодовська, Р.І. Виєзжев, Ф.Б. Копилов, Кургани скіфського часу в Курилівці. Археологічні пам'ятки УРСР 6, 1956, 17-20.

Максимов, Петровская 2008: Е.В. Максимов, Е.А. Петровская, Древности скифского времени Киевского Поднепровья (Полтава 2008).

Манцевич 1973: А.П. Манцевич, Мастюгинские курганы по материалам из собрания Государственного Эрмитажа. Археологический сборник Государственного Эрмитажа 15, 1973, 12-46.

Манцевич 1987: А.П. Манцевич, Курган Солоха (Ленинград 1987).

Мельниковская 1967: О.Л. Мельниковская, Племена Южной Белорусии в раннем железном веке (Москва 1967).

Мелюкова 1964: А.И. Мелюкова, Вооружение скифов. Свод археологических источников Д 1-4, 1964, 1-91.

Михальчишин, Шпаковський 2016: І. Михальчишин, С. Шпаковський, Городище раннього залізного віку «Городнявка» біля с. Городнявка Шепетівського району Хмельницької області. В зб.: (Ред.: О.О. Заремба) Археологія і фортифікація України (Кам'янець-Подільський 2016), 73-80.

Могилов 2008: О. Д. Могилов, Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи (Київ; Кам'янець-Подільський 2008).

Могилов 2011: О.Д. Могилов, Вуздечні бляхи раннього залізного віку в Українському Лісостепу. В зб.: (Ред. О.Б. Супруненко) Феномен Більського городища (Київ 2012), 36-39.

Могилов 2017: А.Д. Могилов, Ранняя группа погребений Светловодского могильника. Археологія і давня історія України 27, 2017, 303-310.

Могилов 2018а: О.Д. Могилов, Скіфські поховання з вуздою з Дніпровського Припоріжжя. Археологія і давня історія України 2(27), 2018, 287-315.

Могилов 2018б: О.Д. Могилов, Поховальний обряд Світловодського могильника. В зб.: (Ред: В.П. Чабай) І Всеукраїнський археологічний з'їзд (Київ 2018), 119-120.

Могилов 2019: А.Д. Могилов, Вооружение из Светловодского могильника. Археологія і давня історія України 2(31), 2019, 102-125.

Могилов, Гуцал, Гуцал 2016: А.Д. Могилов, А.Ф. Гуцал, В.А. Гуцал, Первый Спасовский курган. In: (Ed.: L. Sirbu) Culturi, Procese şi Contexte în Arheologie. Volum omagial Oleg Levițki la 60 de ani (Chișinău 2016), 247-267.

Мозолевский 1973: Б.Н. Мозолевский, Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. В сб.: (Ред.: А. И. Тереножкин) Скифские древности (Киев 1973), 187-234.

Мозолевський 1979: Б.М. Мозолевський, Товста Могила (Київ 1979).

Мозолевский, Полин 2005: Б.Н., Мозолевский, С.В. Полин, Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна, и Соболева Могилы) (Киев 2005).

Обозрение 1899: Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Записки Русского археологического общества 11, 1899, 177-302.

Ольховский 1991: В.С. Ольховский, Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII-III вв. до н.э.) (Москва 1991).

Отчет 1901: Отчет Археологической комиссии за 1898 г. (Санкт-Петербург 1901).

Панченко 2018: К. Панченко, Грунтовый могильник скифского времени возле с. Заломы на Кировоградщине. Revista arheologică XIV/1, 2018, 44-49.

Петренко 1962: В.Г. Петренко, Могильник скифского времени у с. Грищенцы. Материалы и исследования по археологии СССР 13, 1962, 142-151.

Петренко 1967: В.Г. Петренко, Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н. э. Свод археологических источников Д 1-4, 1967, 1-180.

Петренко 1978: В.Г. Петренко, Украшения Скифии VII-III вв. до н. э. Свод археологических источников Д 4-5, 1978, 1-144.

Петровська 1964: Є.О. Петровська, Пам'ятки пізньоскіфського часу на р. Стугні. Археологія 16, 1964, 173-180.

Петровська 1970: Є.О. Петровська, Ранньоскіфські пам'ятки на південній околиці Києва. Археологія XXIV, 1970, 129-145.

Петровська 1971: Є.О. Петровська, Підгірцевські пам'ятки Київського Подніпров'я. Археологія 2, 1971, 9-22.

Покровська 1965: Є.Ф. Покровська, Кургани біля с. Сеньківки. Археологія XVIII, 1965, 139-149.

Покровська, Діденко 1970: Є.Ф. Покровська, О.П. Діденко, Кургани скіфського часу біля Умані. Археологія XXIII, 1970, 65-79.

Попандопуло 2011: З.Х. Попандопуло, Скифский грунтовый могильник Скельки (Запорожье 2011).

Похилевич 1887: И. Похилевич, Уезды Киевский и Радомысльский, статистические и исторические заметки о всех населенных местностях в этих уездах с подробными картами их (Киев 1887).

Прокофьев 2014: Р.В. Прокофьев, Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году (Ростов-на-Дону 2014).

Романюк, Гречко, Могилов 2018: В.В. Романюк, Д.С. Гречко, О.Д. Могилов, Дослідження курганів раннього залізного віку в Пороссі. Археологія і давня історія України 2, 2018, 251-263.

Савченко 2001: Е.И. Савченко, Могильник скифского времени "Терновое I – Колбино I" на Среднем Дону (погребальный обряд). В сб.: (Ред.: В.И. Гуляев) Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993-2000 гг. (Москва 2001), 53-143.

Савчук 1952: А.П. Савчук, Бескурганное погребение в с. Рудяки на Киевщине. Краткие сообщения Института археологии АН УССР 1, 1952, 56-59.

Свешников 1971: И.К. Свешников, Памятники милоградской культуры в бассейне р. Горынь. Археологія 2, 1971, 68-81.

Скорий 1990: С.А. Скорий, Курган Переп'ятиха (Київ 1990).

Скорый 1997: С.А. Скорый, Стеблев: скифский могильник в Поросье (Киев 1997).

Скорый 2003: С.А. Скорый, Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (Киев 2003).

Смирнова, 1984: Г.И. Смирнова, О формировании позднечернолесской культуры на Среднем Днестре по материалам поселения Днестровка-Лука. Археологический сборник Государственного Эрмитажа 25, 1984, 43-60.

Спицын 1906: А.А. Спицын, Серогозские курганы. Известия археологической комиссии 19, 1906, 157-174.

Спицын 1918: А.А. Спицын, Курганы скифов-пахарей. Известия археологической комиссии 65, 1918, 87-143.

Тереножкин 1961: А.И. Тереножкин, Предскифский период на Днепровском Правобережье (Киев 1961).

Тереножкин и др. 1973: А.И. Тереножкин, В.А. Ильинская, Е.В. Черненко, Б.Н. Мозолевский, Скифские курганы Никопольщины. В сб.: (Ред.: А.И. Тереножкин) Скифские древности (Киев 1973), 113-186.

Тереножкин, Мозолевский 1988: А.И. Тереножкин, Б.Н. Мозолевский, Мелитопольский курган (Киев 1988).

Шевченко 2009: А.А. Шевченко, Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону. В сб.: (Ред.: В.И. Гуляев) Археология Среднего Дона в скифскую эпоху (Москва 2009), 26-111.

Шовкопляс 1956: І.Г. Шовкопляс, Середньодністровська експедиція 1949-1951 рр. Археологічні пам'ятки УРСР VI, 1956, 29-37.

Яковенко, Черненко, Корпусова 1970: Э.В. Яковенко, Е.В. Черненко, В.Н. Корпусова, Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма. В сб.: (Ред.: А.М. Лесков) Древности Восточного Крыма (Киев 1970), 136-179.

Яненко 2017: А. Яненко, Археологічний музей Всеукраїнської академії наук (Київ 2017).

Bydłowski 1904: A. Bydłowski, Mogily w Nowosiolce. Swiatowit V, 1904, 59-80.

Chochorowski, Skoryj 2003: J. Chochorowski, S. Skoryj, Mielniki, Raj. Čigirin, Obl. Čerkassy (Ukraine). Ein Burgwall und Kurgane der skythischen Zeit. In: (Eds. W. Blajer, J. Poleski) Recherches archeologiques de 1999-2003 (Kraków 2006), 415-449.

Cu privire la frontiera de nord a răspândirii siturilor cercului scitic în silvostepa Ucrainei (tumulul din preajma s. Ladyzhychi, pe cursul inferior al râului Pripeat)

Cuvinte-cheie: tumul, mormânt, perioada scitică, armament, harnaşament.

Rezumat: În perioada scitică, nordul silvostepei niprene a constituit o zonă de contact între triburile scitoide şi cultura Mylohrad. Răspândirea siturilor arheologice arată că nu a existat o frontieră clară între cele două cercuri culturale. S-a observat că aceste triburi au conlocuit pe o fâşie de cca 100 km, lăsând după ele urme de aşezări şi morminte. Cea mai nordică înmormântare de tip scitic în această regiune este atestată în tumulul din preajma s. Ladyzhychi, pe cursul inferior al râului Pripeat. Tumulul a fost săpat în anul 1886 de către moşierul local Zhelinsky, care a transmis descoperirile arheologului şi istoricului ucrainean V.B. Antonovich. În prezent, ceea ce s-a mai păstrat dintre ele se află în Muzeul Naţional de Istorie a Ucrainei.

Tumulul făcea parte dintr-un grup de trei movile, amplasate la 2 km sud-vest de sat. El era „mijlociu după dimensiuni" şi avea înălţimea de 2,5 arşini (1,77 m). Cercetările au fost făcute plecând de la creasta tumulului, prin intermediul unei gropi cu dimensiunile de 2,16×1,42 m. În partea inferioară a mantalei, la nivelul antic de călcare, la adâncimea de peste 2 arşini, a fost descoperită o grămăjoară de „cenuşă şi cărbuni", care reprezenta, probabil, urmele unei incineraţii. Pe lateral de aceasta, se afla un „scut" de lemn descompus, un pumnal şi un topor din fier, 18 sau 19 vârfuri de săgeată din bronz. Împreună cu acestea, au mai fost descoperite piese de harnaşament: psalii din fier, catarame din bronz etc. Conform cronologiei vârfurilor de săgeată, mormântul poate fi datat cu sec. IV a. Chr. Judecând după ritul incineraţiei, aici a fost înmormântat un reprezentant al triburilor din regiunea de silvostepă.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Tumulii din preajma s. Ladyzhychi pe harta Ucrainei (1) şi pe planul din anul 1963 (2, după Максимов, Петровская 2008, рис. 6/ 1).

Fig. 2. Piese din tumulul din preajma s. Ladyzhychi din publicaţia lui V.B. Antonovich (Антонович 1893, 23).

Fig. 3. Piese din mormânt, foto: 1-12, 14-19, 21-22 - bronz; 13, 20 - fier.

Fig. 4. Descoperiri din tumulul din preajma s. Ladyzhychi: 1-12, 14-17, 19-22 - bronz; 13, 18 - fier.

On the issue of the northern boundaries of the Scythian circle sites distribution in the Ukrainian forest-steppe (a burial mound near the Ladyzhichi Village in the lower reaches of the Prypiat River)

Keywords: mound, burial, Scythian period, weaponry, bridle.

Abstract: The north of the Dnieper forest-steppe in the Scythian time was a zone of contacts between Scythoid tribes and Mylohrad culture bearers. The spread of sites shows that there was no clear border between these two cultural areas, and in a strip of more than 100 km these tribes lived together and had left typical settlements and burials. The northernmost burial of the Scythian type in the region is a burial mound near the Ladyzhychi village in the lower reaches of the Prypiat River. The complex was excavated in 1886 by a local landowner Zhelinsky, who handed over the finds to the Ukrainian historian and archaeologist V.B. Antonovich. Nowadays, the survived part of them is kept in the National Museum of History of Ukraine. The burial mound was located in a group of three embankments 2 km southwest from the village. It was "average in size" with a height of 2.5 arshins (about 1.77 m). The research was carried out from the top of the mound with a rectangular pit 2.16×1.42 m in size.

In the lower part of the embankment or at the level of the ancient horizon, at a depth of more than 2 arshins, a burnt heap of "ash and coal" was found, possibly representing the remains of cremation on the side. On either side of it there were laid a crumbling wooden "shield", an iron dagger and an ax, 18 or 19 bronze arrowheads, some with partially survived shafts. Bridle objects were found with them: an iron bit, a bronze noseband, a buckle of a circle and a trapezoid shapes and parts of other such buckles, four plaques – round and in the shape of a human face, a pair of "strict" bushings. And also – a fragment of a bronze pin (?). According to the set of arrowheads, the monument can be dated to the 4th century BC. Judging by the cremation rite, a representative of the local forest-steppe tribes could have been buried here.

List of illustrations:

Fig. 1. Burial mounds near Ladyzhichi on the map of Ukraine (1) and on the 1963 plan (2) (Максимов, Петровская 2008, рис. 6/ 1).

Fig. 2. Finds from the burial mound near the Ladyzhichi village from the publication of V.B. Antonovich (Антонович 1893, 23).

Fig. 3. Items from the burial, photos: 1-12, 14-19, 21-22 - bronze; 13, 20 - iron.

Fig. 4. The finds discovered in the burial mound near the Ladyzhichi village: 1-12, 14-17, 19-22 - bronze; 13, 18 - iron.

01.11.2021

Др. Александр Могилов, Институт археологии Национальной академии наук Украины, пр. Героев Сталинграда, 12, Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0002-2400-2380, e-mail: mogilovod@gmail.com

Др. Сергей Диденко, Национальный музей истории Украины, ул. Владимирская, 2, Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0002-8631-5411, e-mail: svdidenko.arh@gmail.com

CÂTEVA ŞTAMPILE NOI DE LA ARGAMUM, FALEZA EST (SĂPĂTURILE ANILOR 1999-2000)[1]

Natalia Mateevici

Cuvinte-cheie: Argamum, ştampile, amfore, producători, magistraţi, toartă, gât.

Cetatea Argamum a fost întemeiată de milesieni în aa. 670-660 a. Chr., purtând iniţial numele Orgame, iar după cucerirea romană a fost redenumită Argamum. Este un sit amplasat în partea de est a judeţului Tulcea, pe teritoriul comunei Jurilovca (la 7 km distanţă de sat), în locul numit Capul Doloşman, situat la contactul dintre Podişul Babadagului şi Limanul Razim care, în antichitate, era un golf deschis al Mării Negre (golful Argamon) (fig. 1). Cercetările la acest sit au început în 1926, sub conducerea istoricului Paul Nicorescu, şi au fost continuate ulterior de către alţi istorici şi arheologi români.

Lotul de ştampile de amfore greceşti, prezentat în acest articol, se vrea o completare a celorlalte loturi, pregătite si publicate de colega Vasilica Lungu în 1992 si 2016.

Aşadar, primul lot de ştampile de amfore greceşti de la Orgame (Argamum) a fost publicat în 1992 de către Vasilica Lungu, piesele provenind din excavările anilor 1965-1992 (Lungu 1992, 69-97). Acest lot includea 82 de ştampile reprezentând 8 centre producătoare greceşti: Sinope, Thasos, Rhodos, Heracleea Pontică, Chersonesul Tauric, Akanthos, Cnidos, Mende şi trei exemplare atribuite categoriei „incerte" (Lungu 1992, 71). Cea de-a doua publicare a ştampilelor de la Orgame (Argamum) apare în 2016 şi aparţine aceluiaşi autor, cuprinzând deja 48 de exemplare de epigrafie amforică, o producţie în exclusivitate a oraşului sud-pontic Sinope, menţionându-se, totodată, că printre noile ştampile, apărute după 1992 la Argamum, sunt si cele care revin altor centre producătoare: Thasos, Rhodos, Chersonesul Tauric, Heracleea Pontică, Paros, Cnidos, Chios (Lungu 2016, 46).

Fig. 1. Locul amplasării cetăţii Argamum (imagine Google Maps).

Din lotul publicat în 2016 sunt menţionate şi 18 ştampile de Sinope, care provin din săpăturile efectuate în 1999-2000 la Argamum, în sectorul Faleza Est (FE), de către colegul Lucreţiu Mihăilescu-Bîrliba (fig. 2).

Micul lot de ştampile de amfore greceşti, prezentat de subsemnata, în virtutea unor circumstanţe, rămăsese mult timp necunoscut, păstrat împreună cu multiplul material statistic în depozitul şantierului de la cetatea (L)Ibida. Datorită însă cercetării de către autor a fragmentelor profilate de amfore greceşti de la Argamum, au fost depistate şi câteva exemplare de ştampile amforice, iar graţie eforturilor recente ale colegului Dorel Paraschiv, aceste exemplare au fost scoase din anonimatul vremii[2].

Deşi lotul conţine doar 12 ştampile, acestea, din punct de vedere cronologic şi după morfologia ce indica apartenenţa la unele sau alte centre producătoare greceşti, confirmă situaţia din loturile precedente: din cele 12 exemplare, şase revin

[1] Cercetare realizată în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal şi memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare".

[2] Mulţumiri colegilor L. Mihăilescu-Bîrliba şi D. Paraschiv pentru posibilitatea de a cerceta piesele şi a le publica.

Fig. 2. Cercetări arheologice la Argamum, sectorul Faleza Est, din anii 1999-2000 (foto Lucreţiu Mihăilescu-Bîrliba).

amforelor de Sinope, două – celor de Rhodos, câte o ştampilă aparţine producţiei thasiene, de Mende, de Hercaleea Pontică şi o ştampilă – de provenienţă incertă.

Ştampilele de Sinope din punct de vedere cronologic se încadrează între grupa IIA (cca 340-339 a. Chr.) – ştampila lui Αἰσχίνης 2 (nr. 7) – şi grupa VIC2 (230-229 a. Chr.) –ştampila magistratului Πλεισταρχίδης ὁ Ἀπημάντου (nr. 6). Cele două ştampile de Rhodos datează cu cca 246 a. Chr. (sub-gr. 1b), aparţinând eponimului Τιμόστρατος (nr. 1), iar cea de-a doua ştampilă de Rhodos revine producătorului Φιλοκράτης 1 (gr. III), cca 198-161 a. Chr. (nr. 2). Unica ştampilă de Thasos din acest lot aparţine magistratului Δεΐαλκος (cca 325-317 a. Chr.) (nr. 9). Cu părere de rău, nu am avut succes cu reconstituirea legendei ştampilei de Heracleea, dar am încercat s-o datăm în limitele dintre cel de-al doilea şi al treilea sfert al sec. IV a. Chr., întrucât ştampila s-a păstrat pe fragmentul unui gât cu buză, care, după morfologia sa, aparţinea unui vas heracleot de tipul II-1 (conform clasificării lui Monachov), a cărui datare se încadrează între sferturile 2-3 ale sec. IV a. Chr. (Монахов 2003, 144). Ştampila de Mende a fost aplicată pe toartă, păstrată cu un fragment de buză, fapt care ne-a permis s-o atribuim unui anumit tip de amforă de Mende, şi anume celui conic (cea de-a doua jumătate a sec. V - începutul sec. IV a. Chr.), fiind, totodată, şi cea mai timpurie ştampilă din acest lot.

Catalog

1. ἐπ᾽ ἱερέ[ω]
ς Τιμοστ
ράτου
Rhodos (fig. 3/1). Arg. 2000, FE, C18, -1,38 m. Ştampilă de magistrat – Τιμόστρατος, sub-gr. 1b, cca 246 a. Chr.[3] *Amphoralex.org Re-ΤΙΜΟΣΤΡΑΤΟΣ-003*. Titulatura ἱερέως sugerează că magistratul respectiv, în perioada de exercitare a funcţiei sale de bază, mai îndeplinea şi pe cea de preot al cultului zeului Helios. În majoritatea ştampilelor din grupa I nu se foloseşte indicarea lunii calendarului din Rhodos (unde era produsă amfora) (Кац 2007, 203).

2. [Φιλοκ]ράτε
[υς]
Rhodos (fig. 3/2). Arg. 1999, FE, C4, -1,10-1,90 m. Ar putea fi numele producătorului Φιλοκράτης 1 (198-161 a. Chr.)[4]. O astfel de ştampilă a fost descoperită la Tanais şi datată în grupa III (Шелов 1975, 121, № 469). Shelov aminteşte de o amforă din Metropolitan Museum, pe una din toartele căreia este aplicată o ştampilă a lui Φιλοκράτης, cu prepoziţia ΕΠΙ (care, de obicei, semnalează că numele care urmează aparţine unui magistrat (Hall 1885, 389-396). Doar că pe cealaltă toartă era o altă ştampilă – cu numele Τιμασαγόρα şi denumirea lunii: Πανάμου. Întrucât numele a doi astynomi pe doua ştampile de Rhodos este un non-sens, Shelov afirmă că, în cazul ştampilei cu numele lui Φιλοκράτης de pe amfora din Metropolotan Museum, gravorul a greşit prin indicarea prepoziţiei ΕΠΙ plasată în faţa numelui unui producător. De obicei, în ştampilele cunoscute ale acestui producător nu figurează nicio emblemă. Spre deosebire de exemplarul de la Tanais şi cel de la Argamum, exemplarul de la Metropolitan Museum are formă circulară.

3. Αἰσχίνου
ἀστυνό[μου]. Căluţ de mare
Αμ..α
..υ..
Sinope (fig. 3/3). Arg. 1999, car. C1, -0,35 m. Ştampilă de magistrat, cu scriere retrogradă a legendei. Ştampila a fost regravată. Magistratul Αἰσχίνης 2, gr. IIA, cca 340-339 a. Chr. S-a păstrat un fragment din emblemă, care este un căluţ de mare, aceasta fiind emblema producătorului

[3] Mulţumim colegului G. Finkielsztejn pentru ajutor.
[4] Mulţumim colegului N. Jefremow, pentru sugestie.

Φιλοκράτης 1. Asemănătoare (fără regravare) la Придик 1917, № 470; la Conovici 1998, nr. 19-20[5].

4. [ἀστυνόμου]
[Ἀνθεστερί]ου acrostyle
[τοῦ Νουμενίου].
[Ἄκορνος]
Sinope (fig. 3/4). Arg. 2000, FE, C13, -1,35 m. Drept reper pentru reconstrucţia legendei şi datarea ştampilei poate servi emblema acrosyle, care se întâlneşte ca emblemă de magistrat doar la câţiva astynomi. Totuşi, reieşind din forma specifică a emblemei în cauză, presupunem că ştampila aparţinuse magistratului Ἀνθεστήριος ὁ Νουμηνίου, gr. VIC1, cca 245-244 a. Chr., mai cu seamă că ştampilele acestui magistrat sunt şi în lotul nostru, şi în alte loturi de la Argamum, publicate şi menţionate mai sus. Conovici 1998, 132, nr. 274, pl. XXXIII (aceiaşi matrice).

5. ἀστυνόμου
Ἀνθεστερίου acrostyle
[τ]ου Νουμενίου.
[Ἀρίσ]των
Sinope (fig. 3/5). Arg. 2000, C18, -1,38 m. Ştampilă de magistrat – Ἀνθεστήριος ὁ Νουμενίου, gr. VIC1, cca 245-244 a. Chr. Ştampile ale aceluiaşi magistrat cu alţi producători la Canarache 1957, cat. 218- 221; Lungu 1992, 90, cat. 59; cu acelaşi producător la Conovici 1998, 132, cat. 475-476 (aceeaşi matrice); Garlan 2004, nr. 403; Lungu 2016, 67, S35 (aceiaşi matrice).

6. ἀστ[υνόμου]
Ἀρισ[τίωνος]. [Strugure, Satir cu burduf]
Δα[ς]
Sinope (fig. 3/6). Arg. 1999, FE, D4, -1,45 m. Ştampilă de magistrat. Ἀριστόβουλος ? sau Ἀρίστιων ὁ Ἀριστίππου ? Dacă totuşi ştampila aparţine lui Ἀρίστιων ὁ Ἀριστίππου, care este menţionat (cu alt producător) la Lungu 2016, 55-56, nr. S2-S3, atunci emblema ar fi trebuit să fie satirul cu burduf spre dreapta, iar datarea ar reveni gr. VB, cca 270-269 a. Chr. Asemănător – la Придик 1917, 64, № 49; la Garlan, acest astynom cu acelaşi producător are o altă reprezentare, adică numele producătorului este pe prima linie (Garlaln 2004, 171, nr. 270).

7. [ἀσ]τυν[όμου]
[Πλ]ειστα[ρχίδου] [vânător cu lance în mână]
[το]υ Ἀπηνάντου.
[.....]ο[.....]
Sinope (fig. 3/7). Arg. 1999, FE, C4, -1,70-1,90 m, Ştampilă de magistrat – Πλεισταρχίδης ὁ Ἀπημάντου, gr. VIC2, cca 230-229 a. Chr. Ştampilă a aceluiaşi magistrat la Lungu 2016, 68, nr. S40, în care s-a păstrat şi numele producătorului Πάπης. În cazul nostru, e dificil de a propune reconstituirea completă a ştampilei, întrucât ştampilele acestui magistrat sunt cunoscute pe perioada activităţii mai multor producători: Αρτέμων, Διονύσιος, Στέφανος, Πάπης (Πάφης), Πρῶτος I-II, Φιλήμων I-II, Κλέαρχος II. Al. Avram prezintă mai multe opinii convingătoare referitor la soarta acestui magistrat, care, conform altor documente epigrafice lapidare, după finalizarea serviciului de astynom la Sinope, a activat ca proxenius (procuror) în oraşul său Thermos (oraş grecesc în Etolia) (Avram 2009, 54).

8. [ἀστυνόμου]
[Π]υθοχρίστου acrostyle↑
[τ]ου Ἀπολλωνίδου.
[Π]ρώτος
Sinope (fig. 3/8). Arg. 1999, C1, -0,35 m. Ştampilă de magistrat – Πυθόχριστος Ἀπολλωνίδου, gr. VIB, cca 251-250 a. Chr. În prima publicaţie a ştampilelor de la Argamum sunt menţionate cinci ştampile ale acestui magistrat cu diverşi producători, printre care şi o ştampilă identică, ce conţine numele întreg al producătorului Πρώτος (Lungu 1992, 86, nr. 43). La V. Lungu (2016, 62, nr. 19-21) sunt menţionate încă trei ştampile ale acestui magistrat, cu acelaşi producător; Conovici 1998, 116-117, cat. 378-380.

9. Θασίων
Strugure→
[Δεί̓αλκος]
Thasos (fig. 3/9). Arg. 99, FE, C4, -1,40 m. Ştampilă de magistrat – Δεί̓αλκος (cca 325-317 a. Chr. (după clasificarea lui Avram), Debidour 1986, cca 330-334. Asemănătoare la Canarache 1957, nr. 117; Bon 1957, nr. 655, 1939; Avram 1996, nr. 211, 211b.

10. [...]οσσος ?
măciucă
[....]

[5] Mulţumiri pentru consultaţie lui O. Fateev.

Fig. 3. Ştampile descoperite la Argamum.

Heracleea, ştampilă de magistrat (fig. 3/10). Arg. 99, FE, C2, -1,10-1,18 m. Emblema „măciuca" era folosită doar în ştampilele câtorva magistraţi (Balabanov, Garlan, Avram 2016, cat. 42Bb; 65 şi 85Bc; 168 şi 191D), în care figura numele producătorului Στασίχορος, nume cunoscut atât în grupa timpurie a ştampilării de producători, cât şi în primele doua grupe cronologice de ştampilare de magistraţi, în special în gr. II, anii '80-'70 ai sec. IV a. Chr. Numele din prima linie ar putea fi atât Νόσσος, cât şi Μολοσσός. Ştampila nu a fost reconstituită, dar, întrucât ştampila s-a păstrat pe fragmentul unui gât cu buză, care după morfologia sa aparţinea unui vas heracleot de tipul II-1 (conform clasificării lui Monachov), datarea acestuia se încadrează între sferturile 2 şi 3 ale sec. IV a. Chr.

11. Σ ...α
(γ)νε ?
Centru neidentificat (fig. 3/11). Arg. 1999, FE, C4, -1,40 m. S. La prima vedere, ştampila este suficient de lizibilă, dar, în cele din urmă, multiple încercări de a ne opri la o anumită reconstituire, nu s-au încununat cu succes. Fără îndoială, este o ştampilă de producător, dar fără a putea, la moment, a fi atribuită vreunui centru producător cunoscut. Pasta roşiatică-cărămizie, de o calitate bună, cu mici particule de calcar pisat.

12. Cerc
Mende (fig. 3/12). Cerc redat englific pe toartă, cu buza păstrată, care aparţine unui vas de Mende, de tip conic (Монахов 2003, 296, табл. 66/4). Datarea acestui tip de amforă de Mende se încadrează între cea de-a doua jumătate a sec. V şi începutul sec . IV a. Chr.

Bibliografie

Avram 1996: Al. Avram, Les timbres amphoriques. 1. Thasos. In: Histria, VIII (Bucarest-Paris).

Avram 2009: Al. Avram, Timbres amphoriques et épigraphie lapidaire : astynomes et proxènes In: The Thracians and their neighbours in Antiquity. Studia in Honorem Valerii Sîrbu (Brăila 2009), 53-61.

Balabanov, Garlan, Avram 2016: P. Balabanon, Y. Garlan, A. Avram, Les timbres amphoriques grecs d'Hercalée Pontique et de quelques autres centres de productionn recueillis dans l'établissement de Kstadin Tchechma pres de Debelt (Boulgarie) (premier moitié du IV siècle av. J.-C.). In: Pontica XLVIII-XLIX, Suplimentum IV (Constanţa 2016).

Bon 1957: A.-M. Bon, A. Bon, Les timbres amphoriques de Thasos (Paris 1957).

Canarache 1957: V. Canarache, Importul amforelor ştampilate la Istria (Bucureşti 1957).

Conovici 1998: N. Conovici, Les timbres amphoriques. 2. Sinope. In: Histria, VIII (Bucarest 1998).

Debidour 1986: M. Debidour, En classant les timbres thasiennes. In: (Eds. J.-Y. Empereur, Y. Garlan) Recherches sur les amphores grecques. Bulletin de correspondance hellénique, suppl. 13 (Paris 1986), 311-334.

Finkielsztejn 2001: G. Finkielsztejn, Chronologie détaillée et revisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270-180 av. J.-C. Premier bilan. In: BAR. Intern. ser. (Oxford 2001).

Garlan 2004: Y. Garlan, Les timbres céramiques sinopeens sur amphores et sur tuiles trouvés à Sinope. Présentation et catalogue. In: Varia Anatolica, XVI (Paris 2004).

Hall 1885: I.H. Hall, The Greek Stamps on the Handles of Rhodian Amphoræ, Found in Cyprus, and Now in the Metropolitan Museum of New York. Journal of the American Oriental Society 11, 1885, 389-396.

Lungu 1992: V. Lungu, Circulaţia amforelor ştampilate în zona Capul Dolojman. Pontica 25, 1992, 69-96.

Lungu 2016: V. Lungu, Timbres amphoriques de l'habitat d'Orgame-Argamum. Peuce, XIV, 2016, 43-78.

Кац 2007: В.И. Кац, Греческие керамичсекие клейма эпохи классицизма и Эллинизма (опыт комплексного изучеияия). В: Боспорские исследования, вып. XVIII (Симферополь-Керчь 2007).

Монахов 2003: С.Ю. Монахов, Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров експортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель (Саратов 2003).

Придик 1917: Е.М. Придик, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах эрмитажного собрания (Петроград 1917).

Шелов 1975: Д.Б. Шелов, Керамические клейма из Танаиса III-I веков до н.э. (Москва 1975).

New Greek amphora stamps found at Argamum/Orgame (excavations 1999-2000)

Keywords: Argamum, stamps, amphorae, production centers, magistrates, handle, neck.

Abstract: The fortress of Argamum was founded by the Milesians in 670-660. BC; originally it was called Orgame, and after the conquest by the Romans it was renamed Argamum. This site is located in the eastern part of the Tulcea county, on the territory of the Jurilovca commune (7 km from the village), in a place called Cape Doloshman, between the Babadag Plateau and the Razim Lake, which in ancient times was an open bay of the Black Sea (Gulf Argamon). Research began in 1926 under the direction of the historian Paul Nicorescu and was continued later by other historians and archaeologists.

The first batch of Greek amphora stamps from Orgame (Argamum), discovered during the excavations of 1965-1992, was published in 1992 by Vasilica Lungu. These were 82 stamps representing 8 Greek production centers: Sinop, Thassos, Rhodes, Heraclea Pontica, Tauric Chersonesos, Akanath, Knidos, Mende; three of these stamps were categorized as "undetermined". In 2016, V. Lungu published another 48 stamps from Orgame, related to the South Pontic city of Sinop. In the first publication, most of the stamps were also Sinop, belonging to the magistrates, whose activities took place within the IV, V and VI chronological groups. Among the stamps published by V. Lungu in 2016, 18 specimens discovered during excavations in the period from 1999 to 2000 were also mentioned.

The stamps presented in this article come from the same excavations carried out by Lucreţiu Mihăilescu-Bîrliba in 1999-2000 in Argamum, in the Eastern Cliff sector ((FE), which, however, due to some circumstances, remained unknown for a long time and were stored together with various statistical material in the fortress of (L)Ibida. This paper is actually an addition to the two publications mentioned above, and, we hope, will reunite the collection of stamps from Argamum, in particular, from the excavations of 1999-2000.

List of illustrations:

Fig. 1. Argamum Fortress location (Google Maps image).

Fig. 2. Archaeological research at Argamum, Eastern Cliff sector, 1999-2000 (photo by Lucreţiu Mihăilescu-Bîrliba).

Fig. 3. Stamps found at Argamum.

Новые греческие амфорные клейма, обнаруженные в Аргамуме/Оргаме (раскопки 1999-2000 гг.)

Ключевые слова: Аргамум, клейма, амфоры, производители, магистраты, ручка, горло.

Резюме: Крепость Аргамум была основана милетцами в 670-660 гг. до н.э.; первоначально она носила название Оргаме, а после завоевания римлянами была переименована в Аргамум. Этот памятник расположен в восточной части уезда Тулча, на территории коммуны Журиловка (в 7 км от села), в месте под названием мыс Долошман, между Бабадагским плато и лиманом Разим, который в древности был открытым заливом Черного моря (Аргамский залив). Исследования начались в 1926 году под руководством историка Паула Никореску и были продолжены позже другими историками и археологами.

Первая партия греческих амфорных клейм из Оргаме (Аргамум), обнаруженных в ходе раскопок 1965-1992 годов, была опубликована в 1992 году Василикой Лунгу. Это были 82 клейма, представляющие 8 греческих производственных центров: Синоп, Тасос, Родос, Гераклею Понтийскую, Херсонес Таврический, Аканаф, Книд, Менде, три из них были отнесены к категории «неопределенные». В 2016 году В. Лунгу опубликовал еще 48 клейм из Оргаме, относящихся к южнопонтийскому городу Синопу. В первой публикации в количественном отношении также преобладали синопские клейма, среди которых большинство составляют печати магистратов, деятельность которых происходила в пределах IV, V и VI хронологических групп. Среди клейм, опубликованных В. Лунгу в 2016 г., упоминаются также 18 экземпляров, обнаруженных в ходе раскопок в период с 1999 по 2000 гг.

Клейма, представленные в этой статье, происходят из тех же раскопок, проведенных Лукрециу Михэйлеску-Бырлиба в 1999-2000 гг. в Аргамуме, в секторе «Восточный утес» ((FE), которые, однако, в силу некоторых обстоятельств долгое время оставались неизвестными и хранились вместе с разнообразным статистическим материалом на складе в крепости (Л)Ибида. Данная статья фактически является дополнением к двум упомянутым выше публикациям, и, надеемся, воссоединит коллекцию клейм Аргамума, в частности, из раскопок 1999-2000 гг.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение крепости Аргамум (Google Maps).

Рис. 2. Археологические исследования в Аргамуме, сектор «Восточный утес», 1999-2000 гг. (фото: Лукрециу Михэйлеску-Бырлиба).

Рис. 3. Клейма, обнаруженные в Аргамуме.

31.05.2022

Dr. Natalia Mateevici, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-4660-9781, e-mail: amforaelada@yahoo.com

AŞEZAREA GETICĂ DE LA ROŞIORI (JUD. NEAMŢ). PIESE CELTICE DIN FIER

George-Dan Hânceanu

Cuvinte cheie: aşezare getică, celţi, cuţit de luptă, cuţitaş, verigă-brăţară.

Introducere

În săpăturile arheologice din ultimii ani, efectuate în situl de la Roşiori, comuna Dulceşti, judeţul Neamţ[1], au fost descoperite şi vestigii aparţinând celţilor.

În nivelurile de locuire ale aşezării getice, din secolele III-I a. Chr., pe lângă ceramica getică, s-au descoperit şi fragmente ale ceramicii celtice (Hânceanu 2021, 179-198), dar şi obiecte din fier care aparţin tot ultimei culturi materiale amintite.

În campania arheologică din anul 2019, a fost găsită şi investigată o locuinţă getică, al cărei inventar conţinea o mare cantitate de ceramică, o vatră dispusă pe greutăţi din lut şi un cuptor. La mică distanţă de respectivul complex, în stratul de locuire din secolul I a. Chr., au fost descoperite trei piese din fier, situate apropiat (fig. 2). Diferite ca utilitate (cuţit de luptă, cuţitaş şi verigă-brăţară), obiectele erau poziţionate în sectorul de nord al sitului, la legătura dintre zona intens locuită şi marginea acesteia, care permitea accesul în şi din aşezare, având deschidere spre râul Moldova (fig. 3).

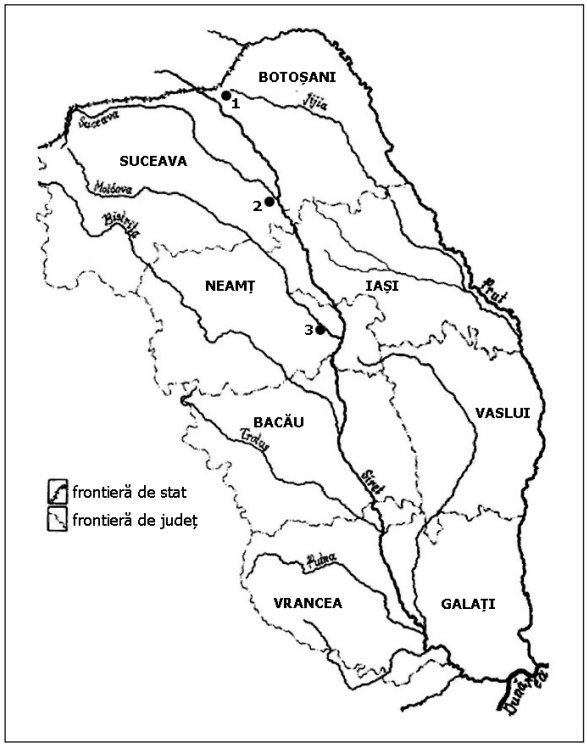


Fig. 1. Harta Moldovei cu semnalarea siturilor în care au fost descoperite cuţite de luptă celtice: 1 - Lozna (jud. Botoşani) – depozit de obiecte; 2 - Hârtop (jud. Suceava) – mormânt izolat; 3 - Roşiori-Dulceşti (jud. Neamţ) – aşezare getică.

Descrierea pieselor[2]. Analogii, interpretare şi datare

În timpul săpăturii arheologice din anul 2019, în dreptul caroului c. 3, din secţiunea S. XIII, la 0,40 m adâncime, spre profilul vestic, au fost descoperite trei artefacte din fier. Chiar în profil era prinsă o verigă (fig. 4/1), sub care se afla un cuţit de luptă şi un cuţit de mici dimensiuni (cuţitaş) (fig. 4/3, 4). Poziţionarea (veriga era deasupra, sub care, în linie, erau situate cele două cuţite) şi apropierea lor (descoperite în acelaşi carou, notat c. 3) poate indica o anumită legătură între ele[3], motiv pentru care am optat pentru o descriere şi analiză comună[4].

1. *Cuţit de luptă* din fier (inv. 44.806), descoperit în stratul de locuire getic al secţiunii S. XIII/2019, în caroul c. 3, la 0,40 m adâncime. Obţinut prin

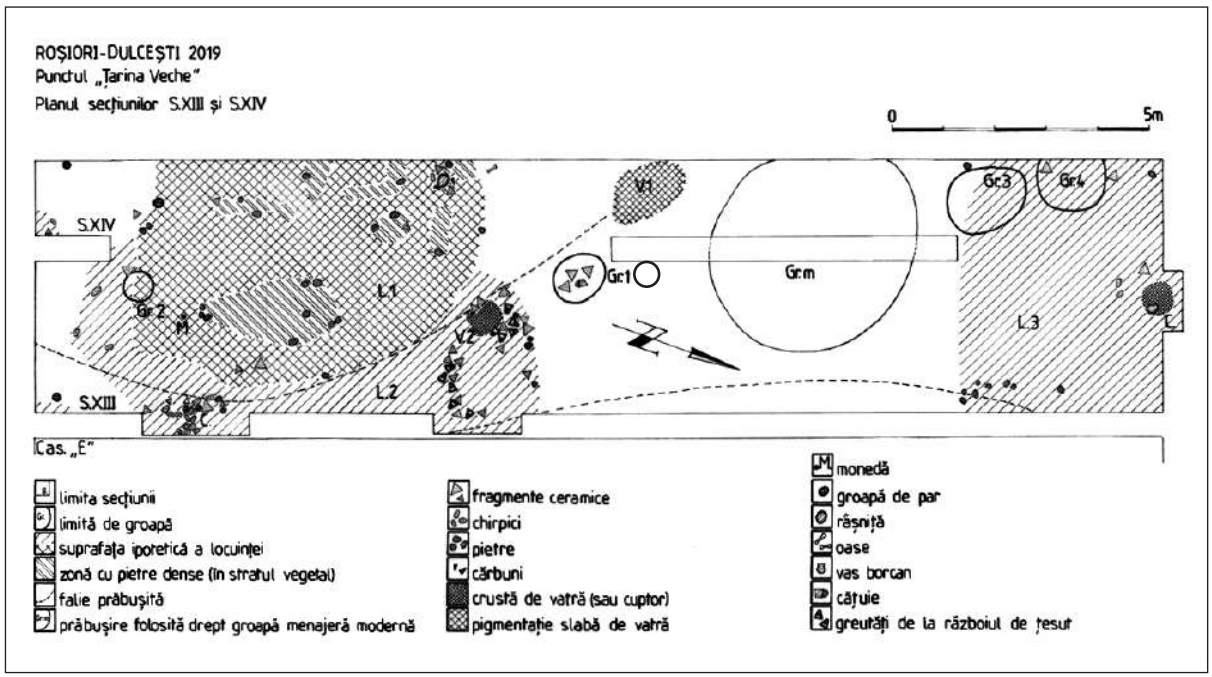
[1] Pentru amplasamentul sitului vezi: Hânceanu 2018a, 271, fig. 1; Hânceanu 2018b, 62, fig. 1a-1b.

[2] Piesele au fost investigate cu ajutorul microscopiei optice şi electronice (SEM-EDX) de către colega noastră dr. Otilia Mircea, în colaborare cu echipa colegilor ieşeni (din care face parte C.S. II dr. Viorica Vasilache), coordonată de dl. prof. univ. dr. Ion Sandu de la Universitatea „Al. I. Cuza" din Iaşi. Rezultatele obţinute urmează să fie publicate.

[3] Pentru desenele din articol mulţumim colegului muzeograf Dan Spătariu.

[4] Au fost utilizate următoarele prescurtări: c – carou, d – diametru, g – greutate, gr – grosime, l – lungime, la – lăţime, S – secţiune.

1



2

Fig. 2. 1 - Semnalarea locului descoperirii obiectelor celtice din fier (vezi săgeata); 2 - locul dispunerii în planul secţiunii S.XIII/2019 a obiectelor menţionate (zona cercului).

turnare, obiectul s-a conservat bine (fig. 4/5), având lama uşor îndoită din vechime, cu vârful rupt şi veriga finală păstrată pe jumătate. Deşi parţial afectată, în zona tăişului se observă că lama are formă triunghiulară în secţiune, care continuă cu un mâner scurt, curbat, terminat cu o verigă ovală de prindere (fig. 5/3-3b). Lama a fost dreaptă şi cu muchia lăţită. Dimensiuni: $l_{totală}$ – 230 mm, $l_{lamă}$ – 140 mm (lama uşor îndoită), $la_{lamă}$ – între 25-35 mm, $gr_{lamă}$ – 2 mm, $l_{mâner}$ – 90 mm, $la_{mâner}$ – 10 mm, $d_{verigă\ mâner}$ – 15 mm, $gr_{mâner}$ – 4 mm, g – 81,57 g. Conform dimensiunilor, obiectul face parte din categoria cuţitelor mari, lungi.

Până în prezent erau cunoscute doar două astfel de cuţite pe teritoriul Moldovei: unul – din componenţa depozitului de obiecte din fier de la Lozna (jud. Botoşani) (Teodor 1980, 138, fig. 8/2; Teodor 1988, 38-39, fig. 3/10), iar altul – din inventarul unui mormânt izolat, găsit la Hârtop (jud. Suceava) (Ursulescu, Manea 1981, 176-177, fig. 3/2; 4/1; Teodor 1988, 38-39, fig. 3/9) (pen-

tru dispunerea lor vezi fig. 1). Spre deosebire de exemplarele amintite, cel descris anterior este dintr-o aşezare, iar caracteristicile sale se regăsesc la ambele cuţite din nordul Moldovei. Cu arma de la Hârtop se aseamănă la forma şi lungimea lamei (lipsită şi de ornamente), iar cu cea de la Lozna – în privinţa finalităţii cu verigă a mânerului, care este ovală pentru cuţitul de la Roşiori.

În general, detaliile legate de formă, dimensiune şi ornamente permit încadrările tipologice ale cuţitelor de luptă, care au la bază câteva elemente comune, ce se regăsesc de la unul la altul, doar particularităţile le diferenţiază.

Cunoscute în literatura de specialitate sub denumirea de *cuţite de lovit* sau *cuţite de luptă* (*Hiebmesser*), acestea s-au găsit în multe din mormintele celtice (mai puţin în aşezări) din zona intracarpatică şi în arealul nord-vestic românesc. Exemplarul de la Roşiori are unele asemănări cu cele din siturile de la Ciumeşti, jud. Satu Mare (Zirra 1967, 24-28, 32-35, fig. 12/III; 17/II), Papiu Ilarian, jud. Mureş (Crişan, Milea 1970, 67-69, pl. I/4; II/10), Aiud, jud. Alba (Zirra 1971, 179-182, fig. 1/16; Crişan 1974, 71-92; Ferencz 2007, 39, pl. XVIII/5), Apahida, jud. Cluj (Crişan 1971, 67, pl. XIV/14, 15), Sic, jud. Cluj (Zirra 1971, 200, fig. 16/21), Sanislău, jud. Satu Mare (Zirra 1972, 161, fig. 6/6), Peţelca-oraş Teiuş, jud. Alba (Crişan 1973, 52, 58-59, fig. 6/3; 7/3; Ferencz 2007, 44, pl. LVI/2), Pişcolt, jud. Satu Mare (Németi 1988, 58, fig. 9/6, 7; Németi 1989, 77-78, 83, 87-88, 105, fig. 1/12; 2/1; 5/5; 8/2; 9/3; 22/5; Németi 1992, 63, 68, fig. 3/3; 6/6), Zăuan, jud. Zalău (Németi, Lakó 1993, 90, fig. 7/2), Şoimuş, jud. Hunedoara (Ferencz, Ferencz 2001, 134, pl. II; Ferencz 2007, 46, pl. XCI/2) şi Cluj-Napoca (Dima 2008, 81-88, pl. II). Pentru spaţiul extern, cuţite de luptă celtice au fost descoperite în situri de tip *Latène B/C*, de la Kosice, Holiare, Slovacia (Filip 1956, 95, obr. 28/6, tab. CXXVIII/21), Lipany (Filip 1956, tab. CXXVIII/23-24), Honice, Cehia (Filip 1956, tab. CIX/8), Dobova, Slovenia (Guštin 1981, 226-227, Abb. 3/4; 4/1), Sopron-Bëcsidomb (Hunyady 1942, pl. 211/15; Szabó 1988, 17, fig. 10; Rapin 2000, 108-109, pl. III.c), Ménföcsanak (Szabó 1988, 17, fig. 13-14; Szabó 1992, 19-tombe 14, no. 4; Szabó 2005, 25, 14.4), Pilismarót (Szabó 1988, 17, fig. 15), Csobaj (Hellebrandt 1989, 43, Abb. 12/5), Ludas-Varjú-dűlő (Szabó, Tankó 2012, 25, 26, 126-129, 175, fig. 172, pl. IX/4), Ungaria, şi Zvonimirovo, Croaţia (Dizdar 2013, 122-140, 266, 267), în care o parte dintre

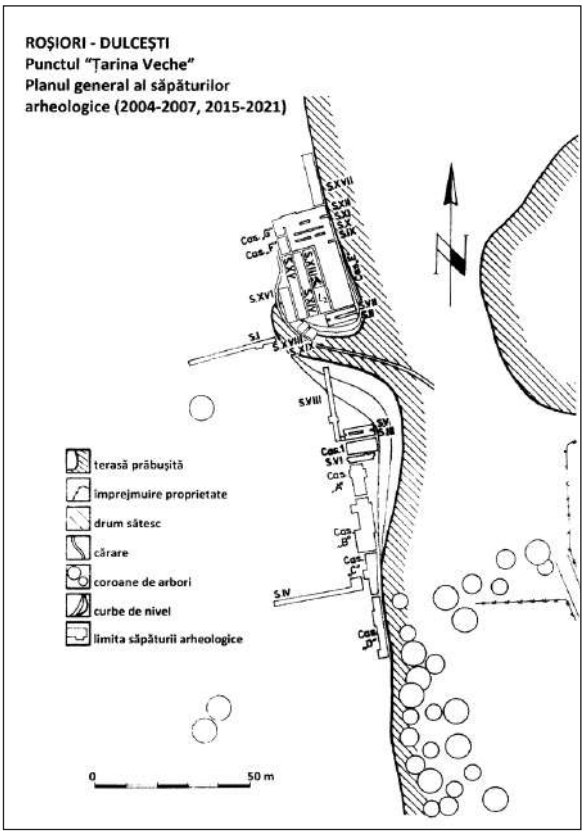


Fig. 3. Poziţionarea obiectelor celtice din fier (în faţa locuinţei L. 2 din secţiunea S. XIII, trasată în latura de nord a aşezării getice), pe planul general al săpăturilor arheologice de la Roşiori.

ele erau îndoite, în scop ritualic (Gleirscher 2009, 148, Abb. 4/3). Dintre toate, cele mai apropiate de exemplarul de la Roşiori, ca formă, lungime şi cu verigă finală la mâner, sunt cuţitele de la Holiare, Slovacia (Filip 1956, tab. CXXVIII/22), Dobova, Slovenia şi Beograd-Karaburma, Serbia (Szabó 1988, 26, 37, fig. 48; 57). Poate, singura diferenţă este în privinţa formei verigii menţionate, care la arma de la Roşiori este ovală, şi nu rotundă.

Multitudinea, varietatea şi răspândirea cuţitelor de luptă (unele mai scurte, altele mai lungi, cu forma lamei diferită, iar mânerul lucrat variat, prevăzut sau nu cu una sau două bile, terminat sau nu cu verigă ori lama şi mânerul decorate sau neornamentate) au determinat realizarea unor tipologii, precum cele ale cercetătorilor U. Osterhaus (Osterhaus 1981, 9, Abb. 2/8; 12-13, no. 4; 14-16), Th. Stöllner (Stöllner 1998, 105-108, fig. 24) şi M. Dizdar (Dizdar 2013, 122-137, maps 11-13, fig. 47/1-4). Potrivit acestor clasificări, care se referă şi la descoperirile din Europa centrală şi de est, cuţitul de la Roşiori se încadrează, în

Fig. 4. Obiectele din fier descoperite *in situ* în nivelul de locuire getic al secţiunii S. XIII: 1, 2 - veriga-brăţară; 3, 5 - cuţitul de luptă; 4 - cuţitaş.

general, tipului *Dürrnberg*, varianta **B**, răspândit îndeosebi în situri de tip *Latène B* din estul şi vestul Ungariei, Austriei şi Sloveniei (Osterhaus 1981, 14), dar perpetuat şi ulterior acestei faze.

Pe parcursul creşterii numărului descoperirilor s-a încercat şi atribuirea unor funcţionalităţi: spre exemplu, pentru cuţitele din cimitire, asociate de multe ori cu ofrandele animaliere, s-a considerat că ar fi putut îndeplini o funcţie „rituală" (Németi 1988, 69; Ferencz, Ferencz 2001, 130; Ferencz 2007, 126), însă în alte situaţii, când au fost găsite alături de piese cu caracter militar, s-a emis ipoteza îndeplinirii altor acţiuni, de luptă, iar mânerul redus ca dimensiune să indice o posibilă utilizare de la distanţă a pieselor (prin aruncare) (Ferencz, Ferencz 2001, 130). Recent, prin analizarea detaliată a contextelor descoperirilor, a fost emisă o altă posibilă „funcţie" – aceea de instrumente necesare pentru tranşarea şi dezosarea cărnii în cadrul banchetelor colective (ofranda fiind oferită participanţilor), fiind utilizate ca „simboluri ale statutului social" de către rudele sau cei care organizau momentul funerar (Rustoiu 2016, 200-202). Respectivele idei, vehiculate în spaţiul extern (Sankot 1996, 560-562; Poux 2004, 42; Schönfelder 2010, 229; Sankot 2014, 154), au fost preluate şi în mediul de cercetare românesc.

În cazul cuţitului de luptă de la Roşiori, locul descoperirii (într-un nivel getic al aşezării) şi obiectele din preajmă (veriga-brăţară şi cuţitaşul) ar putea indica o reutilizare de către membrii locali ai comunităţii în alte scopuri (vânătoare, tranşare, apărare) sau, dacă a fost „primit în dar", poate fi apreciat chiar ca un însemn al „statutului social"; în cadrul acestei ipoteze având un rol şi veriga-brăţară (pentru mână ori gleznă).

Deşi considerate piese caracteristice îndeosebi Latène-ului timpuriu (Crişan 1974, 87), acestea se regăsesc şi ulterior, în perioada mijlocie spre târzie. Cronologic, cuţitul de la Roşiori poate fi încadrat perioadei Latène-ului târziu, iar asocierea cu ceramica (varianta cu grafit) ne indică o datare generală cuprinsă între finalul secolului al II-lea şi începutul veacului I a. Chr.

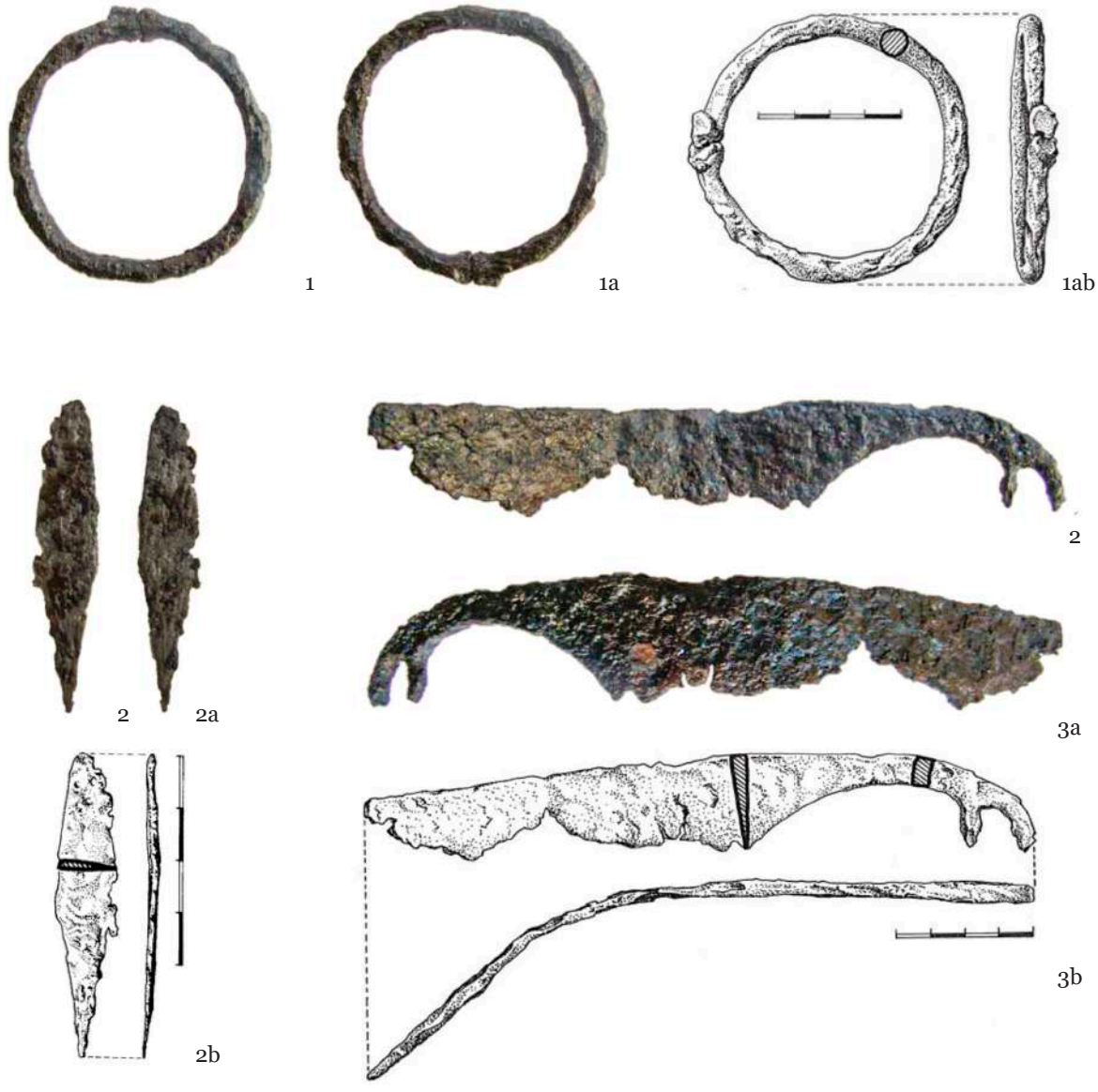


Fig. 5. Obiecte din fier (foto şi desen): 1-1b - veriga-brăţară; 2-2b - cuţitaş; 3-3b - cuţit de luptă.

2. *Cuţitaş* din fier (inv. 44.803), descoperit în stratul aşezării getice, în secţiunea S. XIII/2019, caroul c. 3, la 0,40 m adâncime. În stare bună de conservare, obiectul este de dimensiuni reduse, având secţiunea triunghiulară, lama dreaptă scurtă, vârful rotunjit, iar mânerul de tip peduncul (fig. 5/2-2b). Dimensiuni: $l_{totală}$ – 58 mm, l_{corp} – 35 mm, $l_{peduncul}$ – 23 mm, la_{corp} – între 4 şi 11 mm, $la_{peduncul}$ – între 2 şi 8 mm, gr – 1 mm, g – 2,81 g.

Comune, aceste cuţitaşe (care pot fi încadrate tipologic în faza $\mathbf{J_1}$ Pişcolţ; vezi Németi 1996, 63) sunt larg răspândite, fiind moşteniri ale fondului hallstattian târziu local[5] şi considerate o posibilă replică în miniatură a cuţitelor de luptă, de unde şi asocierea lor. Acestea apar în dese rânduri în asociere cu piese celtice (din secolele V-IV a. Chr. şi până în veacul I a. Chr.), atât în aşezări, cât şi în morminte celtice, precum la Sanislău, punctele *Lutărie* (Németi 1975, fig. 2/8-M.23) şi *Nisipărie* (Németi 1982, fig. 5/6-M.1; fig. 6/12-M.9; fig. 12/4-M.35; fig. 18/14-M.67), Ciumeşti-I (Zirra

[5] Semnalăm doar un exemplu, situl reprezentativ de la Ferigile; vezi Vulpe 1967, 62, pl. XVIII/26-30-tipul C, a cărui formă se păstrează şi în perioada Latène.

1967, fig. 36-M.31/III, M.35/VI) și Ciumeşti-Berea, jud. Satu Mare (Németi 1996, 63, 69, fig. 3/5). Trebuie semnalat faptul că acest tip de cuţitaş se diferenţiază de cel cu lama scurtă, mult curbată, considerat de specialişti ca având funcţia unui cosor de vie.

3. *Verigă* din fier (inv. 44.805), găsită în nivelul aşezării getice, în secţiunea S. XIII/2019, caroul c. 3, la 0,40 m adâncime. În stare bună de conservare (fig. 4/2), piesa este circulară în secţiune, obţinută prin turnare, având capetele apropiate, dar nelipite, terminate îngroşat (fig. 5/1-1b). Deşi nu s-a păstrat complet, a rămas pe alocuri din marginea îngroşată a capetelor. Dimensiuni: $d_{interior}$ – 62 mm, gr – 8mm, g – 46,20 g.

În cultura celtică, astfel de verigi aveau funcţionalităţi diferite, fiind verigi-brăţări pentru mână, simple, neornamentate, verigi-brăţări pentru gleznă sau verigi din componenţa zăbalelor. Veriga de la Roşiori este asemănătoare cu brăţara descoperită la Curtuişeni, jud. Bihor (Nánási 1973, 33, pl. V/6) și seamănă ca formă cu brăţările din sticlă, asemenea exemplarului dintr-un mormânt de inhumaţie al necropolei de la Lovosice, Cehia (Drda, Rybova 1995, 97). Veriga aduce și cu brăţările pentru gleznă, precum cele de la Pişcolţ, jud. Satu Mare (Németi 1993, 124, fig. 4/1c), cu diferenţierea că acestea din urmă sunt mai înguste. De asemenea, aceeaşi piesă seamănă foarte bine cu verigile zăbalelor cu bara fixă ori mobilă din siturile de la Teleşti, jud. Gorj (Rustoiu 2004-2005, 53-71; Rustoiu 2008, 130, fig. 63/1), Dipşa, jud. Bistriţa-Năsăud (Zirra 1974, 146-147), Aiud, jud. Alba (Zirra 1974, 146-147; Ferencz 2007, 111, pl. XV/1a-1b, 4a-4b), Sopron-Bëcsidomb, Ungaria (Hunyady 1942, 123, fig. 7/4) și Abbeyshrule-Longford, Irlanda (Harding 2007, 170, fig. 8.3/1, 2). Pe teritoriul actual al Moldovei, o astfel de piesă de harnaşament s-a găsit în depozitul de obiecte din fier de la Lozna, jud. Botoşani (Teodor 1980, fig. 8/4; 10/3, 5-6; Teodor 1988, 38, 40, fig. 3/8). De regulă, aceste zăbale sunt găsite în complexe specifice Latène-ului C.

Este dificil să apreciem scopul exact al verigii descrise, însă asocierea ei cu acel cuţit de luptă o include culturii materiale celtice, fie ca parte din componenţa unei zăbale, fie ca element de podoabă. Dacă este să înclinăm procentul spre una dintre utilităţi, am considera veriga mai degrabă o brăţară, aspect datorat faptului că marginile capetelor sunt apropiate, dar nu lipite, fiind îngroşate intenţionat. La aceste argumente adăugăm dimensiunea mare, care permitea, prin deschiderea capetelor, introducerea piesei pe mână ori pe gleznă.

Concluzii

Cel mai probabil, ceramica și obiectele din fier celtice au pătruns în aşezarea getică de la Roşiori prin intermediul unor grupuri celtice (posibil, *scordisci*), stabilite în preajmă.

Spre deosebire de complexele funerare, când piesele asociate (fibule, monede) restrâng datarea și indică cu aproximaţie momentul depunerii armelor, în restul cazurilor (descoperiri întâmplătoare, din aşezări), situaţia este îngreunată de lipsa unor elemente cronologice adiacente. Surprinzător este faptul că toate cele trei piese de la Roşiori sunt mai degrabă întâlnite în morminte ale cimitirelor celtice, mai rar – în aşezări și, cu atât mai puţin, – pe teritoriul actual al Moldovei. Este posibil ca elementele (îndeosebi cuţitul de luptă) să constituie dovada unui „statut social înalt" aparte în cadrul comunităţii getice, a căror prezenţă poate fi pusă pe seama schimburilor culturale, fiind rezultatul unui „dar" ori al unui troc. Asocierea cuţitului de luptă cu veriga-brăţară poate indica prezenţa unui războinic de seamă pentru aşezarea getică, poate, chiar şeful militar al acesteia. Ca argument, în acest sens, poate fi apropierea dintre piese, care poate sugera o legătură și apartenenţa lor aceluiaşi individ.

Respectivele artefacte puteau ajunge împreună ca rezultat a două acţiuni diferite: prin abandonarea lor, în urma uzării acestora sau printr-o depunere intenţionată; însă în cazul ultimei variante, piesele nu ar fi avut semne de uzură, iar depunerea rituală s-ar fi axat pe alte aspecte, precum îndoirea completă a lamei cuţitului de luptă, iar obiectele ar fi fost aşezate unele peste altele sub forma unui „mic depozit".

Descoperirea respectivelor artefacte din fier în al doilea nivel getic al aşezării de la Roşiori, în care s-au găsit și fragmente ale ceramicii celtice, varianta cu grafit, la care adăugăm și analogiile din text, indică o vehiculare și utilizare a lor în intervalul cuprins între finalul veacului al II-lea și începutul secolului I a. Chr., putând avea legătură cu cel mai apropiat complex de locuire (notat L. 2), prevăzut cu două instalaţii de foc în interior (o vatră pe greutăţi din lut și un cuptor) și cu inventar deosebit cantitativ și calitativ, ai cărui membri aveau, probabil, o stare materială și un statut social aparte.

Bibliografie

Crişan 1971: I.H. Crişan, Necropola celtică de la Apahida. Acta Musei Napocensis VIII, 1971, 37-70.

Crişan 1973: I.H. Crişan, Descoperiri celtice de la Cluj, Peţelca şi Şeica Mică. Acta Musei Napocensis X, 1973, 39-64.

Crişan 1974: I.H. Crişan, Precizări în legătură cu descoperirile celtice de la Aiud. Studii şi Comunicări, Muzeul Naţional Brukenthal 18, 1974, 71-92.

Crişan, Milea 1970: I.H. Crişan, Z. Milea, Descoperiri celtice la Papiu Ilarian (jud. Mureş). Acta Musei Napocensis VII, 1970, 65-78.

Dima 2008: C. Dima, Despre un cuţit celtic descoperit recent la Cluj. Brukenthal Acta Musei III, 1, 2008, 81-88.

Dizdar 2013: M. Dizdar, Zvonimirovo-Veliko polje. A cemetery of the La Tène culture (Zagreb 2013).

Drda, Rybova 1995: P. Drda, A. Rybova, Les celtes de Bohême (Paris 1995).

Ferencz 2007: I.V. Ferencz, Celţii pe Mureşul Mijlociu. La Tène-ul timpuriu şi mijlociu în bazinul mijlociu al Mureşului (sec. IV-II î. Chr.) (Sibiu 2007).

Ferencz, Ferencz 2001: I.V. Ferencz, D. Ferencz, Materiale celtice inedite păstrate în colecţiile muzeului din Deva. Apulum XXXVIII/1, 2001, 129-136.

Filip 1956: J. Filip, Keltové ve stredni Europe (Praha 1956).

Gleirscher 2009: P. Gleirscher, Gräber keltischer Schwertkrieger vom Fuße der Gracarca (Kärnten). In: (Eds: G. Tiefengraber, B. Kavur, A. Gaspari) Keltske študije II. Studies in Celtic Archaeology. Papers in honour of Mitja Guštin (Montagnac 2009), 143-162.

Guštin 1981: M. Guštin, Keltische Gräber aus Dobova, Slowenien. Archäologisches Korrespondenzblatt 11, 1981, 223-233.

Harding 2007: D.W. Harding, The archaeology of celtic art (London and New York 2007).

Hellenbrandt 1989: M. Hellenbrandt, Der keltische Kantharos in Csobaj und sein historischer Hintergrund. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae XLI, fasc. 1-4, 1989, 33-51.

Hânceanu 2018a: G.-D. Hânceanu, Bastarnii de la Roşiori. Rezultatele campaniei arheologice din anul 2016. Tyrageţia s.n. XII/1, 2018, 271-292.

Hânceanu 2018b: G.-D. Hânceanu, Situl arheologic de la Roşiori. Semnalarea principalelor tipuri de obiecte bastarne. Cercetări arheologice XXV, 2018, 61-76.

Hânceanu 2021: G.-D. Hânceanu, Ceramica celtică din aşezarea getică de la Roşiori (jud. Neamţ). ArhMold XLIV, 2021, 179-198.

Hunyady 1942: I. Hunyady, Die Kelten im Karpatenbecken (Budapest 1942).

Nánási 1973: Z. Nánási, Descoperiri în necropola celtică de la Curtuişeni. Crisia 3, 1973, 29-45.

Németi 1975: I. Németi, Weitere Angaben über die keltischen Gräberfelder von Ciumeşti und Sanislău (Kreis Satu Mare). Dacia N.S. XIX, 1975, 243-248.

Németi 1982: I. Németi, Das späthallstattzeitliche Gräberfeld von Sanislău. Dacia N.S. XXVI, 1982, 115-144.

Németi 1988: I. Németi, Necropola Latène de la Pişcolt, jud. Satu Mare (I). Thraco-Dacica 9/1-2, 1988, 49-73.

Németi 1989: I. Németi, Necropola Latène de la Pişcolt, jud. Satu Mare (II). Thraco-Dacica 10/1-2, 1989, 75-114.

Németi 1992: I. Németi, Necropola Latène de la Pişcolt, jud. Satu Mare (III). Thraco-Dacica 13/1-2, 1992, 59-112.

Németi 1993: I. Németi, Necropola Latène de la Pişcolţ, jud. Satu Mare (IV). Thraco-Dacica 14/1-2, 1993, 117-129.

Németi 1996: I. Németi, Descoperiri arheologice din epoca Latene de la Ciumeşti (com. Sanislău, jud. Satu Mare). Studii şi Comunicări XIII, 1996, 61-69.

Németi, Lakó 1993: I. Németi, E. Lakó, Noi descoperiri celtice în judeţul Sălaj. Acta Musei Porolisensis 18, 1993, 77-90.

Osterhaus 1981: U. Osterhaus, Zur Funktion und Herkunft der frühlatènezeitlichen Hiebmesser (Marburg 1981).

Poux 2004: M. Poux, L'Âge du vin. Rites de boisson, festins et libations en Gaule indépendante (Montagnac 2004).

Rapin 2000: A. Rapin, L'armement laténien en Hongrie. In: (Ed: J.-P. Guillaumet) Dix ans de coopération franco-hongroise en archéologie 1988-1998 (Budapest 2000), 97-134.

Rustoiu 2004-2005: A. Rustoiu, Celtic-indigenous connections in Oltenia during middle La Tène. Observations concerning a Celtic grave from Teleşti (Gorj County). Ephemeris Napocensis 14-15, 2004-2005, 53-71.

Rustoiu 2008: A. Rustoiu, Războinici şi societate în aria celtică transilvăneană. Studii pe marginea mormântului cu coif de la Ciumeşti (Cluj-Napoca 2008).

Rustoiu 2016: A. Rustoiu, Slashing knives (Hiebmesser)-curved daggers (sica,-ae). Their function and symbolic role in the La Tène panoply of weapons. Acta Musei Porolisensis 38, 2016, 199-221.

Sankot 1996: P. Sankot, Un domaine a découvrir: l'art appliqué sur les objets en fer et l'armement des Celtes en Boheme. Mélanges de l'Ecole Française de Rome. Antiquité 108/2, 1996, 555-573.

Sankot 2014: P. Sankot, La tombe a squelette de Prerov nad Labem, district de Nymburk en Bohême centrale et ses analogies avec le Nord-Ouest des Alpes. In: (Eds: J. Bullinger, P. Crotti, C. Huguenin) De l'âge du Fer a l'usage du verre: mélanges offerts a Gilbert Kaenel, dit "Auguste", a l'occasion de son 65e anniversaire (Lausanne 2014), 151-156.

Schönfelder 2010: M. Schönfelder, Speisen mit Stil-Zu einem latenezeitlichen Hiebmesser vom typ Dürrnberg in der Sammlung des Römisch-Germanischen Zentralmuseums in Mainz. In: (Ed: L. Borhy) Studia Celtica Classica et Romana Nicolae Szabo Septuagesimo Dedicata (Budapest 2010), 223-233.

Stöllner 1998: T. Stöllner, Grab 102 vom Dürrnberg bei Hallein. Bemerkungen zu den Dürrnberger Kriegergräbern der Frühlatenezeit. Germania 76/1, 1998, 67-176.

Szabó 1988: M. Szabó, Les celtes en Pannonie. Contribution à l'histoire de la civilisation celtique dans la cuvette des Karpates (Paris 1988).

Szabó 1992: M. Szabó, Les celtes de l'est. Le second âge du fer dans la cuvette des Karpates (Glux-en-Glenne, Nièvre 1992).

Szabó 2005: M. Szabó, A keleti kelták. A késő vaskor a Kárpát-medencében (Budapest 2005).

Szabó, Tankó 2012: M. Szabó, K. Tankó, La nécropole celtique à Ludas-Varjú Dűlő (Budapest 2012).

Teodor 1980: S. Teodor, Das Verkzeugdepot von Lozna (Kr. Botoşani). Dacia N.S. XXIV, 1980, 133-150.

Teodor 1988: S. Teodor, Elemente celtice pe teritoriul est-carpatic al României. ArhMold XII, 1988, 33-51.

Ursulescu, Manea 1981: N. Ursulescu, Şt., Manea, Evoluţia habitatului din bazinul Şomuzului Mare în zona comunei Preoteşti. Suceava VIII, 1981, 169-182.

Vulpe 1967: Al. Vulpe, Necropola hallstattiană de la Ferigile. Monografie arheologică (Bucureşti 1967).

Zirra 1967: Vl. Zirra, Un cimitir celtic în nord-vestul României, Ciumeşti, I (Baia Mare 1967).

Zirra 1971: Vl. Zirra, Beiträge zur Kenntnis des keltischen Latène in Rumänien. Dacia N.S. XV, 1971, 172-238.

Zirra 1972: Vl. Zirra, Noi necropole celtice în nord-vestul României. Studii şi Comunicări 2, 1972, 151-205.

Zirra 1974: Vl. Zirra, Descoperiri celtice de la sfârşitul latènului mijlociu în depresiunea Bistriţei. File de Istorie III, 1974, 138-174.

The Getic settlement from Roşiori (Neamţ County). Celtic iron objects

Keywords: Getic settlement, the Celts, battle knife, penknife, link bracelet.

Abstract: In the course of archaeological excavations carried out in recent years at the site in the village of Roşiori, Dulceşti commune, Neamţ County, Celtic pottery fragments and iron objects were found. In 2019, in front of Getae dwelling No. 2 in excavation No. 13/2019, an assemblage of three iron objects was found: a battle knife, a link bracelet and a penknife. By their characteristics and analogies, the first two pieces are Celtic, while the last one is part of the Hallstattian heritage and is often found in association with other artifacts, especially in Celtic tombs in Transylvania. According to the stratigraphy and Celtic (especially graphite) pottery of the Getae layer, the mentioned objects date back the 2nd-1st centuries BC.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of Moldova showing the sites where Celtic battle knives were discovered: 1 - Lozna (Botoşani County) – hoard; 2 - Hârtop (Suceava County) – isolated grave; 3 - Roşiori-Dulceşti (Neamţ County) – Getic settlement.

Fig. 2. 1 - Signaling the place of discovery of Celtic iron objects (see arrow); 2 - the location of these objects on the plan of excavation No. 13/2019 (circled).

Fig. 3. Location of Celtic iron objects (in front of dwelling No. 2 from excavation No. 13, on the northern side of the Getic settlement) on the general plan of the archaeological excavations at Roşiori.

Fig. 4. Iron objects found *in situ* in the Getic habitation level of excavation No. 13: 1, 2 - link bracelet; 3, 5 - battle knife; 4 - penknife.

Fig. 5. Iron objects (photo and drawing): 1-1b - link bracelet; 2-2b - penknife; 3-3b - battle knife.

Гетское поселение Рошиорь (Уезд Нямц). Кельтские железные артефакты

Ключевые слова: Гетское поселение, кельты, боевой нож, ножик, звеньевой браслет.

Резюме: В ходе археологических раскопок, проводившихся за последние годы на памятнике в селе Рошиорь коммуны Дулчешть уезда Нямц, были обнаружены фрагменты кельтской керамики и предметы из железа. В 2019 году перед гетским жилищем № 2 в раскопе № 13/2019 был найден комплекс из трех желез-

ных предметов: боевой нож, звеньевой браслет и ножик. По своим характеристикам и аналогиям первые два предмета являются кельтскими, а последний представляет собой часть гальштатского наследия и часто встречается вместе с другими артефактами, особенно в кельтских гробницах на территории Трансильвании. По стратиграфии и кельтской (особенно графитовой) керамике гетского слоя упомянутые предметы датируются II-I вв. до н.э.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта Молдовы с указанием мест, где были обнаружены кельтские боевые ножи: 1 - Лозна (уезд Ботошань) – клад; 2 - Хыртоп (уезд Сучава) – отдельное захоронение; 3 - Рошиорь-Дулчешть (уезд Нямц) – гетское поселение.

Рис. 2. 1 - Обозначение места обнаружения кельтских железных предметов (см. стрелку); 2 - место расположения указанных предметов на плане раскопа № 13/2019 (обведены кружком).

Рис. 3. Расположение кельтских железных предметов (перед жилищем № 2 из раскопа № 13, с северной стороны гетского поселения) на общем плане археологических раскопок в Рошиорь.

Рис. 4. Железные предметы, обнаруженные *in situ* в гетском жилом слое раскопа № 13: 1, 2 - звеньевой браслет; 3, 5 - боевой нож; 4 - ножик.

Рис. 5. Железные предметы (фото и рисунок): 1-1b - звеньевой браслет; 2-2b - ножик; 3-3b - боевой нож.

14.04.2022

Dr. George-Dan Hânceanu, Muzeul de Istorie din Roman (Complexul Muzeal Naţional Neamţ), str. Cuza Vodă, nr. 19, RO-611009, Roman, jud. Neamţ, România, https://orcid.org/0000-0002-0442-5626, email: georgehanceanu@yahoo.com

HABITATUL GETIC ÎN ZONA SATULUI SOCOLA (RAIONUL ŞOLDĂNEŞTI, REPUBLICA MOLDOVA)[1]

Aurel Zanoci, Mihail Băţ, Vitalie Sochircă, Victor Dulgher, Vladimir Chitic, Daniel Cuculescu

Cuvinte-cheie: bazinul Nistrului de Mijloc, a doua epocă a fierului, aşezări, fortificaţii, ceramică.

Introducere

Cercetările arheologice realizate în bazinul Nistrului de Mijloc, începând cu anii postbelici şi până în prezent, au pus în evidenţă numeroase situri ce se încadrează în epoca fierului. Acestea sunt concentrate, în special pe malul drept al fluviului, însă nu lipsesc şi pe cel stâng (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000; Кашуба 2000; Zanoci, Băţ 2011; Zanoci, Băţ 2020). În ultimele două decenii o atenţie sporită a fost acordată habitatului din microzona Saharna (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016; Niculiţă et al. 2019), rămânând mai puţin studiate cele amplasate mai amonte sau mai aval pe Nistru. Printre teritoriile unde, practic, nu erau cunoscute situri din epoca fierului se remarcă spaţiul limitrof localităţii Socola din raionul Şoldăneşti, fapt care a stimulat noi cercetări de teren în această regiune.

Cadrul natural

Spaţiul investigat este situat în partea central-estică a Podişului Nistrului, pe malul drept al fluviului Nistru, la vest de satul Socola, raionul Şoldăneşti (fig. 1). Teritoriul poate fi delimitat convenţional în două sectoare, în funcţie de caracterul cadrului natural: A) limita de contact dintre canionul Nistrului şi defileul unui pârâu, tributar fluviului, cu prezenţa a două promontorii formate la muchia versantului (fig. 2/1-2); B) podişul puţin fragmentat, larg deschis spre vest (fig. 2/3). Altitudinea absolută a acestei regiuni variază de la 28 m – nivelul albiei Nistrului, până la 265 m – vârful unui deal la 1,10 km de malul drept al fluviului, rezultând o energie relativ mare a reliefului de cca 237 m (fig. 3).

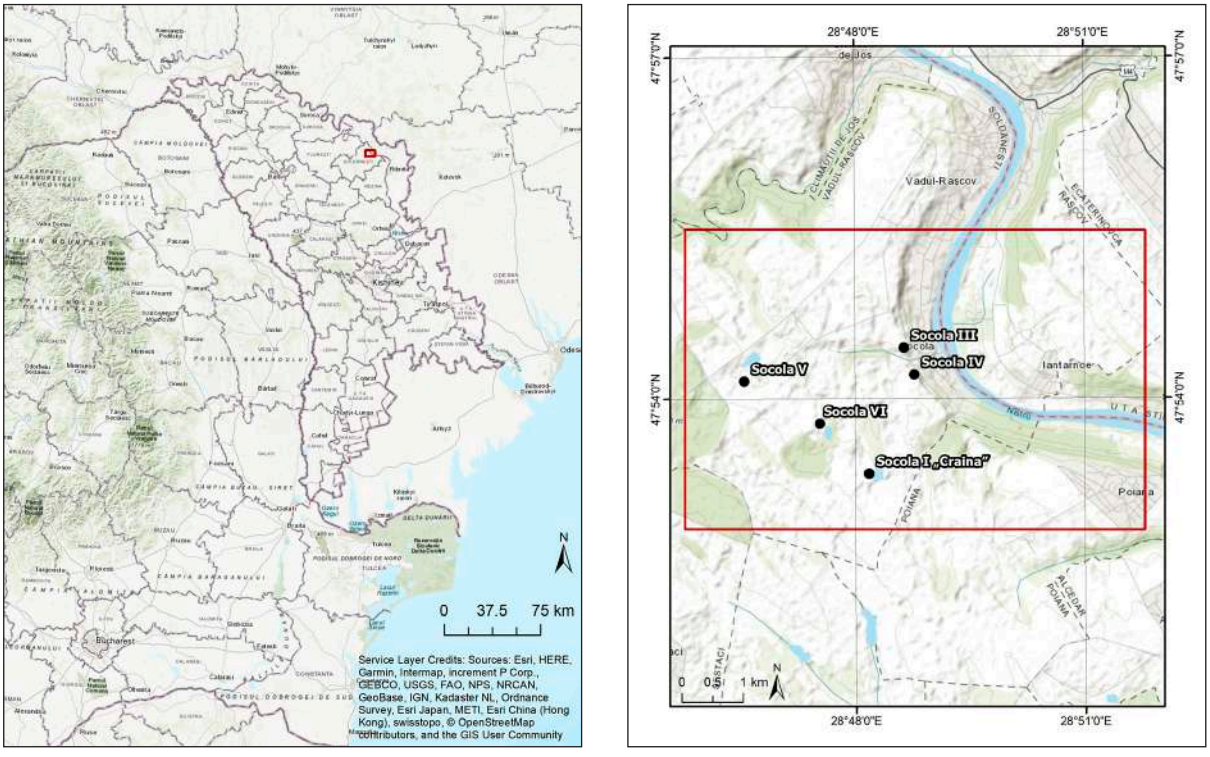
A) Cele două promontorii, localizate proeminent – unul la nord de defileul pârâului, iar altul – la sud de acesta –, au o poziţie strategică foarte favorabilă. Cu altitudinea absolută de cca 170-190 m, fiind poziţionate pe un mal abrupt de cca 150-160 m faţă de albia Nistrului, unităţile de relief au un potenţial de vizibilitate ridicat, axat pe valea fluviului. Zona cea mai fragmentată din acest spaţiu, cu denumirea „Profilul geologic de lângă satul Socola”[2], este parte dintr-o falie tectonică, care a dislocat straturile de roci sedimentare şi a servit ulterior drept culoar pentru valea fluviului Nistru de tip canion. Aflorimentul de roci este reprezentat de calcare stratificate, preponderent de vârstă sarmaţiană (etajul Basarabian) (Nicoară 2016, 51). Ecosistemele tipice acestui sector stâncos, cu procese carstice active, sunt cel *petrofit*, cu vegetaţie arboricolă-arbustiferă, şi cel *cavernicol*, cu prezenţa unor peşteri, grote şi alte forme specifice.

B) Spre vest de canionul Nistrului se desfăşoară un relief de podiş slab înclinat, cu altitudinea absolută de cca 200 m şi maximă de 265 m, modelat în depozite cu alternanţe de argile, nisipuri, material aluvial şi deluvial. Specificul alcătuirii geologice favorizează prezenţa unor orizonturi acvifere, izvoare cu apă potabilă, fântâni şi iazuri, ceea ce denotă prezenţa unor surse sigure de apă. Ecosistemele tipice acestui sector sunt silvostepice (cu masive forestiere de foioase), pe soluri cenuşii şi cernoziomuri.

Prin urmare, microzona Socola oferă un cadru natural prielnic traiului şi activităţii omului, cu condiţii naturale favorabile şi resurse naturale primordiale pentru comunităţile umane: apă potabilă, păduri de foioase cu o biodiversitate bogată, soluri fertile, roci de construcţie (calcar, argilă, nisip, marnă ş.a.).

[1] Acest articol a fost realizat în cadrul proiectului 20.80009.1606.14 „Patrimoniul arheologic din epoca fierului în regiunea Nistrului Mijlociu şi bazinul râului Cogâlnic: cercetare interdisciplinară şi valorificare ştiinţifică”.

[2] Acesta se încadrează în fondul ariilor naturale protejate de stat (nr. 72 din categoria A (geologice şi paleontologice) a monumentelor naturii din *Legea privind fondul ariilor naturale protejate de stat*, nr. 1538 din 25 februarie 1998.



1 2

Fig. 1. Localizarea spaţiului de cercetare în context naţional (1) şi pe harta bazinului Nistrului de Mijloc, detaliu (2) (imagine de A. Asăndulesei).

Istoricul cercetării

Primele cercetări perieghetice în preajma localităţii Socola au fost realizate, în anul 1952, de A. Černyš şi T. Passek, care identifică în această regiune o staţiune din epoca paleoliticului superior (Пассек 1952, 15; Кетрару 1973, 103) şi o aşezare din perioada tripoliană târzie (Пассек 1952, 38; Пассек 1955, 23; Маркевич 1973, 121; Haheu 1993, 32)[3].

Prin cercetările de teren efectuate în anul 1954 de către V. Marchevici, la vest de sat, în apropierea pădurii *Craina*, a fost atestată o aşezare cu urme de locuire, atribuite etapei Tripolie CII, culturii getice şi culturii Sântana de Mureş-Černjahov (Маркевич 1955, 136, 140; Маркевич 1973, 121; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 13; Рикман 1975, 71; Haheu 1993, 32).

În anul 2007, pe promontoriul ce se înalţă la vest de Socola, prin perieghezele realizate, independent, de către I. Ursu şi I. Manzura, urmate, în 2012, de cele ale lui S. Ţerna, a fost descoperită o aşezare cu trei niveluri de locuire, atribuite culturii Cucuteni-Tripolie (Bodean, Ursu 2012; Ţerna, Popovici, Zabolotnîi 2014, 32-35, fig. 2-4).

În anul 2018, în defileul situat la sud-vest de localitate, a fost descoperită fortuit o garnitură de harnaşament pentru caii de tracţiune[4], încadrată în a doua jumătate a sec. VIII a. Chr. (Topal, Vornic 2022).

Noi cercetări de teren în preajma localităţii Socola au fost efectuate, în primăvara anului 2022, de către echipa Centrului de arheologie „Ion Niculiţă" (Universitatea de Stat din Moldova). Ca urmare, au fost verificate siturile cunoscute anterior, totodată, fiind identificate şi unele noi (Zanoci et al. 2022). Astfel, la momentul de faţă, putem vorbi despre prezenţa, în proximitatea localităţii Socola, a şapte aşezări[5] din diferite

[3] Conform *Raportului* din 1952 (Пассек 1952, 15), staţiunea paleolitică este amplasată pe un promontoriu format de malul Nistrului şi o râpă laterală. Cât priveşte aşezarea eneolitică, nu există detalii cu privire la locul descoperirii ei (Пассек 1952, 38).

[4] Piesa a fost transmisă Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (fond PMC 87-140-141). Mulţumim şi pe această cale domnului dr. Denis Topal pentru semnalarea descoperirii, precum şi pentru permisiunea de a utiliza informaţia inedită.

[5] În lipsa unor informaţii mai detaliate despre localizarea siturilor descoperite de T. Passek şi A. Černyš, nu se exclude faptul că locul amplasării lor ar putea coincide cu cel al aşezărilor descoperite în anii 2007 şi 2022.

1

2

3

Fig. 2. Mediul natural în spațiul de cercetare:
1 - canionul Nistrului; 2 - defileul afluentului Nistrului; 3 - Podişul Nistrului.

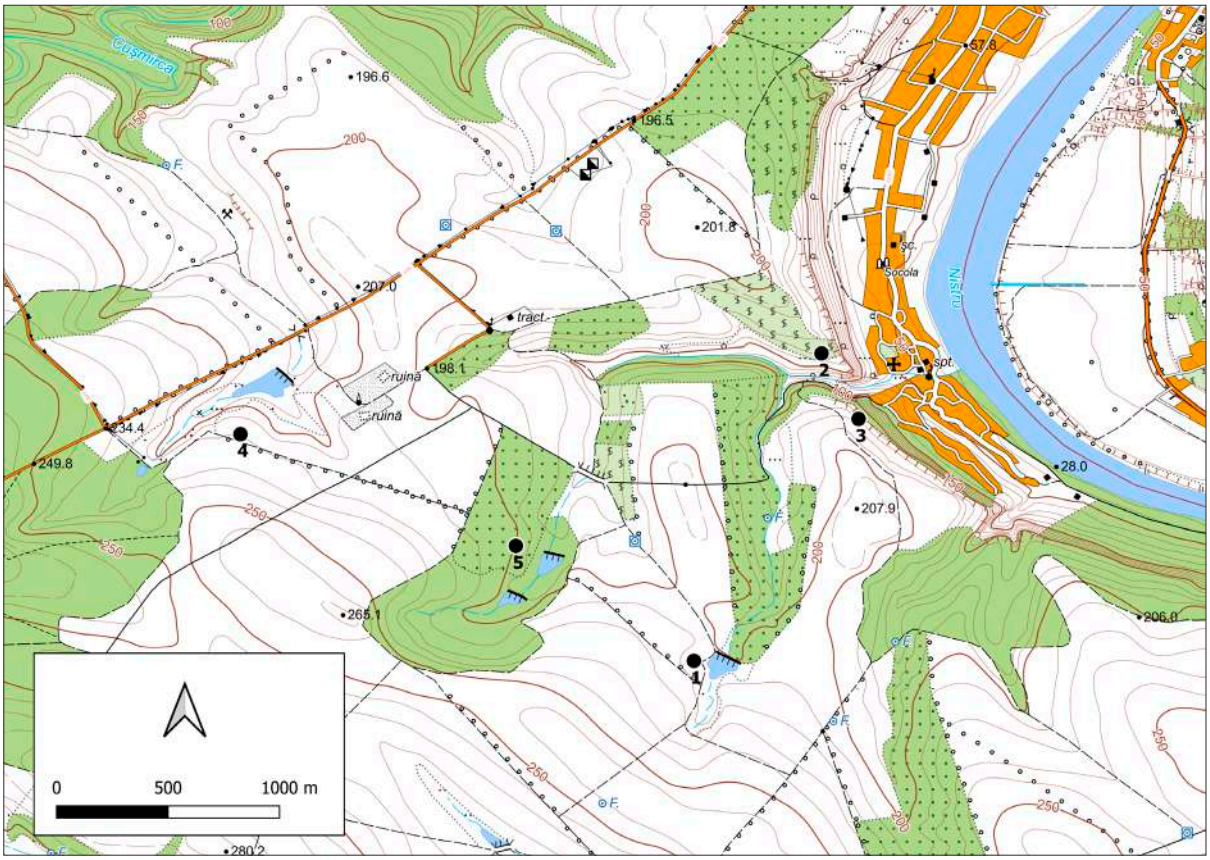


Fig. 3. Localizarea siturilor arheologice pe harta topografică: 1 - Socola I „Craina"; 2 - Socola III; 3 - Socola IV; 4 - Socola V; 5 - Socola VI (sursa imaginii: http://www.geoportalinds.gov.md; http://moldova-map.md).

Tabelul 1

Descoperiri arheologice din raza localităţii Socola

Nr.	Denumire sit	Coordonate	Perioada / cultura	Bibliografie
1.	Socola	Neidentificat	Paleoliticul superior	Пассек 1952, 15; Кетрару 1973, 103
2.	Socola I „Craina"	47°53′20.42″N 28°48′11.02″E	Cucuteni-Tripolie Getică Sântana de Mureş-Černjahov	Маркевич 1955, 136, 140; Маркевич 1973, 121; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 13; Рикман 1975, 71; Свод 1987, 862; Haheu 1993, 32; Zanoci et al. 2022
3.	Socola II	Neidentificat	Cucuteni-Tripolie	Пассек 1952, 38; Пассек 1955, 23; Маркевич 1973, 121; Haheu 1993, 32
4.	Socola III	47°54′26.73″N 28°48′38.57″E	Cucuteni-Tripolie Getică	Bodean, Ursu 2012; Ţerna, Popovici, Zabolotnîi 2014, 32-35, fig. 2-4; Zanoci et al. 2022
5.	Socola IV	47°54′12.61″N 28°48′46.57″E	Cucuteni-Tripolie Getică	Zanoci et al. 2022
6.	Socola V	47°54′9.30″N 28°46′33.11″E	Cucuteni-Tripolie Getică	Zanoci et al. 2022
7.	Socola VI	47°53′45.22″N 28°47′32.57″E	Sântana de Mureş-Černjahov	Zanoci et al. 2022
8.	Socola, descoperire fortuită	47°53′46.14″N 28°49′15.01″E	Prescitică	Topal, Vornic 2022

perioade istorice, precum şi despre o descoperire fortuită (fig. 3; tab. 1).

Plecând de la scopul cercetării noastre, în rândurile ce urmează ne vom referi la rezultatele perieghezelor la siturile cu nivel de locuire getic.

Aşezarea **Socola I „Craina”** este situată la o depărtare de cca 1,4 km vest de la malul Nistrului şi cca 0,60-0,80 km est de pădurea *Craina* (fig. 3; 4/1). Ea este amplasată pe malul de nord-vest al unui iaz, pe o pantă uşor înclinată, cu expoziţie sud-estică. Aici, deopotrivă cu ceramica atribuită culturilor Cucuteni-Tripolie şi Sântana de Mureş-Černjahov, au fost descoperite şi 26 de fragmente caracteristice culturii getice, care se concentrează pe o suprafaţă de cca 200×150 m. Cioburile încadrate în cea de-a doua epocă a fierului au făcut parte din recipiente modelate cu mâna din pastă de lut cu degresanţi de şamotă. Arderea lor neuniformă a conferit vaselor o culoare ce variază de la cărămiziu la cenuşiu. Printre ceramica recuperată se evidenţiază două fragmente de la vase de provizii (fig. 4/2, 4), similare celor din nivelurile de locuire getică de la Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 130/5, 6), Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 14/12), Mateuţi „La Başne” (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XXXIX/2) etc. De asemenea, se remarcă şi două fragmente de la vase în formă de clopot, decorate cu proeminenţe aplatizate (fig. 4/3, 5), astfel de recipiente fiind răspândite pe larg în siturile getice din regiunea Nistrului Mijlociu (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 127/4, 5; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 157/2, 3; Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XXIII/3), precum şi în alte teritorii locuite de aceste comunităţi (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 87/1, 8; Munteanu, Iarmulschi 2007, fig. 4/7, 8; etc.).

Situl **Socola III** este amplasat pe un promontoriu de formă quasi-triunghiulară, format între malul înalt al Nistrului şi un defileu (fig. 3; 5/1, 2). În prezent, acesta se înalţă cu cca 150 m faţă de albia fluviului, având latura de est - nord-est abruptă, practic, inaccesibilă, iar cea de sud – sud-vest fiind mai domoală. Singura cale lesnicioasă de acces pe teritoriul sitului se află spre nord – nord-vest. Pe promontoriu, după cum s-a menţionat, în urma cercetărilor din 2007 şi 2012 (Bodean, Ursu 2012; Ţerna, Popovici, Zabolotnîi 2014, 32-35), au fost atestate trei niveluri de locuire atribuite culturii Cucuteni-Tripolie, nefiind menţionată şi prezenţa unor fragmente ceramice din perioada

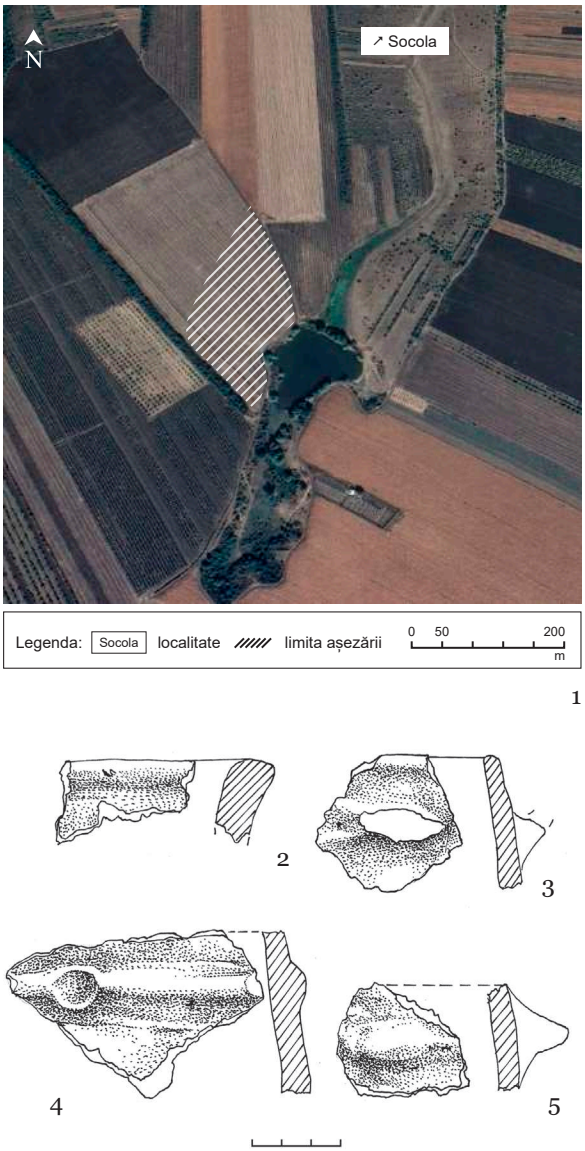
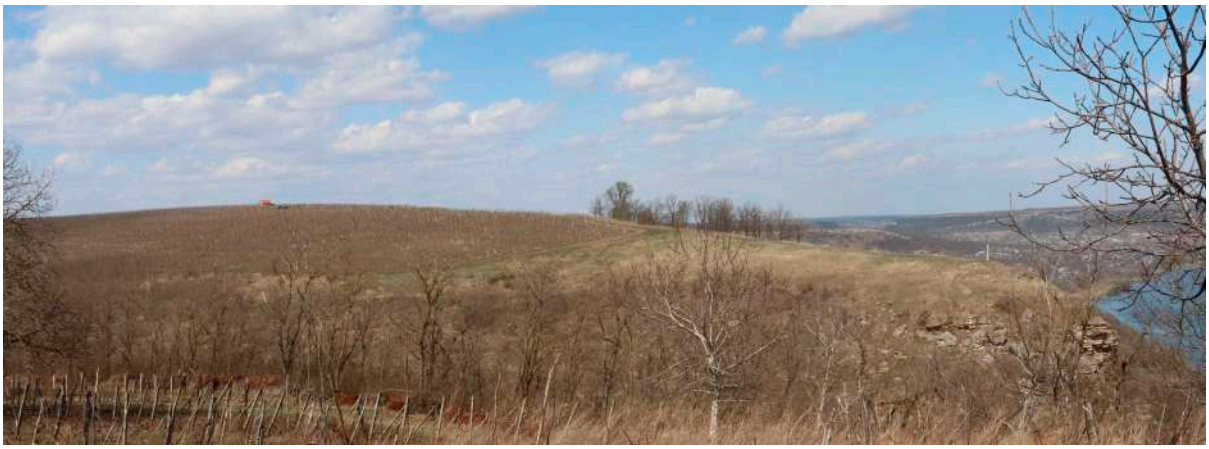


Fig. 4. Socola I „Craina”: 1 - imagine satelitară Google Earth (2022), cu marcarea limitei sitului; 2-5 - fragmente ceramice colectate de la suprafaţă.

getică. Cercetările din anul 2022 însă au scos în evidenţă, de rând cu cele eneolitice, şi unele artefacte caracteristice culturii getice.

Plecând de la locul strategic al amplasării acestui sit, au fost verificate imaginile satelitare, precum şi configuraţia terenului, în vederea existenţei unor elemente defensive artificiale. Astfel, pe o imagine satelitară Google Earth din septembrie 2005[6] au fost sesizate urmele unei linii defensive, uşor arcuite, care întretaie promontoriul de la

[6] Imagine realizată până la plantarea viţei-de-vie pe suprafaţa promontoriului.



1

2

3

Fig. 5. Socola III: 1 - vedere generală asupra sitului arheologic; 2 - imagine satelitară Google Earth (2005), cu marcarea limitei sitului şi a conturului liniei defensive; 3 - vestigiile actuale ale sistemului defensiv de pe latura de sud.

nord-vest spre sud-est pe o lungime de cca 200 m. Însă, în urma verificărilor pe teren, acestea nu au mai putut fi observate, din cauza plantării aici a viţei-de-vie. În schimb, pe marginea de sud – sud-vest, unde panta defileului este mai domoală, a fost descoperit un val de pământ, care are în prezent lăţimea, la bază, de cca 2 m şi înălţimea de cca 0,60 m (fig. 5/3). El poate fi urmărit pe o lungime de aproximativ 270 m, începând cu locul joncţiunii cu anomalia sesizată pe ortofotoplan şi până la capătul promontoriului. Astfel, plecând de la aceste informaţii preliminare, precum şi de la analogiile bine documentate în microzona Saharna (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016; Zanoci, Niculiţă, Băţ 2019), se poate presupune existenţa unei fortificaţii pe promontoriul de la Socola. Aceasta, cu o suprafaţă de cca 3 ha, putea fi apărată pe laturile de nord – nord-vest şi sud – sud-vest prin intermediul unor construcţii defensive, iar pe cea de est – nord-est – de malul abrupt al Nistrului. Din presupusa incintă a fortificaţiei au fost recuperate o fusaiolă şi 38 de fragmente de ceramică de factură getică.

Fusaiola (fig. 6/1) a fost confecţionată din pastă de lut cu degresanţi de şamotă, având arderea incompletă şi neuniformă, culoarea variind de la cafeniu la cenuşiu-închis. Piesa are formă bitronconică, cu înălţimea de 4 cm, diametrul mare – de 3 cm, diametrul bazelor – de 1,20 cm şi al orificiului – de 0,70 cm.

Printre fragmentele de ceramică se evidenţiază: o buză de strachină (fig. 6/2), două buze de oală (fig. 6/3, 4), fragmente de pereţi de la vase decorate cu proeminenţe aplatizate (fig. 6/5, 6) sau brâie alveolate (fig. 6/7). Fragmente similare sunt frecvent întâlnite în nivelurile de locuire getică de la Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008,

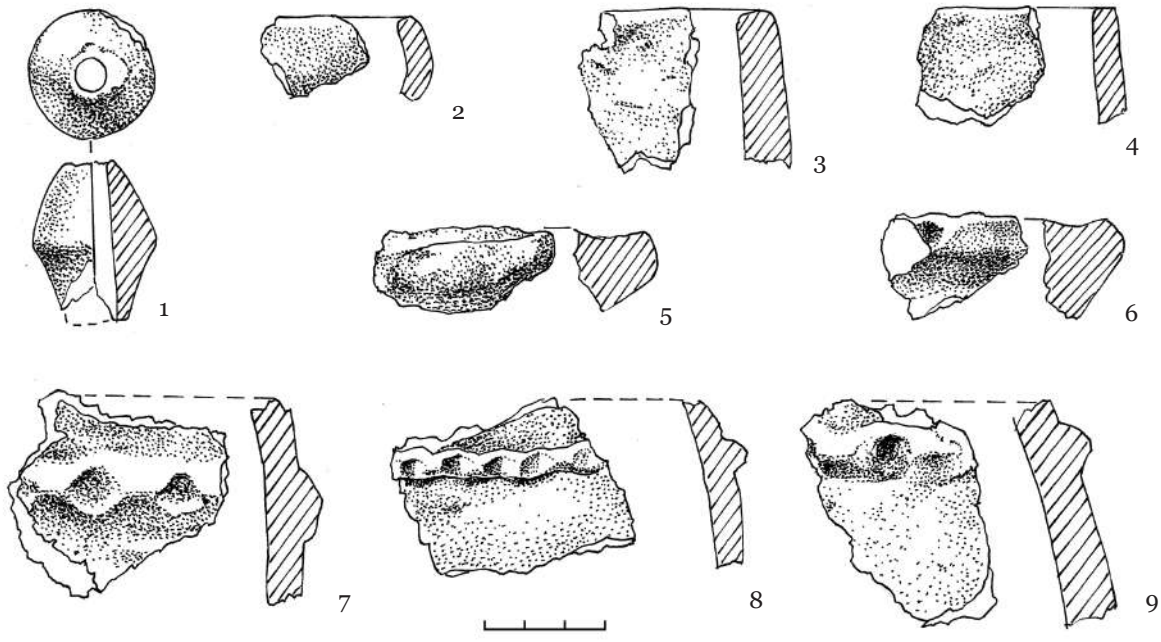


Fig. 6. Artefacte descoperite pe suprafața sitului Socola III.

fig. 93/9, 10; fig. 136/3-5; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 126/13-15), Saharna „La Șanț" (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 228/6, 8, 9), Mașcăuți „Dealul cel Mare" (Zanoci 2004, fig. 20/11-16) etc.

Fragmente ceramice getice (cca 30) au fost descoperite și la nord-vest de linia defensivă, pe o suprafață de cca 150×100 m (fig. 6/8, 9), ceea ce indică asupra existenței unei locuiri *extra muros*.

Situl **Socola IV** este amplasat vizavi de fortificația Socola III, pe malul de sud al defileului (fig. 3). Aici au fost documentate două niveluri de locuire: unul aparținând culturii Cucuteni-Tripolie și altul – culturii getice. Ceramica eneolitică este concentrată în partea centrală a platoului, pe o suprafață de cca 400×150 m, iar cea getică – pe marginea de nord-est a promontoriului, care se înalță aici cu cca 150 m față de albia Nistrului. În acest spațiu, atât pe ortofotoplan[7], cât și pe teren, pot fi urmărite vestigiile unui val, care închid o incintă de formă semirotundă, cu dimensiunile de cca 80×40 m (fig. 7/1). Cel mai bine valul s-a păstrat pe latura de vest – sud-vest, având în prezent lățimea, la bază, de cca 3,0-4,0 m și înălțimea de cca 0,40-0,50 m. În urma perieghezelor de pe suprafața incintei, au fost recoltate 17 fragmente de ceramică, lucrată cu mâna, caracteristică sortimentului ceramic getic.

Spre sud-est, incinta a fost flancată de o așezare, pe a cărei suprafață (cca 200×120 m) au fost descoperite o lustruitoare și cca 80 de fragmente de ceramică.

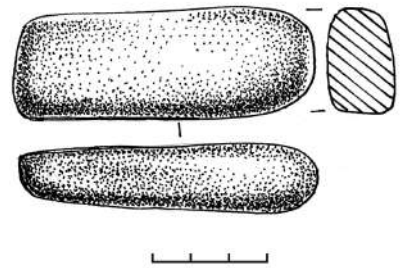
Lustruitoarea (fig. 7/2, 3), confecționată din piatră de râu, are forma quasi-elipsoidală, cu lungimea de 7,60 cm, lățimea – de 2,80 cm și grosimea – de 1,50-1,80 cm. Șlefuirea unei laturi, precum și adânciturile de la degete pe părțile laterale, denotă o utilizare intensă a acestei piese.

Dintre fragmentele ceramice se remarcă: buze de străchini (fig. 7/9, 10), buze și pereți cu decor în relief de la oale (fig. 7/7, 8), precum și fragmente de funduri (fig. 7/11-14) de la vase de diferite forme și dimensiuni. Ceramica recuperată atât în „citadelă", cât și în așezarea adiacentă, este similară celei din siturile getice de la Saharna Mare (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 124/1; fig. 137/1; Niculiță et al. 2019, fig. 42/5), Stohnaia III (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 236/4, 9), Alcedar „La Cordon" (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XXXII/12), Hansca (Никулицэ 1981, рис. 5/4) etc.

[7] Imagine Google Earth Pro din luna august 2012.

1

2



3

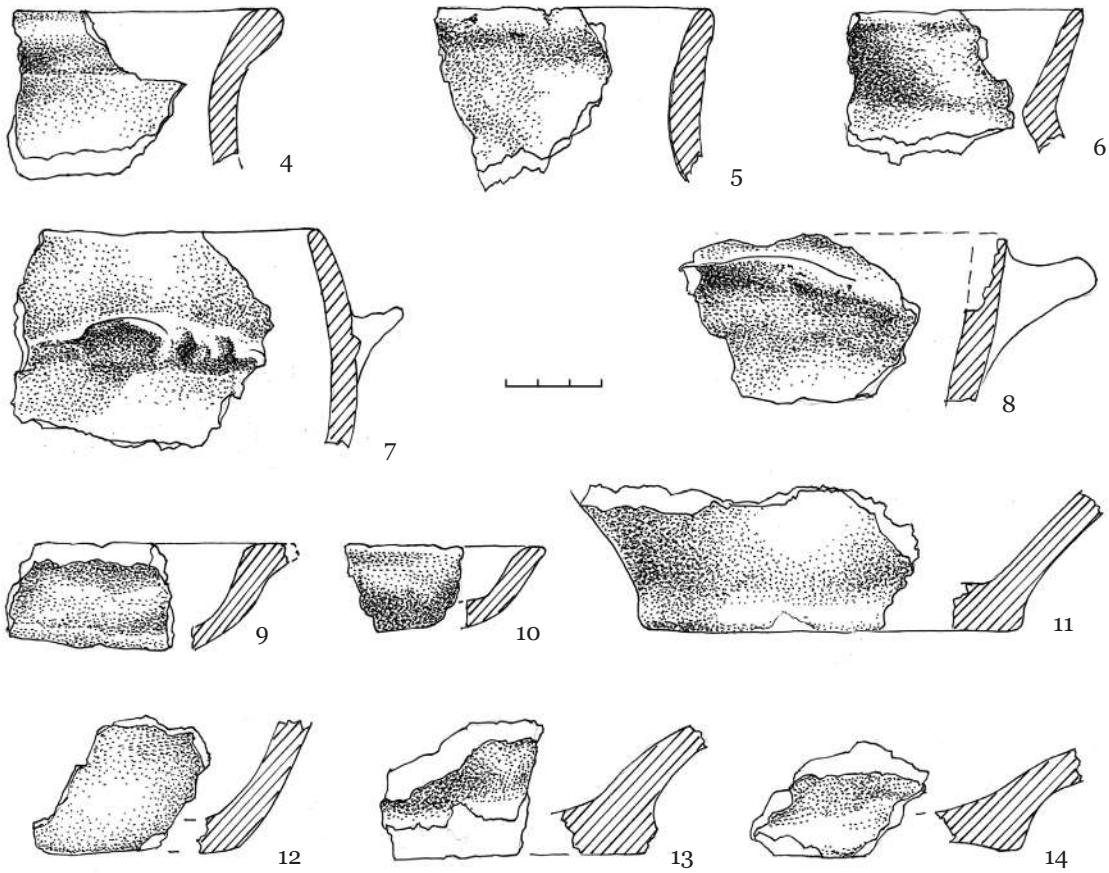


Fig. 7. Socola IV: 1 - imagine satelitară Google Earth (2012), cu marcarea limitei sitului și a conturului liniei defensive; 2-14 - material arheologic colectat de pe suprafața sitului.

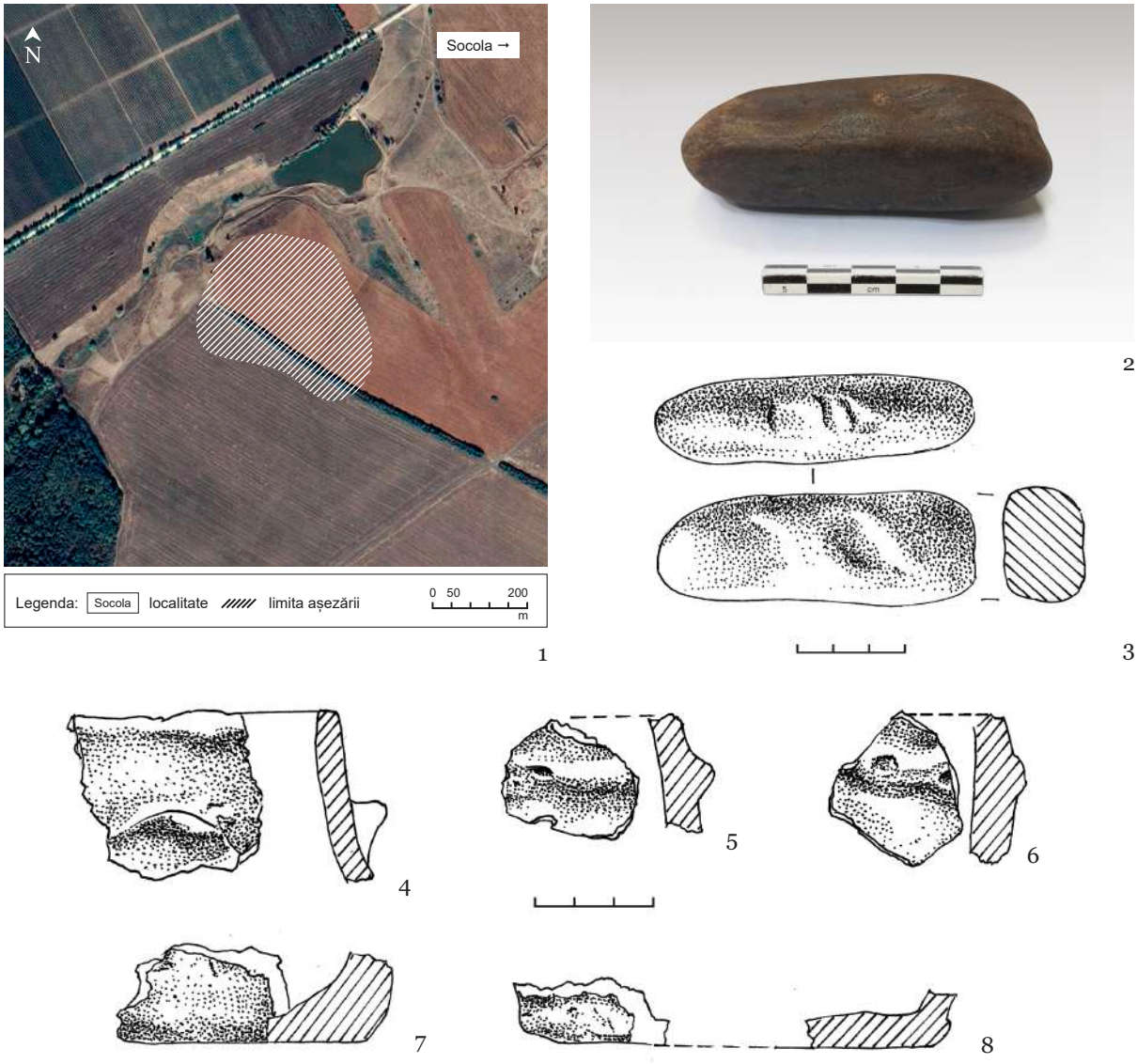


Fig. 8. Socola V: 1 - imagine satelitară Google Earth (2022), cu marcarea limitei sitului; 2-8 - material arheologic colectat de pe suprafaţa sitului.

Aşezarea **Socola V** se află la o distanţă de cca 2,5 km spre vest de malul Nistrului şi cca 0,15 km sud-vest de un iaz (fig. 3; 8/1). Ea ocupă o pantă uşor înclinată, cu expoziţie spre vest. Pe suprafaţa aşezării (cca 350×150 m) au fost descoperite o lustruitoare şi cca 60 de fragmente de la vase ceramice caracteristice culturii getice. *Lustruitoarea* (fig. 8/2, 3), cu forma quasi-elipsoidală, a fost confecţionată din piatră de râu, având lungimea de 8,70 cm, lăţimea – de 3 cm şi grosimea – de 2,40 cm. Pe una din laturi piesa este şlefuită, ca urmare a utilizării îndelungate. De asemenea, pe părţile laterale se observă mici adâncituri, rezultate de la degetele celui care a mânuit această ustensilă. Cioburile de ceramică provin de la vase lucrate cu mâna din pastă de lut cu impurităţi de şamotă. Arderea lor este incompletă şi neuniformă, iar culoarea variază de la cărămiziu la cenuşiu-închis. Printre ele se evidenţiază: un fragment de la un vas, decorat sub buză cu o mică proeminenţă aplatizată (fig. 8/4), două fragmente de pereţi, ornamentaţi cu brâie alveolate (fig. 8/5, 6), precum şi două fragmente de fund (fig. 8/7, 8). Astfel de recipiente au o largă răspândire în siturile getice atât din regiunea Nistrului Mijlociu (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XXVII/5; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 167/9, 11; fig. 170/8), cât şi din alte teritorii locuite de aceste comunităţi (Никулицэ 1981, рис. 4/10, 11; Zanoci 2004, fig. 19-21).

Fig. 9. Potenţialul de vizibilitate de pe aşezarea Socola III (vedere spre nord-est).

Siturile din preajma satului Socola în contextul sistemului de aşezări din a doua epocă a fierului

Descoperirea aşezărilor fortificate de pe promontoriile de la Socola întăreşte predispoziţiile spaţiale ale comunităţilor epocii fierului din bazinul Nistrului de Mijloc. Aşa cum arată distribuţia siturilor fortificate de-a lungul fluviului, exploatarea avantajelor terenului a urmărit şi extinderea posibilităţilor de control asupra spaţiului limitrof. Analizele de vizibilitate[8] contribuie la descifrarea acestui efort comunitar, căruia îi poate fi atribuit procesul de formare al sistemului de aşezări din a doua epocă a fierului din regiune.

În pofida unui relief destul de fragmentat de culmile înalte ale terasei fluviului, analizele de vizibilitate, realizate anterior, au demonstrat că fortificaţiile din microzona Nistru-Ciorna sunt intervizibile. Acest fapt se datorează, în primul rând, evidenţierii potenţialului de vizibilitate cumulată (Zanoci, Niculiţă, Băţ 2019, 316, fig. 5/1, 4). Cu toate acestea, aceleaşi analize relevă caracterul limitat al acestor observaţii, deoarece s-a constat că fiecare cetate, de la Stroieşti în amonte, comunică vizual doar cu o singură aşezare din apropiere. Se cuvine să amintim aici şi faptul, că recent în microzona Nistru-Ciorna a mai fost descoperită o aşezare cu incintă fortificată – Climăuţii de Jos VIII-*Pe Holm* (Corobcean 2021, fig. 1/2; Corobcean 2022, 44, fig. 1). Astfel, acest punct împreună cu cele două cetăţi din preajma satului Socola întregesc tabloul arealelor de vizibilitate din microzonă. Testul de vizibilitate a arătat că de pe promontoriile de la Socola există o perspectivă excelentă spre nord-est şi sud-est către albia Nistrului, existând contact vizual facil până la cea mai apropiată cataractă a fluviului din amonte (fig. 9) şi, respectiv din aval (fig. 10). În domeniul vizibil al siturilor de la Socola se regăsesc cele două incinte de la Curătura (fig. 11/1-3), amplasate în partea de nord-vest a localităţii omonime. În acelaşi timp, studiul de vizibilitate a relevat posibilităţi limitate de comunicare vizuală cu siturile de pe malul stâng al Nistrului. Se

[8] Analizele de vizibilitate au fost efectuate, plecând de la existenţa unui singur observator cu înălţimea de maxim 4 m şi un câmp vizual de 25 km. Pentru regiunea prezentată în acest articol, intervizibilitatea a fost calculată pe un model digital al terenului la o rezoluţie de 38 metri (SRTM Worldwide Elevation Data (1-arc-second Resolution, SRTM Plus V3), utilizând softul Global Mapper (v.18.0), *Cumulative Viewshed Analysis*.

Fig. 10. Potențialul de vizibilitate de pe așezarea Socola III (vedere spre sud-est).

remarcă doar o posibilă comunicare între cele două cetăți de la Socola și spațiul limitrof așezării de la Rașcov, intervizibilitatea fiind limitată de interpunerea în câmpul vizual a unei terase înalte a Nistrului. De fapt, acest detaliu privind geomorfologia terenului din zonă, reprezintă un impediment în cadrul raporturilor de intervizibilitate, contactele vizuale fiind barate deseori de pinteni de deal.

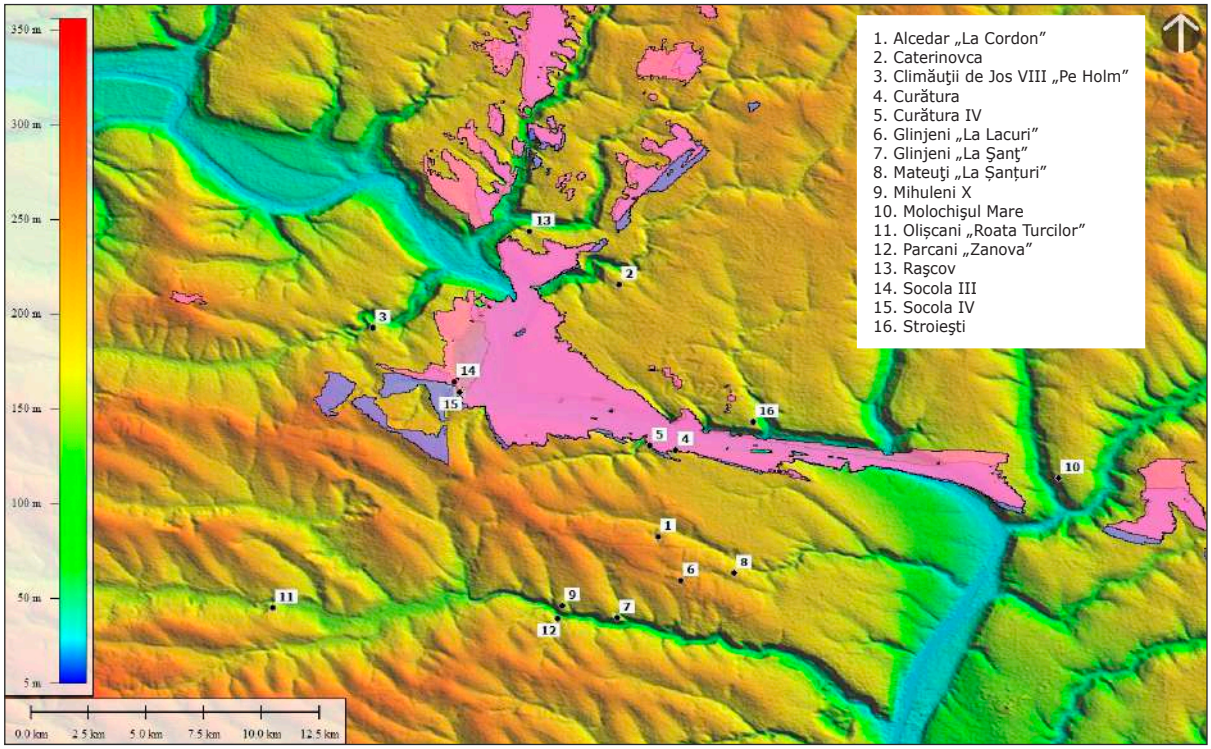
Astfel, în urma analizei de vizibilitate s-a stabilit, că în zona de control a cetăților de la Socola nu se regăsesc siturile de la Caterinovca, Stroiești, de pe malul stâng al Nistrului, precum și Climăuții de Jos VIII-*Pe Holm*, de pe malul drept. În schimb, aveau o legătură vizuală bună cu fortificațiile de pe malul drept al fluviului, Curătura IV și Curătura, amplasate la cca 6 km și, respectiv, 7,50 km spre sud-est de cele de la Socola. Totodată, era posibilă și o concesiune cu spațiul limitrof fortificației de la Rașcov, de pe malul stâng al Nistrului.

Concluzii

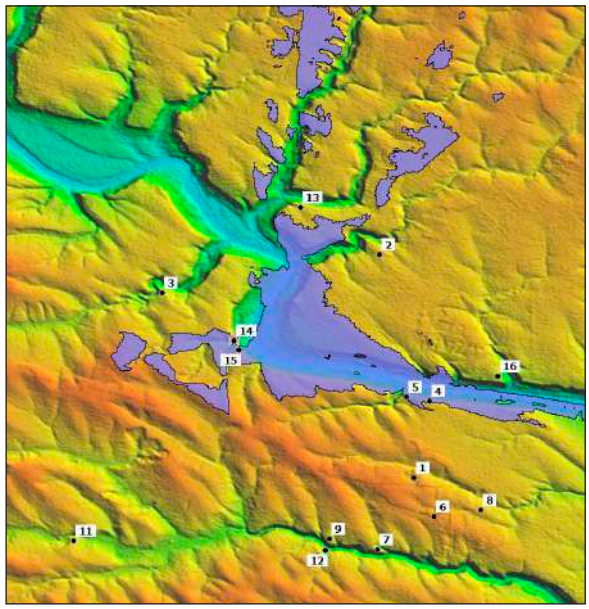
Astfel, ca urmare a cercetărilor din anul 2022 în preajma localității Socola, a fost demonstrată prezența și în acest spațiu a comunităților getice din sec. IV-III a. Chr., a căror locuire aici era documentată doar sporadic. Totodată, rezultatele investigațiilor vin să completeze hiatul dintre siturile getice de la Climăuții de Jos (Corobcean 2021; Corobcean et al. 2022) și Rașcov (Фидельский 2017, 50-52), amplasate mai amonte pe ambele maluri ale Nistrului, și cele din aval, de la Poiana, Alcedar, Curătura, Stroiești ș.a. (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, 120-122).

De asemenea, modul de distribuire a fortificațiilor Socola III și Socola IV pe ambele maluri ale defileului este similar celui atestat în microzonele Saharna și Horodiște-Țipova. De exemplu, în microzona Saharna, o astfel de amplasare o au cetățile Stohnaia III și Stohnaia IV, precum și Saharna „Hulboaca" și Buciușca (Niculiță, Zanoci, Băț 2016, 388-396, fig. 273, 276), iar în microzona Horodiște-Țipova – Buciușca II și Țipova IV (Zanoci, Niculiță, Băț 2015, fig. 2).

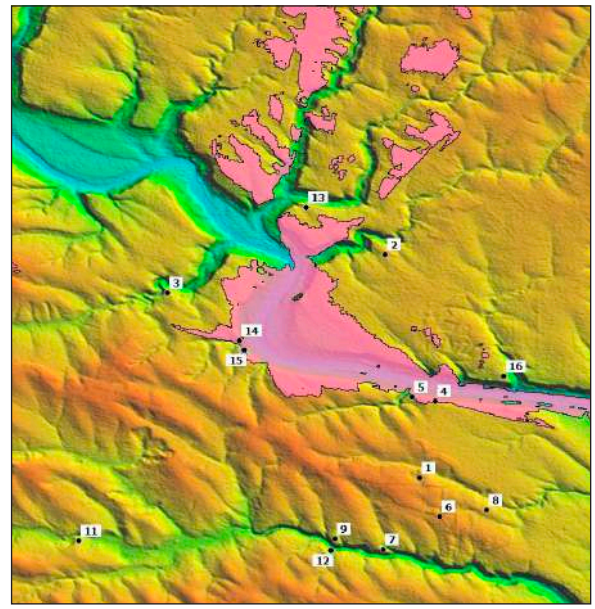
Probabil, și fortificațiile de la Socola aveau misiunea de a apăra și controla mișcările dinspre Nistru, ce puteau fi făcute doar prin respectivul defileu, având în vedere că malul fluviului în această regiune este, practic, inaccesibil.



1



2



3

Fig. 11. Analize de vizibilitate: 1 - potenţialul cumulat pentru aşezările fortificate de la Socola; 2 - din punctul Socola III; 3 - din punctul Socola IV.

Bibliografie

Bodean, Ursu 2012: S. Bodean, I. Ursu, Socola – o staţiune pluristratificată a culturii Cucuteni-Tripolie din bazinul Nistrului. Revista Arheologică s.n. VIII/1-2, 2012, 113-117.

Corobcean 2021: A. Corobcean, Cercetările arheologice la situl fortificat din epoca fierului Climăuţii de Jos VIII - Pe Holm în anul 2020. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2020. Sesiunea Naţională de Rapoarte (16 aprilie 2021). Program. Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2021), 53-55.

Corobcean 2022: A. Corobcean, Cercetările arheologice la situl Climăuţii de Jos VIII-pe Holm (r-nul Şoldăneşti) în anul 2021. In: Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2021. Sesiunea Naţională de Rapoarte (20 aprilie 2022). Program. Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2021), 44-46.

Corobcean et al. 2022: A. Corobcean, I. Ciobanu, I. Briceag, A. Nicolaescu, Consideraţii preliminare privind situl fortificat din epoca fierului Climăuţii de Jos VIII „Pe Holm" (r-nul Şoldăneşti, R. Moldova). In: Conferinţa „Arheologie interdisciplinară. Metode, studii, rezultate" (15-17 august 2022, Orheiul Vechi) (Chişinău 2022), 99-100.

Haheu 1993: V. Haheu, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Şoldăneşti (Chişinău 1993). Arhiva MNIM, inv. nr. 38.

Kašuba, Haheu, Leviţki 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Leviţki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (Bucureşti 2000).

Munteanu, Iarmulschi 2007: O. Munteanu, V. Iarmulschi, Preliminarii privind fortificaţia de la Horodca Mică. Tyragetia s.n. I/1, 2007, 279-286.

Nicoară 2016: I. Nicoară, Profilul geologic de lângă satul Socola. In: A. David, V. Pascari, I. Nicoară, A. Begu, M. Sandu, A. Ursu, Gh. Postolache, Ariile naturale protejate din Moldova. Vol. 1: Monumente ale naturii: geologice, paleontologice, hidrologice, pedologice (Chişinău: Ştiinţa 2016), 51.

Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (Bucureşti 2002).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chişinău 2008).

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chişinău 2016).

Niculiţă et al. 2019: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, V. Dulgher, Investigaţiile arheologice la situl Saharna Mare / „Dealul Mănăstririi", raionul Rezina (2017-2019). Tyragetia s.n. XIII/1, 2019, 253-322.

Topal, Vornic 2022: D. Topal, V. Vornic, O piesă de harnaşament de la un car din perioada prescitică, descoperită la Socola (r-nul Şoldăneşti). Arheologia preventivă în Republica Moldova V (in print).

Ţerna, Popovici, Zabolotnîi 2014: S. Ţerna, S. Popovici, R. Zabolotnîi, Noi date despre siturile Tripolye BII / CI, CI şi CII din Republica Moldova. Memoria Antiquitatis XXIX-XXX (2013-2014), 2014, 31-87.

Zanoci 2004: A. Zanoci, Traco-geţii din bazinul Răutului Inferior. Cetatea Măscăuţi „Dealul cel Mare". In: (Eds. I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ) Thracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II (Chişinău 2004), 45-81.

Zanoci, Băţ 2011: A. Zanoci, M. Băţ, Spreading of sites of XIIth/XIth - IIIrd centuries B.C. in the Middle Dniestr basin. In: Carpatica, 40 (Užgorod 2011), 15-39.

Zanoci, Băţ 2020: A. Zanoci, M. Băţ, Landscape and settlements in the southern part of the Middle Dniester region in the 4th-3rd centuries B.C. In: (Ed. P. Łuczkiewicz) Landschaft und Siedlungen. Archäologische Studien zur vorrömischen Eisenzeit- und älteren Kaiserzeit im Mittel- und Südost Europa (Lublin 2020), 152-173.

Zanoci et al. 2022: A. Zanoci, M. Băţ, V. Dulgher, V. Chitic, D. Cuculescu, Cercetări perieghetice în preajma satului Socola, raionul Şoldăneşti. In: Sesiunea ştiinţifică a Departamentului Istoria Românilor, Universală şi Arheologie (Chişinău, 27 mai 2022). Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2022), 27-28.

Zanoci, Niculiţă, Băţ 2015: A. Zanoci, I. Niculiţă, M. Băţ, Fortifications and open settlements of the 1st millennium BC in the micro-zone of Horodişte-Ţipova. In: (Eds. A. Zanoci, P. Ettel, M. Băţ) Fortified sites from the 1st millennium BC in Central and South-Eastern Europe. Materials of the Moldovan-Romanian-German Colloquium (Saharna, July 24th-26th, 2014) (Chişinău 2015), 81-100.

Zanoci, Niculiţă, Băţ 2019: A. Zanoci, I. Niculiţă, M. Băţ, On the Guard of the Eastern Border of the Getic World: Fortified Sites in the Middle Dniester Basin. In: (Eds. V. Sîrbu, C. Schuster, D. Hortopan) Border guards of the passes, from the fortresses and the graves: the Bronze and Iron Ages: proceedings of the 17th international colloquium of funerary archaeology, Târgu Jiu, Gorj County (Romania), 4th-7th October 2018 (Brăila 2019), 313-340.

Кашуба 2000: М. Кашуба, Ранее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.

Кетрару 1973: Н.А. Кетрару, Памятники эпох палеолита и мезолита. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 1 (Кишинев 1973).

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В.Л. Лапушнян, И.Т. Никулицэ, М.А. Романовская, Памятники раннего железного века. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 4 (Кишинев 1974).

Маркевич 1955: В.И. Маркевич, Археологические памятники в бассейне нижнего течения реки Черна. Известия МФ АН СССР № 5(25), 1955, 131-145.

Маркевич 1973: В.И. Маркевич, Памятники эпох неолита и энеолита. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 2 (Кишинев 1973).

Никулицэ 1981: И.Т. Никулицэ, Гальштаттское поселение в Ханском микрорайоне. В сб.: АИМ (1974-1976 гг.) (Кишинёв 1981), 95-117.

Пассек 1952: Т.С. Пассек, Отчет о работах Молдавской археологической экспедиции в 1952 г. (Кишинёв 1952). Arhiva MNIM, inv. nr. 369.

Пассек 1955: Т.С. Пассек, Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре. Известия МФ АН СССР № 5(25), 1955, 15-29.

Рикман 1975: Э.А. Рикман, Памятники сарматов и племен черняховской культуры. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 5 (Кишинев 1975).

Свод 1987: Свод памятников истории и культуры Молдавской ССР. Северная зона. Макет (Кишинев 1987).

Фидельский 2017: С. Фидельский, Городища железного века на левобережье Среднего Днестра / Fortified settlements of the Iron Age on the left bank of the Middle Dniester. In: (Eds. A. Zanoci, V. Sîrbu, M. Băţ) Iron Age fortifications on the Tisa-Dniestr spase. Proceedings of Saharna Summer Colloquium (July 14th-17th, 2016) (Chişinău-Brăila 2017), 47-64.

The Getic habitation in the area of Socola village (Şoldăneşti district, Republic of Moldova)

Keywords: Middle Dniester Basin, Late Iron Age, settlements, fortifications, pottery.

Abstract: Until recently, on the high terrace of the Dniester in the area of Socola village, only one site with traces of Iron Age habitation was known (point "Craina"). In the spring of 2022, a team of researchers from the Ion Niculiţă Archaeological Center of the Moldova State University carried out new field surveys in the area, which resulted in the discovery of three more Late Iron Age sites. Thus, two fortifications (Socola III and Socola IV) with settlements in the immediate vicinity were discovered on the two promontories that rise above the Dniester riverbed by about 150-160 m. Two other settlements, Socola I "Craina" and Socola V, are located to the west, at a distance of about 1.40 km and 2.50 km, respectively. As a result of surface surveys, materials, especially pottery sherds, characteristic of the Getic culture were collected from the surface of the sites, which makes it possible to attribute this "agglomeration" of settlements to the 4th-3rd centuries BC. Such an arrangement of fortifications and nearby settlements dating back to that period is often found in the Middle Dniester Basin, especially in the Saharna microregion.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the research area in the national context (1) and on the map of the Middle Dniester basin, detail (2) (image by A. Asăndulesei).

Fig. 2. Environmental conditions in the research area: 1 - the Dniester canyon; 2 - the gorge of the Dniester tributary; 3 - the Dniester Plateau.

Fig. 3. Location of the archaeological sites on the topographical map: 1 - Socola I "Craina"; 2 - Socola III; 3 - Socola IV; 4 - Socola V; 5 - Socola VI (image source: http://www.geoportalinds.gov.md; http://moldova-map.md).

Fig. 4. Socola I "Craina": 1 - Google Earth satellite image (2022) with area of the site; 2-5 - pottery sherds collected from the surface.

Fig. 5. Socola III: 1 - general view of the archaeological site; 2 - Google Earth satellite image (2005) with area of the site and defensive line; 3 - remains of the defensive system on the south side.

Fig. 6. Artifacts found on the surface of the Socola III site.

Fig. 7. Socola IV: 1 - Google Earth satellite image (2012) with area of the site and defensive line; 2-14 - archaeological material collected from the surface of the site.

Fig. 8. Socola V: 1 - Google Earth satellite image (2022) with area of the site; 2-8 - archaeological material collected from the surface of the site.

Fig. 9. Visibility potential from the Socola III settlement (view to the northeast).

Fig. 10. Visibility potential from the Socola III settlement (view to the southeast).

Fig. 11. Visibility analyses: 1 - cumulative potential of the Socola fortified settlements; 2 – from the Socola III point; 3 - from the Socola IV point.

Table 1. Archaeological finds the area of the Socola settlement.

Гетские поселения в районе села Сокола (Шолдэнештский р-н, Республика Молдова)

Ключевые слова: Среднее Поднестровье, поздний железный век, городища, поселения, керамика.

Резюме: До недавнего времени на высокой террасе Днестра в окрестностях села Сокола был известен только один памятник с культурным слоем железного века («Краина»). Весной 2022 года группа исследователей из Археологического центра им. Иона Никулицэ Молдавского Государственного университета провела новые полевые исследования в этом районе, в результате которых были выявлены еще три памятника позднего железного века. Так, на двух мысах, возвышающихся над руслом Днестра примерно на 150-160 м, были обнаружены два городища (Сокола III и Сокола IV) с открытыми поселениями в непосредственной близости от них. Два других поселения, Сокола I «Краина» и Сокола V, расположены западнее, на расстоянии около 1,40 км и 2,50 км соответственно. В результате археологических разведок с поверхности памятников были собраны материалы, особенно керамика, характерная для гетской культуры, что позволяет отнести это «скопление» поселений к IV-III векам до н.э. Такое расположение укреплений и близлежащих поселений, относящихся к тому периоду, часто встречается в среднем течении Днестра, особенно в микрозоне Сахарна.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение исследуемого пространства в масштабе страны (1) и на карте бассейна Среднего Днестра, фрагмент (2) (автор изображения: А. Асэндулесей).

Рис. 2. Ландшафт в районе исследований: 1 - Днестровский каньон; 2 - ущелье притока Днестра; 3 - Днестровское плато.

Рис. 3. Расположение археологических памятников на топографической карте: 1 - Сокола I «Краина»; 2 - Сокола III; 3 - Сокола IV; 4 - Сокола V; 5 - Сокола VI (источник изображения: http://www.geoportalinds.gov.md; http://moldova-map.md).

Рис. 4. Сокола I «Краина»: 1 - спутниковый снимок Google Earth (2022 г.) с обозначением границ памятника; 2-5 - фрагменты керамики, собранные с поверхности.

Рис. 5. Сокола III: 1 - общий вид археологического памятника; 2 - спутниковый снимок Google Earth (2005 г.) с обозначением границ памятника и контура оборонительной линии; 3 - остатки оборонительной системы с южной стороны.

Рис. 6. Артефакты, обнаруженные на поверхности памятника Сокола III.

Рис. 7. Сокола IV: 1 - спутниковый снимок Google Earth (2012 г.) с обозначением границ памятника и контура оборонительной линии; 2-14 - археологический материал, собранный с поверхности памятника.

Рис. 8. Сокола V: 1 - спутниковый снимок Google Earth (2022) с обозначением границ памятника; 2-8 - археологический материал, собранный с поверхности памятника.

Рис. 9. Потенциал видимости с поселения Сокола III (вид на северо-восток).

Рис. 10. Потенциал видимости с поселения Сокола III (вид на юго-восток).

Рис. 11. Анализ видимости: 1 - кумулятивный потенциал укрепленных поселений Соколы; 2 - с точки Сокола III; 3 - с точки Сокола IV.

Табл. 1. Археологические находки из зоны поселения Сокола.

19.09.2022

Dr. Aurel Zanoci, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici , 60, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-3236-7582, e-mail: azanoci@gmail.com

Dr. Mihail Băț, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici , 60, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-6642-2888, e-mail: mb_usm@yahoo.com

Dr. Vitalie Sochircă, Universitatea de Stat din Moldova, str. M. Kogălniceanu, 65A, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0003-3924-2253, e-mail: sochirca1970@gmail.com

Victor Dulgher, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-9024-4599, e-mail: dulghervictor@gmail.com

Vladimir Chitic, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0003-1950-2820, e-mail: chitic.vladimir@usm.md

Daniel Cuculescu, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chișinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0003-4241-1580, e-mail: daniel1998.ccc@gmail.com

«ЦАРСКАЯ ГРОБНИЦА» НЕКРОПОЛЯ ТИРЫ, ОТКРЫТАЯ В 1895 ГОДУ: по документам архива Императорской археологической комиссии и данным картографии[1]

Игорь Сапожников, Майя Кашуба

Гробница, найденная у Аккермана, предлагает предмет, достойный глубокого внимания наук
А.А. Кочубинский (1895 г.)

Ключевые слова: римское время, Белгород-Днестровский (Тира – Аккерман), архив ИАК, «утраченное» дело № 229, «Царская гробница» 1895 г., объекты и погребальные памятники на *кучугурах*, локализация.

Остатки мегалитической гробницы, являющиеся объектом культурного наследия национального значения Украины (Склеп 2009), находятся в г. Белгород-Днестровский (Тира – Аккерман) на берегу лимана. В специальной литературе известно несколько названий памятника: «Царская гробница» (название А.А. Кочубинского – документ 5), Могила Сарматская (см.: Руссев, Пармакли 1999, 362) или Скифская Могила (Склеп 2009).

Предыстория открытия «Царской гробницы»

Гробница, отличающаяся значительными размерами, была открыта в карьере по добыче камня-известняка на территории так называемых *кучугур*[2].

Последние являются песчаными, местами дюновыми отложениями длиной 12-13 км, шириной до 3-4 км, принесенными катастрофическими наводнениями Днестра 32-12 тыс. лет назад. Эту местность в 1657 г. описал Эвлия Челеби как «страшную долину Камр Ал-Кум» (каштановых песков), которая: «Будто песчаное море. Все время из песка вспучивается множество бугров, потом они проваливаются, возникают в другом месте <…> Это – величественное, внушающее ужас зрелище». Тогда здесь находили «стрелы джиннов», «котлы, сковородки, миски, пики» и т.п. (Эвлия 1961, 38-39). Позже на кучугурах стали выращивать виноградники и фруктовые деревья. В 1810-х - 1820-х гг. в основном в северной части урочища насчитывалось до 2000 садов, разведенных греками и армянами, а находки артефактов в них были обычным делом. По словам местного жителя: «Главный археологический интерес [здесь] связан *с сыпучими песками Аккермана*… Если вы спросите любого аккерманского винодела о предметах древностей, то сейчас же получите в ответ, как при рытье ямы для посадки (далдармы) лозы натыкались на громадные плиты, кучи камней, костей и пр.» (Кочубинский 1901, 94).

Крупные и ценные находки чаще встречались при выравнивании дюн-курганов. Так, незадолго до 1848 г. неподалеку от «песчаных наносов или кучугур, <…> по направлению к колонии Шабалат [с. Беленькое], вблизи города, верстах в трех от лимана, в виноградном саду г-на Чавдара, при разрытии кургана найдена колонна из простого мрамора, сильно поврежденная. <…> На ней была греческая надпись, позволяющая датировать находку I ст. от Р.Х. <…> Эта колонна находится теперь в музее Одесского общества. Невдалеке от этого места, поближе к лиману *лежат песчаные наносы или кучугуры*, о которых в народе сохранилось предание, будто бы на этом месте в прежние времена был монастырь» (Уваров 1856, 181). Этот артефакт, действительно, поступил в названный музей (Отчет 1849, 23), но позже его следы теряются. Судя по описа-

[1] М. Кашуба подготовила свою часть исследования в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014).

[2] Здесь и далее курсив наш. – И.С. и М.К.

Рис. 1. Обложка дела № 229 из архива Императорской археологической комиссии (Санкт-Петербург).

нию, место находки следует ориентировочно связать с районом Шабалатской (Аккембетской) дороги, расположенным примерно в 2,2 км к западу от часовни над источником Св. Иоанна Сучавского (рис. 5; 6/3). В 1888 г. аккерманский купец Мержанов под большим секретом сообщил, что «в песковых садах была найдена замечательная царская гробница; что найдено было много золотых украшений и какое-то золотое одеяние; что все это находится в доме у одного армянина на Цыганской магале…» (Кочубинский 1901, 97-98).

В 1890 г. в садах Арнаутовых у Черкессой дороги был выявлен обломок памятника с надписью около 200 г. н.э., а рядом – остатки погребения, исследованные А.А. Матвеевым (Сапожников, Кашуба 2022). После этого, до 1892 г. «в винограднике между Аккерманом и колонией Шабо» нашли нижнюю половину мраморной надгробной плиты с надписью римского времени, которую, ввиду неясности обстоятельств, можно связывать с курганом лишь предположительно (Юргевич 1893, 11-12; Сапожников 2018, 129).

Уже «летом 1894 г. в Аккермане, в саду Д. Кардимиди [Диамандиди], рабочими была открыта древняя гробница, тотчас же ими расхищенная. Гробница была найдена на глубине полуаршина [0,35 м] в виде склепа, сложенного из местного тесаного известняка, прикрытого поперечными истлевшими бревнами. Рабочие, разграбив склеп, камни вынули, а углубление засыпали землей. Узнав о находке гробницы, г. [студент] Яцимирский осмотрел засыпанное место, около которого, среди перегоревших костей, перемешанных с золой и угольями, нашел следующие предметы: кусок расплавленной меди, железный наконечник стрелы, 3 лошадиных зуба, черепок глиняной посуды, кусок стекла, костяную прорезную, с очень изящным узором, пластинку, 2 гипсовых предмета (украшения с саркофага?), одно в виде крылатого сфинкса, другое в форме аканфа, 2 клейменых амфорных ручки с неясными, к сожалению, клеймами. <…> Один из найденных в гробнице сосудов, попавший в руки евреев, оказался лекифом; у того же еврея было несколько монет с надписью TYPA» (Одесские новости 1894, № 2995; Яцимирский 1894, 363).[3]

«Царская гробница» в первичных документах: «утрата» и «находка» архивного дела Императорской археологической комиссии

В течение нескольких лет после открытия были опубликованы описание, обстоятельства находки и частично иллюстрации «Царской гробницы», которая была датирована римским временем (Кочубинский, Штерн 1896; Бертье-Делагард 1900) (документы 16 и 17). С тех пор эти данные мало фигурировали в научной литературе. Вновь обратиться к этой теме нас побудила ситуация детективного характера.

[3] Это первое упоминание о том, что к изучению археологии Юга Бессарабии причастен Александр Иванович Яцимирский (30.08.1873, с. Байрамча – 12.02.1925, Ростов-на-Дону), который учился в школе с. Хынчешть и I-й Кишиневской гимназии (1883-1893); закончил Московский университет (1899 г.); был доктором филологии (1904), приват-доцентом Санкт-Петербургского университета (с 1906 г.); с 1913 г. – проф. Варшавского (с 1915 г. – Донского) университетов, ректором Донского археологического института (с 1920 г.); а с 1922 г. – председателем Донского общества археологии (Матковски 1979; Колин, Стыкалин 2016; и мн. др.).

Зимой 2021-2022 гг. краевед А. Перминов сообщил, что у него оказались фотокопии архивного дела Императорской археологической комиссии (далее ИАК) (рис. 1), полученные по интернету от человека, сфотографировавшего его у «одного херсонского коллекционера». Сначала, после просмотра нескольких страниц, мы решили ознакомиться с оригиналом дела в Рукописном Отделе Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург) (далее РО НА ИИМК РАН), но его там не оказалось! Загадочности ситуации добавлял тот факт, что его не было там уже при архивной сверке 1938 г., о чем гласила соответствующая запись в книге учета. Только прочитав все документы, мы поняли, что дело ИАК № 229 1895 г. было отослано 30.05.1896 г. В.И. Гошкевичу в Херсон (документы 13 и 14), где при невыясненных обстоятельствах оно было «изъято» из Краеведческого музея. Таким образом, основной целью данной статьи является ввод в полноценный научный оборот утраченной информации.

Само дело, которое не имеет сплошной нумерации страниц и сшито с нарушением хронологии, состоит из 16 документов на 19 листах. Один из них (предложение ИАК В.И. Гошкевичу от 30.05.1896 г.) представлен и отпуском, и оригиналом (документы 13 и 14), что подтверждает факт пересылки дела из Санкт-Петербурга в Херсон, где получатель смог вложить в него данное письмо. Среди остальных бумаг находим: переписку ИАК с А.А. Кочубинским (документы 1, 2, 4, 7-9), владельцем земли И.В. Зисманом (документы 10 и 11) и И.В. Гошкевичем (документы 12-14); отчет А.А. Кочубинского (документ 5), отношения к официальным лицам и др. (документы 3, 15 и 6), а также цветные рисунки и чертежи гробницы на двух листах картона, выполненные в поле М.В. Фармаковским (рис. 2 и 3).

«Царская гробница» по материалам архивного дела ИАК

Документы освещают обстоятельства находки и меры по охране склепа в связи с тем, что ему грозило уничтожение. Спасением памятника мы обязаны сообщившему о находке юноше, которого А.А. Кочубинский назвал «родственником и учеником городского училища»[4]. Ход событий, характеристика места и самой гробницы описаны в его заметках «Царская гробница у Аккермана» (документ 5) и в научном отчете (Кочубинский, Штерн 1896; документ 16), что избавляет нас от их детального пересказа.

Итак, 11 сентября А.А. Кочубинский, в сопровождении первооткрывателя, прибыл в район каменоломен, оценил ценность находки, вызвал на место представителя полиции, где был составлен протокол, а владелец карьера купец И.В. Зисман дал подписку об остановке добычи камня (документ 6). В тот же день, уже из Одессы, А.А. Кочубинский телеграфировал в ИАК (документ 1), которая сообщила о случившемся бессарабскому губернатору с просьбой организовать охрану памятника (документ 1) и А.А. Кочубинскому с предложением провести исследования (документ 2), на которое он тотчас согласился (документ 4).

14 сентября, согласовав действия с руководством Одесского общества истории и древностей (далее ООИД), А.А. Кочубинский с проф. Э.Р. фон Штерном (взявшим с собой фотоаппарат), художником М.В. Фармаковским и своим сыном вернулся в Аккерман. Осмотр показал, что склеп со входом с востока был сооружен под песчаным курганом высотой 5 м и был ограблен якобы за несколько дней до этого. Пока остальные занимались фиксацией, руководитель группы осмотрел околицы карьера И.В. Зисмана: на соседнем участке А.З. Асвадурова осмотрел камни из разобранной в 1894 г. аналогичной гробницы и крупный курган на следующем к югу участке Д. Диамандиди (документ 5). Заметим, что вывод об ограблении в ходе обнаружения не подтвержден в упомянутом протоколе от 11 сентября (документ 6). Чтобы не возвращаться к этой теме еще раз, скажем, что в 1900 г. А.Л. Бертье-Делагард обследовал склеп и заключил, что он был вскрыт и разграблен в древности, а также отнес его к I-II вв. н.э. (документ 17). Такая датировка позже подтвердилась, как и для других склепов с распорным полуцилиндрическим сводом (Сон 1993, 97-99).

[4] Его имя осталось неизвестным. Можно было бы допустить, что этим персонажем был А.И. Яцимирский, но он в 1895 г. был студентом университета в возрасте 21 года.

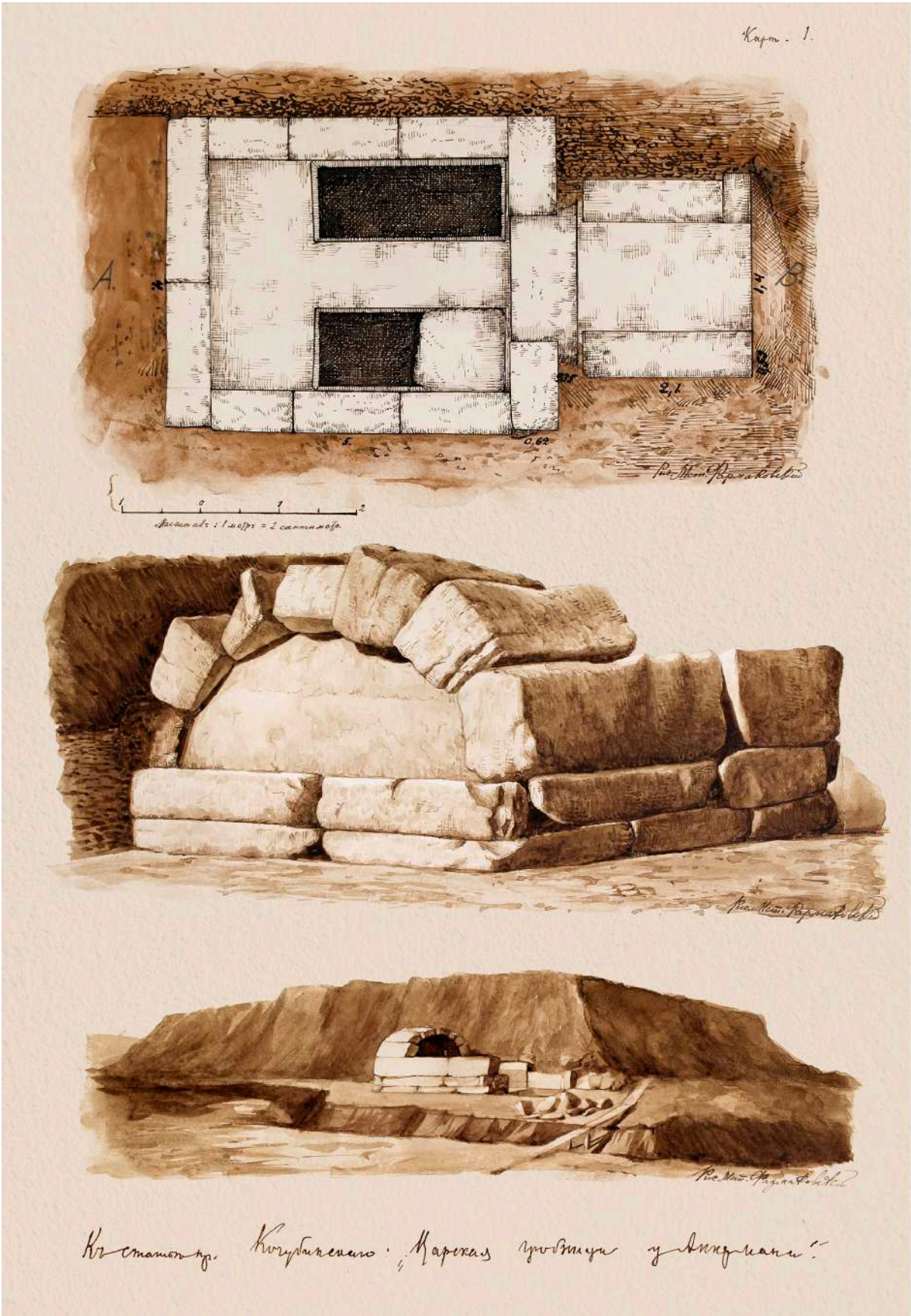


Рис. 2. План и виды «Царской гробницы» (рисунок М.В. Фармаковского, 1895 г.).

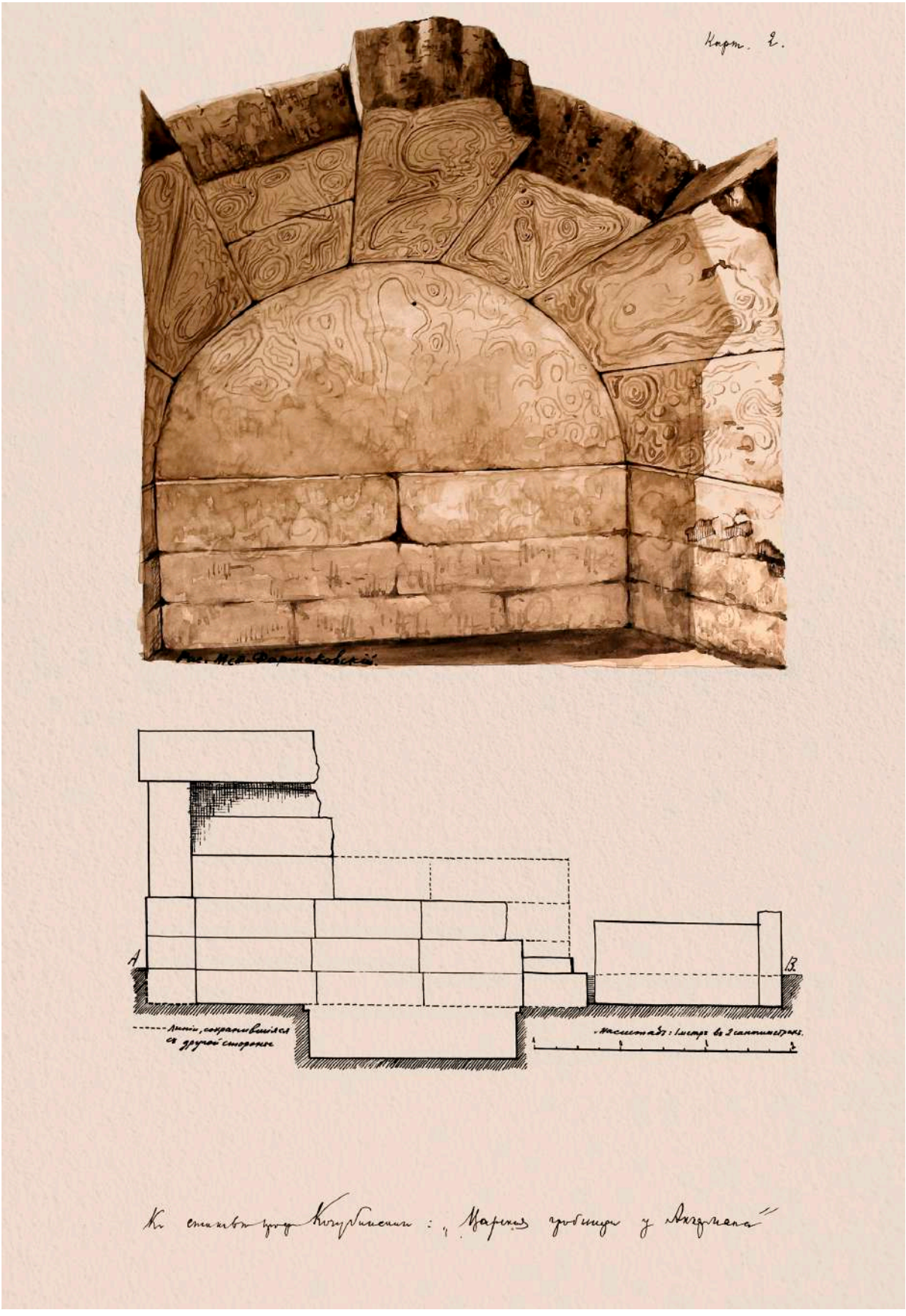


Рис. 3. Внутренний вид и разрез «Царской гробницы» (рисунок М.В. Фармаковского, 1895 г.).

Рис. 4. Карьеры по добыче камня для возведения Одесского порта, вид с востока (фотография К.И. Мигурского, 1869 г.).

После ознакомления с отчетом об осмотре памятника ИАК 16 октября предложила А.А. Кочубинскому провести исследования двух курганов (документ 7), на что он согласился (документ 8), а 22 февраля следующего года отказался (документ 9), впрочем, как и от раскопок кургана Вознесенская Могила у с. Троицкое на левом берегу Днестра (Кашуба, Сапожников 2020). В то же время тема сохранности «Царской гробницы» поднималась ООИД, хотя непонятно в связи с чем. Об этом известно из письма заведующего Аккерманской крепостью В.И. Штулькерца Э.Р. Штерну от 17.02.1896 г.: «Сарматская могила стоит спокойно и не разрушается» (Руссев, Пармакли 1999, 362).

В начале мая 1896 г. И.В. Зисман получил удостоверение, подтверждающее предписание Бессарабского губернатора от 16.09.1895 г. о запрете ломки камня в районе гробницы (документ 10) и сразу же предложил решить проблему путем продажи этого места ИАК (документ 11). После этого Комиссия организовала раскопки остатков склепа и доисследование его окрестностей. Она поручила их В.И. Гошкевичу, выделив 100 руб., а также выслав ему незаконченное архивное дело № 229 (документы 12-15). На этом наличные документы заканчиваются, причем описания работ нет и в других отчетах археолога за 1896 г. Поскольку памятник сохранился до сих пор (рис. 7), можно полагать, что И.В. Зисман мог получить какое-то вознаграждение, но не от ИАК, а от ООИД либо от городских властей Аккермана, впрочем, пока такие документы не известны.

Другие памятники римского времени на кучугурах между Аккерманом и Шабо

Хотя курган близ каменоломни Д. Диамандиди не был раскопан, еще один разрушенный склеп с полуцилиндрическим сводом выявил и доисследовал Л.Д. Димитров в 1950 г. Он находился в 3 км к югу от Белгорода-Днестровского, на краю берега лимана возле совхоза «Салганы» (им. 28 июня, I-е отд.), но не содержал датирующих артефактов (Димитров 1955, 117, 123, рис. 5; Сон 1979). В 1966 г. в 4 км к югу от Аккерманской крепости и в 600 м от берега лимана в карьере случайно была найдена гроб-

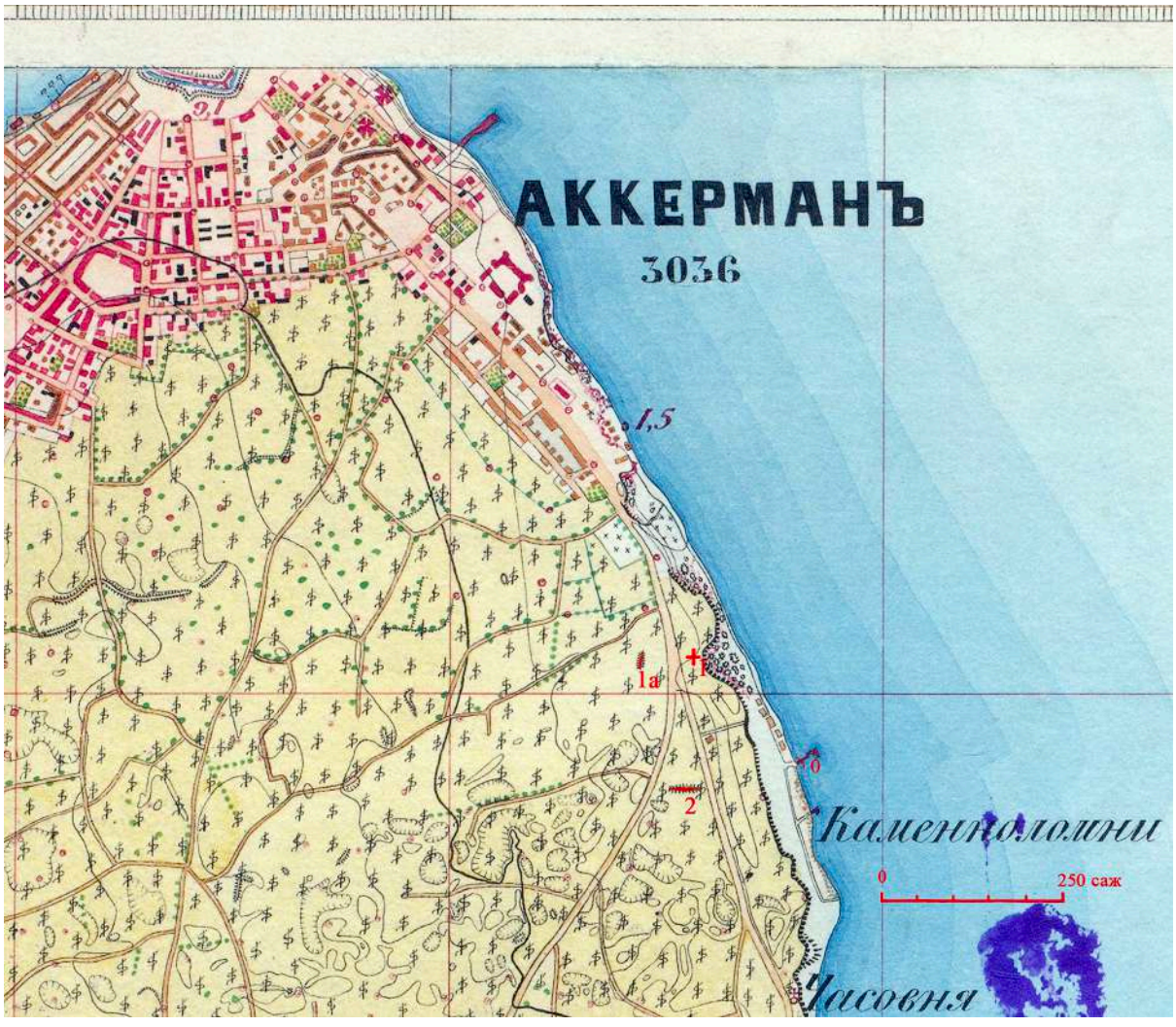


Рис. 5. Район «Царской гробницы» в 1876 г. (лист брульонов «Бессарабская губерния» XXVI-36, М 1 : 21 000); реконструкция. *Условные обозначения:* 0 - место съемки фотографии 1869 г.; 1 - «Царская гробница»; 1а - часть Нижнеднестровского вала; 2 - насыпь на участке Д. Диамандиди.

ница-кенотаф в виде каменного ящика. В ней нашли бронзовый стригиль и бальзамарий, по которым памятник отнесен ко II-III вв. н.э. И.Б. Клейман полагал, что погребения у Салган следует связывать не с Тирой, а с поселениями, расположенными по соседству (Клейман 1978). И, наконец, в 1989 г., также в карьере, в 4,5 км от Тиры и в 2 км от Царской гробницы был случайно выявлен каменный склеп с двускатным перекрытием, датированный по керамике II-III вв. н.э. (Росохацкий, Штербуль 1993).

Таким образом, на кучугурах между Аккерманом и Шабо[5] с 1848 по 1989 гг. выявлено не менее восьми гробниц, два разрушенных погребения и надгробный памятник римского времени. Все они, за исключением одного на Черкесской дороге и двух с неконкретной привязкой «между Аккерманом и Шабо» (см. выше), связаны со сравнительно узкой правобережной полосой Днестровского лимана. Локализацию объектов облегчает то, что сама гробница и часовня над источником Св. Иоанна Сучавского сохранилась до настоящего времени.[6] Кроме того, в нашем распоряжении оказалась копия оригинала листа XXVI-36 из серии брульонов «Бессарабская

[5] Мы не учитываем несколько погребений, выявленных на территории и в непосредственной близости от города Тиры (см.: Криволап 1972; Сон 1979, 100-101, рис. 10; и др.).

[6] Координаты по программе «Гугл-карты»: 46°10’57.8»N 30°22’11.5»E, 46.182726, 30.369864.

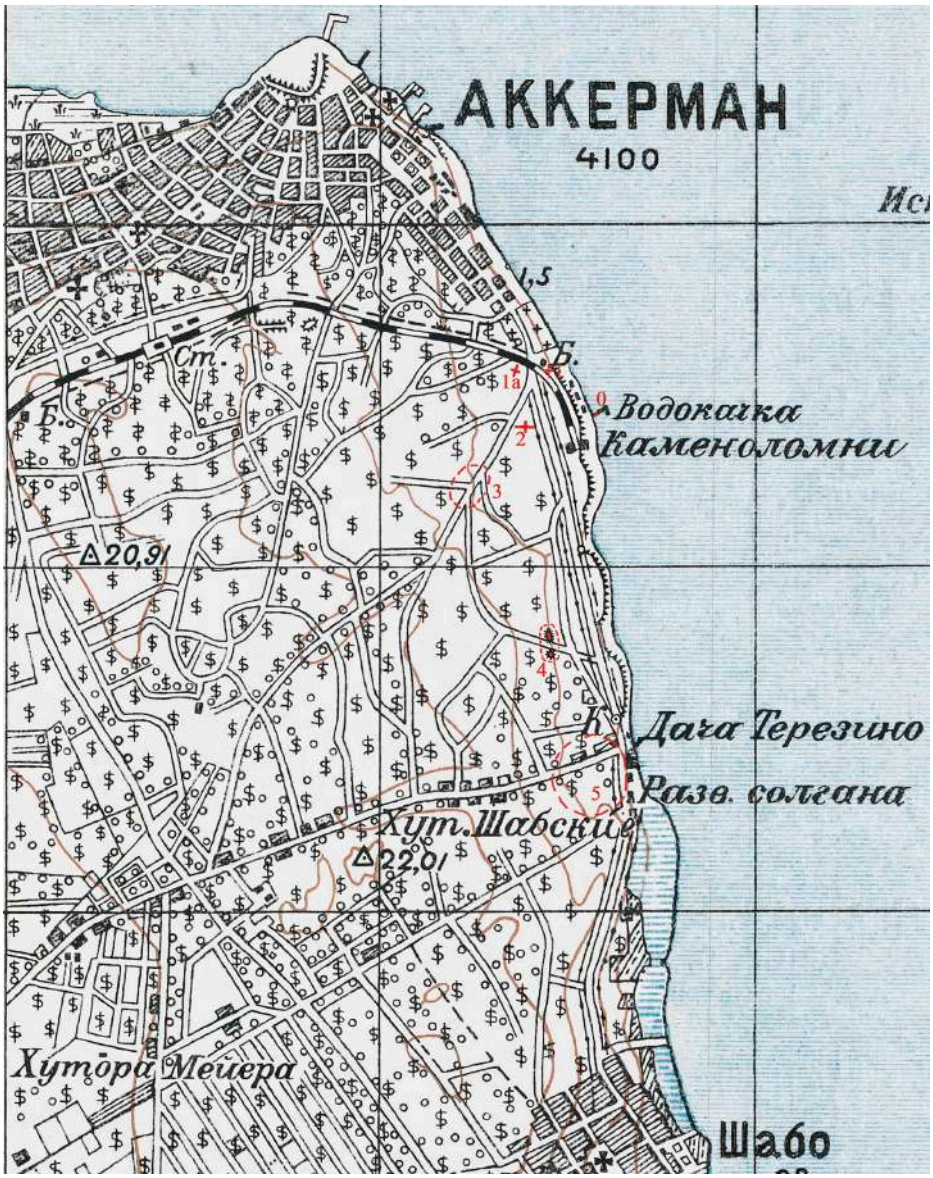


Рис. 6. Объекты римского некрополя Тиры на кучугурах между Аккерманом и Шабо в 1917 г. (лист XLVII-30 «двухверстовой карты»; М 1 : 84 000); реконструкция. *Условные обозначения:* 0 - место съемки фотографии 1869 г.; 1 - «Царская гробница»; 1а - часть Нижнеднестровского вала; 2 - насыпь на участке Д. Диамандиди; 3 - место находки 1848 г.; 4 - два участка Нижнеднестровского вала; 5 - южное «скопление» гробниц римского времени.

губерния»,[7] снятого в 1876 г. (рис. 5), а также фотография каменоломен района, выполненная И.К. Мигурским в 1869 г., когда они, начиная с 1867 г., активно разрабатывались для нужд строительства Одесского порта (рис. 4).

Начнем привязку с северной группы склепов, два из которых имели распорные полуцилиндрические своды, а конструкция третьего не установлена. К сожалению, из-за значительной поврежденности района карьерами и более поздней застройки при строительстве Белгород-Днестровского порта, достоверно на карте 1876 года удалось разместить только «Царскую гробницу» (рис. 5/1). При этом выяснилось, что указание исследователей памятника 1895 г. о том, что объект находился не на левой (согласно привязкам), а «по правой стороне новой дороги в Шабо» (документ 16) было ошибочным. Сказанное подтверждается тем, что в указанном месте на карте отмечен вал длиной около 250-260 м (рис. 5/1а),

[7] Съемки 1870-1877, 1882-1884 гг., М 1 : 21 000 (½ версты в дюйме).

1

2

3

4

Рис. 7. Современное состояние руин «Царской гробницы» (фотографии И. Сапожникова, 2022 г.)

сопоставляемый с Нижнеднестровским валом. Другой отрезок длиной не менее 750 м был зафиксирован на другой карте севернее, почти вплотную к «Царской гробнице», а присутствие по документам – южнее, на земельной делянке колонии Шабо (Сапожников 2020, 220-221) (рис. 6). Кроме того, курган на участке Д. Диамандиди, описанный А.А. Кочубинским (документ 5), можно увязать с отрезком вала около 500 м длиной, имеющим меридиональную ориентацию (рис. 5/2; 6/2).

О планиграфии и стратиграфии карьеров данного района можно судить по фотографии И.К. Мигурского, снятой с дамбы-причала для погрузки барж, отмеченной на карте 1876 г. (рис. 5/0; 6/0). Они имели здесь ширину до 100 м, за ними по плато проходила дорога Аккерман – Шабо, а по их разрезу видно, что вдоль берега камень выходил на поверхность, местами покрыт слоем песка, далее в материке на камне под песком залегал горизонт глин (рис. 4). Исходя из этого, можно заключить, что при строительстве «Царской гробницы» сначала был снят песок до поверхности известняковой плиты, в ней вырезаны две могилы и возведен склеп (рис. 7), а потом эту конструкцию в яме увенчали песчаным курганом, высота которого вряд ли превышала 2,5-3,0 м (рис. 2, 3). Заметим, что более поздний склеп у Салган, выявленный в 1989 г., был возведен не на материковой плите, а на плитах, уложенных на песчаном основании (Росохацкий, Штербуль 1993, 81).

Для второй группы гробниц на кучугурах, в которую входят склепы трех разных типов и обе могилы II-III вв. н.э., точные привязки отсутствуют. Можно полагать, что они располагались примерно в 1,0-1,5 км на юг от источника Св. Иоанна Сучавского (рис. 5), в районе бывшего салгана, то есть солетопни вместе с бойней, на участке от края берега и на 600 к западу от него. В 500-1100 м к северо-западу

от места руин салгана на карте 1876 г. и более поздних картах четко прослеживаются два отрезка Нижнеднестровского вала (рис. 6/4, 5).

Результаты

Публикация документов дела № 229 архива ИАК, включая два цветных картона М.В. Фармаковского (которые в таком виде печатаются впервые – рис. 2 и 3), в полном объеме вводит в научный оборот «Царскую гробницу» римского времени, исследованную в 1895 г. Обзор истории открытия и исследования других погребальных памятников аккерманско-шабских песчаных кучугур, выявленных в 1848-1989 гг., показал, что среди них было не менее восьми гробниц разных конструкций, два разрушенных погребения и надгробный памятник, которые были суммарно датированы I-III вв. н.э. На основе анализа дела № 229 архива ИАК и других документов, в том числе картографических, сделана попытка воссоздать локализацию погребальных памятников римского времени района аккерманско-шабских кучугур. В итоге можно заключить, что эти памятники, вероятнее всего, связаны с городом Тира: первоначально большая их часть была связана с южной дорогой из города, а с начала III в. н.э. – с Нижнеднестровским валом, возведенным на границе Римской империи.

Благодарности: Авторы искренне признательны А. Перминову за предоставленные копии архивных документов, что позволило сохранить и ввести в научный оборот значимые археологические материалы по Царской гробнице.

Приложения

Документ 1

Телеграмма А.А. Кочубинского в ИАК
Одесса, 11.09.1895. оригинал
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 1-1об.)

ВЧЕРА АККЕРМАНЕ НА БЕРЕГУ ЛИМАНА В РАСКОПАННОМ ПЕСЧАНОМ КУРГАНЕ СЛУЧАЙНО ОТКРЫТА МНОЮ ЦИКЛОПИЧЕСКАЯ НА ПОЛОВИНУ УЖЕ РАЗНЕСЕННАЯ КАМЕНОЛОМЩИКАМИ КАМЕРА С ДВУМЯ РАСХИЩЕННЫМИ ГРОБНИЦАМИ ИМЕНЕМ КОМИССИИ ПРЕДЛОЖИЛ ПОЛИЦИИ ПРИНЯТЬ МЕРЫ К СОХРАНЕНИЮ ОСТАВШЕГОСЯ ДУМАЮ НАХОДКА ВАЖНАЯ ТЕЛЕГРАФИРУЙТЕ ГУБЕРНАТОРУ

ПРОФЕССОР КОЧУБИНСКИЙ

Документ 2

Ответная телеграмма ИАК А.А. Кочубинскому
Санкт-Петербург. 12.09.1895. Отпуск на док. 1 и на отдельном листе
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 1, 2)

Археологическая Комиссия сердечно благодарит за извещение. Меры охранению кургана немедленно приняты. Не примите ли на себя расследования его? Ответ уплачен.

Подписал: В. Тизенгаузен.

Верно: делопроизводитель И. Суслов (собств. подпись).

Документ 3

Телеграмма ИАК Бессарабскому губернатору[8]
Санкт-Петербург. 13.09.1895. Отпуск на док. 1 и на отдельном листе
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 3-3об.)

[8] За день до этого аналогичная телеграмма была ошибочно отправлена Херсонскому губернатору (РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 2-2об.).

В Аккермане на берегу лимана профессором Кочубинским была открыта древняя каменная гробница, отчасти разобранная каменоломщиками. Археологическая комиссия покорнейше просит Ваше Превосходительство приказать местной полиции охранить эту гробницу впредь до ее исследования.

Подписал: товарищ председателя В. Тизенгаузен.

Верно: делопроизводитель И. Суслов (собств. подпись).

Документ 4

Телеграмма А.А. Кочубинского в ИАК
Одесса, 13.09.1895. Оригинал
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 4-4об.)

ЗАВТРА ВЫЕЗЖАЮ ДЛЯ ПРОВЕРКИ МЕР ПОЛИЦИИ ФОТОГРАФИРОВАНЬЯ МЕСТНОСТИ КАМЕР ГРОБНИЦ ОРНАМЕНТИКИ УДОВОЛЬСТВИЕМ ПРИМУ НО КУРГАН НА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ЕВРЕЯ ЗОСМАНА КАК БЫТЬ НАПИШУ КОЧУБИНСКИЙ

Документ 5

А.А. Кочубинский
Рукопись «Царская гробница у Аккермана, на берегу Днестровского лимана, открытая 10 сентября 1895 года»
Одесса, 28.09.1895. Оригинал, получен 07.10.1895. Вх. № 700. Заслуш. в засед. 11.10.1895
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 5-9 или л. 1-9[9])

В пополнение моих телеграмм от 11 и 13 сентября, представляю обстоятельную записку ИАК с приложением рисунков и точного плана.

С 7 по 10 сентября (четверг – воскресенье) я был по своим делам в Аккермане.

Еще в субботу один мальчик, мой родственник, ученик городского училища, все толковал мне, что в каменоломнях (это обширная местность вдоль берега лимана, сейчас за городом, по дороге в Шабо, откуда добывался из скал камень в 70-х годах для постройки нового Одесского порта, вследствие чего весь берег изрыт и погиб на века, представляя безобразную кучу ям, мусора, но где лет 6 тому назад горным инженером Долинским приобретена была золотая монета Лисимаха и подарена была Музею ИОООИД) открыт каменный свод, и что он там был. В начале словам мальчика (но любителя древностей – он кое-что срисовал) я не давал веры (вхожу в подробности, так как от немальчиков[10] я ничего не слышал, хотя не раз имел случай). Но когда он пояснил, что видел самые костяки (два), и показал череп из одной гробницы, я, в воскресенье 11, в 11 часов, за три часа до отхода парохода в Одессу, который должен был меня туда доставить, взял мальчика на извозчика и приказал везти к гробницам.

На изуродованном берегу лимана, прикрытом с одной стороны песковыми виноградниками, в 1½ /5об./ верстах от города стоит кожевенный завод – группа жалких построек. Сейчас же за этим заводом, по словам моего юного чичероне, и находится гробница. Дорога скверная, по буграм, между ям, вдоль берега, так называемая Нижняя в Шабу, проложенная недавно.

У завода мы сошли. Саженей 50 далее ясно обозначались контуры срезанного песчаного кургана; у подножья его – песчаный выровненный бугор свежей насыпки. Выйдя на него, увидел на только что тщательно расчищенной горизонтальной громадной скале, бывшей под срезанной, левой частью кургана, величественную, из громадных камней кладку-пещеру с куполом-аркой, пещера зияла темнотой.

[9] Вторая нумерация дана по А.А. Кочубинскому. – И.С. и М.К.
[10] Здесь и далее подчеркнуто А.А. Кочубинским. – И.С. и М.К.

Было ясно, что пещера-грот явилась на свет Божий из-под снесенного кургана и помещалась почти в центре его.

Я был изумлен. Быстро вскарабкался на скалу (тут же были помостки для тачек из обугленных балок и досок, утвержденные на больших старых камнях), и предо мною предстала картина: циклопическая постройка из тщательно оттесанных камней громадной величины, с внутренней стороны выведенная аркой или прямым сводом, с орнаментикой по белой штукатурке, и совсем диковинной, внешняя же сторона кладки представляла оригинальную форму камня, но – увы! – с явными следами свежего расхищения. Ибо:

1) От былого свода, венчавшего дугообразную постройку камеры, уцелел лишь один ряд, у задней стены, да и то первый правый блок его со следами свежего разлома и с тремя свежими углублениями от лома;

2) Как внутренность камеры, так и две гробницы (или могилы), налево и направо от входа, высеченные в скале, были очищены, так сказать, до последней песчинки. Следовательно, работали долго и много в поисках внутри камеры и внутри обеих гробниц. Только небольшое количество косточек было разбросано по цоколю.

Итак, для меня была ясна картина недавнего рачительного опустошения, и не в глуши, а на виду у людей, в самое живое, бойкое время в Аккермане – в сезон винограда.

Сделав наскоро измерения и несколько набросков внешней стены камеры и уцелевшей орнаментики, я бросился назад в город, в полицию, и, пользуясь общим правом, именем ИАК /6/ предложил г. полицмейстеру принять все меры для охраны драгоценного памятника от дальнейшего повреждения. Так как до отхода парохода оставалось немного времени, то я предложил г. полицмейстеру поспешить еще раз со мной поехать к гробнице и ее осмотреть, чтобы объяснить ему всю важность открытия. Убежденный в разграблении камеры при самом открытии ее, я попросил сделать расследование по обстоятельствам открытия и попытаться – нельзя ли напасть на следы похищенных предметов?

Вечером в воскресенье я доложил об открытии г. вице-президенту ИООИД, проф. В.Н. Юргевичу, а утром на другой день телеграфировал в Комиссию.

Через три дня, в четверг, 13 [14] сентября [см.: документ 4], я, по поручению Одесского ученого общества [ИООИД], при соучастии члена этого общества проф. Э.Р. фон Штерна и акварелиста М.В. Фармаковского (филолога, только что окончившего курс в нашем университете), отправился в Аккерман. Проф. Штерн вез фотографический аппарат, а г. Фармаковский имел снять виды гробницы и сделать чертеж.

В 12 часов мы были в Аккермане, а в 3 часа на месте. Проф. фон Штерн занялся вместе с моим сыном фотографией, г. Фармаковский рисованием, а я, при живом содействии местного нотариуса, г. Штулькерца, детальными измерениями.

Из опроса рабочих и других объяснилось, что на соседней даче Асвадурова была несколько лет назад открыта подобная же гробница, и бесследно уничтожена строителями Одесского порта. Присутствовавший при этом хозяин дачи Асвадуров подтвердил показание рабочих, и что на его даче сохранились еще камни от гробницы. Я попросил разрешения осмотреть, и мы отправились. Действительно, на берегу куча массивов, правильно оттесанных, в форме продолговатых четверогранников, но камень более мягок, ноздреват и желтого цвета, тогда как в нашей камере он серый, так называемый дикарь. Особенно интересны были полукруглая плита, мерою вполне тождественная такой же плите в нашей камере, на задней стене. Но ни на одном камне ни следа извести и орнаментики. Если бы остановились на реставрации нашей камеры (что касается стены и свода), то плита на даче Асвадурова была бы кстати, и хозяин предоставил ее и массивы наперед в распоряжение.

Прилагая у сего два картона рисунков и план гробницы, перехожу к обстоятельному описанию новооткрытого замечательного памятника глубокой старины, который я позволяю себе считать царской гробницей. /6об./

Левый бок постройки примыкает к нераскопанной части кургана. Основание ее – горизонтальная скала, которая в одной и той же высоте тянется вдоль всего берега лимана и даже в городе по самую крепость. Курганная насыпь, покрывающая ее, в вышину 5 м 32 см.

Постройка (мавзолей) состоит из двух правильных прямоугольников, меньшего и большего. Передний – представляет комнатку-вход, второй – камеру собственно гробницы. Между обоими оставлено небольшое пространство 35 см: оно вместо дверей заполнялось плитой, которая, пополам разбитая, лежит несколько поодаль; толщина плиты 33 см.

От передней или входа сохранились 4 стены в один ряд камней; длина этих стен: две боковых – 2 м 10 см; две поперечных (с юга на север) – 1 м 4 см; ширина стены – 54 и 51 см.

Порог в камеру состоит из одной большой плиты длиной 1 м 62 см и шириной – в 77 см; с обеих сторон порога сохранились стены, каждая по наружному измерению длиной в 1 м 19 см.

Камера внутри имеет в длину 3 м 90 см, в ширину – 3 м 4 см. В полу ее (а он – скала) налево и направо, по прилегающим углам, высечены параллельно, в направлении с В на З два гроба (могилы) длиной 2 м 20 см и шириной 74 см каждый; по краям каждого гроба – отступающая кайма или фальц для каменной крышки или плиты; часть одной плиты, плотно прикрывавшей гроб, сохранилась на месте (см. чертеж). В длину эта крышка была 2 м 42 см, в ширину – 1 м 6 см; сохранившийся кусок крышки в длину 1 м 10 см, в ширину 1 м 3 см.

Над гробницами (могилами) возвышается склеп или, собственно, камера из тщательно обтесанных плит (болванов) твердого местного известняка. Цоколь состоит из трех рядов камней, связанных цементом из извести и красной глины; в высоту он 1 м 29 см, если смотреть с внутренней стороны, ибо с внешней стороны видны только два ряда камней. Над цоколем поднимается весьма правильно составленный свод из семи клинообразных, разно обтесанных плит (болванов); но от этого легкого и изящного свода сохранился лишь один ряд, первый, у задней западной стороны склепа. На левой боковой стороне, во всю ее длину, первый слой былого свода еще держится; он /7/ состоит из двух громадных, правильно обтесанных под дугу свода болванов длиной в 3 м 10 см и 1 м 90 см, а вышиной до 90 см.

Боковые стены в длину 5 м. Ширина кладки этих стен не одинаковая: в левой стене сзади – 52 см, впереди – 59 см; но соответствующие части правой стены предлагают измерения: 69 и 44 см.

Задняя, на З стена длиной в 4 м. Она состоит из вышеупомянутого цоколя (1 м 29 см), из большой полукруглой плиты, вертикальный радиус которой – 1 м 41 см, и из свода в 69 см, так что высота на этом месте вполне уцелевшего склепа составляет 3 м 39 см.

Итак, пространство между цоколем и сводом сзади заполняется одной громадной плитой, имеющей форму почти правильного полукруга; ее радиусы 1 м 41 см и 1 м 44 см. Между сброшенными возле склепа плитами есть кусок одной, имеющей в длину 1 м 64 см, в высоту – 1 м 86 см; по углу и дуге эта разбитая плита вполне отвечает плите задней. Поэтому, если будем предполагать, что и впереди, над порогом была такая же полукруглая плита и служила подпоркой для свода, оставляя свободным для входа в камеру только отверстие в высоту цоколя. Такой же высоты, вероятно, были и стены комнатки-входа, а сверху и от входа она закрыта была плитами. Первое и второе (главное) помещения разъединялись новой толстой плитой, как было указано раньше.

Внутренняя сторона камеры, ее тщательно, по шнуру выведенные стены и свод, была покрыта белой известковой штукатуркой, а по ней острым орудием вырезаны были, как замечено уже раньше, затейливые неправильные орнаменты (см. картон). Это не геометрический орнамент, а какое-то воспроизведение древесины. По мнению проф. Штерна, в сравнении с этим орнаментом способ древнейшей троянской или микенской орнаментации является гораздо развитие. Наверное можно сказать, что данный орнамент не греческого происхождения.

Таким образом, камера принадлежит народу, который, судя по отличной отделке и кладке камней, по правильности свода, по хорошей цементировке и орнаменту штукатурки, имел большую опытность в /7об./ строительном деле или мог пользоваться услугами хороших иностранных

мастеров. Но с этим искусством в воздвижении каменных построек стоит в резком контрасте своеобразность и примитивность орнаментики, которая свидетельствует о мало развитом художественном вкусе или, по крайней мере, о нежелании строителей отступить при украшении склепа от освященных обычаем образцов, традиций.

Из данных по измерению очевидно, что на площади скалы было сначала выдолблено место-прямоугольник, так что первый ряд кладки стен, открытой изнутри, извне не виден.

Также очевидна архитектурная ошибка – неравномерность обоих главных стен: стена правая, что упирается сейчас в курган, тоньше. Это обстоятельство объясняет, почему камни от правого (от входа) угла очутились в песках кургана в неправильном положении (см. картон, общий вид): при самой насыпке могильного кургана или вскоре свод в этом месте не выдержал, песок посыпался и выпер камни в сторону. Что внутренность камеры была наполнена песком, это доказывается нахождением его в желобках орнамента даже на своде. Что касается песка в обоих гробах, то он, думаю, попал теперь, при опустошении камеры.

Не столько величина камней, связанных красным цементом (тот же цемент виден и в левой могиле – им заделаны трещины или неровности на поверхности), сколько указанная тщательность отделки каждого камня изнутри, особенно при придаче некоторым из них вогнутой, дуговой поверхности (все это требовало времени и искусства), дозволяют думать, что могилы заключали в себе не простых смертных, а людей высоких – царя, его жену…

Свежий разлом и три свежих углубления на первом камне в своде слева позволяют думать, что рабочие не останавливались ни перед чем; только на время прекратили свое хозяйниченье. По показанию /8/ одного студента, уже 15 августа он видел гробницу в настоящем виде, то есть изломанной и опустошенной, следовательно, разрытие ее имело место в начале августа. Полицейский конный стражник Потечун (о нем в полицейском протоколе, см. в приложении), мною допрошенный на месте 14 сентября, показал, что он проезжал как раз в тот момент, когда показались только первые верхушки камней свода и сообщил помощнику пристава. Десятник и владелец дачи Ицька Зюсман повторяли одно, что и в полицейском протоколе, что, кроме песку и отдельных камней, внутри камеры они ничего не нашли, но ничего не портили, не истребляли. Но в лживости своих показаний они были тотчас же уличены. Что были песок и камни, с этим и я согласен; но что они приказали массу камней из свода и стен разбить на мелкие куски, в этом не было ни малейшего сомнения: в этом их уличали груды разбитого камня с остатками камерной орнаментики, и груды эти были отнесены далеко от гробницы. Следовательно, старина истреблялась без милосердия. Наконец, любопытно по своему цинизму признание Ицьки Зюсмана, сделанное им предо мной с глазу на глаз: «Если бы я, – говорил он, указывая на пополам разбитую плиту грандиозного размера и, очевидно, из камеры, – не пожалел 3 руб., то для вас и следа [бы] не осталось от всего [этого]».

Без всякого труда Иська Зюсман отказался навсегда от той части скалы, на которой покоится замечательная гробница, после того, как была утверждена фальшивость показаний в полицейском протоколе. При этом мною указана была линия на площади скалы, до которой он, без вреда для памятника, может ломать ее на камень – именно отступив 2 саж.; то же расстояние и в южном направлении, где скала уже разбита. Зюсман же обязался не трогать правую, еще не раскопанную часть кургана до специального расследования ее, то есть до официальной раскопки. Следовательно, с этой стороны затруднение устранено.

Но что можно ожидать от этой части кургана? Может быть, раскопка ничего не даст…

Произведенный мною осмотр поверхности оставшейся части кургана обнаружил следующее:

1/ На поверхности ясно видны 3–4 углубления (ямы) в двух параллельных линиях, /8об./ около ½ арш. в глубь;

2/ Одна впадина особенно длинная; ее восточная (к лиману) сторона приходится как раз к задней (западной) стороне камеры, где высота курганной насыпи около 2 саж. и 5 четв.

Но кто скажет, какого времени и происхождения эти впадины?

Время кладки камеры и кургана, народ, которому принадлежит инициатива дела, кто погребался – все это вопросы для будущих исследователей. При указанных опустошениях камеры, осталось немного данных для искомого ответа на это, а именно:

1/ череп из одной могилы, пожертвованный мной в Музей ИООИД, и

2/ орнаментика, пока атмосферные влияния не уничтожили ее. Мы указывали на оригинальность орнаментики, на противоречие ее с художественностью самой постройки. Может быть, в этой орнаментике найдутся следы татуировки?

Прибавлю для ориентировки, что при открытии 10 сентября в массе мелкого, но свежего щебня, внизу скалы, найдена была мною разбитая светильня [светильник] греческого происхождения. Вероятно, она попала сюда из камеры при ее опустошении, или из песка кургана.

Хотя и оскверненный грабительскими инстинктами памятник, но найденная гробница у Аккермана предлагает предмет, достойный глубокого внимания науки. Если бы я позволил себе мечтать об эпохе сарматов, а в гробнице видеть могилу сарматского царя, то этим я желал бы отметить время, позже которого едва ли справедливо искать происхождение аккерманского памятника.

В порядке открытия – аккерманская гробница по счету второй памятник: первый – открытый на соседней даче Асвадурова, но погибший почти бесследно (что касается его места и кладки). Но есть некоторая надежда открыть третий подобный могильный памятник.

При вторичном исследовании аккерманской /9/ гробницы (14 сентября) мне удалось отметить еще новый вблизи курган, на даче Диамандиди[11], следующей за дачей Асвадурова, все в том же параллельном направлении к лиману, в 70-80 саж. от берега. На вершине кургана водружена инженерами, делающими промеры лимана, высокая веха. Часть кургана, что к лиману и на юг, к Шабе, разрыта при добывании камня для Одесского порта.

Остающаяся часть кургана, немного занятая кустами винограда, представляет такую площадь: от первого дерева в саду (к З) до инженерной вехи – 55 шагов; от вехи до обрыва (к лиману) –14 шагов; От С к Ю (до обрыва) – 43 шага. Высота кургана (на глаз) больше, чем в кургане Зюсмана. Основа кургана также природная горизонтальная скала, что сплошь по берегу лимана. По-видимому, веха [стоит] в центре кургана.

+++

Оканчивая доклад об аккерманской гробнице, считаю нужным обратить внимание на необходимость принятия мер для охраны ее от людей и разрушительных атмосферических [sic!] влияний. Слой штукатурки может отстать, и орнамент вконец погибнуть.

В заключение сообщаю слухи, курсирующие у нас:

1/ Среди евреев, торгующих древностями в Одессе, уже в начале августа толковали о находках в Аккермане;

2/ Около половины августа в Николаеве (Хер. губ.) якобы были проданы за 5 тыс. евреями некоему Виндшейду, немцу, золотой скипетр и золотая корона, якобы из Ольвии, и якобы Виндшейд отослал все это в Петербург.

(следуют приложения: 1/ Протоколы; 2/ Два картона рисунков).

Действительный член ИООИД,

Орд. проф. ИНУ Александр Кочубинский

[11] Правильно Д. Кардимиди (см. выше, а также: Яцимирский 1894).

Документ 6

Протокол осмотра местности на даче аккерманского мещанина И.В. Зисмана
Аккерман, 11.09.1895. Копия. №4283.
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 10-10об.; прилож. к документу 5)

1895 года Сентября 11 дня, пристав г. Аккермана, в присутствии нижеподписавшихся лиц осматривал местность на даче аккерманского мещанина Ицки Вольфовича Зисмана, расположенной на берегу Днестровского лимана, где обнаружен интересный в археологическом отношении памятник, и оказалось следующее:

Во время раскопки песчаного кургана на глубине в 1½ саж. обнаружена катакомба, сооруженная из весьма крупных камней (твердого известняка), внутренние стены разрисованы арабесками.

Задняя стена катакомбы из цельного полукруглого камня шириною (в цвету) [?] 4 арш. 5 вершков и высотою 3 арш. 15 верш. – обращена к западу. К этой задней стенке пристроена арка шириною в 1 ½ арш. Длина всей катакомбы 5 ½ арш.

К северу прилегает тот курган, в котором оказалась описываемая катакомба и правая стена ее вышиною в 2 арш. Левая стена – вышиною в 2 арш. 10 верш.

В катакомбе в каменном полу (природная скала, служащая фундаментом) высечены две гробницы, размером: в глубину 13 верш., длиною же в 3 арш. 4 верш.

Верхние части стен с застарелою поверхностью, и доказывают, что свод в настоящее время не был разрушен, равно отсутствие выемок или ям в скале, прилегающей к правой стене по продолжению арки, указывает на то обстоятельство, что дальше свода не было.

По удостоверению владельца упомянутого кургана Зисмана, его управляющего шабского мещанина Демьяна Волошина, аккерманского мещанина Афанасия Логиновича Даниленко, отставного рядового Карпа Станиславовича Шишнова, аккерманского мещанина Степана Ивановича Камышеватого, аккерманских мещан Степана Аксентьевича и Аксентия Никифоровича Юрченко, сторожа над виноградными садами Федора Петровича Шепелева и конного стражника Федора Потечуна, означенная катакомба была обнаружена в таком же самом виде, в каком она /10об./ в настоящее время оказалась при осмотре:

Левая гробница до половины накрыта камнем, и больше камней из того места извлечено не было, а равно нет остатков камней, которые похожи были бы на те, из коих сооружена катакомба.

Лежащий вблизи катакомбы большой камень с обтесанной на два ската поверхностью не был найден в катакомбе, а саж. 5 от нее совершенно в неправильной форме, и был обтесан рабочими-каменщиками для памятника на еврейском кладбище.

Никаких ценностей не найдено.

Ввиду изложенного я, пристав, постановил: обязать Зисмана приостановиться с раскопкою прилегающего кургана и площадки, а также принять меры к охранению обнаруженного до распоряжения Археологического общества.

По мнению местных любителей древности, означенная катакомба древними народами была давно уже разрушена с целью кощунства и впоследствии вновь была засыпана.

Пристав [А.А]. Бригер.

Изложенное удостоверяем: Ицко Зисман, Демьян Волошин, и за него, неграмотного, и за себя расписался Афанасий Даниленко, Федор Потечун.

С подлинным верно: полицмейстер [Ф.Г.] Кузнецов [подл. подпись].

Копия с подписки:

1895 года Сентября 10 дня я, нижеподписавшийся, даю настоящую подписку господину Приставу г. Аккермана в том, что в виноградном саду моем, в том месте, где происходит раскопка, обязываюсь приостановиться с производством работы, а также не раскапывать прилегающую к тому месту площадку впредь до окончания дознания по настоящему делу,

в чем и подписываюсь: Ицко Зисман.

С подлинным верно: полицмейстер [Ф. Г.] Кузнецов [подл. подпись].

Документ 7

Предложение ИАК А.А. Кочубинскому
Санкт-Петербург. 16.10.1895. Исх. № 1604. Отпуск с угл. штампом ИАК
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 11)

ИАК просит Вас принять ее искреннюю признательность за обследование гробницы на берегу Днестровского лимана. ИАК имеет честь предложить вашему ВП [высокопревосходительству], не признаете ли Вы удобным принять на себя расследование указанных вами в отчете курганов, на что Комиссия готова перевести вам денежные средства по вашему указанию.

Примите М[илостивый] Г[осударь] в совершеннейшем к Вам почтении и преданности.

Подписал: граф А. Бобринской.

Верно: делопроизводитель И. Суслов (собств. подпись).

Документ 8

Письмо А.А. Кочубинского в ИАК
Одесса, 28.10.1895. Оригинал, получено [неразб.]10.1895. Вх. № 1074. Засл. в засед. 08.11.1895
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 12-12об.)

Милостивый государь, граф Алексей Алексеевич!

Я имел честь получить предложение состоящей под председательством Вашего сиятельства [ВС] ИАК от 16 тек. октября № 1604 о расследовании обоих песчаных курганов на берегу Днестровского лимана, вблизи от г. Аккермана. Могу ответить полной готовностью служить Комиссии. Относительно бóльшего кургана мне необходимо войти в соглашение с владельцем сада, для чего я еду на будущей неделе в Аккерман. Что же касается размера ассигнованных средств, то я не в состоянии его определить. Личный опыт ВС, практика Комиссии могут удобнее определить их из соображения всех обстоятельств, сопряженных с настоящим делом. Позволяю себе обратить внимание ВС на одно, что оба объемные /2об./ кургана необходимо снять целиком, процедить, так сказать, каждую горсть песку.

В ожидании указаний и распоряжений позволяю просить ВС принять уверение в совершенном к вам почтении и преданности, с чем имею честь быть,

Ваш покорный слуга, [подпись].

Документ 9

Письмо А.А. Кочубинского в ИАК
Одесса, 22.02.1896. Оригинал, получено 28.02.1896. Вх. № 206. Засл. в засед. 04.03.1896
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 13)

Имею честь почтительно известить Комиссию, в ответ на ее предложения, что по состоянию своего здоровья я не в состоянии принять на себя ведение раскопок в Аккермане (на берегу лимана) и при селе Троицком (Вознесенская Могила).

Для соображения Комиссии дозволяю себе присоединить, что в ноябре м. г. [минувшего года] я сделал приблизительный на месте расчет содержания обоих аккерманских курганов: один (что у раскрытой гробницы) – 390 куб. саж., другой (что в саду Диамандиди) – 1035 куб. саж. Цена за съем сажени от 1,0 руб. до 1,5 руб. – в зависимости от времени года.

Александр Кочубинский [подпись].

Документ 10

Удостоверение о запрете ломки камня И.В. Зисманом на месте найденной гробницы
Аккерман, 04.05.1896. Копия, № 2440. С герб. маркой 80 коп.
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 15)

Дано сие от аккерманского полицмейстера за подписью и приложением казенной печати аккерманскому мещанину Ицько Зисману в том, что согласно предписанию г-на Бессарабского губернатора, от 16 сентября 1895 г. за № 6391, основанному на телеграмме тов. председателя ИАК Тизенгаузена, ему, Зисьману, воспрещено добывание камня на принадлежащем ему участке земли, на котором открыта профессором Кочубинским древняя каменная гробница.

Подписал: полицмейстер, штабс-ротмистр Ф.Г. Кузнецов [подпись]

Документ 11

Прошение Аккерманского мещанина И.В. Зисмана в ИАК
г. Аккерман, в собственном доме на ул. Георгиевской;
Оригинал, не датирован. Получен 10.05.1896. Вх. № 456, заслушано 11.05.1896
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 14-14об.)

В 1895 году на принадлежащем мне месте в г. Аккермане при добывании камня обнаружена древняя гробница, описанная профессором А.А. Кочубинским. На основании предписания господина Бессарабского губернатора мне было воспрещено дальнейшее добывание камня на означенном месте.

Такое распоряжение в высшей степени стесняет меня, не только как собственника, но просто как человека, единственным источником которому для пропитания служит добывание камня. С ограничением моего права на добычу камня /14об./ я несу весьма чувствительные убытки.

А потому имею честь покорнейше просить ИАК откомандировать одного из членов сей комиссии в г. Аккерман для окончательного разрешения того, нужно ли оставить открытую гробницу на будущее время в неприкосновенном ее виде, или можно будет продолжить прерванные работы по добыванию мною камня.

При этом считаю нужным предварить Комиссию, что я согласен уступить ей часть принадлежащего мне места, если она желает таковое приобрести в свою собственность.

Во всяком случае, я заявляю, что я долго ожидать прибытия Комиссии не буду, и, в случае отказа от приобретения места Комиссией, вынужден буду приступить к дальнейшей ломке камня на месте открытой гробницы.

О решении, какое будет принято Комиссией, прошу уведомить меня по месту моего жительства.

Ицко Зисман [подпись].

Документ 12

Удостоверение ИАК
Санкт-Петербург, 30.05.1896. Оригинал, № 1067
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 17)

Дано от ИАК г. секретарю Херсонского стат.[истического] комитета В.И. Гошкевичу на получение из Херсонского казначейства ста рублей, переведенных туда Кабинетом его величества через Главное казначейство.

Подписал: за председателя Комиссии, товарищ его В. Тизенгаузен.

Скрепил и верно: за делопроизводителя И. Суслов (собств. подпись).

Документ 13 и 14

Предложение ИАК В.И. Гошкевичу
Санкт-Петербург, 30.05.1896. № 1067. Отпуск и оригинал
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 16, 19-19об.)

Препровождая Вам при сем дело № 229 за 1895 год, ИАК имеет честь покорнейше просить Вас провести дополнительные расследования гробницы, осмотренной проф. Кочубинским, части кургана, оставшегося не раскопанным, а также местности, к нему прилегающей, чтобы затем, согласно вашему заключению, Комиссия могла бы принять какое-либо определенное решение по ходатайству Ицьки Зисьмана о дозволении ему продолжить работы на принадлежащей /18об./ ему каменоломне.

Вместе с сим сделано распоряжение о переводе Вам на вышеупомянутые исследования авансом ста рублей.

Подписал: за отсутствием председателя Комиссии, товарищ его В. Тизенгаузен.

Скрепил и верно: делопроизводитель И. Суслов (собств. подпись).

Заполненный штамп красными чернилами: О переводе 100 руб. сообщено Хоз.[яйственному] Отделу Каб.[инета] Его Величества отн.[ошением] от 27 мая 1896 г. за № 1076. За делопроизводителя: И. Суслов [подпись].

Документ 15

Отношение ИАК в Аккерманское полицейское управление
Санкт-Петербург, 03.06.1896. Отпуск на бланке, № 1093
(РО НА ИИМК РАН, Ф. 1, оп. 1, 1895, д. 229, л. 18)

ИАК долгом считает уведомить Аккерманское полицейское управление о том, что ею командирован в Аккерман для окончательного доследования древней гробницы, открытой в 1895 году на земле аккерманского мещанина Ицько Зисьмана, и.д. секретаря Херсонского губ. стат. комитета В.И. Гошкевич.

Подписал: товарищ председателя его В. Тизенгаузен.

Скрепил и верно: за делопроизводителя И. Суслов [подпись].

Документ 16

А.А. Кочубинский, Э.Р. фон Штерн
Отчет о поездке в Аккерман 14 сентября 1895 г.
(Кочубинский, Штерн 1896, 13-16; выборочно)

/13/ 14 сентября 1895 г. мы <...> отправились по поручению ИООИД в г. Аккерман для осмотра и исследования древнего склепа, открытого в курганной насыпи, вблизи города. Курган этот находится на городской земле, версты две от центра города, по правой [левой. – *И.С. и М.К.*] стороне новой дороги, идущей вдоль по берегу лимана из Аккермана в колонию-посад Шабо... <...>

/16/ Кроме черепа, нами собраны в склепе еще несколько костей, и притом в окружности склепа несколько черепков сосудов, сделанных из весьма плохой и грубой глины. Кроме того, проф. Кочубинским был найден вблизи склепа, в мусоре мелких камней, разбитый греческий светильник. Так как нельзя установить, находились ли эти черепки в самом склепе или вообще в одном из нижних слоев кургана, то они не могли быть привлечены к решению вопроса о периоде сооружения гробницы даже в том случае, если бы они представляли какие-нибудь характерные признаки. Но эти черепки почти ничего не говорят; можно только сказать, за исключением светильника, что это не остатки от греческих сосудов и что их фабрикантам техника глазировки отчасти известна. В виду изложенного, воздерживаемся пока от всякой гипотезы насчет народа и времени, которому принадлежит этот единственный в своем роде древний памятник.

Надежды, что наши старания напасть на след расхищенных вещей будут увенчаны успехом, не особенно велики, но, кажется, преждевременно было бы отчаиваться в возможности точного решения занимающего нас здесь вопроса: недалеко от раскрытой гробницы находится такой же громадный, до сих пор нетронутый курган; весьма вероятно, что в нем мы найдем решение загадки, и вследствие этого нам казалось бы весьма желательным и важным, если бы ИАК могла приступить к раскопкам именно этого кургана.

Документ 17

А. Бертье-Делагард

Описание могилы-склепа, выявленной в Аккермане в 1895 году

(Бертье-Делагард 1900, 80-81)

Об этой находке подробно докладывалось Обществу на заседании 16 октября того же [1900] года; но к этому докладу небесполезно прибавить несколько слов для возможного выяснения некоторых подробностей и определения времени сооружения этого кургана. Вместе с описанием могилы Обществу представлялись рисунки и подробные объяснения найденным на стенах этой могилы-склепа особым узорам, поразительным по своей необычной, никогда не виданной оригинальности; эти орнаменты, точнее сказать разводы, врезанные в штукатурку, не подходят ни к какому времени, ни к какому стилю и решительно ставят в тупик всякие соображения; отчасти они /81/ послужили даже к предположению чрезвычайной древности открытого склепа. Осмотрев подробно самый склеп, я могу теперь вполне точно определить происхождение загадочных узоров: это продукт атмосферных влияний на гладкую штукатурку, а не дело умысла человеческого. В этом склепе известковый раствор для штукатурки, плохо приготовленный и нехорошо размешанный, наметывался на стену и растирался, как то всегда делается и поныне; от времени штукатурка выкрошилась и выветрилась не одинаково, а в зависимости от плотности частей известкового раствора; причем и получились волнообразные разводы, совершенно отвечающие тем кривым линиям и фигурам, которые принимают частицы, составляющие свежий раствор под действием круговых движений терки штукатура. Это также не предположение, а совершенная несомненность, которую доказывают не только строительно-технические соображения, но и уцелевшие части самой штукатурки, находящиеся в разных фазах разрушения, от совершенно гладких до очень сложно-узорных, вполне подобных предъявленным рисункам. Такое состояние штукатурки, получившееся не только от времени, но и, вероятно, под влиянием атмосферного воздуха, доказывает, что склеп был частью разрушен и доступ в него воздуха [был] достаточно свободен; отсюда можно заключить, что в наше время курган был найден уже разграбленным и показание об этом нашедших его заслуживает доверия; оно еще и потому вероятно, что этот роскошный, редкий по тщательности постройки склеп должен был непременно заключать в себе огромное количество вещей, которые не могли исчезнуть бесследно; а между тем решительно ничего подобного никто из нас не только не видел, но ни о чем подобном и не слыхивал. Время построения склепа и кургана также определяется с достаточной точностью его строительной техникой: прекрасный, вполне правильный, сложенный из клиньев свод склепа ни в каком случае не может быть древнее римских времен, т. е. I века по РХ; с другой стороны, судя по громадности камней и роскоши того же склепа, его нельзя отнести и к последним временам исторического существования греческих колоний на наших берегах; я полагаю наиболее вероятным, на основании изложенных соображений, отнести время сооружения этой курганной могилы к I-II векам по РХ.

Библиография

Бертье-Делагард 1900: А.Л. Бертье-Делагард, Доклад о состоянии Аккерманской крепости. ЗООИД XXII, 1900, 75-82 (протоколы).

Димитров 1955: Л.Д. Димитров, Основні підсумки Ізмаїльської археологічної експедиції 1949-1950 рр. В: Археологічні пам'ятки УРСР, 5 (Київ 1955), 111-123.

Кашуба, Сапожников 2020: М. Кашуба, И. Сапожников, Курганы и находки у села Троицкое на Нижнем Днестре как памятники древности и объекты кладоискателей XIX - начала XX вв. Археологические вести 27, 2020, 345-366.

Клейман 1978: И.Б. Клейман, Новая гробница в районе Белгорода-Днестровского и вопрос о местоположении некрополя Тиры. В: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья (Киев 1989), 99-107.

Колин, Стыкалин 2016: А.И. Колин, А.С. Стыкалин, Новые сведения о жизни и деятельности ростовского профессора А.И. Яцимирского. Новое прошлое 4, 2016, 178-192.

Кочубинский 1901: А.А. Кочубинский, Тура (Тирас) Белгород Аккерман и его новая лапидарная надпись от 1454 года. ЗООИД XXIII, 1901, 79-178.

Кочубинский, Штерн 1896: А.А. Кочубинский, Э.Р. Штерн, Отчет о поездке в Аккерман 14 сентября 1895 г. ЗООИД XIX, 1896, 13-16 (протоколы).

Криволап 1972: Г.І. Криволап, Поховання римського часу з Тіри та її околиці. Археологічні дослідження в Україні в 1969 р., IV (Київ 1972), 185-190.

Матковски 1979: А.А. Матковски, Документальные данные о жизни и деятельности А.И. Яцимирского (1873-1925). Советское славяноведение 1, 1979, 89-99.

Отчет 1849: Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1847 по 14 ноября 1848 года (Одесса 1849).

Пармакли, Руссев 1999: С.И. Пармакли, Н.Д. Руссев, К истории изучения античных памятников Бессарабии (по документам Имп. ООИД). Stratum Plus 3, 1999, 359-368.

Росохацкий, Штербуль 1993: А.А. Росохацкий, Н.А. Штербуль, Новый каменный склеп из окрестностей Тиры. В: Древности Причерноморских степей (Киев 1993), 81-86.

Сапожников 2018: И. Сапожников, Начала изучения курганов Буджака: историография и картография. Tyragetia s.n. XII/1, 2018, 121-139.

Сапожников 2020: И. Сапожников, Нижнеднестровский (Змеевый) вал – часть лимеса Римской империи: картографо-археологическое исследование. Tyragetia s.n. XIV/1, 2020, 215-236.

Сапожников, Кашуба 2022: И. Сапожников, М. Кашуба, Работы А.А. Матвеева 1890 года у Аккермана по поручению Императорской археологической комиссии: разведки, раскопки, изучение памятника с латинской надписью. Tyragetia s.n. XVI/1, 2022, 103-136.

Склеп 2009: Склеп підкурганний «Скіфська Могила» IX століття до нашої ери – IV століття. В: Перелік об'єктів культурної спадщини національного значення, які заносяться до Державного реєстру нерухомих пам'яток України. / Додаток до постанови Кабінету Міністрів України від 03.10.2009 р. № 928. Охор. № 150007-Н.

Сон 1979: Н.А. Сон, Склеп первых веков н.э. из окрестностей Тиры. В: Памятники древних культур Северного Причерноморья (Киев 1979), 100-105.

Сон 1993: Н.А. Сон, Тира римского времени (Киев 1993).

Уваров 1856: А.С. Уваров, Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. 2 (Санкт-Петербург 1856).

Юргевич 1893: В.Н. Юргевич, Камни с надписями, купленные для Музея общества в 1892 г. ЗООИД XVI, 1893, 11-13.

Эвлия 1961: Челеби Эвлия, Книга путешествия, вып. I: Земли Молдавии и Украины (Москва 1961).

Яцимирский 1894: А.И. Яцимирский, О находке в Аккермане древней гробницы летом 1894 г. Археологические известия и заметки 11, 1894, 363.

„Cavoul regal" din necropola de la Tyras, descoperit în anul 1895: după documentele din arhiva Comisiei arheologice imperiale și a datelor cartografice

Cuvinte-cheie: perioada romană, Belgorod-Dnestrovsk (Tyras – Akkerman), arhiva Comisiei arheologice imperiale, dosarul „pierdut" nr. 229, „Cavoul regal", localizare.

Rezumat: Scopul principal al articolului este publicarea și analiza materialelor din dosarul nr. 229 din arhiva Comisiei arheologice imperiale, considerat pierdut începând cu anul 1938. Recent, acesta a fost reintrodus în circuitul științific, sub formă de fotocopii, de către istoricul local A. Perminov. În dosar este descrisă amănunțit descoperirea fortuită, în anul 1895, a „Cavoului regal" din orașul Akkerman. Măsurile întreprinse atunci au permis salvgardarea acestui monument unicat până în prezent. În articol, pentru prima dată, sunt publicate două desene color ale „Cavoului regal", realizate de M.V. Farmakovsky la locul descoperirii, în anul 1895. Mormântul se încadrează în sec. I-II p. Chr. și aparținea necropolei orașului Tyras. De asemenea, în articol este prezentată istoria descoperirii și cercetării mai multor situri funerare, atestate în anii 1848-1989 în preajma Akkermanului. Printre ele se remarcă nu mai puțin de opt cavouri, două morminte distruse și o piatră funerară, datate, în linii generale, în sec. I-III p. Chr. Pe baza informației existente s-a încercat reconstrucția și localizarea acestora. Aproximativ jumătate dintre aceste descoperiri au fost localizate pe malul drept al limanului nistrean: cele timpurii de-a lungul drumului de sud dinspre Tyras, iar cele din sec. III p. Chr. – lângă valul de la Nistrul Inferior, edificat la frontiera Imperiului Roman.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Coperta dosarului nr. 229 din arhiva Comisiei arheologice imperiale (Sankt-Petersburg).

Fig. 2. Planul și imagini ale „Cavoului regal" (desen de M.V. Farmakovsky, 1895).

Fig. 3. Imagine din interior și secțiunea „Cavoului regal" (desen de M.V. Farmakovsky, 1895).

Fig. 4. Cariere de extragere a pietrei pentru construcția portului din Odesa, vedere dinspre est (fotografie de K.I. Migurskiy, 1869).

Fig. 5. Regiunea „Cavoului regal" în anul 1876 (fila „Gubernia Basarabia" XXVI-36, Sc. 1 : 21 000), reconstituire. *Semne convenționale:* 0 - locul realizării fotografiei din a. 1869; 1 - „Cavoul regal"; 1a - o parte a valului de la Nistrul Inferior; 2 - movilă pe terenul lui D. Diamandidi.

Fig. 6. Vestigii ale necropolei or. Tyras în spațiul dintre Akkerman și Șabo în a. 1917 (Harta de două verste, fila XLVII-30; Sc. 1 : 84 000), reconstituire. *Semne convenționale:* 0 - locul realizării fotografiei din a. 1869; 1 - „Cavoul regal"; 1a - o parte a valului de la Nistrul Inferior; 2 - movilă pe terenul lui D. Diamandidi; 3 - locul descoperirii din a. 1848; 4 - două sectoare ale valului de la Nistrul Inferior; 5 - „aglomerarea" de sud a cavourilor din perioada romană.

Fig. 7. Starea actuală a ruinelor „Cavoului regal" (fotografie de I. Sapozhnikov, 2022).

"Royal Tomb" of the necropolis of Tyras, discovered in 1895: documental evidence of the Imperial Archaeological Commission Archives and cartography data

Keywords: Roman period, Bilhorod-Dnistrovskyi (Tyras – Akkerman), Imperial Archaeological Commission Archives, "lost" File 229, "Royal tomb" of 1895, objects and burial sites on *kučugury*, localization.

Abstract: This article's main goal is to publish and analyze materials of the 229th archival file of the Imperial Archaeological Commission, which was thought to be lost since 1938. However, A. Perminov, a local historian of Bessarabia, reintroduced the file into scholarly discourse as photocopies. The file is a thorough description of a chance discovery of a "Royal Tomb" in Akkerman in 1895. The measures taken at that moment allowed this unique site to stay preserved up to now. Two color drawings of the "Royal Tomb", made by M.V. Farmakovsky on the spot, are published in full for the first time. The tomb is dated to the 1st-2nd cc. AD, and can be ascribed to the necropolis of Tyras. Moreover, the article concerns the history and study of other burial sites of sand kučugurs, discovered between 1848 and 1989. There were no less than eight tombs of various designs, two destroyed burials and a tombstone. These can be dated between the 1st and 3rd cc. AD. According to the data at hand we attempted to reconstruct their localization. A half of such objects is thus attached to two main loci, placed on the right bank of the Dniester estuary: initially, the bulk of them was located along the southern route from Tyras, and with the beginning of the 3rd c. AD these were replaced to the area near the Lower Dniester defensive wall built on the border of the Roman Empire.

List of illustrations:

Fig. 1. Cover of File 229 from the Imperial Archaeological Commission Archives (Saint-Petersburg).

Fig. 2. Layout and views of the "Royal Tomb" (drawing by M.V. Farmakovsky, 1895).

Fig. 3. Internal view and section of the "Royal Tomb" (drawing by M.V. Farmakovsky, 1895).

Fig. 4. Stone pits for the construction of the Odessa harbor, view from the east (photograph by K.I. Migurskiy, 1869).

Fig. 5. The area of the "Royal Tomb" in 1876 (sheet of topographic manuscripts "Bessarabia Governorate" XXVI-36, scale 1 : 21 000); reconstruction. *Legend*: 0 - point from which the photograph of 1869 was taken; 1 - "Royal Tomb"; 1a - a part of the Lower Dniester Wall; 2 - earthwork at the property of D. Diamandidi.

Fig. 6. Objects of Roman necropolis of Tyras among the *kučugury* between Akkerman and Shabo in 1917 (Sheet XLVII-30 of the "two-verst map"; Scale 1 : 84 000); reconstruction. *Legend*: 0 - point from which the photograph of 1869 was taken; 1 - "Royal Tomb"; 1a - a part of the Lower Dniester defensive wall; 2 - earthwork at the property of D. Diamandidi.; 3 - place of the 1848 discovery; 4 - two segments of the Lower Dniester defensive wall; 5 - southern "cluster" of Roman period tombs.

Fig. 7. The ruins of the "Royal Tomb" today (photographs by Igor Sapozhnykov, 2022).

10.02.2022

Др. хаб. Игорь Сапожников, Отдел Крыма и Северо-Западного Причерноморья Института археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда, д. 12, 04210 Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0003-3889-6714, e-mail: ssappog5@gmail.com

Др. Майя Кашуба, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры, Российская Академия наук, Дворцовая наб., д. 18, 191186, Санкт-Петербург, Россия, https://orcid.org/0000-0001-8901-8116, e-mail: mirra-k@yandex.ru

A VOTIVE BRONZE STATUETTE OF JUPITER RECENTLY FOUND AT APULUM, ROMAN DACIA

Radu Ota, Ilie Lascu

Keywords: Apulum, bronze votive statuette, Iupiter fulminans.

The sculptural piece that will be the aim of our study was discovered during rescue archaeological research carried out in 2020 in Alba Iulia (roman Apulum), no. 90 Moților street (fig. 2). An area of almost 900 m² has been outlined, and in a pit marked Cx. 2, at a depth of 1.70 m, the bronze statuette depicting Jupiter was discovered. The feature was excavated in the Roman era, in order to extract the clay for a coroplast workshop (*figlina*), later being transformed into a landfill pit. It was outlined at a depth of 1.20 m, its base being 3.20 m below the current ground level. It had an oval shape, with dimensions of 4.60×3.20 m. The upper part had been damaged by the wall foundations of a contemporary 20th century building. It partially overlapped the Cx. 8 feature, which was also a landfill pit. When Cx. 2 was sectioned, five fill layers were identified, bounded by thin layer of ash or yellow clay (fig. 2). Therefore, the statuette was thrown away into a landfill pit, and not deposited in a cultic pit – *favissa* – belonging to a sanctuary.

The site where the archaeological research was carried out is in the hinterland of the civil settlement (*canabae / municipium Septimium Apulense*) developed around the Roman fort at Apulum (Ota 2012), approximately 600 m north of the fort of the 13th Gemina legion (Moga 1998) (fig. 1).

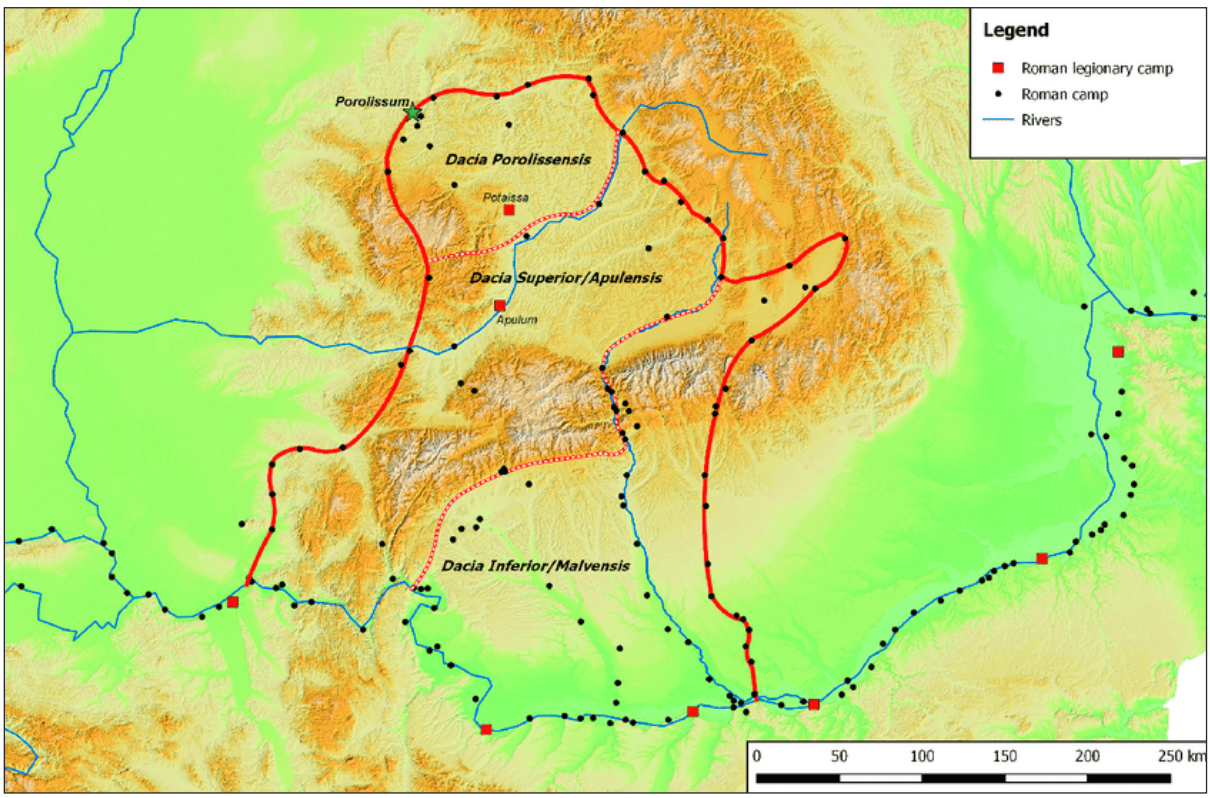


Fig. 1. The map of Roman Dacia (made by V.-A. Lăzărescu; after Opreanu, Lăzărescu 2020, fig. 1).

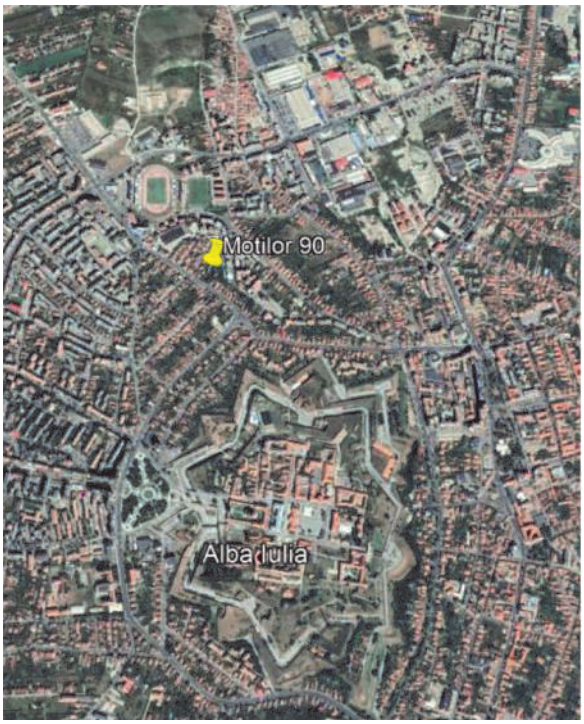


Fig. 2. The localisation of discoveries on the satellite map of Alba Iulia.

At the research site, several dozens of lanfill pits or clay extraction pits, some of large sizes, were identified and investigated, from which numerous artifacts belonging to the Roman era were recovered (pieces of coroplastic, clay and bronze lamps, tableware for domestic use or for the celebration of religious cults (Dionysos – Liber Pater, Mithras etc.), coins from Elagabalus and Gordianus III, and numerous animal bones (A first study regarding the findings from this spot was already published; to see: Ota, Lascu, Anghel 2021, 349-376).

The subject of this article is the analysis of a small votive bronze statuette (h – 5.8 cm), preserved fragmentarily (fig. 4). This was placed in a *larario*, a small family altar on which statuettes of the protective gods of the home (Lares) were placed alongside those of other gods from whom protection was expected.

Jupiter is the supreme deity of the classical Roman pantheon, being identified from the beginning with Zeus of the Greeks. He is considered one of those *dii militares*, protectors of the army and the Roman state. It patronizes political acts and watches over the unfolding human events (Ferrari 2003, 469).

1

2

Fig. 3. Feature 2: 1 - at outlining; 2 - at emptying.

The statuette is cast in the lost-wax technique, being preserved rather precariously. In general, the piece suffered from strong corrosion, being difficult to stabilize during restoration[1]. The statuette is missing the left arm in which it held the lance or sceptre, and the plinth on which it was placed. The right leg was restored. The god is shown half-naked, standing, looking to the right, towards the bundle of lightning (*fulmen*) with his right leg extended, on which the weight of his body was supported. The left leg is bent at the knee, brought slightly behind, thus creating the *contrapposto* effect. The deity's face is heavily damaged, thus only a few facial features can barely be distinguished. The muscles are rendered quite realistically (pectoral, abdominal, dorsal and gluteal), with enough organicity. He wears the laurel wreath on his head while the beard is barely visible. A barely noticeable *chlamys* covers a part of his chest and left shoulder.

[1] The artifact was restored by Phd Dan Anghel (National Museum of Union Alba Iulia).

Fig. 4. The votive bronze statuette of Jupiter.

The statuette represents Jupiter, the *fulminans type*, in the form of the keeper of the lightning or the bundle of lightning (*fulmen*) in the right hand, which is barely distinguishable.

In the urban center of Apulum and in Dacia, the cult of Jupiter was widespread, considering the official character of this cult. For the spreading of the cult in Apulum (there is a half of iconographical representations and almost half of epigraphical) and Dacia province, we remember several titles as: Isaac 1974; Băluță 1980; Ota 2013, with bibliography).

Iconographically, the *fulminans type* has its archetype in classical Greek sculpture. The sculptural archetype is the statue of Zeus Brontaios by Leochares, a famous Athenian sculptor from the 4th century BC (Diaconescu 2013, 44). From this statue made According to Pliny the Elder (*Nat.Hist.*, XXXXIV, 79) this statue was sculpted between 372-369 BC and started the Fulminans iconographic type (sometimes referred to as tonans) in Roman times.

The same author states that the statue was brought from Megalopolis and placed in the temple of Jupiter tonans on the Capitol hill (Boucher 1974, 149; Diaconescu 2013, 44). From this image, numerous stone and bronze copies from the Roman era were created. We mention two stone statues from Apulum, one of calcareous sandstone, the other made of marble (Ota 2007, 255-258, pl. 1-2a-b), which belong to this iconographic type. The first is posing as the keeper of the bundle of lightning in the right hand, just like our bronze statuette.

If this iconographic type is less widespread among stone statues, bronze statuary is well documented in the province of Dacia. For our artifact, the most representative is a bronze statuette from Potaissa, much better preserved and indisputably, was created with more artistic success (Țeposu-Marinescu, Pop 2000, 24-25, no. 3, pl. 2/3; Diaconescu 2013, 42). A second bronze statuette, discovered in the fort of the 5th Macedonica legion, is less detailed (Țeposu-Marinescu, Pop 2000, 25, no. 4, pl. 3/4), but belongs to the fulminans type, as the keeper of the bundle of lightning stance, just like the first statuette and the one we discovered at Apulum. A recent discovery from the civil settlement of Cioroiu Nou, Dacia Inferior, constitutes a successful analogy for our statuette. It's a bronze statuette of Jupiter fulminans, accompanied by an eagle, with a quite high artistic quality, made in a provincial workshop (Bondoc, Filip 2019, 110-116, fig. 1-4). We have two other similar bronze statuettes from Gallia, from Paris (Reinach 1908, 2, no. 6-7), from Ezinge (Braemer 1963, 636, pl. XLVIII) and

Zuidlaren (Boucher 1974, 150/18) near Groningen, placed in front of the limes in front of Lower Germany, one from Upper Moesia, preserved in the National Museum in Belgrade (Popović et al. 1969, 86, no. 74), and Herculaneum, in Italy (Kaufmann-Heinimann 1998, 212, Abb. 148).

This modest statuette is the first bronze statue of Jupiter discovered at Apulum and it is a product of a local, provincial workshop. So far, archaeological research has not identified any bronze workshop at Apulum but the presence of numerous bronze artifacts at this site leads us to believe that this statuette of Jupiter could have been produced here. More than 100 votive inscriptions are known to be attested at Apulum, some being found in recent years (see IDR III/5; Ota, Florescu 2017; Ota, Oargă 2020), and the place most of the stone statues and statuettes depicting this god from the province of Dacia are from, and it belongs to the Fulminans or Tonans iconographic type.

Bibliography

Bondoc, Filip 2019: D. Bondoc, G. Filip, Jupiter fulminans de la Cioroiu Nou. Oltenia. Studii și Comunicări XXVI, 2019, 110-116.

Boucher 1974: St. Boucher, Bronzes gallo-romains et bronzes gaulois. Problèmes de methode. Gallia 32, 1, 1974, 137-163.

Braemer 1963: Fr. Braemer, L'art dans l'occident romain. Trésors d'argenterie. Sculptures de bronze et de pierre (Paris: ed. CNRS Réunion des Musées Nationaux Palais du Louvre, Galerie Mollien 1963).

Diaconescu 2013: A. Diaconescu, „Clasicismul" în plastica minoră din Dacia Romană (Cluj-Napoca: ed. Mega 2013).

Ferrari 2003: A. Ferrari, Dicționar de mitologie greacă și romană (București-Iași: ed. Polirom 2003).

IDR III/5: Inscriptions d'Apulum (ed. I. Piso), vol. 1-2 (Paris 2001).

Isac 1974: D. Isac, Contribuţii la iconografia religioasă a Daciei romane. Iuppiter Verospi. ActaMN XI, 1974, 61-81.

Kaufmann-Heinimann 1998: A. Kaufmann-Heinimann, Götter und Lararien aus Augusta Raurica. Herstellung, Fundzussammenhänge und sakrale Funktion figürlicher Bronzen in einer römischen Stadt, Forschungen in Augst 26 (Augst: Römerstadt Augusta Raurica 1998)

Moga 1998: V. Moga, Castrul roman de la Apulum (Cluj-Napoca: ed. Casa Cărții de Știință 1998).

Opreanu, Lăzărescu 2020: C. H. Opreanu, V.-A. Lăzărescu, The Roman headquarters in the northern limes of Dacia: Porolissum (jud. Sălaj/RO) in the light of recent research. Archäologisches Korrespondenblatt 50, 2, 2020, 225-240.

Ota 2007: R. Ota, Iupiter fulminans în iconografia religioasă apulensă. Pontica XL, 2007, 255-267.

Ota 2012: R. Ota, De la canabele legiunii a XIII-a Gemina la Municipium Septimium Apulense (Alba Iulia: ed. Altip 2012).

Ota 2013: R. Ota, Remarks on the stone representations of Jupiter in roman Dacia. In: (Ed. C.G. Alexandrescu) Jupiter on your side. Gods and humans in antiquity in the Lower Danube area (Bucharest: ed. Academiei Române 2013), 63-78.

Ota, Florescu 2017: R. Ota, C. T. Florescu, Un altar votiv descoperit în castrul legionar de la Apulum. Apulum LIV/1, 2017, 329-340.

Ota, Oargă 2020: R. Ota, O.-M. Oargă, Două altare votive închinate lui Iupiter descoperite la Apulum. Apulum LVII/1, 2020, 295-306.

Ota, Lascu, Anghel 2021: R. Ota, I. Lascu, D.G. Anghel, Piese de coroplastică și ceramică cu decor aplicat descoperite la Apulum. In: (Ed. S-C. Ailincăi, G. Nuțu, C. Micu, M. Mocanu, A.-D. Stănică) Studii de arheologie și istorie antică în onoarea lui Victor Heinrich Baumann cu ocazia celei de a 80-a aniversări (Cluj-Napoca: ed. Mega 2021), 349-376.

Pliny 1961: Pliny the Elder, Natural History, vol. I-IX (translated by H. Rackhman) (Loeb Classical Library 1961).

Popović et al. 1969: Lj. Popović, D. Mano-Zisi, M. Veličković, B. Jeličić, Antička bronza u Jugoslaviji (Beograd: Narodni Muzej 1969)

Reinach 1908: S. Reinach, Répertoire de la statuaire grecque et romaine, tome II, vol. I (Paris: ed. Ernest Leroux 1908).

Țeposu-Marinescu, Pop 2000: L. Țeposu-Marinescu, C. Pop, Statuete de bronz din Dacia romană, I (Bucureşti: ed. Muzeul Național de Istorie a României 2000).

O statuetă votivă din bronz a lui Iupiter, descoperită recent la Apulum, Dacia romană

Cuvinte-cheie: Apulum, votive, bronz, statuete, Iuppiter fulminans.

Rezumat: Subiectul acestui articol îl constituie analiza unei statuete din bronz care-l reprezintă pe Iuppiter fulminans în ipostaza de păstrător al mănunchiului de fulgere (*fulmen*). Piesa a fost descoperită cu ocazia unei cercetări arheologice de salvare, efectuate în zona extramurană a aşezării de tip *canabae*, dezvoltată în jurul castrului legiunii a XIII-a Gemina de la Apulum, care, după anul 197, a acces la prima treaptă municipală, devenind *municipium Septimium Apulense*. Locul cercetării s-a aflat la 600 m spre nord de castrul roman. Aici au fost identificate şi cercetate câteva zeci de gropi menajere aparţinând epocii romane, foarte bogate în material arheologic, de la ceramica de uz comun la cea folosită la celebrarea unor culte religioase (Dionysos-Liber Pater, Mithras etc.), piese aparţinând coroplasticii romane provinciale, opaiţe de lut şi bronz, monede de la Elagabal (218-222 p. Chr.) şi Gordianus III (238-244 p. Chr.) şi o mare cantitate de oase de animale. Prototipul iconografic este reprezentat de celebra statuie a lui Iuppiter Brontaios a lui Leochares, de la mijlocul sec. IV a. Chr., care fusese adusă la Roma de Octavianus Augustus şi aşezată în templul lui Iuppiter tonans de pe Capitoliu. Piesa este foarte importantă din punct de vedere documentar, deoarece este prima statuetă lucrată în bronz, atribuită lui Iuppiter şi descoperită la Apulum. Se cunoaşte faptul că în acest centru urban sunt cele mai numeroase atestări epigrafice şi reprezentări sculpturale din piatră, care atestă acest cult din provincia Dacia. Această statuetă de bronz, atribuită tipului Iuppiter fulminans, completează repertoriul descoperirilor care atestă acest cult în centrul urban Apulum.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Harta Daciei romane (concepută de V.-A. Lăzărescu; după Opreanu, Lăzărescu 2020, fig. 1).

Fig. 2. Localizarea descoperirilor pe harta satelitară a oraşului Alba Iulia.

Fig. 3. Groapa Cx. 2: 1 - la conturare; 2 - la golire.

Fig. 4. Statueta votivă din bronz a lui Iuppiter.

Бронзовая вотивная статуэтка Юпитера, недавно обнаруженная в каструме Римской Дакии Апулуме

Ключевые слова: Апулум, вотивная бронзовая статуэтка, Юпитер с пучком молний.

Резюме: В статье рассматривается бронзовая статуэтка, изображающая Юпитера с пучком молний. Предмет был обнаружен в ходе спасательных археологических раскопок, проводившихся вне пределов *канабы*, располагавшейся вокруг лагеря XIII Парного легиона в Апулуме, который после 197 году стал *муниципием Septimium Apulense*. Место исследований находилось в 600 м к северу от римского лагеря. Здесь выявлено и исследовано несколько десятков хозяйственных ям, относящихся к римской эпохе, содержавших богатый археологический материал, от бытовой посуды до сосудов, использовавшейся в отправлении религиозных культов (Диониса Liber Pater, Митры и др.), предметы коропластики из римских провинций, глиняные и бронзовые светильники, монеты Элагабала (218-222 гг. до н.э.) и Гордиана III (238-244 гг. до н.э.) и большое количество костей животных. Иконографическим прототипом статуэтки является знаменитая статуя Юпитера Бронтея работы Леохара середины IV века до н.э., которая была привезена в Рим Октавианом Августом и помещена в храме Юпитера Громовержца на Капитолии. Эта статуэтка имеет большое значение с документальной точки зрения, поскольку это первое бронзовое изображение Юпитера, обнаруженное в Апулуме. Известно, что в этом городском центре находятся самые многочисленные эпиграфические свидетельства и каменные скульптурные изображения, свидетельствующие о культе Юпитера в провинции Дакия. Бронзовая статуэтка, изображающая Юпитера с пучком молний, дополняет ряд находок, свидетельствующих о распространении этого культа в Апулуме.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Карта Римской Дакии (составлена В.-А. Лазэреску; по Opreanu, Lăzărescu 2020, fig. 1).

Рис. 2. Расположение находок на спутниковой карте Алба-Юлии.

Рис. 3. Яма Cx. 2: 1 - при контурировании; 2 - при выемке заполнения.

Рис. 4. Бронзовая вотивная статуэтка Юпитера.

01.09.2022

Dr. Radu Ota, National Museum of Union Alba Iulia, Romania, 12-14 Mihai Viteazul str. Alba Iulia, Romania, https://orcid.org/0000-0002-6644-4486, e-mail: raduota2@gmail.com

Dr. Ilie Lascu, National Museum of Union Alba Iulia, Romania, 12-14 Mihai Viteazul str. Alba Iulia, Romania, https://orcid.org/0000-0002-1156-6734, e-mail: lascuia@yahoo.com

TWO ALMGREN 69 BROOCHES DISCOVERED AT MÎRZOAIA, REPUBLIC OF MOLDOVA (Reconfirming the presence of sedentary communities in the Prut-Dniester area at the beginning of the 1st millennium AD)[1]

Octavian Munteanu, Vasile Iarmulschi, Nicolai Batog

Keywords: Roman Age; Fibula; Almgren 69; Sarmatians; sedentary population.

As evidenced by the archaeological investigations conducted to date, sites that may be ascribed to sedentary populations are practically absent from the Prut-Dniester forest steppe during the period comprised between late 1st century BC and first half of the 3rd century AD. Only a few archaeological sites that could be attributed to these communities are known so far. They include the sites of Rudi-La Șanțuri (Tkaciuk, Zasâpchina 2000), Pruteni (Vornic et al. 2007) and most recently – the one in Lipoveni (Matveev, Vornic 2022, 41). Even though the number of such finds is for now rather limited, they contradict the established views of certain scholars according to whom in the mentioned period, the Prut-Dniester forest steppe was inhabited only by nomad tribes – the so-called Sarmatae (Grosu 1995; Bârcă 2006; Simonenko, Bârcă 2009). We believe that both previous archaeological finds and those gradually more visible in recent times make us more reserved in relation to such statement. Among the latest finds also count two Roman era brooches[2], yielded by the site at Mîrzoaia[3] by chance.

The archaeological site is located about 7.5 km southeast of Nisporeni town, in a forested hill area delimited by the Prut and Lăpușna river basins, covers a plateau of approx. 2 ha situated at an altitude of about 350 m (at over 100 m above the Mîrzoaia village). Slopes are rather steep, sharpen on the eastern side (fig. 1). Across the site's surface, beside these two brooches, were also discovered archaeological materials dated to the first Iron Age, second Iron Age and to the Middle Ages (Munteanu, Iarmulschi, Batog 2021, 213-214). In order to provide researchers with all the necessary data for an efficient reception, we shall briefly discuss below each artefact.

1. One piece, bronze brooch with widened, strongly curved head. The arched body has a projection in the upper part. The eight coil spring (4+4) is slightly deformed, while the vertical external chord is supported by a hook. The long foot is provided with a small knob by the extremity. The catchplate is rectangular and filled. Size – 4.2 cm (fig. 2/1).
2. Two-piece brooch – iron head and body, bronze spring and pin – has a widened, strongly curved head. The arched body has a projection in the upper part. The spring is formed of ten coils (5+5), while the vertical, external chord is supported by two hooks. The long foot ends in a knob. The catchplate is rectangular and filled. Size – 6.3 cm (fig. 2/2).

Typology and parallels

Research on La Tène and Roman era brooches from Europe is already approximately one century "old", so that currently, there is considerable literature discussing such finds. The first archaeologist who analysed the late La Tène and Roman-era fibulae known in Central and South-Eastern Europe at that time was Oscar Almgren (Almgren 1897; Almgren 1923). In his systematisation, brooches similar to those of Mîrzoaia were included in group IV, series I, variation 69

[1] Octavian Munteanu has developed this article within the Project 20.80009.1606.14 "The archeological heritage of the Iron Age in the Middle Dniester region and the Cogâlnic River basin: interdisciplinary research and scientific development".
Vasile Iarmulschi has developed this article within the Project 20.80009.0807.43 "Museum heritage and historical memory: research, interpretation, presentation".

[2] We mention that the discussed artefacts were not yielded by burial structures.

[3] Our thanks go to Mr. I. Lungu, who delivered us the brooches.

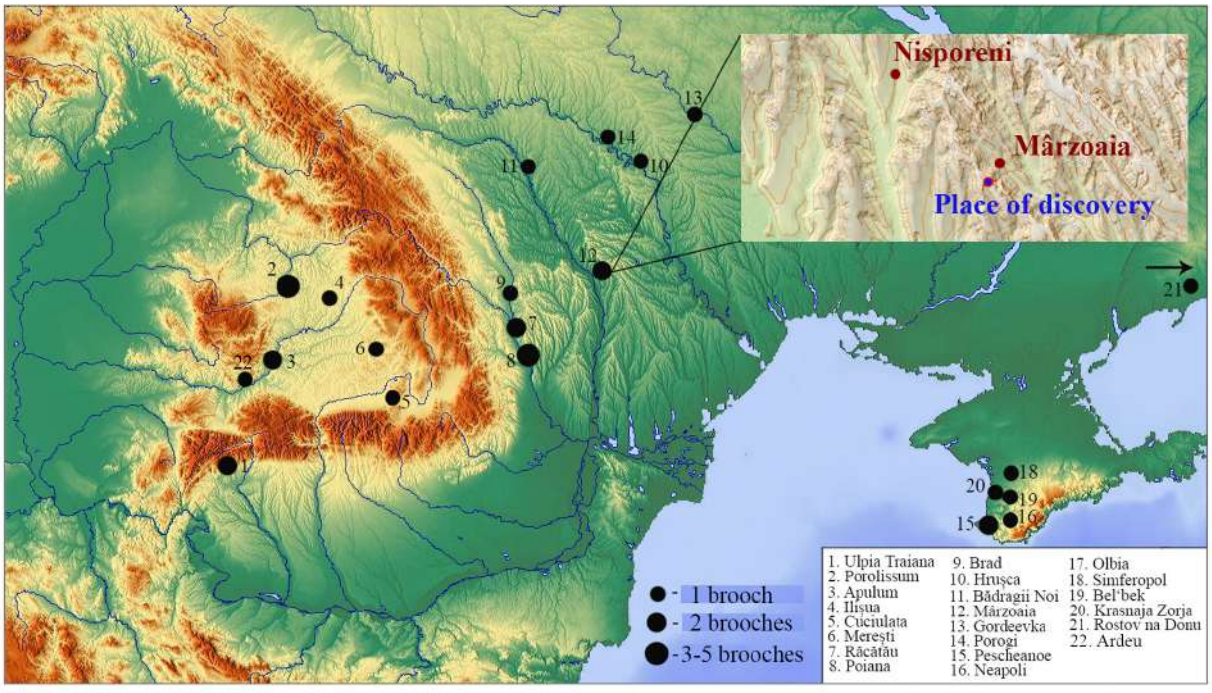


Fig. 1. Distribution of Almgren 69 fibulae in the North Pontic region
(after Rustoiu 1997; Cociş 2004; Hellström 2018 with additions)

(Almgren 1923, 37). Their detailed and in-depth analysis has concluded that such brooches were formed in the Eastern Alps area (Peškar 1972, 79; Cociş 2004, 49). Later, they diffused in the Roman provinces of *Noricum, Pannonia* and *Moesia*, but also in *Barbaricum*. Within the same context, we specify that in the *Barbaricum*, such artefacts are rather frequently found on the territory of pre-Roman Dacia[4] (fig. 1), especially in the *davae* on the Siret river (Rustoiu 1997, 52-53; Bârcă 2006, 128), but also among the burial finds attributed to the so-called Sarmatae (fig. 1) (Bârcă 2006, 128; Hellström 2018, 81). It is important to emphasize that the rather high number of such fibulae discovered in the northern Thracian communities' milieu was related, by some of the scholars, to an existing production workshop of respective brooch type, located in the *dava* of Poiana and dated to the second half of the 1st century AD (Vulpe et al. 1952, 198; Rustoiu 1997, 20-21, 51-52; Bârcă 2006, 128).

In A. Rustoiu's classification, who studied the brooches discovered in pre-Roman Dacia, these artefacts compose group III, type 19, variation C (Rustoiu 1997, 52, fig. 59/1-5). In S. Cociş's typology, who analysed the brooches found in the Roman province of *Dacia*, such fibulas were included in type 8 variation 1ac[5] (Cociş 2004, 49, pl. VI/78-82, 85-90). The most recent study discussing La Tène and Roman era brooches was authored by K. Hellström, who grouped brooches similar to those of Mîrzoaia in type II, variation B.1c (Hellström 2018, 81, Taf. 48A).

Chronology

The issue of the chronological framing of these specimens was and remains extensively debated in the academic literature. Thus, O. Almgren considered that this type of brooch, discovered in Central Europe, must be dated to the second half of the 1st century AD (Almgren 1923, 37). On the other hand, W. Krämer, when examining specimens discovered at Kempten, assumed that Almgren 69 type fibulas had emerged in the late Flavian period, respectively the last quarter of the 1st century AD (Krämer 1957, 76). A similar chronological framing was proposed by I. Peškar for the specimens discovered in Moravia (Peškar 1972, 79). Nevertheless, the author did not

[4] We mention that such brooches were also discovered in two sites – Ilişua and *Ulpia Traiană* – dated to the Roman period of the province of Dacia.

[5] It must be noted that S. Cociş had delimited two subvariants based on brooch lengths – a1c1 – exemplars whose length varied between 5 and 7 cm and a1c2 – brooches smaller than 5 cm (Cociş 2004, 49).

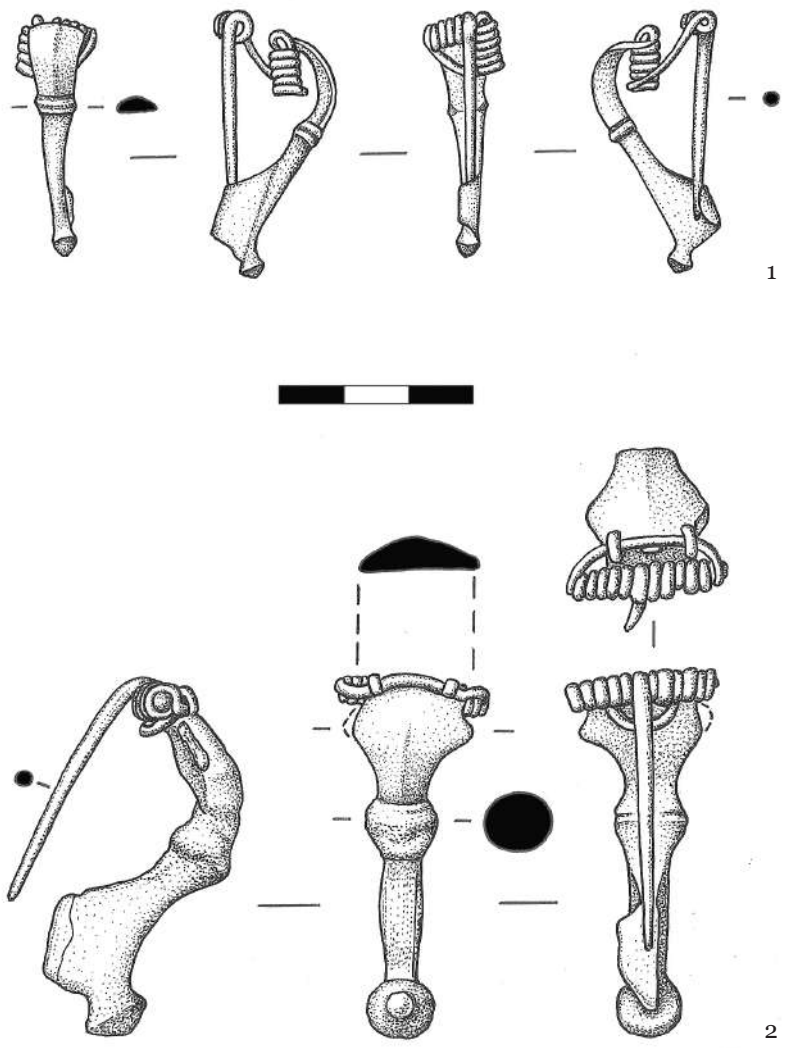


Fig. 2. Almgren 69 fibulae from Mîrzoaia.

exclude that such items might have emerged even once with the third quarter of the 1st century AD and remained fashionable until the beginning of the next century (Peškar 1972, 79). Similar views were also expressed by K. Hellström (Hellström 2018, 82).

In the north and north-west Pontic regions, circumstances are similar, but more fluctuating. As noted, in pre-Roman Dacia there are many parallels for the Mîrzoaia specimens (Rustoiu 1997, 52; Bârcă 2006, 128). Regrettably, these were most often discovered in unclear stratigraphic contexts, so it was assumed that in the environment of the northern Thracian communities such brooches were circulating over the course of the entire 1st century AD (Rustoiu 1997, 52), being extensively used in its second half (Bârcă 2006, 128). With respect to the exemplars discovered in the sites of Roman Dacia, only three specimens are known to date – two fibulas from Ulpia Traiana and one specimen from the *castrum* of Ilișua – yielded by certain stratigraphic contexts (Cociș 2004, 49). According to S. Cociș, these emerged in the Trajan's level, therefore they must be dated by late 1st century - first two decades of the 2nd century AD (Cociș 2004, 49).

A more accurate dating may be suggested for the exemplars discovered in burials ascribed to the so-called Sarmatae. Thus, it grave T5G2 at Bădragii Noi (fig. 3/1-6), in which a brooch simi-

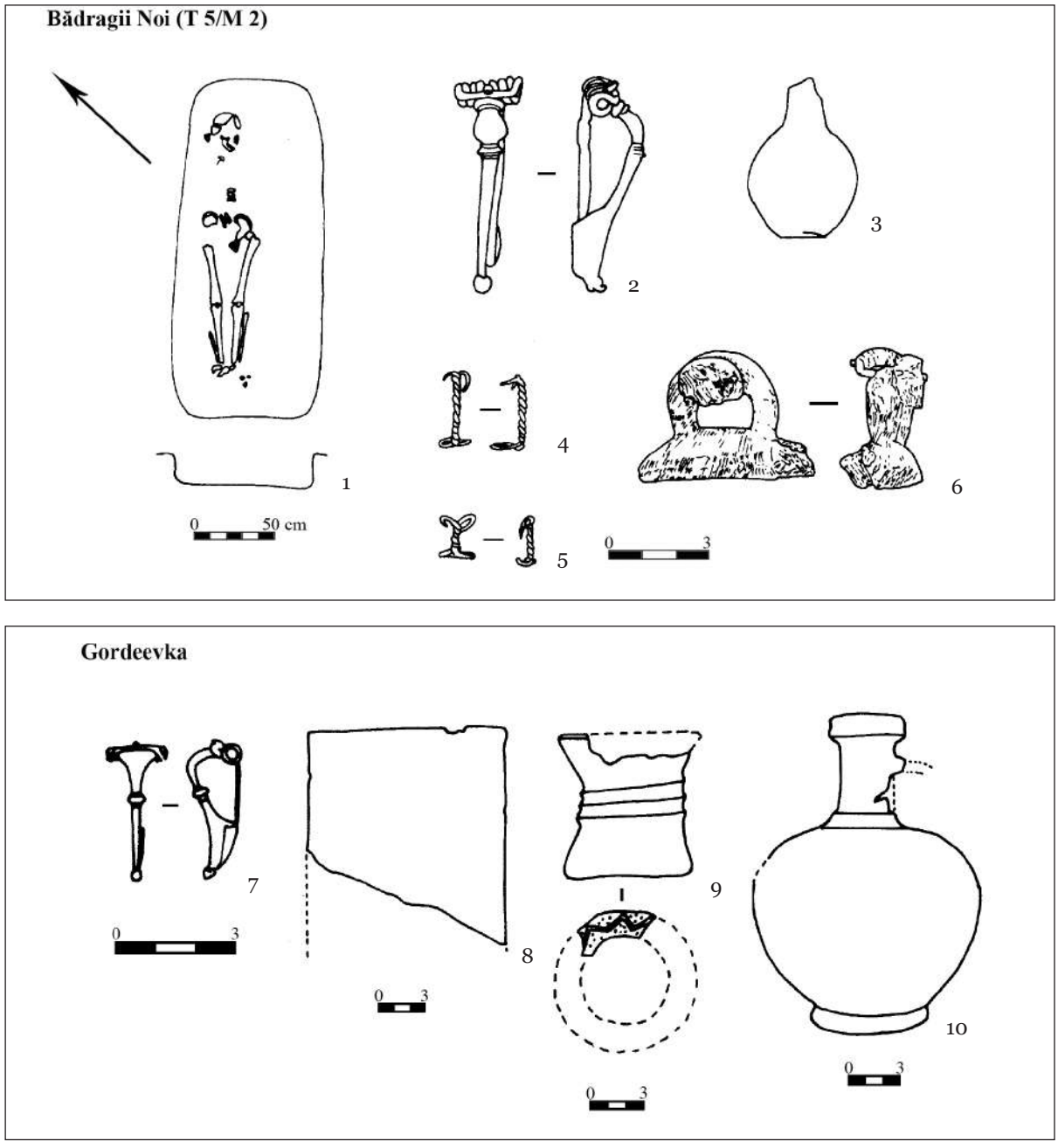


Fig. 3. 1-6 - Bădragii Noi (Tumulus 5/ Grave 2); 7-10 - the Gordeevka Tomb (after Bârcă 2006).

lar to the Mîrzoaia specimens was identified, was originally dated, on the basis of a glass *unguentarium* found in the same burial, to the 2nd century AD (Grosu 1995, 60). Later, V. Bârcă's specifications anchored the find date to the second half of the 1st century - early 2nd century AD (Bârcă 2006, 320), a chronological framing that seems to be closer to the historical facts. An Almgren 69 brooch was identified in the isolated burial of Hrușca (Гросу 1986, 258-261) (fig. 4/23). The same funerary item also yielded 20 golden sheet appliques, a pendant made of golden sheets, a carnelian bead and a silver *phalera* – with a king Farzoios's tamga (Гросу 1986, 258-261) (fig. 4). According to the grave goods, the burial was dated to the second half of the 1st century AD (Babeș 1999, 232; Bârcă 2006, 320).

Another brooch was identified in the grave at Gordeevka (Bârcă 2006, 315) (fig. 3/7), associated with a mirror and a jug (fig. 3/8-10). The grave goods dated the find to the second half of the 1st century AD (Bârcă 2006, 315).

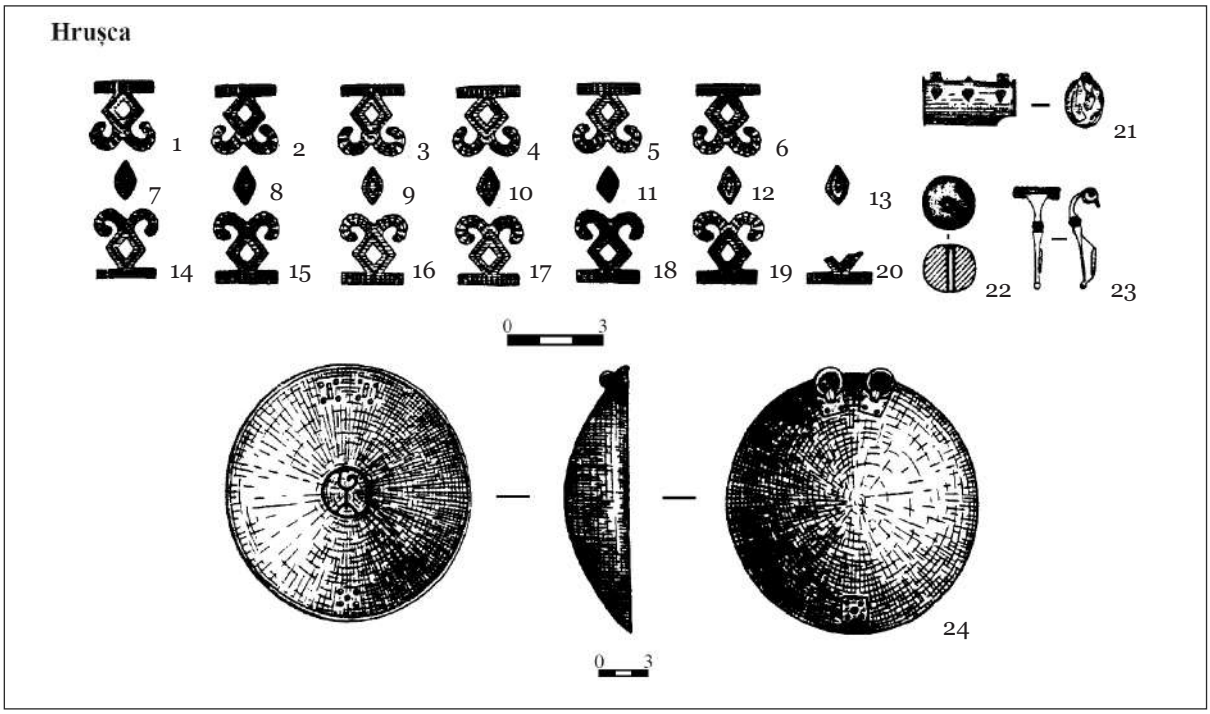


Fig. 4. The Grave from Hrușca (after Bârcă 2006).

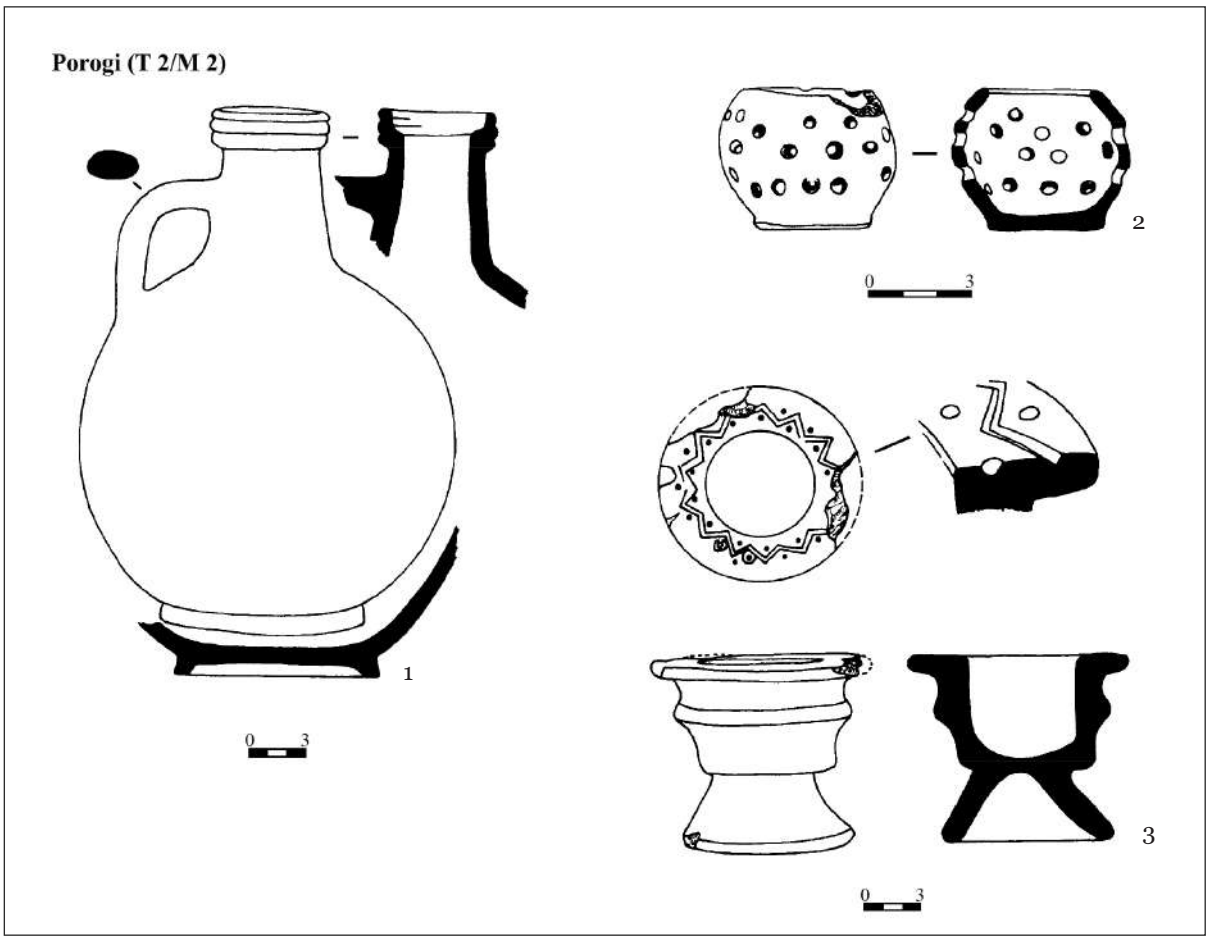


Fig. 5. Porogi, Tumulus 2/ Grave 2 (after Bârcă 2006).

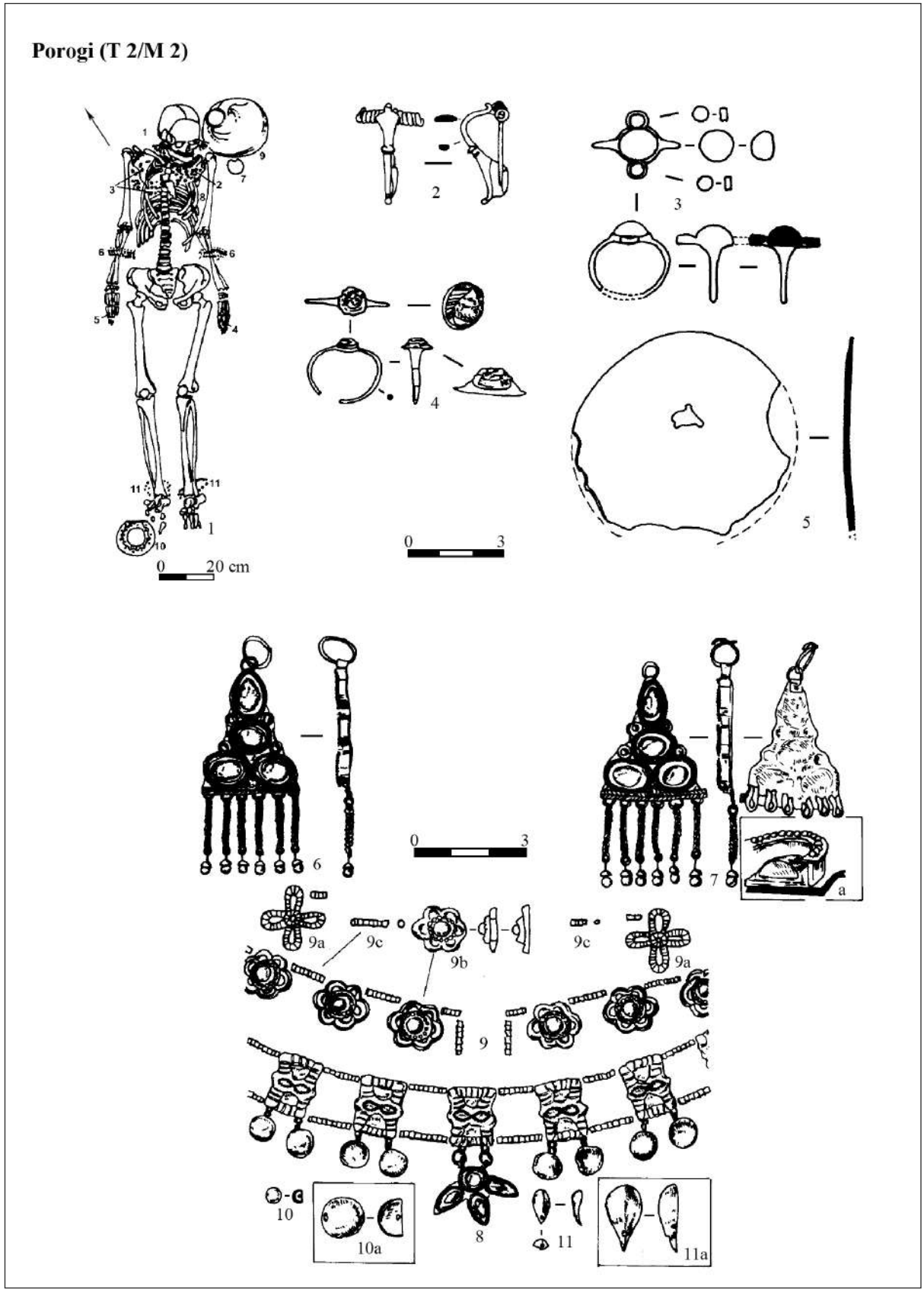


Fig. 6. Porogi, Tumulus 2 / Grave 2 (after Bârcă 2006).

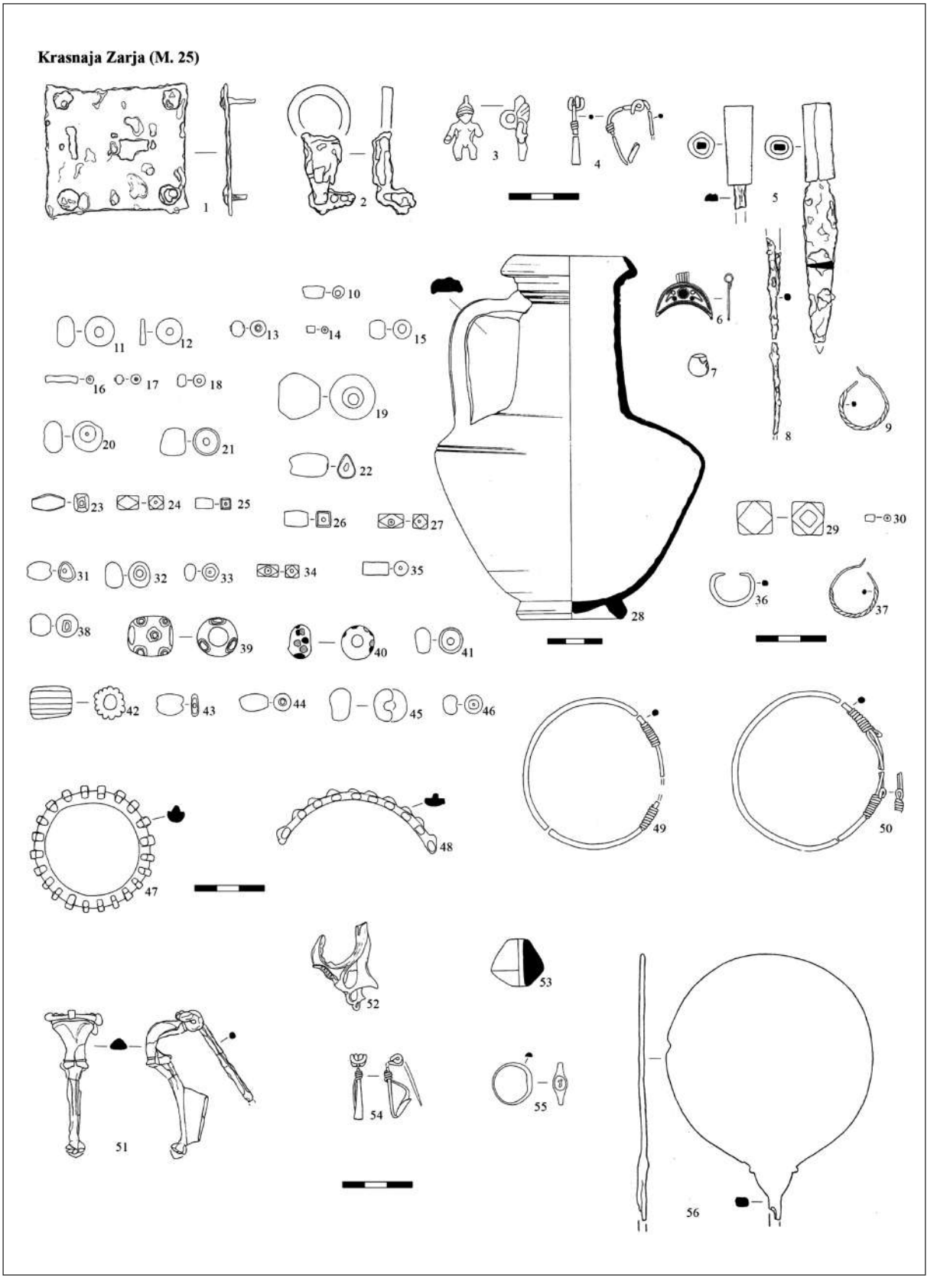


Fig. 7. Grave 25 from Krasnaja Zorja (after Волошинов, Масякин, Неневоля 2007).

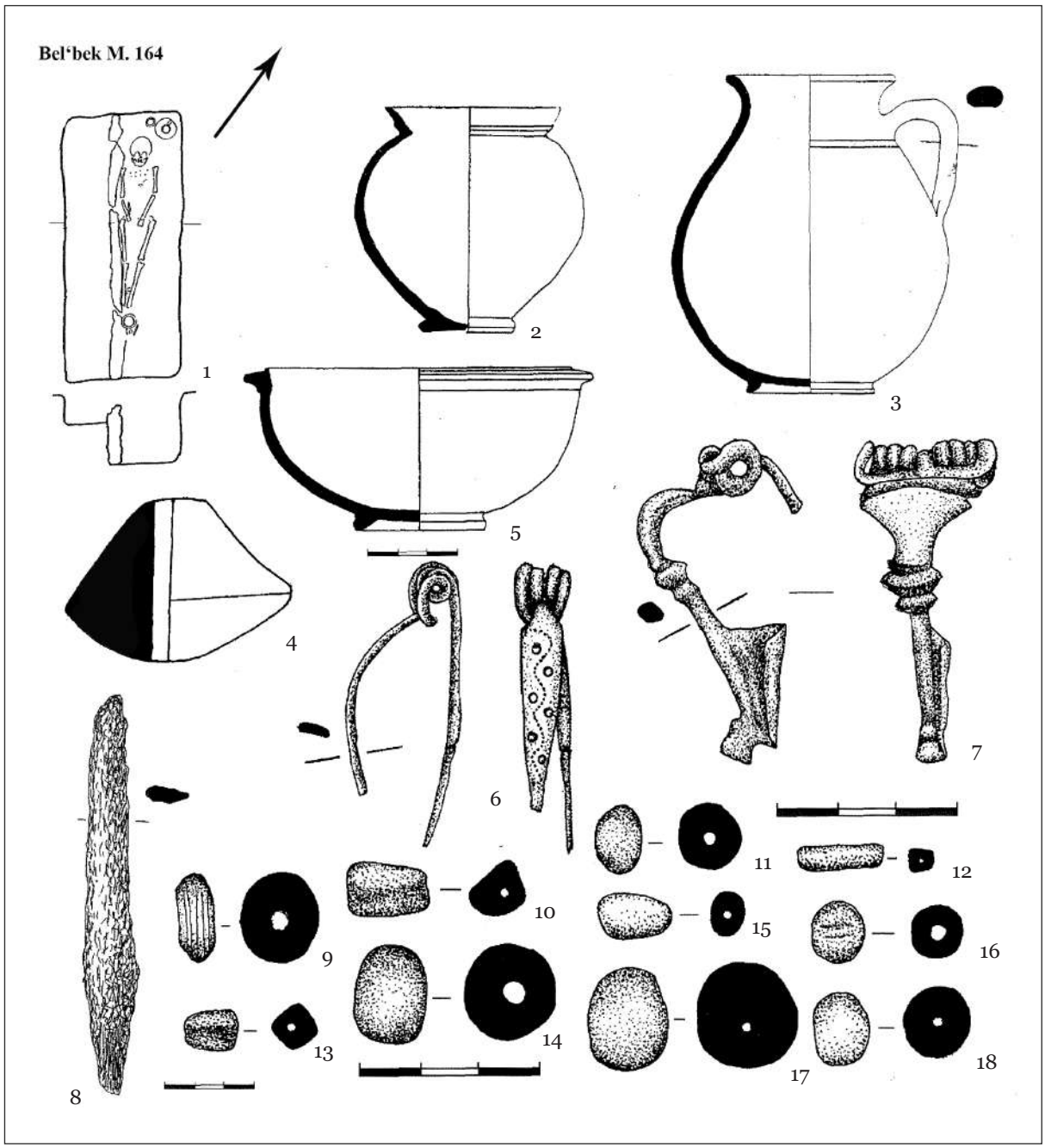


Fig. 8. Grave 164 from Bel'bek (after Гущина, Журавлев 2016).

Another Almgren 69 brooch was found in grave T2 G2 at Porogi (Bârcă 2006, 128, 352) (fig. 6/2). This grave was richly furnished, among its grave goods we mention here two golden earrings, a necklace consisting of 13 golden plates and 24 coil-shaped appliques in the same metal, 128 golden appliques, a fragmentary silver mirror (fig. 6/5) and ceramics (fig. 5). The entire grave furnishing dated the burial to the second half of the 1st century AD (Bârcă 2006, 128).

Relevant data related to the chronological framing of Almgren 69 type brooches may be provided by certain finds in the environment of the so-called Late Scythians from the Crimean Peninsula. Thus, in grave 25 at Krasnaja Zarja an Almgren 69 brooch (fig. 7/51) was associated with two brooches with returned, wound foot as well as a *terra sigillata* jug (Волошинов, Масякин, Неневоля 2007) (fig. 7). The grave goods dated respective burial to the second half

of the 1st century - first half of the 2nd century AD (Волошинов, Масякин, Неневоля 2007; Hellström 2018, 82). Since brooches with returned, wound foot (type I B1c after Hellström 2018) are dated between mid 1st century and early 2nd century AD (Hellström 2018, 54), we believe that the given burial could be anchored within the same chronological limits.

Another Almgren 69 fibula was recovered from G. 164 in the Bel'bek cemetery (Гущина, Журавлев 2016, 154). We mention that in the same burial structure there were also identified three *terra sigillata* wares as well as a IC.2b type brooch, after Hellström (fig. 8) (Гущина, Журавлев 2016, 154). Based on the dating of the Roman import, this burial has been chronologically attributed to the last quarter of the 1st century - first quarter of the 2nd century AD (Гущина, Журавлев 2016, 154).

Based on all presented data, we believe that the two Roman era brooches discovered at Mîrzoaia must be framed between mid/second half of the 1st century - early 2nd century AD. It is important to specify that other archaeological remains were identified at Mîrzoaia as well, particularly the three iron celts (Munteanu, Iarmulschi, Batog 2021), which likely roughly relate to the same chronological limits.

In conclusion, it may be noted that the archaeological finds of Mîrzoaia delimit a chronological horizon dated to phases B1 and B2a of the Roman period from Central Europe, according to J. Wielowiejski (Wielowiejski 1970). From the absolute chronology point of view, this corresponds to a period comprised between early 1st century and first quarter of the 2nd century AD. Since in the Prut-Dniester forest steppes, practically no archaeological finds are ascribed to sedentary communities in this chronological timeline and because the Mîrzoaia site is very well preserved, we believe that archaeological excavations are imperative in this archaeological site. We also believe that the commencement of field surveys are worth taking into consideration for this site and would most certainly yield consistent data for the reconstruction of the cultural-historical phenomena by early 1st millennium AD in the Prut-Dniester forest steppe.

Bibliography

Almgren 1897: O. Almgren, Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen. Eingereichtete Dissertation (Upsala 1897).

Almgren 1923: O. Almgren, Studien über nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen (Leipzig 1923).

Babeş 1999: M. Babeş, Ein Tamga-zeichnen aus der Dakischen Siedlung von Ocniţa (Buridava). In: (Hrsg. N. Boroffka, T. Soroceanu) Transilvanica. Archäologische Untersuchungen zur älteren Geschichte der Südöstlichen Mitteleuropa (Rahden/Westf. 1999), 223-239.

Bârcă 2006: V. Bârcă, Istorie şi civilizaţie. Sarmaţii în spaţiul est-carpatic (sec. I a. Chr. - începutul sec. II p. Chr.) (Cluj-Napoca 2006).

Cociş 2004: S. Cociş, Fibulele din Dacia romană (Cluj-Napoca 2004).

Grosu 1995: V. Grosu, Sarmaţii din spaţiul geto-dacic răsăritean. ArhMold XVIII, 1995, 133-186.

Hellström 2018: K. Hellström, Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.) (Bonn 2018).

Krämer 1957: W. Krämer, Cambodunumforschungen 1953 (Kallmünz 1957).

Matveev, Vornic 2022: S. Matveev, V. Vornic, Cercetări arheologice la situl stratificat Lipoveni II-*La Nisipărie* în anul 2021. In: (Ed. V. Vornic) Cercetări arheologice în Republica Moldova: Campania 2021. Sesiunea Naţională de Rapoarte, 20 aprilie 2022: Program. Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2022), 40-43.

Munteanu, Iarmulschi, Batog 2021: O. Munteanu, V. Iarmulschi, N. Batog, Celtul din fier: un nou tip de unelte în spaţiul pruto-nistrean / Iron socketed axe: a new type of tools in the Prut-Dniester area. In: (Eds. A. Zanoci, M. Băţ) Economie şi mediu în spaţiul tiso-nistrean în epoca fierului. Materialele colloquium-ului de vară de la Saharna (29 iulie - 1 august 2021) / Economy and Environment in the Iron Age in the Tisza-Dniester region. Proceedings of the Saharna Summer Colloquium (Juli 29th - August 1th 2021) (Chişinău: Bons Offices 2021), 209-242.

Peškar 1972: I. Peškar, Fibeln aus der römischen Kaiserzeit in Mähren (Prag 1972).

Popa 2015: Al. Popa, Untersuchungen zu den römisch-barbarischen Kontakten östlich der Römischen Provinz Dacia (Bonn 2015).

Rustoiu 1997: A. Rustoiu, Fibulele din Dacia preromană (Bucureşti 1997).

Simonenko, Bârcă 2009: Al. Simonenenko, V. Bârcă, Călăreţii stepelor. Sarmaţii în spaţiul nord-pontic (Cluj-Napoca 2009).

Tkaciuk, Zasâpchin 2000: M. Tkaciuk, G. Zasâpchin, Date noi de la cetatea Rudi-La Şanţuri. Caracteristica tipologică şi cronologică a complexelor închise. Tyragetia IX, 2000, 101-112.

Vornic et al. 2007: V. Vornic, N. Telnov, V. Bubulici, L. Ciobanu, Pruteni – un centru de olărie dacic din epoca romană (cercetările din anii 2001 şi 2003) (Chişinău 2007).

Vulpe et al. 1952: R. Vulpe et al., Santierul Poiana. SCIV 3/3, 1952, 191-230.

Wielowiejski 1970: J. Wielowiejski, Kontakty Noricum i Pannonii z ludami północnymi (Wrocław 1970).

Волошинов, Масякин, Неневоля 2007: А.А. Волошинов, В.В. Масякин, И.И. Неневоля, Два комплекса с римскими импортами из Краснозоринского некрополя. В сб.: (Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева) Древнея Таврика (Симферополь 2007), 303-318.

Гросу 1986: В.И. Гросу, Сарматское погребение в Поднестровье. СА 1, 1986, 258-261.

Гущина, Журавлев 2016: И.И. Гущина, Д.В. Журавлев, Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму (Москва 2016).

Două fibule de tip Almgren 69 descoperite la Mîrzoaia, Republica Moldova (o reconfirmare a prezenţei sedentarilor în spaţiul pruto-nistrean la începutul mileniului I p. Chr.)

Cuvinte-cheie: epoca romană, fibule, Almgren 69, sarmaţi, sedentari.

Rezumat: Problema siturilor ce ar putea fi atribuite populaţiilor sedentare în spaţiul pruto-nistrean din perioada cuprinsă între sfârşitul secolul I a. Chr. şi prima jumătate a sec. III p. Chr. rămâne a fi una puţin studiată şi chiar într-un accentuat con de umbră. Până la moment sunt cunoscute doar câteva obiective arheologice care ar putea fi atribuite acestor populaţii. Chiar dacă numărul unor astfel de descoperiri este, deocamdată, foarte restrâns, dar suficient de expresiv, ele sunt în disonanţă cu viziunile încetăţenite ale unor cercetători, conform cărora spaţiul pruto-nistrean, pe parcursul acestei perioade, a fost locuit doar de triburi nomade. În ceea ce ne priveşte, considerăm că atât descoperirile arheologice mai vechi, cât şi cele ce devin tot mai vizibile în ultimul timp, sunt de natură să ne facă tot mai rezervaţi în raport cu această supoziţie. Printre noile descoperiri se numără şi două fibule de epocă romană, ce au văzut lumina zilei fortuit în situl de la Mîrzoaia (raionul Nisporeni), fără să fi fost surprinse urme de morminte ale sarmaţilor.

Studiul nostru s-a focalizat pe analiza morfologică a pieselor descoperite şi delimitarea analogiilor pentru astfel de fibule. În sistematizarea concepută de Oscar Almgren, fibulele asemănătoare celor de la Mîrzoaia au fost incluse în grupa IV, seria I, varianta 69, al căror areal de formare îl constituie zona Alpilor răsăriteni. Ulterior, ele s-au răspândit în provinciile romane, dar şi în *Barbaricum*, unde astfel de piese sunt extrem de frecvent întâlnite pe teritoriul Daciei preromane, dar şi în descoperirile funerare atribuite aşa-numiţilor sarmaţi. Analizând reperele cronologice pentru principalele analogii, constatăm că descoperirile arheologice de la Mîrzoaia (care nu sunt conectate la vestigii de tip sarmatic) permit delimitarea unui orizont cronologic datat cu fazele B1 şi începutul fazei B2 ale epocii romane din Europa Centrală (după Wielowiejski).

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Răspândirea fibulelor Almgren 69 în regiunea nord-pontică (după Rustoiu 1997; Cociş 2004; Hellström 2018 cu completări).

Fig. 2. Fibulele Almgren 69 de la Mîrzoaia.

Fig. 3. 1-6 - Bădragii Noi (Tumul 5/ Mormântul 2); 7-10 - mormântul de la Gordeevka (după Bârcă 2006).

Fig. 4. Mormântul de la Hruşca (după Bârcă 2006).

Fig. 5. Porogi, Tumul 2/ Mormântul 2 (după Bârcă 2006).

Fig. 6. Porogi, Tumul 2/ Mormântul 2 (după Bârcă 2006).

Fig. 7. Mormântul 25 de la Krasnaja Zorja (după Волошинов, Масякин, Неневоля 2007).

Fig. 8. Mormântul 164 de la Bel'bek (după Гущина, Журавлев 2016).

Две фибулы типа Альмгрен 69 обнаруженные в селе Мырзоая, Республика Молдова (обоснование присутствия оседлого населения в Пруто-Днестровском регионе в начале I тысячелетия)

Ключевые слова: римская эпоха; Фибула; Альмгрен 69; сарматы; оседлое население.

Резюме: Проблема памятников, которые можно отнести к оседлому населению Пруто-Днестровского региона в период с конца I века до н.э. до первой половины II века н.э., остается малоизученной, и даже в определенной мере позабытой. Пока известно лишь несколько археологических памятников, которые можно отнести к этим группам населения. Хотя количество таких находок в настоящее время весьма ограничено, оно достаточно выразительно, и входит в противоречие с представлениями некоторых исследователей, полагающих, что Пруто-Днестровский регион в тот период был заселен исключительно кочевыми племенами. Наряду с предыдущими археологическими находками, новые артефакты, которые становятся все более и более заметными в последнее время, заставляют нас все более и более сдержанно относиться к этому предположению. Среди новых находок стоит выделить две фибулы римской эпохи, которые случайно были обнаружены недалеко от села Мырзоая (Ниспоренский район), при отсутствии каких-либо следов сарматских могил. Наше исследование было сосредоточено на морфологическом анализе обнаруженных артефактов и установлении аналогий для таких фибул. В классификации, разработанной Оскаром Альмгреном, фибулы, подобные находкам из Мырзоая, были включены в группу IV, серию I, вариант 69, областью формирования которых является район Восточных Альп. Позже они распространились в римских провинциях, а также в варварском мире, где такие изделия чрезвычайно часто находят на территории доримской Дакии, а также в погребальном инвентаре, приписываемом так называемым сарматам. Анализируя хронологические реперы основных аналогий, мы констатировали, что археологические находки из Мырзоая (не связанные с какими-либо находками сарматского типа) позволяют очертить хронологический горизонт, относящийся к фазам B1 и началу фазы B2 римской эпохи в Центральной Европе (по Wielowiejski).

Список иллюстраций:

Рис. 1. Распространение фибул Almgren 69 в Северном Причерноморье (по Rustoiu 1997; Cociș 2004; Hellström 2018 с дополнениями).

Рис. 2. Фибулы Almgren 69 из Мырзоая.

Рис. 3. 1-6: Бадражий Ной, курган 5/ погребение 2; 7-10: Гордеевское погребение (по Bârcă 2006).

Рис. 4. Погребение из Хрушки (по Bârcă 2006).

Рис. 5. Пороги, курган 2/ погребение 2 (по Bârcă 2006).

Рис. 6. Пороги, курган 2/ погребение 2 (по Bârcă 2006).

Рис. 7. Погребение 25 из Красной Зори (по Волошинов, Масякин, Неневоля 2007).

Рис. 8. Погребение 164 в Бельбеке (по Гущина, Журавлев 2016).

23.08.2022

Dr. Octavian Munteanu, "Ion Creangă" State Pedagogical University, I. Creangă str., no. 1, MD-2069, Chișinău, Republic of Moldova, https://orcid.org/0000-0001-9340-8002, e-mail: ocmunteanu@gmail.com

Dr. Vasile Iarmulschi, National Museum of History of Moldova, 31 August 1989 str., no. 121A, MD-2012 Chișinău, Republic of Moldova / Free University of Berlin, Fabeckstr., no. 23-25, 14195 Berlin, Germany, https://orcid.org/0000-0002-9013-1973, e-mail: vasile.iarmulschi@gmail.com

Nicolai Batog, "A. Mickiewicz" University Poznań, Wieniawskiego 1, 61-712 Poznań, Poland, https://orcid.org/0000-0002-2412-2948, e-mail: batognicolai@gmail.com

CAMPANIA ÎMPĂRATULUI NIKEPHOROS I ÎN BULGARIA (811). CONSIDERAȚII ASUPRA UNOR ASPECTE CONTROVERSATE

Vasile Mărculeț

Cuvinte-cheie: Nikephoros I, Krum, Bulgaria, Vărbitsa, Veselinovsky, Kotel, Riš (Beregava / Veregava), Iskăr, Osăm, Troyan. Pliska, Serdica, Markellai.

Începutul secolului al IX-lea consacră, pe fondul creșterii puterii Khaganatului Bulgar, sub domnia khaganului Krum (803-814), o accentuare a tensiunilor bizantino-bulgare. Ofensivei militare a khaganului bulgar, împăratul Nikephoros I (802-811) i-a răspuns cu o viguroasă contraofensivă, menită să conducă la eliminarea definitivă a pericolului reprezentat de Bulgaria.

Etapa finală a contraofensivei inițiate de basileul bizantin avea să se încheie dramatic, în 26 iulie 811, cu un dezastru pentru împărat și forțele imperiale. O serie de aspecte, precum momentul declanșării atacului bizantin împotriva Bulgariei, cel al debutului ofensivei imperiale de la Pliska spre Serdica / Sardica (Sofia) sau localizarea confruntării finale bizantino-bulgare din 26 iulie, continuă să rămână controversate.

Ofensivă bulgară și contraofensiva bizantină la începutul secolului al IX-lea

Amenințarea bulgară la adresa stăpânirilor bizantine din Thracia și Macedonia și a Constantinopolisului însuși înregistrează o recrudescență la sfârșitul deceniului întâi și la începutul deceniului al doilea ale secolului al IX-lea. În asemenea circumstanțe, *„dat fiind faptul că nici o Bulgarie slabă, nici una puternică nu era compatibilă cu securitatea Constantinopolisului, distrugerea sa totală reprezenta un obiectiv perfect rațional pentru strategia bizantină”* (Luttwak 2009, 176; Luttwak 2021, 240). De altfel, distrugerea Bulgariei avea să constituie obiectivul suprem al politicii externe bizantine în Peninsula Balcanică, până la atingerea lui la începutul secolului al XI-lea.

Atacurilor bulgare împăratul Nikephoros I le răspunde cu o primă campanie militară, organizată în anul 807. În fruntea trupelor sale, basileul a înaintat până la Adrianopolis. Aici însă, conform consemnării lui Theophanes Confessor, în urma primirii unor vești *„despre o revoltă pusă la cale împotriva lui de către curteni și de către tagmata”*, a pus capăt campaniei și a revenit la Constantinopolis (Theophanes 1997, AM 6299, AD 806/7; Theophanes 1982, AM 6299 [September 1, 806 - August 31, 807]; Teofan 2012, 460; cf. Browning 1975, 49.).

La rândul său, în anul 808, Krum își concentrează ofensiva în Macedonia, pe valea râului Strymon (Struma). Armata Themei Macedonia este zdrobită. În luptă își pierde viața însuși strategos-ul themei și o parte din ofițerii săi. Confruntarea bizantino-bulgară își află o succintă, dar elocventă prezentare în *Cronica* lui Theophanes. Relatarea acestuia înregistrează faptul că forțele bulgare au surprins armata bizantină *„de la Strymon”* în timp ce își primea solda și au atacat-o (Theophanes 1997, AM 6301, AD 808/9; Theophanes 1982, AM 6301 [September 1, 808 - August 31, 809]; Teofan 2012, 462). În confruntarea care a urmat, bulgarii au ucis *„mulți oameni împreună cu strategos-ul și ofițerii”* și au capturat *„1.100 livre de aur”* (Theophanes 1997, AM 6301, AD 808/9; Theophanes 1982, AD 6301 [September 1, 808 - August 31, 809]; Teofan 2012, 462). Conform calculelor realizate de Warren Treadgold, cantitatea de aur capturată de bulgari reprezenta solda a 12.000 de oameni (Treadgold 1988, 157). Cifra reprezintă, foarte probabil, efectivul forțelor imperiale dislocate în Thema Macedonia.

Accesul bulgarilor spre Macedonia era însă blocat de o serie de puncte fortificate bizantine din vestul Thraciei, în primul rând, de Serdica, care, dată fiind însemnătatea ei militaro-strategică, avea să devină următorul obiectiv al politicii expansioniste a khaganului Krum. În martie 809, *„înainte de Paște”*, Serdica a fost cucerită și distrusă, numeroși locuitori ai orașului, precum și

garnizoana formată din *„trupe romeie, în număr de 6.000”*, au fost măcelăriți, consemnează Theophanes Confessor (Theophanes 1997, AM 6301, AD 808/9; Theophanes 1982, AD 6301 [September 1, 808 - August 31, 809]; Teofan 2012, 462).

Împăratul Nikephoros I a reacționat prin organizarea unei campanii împotriva bulgarilor, declanșată în aprilie 809, cu scopul de a recuceri și reconstrui Serdica. Desfășurarea ei își află o succintă și confuză prezentare în *Cronica* aceluiași Theophanes Confessor. *„Nikephoros,* consemnează Theophanes, *s-a prefăcut a merge în campanie împotriva lui* (Krum – *n.n.*) *în ziua de marți a Săptămânii Patimilor Mântuitorului* (3 aprilie – *n.n.*), *dar nu a realizat nimic demn de remarcat. Când ofițerii care scăpaseră din masacru i-au cerut promisiunea că vor fi protejați, el a refuzat să le-o dea și astfel i-a forțat să dezerteze la inamic, printre ei și spatharios-ul Eumathios, expert în mașini de război. Spre marea lui dezonoare, Nikephoros a încercat să convingă Cetatea Împărătească* (Constantinopolis – *n.n.*), *prin jurăminte sfinte, că a celebrat Sărbătoarea Paștelui în campamentul lui Kroummos (αὐλῇ τοῦ Κρούμμου)”* (Theophanes 1997, AM 6301, AD 808/9; Theophanes 1982, AD 6301 [September 1, 808 - August 31, 809]; Teofan 2012, 462).

Parcurgerea textului *Cronicii* relevă, fără dubii, faptul că însuși autorul acesteia exprimă serioase rezerve cu privire la veridicitatea informațiilor referitoare la succesul obținut asupra bulgarilor, comunicat de Nikephoros I la Constantinopolis. În pofida acestui fapt, informațiile cuprinse în *Cronica* lui Theophanes au primit interpretări diferite din partea cercetătorilor care au abordat aspecte ale campaniei bizantine împotriva bulgarilor din primăvara anului 809.

Istoricul bulgar Vasil N. Zlatarsky admite ca absolut plauzibile rezervele formulate de Theophanes față de știrile transmise de împăratul Nikephoros I la Constantinopolis, prin care anunța un succes militar într-o campanie în care nu a înregistrat nimic (Zlatarsky 1970, 328). La polul opus se plasează alți cercetători, bulgari sau străini, care acceptă, ca fiind perfect plauzibile, informațiile prezentate de Theophanes drept false. În consecință, ei identifică acel *„campament al lui Krummos”*, cu cetatea Pliska, reședința khaganului bulgar (Runciman 1930, 39; Browning 1975, 49; Niavis 1984, 299; Fine, jr. 1991, 95; Božilov, Gjuzelev 1999, 129; Haldon 2008, 74; Hupchick 2017, 77).

O opinie diferită, dar mult mai plauzibilă, formulează Panos Sophoulis. Acesta respinge ca neverosimilă teza identificării acelui *„campament al lui Krum”* cu Pliska, considerând imposibilă străbaterea, într-un timp atât de scurt, a distanței de 350 km, care despărțea frontiera bizantino-bulgară de reședința lui Krum (Sophoulis 2012, 190). El este de părerea că împăratul s-a îndreptat direct spre Serdica, și, în consecință, propune identificarea *„campamentului lui Krum”* cu o tabără defensivă de formă patrulateră, pusă în evidență de cercetările arheologice, la 35 km nord-est de Serdica, la sud de actualul oraș Botevgrad și Etropole (Sophoulis 2017, 190; Rašev 1982, 57, 59, 199; Wendel 2005, 153).

Se pare că principalul obiectiv al campaniei bizantine din 809 l-a reprezentat reconstruirea Serdikăi. Aceasta reiese clar din informațiile transmise de Theophanes, care relatează că împăratul, *„dorind să reconstruiască Serdica ocupată, dar temându-se de opoziția mulțimilor, el le-a sugerat strategilor și ofițerilor să convingă soldații să solicite reconstrucția”* (Theophanes 1997, AM 6301, AD 808/9; Theophanes 1982, AD 6301 [September 1, 808 - August 31, 809]; Teofan 2012, 462). Intenția s-a lovit însă de opoziția soldaților, care, scrie Theophanes, *„înțelegând că acest fapt fusese sugerat de răutatea împăratului, s-au răzvrătit împotriva lui și a ofițerilor lor la ceasul al șaselea”* (Theophanes 1997, AM 6301, AD 808/9; Theophanes 1982, AD 6301 [September 1, 808 - August 31, 809]; Teofan 2012, 462). Sub presiunea acestora, împăratul a pus capăt campaniei și a revenit la Constantinopolis (Theophanes 1997, AM 6301, AD 808/9; Theophanes 1982, AD 6301 [September 1, 808 - August 31, 809]; Teofan 2012, 462-463).

Este cunoscut faptul că, între 1 septembrie 809 și 31 martie 811, Nikephoros I a recurs la o intensă politică de colonizare în Macedonia, pe valea Strymonului. Rezultatul acestei politici s-a materializat în constituirea themelor Pelopones, Kephalonia și Thessalonik (Lemerle 1963, 29; Treadgold 1988, 160; Treadgold 1995, 67, tabelul 2; Sophoulis 2012, 190-191).

Există însă și istorici care exprimă alte opinii cu privire la constituirea respectivelor unități militar-administrative. Spre exemplu, Judith Herrin este de părere că inițiatoarea procesului de organizare a unora dintre themele menționate a fost împărăteasa Irina (Herrin 2001, 115-116; Herrin 2022, 182).

La finalul acestei organizări, efectivele militarilor recrutaţi în thematele din cadrul lor se prezentau, conform calculelor realizate de Warren Tradgold, astfel: Hellada – 2.000, Macedonia – 3.000, Pelopones – 2.000, Thessalonik – 2.000, Thracia – 3.000 şi Kephalonia – 2.000 (Treadgold 1995, 67, tabelul 2). După cum se poate constata, noile theme balcanice, împreună cu cele deja existente, puneau la dispoziţia imperiului themate cu un efectiv total de 14.000 de militari (Lemerle 1963, 29; Treadgold 1988, 160; Treadgold 1995, 67, tabelul 2; Sophoulis 2012, 190-191).

Campania din 811

Ofensiva împotriva bulgarilor avea să fie reluată de Nikephoros I în primăvara anului 811. Principalele informaţii referitoare la campania bizantină în Bulgaria sunt cuprinse în *Cronica* lui *Theophanes Confessor*, în *Cronica de la 811*, dar şi în lucrarea târzie a lui Ioannes Zonaras, *Epitomae historiorum*. Specific informaţiilor transmise de respectivele surse este caracterul lor contradictoriu. O serie de ştiri, succinte sau tangenţiale, se regăsesc în alte lucrări, precum *Povestire despre Sfântul Nikolaos, soldatul călugăr*, *Cronica* lui Constantinos Manasses, *Istoria* lui Ioannes Skylitzes, *Cronica* lui Mihail Syrianul şi altele.

La o dată neprecizată din luna mai, împăratul, scrie Theophanes Confessor, s-a deplasat de la Constantinopolis la Markellai, fortăreaţă situată la frontiera cu Bulgaria (Theophanes 1997, AM 6301, AD 808/9; Theophanes 1982, AD 6301 [September 1, 808 - August 31, 809]; Teofan 2012, 467). A rămas aici mai mult timp pentru completarea forţelor militare.

Cronica lui Theophanes, sau *Cronica de la 811,* informează că împăratul era însoţit de fiul său Staurakios, de ginerele său Mihail Rhangabe, *kouropalates*. Din anturajul împăratului făceau parte, de asemenea, înalţii demnitari care deţineau titlul de *patrikios*, numeroşi *arhontes* şi alţi funcţionari superiori ai curţii imperiale (Theophanes 1997, AM 6301, AD 808/9; Theophanes 1982, AD 6301 [September 1, 808 - August 31, 809]; Teofan 2012, 467; *Scriptor Incertus*, 27/77; Dujčev 1965, 210/211; Grégoire 1936, 422; Stephenson 2006, 87-88).

În vederea derulării operaţiunilor militare împotriva bulgarilor, Nikephoros I a mobilizat un număr impresionant de trupe, formate atât din tagmatele din Thema Thracia, cât şi din thematele din themele asiatice sau, cel puţin, o parte însemnată din ele, respectiv, atât trupele armatei regulate, cât şi cele recrutate la nivel local pe sitemul stratiotic. Cu privire la acest aspect Theophanes relatează că împăratul, *„adunându-şi nu numai trupele din Thracia, ci şi thematele asiatice, precum şi mulţi oameni sărmani înarmaţi pe cheltuiala lor cu praştii şi bâte”*, a pornit împotriva bulgarilor (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, 467). La rândul ei, *Cronica de la 811* consemnează că basileul şi-a mobilizat *„toate tagmatele şi pe fiii arhonţilor în vârstă de 15 ani şi mai mult”*, din care formă o nouă tagmata de gardă, *„o hetaireia (ἑταιρεία)”*, pentru fiul său Staurakios, cărora le *„dădu numele de Hikanatoi (ἱκανάτωι)”* (*Scriptor Incertus*, 27/77; Dujčev 1965, 210/211; Grégoire 1936, 422; Stephenson 2006, 87-88). La comanda noului corp de gardă, împăratul l-a numit pe nepotul său Niketas (viitorul patriarh Ignatius), la data învestirii, în vârstă de doar 10 ani (David 2013, § 3). Fără îndoială, având în vedere vârsta acestuia, comanda exercitată de el a fost una strict nominală.

Alături de *Hikanatoi*, Theophanes lasă, indirect, să se înţeleagă că la campanie au participat şi alte tagmate din cadrul corpurilor garzii imperiale, respectiv *Exkoubitoi, Vigla* şi *Scholae*. Numai aşa se explică înregistrarea de către cronicar, printre comandanţii bizantini căzuţi pe câmpul de luptă, a unui *domestikos exkoubitoi* şi a unui *droungarios al Viglei (ὅ τε τοῦ ἐκσκουβίτου δομέστικος, καὶ ὁ δρουγγάριος τῆς βασιλικῆς βίγλας)* (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, 467). Totodată, prezenţa în cadrul comandamentului bizantin a lui Stephanos, *patrikios* şi *domestikos al Scholae (πατρίκιος καὶ δομέστικος τῶν σχολῶν)*, constituie o confirmare a participării la campanie şi, cel puţin, a unor unităţi din compunerea acestor corpuri de gardă (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, 468). Participarea la campania din Bulgaria a unora dintre *themate* este evidenţiată şi de *Cronica de la 811* (*Scriptor Incertus*, 30/82; Dujčev 1965, 214/215; Grégoire 1936, 424; Stephenson 2006, 89).

În perioada în care împăratul a staţionat la Markellai, consemnează Theophanes Confessor, khaganul Krum, confruntat cu pregătirile militare

ale imperiului, a trimis o solie cu propuneri de pace, care au fost însă respinse de Nikephoros I – atât din cauza *„planurilor sale rele”*, cât și la *„recomandarea sfătuitorilor săi”* (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, p. 467). În fața refuzului împăratului de a accepta pacea, Krum *„a dat dispoziții ca intrările în țara lui să fie întărite cu palisade de lemn”* (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, 467).

Khaganul bulgar avea să beneficieze și de informațiile transmise de unele defecțiuni produse în tabăra bizantină. Theophanes Confessor înregistrează dezertarea la bulgari a unui servitor apropiat al împăratului, un anume Byzantios, care a luat cu sine, alături de un veșmânt imperial, și 100 de livre de aur (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 81]); Teofan 2012, 468).

Datarea momentului trecerii la ofensiva împotriva bulgarilor a forțelor bizantine este o problemă controversată. Împăratul ar fi rămas în tabăra de la Markellai până la sfârșitul celei de-a doua decade a lunii iunie, conform unor manuscrise ale *Cronicii* lui Theophanes, respectiv a lunii iulie, după altele. În 20 iunie 811, se precizează în unele manuscrise, în 20 iulie, după altele, forțele bizantine au pătruns în Bulgaria (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, 467).

Nici în rândul istoricilor moderni nu există unitate de opinii. Unii s-au pronunțat pentru datarea pătrunderii forțelor bizantine în Bulgaria în 11 iulie, alții, acceptând ca veridică data de 20 iulie 811, se pronunță în favoarea acesteia (cf. Zlatarsky 1970, 331; cf. Božilov, Gjuzelev 1999, 128; cf. Runciman 1930, 41; cf. Niavis 1984, 304; Treadgold 1988, 171; Haldon 2008, 74; cf. Decker 2013, 36; cf. Hupchick 2017, 81).

În ceea ce ne privește, nu împărtășim concluziile formulate. Includerea în discuție a informațiilor, transmise de *Cronica de la 811*, cu privire la desfășurarea campaniei antibulgare, asupra cărora vom reveni la momentul potrivit, face imposibile de acceptat atât data de 11 iulie, cât și cea de 20 iulie ca moment al declanșării atacului împotriva Bulgariei. Conform știrilor transmise de acest izvor, confruntarea decisivă bizantino-bulgară din 26 iulie s-a produs la 15 zile după ce împăratul, în fruntea forțelor sale, părăsise Pliska, îndreptându-se spre Serdica (*Scriptor Incertus*, 28/80; Dujčev 1965, 212/213; Grégoire 1936, 424; Stephenson 2006, 88). Informația ne permite concluzia că, la 11 iulie, Pliska fusese deja cucerită de bizantini. Din aceeași sursă știm că, după cucerirea reședinței lui Krum, împăratul și forțele sale aveau să rămână mai mult timp în Pliska, știre care plasează momentul ocupării acesteia, cel mai târziu, în primele zile ale lunii iulie, dacă nu chiar mai devreme. În concluzie, în temeiul tuturor informațiilor prezentate, conchidem că datarea debutului atacului împotriva Bulgariei în 20 iunie, înregistrată de unele manuscrise ale cronicii aceluiași autor, devine cea mai plauzibilă.

Asupra efectivelor mobilizate de împărat nu dispunem de informații. Istoricul Dennis P. Hupchick consideră că, deși, cel puțin teoretic, Nikephoros I putea dispune de 60.000 - 70.000 de soldați, în realitate, la campanie au participat, propriu-zis, doar circa 25.000-30.000 de militari, cărora li se adăuga corpul neregulat de voluntari (Hupchick 2017, 80). Panos Sophoulis se pronunță pentru o forță expediționară bizantină cu efective de 15.000-20.000 de luptători (Sophoulis 2012, 197-198).

Admitem ca perfect plauzibil raționamentul istoricului Dennis P. Hupchick, care consideră că la campania din Bulgaria nu au luat parte thematele din themele Pelopones, Thessalonik, Kephalonia, Hellas și Macedonia. Primele trei nu erau încă organizate, cea din Hellas era angajată în operațiunile de impunere a controlului imperiului în Grecia, iar cea din Macedonia era în curs de reconstrucție după dezastrul suferit în 809 (Hupchick 2017, 80).

Mobilizarea unor efective atât de mari pentru campania antibulgară a fost determinată de obiectivul politic și militaro-strategic urmărit, pe de-o parte, și de relațiile externe ale Bizanțului la momentul respectiv, pe de altă parte. Din punct de vedere politic și militaro-strategic, obiectivul urmărit de autoritățile bizantine l-a reprezentat desființarea Bulgariei, Constantinopolisul neputând tolera existența la hotarul său, la o apropiere atât de mică de zidurile sale, a unui stat de o asemenea putere și cu veleități imperiale, care constituia o amenințare pemanentă. În al doilea rând, în momentul declanșării campaniei, impe-

riul nu dispunea de niciun aliat la hotarul dunărean, care să atace Khaganatul Bulgar, facilitând, în acest fel, operaţiuni militare desfăşurate de forţe imperiale mai reduse numeric, ceea ce l-a obligat pe Nikephoros I *„să se bazeze în totalitate pe propria sa putere militară”* (Luttwak 2021, 241; Luttwak 2009, 177).

În pofida informaţiilor deţinute cu privire la pregătirile militare ale basileului bizantin, Krum a fost surprins de trecerea la ofensivă a forţelor imperiale. Potrivit *Cronicii de la 811*, *„când el* (Nikephoros I – *n.n.*) *străbătu clisurile (κλεισούρας), bulgarii, văzând puterea armatei care înainta, cum se dovedeau neputincioşi să opună vreo rezistenţă, îşi abandonară toate bunurile şi se afundară în munţi”* (*Scriptor Incertus*, 27/78; Dujčev 1965, 210/211; Grégoire 1936, 422; Stephenson 2006, 88).

Unii cercetători au făcut o serie de aprecieri cu privire la direcţiile ofensivei bizantine în această etapă de debut a campaniei, încercând identificarea acestora. Concluziile formulate diferă însă substanţial unele de altele.

În opinia lui J.B. Bury, de la Markellai la Pliska, forţele bizantine au mărşăluit pe o singură coloană şi un timp mai îndelungat. Acestea, afirmă autorul, au traversat munţii prin pasul Veregava (Riš), în urma unui marş *„anevoios pentru o mare armată”*, cum era cea mobilizată de Nikephoros I, care *„a luat ceva timp”* (Bury 1912, 343).

Istoricul John Haldon, spre exemplu, este de părere că forţele bizantine au pătruns în Bulgaria pe două coloane. Una dintre acestea ar fi înaintat pe drumul de coastă pe la extremitatea estică a Munţilor Sredna Gora, iar cealaltă ar fi traversat munţii prin Pasul Šipka, cele două coloane realizând apoi joncţiunea la Pliska (Haldon 2008, 75).

În opinia lui Dennis P. Hupchick, forţele bizantine au pătruns în Bulgaria pe mai multe coloane, traversând Balcanii de Est. În timp ce coloana principală, consideră autorul, ar fi trecut munţii prin Pasul Riš, concomitent, alte coloane au pătruns în Bulgaria prin Pasurile Aitos şi Vărbitsa, situate la răsărit şi, respectiv, la apus de Riš (Hupchick 2017, 81).

O teorie care le îmbină pe cele emise de John Haldon şi Dennis P. Hupchick formulează istoricul Panos Sophoulis. În opinia acestuia, forţele bizantine au pătruns în Bulgaria pe două coloane principale. Una dintre acestea ar fi urmat drumul de coastă, de-a lungul litoralului pontic, pe la extremitatea răsăriteană a Munţilor Sredna Gora. A doua coloană ar fi fost divizată, la rândul ei, în mai multe corpuri, care au putut pătrunde în Bulgaria prin pasurile Vărbitsa, Riš şi Djoula (Sophoulis 2012, 201).

Ofensiva bizantină împotriva Bulgariei, care a debutat prin 20 iunie 811, s-a dorit a fi, potrivit opiniei exprimate de Dennis P. Hupchick, *„un atac total asupra statului bulgar”* şi a avut ca obiectiv strategico-militar iniţial cucerirea cetăţii Pliska (Hupchick 2017, 81). Theophanes, spre exemplu, lasă să se înţelegă că reşedinţa khaganului bulgar a fost cucerită după trei zile de la debutul campaniei, *„după primele confruntări”* cu forţele bulgare (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11 [a se vedea şi ediţiile: Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, 468). Confruntările bizantino-bulgare, la care face referire Theophanes, sunt, probabil, cele cu corpurile de oaste bulgare înregistrate de *Cronica de la 811*, sau *Povestirea despre Sfântul Nikolaos, soldatul călugăr*.

În ceea ce ne priveşte, avem serioase rezerve cu privire la a accepta ca veridică viteza de deplasare a forţelor bizantine în această fază a războiului, sugerată de informaţiile cronicarului bizantin. Potrivit unor specialişti, viteza de deplasare a unor forţe combinate, formate din cavalerie şi infanterie, cum erau cele angajate în campanie, era, în funcţie de teren, de 12-14 mile, respectiv de circa 18 - 21 km pe zi (Haldon 1999, 164-165; Sophoulis 2012, 198). În acest caz, pentru acoperirea distanţei dintre Markellai şi Pliska, de circa 135 km, respectiv de 90 de mile, pe cel mai scurt traseu, forţele imperiale ar fi trebuit să parcurgă, aproximativ, 45 km pe zi, respectiv 30 de mile, adică să aibă o viteză de peste două ori mai mare decât în cazul unui marş normal, ceea ce este dificil de acceptat, având în vedere mijloacele de deplasare ale epocii. În temeiul ritmului de mişcare stabilit pentru forţele combinate, considerăm că deplasarea de la Markellai până la Pliska a durat de la 6,5 până la 7,5 zile. Conchidem, în temeiul constatării făcute, că forţele bizantine au putut ajunge la Pliska prin 26-27 iunie.

Facila ofensivă spre Pliska, remarca Edward N. Luttwak, a avut, din punct de vedere militaro-strategic, un dublu effect – pozitiv şi negativ, în acelaşi timp. Pe de-o parte, ea a lăsat forţele bulgare *„împărştiate inutil prin văi şi munţi”*, într-o

poziție puternică, *„din punct de vedere tactic, dar inutilă din punct de vedere strategic”*, care nu le-a permis însă nici să poată *„rezista înaintării bizantine”* și nici să asigure apărarea reședinței khaganilor bulgari (Luttwak 2021, 248; Luttwak 2009, 184). Pe de altă parte, considera același istoric, trupele bulgare *„au rămas neatinse de ofensiva bizantină”*, ceea ce a permis să poată fi grupate *„pentru acțiune atunci când Krum a decis contraofensiva împotriva bizantinilor aflați la mare distanță de casă și cu liniile de comunicare tăiate”* de adversarii interpuși între ei și teritoriile imperiului (Luttwak 2021, 248; Luttwak 2009, 184).

Intensitatea luptelor pentru cucerirea cetății Pliska își află o prezentare diferită în sursele de care dispunem. Ocuparea cetății s-a realizat în urma unor angajări militare ușoare a forțelor bizantine cu cele bulgare, susține Theophanes (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, 468). În opoziție cu informațiile transmise de Theophanes, *Cronica de la 811* înregistrează confruntări violente bizantino-bulgare pentru cucerirea reședinței lui Krum, consemnând, spre exemplu, că *„întâlnind acolo o armată de bulgari pregătiți și înarmați, rămași pentru apărarea locului, în număr de 12.000, se prinse în luptă cu ei și îi omorî pe toți”*, pentru a relata, în continuare, că *„apoi cu alți 50.000 care veniră în întâmpinarea lui, angajă bătălia cu ei și îi nimici”* (*Scriptor Incertus*, 27/78; Dujčev 1965, 210/211; Grégoire 1936, 422; Stephenson 2006, 88).

În acest punct al demersului nostru, considerăm util să ne oprim succint asupra veridicității informațiilor transmise de izvorul bizantin cu privire la efectivele forțelor bulgare angajate în confruntările cu bizantinii în bătălia pentru Pliska. Admitem ca absolut plauzibilă estimarea corpului de oaste bulgar, lăsat să apere Pliska, la 12.000 de luptători. Faptul este confirmat, indirect, de informațiile cuprinse într-o altă sursă – *Povestirea despre Sfântul Nikolaos, soldatul călugăr*, care redă știrile transmise de un participant direct la campania împotriva Bulgariei. Izvorul în discuție, care înregistrează o singură confruntare militară bizantino-bulgară pentru Pliska, consemnează că forțele imperiale au ocupat reședința lui Krum după ce au zdrobit un corp de oaste bulgar format din *„15.000 de luptători, mai mult sau mai puțin”* (Clugnet 1902, 325, 328, 330; *Synaxarium* 1902, col. 343-344; Stephenson, Shilling 2012, 436).

În ceea ce privește estimarea la 50.000 de luptători a celui de-al doilea corp de oaste bulgar, cu care forțele bizantine s-ar fi confruntat pentru Pliska, acest lucru este o exagereare evidentă a autorului *Cronicii de la 811*. Chiar dacă cunoaștem din acest izvor că, pentru contracararea ofensivei bizantine, pe lângă forțele proprii, bulgarii *„angajară serviciile avarilor și sklavinilor care locuiau în jur”* și că *„înarmară femeile ca pe bărbați”*, considerăm totuși că admiterea ca veridică a estimării la 50.000 de luptători a unui singur corp de oaste bulgar nu poate fi acceptată (*Scriptor Incertus*, 29-30/71; Dujčev 1965, 212/213; Grégoire 1936, 423; Stephenson 2006, 89).

Ocuparea reședinței lui Krum i-a permis lui Nikephoros I să captureze tezaurul khaganului bulgar. Modul în care a fost folosit acesta este prezentat complet diferit de Theophanes Confessor și de *Cronica de la 811*. Primul susține că basileul a încuiat și sigilat tezaurul lui Krum, *„ca și cum ar fi fost al lui”*, iar *„creștinilor care se atingeau de prăzi le erau tăiate urechile și alte părți ale corpului”* (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, 468). În totală opoziție cu informațiile transmise de Theophanes, autorul anonim al *Cronicii de la 811* afirmă că, după ocuparea reședinței khaganului bulgar, împăratul *„caută tezaurele acestuia și, găsindu-se o pradă bogată, puse să fie împărțită soldaților săi, după însemnătate, monede de aramă și veșminte și diferite alte bunuri de preț. Deschise, de asemenea, pivnițele și împărți vin tuturor alor săi, ca să bea pe săturate”* (*Scriptor Incertus*, 28/79; Dujčev 1965, 212/213; Grégoire 1936, 422; Stephenson 2006, 88).

Asupra perioadei de staționare a trupelor bizantine la Pliska nu există, de asemenea, unitate de opinii în cadrul principalelor surse istorice. Deși nu este expusă explicit, din știrile transmise de Theophanes Confessor se desprinde concluzia că forțele imperiale au staționat la Pliska între 20 și 23 iulie 811 (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11 [a se vedea și edițiile: Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, 468). În schimb, *Cronica de la 811* afirmă că împăratul a rămas în Pliska *„câteva*

zile", perioadă în care, străbătând străzile cetăţii şi *„plimbându-se pe terasele locuinţelor"*, şi-a exprimat deschis, în discuţiile cu colaboratorii lui, intenţia de a edifica, pe locul reşedinţei lui Krum, un nou oraş, afirmând că *„eu vreau să construiesc aici un oraş cu numele meu, care să ajungă renumit pentru toate generaţiile care vor veni"* (*Scriptor Incertus*, 28/79; Dujčev 1965, 212/213; Grégoire 1936, 423; Stephenson 2006, 88).

Din punctul nostru de vedere, informaţiile transmise de *Cronica de la 811* cu privire la staţionarea forţelor bizantine la Pliska sunt, pe departe, mult mai veridice decât cele furnizate de Theophanes Confessor. Ca urmare, prin asocierea lor cu constatările făcute cu privire la momentul ocupării reşedinţei lui Krum de Nikephoros I, considerăm că oastea imperială a staţionat la Pliska din 26-27 iunie până în 11 iulie, când a reluat Campania, îndreptându-se spre Serdica. O staţionare de *„câteva zile"*, cum subliniază *Cronica de la 811*, în cazul în speţă – între 14-15 zile, era impusă, în primul rând, de necesităţi militare. În perspectiva reluării ofensivei împortiva Bulgariei, trupele aveau nevoie de o perioadă de refacere după marşul întreprins. Problema a fost rezolvată cu ajutorul rezervelor de hrană şi băutură, descoperite în reşedinţa khaganului bulgar.

De la Pliska, în fruntea oştilor sale, Nikephoros I s-a îndreptat spre Serdica, pe care intenţiona să o reconstruiască. La plecare, reşedinţa lui Krum a fost incendiată (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, 468; *Scriptor Incertus*, 27/78; Dujčev 1965, 210/211; Grégoire 1936, 422; Stephenson 2006, 88). Theophanes susţine că, la această etapă a conflictului, khaganul bulgar a propus, din nou, încheierea păcii, dar oferta lui s-a lovit de refuzul basileului (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, 468). O informaţie similară se regăseşte în cronica târzie a lui Ioannes Zonaras (Zonaras 2006, 33).

Motivul care a stat la baza deciziei împăratului de a se îndrepta spre Serdica este surprins de *Cronica de la 811*. Această sursă înregistrează faptul că basileul, *„fără a se mai preocupa să se retragă în mare grabă, se pune în marş ca să traverseze Bulgaria, voind să-şi croiască drum până la Sardica, fiind convins că poate cuceri toată Bulgaria"* (*Scriptor Incertus*, 28-29/80; Dujčev 1965, 212/213; Grégoire 1936, 423; Stephenson 2006, 88).

Desfăşurarea ulterioară a evenimentelor îşi află, din nou, o prezentare diferită în *Cronica* lui Theophanes Confessor şi în *Cronica de la 811*. Înfuriat de refuzul împăratului Nikephoros I de a accepta propunerile lui de pace, făcute după incendierea cetăţii Pliska, consemnează Theophanes, Krum a dispus o serie de măsuri de natură militară constând în unele amenajări genistice, menite să anihileze ofensiva bizantină. În consecinţă, el *„a dat dispoziţii să fie închise intrările şi ieşirile din ţara lui cu palisade de lemn"*, măsuri care au stârnit panică şi derută la nivelul forţelor bizantine şi a comandamentului militar imperial, în frunte cu împăratul (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, 468; cf. Jireček 1876, 144-145).

Toate aceste acţiuni s-au desfăşurat în zilele de joi şi vineri, respectiv în 24 şi 25 iulie 811, susţine Theophanes (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, 468). În partea a doua a nopţii de vineri spre sâmbătă, s-a produs atacul decisiv al forţelor bulgare asupra celor bizantine. Înainte de a se lumina de ziuă, bulgarii au atacat corturile lui Nikephoros I şi ale principalilor săi comandanţi, care au fost ucişi cu toţii (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 - August 31, 811]; Teofan 2012, 468). O prezentare la fel de succintă a atacului de noapte bulgar şi a nimicirii forţelor bizantine realizează şi Ioannes Zonaras în cronica lui (Zonaras 2006, 34).

O cu totul altă prezentare a desfăşurării evenimentelor până în faza confruntării finale bizantino-bulgare ne oferă *Cronica de la 811*. Din sursa în discuţie reiese fără dubii că între momentul plecării din Pliska şi până în cel al bătăliei finale, din 26 iulie 811, s-au scurs 15 zile. Cunoaştem din cronică – în acest interval de timp, împăratul se afla într-o inexplicabilă depresie: *„Timp de 15 zile,* consemnează cronica, *el ajunse să-şi neglijeze îndatoririle. Spiritul lui nu mai era acelaşi, iar el era un om gol, îşi pierdu capul şi, pe deasupra, era într-o tulburare deplină a minţii, paralizat de insensibilitatea înfumurării. Nu mai ieşi din izolarea lui, nu mai adresă nimănui vreo vorbă, nici ordine. Întrucât unii bârfeau împotriva lui şi îl trimiseră pe fiul său la el să îl sfătuiască să*

iasă de acolo, nu i-a acordat nicio atenție, ci, din contră, i-a adus jigniri și vru să-l lovească" (*Scriptor Incertus*, 29/80; Dujčev 1965, 212/213; Grégoire 1936, 423; Stephenson 2006, 88).

Depresia împăratului s-a repercutat negativ asupra moralului forțelor imperiale, afectându-le considerabil capacitatea de luptă. Actele de indisciplină, apărute în rândul soldaților, s-au înmulțit considerabil, aceștia dedându-se la *„fapte care nu sunt permise"* (*Scriptor Incertus*, 29/80; Dujčev 1965, 212/213; Grégoire 1936, 423; Stephenson 2006, 88). Concomitent, armata bizantină s-a confruntat cu o creștere exponențială a dezertărilor din rândurile ei, deoarece, *„văzând lipsa de ordine și incoerența"* împăratului, soldații imperiali *„au început să dezerteze și să fugă prin vreun șiretlic"* (*Scriptor Incertus*, 29/81; Dujčev 1965, 212/213; Grégoire 1936, 423; Stephenson 2006, 88).

În *Cronica de la 811,* desfășurarea bătăliei își află o prezentare mult mai detaliată față de cea realizată de *Cronica* lui Theophanes. Aflăm și din această sursă că bulgarii blocară trecătoarea montană prin care se deplasau forțele imperiale cu o *„o palisadă, redutabilă și aproape de netrecut, formată din trunchiuri groase de copaci, ca un zid"* (*Scriptor Incertus*, 29/81; Dujčev 1965, 212/213; Grégoire 1936, 423; Stephenson 2006, 88).

Concomitent cu realizarea amenajărilor genistice, menite să blocheze rutele de deplasare a trupelor bizantine, forțele bulgare au luat și contact cu acestea. Referitor la acest aspect, *Cronica de la 811* relatează că *„de pe înălțimile muntoase"* luptătorii bulgari *„urmăreau cu privirea soldații [bizantini], care rătăceau ici și colo"* (*Scriptor Incertus*, 29/81; Dujčev 1965, 212/213; Grégoire 1936, 423; Stephenson 2006, 88-89).

Când a fost stabilit acest contact – cronica nu precizează. Prin asocierea informațiilor înregistrate de respectivul izvor cu cele transmise de Theophanes, suntem în măsură să conchidem că momentul s-a consumat joi, 24 iulie 811, pentru a continua, apoi, și vineri, 25 iulie.

Din relatarea lui Theophanes Confessor reiese că, odată cu stabilirea contactului cu forțele bulgare și cu amenajările genistice executate de acestea, împăratul a intuit capcana în care căzuse oastea bizantină, precum și gravitatea situației ei. Expresia clară a acestei realități o reprezintă cuvintele atribuite de autor basileului, care, în fața iminentului dezastru, le-ar fi spus apropiaților că *„chiar dacă ne vor crește aripi, nimeni să nu creadă că va scăpa de soarta lui"* (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 – August 31, 811]; Teofan 2012, 468).

Atacul decisiv al forțelor bulgare, întărite cu contingente de mercenari avari și sklavini, asupra celor bizantine a fost unul de noapte, producându-se înainte de ivirea zorilor zilei de sâmbătă, 26 iulie. Conform consemnării din cronică, *„în a cincisprezecea zi după intrarea lor, [a bizantinilor]"*, în zona montană, *„la revărsatul zorilor, sâmbătă, 26 iulie"*, trupele khaganului Krum *„se năpustiră asupra acestora, pe când erau încă pe jumătate adormiți. Aceștia, ridicându-se și înarmându-se în grabă, angajează bătălia. Dar cum thematele erau campate la mare depărtare unele de altele, ei n-au înțeles imediat ce se întâmpla: [bulgarii] nu căzuseră, de fapt, decât asupra trupei imperiale. Ei opuseră o scurtă și neputincioasă rezistență și fură masacrați în număr mare, iar ceilalți, văzând aceasta, o iau la fugă"* (*Scriptor Incertus*, 30-31/82; Dujčev 1965, 212/213-214/215; Grégoire 1936, 423-424; Stephenson 2006, 89).

În baza informațiilor din *Cronica de la 811*, ne permitem să propunem următoarea desfășurare a evenimentelor. În primul rând, considerăm că până la locul confruntării cu trupele khaganului Krum, forțele bizantine s-au deplasat organizate în două corpuri distincte: unul, comandat de împărat, era format din tagmatele diferitor corpuri ale gărzii imperiale și constituia capul coloanei de marș; al doilea, format din thematele recrutate din cadrul diverselor theme, încheia coloana, deplasându-se la o oarecare distanță în spatele primului.

Din punctul nostru de vedere, atacul de noapte al trupelor bulgare, prezentat de informațiile analizate, constituie o primă fază a bătăliei bizantino-bulgare. Constatăm că, în timpul atacului, oștile lui Krum au manevrat în așa fel, încât s-au interpus între cele două corpuri, reușind, astfel, să rupă unitatea de acțiune a armatei bizantine, și că efortul lor militar s-a concentrat, mai ales, împotriva corpului de oaste bizantin format din tagmatele gărzii imperiale, în cadrul căruia se afla împăratul și principalii membri ai comandamentului militar bizantin. Atacul de noapte a luat

prin surprindere forţele imperiale, care au suferit pierderi considerabile. În încercarea lor disperată de a se salva, rămăşiţele armatei imperiale s-au dispersat în degringoladă.

Aceeaşi cronică consemnează faptul că bătălia s-a dat în apropierea unui râu *„foarte mlăştinos şi greu de trecut”* (*Scriptor Incertus*, 30/82; Dujčev 1965, 214/215; Grégoire 1936, 424; Stephenson 2006, 89). Aici avea să se consume, în opinia noastră, a doua fază a bătăliei. Potrivit cronicii, soldaţii bizantini care au supravieţuit măcelului din timpul nopţii, urmăriţi de adversar şi negăsind un vad de trecere, s-au aruncat în râu împreună cu caii lor, dar s-au împotmolit în noroi. Dezastrul forţelor bizantine avea să înregistreze, în această a doua fază a bătăliei, noi dimensiuni. Militarii bizantini, scrie în continuare cronica, *„călcaţi în picioare de cei care veneau din urmă, se prăbuşesc unii peste alţii, iar râul se umple de oameni şi de cai, astfel că duşmanii trec peste trupurile lor fără stricăciuni şi îi urmăresc pe supravieţuitori, care, în mod firesc, s-au socotit cu totul în afara pericolului”* (*Scriptor Incertus*, 30-31/83; Dujčev 1965, 214/215; Grégoire 1936, 424; Stephenson 2006, 89).

A treia şi ultima fază a confruntării bizantino-bulgare a avut loc la palisada construită de bulgari pentru a bloca trecătoarea. Ea a implicat grupurile ultimilor spravieţuitori ai armatei bizantine. Potrivit relatării cronicii, *„cei care se credeau deja mântuiţi de la moarte în râu, au ajuns la palisada pe care o făcuseră bulgarii, solidă şi foarte greu de trecut. Neputând ca, împreună cu caii lor, să facă o breşă, îşi părăsesc caii, se caţără cu mâinile şi picioarele şi se reped în partea cealaltă. Întrucât în afară se săpase un şanţ adânc, precipitându-se din înaltul palisadei îşi rup membrele. Unii mor pe câmp, alţii înaintează un pic mai departe, dar, neavând mai multă forţă de deplasare, cad la pământ şi mor, aşadar, în chinurile foamei şi ale setei. În alte locuri, unii dau foc palisadei, iar legăturile ţăruşilor fură mistuite, şi palisada s-a prăbuşit deasupra şanţului, atunci fugarii simt brusc că pământul cedează sub ei şi fură înghiţiţi în fundul şanţului de foc – atât ei, cât şi caii lor”* (*Scriptor Incertus*, 30-31/83; Dujčev 1965, 214/215; Grégoire 1936, 424-425; Stephenson 2006, 89).

Dezastrul forţelor bizantine a fost complet. *„Acolo cad toţi patricii şi arhonţii”*, consemnează *Cronica de la 811*, care relatează în continuare că *„erau acolo fiii arhonţilor, vechi şi noi, o mulţime în plină floare a vârstei, [...]. Toţi muriră acolo, unii de sabie, alţii înecaţi în râu, aceştia aruncaţi din vârful palisadei, aceia mistuiţi de focul din şanţ. Doar câţiva au scăpat, dar chiar şi aceia toţi muriră după ce s-au întors la casele lor”* (*Scriptor Incertus*, 31/83; Dujčev 1965, 214/215; Grégoire 1936, 425; Stephenson 2006, 89).

Dimensiunile dezastrului, relevate de *Cronica de la 811*, sunt confirmate şi completate de informaţiile transmise de Theophanes Confessor. În cronica sa, acesta înregistrează un număr însemnat de demntari din aparatul administrativ şi militar central şi provincial morţi în campanie. Astfel, menţionează el, *„printre victime s-au numărat Aetius patrikios, Petros patrikios, Sisinnios Triphylles patrikios, Theodosios Salibaras patrikios [...], eparchos patrikios, Romanos patrikios şi strategos al Themei Anatolikon, mulţi protspatharioi şi spatharioi, comandanţi (archontes) ai tagmatelor, inclusiv domestikosul excoubitilor şi droungarios-ul viglei imperiale, strategos-ul Thraciei, mulţi comandanţi (archontes) ai thematelor şi nenumăraţi soldaţi, astfel încât floarea creştinătăţii a fost nimicită”* (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 – August 31, 811]; Teofan 2012, 468).

În cronica lui târzie, Ioannes Zonaras realizează şi el un tablou al dimensiunii înfrângerii. Conform consemnării lui *„mulţi comandanţi de vază şi mari nobili au fost ucişi la acea ora, ca şi popor nenumărat, iar cortul imperial a fost cucerit şi jefuit de mari bogăţii, la fel ca toată tabara grecilor. Bulgarii au capturat mari bogăţii, arme şi cai”* (Zonaras 2006, 34).

Foarte puţini militari bizantini au supravieţuit măcelului. Între aceştia s-a numărat şi Staurakios, fiul împăratului, grav rănit la coloană. Acesta, notează Ioannes Zonaras, *„cu câţiva, a scăpat prin întunericul nopţii, nefiind văzut de duşmani”* (Zonaras 2006, 34). Proclamat împărat la Adrianopolis, Staurakios avea să moară după doar două luni de domnie, din cauza rănii (*Scriptor Incertus*, 32/84; Dujčev 1965, 216/217; Grégoire 1936, 425; Stephenson 2006, 90; Skylitzes 2003, 5).

Un număr apreciabil de soldaţi bizantini au căzut prizonieri. Se pare că şi soarta lor a fost una tragică. Cronica de la 811 relatează că aceştia *„fură puşi la locuinţele necredincioşilor bulgari, la acel*

moment încă nebotezați, să renege pe Christos și să îmbrățișeze rătăcirea păgânilor și sciților. Întăriți în virtute de Christos, ei îndurară toate caznele, iar prin diferite chinuri îndreptățiră să poarte cununa de martir" (*Scriptor Incertus*, 32/85; Dujčev 1965, 216/218; Grégoire 1936, 425; Stephenson 2006, 90).

Împăratul Nikephoros a căzut în luptă. Era al doilea suveran al Constantinopolisului, după Flavius Valens, mort în 378 la Adrianopolis, care pierea în asemenea condiții. Modul în care și-a pierdut viața nu este cunoscut cu exactitate. Theophanes afirmă că *„niciunul dintre supraviețuitori nu a putut descrie exact felul în care a fost ucis: unii chiar susțin că creștinii l-au ucis cu pietre când a căzut"* (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 – August 31, 811]; Teofan 2012, 468).

Informații cu un conținut similar se regăsesc și în alte lucrări târzii. Spre exemplu, Ioannes Zonaras, fără a se pronunța categoric, notează în cronica lui că *„unii spun că ai lui l-au ucis; alții spun că dușmanii"* (Zonaras 2006, 34). *Cronica* lui Mihail Syrianul consemnează succint, dar categoric, că *„Nikephoros a fost ucis de un roman* (bizantin – *n.n.*)*"* (Michel le Syrien 1905, XII.V). O asemenea știre categorică se regăsește și în *Cronica lui Michel le Grad*, care relatează că *„un franc martor al conduitei sale* (a lui Nikephoros – *n.n.*) *atroce și feroce, după ce l-a surprins fără garda lui, i-a dat o lovitură neașteptată care l-a întins mort"* (Michel le Grand 1868, 267).

Alte surse se limitează doar la a înregistra moartea împăratului, fără a recurge la diferite speculații pe acestă temă. Autorul *Cronicii de la 811* menționează succint că *„împăratul Nikephoros pieri la primul atac, fără ca nimeni să poată relata în ce mod murise"* (*Scriptor Incertus*, 32/84; Dujčev 1965, 214/215; Grégoire 1936, 425; Stephenson 2006, 89). În *Cronica* lui Constantinos Manasses se arată metaforic că, în această confruntare, împăratul *„a ajuns obiect al pumnalului și hrană pentru sabie"* (Manasses 2018, 183; Manasses 2015, p. 73). Ioannes Skylitzes notează doar că *„împăratul Nikephoros a fost ucis în Bulgaria"* (Skylitzes 2003, 5).

În continuarea relatării sale, Theophanes susține că *„Krum a tăiat capul lui Nikephoros și pentru câteva zile l-a atârnat de un stâlp, pentru a-l arăta triburilor care veneau la el și pentru a ne rușina. Apoi a dezgolit craniul, l-a îmbrăcat pe dinafară în argint și, în mândria lui, le-a făcut pe căpeteniile sklavinilor să bea din el"* (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; [Theophanes 1982, AD 6303 (September 1, 810 – August 31, 811); Teofan 2012, 468).

Nu știm cât de plauzibilă este această informație, care nu se regăsește în *Cronica de la 811*. Ea se află, în schimb, consemnată, în termeni apropiați, în lucrarea lui Ioannes Zonaras, sau, ca o interpelare medio-bulgară, în cea a lui Constantinos Manasses (Zonaras 2006, 34; Manasses 2015, 73; Cf. Manasses 2018, 183).

Localizarea confruntării din 26 iulie 811

Un aspect controversat asupra cărora cercetătorii care au studiat problematica expediției militare bizantine în Bulgaria din 811 nu s-au pus de acord îl reprezintă localizarea confruntării bizantino-bulgare din 26 iulie. Temeiul tutoror opiniilor exprimate îl constituie fie interpretarea informațiilor transmise de Theophanes Confessor, fie a celor provenite din *Cronica de la 811*.

O serie de autori, care au abordat problematica acesteia din punct de vedere general, nu propun o localizare propriu-zisă, ci se limitează la a o localiza în trecătorile Munților Blacani. Asemenea opinii formulează, spre exemplu, Steven Runciman, Georg Ostrogorsky, Robert Browning, John V.A. Fine, Jr., John Haldon și alții (Runciman 1930, 41-42; Ostrogorsky 1968, 175; Browning 1975, 49; Fine, Jr. 1991, 96-97; Haldon 2008, 74-75).

Parcurgerea opiniilor exprimate conduce la constatarea că majoritatea autorilor se pronunță pentru localizarea confruntării în Pasul Vărbitsa sau în zone învecinate acestuia, pe râul Tiča sau Kamčija. Asemenea opinii au exprimat Vasil Zlatarsky, Ivan Božilov, Vasil Gjuzelev, J.B. Bury, Warren Treadgold, Panos Sophoulis, Michael J. Decker, Lyudmil Antonov și alții (Zlatarsky 1970, 334; Božilov, Gjuzelev 1999, 129; Bury 1912, 344; Treadgold 1988, 172; Sophoulis 2012, 207; Decker 2013, 191; Antonov 2009, accesat: 02.06.2022).

Cercetătorii Peter Soustal și Pavlos Niavis o localizează în aceeași zonă. Primul plasează desfășurarea confruntării la Luda Kamčija, iar cel de-al doilea, preluându-l pe cercetătorul bulgar St. Nedev, în Pasul Veselinovsky, pe drumul dintre Kălnovo și Veselinovo (Soustal 1991, 83; Niavis 1984, 311).

Alţi istorici au optat pentru localizarea bătăliei în unul din Pasurile Kotel sau Riš (Beregava / Veregava) (Soustal 1991, 202, 441). Pentru asemenea localizări s-au pronunţat, la sfârşitul secolului al XIX-lea şi la începutul secolului al XX-lea, istoricii Constantin Jos, Jirecek sau Ladislav şi Karel Škorpil (Jireček 1876, 45-46; Jireček 1877, 150; Škorpil 1885, 88-89; Škorpil 1905a, 536; Škorpil 1905b, 564; Antonov 2009, accesat: 02.06.2022).

Temeiul localizărilor prezentate până în acest punct îl constituie interpretarea informaţiilor transmise de Theophanes Confessor. În sfârşit, Ivo Ivanov, bazat pe ştirile din *Cronica de la 811*, localizează confruntarea bizantino-bulgară din 26 iulie 811, în Pasul Iskăr (Apud: Antonov 2009, accesat: 02.06.2022).

Din punctul nostru de vedere, localizarea confruntării bizantino-bulgare din 26 iulie 811 în oricare din Pasurile Vărbitsa, Veselinovsky, Kotel, sau Riš (Beregava / Veregava), precum şi la Luda Kamčija, nu se susţin. Asemenea opinii nu ţin cont nici de informaţiile transmise de *Cronica de la 811*, care precizează clar faptul că bătălia a avut loc după 15 zile de la plecarea trupelor imperiale de la Pliska spre Serdica, nici de ritmul de deplasare a unor forţe combinate de 12-14 mile, respectiv 18-21 km pe zi.

Potrivit calculelor realizate recent de Lyudmil Antonov, distanţa de la Pliska în zonele de localizare a bătăliei sunt următoarele: Pliska – Pasul Vărbitsa = circa 117 km; Pliska – Pasul Riš = circa 92 km; Pliska – Pasul Kotel = circa 145 km; Plisca – Luda Kamčija = circa 99 km (Antonov 2009, accesat: 02.06.2022). Distanţa de la Pliska la Veselinovo (Pasul Veselinovsky) este aproximativ de 60 km.

Prin raportarea acestor distanţe la cele 3 zile maximum de deplasare, care reies din informaţiile transmise de Theophanes Confessor, ritmul de deplasare de 12-14 mile pe zi al unor forţe combinate, obţinem următoarele rezultate: 39 km sau circa 28 de mile pe zi de la Pliska la Pasul Vărbitsa; 31 km sau 21 mile pe zi de la Pliska la Pasul Riš; 48 km sau 32 de mile pe zi de la Pliska la Pasul Kotel; 33 km sau 22 de mile pe zi de la Pliska la Luda Kamčija; 20 km sau circa 13 mile pe zi de la Pliska la Veselinovo.

Realizarea aceloraşi calcule pe baza informaţiilor transmise de *Cronica de la 811*, ne conduce la următoarele rezultate cu privire la posibilul ritm de deplasare în cele 15 zile de marş: Pliska – Pasul Vărbitsa = 7,8 km sau circa 5,2 mile pe zi; Pliska – Pasul Riš = 6,1 km sau circa 4,1 mile pe zi; Pliska – Pasul Kotel = 9,6 km sau circa 6,4 mile pe zi; Pliska – Luda Kamčija = 6,6 km sau circa 4,4 mile pe zi; Pliska – Veselinovo = 4 km sau circa 2,6 mile pe zi.

În temeiul rezultatelor obţinute, conchidem că ritmul de deplasare obţinut în urma calculelor realizate pe baza informaţiilor transmise de cele două izvoate nu poate fi admis ca posibil decât cu mare greutate. În cazul raportării la informaţiile transmise de Theophanes Confessor, constatăm că ritmul zilnic de deplasare stabilit pentru forţele combinate ar fi depăşit cu 14-16 mile pe zi de la Pliska la Pasul Vărbitsa; cu 7-9 mile pe zi de la Pliska la Pasul Riš; cu 18-20 de mile pe zi de la Plisca la Pasul Kotel; cu 8-10 mile pe zi de la Pliska la Luda Kamčija. Doar pe traseul de la Pliska la Veselinovo (Pasul Veselinovsky) ritmul zilnic de deplasare corespunde cu cel luat ca bază de calcul.

În situaţia raportării la ştirile transmise de *Cronica de la 811*, rezultatele obţinute fac ca ritmul zilnic de deplasare pe care l-ar fi avut forţele bizantine să fie la fel de dificil de acceptat. Acesta a fost atât de redus, încât am putea conchide că pe majoritatea traseelor trupele imperiale abia s-au mişcat.

Pe baza rezultatelor obţinute, suntem în măsură să conchidem că localizarea confruntării bizantino-bulgare din 26 iulie 811 în unul din Pasurile Vărbitsa, Riš, Kotel, Veselinovsky sau la Luda Kamčija nu se susţine.

În primul rând, ţinem să clarificăm faptul că majoritatea cercetătorilor pleacă de la premisa greştiă, potrivit căreia deplasarea forţelor bizantine de la Pliska până la locul confruntării decisive cu cele bulgare, dintre 11 şi 26 iulie, a reprezentat o retragere. O asemenea concluzie vine în totală contradicţie cu ştirile transmise de sursele de care dispunem, anume că operaţiunile desfăşurate de acestea în intervalul de timp menţionat sunt componente ale unei ofensive bizantine, care, aşa cum sublinia *Cronica de la 811*, viza refacerea cetăţii Serdica şi cucerirea întregii Bulgarii (*Scriptor Incertus*, 28-29/80; Dujčev 1965, 210/211; Grégoire 1936, 423; Stephenson 2006, 88).

Pentru o asemenea concluzie pledează înseşi acţiunile desfăşurate de forţele imperiale în tim-

pul marşului spre Serdica. Acestea au fost cele ale unei armate biruitoare, aflate în ofensivă, nu ale uneia aflate în retragere.

Informaţii referitoare la aceste acţiuni se regăsesc în câteva surse. În timpul deplasării, scrie Theophanes Confessor, basileul *„a poruncit ca animalele, sugarii şi persoanele de toate vârstele să fie ucise fără milă şi să fie lăsate trupurile compatrioţilor lor neîngropate, urmărind doar să strângă pradă”* (Theophanes 1997, AM 6303, AD 810/11; Theophanes 1982, AD 6303 [September 1, 810 – August 31, 811]; Teofan 2012, 468).

O informaţie asemănătoare se regăseşte în *Cronica de la 811*. Acest izvor consemnează că soldaţii bizantini *„pradă fără milă, incendiind câmpurile încă nesecerate, tăind tendoanele vitelor şi curele din părţile lor laterale, în timp ce animalele scoteau mugete înfiorătoare şi se zbăteau, îndopându-se, în sfârşit, cu carne de oaie şi de porc şi comiţând acţiuni care nu sunt permise”* (*Scriptor Incertus*, 29-30/81; Dujčev 1965, 210/211; Grégoire 1936, 423; Stephenson 2006, 88).

Atrocităţile armatei bizantine sunt surprinse, chiar dacă mult mai succint, şi de aşa-numita *Cronică a lui Michel le Grand*. Autorul acestei surse relatează că împăratul Nikephoros a dispus *„să ridice copiii mici şi să-i zdrobească sub pietre de moară, cum se decojeşte grâul”* (Michel le Grand 1868, 267).

Acţiunile violente şi cruzimile prezentate de izvoarele istorice amintite nu au fost întâmplătoare sau accidentale, din punctul nostru de vedere. Ele s-au înscris în cadrul politicii de distrugere a statului bulgar, promovate de Constantinopolis, constituindu-se ca parte integrantă a acesteia.

În ceea ce priveşte locul desfăşurării bătăliei bizantino-bulgare din 26 iulie 811, aşa cum am precizat deja, nu agreăm localizările propuse. Pe baza informaţiilor transmise de sursele analizate, propunem, cu titlu de ipoteză, două noi posibile localizări.

Prima ipoteză are ca punct de pornire presupunerea că, după plecarea din Pliska, forţele bizantine s-au îndreptat spre nord-vest, au traversat Munţii Stara Planina prin Pasul Vărbitsa, urmând până în acest punct unul din itinerarele pe care pătrunseseră în Bulgaria, apoi s-au îndreptat spre vest, prin pasajul dintre acest lanţ muntos şi Munţii Sredna Gora. Bătălia s-ar fi putut desfăşura, în opinia noastră, la capătul apusean al pasajului dintre cele două lanţuri montane, în zona Klisura, pe râul Stryama, anticul Syrmos. În acest caz, forţele bizantine au parcurs în cele 15 zile de marş de la Pliska la Klisura circa 320 km, ceea ce înseamnă un ritm de deplasare de 22 km sau circa 14 mile pe zi.

A doua ipoteză porneşte de la prezumţia că, după plecarea din Pliska, trupele bizantine s-au îndreptat spre vest, au traversat Podişul Prebalcanic, până în zona Troyan, pe cursul superior al râului Osăm. În opinia noastră, primele două faze ale bătăliei bulgaro-bizantine, pe care le-am identificat, au putut avea loc la intrarea în Pasul Troyan. Cea de-a treia fază s-ar fi putut desfăşura, probabil, la ieşirea din acelaşi pas. În asemenea eventualitate, forţele bizantine au străbătut, în cele 15 zile de marş, o distanţă de circa 290 km, având un ritm de deplasare de peste 19 km sau aproximativ 13 mile pe zi. Prin prisma informaţiilor referitoare la bogăţiile zonei, transmise de *Cronica de la 811*, care ne relevă o regiune agricolă prin excelenţă, specifică Podişului Prebalcanic, considerăm această ipoteză ca fiind cea mai plauzibilă (*Scriptor Incertus*, 29-30/81; Dujčev 1965, 210/211; Grégoire 1936, 423; Stephenson 2006, 88).

Consideraţii finale

Ca răspuns la atacurile bulgare împotriva imperiului, în primăvara anului 811, împăratul Nikephoros I organizează o mare campanie împotriva Khaganului Bulgar, având ca obiectiv desfiinţarea acestuia. În vederea campaniei, au fost mobilizate thematele din Thracia, precum şi cele din themele asiatice. Li se adăugau trupele din armata regulată, precum şi tagmatele unor unităţi de gardă din Constantinopolis, ca *Hikanatoi*, *Exkoubitoi, Vigla* şi *Scholae*. Alături de aceste forţe, unele surse menţionează în rândul armatei bizantine prezenţa unui corp de voluntari, slab pregătiţi, indisciplinaţi şi prost înarmaţi.

Între o dată neprecizată din luna mai şi 20 iunie, trupele bizantine au staţionat, pentru organizare şi completarea efectivelor, în tabăra de la Markellai, de la frontiera bulgară. În acest timp, demersurile de pace iniţiate de khaganul Krum au fost respinse de Nikephoros I.

Atacul împotriva Bulgarei a fost declanşat de basileu în 20 iunie 811. Forţele bizantine, plecate din tabăra de la Markellai, au traversat munţii pe două sau mai multe coloane. Obiectivul operaţiunilor

Campania militară bizantină din Bulgaria din anul 811.

militare din această fază a campaniei l-a reprezentat cucerirea cetăţii Pliska, reşedinţa khaganului Krum, scop atins prin 26-27 iunie 811.

În 11 iulie, trupele bizantine, comandate de împărat, au părăsit şi incendiat Pliska, îndreptându-se spre Serdica, pe care basileul intenţiona să o reconstruiască după distrugerile suferite în urma atacului bulgar din 809. Traversarea Bulgariei de la Pliska la Serdica era, totodată, expresia intenţiei împăratului Nikephoros I de a cuceri şi desfiinţa statul bulgar.

Confruntarea finală bizantino-bulgară a avut loc în 26 iulie 811, la 15 zile după părăsirea cetăţii Pliska şi declanşarea marşului spre Serdica de către forţele imperiale. Pentru localizarea acesteia, am formulat două ipoteze: **a)** prin prima propunem localizarea bătăliei la capătul apusean al pasajului dintre lanţurile muntoase Stara Planina şi Sredna Gora, în zona Klisura, pe râul Stryama, anticul Syrmos; **b)** prin a doua, pe care o considerăm ca fiind mai plauzibilă, prin prisma informaţiilor transmise de *Cronica de la 811*, propunem localizarea desfăşurării bătăliei în zona Troyan, pe cursul superior al râului Osăm, iar unele faze ale ei, probabil, chiar în Pasul Troyan.

În cazul primei ipoteze, considerăm că, după plecarea din Pliska, forţele bizantine s-au îndreptat spre nord-vest, au traversat Munţii Stara Planina prin Pasul Vărbitsa, urmând până în acest punct unul din itinerarele pe care pătrunseseră în Bulgaria, apoi s-au îndreptat spre vest, prin pasajul dintre acest lanţ muntos şi Munţii Sredna Gora. În acest caz, până la confruntarea finală cu trupele bulgare, armata imperială a parcurs, în cele 15 zile de marş de la Pliska la Klisura, circa 320 km, ceea ce înseamnă un ritm de deplasare de 22 km sau circa 14 mile pe zi.

În situaţia celei de-a doua ipoteze, am pornit de la prezumţia că, după plecarea din Pliska, trupele bizantine s-au îndreptat spre vest, au traversat Podişul Prebalcanic, până în zona Troyan, pe cursul superior al râului Osăm. În opinia noastră, primele două faze ale bătăliei bulgaro-bizantine, pe care le-am identificat, au putut avea loc la intrarea în Pasul Troyan. Cea de-a treia fază s-ar fi putut desfăşura, probabil, la ieşirea din acelaşi pas. Pe traseu, forţele bizantine au străbătut, în cele 15 zile de marş, o distanţă de circa 290 km, având un ritm de deplasare de peste 19 km sau aproximativ 13 mile pe zi.

Anexă

CRONICA DE LA 811

Despre împăratul Nikephoros şi cum îşi lăsă el oasele în Bulgaria[1]

Al nouălea an de domnie a împăratului Nikephoros. Acelaşi împărat Nikephoros pătrundea în Bulgaria, voind, socotea el, să o distrugă. Luă cu sine pe fiul său Staurakios şi pe ginerele său Mihail, poreclit şi Rhangabe, precum şi pe toţi patricii şi arhonţii şi demnitarii şi toate tagmatele şi pe fiii arhonţilor, în vârstă de 15 ani şi mai mult, din care formă o hetaireia (ἑταιρεία), pentru fiul său, dându-le numele de *Hikanatoi* (ἱκανάτωι). Când el străbătu clisurile (κλεισούρας), bulgarii, văzând puterea armatei care înainta, cum se dovedeau neputincioşi să opună vreo rezistenţă, îşi abandonară toate bunurile şi se afundară în munţi. Iar el [Nikephoros] pătrunse şi se instală în reşedinţa protos-ului Bulgariei (προῶτος των Βουλγαρίας), numit Krum (Kroumos), şi întâlnind acolo o armată de bulgari pregătiţi şi înarmaţi, rămaşi pentru apărarea locului, în număr de 12.000, angajă lupta cu ei şi îi omorî pe toţi. Apoi, cu alţi 50.000 de mii, care veniseră în întâmpinarea lui, angajă bătălia şi îi nimici. Aşadar, mizerabilul se făleşte în cugetul şi în inima lui că el săvârşise aceea datorită meritelor sale. În rest, el le spunea celor care-l însoţeau: „Iată, spunea el, ce este dreptatea în stare să înfăptuiască!" Pătrunzând deci în reşedinţa lui Krum, căută tezaurele acestuia şi, găsindu-se o pradă bogată, puse să o distribuie soldaţilor săi, după însemnătate, monede de aramă şi veştminte şi diferite alte obiecte de preţ. Deschise, de asemenea, pivniţele şi distribui vin tuturor alor săi, ca să bea pe săturate. Pătrunzând pe uliţele reşedinţei, plimbându-se pe terasele locuinţelor, exalta şi spunea: „Iată, Dumnezeu mi-a dat toate acestea, iar eu vreau să construiesc aici un oraş cu numele meu, ca să devină renumit pentru toate generaţiile care vor veni". După câteva zile, părăseşte reşedinţa necredinciosului Krum şi, la ieşire, dă foc tuturor locuinţelor, precum şi împrejmuirilor făcute din trunchiuri de arbori prinse între ele. Ca urmare, fără a se mai preocupa să se retragă în mare grabă, se pune în marş ca să traverseze Bulgaria, voind să-şi croiască drum până la Sardica, fiind convins că poate cuceri toată Bulgaria. Timp de 15 zile el ajunse să-şi neglijeze complet îndatoririle. Spiritul lui nu mai era acelaşi, iar el era un om gol, îşi pierdu capul şi, pe deasupra, era într-o tulburare deplină a minţii şi paralizat de stupoarea înfumurării. Nu mai ieşi din izolarea lui, nu mai adresă nimănui vreo vorbă, nici ordine. Întrucât unii bârfeau împotriva lui şi îl trimiseră pe fiul său la el să-l sfătuiască să iasă de acolo, nu i-a acordat nicio atenţie, ci, din contră, i-a adus jigniri şi vru chiar să-l lovească. Când soldaţii lui, profitând de ocazie, pradă fără milă, incendiind câmpurile încă nesecerate, tăind tendoanele vitelor şi curele din părţile lor laterale, în timp ce animalele scoteau mugete înfiorătoare şi se zbăteau, îndopându-se, în sfârşit, cu carne de oaie şi de porc şi comiţând fapte care nu sunt permise. Ca urmare, văzând lipsa de ordine şi incoerenţa lui Nikephoros şi că nimeni nu îndrăznea să-i vorbească, treptat au început să dezerteze şi să fugă prin vreun şiretlic.

Iar bulgarii construiseră o palisadă redutabilă şi aproape de netrecut, formată din trunchiuri groase de copaci, ca un zid. Bulgarii deci nu scăpară ocazia şi de pe înălţimile muntoase urmăreau cu privirea soldaţii [bizantini] care rătăceau ici şi colo. Ei angajară serviciile avarilor şi sklavinilor care locuiau în jur, înarmară femeile ca pe bărbaţi şi în a cincisprezecea zi după intrarea lor (a bizantinilor), la revărsatul zorilor, sâmbătă 26 iulie[2], se năpustiră asupra acestora, pe când erau încă pe jumătate adormiţi. Aceştia, ridicându-se şi înarmându-se în grabă, angajează bătălia. Dar cum thematele erau campate la mare depărtare unele de altele, ei n-au înţeles imediat ce se întâmpla: (bulgarii) nu căzuseră, de fapt, decât asupra trupei imperiale. Ei opuseră o scurtă şi neputincioasă rezistenţă şi fură masacraţi în număr mare, iar ceilalţi, văzând aceasta, o iau la fugă.

Chiar în acel loc era un râu foarte mlăştinos şi greu de trecut. Negăsind imediat un vad pe unde să-l treacă, urmăriţi de duşman, s-au aruncat în râu. Au intrat în el cu caii lor, dar incapabili să

[1] Perezenta traducere a fost realizată de Vasile Mărculeţ, Crina Sincu şi Theodora Mărculeţ. Pentru realizarea ei s-au folosit ediţiile publicate de Francesca Iadevaia 1987 (ediţie bilingvă greacă-italiană), Ivan Dujčev 1965 (ediţie bilingvă greacă-franceză) şi Paul Stephenson 2006 (ediţie în limba engleză).

[2] În variantele publicate de H. Grégoire (1936) şi I. Dujčev (1965) data bătăliei apare ca fiind 23 iulie (εἰκάδι τρίτῃ τοῦ Ἰουλίου μηνός).

iasă, s-au împotmolit în noroi. Călcaţi în picioare de cei care veneau din urmă, se prăbuşesc unii peste alţii, iar râul se umple de oameni şi de cai, astfel că duşmanii trec peste trupurile lor fără stricăciuni şi îi urmăresc pe supravieţuitori, care, în mod firesc, s-au socotit cu totul în afara pericolului. Acolo cad toţi patricii şi arhonţii. Cât despre cei care se credeau deja mântuiţi de la moarte în râu, au ajuns la palisada pe care o făcuseră bulgarii, solidă şi foarte greu de trecut. Neputând ca, împreună cu caii lor, să facă o breşă, îşi părăsesc caii, se caţără cu mâinile şi picioarele şi se reped în partea cealaltă. Întrucât în afară se săpase un şanţ adânc, precipitându-se din înaltul palisadei, îşi rup membrele. Unii mor pe câmp, alţii înaintează un pic mai departe, dar, neavând mai multă forţă de deplasare, cad la pământ şi mor, aşadar, în chinurile foamei şi ale setei. În alte locuri, unii dau foc palisadei, iar legăturile ţăruşilor fură mistuite şi palisada s-a prăbuşit deasupra gropii, atunci fugarii simt brusc că pământul cedează sub ei şi fură înghiţiţi în fundul gropii de foc – atât ei, cât şi caii lor. Fu un sfârşit mai rău decât pericolul reprezentat de râu.

Cine nu ar vărsa lacrimi ascultând această poveste! Cine nu s-ar tângui! Erau acolo fiii arhonţilor, vechi şi noi, o mulţime în plină floare a vârstei, cu corpuri atât de frumoase şi strălucitoare de la blondul părului şi al bărbii, cu feţele atât de graţioase. Mai mulţi dintre ei fuseseră uniţi recent cu femei distinse prin naştere şi frumuseţe. Toţi muriră acolo, unii de sabie, alţii înecaţi în râu, aceştia aruncaţi din vârful palisadei, aceia mistuiţi de focul din groapă. Doar câţiva au scăpat, dar chiar şi aceia toţi muriră după ce s-au întors la casele lor.

În aceeaşi zi, însuşi împăratul Nikephoros pieri în primul atac, fără ca nimeni să poată relata în ce mod murise. Fu rănit, de asemenea, şi fiul său Staurakios de o rană la vertebrele şirei spinării şi muri, fără să fi domnit peste romei decât două luni. Un mare număr de romei, făcuţi prizonieri, la încetarea luptelor, fură puşi la locuinţele necredincioşilor bulgari, la acel moment încă nebotezaţi, să renege pe Christos şi să îmbrăţişeze rătăcirea păgânilor şi sciţilor. Întăriţi în virtute de Christos, ei îndurară toate caznele, iar diferitele chinuri îi îndreptăţiră să poarte cununa de martir.

Astfel, împăratul Nikephoros, prin nechibzuinţa şi trufia lui, provocă propria lui pierdere, precum şi pe cea a tuturor forţelor romeilor, după ce domnise opt ani şi şapte luni. Era un bărbat cu o talie peste mijlocie, cu o constituţie robustă, pântecos, cu părul stufos, buzele cărnoase, cu faţa lată, cu o barbă mare căruntă, greoi fizic, în plus foarte inteligent, viclean şi rapid în decizii, mai ales în materie fiscală, dar meschin şi iubind nemăsurat banul. De aceea el merită osândă veşnică.

Iar noi, fraţilor, să ne aducem aminte de fraţii şi părinţii noştri morţi şi să rugăm pe dreptul şi bunul nostru Dumnezeu să ne ferească de o aşa condamnare şi să primim, prin păzirea sfintelor porunci ale lui Christos, bunurile care au fost promise celor drepţi, căci el este binecuvântat şi slăvit în toate veacurile. Amin.

Bibliografie

Antonov 2009: L. Antonov, Bitkata pri Pliska / Battle of Pliska / Bătălia de la Pliska, 2009, http://lyudmilantonov.blogspot.com/2011/03/battle-of-pliska.html (accesat: 02.06.2022).

Božilov, Gjuzelev 1999: I. Božilov, V. Gjuzelev, Istorija na srednovekovna Bălgarija VII-XIV vek, Istorija na Bălgarija v tri toma (Sofia 1999).

Browning 1975: R. Browning, Byzantium and Bulgaria. A Comparative Study Across the Early Medieval Frontier (London 1975).

Bury 1912: J.B. Bury, A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basil I (A.D. 802-867) (London 1912).

Clugnet 1902: L. Clugnet, Histoire de Saint Nicolas soldat et moine, Revue de l'Orient Chrétien, VII, 1902, 319-330.

Fine, jr. 1991: J.V.A. Fine, Jr., The Early Medieval Balkans. A Critical Survey from the Sixth to the Late Twelfth Century (Michigan 1991).

David 2013: N. Davis, The Life of Patriach Ignatius. Text and Translation by A. Smithies, With Notes by J.M. Duffi (Washington, D.C. 2013).

Decker 2013: M.J. Decker, The Byzantine Art of War, e-Bock (Westholme, Yardley 2013).

Dujčev 1965: I. Dujčev, La Chronique byzantine de l'an 811, Travaux et Mémoires, 1, 1965, 205-254.

Grégoire 1936: H. Grégoire, Un nouveau fragment du «Scriptor Incertus de Leone Armenio», Byzantion. Revue International des Etudes Byzantines, XI, 1936, 2, 417-427.

Haldon 2008: J. Haldon, The Byzantine Wars, The History Press (Gateshead 2008).

Herrin 2001: Judith Herrin, Women in Purple. Rulers of Medieval Byzantium (London 2001).

Herrin 2022: Judith Herrin, Împărătese în purpură pe tronul Bizanțului medieval (București 2022).

Hupchick 2017: D.P. Hupchick, The Bulgarian Byzantine Wars for Early Medieval Balkan Hegemony. Silver-Lined Skulls and Blinded Armies (Palgrave, Macmillan 2017).

Jireček 1876: C.J. Jireček, Geschichte der Bulgaren (Prag 1876).

Jireček 1877: C.J. Jireček, Die Heerstrasse von Belgrad nach Constantinopel und die Balkanpässe. Eine Historich-Geographische Studie (Prag 1877).

Lemerle 1963: P. Lemerle, La Chronique improprement dite de Monemvasie: le contexte historique et légendaire, Revue des Études Byzantines, 21, 1963, 5-49.

Luttwak 2009: E.N. Luttwak, The Grand Strategy of the Byzantine Empire, (Cambridge Massachusetts, London 2009).

Luttwak 2021: E.N. Luttwak, Marea strategie a Imperiului Bizantin. Traducere R. Carp, M. Avram (București 2021).

Manasses 2015: C. Manasses, Cronica lui Constantin Manasses, partea I. Letopisețul preaînțeleptului Manasses cuprinzând anii de la facerea lumii și ajungând până la domnia lui chir Nichifor Botaniates. Traducere din slavona mediobulgară, note și indice de nume proprii de Maria Osman Zavera și Olga Stoicovici. Ediție îngrijită și prefață de Dușița Ristin (București 2015).

Manasses 2018: C. Manasses, The Chronicle of Constantine Manasses. Translated with commentary and introduction by Linda Yuretich (Liverpool 2018).

Michel le Grand 1868: Michel le Grand, Chronique de Michel le Grand, Patriarche des Syriens Jacobites, traduite par V. Langlois (Venise 1868).

Michel le Syrien 1905: Michel le Syrien, Chronique de Michel le Syrien, Patriarche Jacobite d'Antioche (1166-1199). Editée pour la première fois et traduit en français par J.-B. Chabot, t. III (Paris 1905).

Niavis 1984: P. Niavis, The Reign of the Byzantine Emperor Nicephorus I (802-811) (Edinburgh 1984).

Ostrogorsky 1968: G. Ostrogorsky, Storia dell'Imperio bizantino. Traduzione di P. Leone (Torino 1968).

Rašev 1982: R. Rašev, Starobălgarski ukreplenija na Dolnija Dunav (VII-XI v.) (Varna 1982).

Scriptor Incertus: Scriptor Incertus. Introduzione di E. Pinto. Testo critic, traduzione e note a cura di Francesca Iadevaia (Messina 1987).

Škorpil 1885: L. i K. Škorpil, Nijakoi beležki vărhu arheologhičeskite i istoričeskite izsledvanija v Trakija (Plovdiv 1885).

Škorpil 1905a: K.V. Škorpil, Okopî i zemlijanîija ukrăplenija Bolgarij, în vol. „Materialî dlija bolgarskih drevnostei Aboba-Pliska", Izvestija Russkogo Arheologhičeskoto Instituta v Konstantinopole", X, 1905, 503-543.

Škorpil 1905b: K.V Škorpil, O zemlijanîh ukrăplenijah i okopah, în vol. „Materialî dlija bolgarskih drevnostei Aboba-Pliska", Izvestija Russkogo Arheologhičeskoto Instituta v Konstantinopole", X, 1905, 558-569.

Skylitzès 2003: J. Skylitzès, Empereurs de Constantinople. Texte traduit par B. Flusin et annoté par J.-Cl. Cheynet (Paris 2003).

Sophoulis 2012: P. Sophoulis, Byzantium and Bulgaria, 775-831 (Leiden-Boston 2012).

Soustal 1991: P. Soustal, Thrakien (Thrakë, Rodopë und Haimimontos). Vol. Tabula Imperii Byzantini. Herausgegeben von H. Hunger (Wien 1991).

Stephenson 2006: P. Stephenson, "About the emperor Nikephoros and how he leaves his bones in Bulgaria": A Context for the Controversial Chronicle of 811, Dumbarton Oaks Papers, 60, 2006, 87-109.

Stephenson, Shilling 2012: P. Stephenson, Brooke Shilling, Nicholas the Monk and Former Soldier. Vol. Byzantine Religious Culture. Studies in Honor of Alice-Mary Talbot. Edited by D. Sullivan, Elizabeth Fisher, S. Papaioannou (Leiden-Boston 2012), 421-438.

Synaxarium: Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e Codice Sirmondiano nunc Berolinensi adiectis Synaxariis Selectis. Opera et studio H. Delehaye (Bruxellis 1902).

Runciman 1930: S. Runciman, A History of the First Bulgarian Empire (London 1930).

Teofan 2012: Sfântul Teofan Mărturisitorul, Cronografia. Traducere din limba greacă, studiu introductiv și note de M. Țipău (București 2012).

Theophanes 1982: Theophanes, The Chronicle of Theophanes. An English translation of anni mundi 6095-6305 (A.D. 602-813), with introduction and notes by H. Turtledove (Philadelphia 1982).

Theophanes 1997: Theophanes Confessor, The Chronicle of Theophanes Confessor. Byzantine and Near Eastern History AD 284-813. Translated with Introduction and Commentary by Cy. Mango and R. Scott with the assistance of G. Greatrex (Oxford 1997).

Treadgold 1988: W. Treadgold, The Byzantine Revival 780-842 (Stanford 1988).

Treadgold 1995: W. Treadgold, Byzantium and Its Army, 284-1081 (Stanford 1995).

Zlatarky 1970: V.N. Zlatarsky, Istorija na bălgarskata dăržava prez srednite vekove, t. I: Istorija na Părvoto bălgarsko tsarstvo, I. Epoha na huno-bălgarskoto nadmočie (679-852) (Sofia 1970):

Zonaras 2006: J. Zonaras, Libro de los emperadores: (Versión aragonesa del «Compendio de historia universal», patrocinada por Juan Fernández de Heredia). Edición crítica y estudio de Adelino Álvarez Rodríguez. Investigación de fuentes bizantinas de Francisco Martín García. Prólogo de Ángeles Romero Cambrón (Zaragoza 2006).

Campaign of Emperor Nikephoros I to Bulgaria (811). Considerations on some controversial issues

Keywords: Nikephoros I, Krum, Bulgaria, Vărbitsa, Veselinovsky, Kotel, Riš (Beregava / Veregava), Iskăr, Osăm, Troyan, Pliska, Serdica, Markellai.

Abstract: The beginning of the 9th century is marked by the aggravation of the Byzantine-Bulgarian contradictions against the background of the strengthening of the power of the Bulgarian Khaganate under the rule of Khagan Krum (803-814). Emperor Nikephoros I (802-811) responded to the military offensive of the Bulgarian Kagan with a vigorous counteroffensive aimed at final elimination of the danger posed by Bulgaria. The final stage of the counteroffensive initiated by the Byzantine ruler ended dramatically on July 26, 811 with a disaster for the emperor and imperial troops. The place of the battle, according to historians, could be the passes of Vărbitsa, Veselinovsky, Kotel, Riš (Beregava / Veregava) or Iskăr, as well as the Luda Kamčija gorge. We offer as a hypothesis two possible locations: a) in the area of Klisura, on the river of Stryama, known in ancient times as Syrmus; b) in the upper reaches of the Osăm River, in the area of Troyan or even at the Troyan Pass.

Поход императора Никифора I в Болгарию (811 г.): соображения по дискуссионным вопросам

Ключевые слова: Никифор I, Крум, Болгария, Вырбица, Веселиновский, Котел, Риш (Берегава / Верегава), Искыр, Осым, Троян, Плиска, Сердика, Маркеллы.

Резюме: Начало IX века знаменуется обострением византийско-болгарских противоречий на фоне усиления могущества Болгарского каганата при правлении кагана Крума (803-814). На военное наступление болгарского кагана император Никифор I (802-811) ответил энергичным контрнаступлением, направленным на окончательное устранение опасности, исходившей от Болгарии. Заключительный этап контрнаступления, инициированного византийским василевсом, драматически завершился 26 июля 811 г. катастрофой для императора и императорских войск. Местом сражения, по предположениям историков, могли быть перевалы Вырбица, Веселиновский, Котел, Риш (Берегава / Верегава) или Искыр, а также ущелье Луда Камчия. Мы же предлагаем в качестве гипотезы два возможных места: а) в районе Клисуры, на реке Стряма, известной в древности как Сирм; б) в верховьях реки Осым, в районе Трояна или даже на Троянском перевале.

29.06.2022

Dr. Vasile Mărculeț, cercetător independent, str. Johannes Honterus, nr. 5, RO-551019 Mediaș, jud. Sibiu, România, https://orcid.org/0000-0002-3409-2818, e-mail: vasilemarculet@gmail.com

РУЧНОЕ ОРУЖИЕ ДАЛЬНЕГО БОЯ X-XIII ВВ. НА ТЕРРИТОРИИ МЕЖДУ ВЕРХНИМ СИРЕТОМ И СРЕДНИМ ДНЕСТРОМ

Игорь Возный

Ключевые слова: наконечник стрелы, монголо-татарский срезень, томар, бронебойный наконечник, двурогий срезень, лавролистый наконечник, шиловидный наконечник, самострел, самострельный болт.

Для исторической науки важно изучение развития военного дела в населения разных территорий Древнерусского государства. Оно позволяет говорить об истоках военного искусства местного населения, о единстве формирования военного дела по всей местности старой Руси, и в то же время выявить локальные особенности, детализировать разные заимствования и взаимовлияния. Все это способствует более глубокому анализу исторического процесса и обогащает сокровищницу славяно-русской культуры.

Одним из основных показателей уровня военного дела является воспетое в былинах и летописях оружие, известное по многочисленным находкам на археологических памятниках и составляющее один из показателей культурного уровня общества. Его невозможно рассматривать в отрыве от производства, социальной среды и тех слоев и групп, из которых состояло войско. Изучая его, можно прийти к выводам, характеризующим как военное дело, так и хозяйственную, торговую и социальную жизнь древнерусского общества. Высокая степень развития металлообрабатывающего ремесла на территории между Верхним Сиретом и Средним Днестром давала возможность производить все виды высококачественного оружия. Вооружение славяно-русского населения края не уступало ни ассортименту, ни качеству вооружения войск других территорий Киевского государства и соседних стран.

Перспективность разработки предложенной проблемы очевидна, поскольку таким образом можно проследить уровень интегрированности средневекового войска на исследуемой территории в общеевропейскую военную среду, выявить наследственность военных традиций на Украине.

Изучение уровня военного дела славяно-русского населения северной части Буковины в основном касалось военно-оборонного зодчества, а такой важный элемент, как вооружение характеризовался попутно, без надлежащего анализа. Б. Тимощук в своих работах ввел в научный оборот богатый фактический материал, охарактеризовавший основные категории вооружения местного населения (Тимощук 1982).

В ходе исследований феодальной укрепленной усадьбы в с. Черновка найден материал, пополнивший и конкретизировавший наши знания об уровне военного дела местного населения (Возний 1998; Возний 2009; Пивоваров, Калиниченко, Ільків 2015, 7-35; Пивоваров, Калиниченко, Ільків 2016, 7-44).

В последние годы в результате археологических исследований городища Зеленая Липа активно разрабатываются вопросы развития военного дела на исследуемой территории во второй половине XIII - XIV вв. (Пивоваров, Федорук 2002, 140-149; Пивоваров 2003, 204-215; Пивоваров 2012, 25-33).

Важными средствами дальнего боя были луки, а со второй половины XIII в. становятся самострелы. Первые в основном являлись оружием полевой борьбы. Роль самострелов возросла в периоды активизации крепостной, осадной войны, перемен в доспехах и фортификации, произошедших в послемонгольский период.

Основной категорией находок, характеризующих оружие дальнего боя и промысловой охоты, являются наконечники стрел. О широ-

ком использовании их в боевых условиях неоднократно упоминалось в древнерусских летописях: «ни по стреле пустивше тогда побегоша», «и стреливше побегнуша предъ оугры», «только по стреле стреливъше побегоша», «стрельцы и поустивсь по стреле» (Лаврентьевская 2001, 271; Ипатьевская 2001, 438, 599, 639). Такие же свидетельства находим и в «Слове о полку Игореве»: «итти дождю стрелами» (Слово 2006, 178). Некоторые исследователи считают, что в киевском войске из лука умел стрелять каждый воин. Лук был у пехотинцев, и у всадников, и у дружинников, что и отличало их от западноевропейских рыцарей. Очевидно, прогресс в военном деле домонгольской Руси – развитие легкой конницы, вооруженной луками, не обошел и территорию северной части Буковины. Достаточно быстро (по письменным сообщениям с начала X в.) лучники выделяются в отдельную часть войска, которая проводила разведку боем, несла службу охраны, заманивала противника, показывала от имени войска готовность сражаться.

По характеру крепления наконечники стрел делятся на черешковые и втульчатые, а по поперечному сечению пера – на плоские и граненые. Плоские имеют в сечении вид узкой вытянутой линзы или сильно сплющенного ромба, граненые – вид треугольника, квадрата, четырехугольника, ромба и т.д. Форма наконечника стрелы зависела, в первую очередь, от ее назначения. Для поражения незащищенного доспехом всадника и его лошади наиболее эффективными были трехлопастные и плоские широкие наконечники стрел, оставлявшие широкие и глубокие раны, вызывая тем самым сильное кровотечение. Стрелы с широкими разрезавшими наконечниками называли срезнями. Их широко применяли для быстрого выведения из строя воинов противника (как пеших, так и всадников). Острия таких стрел выковывались с таким расчетом, чтобы сделать не колотую, а широкую резаную рану.

Среди плоских черешковых наконечников стрел, составляющих основное количество находок, выделяется 18 основных типов:

1 – двухшипные с шейкой и упором, длиной 4,5-8,4 см, длина пера 3,2-5,6 см, ширина 2,1 см. Найдены они на Черновском и Зеленолипском городищах (рис. 1/1) (Возний 1998, рис. 14/6; Пивоваров 2003, табл. 2). Такие наконечники использовались в основном на западе древней Руси в VIII-XIII вв. и относятся к 30 типу по классификации А.Ф. Медведева (Медведев 1966, 62). Аналогии им известны на многих древнерусских памятниках (Никольская 1981, рис. 93/23; Minić, Vukadin 2007, rys. 72/18-21).

2 – двухшипные с короткими шипами (рис. 1/2, 3). Происходят из феодальной усадьбы XII – первой половины XIII в. в Черновке. Общая длина колеблется в пределах 5,4-6,0 см, длина пера 2,8-3,5 см, ширина пера – 2,0-2,3 см. Такие наконечники были распространены на Руси именно в это время. Относятся они, по классификации А.Ф. Медведева, к типу 31 (Медведев 1966, 62). Аналогии их найдены в Плеснеске, на Княжей Горе, Райковецком городище и др. (Кучера 1962, рис. 12/6; Гончаров 1950, табл. XIV/4). Такие наконечники известны в основном на городищах, разрушенных во время монгольского нашествия 1238-1241 гг., к которому относится и вышеназванная усадьба.

3 – наконечники с боковыми выступами. Их длина составляла 6,9-8,5 см, длина пера 4,0-6,3 см, ширина 1,5-3,2 см (рис. 1/4, 5). Обнаружены такие наконечники в Ленковцах на Пруте, Черновке. Они бытовали на Руси с XII в. до монгольского нашествия и по классификации А.Ф. Медведева относятся к типу 32 (Медведев 1966, 62). Наконечники такого типа встречены на древнерусских памятниках, разрушенных во время монголо-татарского наступления (Никольская 1981, рис. 93/19-21; Петрашенко 2005, рис. 45/14-15).

4 – килеобразные вытянутые с наибольшим расширением в средней трети длины пера. Это наконечники типа 33, распространенные на территории Древнерусского государства в XII в. – первой половине XIII в. (Медведев 1966, 63), тип III/40 по П. Стрижу (Strzyż 2006, 86-87). Длина их составляла 8,8 см, длина пера 6,0 см, ширина 1,4 см (рис. 1/6, 7). Обнаружены такие наконечники на городищах Зеленая Липа, Черновка. Аналогичные острия известны в земле Вятичей, Княжей Горе, Райках, Колодяжине и т.д. (Никольская 1981, рис. 93/6; Гончаров 1950, табл. XIII/7, 8, 12).

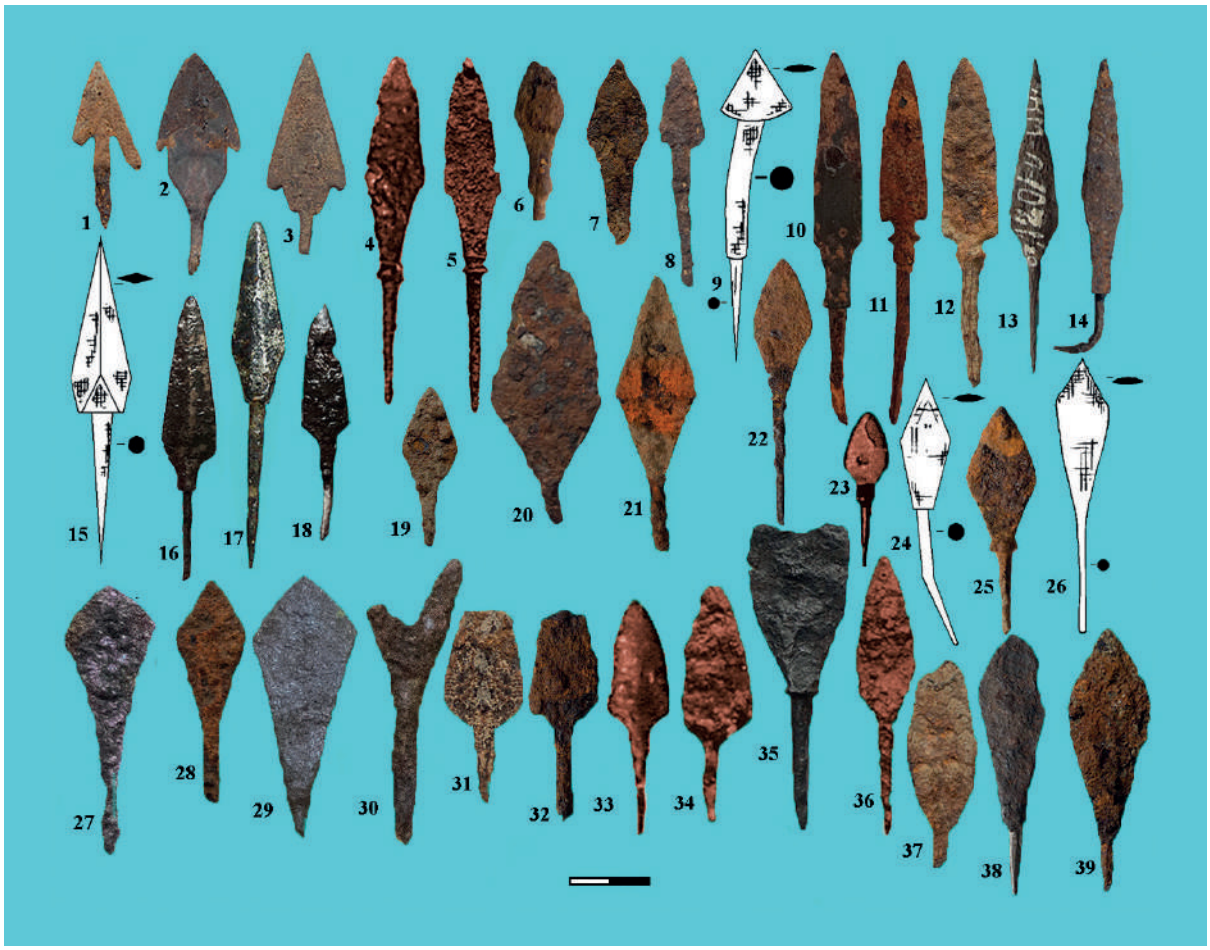


Рис. 1. Черешковые плоские наконечники стрел: 1-12, 14, 19, 21-29, 31-34, 36-39 - Черновка; 13 - Перебыковцы; 15 - Василевка; 16 - Комарово; 17, 20, 35 - Васильев; 18 - Зеленая Липа; 30 - Ленковцы на Пруте (1-3, 6-8, 10-14, 16-22, 25, 27-32, 35, 37-39 - Фонды Черновицкого областного краеведческого музея (ЧОКМ); 4, 5, 9, 15, 23, 24, 26, 33, 34, 36 - Фонды Буковинского центра археологических исследований (БЦАИ)).

5 – треугольные. Обнаружены такие наконечники на Черновском городище (рис. 1/8, 9). Длина их достигала 5,8 см, длина пера – 2,4 см, ширина – 1,2 см, длина шейки – 1,2 см, ширина шейки – 0,4 см, длина черенка, плоского в сечении – 2,4 см. Относятся они к типу 37 по А.Ф. Медведеву, а время бытования их приходится на VIII-XIV вв. (Медведев 1966, 63). Аналогичные типы наконечников были исследованы на других памятниках древнерусского периода (Гончаров 1950, табл. XIV/3).

6 – килевидные (рис. 1/10-12). Такие наконечники были широко распространены в XII-XIV вв., относятся к типу 38 по классификации А.Ф. Медведева (Медведев 1966, 64). Происходят они из Черновской феодальной усадьбы XII в. – первой половины XIII в. Аналогичные наконечники представлены в археологическом материале княжеского Владимира, других древнерусских памятников (Терський 2020, рис. 2/14, 12), Восточно- и Центральноевропейских территорий (Liwoch 2017, ryc. 4/a, b).

7 – ромбовидные с упором и расширением в нижней трети длины пера. Обнаружены они на городищах в Добрыновцах, Перебыковцах, урочище Цегельня, Комарово (X в.), Зеленой Липе (XIII-XIV вв.), летописном Васильеве, городище Черновка и пещере возле с. Василевка (XII в. - первая половина XIII в.) (рис. 1/13-18). Относятся такие наконечники к типу 40 и время их бытования приходится на X-XIV вв. (Медведев 1966, 64-65). Аналогичные наконечники известны среди древностей древнерусского времени и на других террито-

риях (Козловський 1990, рис. 26/6-8; Петрашенко 2005, рис. 45/25-27).

8 – ромбовидные без упора. Длина таких наконечников в среднем составляла 10 см, ширина пера 1,7 см (рис. 1/19-22). Известны они на памятниках X в. - первой половины XIII в. Сирето-Днестровского междуречья в Миткове, Ленковцах на Пруте, Черновке, летописном Васильеве. Такие наконечники относятся к типу 47 по А.Ф. Медведеву, а время их бытования приходится на VIII-XIV вв. (Медведев 1966, 66), тип III/47 по П. Стрижу (Strzyż 2006, 88). Аналогии этим наконечникам известны на поселениях в Озаричах, Григоровке, Белой Церкви и т.д. (Петрашенко 2005, рис. 45/10-12; Liwoch 2005, rys. 7).

9 – ромбовидные с упором. Такие наконечники стрел относятся к типу 48. Время применения их приходится на IX-XIV вв. (Меведев 1966, 68), тип III/48 по П. Стрижу (Strzyż 2006, 88). На исследуемых территориях они известны на феодальной усадьбе XII в. - первой половины XIII в. в Черновке, в летописном Васильеве и на городище второй половины XIII-XIV вв. в Зеленой Липе (рис. 1/23-25). Их размеры были в пределах: длина – 6,5 см, длина пера – 3,0 см, наибольшая ширина – 2,4 см. Аналогичные стрелы известны на городищах X в. Алчедар и Екимауцы, XII в. – первой половины XIII в. Плиснеск, Воищина, Новоалександровка и др. (Федоров 1953, рис. 45/1; Козловський 1990, рис. 27/6; Никольская 1981, рис. 93/2; Коваленко, Ситий 2004, рис. 6/9; Шинаков 2004, рис. 1; Винокур и др. 2004, рис. 88/16; Kotowicz, Glinianowicz, Michalak 2019, fig. 7/10, 13).

10 – ромбовидные с наибольшим расширением в верхней половине длины пера. Общая длина 8 см, длина пера 4,5 см, ширина 1,4 см. На территории региона они представлены среди материалов Черновки, Васильева (рис. 1/26-28). Такие наконечники были распространены с VIII по XIII в. на всей территории Восточной Европы. Они относятся к типу 52 (Медведев 1966, 69), типу III/52 по П. Стрижу (Strzyż 2006, 88).

11 – ромбовидный с широким острием наконечник обнаружен на Черновском городище (рис. 1/29). По классификации А.Ф. Медведева он относится к типу 53 (Медведев 1966, 70). Такие наконечники были распространены в степной и лесостепной зонах Восточной Европы в IX - первой половине XIII в. После XI в. встречаются довольно редко (Федоров 1953, рис. 45/1; Кучера 1962, рис. 12/3; Strzyż, 2006, rys. 20/35).

12 – двурогий срезень без упора. Обнаружен такой наконечник на территории княжеской крепости XII – первой половины XIII в. Ленковцы на Пруте (рис. 1/30). Длина его составляет 7 см, ширина пера – 3 см. Относятся такие острия к типу 59 (Медведев 1966, табл. 30/54). Правда, А.Ф. Медведев указывает, что такие наконечники были в основном распространены в X-XI вв. в Приладожье, Прикамье и Поволжье (Медведев 1966, 71). Тем не менее такие наконечники известны на городище XI-XIII вв. Ковчин на Черниговщине, в Белой Церкви, городище Драче (Словения) (Коваленко, Ситий 2004, рис. 6/12; Стародуб 2007, рис. 3/2; Farkaš 2007, obr. 4). Такие острия характерны для кочевников, а в Прут-Днестровском междуречье их было достаточно, что не исключает заимствования такой формы, или же торгового обмена, в результате которого такой наконечник появился в Ленковцах на Пруте.

13 – остролистные с черенком для древка без упора или с ним. Длина их составляла 5,5-7,0 см, длина пера 3,2-4,5 см, ширина 1,8-2,0 см. На исследуемых территориях они известны среди археологического материала городищ в Черновке и Зеленой Липе (рис. 1/31-34). Распространены они в Восточной Европе в VIII-XIII вв. (Козловський 1990, рис. 26, 1-5; Винокур та ін. 2004, 141, рис. 88, 15; Петрашенко 2005, 90, рис. 45, 7; Roskoschinski 2019, Abb. 10/3, 7). По классификации А.Ф. Медведева они относятся к типу 61 (Медведев 1966, 73).

14 – лавролистые с упором и без него. Такие острия наконечников датируются IX-XIII вв. и относятся к типу 63 (Медведев 1966, 74). Размеры их колеблются в среднем так: общая длина 6,2-10,7 см, длина пера 3,3-6,2 см, ширина 1,5-2,7 см. Известны они на археологических памятниках северной части Буковины как в VIII-X вв. (Перебыковцы, Ревне 1, Карапчев), так и в XII - первой половине XIII в. (Черновка, Ленковцы на Пруте) (рис. 1/35-37). Данная категория находок хорошо известна на всей территории распространения славяно-русских памятников (Гончаров 1950, 147; Коз-

ловський 1990, рис. 27/9; Никольская 1981, рис. 93/24; Петрашенко 2005, рис. 45/31).

15 – листовидные с наибольшим расширением у острия. Такие наконечники были распространены в период с VIII по XIII в. Они очень близки по форме к весловидным наконечникам, распространившимся после монгольского нашествия и часто встречающихся на археологических памятниках, разрушенных монголами. Наконечники происходят из городища-феодальной усадьбы в Черновке (рис. 1/38, 39). Относятся они по классификации А.Ф. Медведева к типу 65 (Медведев 1966, 75). Аналогичные находки известны на многих древнерусских памятниках (Рабинович, Рябцева, Тельнов 2013, рис. 1/7).

К плоским черешковым наконечникам стрел относятся и монголо-татарские срезни в виде расширяющейся к острию лопатки. Такими наконечниками поражали незащищенного доспехами врага или его лошадей. Это самый распространенный тип наконечников, находившийся на вооружении монголо-татар. Такие плоские наконечники с горизонтальным лезвием наносили широкие раны, вызвавшие сильное кровотечение и тем самым быстро выводили из боя ратников. Есть мнение, что чаще их использовали для борьбы с кавалерией (Немеров 1987, 217). Такие наконечники с исследуемой территории делятся на три типа:

16 – весловидные, занесенные на территорию Восточной Европы монголами в первой половине XIII в. Длина их – 8,0-10,5 см, длина пера – 5,0-6,0 см, ширина – 1,5-1,8 см. В Прут-Днестровском междуречье они известны в Черновке (рис. 2/1). Наконечники этого типа встречаются на памятниках, разрушенных монголо-татарами. Они относятся к типу 66 по классификации А.Ф. Медведева (Медведев 1966, 75).

17 – срезни в виде узкой вытянутой лопатки с тупоугольным или изогнутым дугой острием (рис. 2/2-7). К середине XIII в. они на Руси неизвестны и появились вместе с монголо-татарами. Такие наконечники относятся к типу 67, а время наибольшего их бытования приходится на XIII-XIV вв. (Медведев 1966, 75). На исследуемой территории наконечники такого типа массово обнаружены на Черновском городище. Наконечники такого типа

Рис. 2. Монголо-татарские наконечники стрел: 1-8 - Черновка (Фонды ЧОКМ).

встречаются на памятниках, разрушенных монголами (Козловський 1990, рис. 27/1-5; Гончаров 1950, табл. XIII/1-5; Коваленко, Ситий 2004, рис.6/11; Винокур та ін. 2004, рис. 88/19; Holeščák 2020, fig. 7/1).

18 – срезень джучидский. Наконечник длиной 10 см, длина пера 5,8 см, ширина 3,5 см, обнаружен на территории Черновского городища (рис. 2/8). Он относится к типу 69 (Медведев 1966, 76-77). Это типичный монголо-татарский наконечник, известный на многих древнерусских памятниках, уничтоженных во время нашествия (Гончаров 1950, табл. XIII/15).

Все вышеупомянутые срезни были занесены монголами и использовались населением Восточной Европы в первой половине - середине XIII в. Интересные данные о монголо-татарских стрелах приводит Плано Карпини. У татар «...железные наконечники стрел достаточно острые и режут с обеих сторон

в подобии обоюдоострого меча. Они обладают острым хвостом длиной в один палец, который вставляют в дерево. Среди них есть стрелы для стрельбы птиц, зверей и безоружных людей в три пальца толщиной» (Плано Карпини 1911, 29).

Кроме плоских, на территории северной части Буковины известны также граненые, бронебойные наконечники стрел, служившие для пробивания кольчуг, пластинчатых доспехов, шлемов, щитов, поножей, масок для лица и т.д. К этой группе относятся все наконечники стрел с массивной головкой или острием, поперечное сечение которых имеет вид треугольника, квадрата, ромба, прямоугольника, шестиугольника и круга. Бронебойные граненые наконечники стрел были значительно распространены в древней Руси и у народов Восточной Европы начиная с I тысячелетия н. э. Их появление и распространение связано, прежде всего, с появлением у воинов железной кольчуги, которую обычные стрелы уже не могли пробивать. Конкретно в это время возникают и распространяются бронебойные наконечники специального назначения. Для пробивания кольчуг применяют наконечники с узкой, шиловидной, массивной головкой. Для пластинчатых доспехов, шлемов и щитов – узкие долотовидные массивные наконечники и бронебойные с граненой головкой. Долотообразные наконечники особенно эффективны были при стрельбе по противнику, защищенному шлемом и щитом. Они легко раскалывали деревянный щит, обтянутый кожей, а иногда и усиленный железным умбоном. В этой связи такие наконечники использовались в военном деле русичей фактически до конца средневековья, когда их вытеснило огнестрельное оружие. Среди бронебойных наконечников, известных на территории северной части Буковины, выделяется одиннадцать типов:

1 – пирамидальные трехгранные. Один такой наконечник обнаружен на территории городища VIII-X вв. в с. Грозинцы (рис. 3/1) (Тимощук 1976, рис. 18/23). Длина его составляет 12 см, длина головки – 7 см. Он относится к типу 76, виду 2 с узким длинным острием (Медведев 1966, 80). Датируются такие наконечники X-XII ст. Аналогии ему найдены на городищах Екимауцы, Девич-Гора, Новгород, Васильковка, Озаричи, Ульяновка и т.д. (Козловський 1990, рис. 26/10).

2 – бронебойные с короткой пирамидальной треугольной головкой в плане. Два таких наконечника обнаружены на Черновском городище (рис. 3/2, 3). Длина их составляет 1,5 см, длина головки 1,5 см, максимальная ширина 1 см. Относятся такие наконечники к типу 84, вид 1 (Медведев 1966, 82). Такие наконечники появились в X в. и бытовали до XIII в. Известны на многих древнерусских памятниках.

3 – пирамидальные квадратного сечения с круглой шейкой. Известны такие наконечники на городище Зеленая Липа (рис. 3/4). Их длина 5 см, длина головки с шейкой 4,2 см, ширина грани 0,8 см. На шейке наконечника расположены три врезные параллельные горизонтальные линии. Датируются такие наконечники XII-XIV вв. и относятся к типу 87 (Медведев 1966, 82). Аналогичные острия встречались в Райках, Колодяжине, Изяславе Тустане и т.д. (Гончаров 1950, 78; Рожко 2002, рис. 5/11; Моця, Козаков 2011, 173; Minić, Vukadin 2007, rys. 72/15-16).

4 – шиловидные квадратные в плане с простым упором. На территории Прут-Днестровского междуречья такие наконечники известны на городище в Черновке (рис. 3/5-10). Такие наконечники относятся к типу 90 (Медведев 1966, 83), тип III/90 по П. Стрижу (Strzyż 2006, 91). Они были распространены в Восточной Европе с X по XIV в. (Никольская 1981, рис. 94/6-8; Strzyż 2006, rys. 20/25; Rau 2017, 178-179). Встречаются наконечники со скошенными углами основы боевой головки, которые были распространены в XII - первой половине XIII в. на юго-западе Руси и широко представлены на городищах, разрушенных монголами.

5 – шиловидные квадратные в плане, без упора (рис. 3/11-13). Обнаружены такие наконечники пока только на Черновском городище. Такие наконечники относятся к типу 93 (Медведев 1966, 84), тип III/93 по П. Стрижу (Strzyż 2006, 91). Они появляются на территории Восточной Европы в X в. и бытуют в XIV в., и поэтому могут выступать четким хронологическим индикатором археологического объекта (Винокур та ін. 2004, рис. 88/8, 17; Кедун 2019, рис. 1, 3).

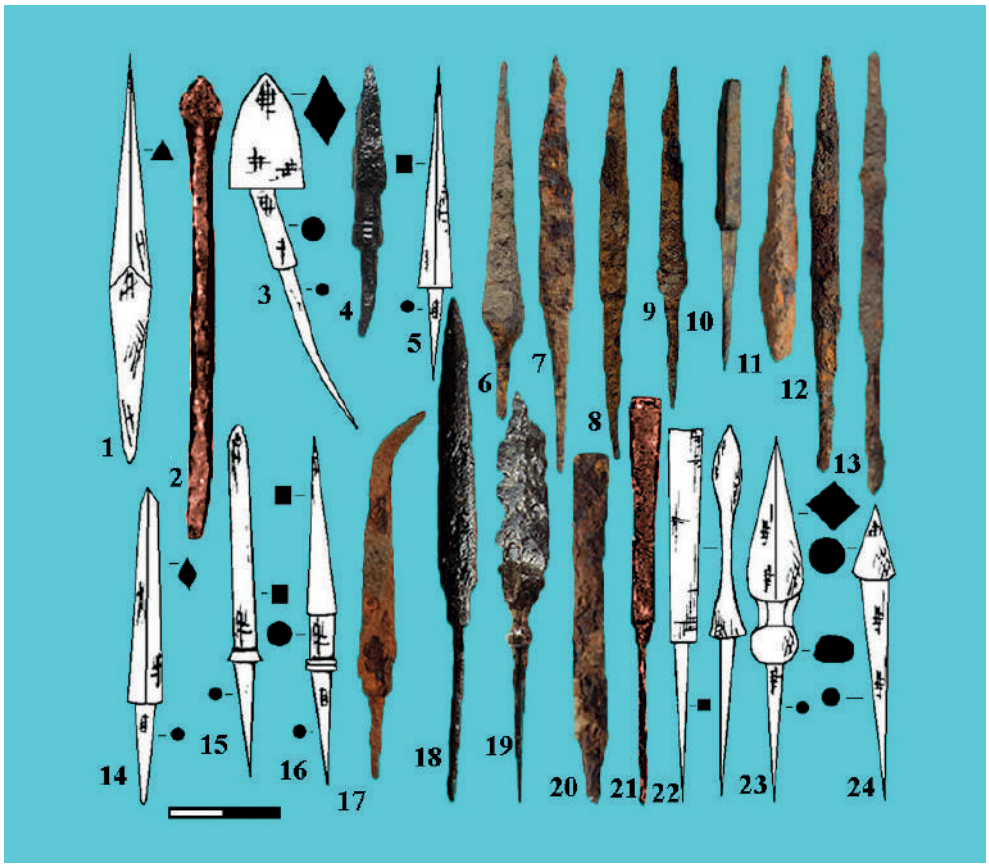


Рис. 3. Бронебойные наконечники стрел: 1 - Грозинцы; 2, 3, 5-13, 15-17, 20-22 - Черновка; 4, 14, 18, 23, 24 - Зеленая Липа; 19 - Ленковцы на Пруте (1 - по Тимощук 1979, рис. 18/23; 4, 6-13, 17-20 - Фонды ЧОКМ; 2, 3, 5, 14-16, 21-24 – Фонды БЦАИ).

6 – шиловидные ромбовидные в плане, с простым упором. На территории Пруто-Днестровского междуречья такие наконечники известны на городищах в Черновке, Недобоевцах, Зеленой Липе (рис. 3/14) (Возний 2009, 246; Пивоваров 2003, рис. 1/9). Длина их в среднем составляла 6,8-7,4 см, длина острия 4,6-5,0 см, ширина одной стороны 0,5-0,7 см. Такие наконечники относятся к типу 94 (Медведев 1966, 83). Они были распространены в Восточной Европе с X по XIV в. (Коваленко, Ситий 2004, 134; Винокур та ін. 2004, 141).

7 – узкие шиловидные квадратные в плане, с перехватом у черешка (рис. 3/15-17). Известны такие наконечники стрел из материалов городищ в Черновке (XII - первая половина XIII в.) и Зеленой Липе (вторая половина XIII-XIV вв.) (Тимощук 1982, рис. 20/6; Возний 1998, рис. 32/1). Длина их составляла 7,4 см, длина головки 5,0 см, ширина 0,5 см. Такие наконечники относятся к типу 95 (Медведев 1966, 84), тип III/95 по П. Стрижу (Strzyż 2006, 91-92). Это типичные противокольчужные наконечники, бытовавшие на территории Руси в VIII-XIV вв. (Винокур та ін. 2004, рис. 88/14; Петрашенко 2005, рис. 46/6; Стародуб 2007, рис. 4/8; Прищепа 2016, рис. 43/3).

8 – пирамидальные ромбические в сечении, с перехватом. Они обнаружены в Зеленой Липе и Ленковцах на Пруте (рис. 3/18, 19). Известны они среди древностей ряда археологических памятников XI-XIV вв. и относятся к типу 97 (Медведев 1966, 85; Гончаров 1950, табл. XIV/1).

9 – долотовидные. Такие наконечники имеют длину 9,1 см, длину головки 6 см, ширину 0,8 см (рис. 3/20-22). Найдены такие острия на территории Черновской феодальной усадьбы XII - первой половины XIII в. Они относятся к типу 100 по классификации А.Ф. Медведева (Медведев 1966, 86). Такие наконечники широко бытовали на Руси в XI-XIV вв. и известны на многих археологических памят-

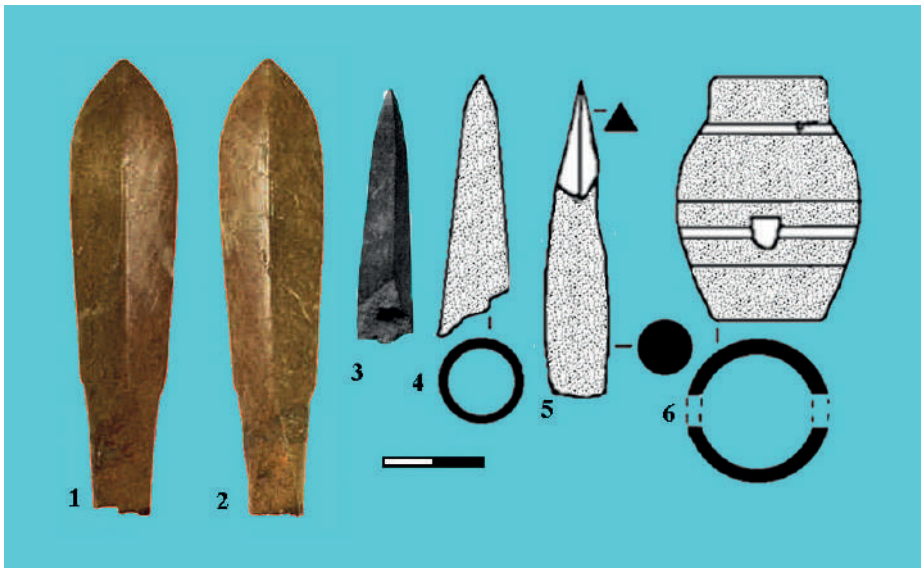


Рис. 4. Костяные наконечники стрел: 1-5 - Черновка; 6 - Зеленая Липа (Фонды БЦАИ).

никах (Кучера 1962, 33; Никольская 1981, рис. 94/17, 21; Прищепа 2016, рис. 115/ 4).

10 – бронебойный с массивной головкой лавролистой формы. Обнаружено такое острие в Зеленой Липе (рис. 3/23) (Пивоваров 2003, рис. 1/10). Длина его 7,6 см, длина головки 3,2 см, ширина 1,2 см. Относятся такие наконечники к типу 101 (Медведев 1966, 86). Встречаются они в культурном слое городов XIV в.

11 – пулевидные круглого сечения. Известен такой наконечник из городища Зеленая Липа (рис. 3/24) (Пивоваров 2003, рис. 1/12). Длина его составляет 6 см, длина головки 1,6 см, диаметр 0,8 см. Относятся такие острия к типу 102 101 (Медведев 1966, 86). Они широко представлены среди археологических материалов древнерусских поселений XII-XIV вв.

К оружию дальнего боя можно отнести также костяные наконечники стрел. Они, как правило, изготовлены из крепкой кости светло-желтого цвета, поверхность их хорошо отполирована. По находкам на археологических памятниках хронологический диапазон их бытования достаточно широк: IX-XIV вв. При этом они часто воспроизводят точные копии железных наконечников (Медведев 1966, 88).

На территории северной части Буковины такие наконечники обнаружены в феодальной усадьбе XII – первой половины XIII вв. Черновка, княжеской крепости второй половины XIII-XIV вв. в Зеленой Липе. Наконечники килевидной формы с закругленным лезвием (рис. 4/1, 2). На них четко обозначены грани, и в разрезе лезвие имеет ромбовидную форму. Размеры таких стрел полностью установить не удалось, поскольку все они сломаны. Таковы костяные стрелы типа 7 по А.Ф. Медведеву (Медведев 1966, 88) в основном использовались монголо-татарами (Артемьев 2004, 143-152). Их нет в городах Северо-Восточной Руси, зато они найдены на памятниках, подвергшихся татарскому погрому: в Воине, Райковецком городище, Княжей Горе, Девич Горе, Изяславле (Гончаров 1950, табл. XIV/21-23; Шинаков 2004, рис. 1; Сергеева 2015, рис. 72/2; Florek 2015, rys. 1). Такие костяные наконечники широко представлены в монгольских погребениях в Восточном Забайкалье (Немеров 1987, рис. 7/ 1, 2, 6). М.С. Сергеева, в противоположность доводам А.Р. Артемьева, отмечает, что такие наконечники могли быть общераспространенными элементами евразийского вооружения XIII в. (Сергеева 2009, 338). Наличие таких наконечников у монголов не отрицает их использование на территории восточноевропейской лесостепи в монгольский период.

Встречаются также втульчатые костяные наконечники. Так, на Черновском городище обнаружен фрагмент острия стрелы, изготовленный из конусообразной конечности рога.

В сечении он имеет пятиконечную форму. Длина сохраненной части острия 3,5 см, ширина стороны – 0,5 см (рис. 4/3). По центру прослежены остатки отверстия. Очевидно, его можно отнести к типу 4 (пирамидальные с перехватом у втулки) (Медведев 1966, 87), хотя неполная форма не позволяет точнее его атрибутировать. Аналогичные наконечники широко представлены среди археологических древностей XII-XIII в. (Козловський 1990, рис. 35/5).

Другой фрагмент костяного наконечника из того же городища относится к типу 1 (пулевидные конические) (Медведев 1966, 87). Длина сохранившейся части 3,8 см, диаметр 1,2 см (рис. 4/4) (Пивоваров 2001, рис. 7/11). Такие наконечники широко использовались как в бою, так и на охоте в IX-XIV вв. и известны на многих славяно-русских и кочевнических памятниках этого периода (Винокур та ін. 2004, рис. 88/1, 2).

На Черновской феодальной укрепленной усадьбе обнаружен фрагмент биконического томара (рис. 4/5) (Возний 1998, рис. 20/31). Длина его составляла 4,4 см, диаметр 0,8 см. Втулка не сохранилась. Конец острия был трехгранно заострён. Такие острия относятся к типу 2 и наиболее характерны для XI – первой половины XIII в. (Медведев 1966, 87). Аналогии такого типа наконечников известны в Воинской Гребле, Новгороде, Билляре, Чемерине и т.д. (Медведев 1959, рис. 13/61-62).

Кроме наконечников стрел, на археологических памятниках Прут-Днестровского междуречья известны костяные насадки-свистки на древко стрелы. Так, на городище Зеленая Липа были найдены две такие насадки (рис. 4/5) (Пивоваров 2003, 211). Они представляют собой пустотелый предмет бочкообразной формы с одним-тремя отверстиями посередине туловища изделия. Их предназначение заключалось в закреплении горящей пакли к древку стрелы и создании шумового эффекта во время полета. Такие насадки широко использовались в военном деле кочевниками в XIII-XIV вв. (Немеров 1987, 218-219).

В древней Руси, преимущественно вдоль западных границ, были распространены втульчатые наконечники стрел. Восточные славяне, очевидно, позаимствовали их у западных соседей. В Германии, Чехии, Польше такие наконечники в средневековый период использовались достаточно широко (Нидерле 2000, рис. 119/14-16). Для Руси они не очень характерны и составляют около 1% по отношению к черешковым наконечникам (Медведев 1966, 55).

Все древнерусские втульчатые наконечники делятся на две группы по поперечному сечению пера или боевой головки: плоские и граненые. В группу плоских входит четыре типа наконечников, поперечное сечение которых имеет вид линзы или сплющенного ромба.

1 – на поселениях X-XIV вв. на территории между Верхним Сиретом и Средним Днестром известны двухшипные втульчатые железные наконечники стрел (рис. 5/1-10). Длина их колеблется в пределах 5,2-7,8 см, длина пера 3,7-4 см. Шейки на отдельных наконечниках имеют перевитую форму, которая предназначалась для усиления металла в точке кручения и предотвращения изгиба наконечника стрелы при сильном ударе. По классификации А.Ф. Медведева они относятся к типу 2 (Медведев 1966, 56), тип 1 по Р. Стрижу и А. Надольскому (Strzyż 2006, 81-84; Nadolski 1954, tabl. XXX/1-6). Эффективность таких стрел в бою объяснялась тем, что при ранении острые шипы препятствовали безболезненному удалению стрелы. Это надолго выводило противника из строя. В Западной Европе такие острия применялись и для зажигательных стрел, которые своими шипами цеплялись за крышу и не падали на землю. Стрелами с такими наконечниками разили незащищенного доспехами врага, или использовали их при охоте на крупных хищных зверей. Они обнаружены в ряде памятников X-XIV вв.: Ревном, Горишних Шеровцах, Васильеве, Черновке, Ленковцах на Пруте, Дарабанах (Щовб), Зеленой Липе. Аналогии им найдены на многих древнерусских и соседних территориях (Никольская 1981, рис. 93/1; Петрашенко 2005, рис. 45/1-2; Рожко 2002, рис. 5/2-5; Farkaš 2007, обр. 3/d; Florek, Stempin 2019, ryc. 2).

2 – ромбовидные втульчатые (рис. 5/11, 12). У них ромбовидное перо имеет вогнутые или прямые плечики. Наибольшее расширение – в нижней половине длины пера. Такие наконечники относятся к типу 3 и использовались с VII-VIII вв. до XIV в. (Медведев 1966, 56), тип

Рис. 5. Втульчатые наконечники стрел: 1 - Перебыковцы; 2, 11 - Васильев; 3-5, 7 - Ленковцы на Пруте; 6, 9, 10, 12, 14, 15 - Черновка; 8 - Дарабаны (Щовб); 13 - Зеленая Липа (Фонды ЧОКМ).

2 по Р. Стрижу (Strzyż 2006, 84-85). Происходят они с территории летописного Васильева и феодального замка в Черновке. Такие наконечники широко бытовали в Европе (D'Amato, Lj 2018, ryc. 10/f; Pause 2010, ryc. 11).

3 – на исследуемой территории известны также лавролистые железные втульчатые наконечники стрел (рис. 5/13, 14). Они найдены на славянском поселении в Малятинцах и городищах XII - первой половины XIII вв. в Черновке, второй половины XIII-XIV вв. в Зеленой Липе. Такие наконечники относятся к типу 5 (Медведев 1966, 57), тип 2 по А. Надольскому (Nadolski 1954, tabl. XXX/7-8). Датируются они IX-XIII вв. и известны на многих славяно-русских памятниках (Рожко 2002, рис. 5/6; Minić, Vukadin 2007, rys. 72/22).

4 – в фондах краеведческого музея хранится шиловидный железный втульчатый наконечник стрелы (рис. 5/15). Он найден на городище-феодальном замке XII - первой половины XIII вв. в Черновке. Такие наконечники относятся к типу 8 (Медведев 1966, 57), тип 2 по А. Надольскому (Nadolski 1954, tabl. XXX/7-8). Датируются они IX-XIII вв. и наиболее известны вдоль западных границ Руси и встречаются на многих славяно-русских памятниках.

К средствам дальнего боя, связанным со сложным луком, относится колчан. Колчан на Руси называли «тулом» (футляр для хранения и ношения стрел), а мастеров, изготовлявших их – «тульниками». Тулъ в значении «колчан для стрел» упоминается в письменных памятниках XII-XIV вв. К примеру, в Ипатьевской летописи записано «Андреи же не оудоси его, но оудоси владыкоу и слоуги его разъграби гордые и тоулы ихъ бобровые раздра» (Ипатьевская 2001, 794). В «Слове о полку Игореве» читаем: «А мои ти коурани сведоми къмети:... поути имь ведоми, яроугы имъ знаеми, луци оу нихъ напряжени, тоули отъворени...» (Слово 2006, 40). Сохранилось много изображений древнерусских колчанов на бытовых и архитектурных памятниках, миниатюрах и иконах. Так, на серебряной оковке ритона из Черной могилы в Чернигове изображены лучники со сложными луками и с колчаном у правого бедра.

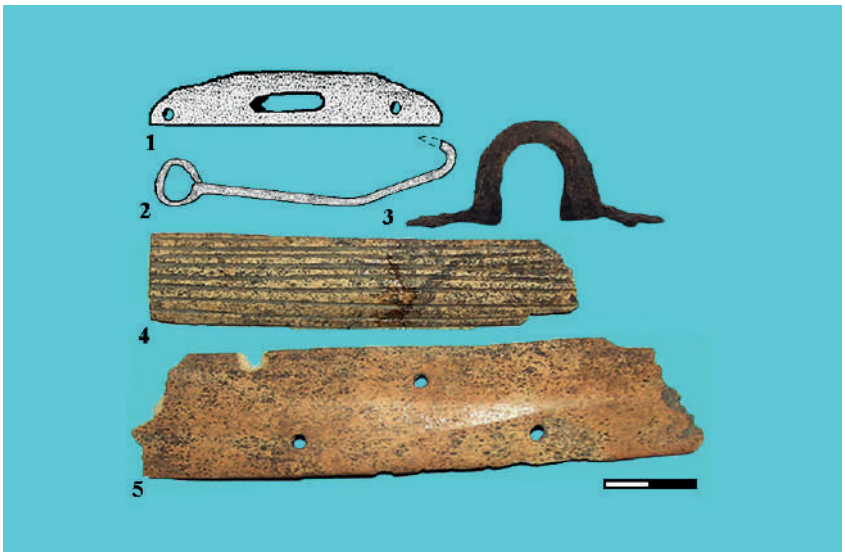


Рис. 6. Детали колчана: 1-3 - Черновка; 4, 5 - Ленковцы на Пруте (1, 2 - Фонды БЦАИ; 3-5 - Фонды ЧОКМ).

На Руси широко применяли три основных типа колчанов: цилиндрический; полуцилиндрический; плоский с деревянным каркасом, обтянутым кожей. Первый тип колчана расширялся у дна, был доступен каждому лучнику, поэтому получил широкое употребление и использование как в Руси, так и среди народов Восточной Европы в середине IX - первой четверти XIII вв. Его основание составляло круглое деревянное дно, к которому прилегал кожаный или берестяной цилиндрический корпус. К нему крепились костяные петли для подвешивания футляра. В такие колчаны могло уместиться до 20 стрел. Тулы такого типа были распространены на территории Восточной Европы в IX-XIV вв. как среди оседлого населения, так и среди кочевников.

На Черновском городище найдена петля для крепления колчана (рис. 6/1). Пластина имела длину 6,5 см, наибольшую ширину 1,3 см. В центре находилось овальное отверстие 1,5×0,5 см, а по краям еще два, диаметром по 0,4 см. Через эти отверстия петля крепилась к основанию тула, а через овальное отверстие протягивался кожаный ремень для ношения колчана за плечом или сбоку. Такие костяные петли широко использовались в военной практике восточных славян (Кирпичников, Медведев 1985, 313).

Для закрепления от тряски во время верховой езды ко дну колчана на ремешке крепился металлический крюк. Такой был обнаружен на Черновском городище (рис. 6/2). Он имел длину 7,7 см, диаметр отверстия 0,7 см. Такие крючья на тьулах – верный признак наличия на территории феодальной усадьбы конных всадников (Кирпичников, Медведев 1985, 313).

К элементам колчана цилиндрической формы можно отнести железную петлю. Она крепилась к корпусу тула для протягивания сквозь нее ремней крепления (рис. 6/3). Происходит петля из Черновского городища XII - первой половины XIII вв. Аналогичные находки широко представлены на древнерусских археологических памятниках (Прищепа 2011, рис. 161/3; Strzyż 2006, ryc. 15/13).

Среди изделий, относящихся к вооружению, есть костяные накладки к колчану, украшенные геометрическим и циркульным орнаментом (рис. 6/4, 5). Такие накладки известны на территории почти всех городов Юго-Западной Руси, где велись археологические исследования. На территории Ленковецкого поселения обнаружено несколько фрагментов костяных накладок колчана, украшенных линейным геометрическим орнаментом из врезанных прямых линий. Такие предметы изготовлялись специалистами-ремесленниками и известны на многих древнерусских памятках (Сергеева 2015, рис. 77/5).

Таким образом, как видно, на исследуемой территории на сегодняшний день известно более 200 наконечников стрел. Подавляющее большинство их обнаружено на городище-фео-

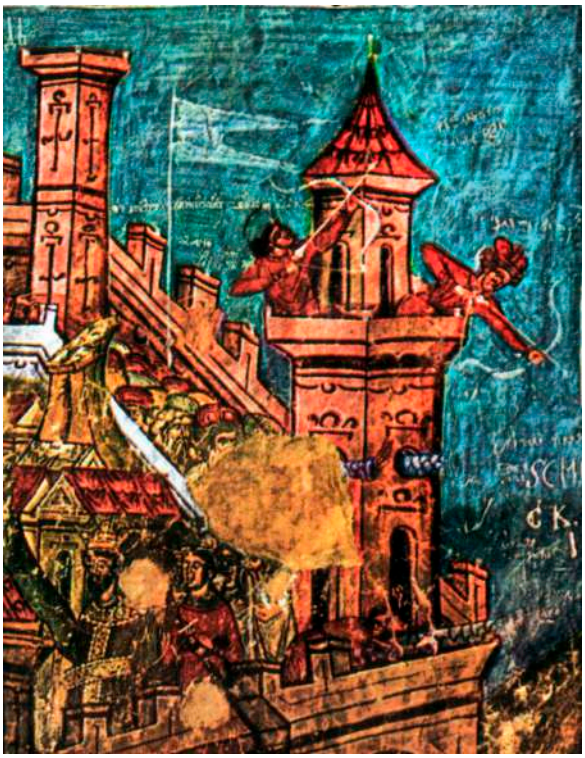


Рис. 7. Стрельба из лука. Изображение в Благовещенской церкви XV-XVI вв. в Молдовице (Южная Буковина, Румыния) (по Solcanu 2002, fig. 33).

дальном замке XII – первой половины XIII вв. в Черновке и городище-княжеской крепости второй половины XIII-XIV в. в Зеленой Липе. На остальных памятниках северной части Буковины найдено по несколько экземпляров. Такое несоответствие объясняется степенью изученности самих памятников. В дальнейшем, в результате археологических исследований, массовость находок возрастет и количественная разница в предметах вооружения из археологических памятников разных социальных категорий значительно уменьшится.

Среди выявленных наконечников стрел 68,4% составляют черешковые (от общего количества), 20% – втульчатые и 11,6% – костяные. Основную массу наконечников стрел составляют черешковые плоские, за ними следуют бронебойные, меньше всего монгольских срезней (рис. 7).

Значительное количество плоских черешковых наконечников стрел составляют комплексы вооружения, характерные для монголо-татар. По мнению А.Р. Артемьева, к таким можно отнести (по А.Ф. Медведеву) типы 32, 33, 37, 66, 67, 90, 100 (Артемьев 2004, 146). Сюда же можно отнести и костяные наконечники типа 7. Он считает, что эти типы характерны для монголо-татарского войска, поскольку встречены только в городах и городищах, погибших от его нападения. В городах Северо-Западной Руси они отсутствуют. Наличие всех этих типов наконечников на территории Черновской феодальной укрепленной усадьбы, а также значительное количество наконечников, поврежденных и изогнутых в результате ударов, следы разрушения и сожжения городища свидетельствуют о том, что оно было уничтожено монголо-татарским отрядом, возможно, хана Бучека, продвигавшегося вдоль Прута в Баню Родную, ища переходов через Карпатские перевалы в Венгрию.

Во второй половине XIII-XIV вв. на территории Западной Европы в связи с эволюцией защитных доспехов ратников, а именно с появлением пластинчатых доспехов, распространяется новый вид оружия дальнего боя – арбалет. Такое оружие было мощнее, а его стрелы-болты могли пробивать пластинчатые панцири. Как правило, арбалеты предназначались для ведения осадной и крепостной войны (Медведев 1966, 90-93). Значительное распространение этого вида оружия было обусловлено изменением тактики ведения боевых действий. В отличие от предыдущего периода X - первой половины XIII в., когда укрепление брали «изъездом» или «облежанием», то во второй половине XIII-XIV вв. происходят коренные изменения в тактике осады и стратегии обороны крепостей. Все чаще начинает использоваться прием «взятия копцом», то есть штурма укреплений. Поэтому перед нападающими и обороняющимися встала проблема использования более мощного, чем лук ручного металлического оружия. Им и стали именно арбалеты. Кроме того, самострелы эффективно использовали в борьбе с малоподвижными пехотными строями и при рекогносцировочной перестрелке вражеских ратей. В Польше они появились с начала XII в., и постепенно, под названием самострел, появляются на Руси: «же выехаша Немце со самострелы и ехаша на не Роусь». При описании войска Даниила Галицкого летописец отмечал: «стрелчем же обаполъ идоущимъ и держащимъ в роукахъ рожанцы свои и наложившимъ на не стрелы своя противоу рат-

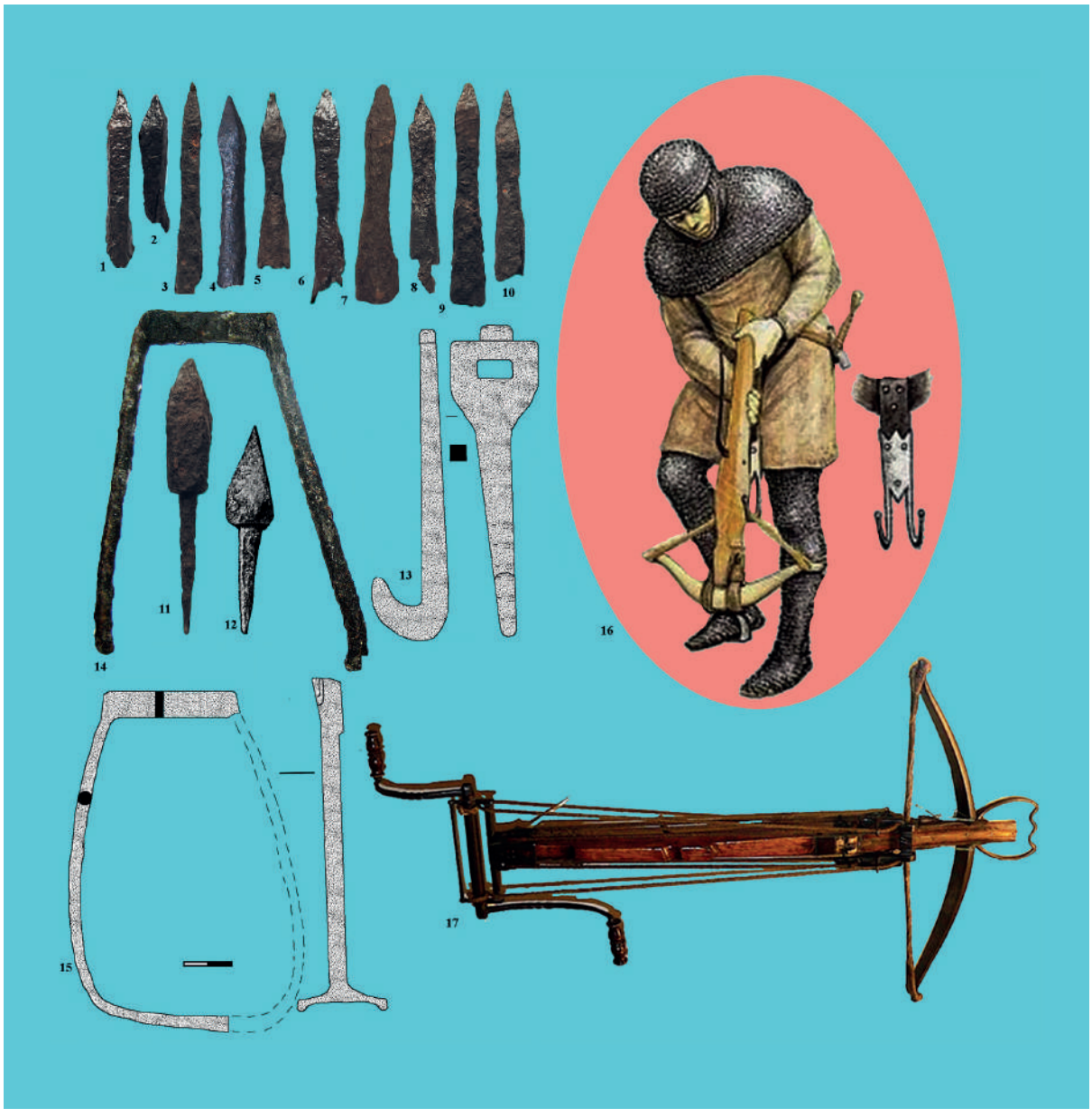


Рис. 8. Болты и составные части арбалета: 1-15 - Зеленая Липа; 16 - заряжание арбалета с помощью крюка; 17 - тяжелый арбалет полиспастного типа (реконструкция) (1-11, 14 - Фонды ЧОКМ; 12 - по Тимощук 1982, рис. 20/5; 13, 15 - Фонды БЦАИ).

ных» (Ипатьевская 2001, 200, 813, 818). На территории северной части Буковины этот вид ручного металлического оружия появляется во второй половине XIII - XIV вв., хотя исследователями высказано предположение, что местные ратники познакомились с арбалетом во время крестовых походов, в конце XII - первой половине XIII вв. (Пивоваров, Федорук 2003, 87).

В Среднем Поднестровье во время археологических исследований на городищах Цецино, Зеленая Липа, в Хотине, Ридковцах в разные годы были обнаружены втульчатые и черешковые наконечники арбалетных стрел и механизмы от самострелов. Особенностью арбалетных стрел, в отличие от стрел лука, является массивность их боевой головки. Все они бронебойные, квадратные или ромбические в сечении. Втульчатые значительно преобладают над черешковыми, поскольку их крепление к древку прочнее. Такие болты не раскалываются и не ломаются при ударе, как это случается с черешковыми наконечниками.

Исходя из размеров и веса наконечников С. Пивоваров и А. Федорук делят их на три категории. Втульчатые стрелы длиной 10,2-8,5 см при весе 75,5-35,0 г использовались в тяжелых арбалетах типа *a tour* с силой натяжения до 400 кг (Пивоваров, Федорук 2002, 143). Такие арбалеты имели железный лук и натягивались с помощью специального устройства «коловорота» полиспастного типа (рис. 8/17) (Шокарев 2001, 112-113). Болты к таким арбалетам относятся к типу 4 (пирамидальные с ромбовидной головкой квадратного сечения) (Медведев 1966, 94), тип II по А. Надольскому (Nadolski 1954, tabl. XXXII/1-4). Аналогичные находки широко представлены среди археологических материалов Древнерусского государства и средневековой Европы (Терський 2006, рис. 154/13-18; Minić, Vukadin 2007, rys. 73/1-6; Nawrot, Kucia 2017, ryc. 3).

При заряжании и стрельбе из арбалетов такого типа необходимо было обладать достаточной силой и сноровкой. Стрелы арбалетов такой мощи, по подсчетам ученых, могли пробить железный шлем или панцирь тяжеловооруженного воина, если они ударялись под прямым углом к защитному доспеху. Такие арбалеты распространились среди европейского вооружения в XIV-XV вв., что связано с появлением пластинчатых защитных доспехов (рис. 8/1-5).

Но не все воины могли иметь такие тяжелые доспехи. Часто тело ратника прикрывали кольчатые доспехи или кожаные, с вшитыми в них металлическими пластинами толщиной до 1 мм. Их могли пробить арбалеты типа *a pied de biche* и *a cric* с силой натяжения в 100-150 кг (Шокарев 2001, 123). К такому типу арбалетов подходили меньшие по размерам (по отношению к предыдущим) наконечники. Это втульчатые наконечники длиной 7,7-6,7 см при весе 33-20 г. (рис. 8/6-10). Такие болты по классификации А.Ф. Медведева относится к типу 3 (наконечники квадратного сечения с коротким пирамидальным острием) (Медведев 1966, 94), тип I по П. Стрижу (Strzyż 2006, 93). Датируются такие артефакты XIII-XIV вв. Самострелы такого типа натягивались с помощью прикрепленного к поясу крючка и упорной скобы, расположенной на переднем конце ложа арбалета (рис. 8/16). Встречаются такие наконечники на археологических памятках Восточной и Центральной Европы (Kašpar 2010, obr. 3/24d; Hložek, Ławrynowicz 2020, fig. 8; Strzyż 2017, ryc.4; Vích 2017, ryc. 10; Ginter, Przybyłok 2016, ryc. 5; Liwoch 2016, ryc. 1/a).

На городище Зеленая Липа обнаружены также черешковые наконечники самострела (рис. 8/11-12). Длина их составляла 11,5 см, вес – 75,5 г. Они относятся к типу 15 – квадратного сечения с ромбовидной гранью, срезанными углами (рис. 8/11), и 16 – ромбического сечения с ромбовидной гранью и срезанными углами (рис. 8/12) (Медведев 1966, 95), тип II по П. Стрижу и А. Надольскому (Strzyż 2006, 93-94; Nadolski 1954, tabl. XXXII/5-6). Датируются следующие артефакты периодом XII-XV в. Аналогичные типы самострельных наконечников стрел широко представлены на памятниках XIV-XV в. как в Восточной, так и в Центральной и Западной Европе (Michalak 2020, ryc. 3/11).

К фрагментам легких самострелов относится крючок для натяжения тетивы, обнаруженный на Зеленолипском городище. Общая длина его составляла 13,5 см, ширина 3,5 см. В верхней части имеется прямоугольное отверстие 2,0×2,1 см, через которое продвигался поясок (рис. 8/13). Подобные крючки известны и на других памятниках изучаемого периода (Шокарев 2001, 126). Металлический коготь, одинарный или двузубый, подвешенный к поясному ремню, в XIV веке был широко распространенным приспособлением для натягивания луков боевых и охотничьих арбалетов небольшой мощности. Коготь прикреплялся к кожаному поясному ремню арбалетчика либо путем подвешивания за кольцо, прикрепленное к стержню, либо путем зацепления за ремень крюком.

На этом же городище найдены самострельные упорные скобы-стремена (рис. 8/14, 15). Аналогичные приспособления известны и на других древнерусских памятниках (Виногродська 2006, рис. 4/5).

Таким образом, видно, что показательным элементом уровня материальной культуры и военных возможностей каждого народа является вооружение. Арсенал боевых средств, обнаруженный на территории северной части Буковины, широко представлен ручным ору-

жием дальнего боя, которое было на достаточно высоком уровне. В силу географического положения региона многие образцы обнаруженного здесь вооружения носили интернациональный характер, то есть были заимствованы у соседних народов. Как видно из представленных материалов, эволюция дальнобойного ручного оружия проходила в общем русле развития военного искусства Восточной Европы. В то же время, это оружие было переделано и приспособлено к местным условиям. Наряду с использованием чужого опыта создавались и собственные образцы оружия. Они приобретали новые, более совершенные черты при одновременном упрощении и удешевлении техники производства.

Библиография

Артемьев 2004: А.Р. Артемьев, Проблемы выделения монголо-татарского комплекса вооружения среди древнерусских материалов XIII в. В сб.: (Ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов, Н.В. Лопатин) Восточная Европа в средневековье: к 80-летию Валентина Васильевича Седова (Москва 2004), 143-152.

Виногродська 2006: Л.І. Виногродська, Предмети озброєння та обладунків XIV-XV ст. з розкопок замків на Побужжі. Держава та армія. Вісник Національного університету «Львівська політехніка» 571, 2006, 74-88.

Винокур та ін. 2004: І.С. Винокур, О.І. Журко, В.П. Мегей, В.І. Якубовський, Літописний Губин XII-XIII ст. Болохівська земля (Київ, Кам'янець-Подільський, Хмельницький, Старокостянтинів 2004).

Возний 1998: І.П. Возний, Чорнівська феодальна укріплена садиба. XIIXIII ст. (Чернівці 1998).

Возний 2009: І.П. Возний, Історико-культурний розвиток населення межиріччя Верхнього Сірету та Середнього Дністра в X-XIV ст. Ч. 2. Матеріальна, духовна культура та соціально-історичний розвиток (Чернівці 2009).

Гончаров 1950: В.К. Гончаров, Райковецьке городище (Київ 1950).

Ипатьевская 2001: Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Том второй (Москва 2001).

Кедун 2019: І. Кедун, Поселення Магерки І за даними останніх археологічних досліджень. За покликом предків. Матеріали П'ятих Самоквасівських читань, присвячених пам'яті Володимира Петровича Коваленка (Чернігів 2019), 109-112.

Кирпичников, Медведев 1985: А.Н. Кирпичников, А.Ф. Медведев, Вооружение. В: (Ред. Б.А. Рыбаков) Древняя Русь. Город, замок, село (Москва 1985), 298-363.

Коваленко, Ситий 2004: В.П. Коваленко, Ю.М. Ситий, «Свої погани» Чернігівських князів. В зб.: (Відп. ред. О.П. Моця) Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. (Київ 2004), 121-138.

Козловський 1990: А.О. Козловський, Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX-XIV ст. (Київ 1990).

Кучера 1962: М.П. Кучера, Древній Плісненськ. В: Археологічні пам'ятки УРСР, XII (Київ 1962), 2-56.

Лаврентьевская 2001: Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей. Том первый (Москва 2001).

Медведев 1959: А.Ф. Медведев, Оружие Новгорода Великого. Материалы и исследования по археологии СССР 65, 1959, 121-191.

Медведев 1966: А.Ф. Медведев, Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел VIII-XIV вв.). Свод археологических источников, Е1-36 (Москва 1966).

Моця, Казаков 2011: О. Моця, А. Казаков, Давньоруський Чернігів (Київ 2011)

Немеров 1987: В.Ф. Немеров, Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII-XV вв. Советская археология 2, 1987, 212-227.

Нидерле 2000: Л. Нидерле, Славянские древности (Москва 2000).

Никольская 1981: Т.Н. Никольская, Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX-XIII вв. (Москва 1981).

Петрашенко 2005: В.А. Петрашенко, Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка) (Киев 2005).

Пивоваров 2001: С. Пивоваров, Археологічне дослідження Чорнівського городища в 1999 – 2000 рр. Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології 1, 2001, 243-256.

Пивоваров 2003: С.В. Пивоваров, Середньовічне озброєння з городища XIV ст. в Зеленій Липі. Археологічні студії 2, 2003, 204-215.

Пивоваров, Калініченко, Ільків 2015: С. Пивоваров, В. Калініченко, М. Ільків, Дослідження Чорнівського городища першої половини XIII ст. у 2012-2014 рр. Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології 2/40, 2015, 7-35.

Пивоваров, Калініченко, Ільків 2016: С. Пивоваров, В. Калініченко, М. Ільків, Дослідження Чорнівського городища першої половини XIII ст. у 2015-2016 рр. Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології 2/42, 2016, 7-44.

Пивоваров, Федорук 2002: С. Пивоваров, А. Федорук. До питання про найманство в Галицькій Русі XIV ст. (за даними розкопок городища в с. Зелена Липа). Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології 1, 2002, 140-149.

Пивоваров, Федорук 2003: С. Пивоваров, А. Федорук, Археологічні дані про арбалетне озброєння на Буковині (за матеріалами розкопок городища в с. Зелена Липа). Матеріали науково-практичної конференції «Музей та музейна справа на початку III тисячоліття» м. Чернівці, 14 травня 2003 р. Музейний щорічник 2, 2003, 85-93.

Плано Карпини 1911: И. де Плано Карпини, Исторія монгалов. В. Де Рубрук, Путешествіе въ Восточныя страны (Введ., перев. и прим. А.И. Малеина) (Санкт-Петербург 1911).

Прищепа 2011: Б.А. Прищепа, Дорогобуж на Горині у X-XIII ст. (Рівне 2011).

Прищепа 2016: Прищепа Б.А. Погоринські міста в X-XIII ст. (Рівне 2016).

Рабинович, Рябцева, Тельнов 2013: Р.А. Рабинович, С.С. Рябцева, Н.П. Тельнов, О некоторых находках с посада городища Германарие в свете изучения культуры кольцевых городищ в Пруто-Днестровском регионе. В: Слов'яни і Русь: археологія та історія. Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 75-річчя (Київ 2013), 283-289.

Рожко 2002: М. Рожко, Зброя дального бою стародавньої Тустані (наконечники стріл лука та самостріла (арбалета). Записки наукового товариства імені Шевченка CCXLIV, 2002, 287-311.

Сергеева 2009: М.С. Сергеева, Деталі озброєння зз кістки та рогу з території Південної та Західної Русі. В зб.: (Відп. ред. Ю. Лукомський) Фортеця: збірник заповідника «Тустань»: на пошану Михайла Рожка, 1 (Львів 2009), 333-340.

Сергєєва 2015: М.С. Сергєєва, Майстри з обробки дерева та кістки давньоруського міста Воїня (Київ, Харків 2015).

Слово 2006: Слово о полку Игореве (предисл. Д.С. Лихачёва) (Санкт-Петербург 2006).

Стародуб 2007: О.В. Стародуб, Наконечники стріл Білоцерківського музею. Юр'ївський літопис 6, 2007, 121-135.

Терський 2006: С.В. Терський, Лучеськ X-XV ст. (Львів 2006).

Терський 2020: С. Терський, Археологія міста Володимира (Володимир-Волинський, Новоград-Волинський 2020).

Тимощук 1976: Б.О. Тимощук, Слов'яни Північної Буковини V-IX ст. (Київ 1976).

Тимощук 1982: Б.О. Тимощук, Давньоруська Буковина (X перша половина XIV ст.) (Київ 1982).

Федоров 1953: Г.Б. Федоров, Городище Екимауцы. Краткие сообщения Института истории материальной культуры 50, 1953, 104-126.

Шинаков 2004: Е.А. Шинаков, «Дружинные лагеря». В зб.: (Відп. ред. О.П. Моця) Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII-X ст. (Київ 2004), 307-311.

Шокарев 2001: Ю.В. Шокарев, Луки и арбалеты (Москва 2001).

D'Amato, Lj 2018: R. D'Amato, D. Lj, The Phrygian helmet in Byzantium: archaeology and iconography in the light of recent finds from Braničevo. Acta Militaria Mediaevalia XIV, 2018, 29-67.

Farkaš 2007: Z. Farkaš, Nový nález stredovekého hrotu šípu zo stupavy – Dračieho hrádku. Zborník Slovenského národného múzea. Archeológia I, 2007, 215-230.

Florek 2015: M. Florek, Wczesnośredniowieczny rogowy grot strzały ze Wzgórza Zamkowego w Sandomierzu. Acta Militaria Mediaevalia XI, 2015, 238-240.

Florek, Stempin 2019: M. Florek, A. Stempin, Militaria średniowieczne ze wzgórza staromiejskiego w Sandomierzu. Acta Militaria Mediaevalia XV, 2019, 85-100.

Ginter, Przybyłok 2016: A. Ginter, A. Przybyłok, Wybrane militaria z badań archeologicznych zamku w Muszynie w 2013 roku. Acta Militaria Mediaevalla XII, 2016, 227-242.

Hložek, Ławrynowicz 2020: J. Hložek, O. Ławrynowicz, Weaponry from the Vassal house in Křivoklát castle from the early 15th Century. Modernity or Anachronism? Fasciculi Archaeologiae Historicae XXXIII, 2020, 183-199.

Holeščák 2020: Holeščák M. Late medieval nomads in the Little Carpathians. Acta Militaria Mediaevalia XVI, 2020, 89-104.

Kašpar 2010: J. Kašpar, Technologie výroby a zpracování středověkých hrotů střel (Brno 2010).

Kotowicz, Glinianowicz, Michalak 2019: P. Kotowicz, M. Glinianowicz, A. Michalak, Elements of Weaponry from the 9th- and 10th-Century Trepcza Complex near Sanok, South-Eastern Poland. Bewaffnung und Reiterausrüstung des 8. bis 10. Jahrhunderts in Mitteleuropa. Waffenform und Waffenbeigaben bei den mährischen Slawen und in der Reihe «Internationale Tagungen in Mikulčice» (ITM) IX (Brno 2019), 403-420.

Liwoch 2005: R. Liwoch, Militaria z dziewiętnastowiecznych badań w Podhorcach. Acta Militaria Mediaevalia I, 2005, 37-59.

Liwoch 2016: R. Liwoch, Groty bełtów spod zamku w Czorsztynie i z zamku Tenczyn w Rudnie. Acta Militaria Mediaevalia XII, 2016, 247.

Liwoch 2017: R. Liwoch, Militaria z połowieckiego cmentarzyska w Rosawie (wybór). Acta Militaria Mediaevalia XIII, 2017, 155-163.

Michalak 2020: A. Michalak, Terra incognita? Arms and armour production on the borderland of Silesia, Brandenburg, Greater Poland and Lusatia in the late Middle Ages. Kwartalnik historii kultury materialnej LXVIII/4, 439-462.

Minić, Vukadin 2007: D. Minić, O. Vukadin, Srednjovekovni Stalać=Medieval Stalać (Beograd 2007).

Nadolski 1954: A. Nadolski, Studia nad uzbrojeniem polskim w X, XI i XII wieku. Acta archeologica universitatis Lodziensis 3 (Łódź, Wrocław 1954).

Nawrot, Kucia 2017: J. Nawrot, A. Kucia, Antler crossbow nut and bolt head from Cracow. Acta Militaria Mediaevalia XIII, 2017, 181-186.

Pause 2010: C. Pause, Weapons and military equipment from the Burgundian siege of Neuss in 1474-1475. Acta Militaria Mediaevalia VI, 2010, 121-144.

Rau 2017: C. Rau, Europäische Pfeilspitzen und Armbrustbolzen: von der Bronzezeit bis ins Spätmittelalter (Berlin 2017).

Strzyż 2006: P. Strzyż, Uzbrojenie we wczesnośredniowiecznej Małopolsce. Acta Archaeologica Lodziensia 52, 2006, 7-272.

Strzyż 2017: P. Strzyż, Militaria z zamku Wołek na Górnym Śląsku. Acta Militaria Mediaevalia XIII, 2017, 55-82.

Solcanu 2002: I. Solcanu, Artă şi societate românească (sec. XIV-XVIII) (Bucureşti 2002).

Vích 2017: D. Vích, Projectile head finds from Zítkov Castle near Choceň. Acta Militaria Mediaevalia XIII, 2017, 83-109.

Armele de mână pentru lupta la distanţă din secolele X-XIII din spațiul dintre Siretul Superior și Nistrul Mijlociu

Cuvinte cheie: vârf de săgeată, vârf cu lama lată de tip tătaro-mongol, vârf cu lama turtită, vârf anti-armură, vârf lat cu două coarne, vârf în forma frunzei de dafin, vârf ascuţit, arbaletă, proiectil de arbaletă.

Rezumat: În articol sunt analizate principalele categorii de vârfuri de săgeţi din secolul X - a doua jumătate a secolului al XIII-lea, descoperite în siturile arheologice din regiunea dintre Siretul Superior şi Nistrul Mijlociu. Vârfurile de săgeţi sunt prezentate în baza modului de fixare (cu peduncul sau cu manşon), a secţiunii transversale a lamei (plată sau faţetată) şi a metodelor de utilizare a acestora. Printre vârfurile de săgeţi cu peduncul se remarcă cele plate, anti-armură, tătaro-mongole, cu lama lată și din os, care se împart în tipuri separate. Este prezentată tipologia vârfurilor de săgeți de tip manșon. Este realizată analiza comparativă a acestor piese și sunt aduse analogii din alte teritorii ale statului vechi rus. Sunt analizate părțile componente ale arcului și ale tolbei identificate în zona de referinţă. Este descrisă construcţia arbaletelor şi metodele de utilizare a acestora. Este efectuată tipologia proiectilelor de arbaletă. Spre deosebire de vârfurile obişnuite de săgeţi, acestea au cap masiv. Proiectilele de arbaletă, în secţiune, sunt ascuţite, pătrate sau romboidale. În funcţie de greutatea şi dimensiunea proiectilelor, erau utilizate diferite tipuri de arbalete. În zona de studiu puteau fi folosite arbalete grele, de tipul *a tour, pied de biche* şi *cric*. În concluzie se susţine că armele de mână pentru lupta la distanţă, identificate în zona investigată, erau confecţionate la un nivel avansat, în corespundere cu arta militară din Europa de Est.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Vârfuri de săgeată plate, cu peduncul: 1-12, 14, 19, 21-29, 31-34, 36-39 - Cernoka; 13 - Perebykovtsy; 15 - Vasilevka; 16 - Komarovo; 17, 20, 35 - Vasiliev; 18 – Zelenaya Lipa; 30 - Lenkovtsy Prut (1-3, 6-8, 10-14, 16-22, 25, 27-32, 35, 37-39 - Fondul Muzeului Regional al Ţinutului Natal din Cernăuţi (MRŢNC); 4, 5, 9, 15, 23, 24, 26, 33, 34, 36 - Fondul Centrului de Cercetări Arheologice din Bucovina (CCAB).

Fig. 2. Vârfuri de săgeată tătaro-mongole: 1-8 - Cernovka (Fondurile MRŢNC).

Fig. 3. Vârfuri de săgeată anti-armură: 1 - Grozintsy; 2, 3, 5-13, 15-17, 20-22 - Cernovka; 4, 14, 18, 23, 24 - Zelenaya Lipa; 19 - Lenkovtsy Prut (1 - după: Тимощук 1979, рис. 18/23; 4, 6-13, 17-20 - Fondul MRȚNC; 2, 3, 5, 14-16, 21-24 - Fondul CCAB).

Fig. 4. Vârfuri de săgeată din os: 1-5 - Cernovka; 6 - Zelenaya Lipa (Fondul CCAB).

Fig. 5. Vârfuri de săgeată de tip manșon: 1 - Perebykovtsy; 2, 11 - Vasiliev; 3-5, 7 - Lenkovtsy Prut; 6, 9, 10, 12, 14, 15 - Cernovka; 8 - Darabany (Shchovb); 13 - Zelenaya Lipa (Fondul MRȚNC).

Fig. 6. Detalii de tolbă: 1-3 - Cernovka; 4, 5 - Lenkovtsy Prut (1, 2 - Fondul CCAB; 3-5 - Fondul MRȚNC).

Fig. 7. Tir cu arcul. Imagine în Biserica Buna Vestire din secolele XV-XVI din Moldoviţa (Bucovina de Sud, România) (după: Solcanu 2002, fig. 33).

Fig. 8. Proiectile și componente ale arbaletei: 1-15 - Zelenaya Lipa; 16 - încărcarea arbaletei cu un proiectil; 17 - arbaletă grea de tip polispast (reconstrucție) (1-11, 14 - Fondul MRȚNC; 12 - după: Тимощук 1982, рис. 20/5; 13, 15 - Fondul CCAB).

Ranged hand weapon of the 10th - 13th centuries from the area between the Upper Siret and the Middle Dniester

Keywords: arrowhead, Mongol-Tatar srezen, tomar, armor-piercing point, two-horned srezen, laurel leaf shaped arrowhead, awl-shaped arrowhead, crossbow, a crossbow bolt.

Abstract: The article considers the main categories of arrowheads of the 10th - late 13th centuries, found on archeological sites in the area between the Upper Siret and the Middle Dniester. The characteristics of the tips are given according to the way of their hafting (stem and socket tang), the cross-section of the head (flat and faceted) and the function. Among the stem points, we can single out flat, armor-piercing, Mongol-Tatar and bone ones, which are divided into separate types. The typology of socket points is analyzed. Their comparison was made and analogies were traced in other territories of the Old Rus state. The components of the bow and quiver found in the study area are considered. Designs of crossbows and ways of their application are characterized. The typology of crossbow bolts is carried out. Their feature, in contrast to the arrows of the bow, is the massiveness of the warhead. All crossbow bolts are armor-piercing, square, or rhombic in cross-section. Depending on the weight and size of the points, different types of crossbows were used. Accordingly, heavy crossbows such as a tour, pied de biche, and cric could be used in the study area. It is concluded that the long-range hand weapons found in the region under consideration were quite highly developed and their evolution took place in the general direction of the development of the military art of Eastern Europe.

List of illustrations:

Fig. 1. Stem flat arrowheads: 1-12, 14, 19, 21-29, 31-34, 36-39 - Chornivka; 13 - Perebykivtsi; 15 - Vasylivka; 16 - Komarovo; 17, 20, 35 - Vasyliv; 18 - Zelena Lypa; 30 - Lenkivtsi on Prut River (1-3, 6-8, 10-14, 16-22, 25, 27-32, 35, 37-39 – Collections of the Chernivtsi Regional Museum of Local Lore (CRMLL); 4, 5, 9, 15, 23, 24, 26, 33, 34, 36 – Collections of the Bukovina Center for Archaeological Research (BCAR)).

Fig. 2. Mongol-Tatar arrowheads: 1-8 - Chornivka (Collections of the CRMLL).

Fig. 3. Armor-piercing arrowheads: 1 - Hrozyntsi; 2, 3, 5-13, 15-17, 20-22 - Chornivka; 4, 14, 18, 23, 24 - Zelena Lypa; 19 - Lenkivtsi on the Prut River (1 - after Тимощук 1979, рис. 18/23; 4, 6-13, 17-20 - Collections of the CRMLL; 2, 3, 5, 14-16, 21-24 – Collections of the BCAR).

Fig. 4. Bone arrowheads: 1-5 - Chornivka; 6 - Zelena Lypa (Collections of the BCAR).

Fig. 5. Socket arrowheads: 1 - Perebykivtsi; 2, 11 - Vasyliv; 3-5, 7 - Lenkivtsi on the Prut River; 6, 9, 10, 12, 14, 15 - Chornivka; 8 - Darabany (Shovb); 13 - Zelena Lypa (Collections of the CRMLL).

Fig. 6. Quiver components: 1-3 - Chornivka; 4, 5 - Lenkivtsi on the Prut River (1, 2 - Collections of the BCAR; 3-5 - Collections of the CRMLL).

Fig. 7. Archery. Depiction in the 15th-16th centuries Church of the Annunciation at Moldovita (South Bucovina, Romania) (after Solcanu 2002, fig. 33).

Fig. 8. Bolts and components of the crossbow: 1-15 - Zelena Lypa; 16 - loading a crossbow with a hook; 17 - pulley type heavy crossbow (reconstruction) (1-11, 14 - Collections of the CRMLL; 12 - after Тимощук 1982, рис. 20/5; 13, 15 - Collections of the BCAR).

20.05.2022

Др. проф. Игорь Возный, Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича, ул. Коцюбинского, 2, 58000 Черновцы, Украина, https://orcid.org/0000-0001-5808-7127, e-mail: www.voznyj.igor@gmail.com

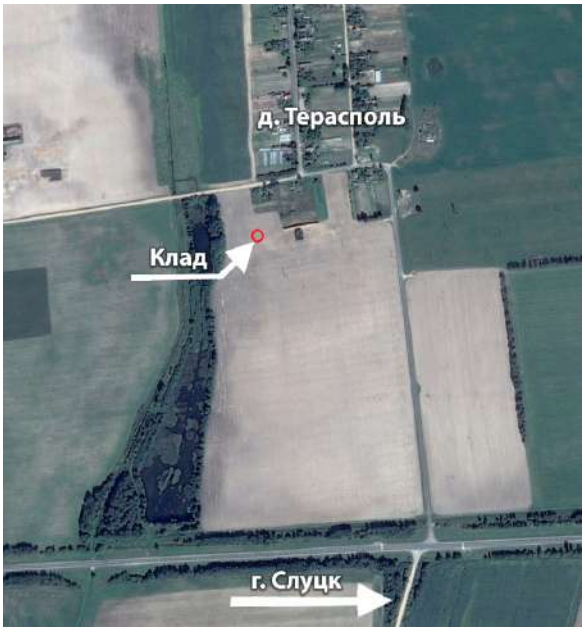
КЛАД МЕДНЫХ СОЛИДОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ 1660-Х ГОДОВ

Иван Синчук, Вячеслав Родин

Ключевые слова: нумизматика, клад, медные солиды Речи Посполитой, 1659-1666 года, атрибуция, монетные дворы.

В 2009 г. на окраине деревни Терасполь Слуцкого района Минской области (в 15 км к западу от Слуцка) в 30 м от руин дореволюционного двухэтажного кирпичного здания на распаханном поле был обнаружен клад медных солидов Речи Посполитой 1660-х годов, сокрытый в последней трети XVII века[1] (рис. 1). В нем было около 800 штук собственно медных солидов Яна Казимира Вазы и 3-4 биллоновых солида Прибалтийских владений Швеции, клад растянут от ядра в 400-500 монет плугом на 1 м в каждую сторону по ходу плуга. Причем в один проход отвал отправил монеты в одну сторону, во второй обратный проход – в противоположную сторону. GPS координаты места находки: 53°00'00" N, 27°18'13" E. Описание монет клада медных солидов Речи Посполитой 1660-х годов из деревни Терасполь по формальным признакам (табл. 1) легко соотносится с атрибуцией по монетным дворам (Синчук 1998а; Синчук 1998б; Синчук 2010).

Монеты разошлись по рукам, для изучения доступны 86 экземпляров из частной коллекции. Судя по непропорционально большому количеству фальшивых монет (13 экземпляров), дефектов производства в виде двойных ударов (6 экземпляров) и технического брака в виде nummi incusi (1 экземпляр), что составляет четверть всего количества, коллекция не характеризует генеральную совокупность, ибо



1

2

Рис. 1. Место находки клада медных солидов Речи Посполитой. Ядро клада монет в момент находки (рядом венчик неполивного горшка XIV-XV вв.), д. Терасполь, 2009 г.

[1] Аналогичный распаханный клад медных солидов Речи Посполитой 1660-х годов был найден весной 2011 г. в 4,7 км от северо-западной окраины г. Клецка Минской обл. Беларуси на месте фольварка Здановщизна (ныне не существует) в количестве около 800-1600 монет. Вытянутое вдоль дороги Н8461 (в 70-80 м севернее) пятно разброса имело размер примерно 80×30 м. Осенью того же года был локализован центр пятна с большим насыщением монетами (около 250 штук). Сохранность плохая. Координаты 53°05›56.29» N, 26°34'30.46» E. Клад разошелся по рукам.

Рис. 2. Медные солиды Яна Казимира Виленского монетного двора. 1 - 1665 г. т.н. «с датой 1668 г.»; 2 - 1664-1666 гг. с неполным количеством цифр года – «166».

не является случайной выборкой, по крайней мере в ее литовской части. Притом отношение подлинных монет соответствует их доле в других кладах. Вес большей части подлинных монет находится в границах 0,9-1,0 г, что указывает на нахождение в агрессивной среде (ординационный вес 1,34 г, вес солидов Великого княжества Литовского по отчетам монетных дворов Боратини (TLB) 1664-1665 гг. 1,30 г, Горна (GFH) 1663 г. – 1,18 г, 1665-1666 гг. – 1,28 г) (Синчук 1987).

Обращает на себя внимание солид Великого княжества Литовского 1664 г. производства Виленского монетного двора без знака подскарбия, который, однако, является причудливым последствием двойного удара с переворотом монетного кружка (рис. 2). Вес его является обычным для монет клада – 1,02 г, диаметр – 16 мм, толщина – 0,7 мм.

Наиболее интересной является так называемый «солид с датой 1668» (рис. 2/1). Совершенно очевидно, что последняя цифра не является восьмеркой. Верхняя часть «готическая» с очком в виде трапеции, а нижняя часть округлая как шестерка, но не с круглым, а с овальным очком, к тому же наклоненным верхней частью влево. Простейший перебор вариантов показывает, что на это место могли быть вбиты либо шестерка, либо пятерка. Причем монета не может быть 1666 года, и не может быть дважды вбит с поворотом любой из двух возможных пунсонов. Предположительно, ошибочно была вбита пунсонная шестерка, повернутая вправо на 90°, затем ошибка была исправлена вбиванием пунсоном пятерки нормальной ориентации из набора циферных пунсонов с единицей с раздвоенным основанием и завершением «крышечкой». В результате наложения двух пунсонов и образования бессмысленной лигатуры, возникла иллюзия цифры «8». Вероятно, таким образом появился каталожный солид 1668 года, изготовление которого в соответствии с имеющимися документальными сведениями не является возможным по причине закрытия всех «шеляжных» монетных дворов.

Не часто встречается и имеющийся в коллекции солид с неполным количеством цифр года – «166» (рис. 2/2). По характерным особенностям это монета 1664-1666 годов монетного двора Вильно.

Присутствие среди фальшивых монет двух солидов с гербом ВКЛ типа «конь с длинными ногами» указывает на сокрытие не ранее 1667 года, ибо они производились в 1667-1669 годах и являются младшими монетами выборки, несмотря на дату «1666».

Библиография

Синчук 1987: И.И. Синчук, Метрология медных солидов Речи Посполитой 1659-1666 гг. В сб.: Вторая Всесоюзная нумизматическая конференция. 1987. Тезисы докладов и сообщений (Москва 1987), 27-30.

Синчук 1998а: И. Синчук, «Шеляжные» монетные дворы ВКЛ и медные солиды Яна Казимира в кладах. В сб.: Mennice między Baltykiem a Morzem Czarnym – wspólnota dziejów: Supraśl 10-12.IX.1998. Materiały z III Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej (Warszawa 1998), 153-168.

Синчук 1998б: И.И. Синчук, Солиды королевства Польского 1659-1665 гг. В сб.: Нумизматический сборник 1998: К 80-летию В.М. Потина (Санкт-Петербург 1998), 102-106.

Синчук 2010: И.И. Синчук, «Шеляжные» монетные дворы Короны и медные солиды Яна Казимира в кладах. В сб.: Pieniądz - symbol - władza - wojna - wspólne dziedzictwo Europy - Białoruś - Estonia - Litwa - Łotwa - Polska - Rosja - Rumunia - Słowacja - Ukraina. Studia i materiały [z IX Międzynarodowej Konferencji Numizmatycznej] (Augustów–Warszawa 2010), 168-177.

Табл. 1

Распределение монет клада медных солидов Речи Посполитой 1660-х годов из д. Терасполь по формальным признакам

(Иероним Кришпин Киршенштейн: М – малая монограмма, Б – большая монограмма, Олень – голова оленя, часть герба, Конь – конь с длинными ногами)

Год	Арендатор	Подскарбий	Количество
Великое княжество Литовское			
1660	TLB	Корвин	2
1661	TLB	Корвин	6
1663	GFH	Венява	3
1664	TLB	HKPL-Б	4
1664	TLB	отсутствует	1
1665	TLB	HKPL-Б	5
1665	TLB	HKPL-M	1
1665	GFH	Олень	–
1666	TLB	HKPL-Б	4
1666	TLB	HKPL-M	6
1666	GFH	Олень	9
166?	GFH	Олень	1
166	TLB	HKPL-Б	1
Дв. удар			2
Всего			**45**
Королевство Польское			
1659	TLB	Слеповрон	1
1660	TLB	Слеповрон	2
1661	TLB	Слеповрон	2
1663	TLB	Слеповрон	6
1664	TLB	Слеповрон	7
1665	TLB	Слеповрон	5
166?	TLB	Слеповрон	3
Дв. удар	TLB	Слеповрон	1
Всего			**27**
nummi incusi			1
Фальшивые			
ВКЛ 1666 Конь	TLB	HKPL-Б	2
ВКЛ	TLB	HKPL-Б	8
КП	TLB	Слеповрон	3
Всего			**13**

Tezaurul de şilingi polonezi de cupru ai Regatului Poloniei din anii ’60 ai sec. XVII

Cuvinte-cheie: numismatică, şilingi de cupru ai Regatului Poloniei (Commonwealth polono-lituanian), anii 1659-1666, falsuri monetare, monetăria Wilno.

Rezumat: Autorul comunică un tezaur alcătuit din şilingi polonezi de cupru, emişi de Ioan Cazimir Vaza între anii 1660-1666. Este oferită o descriere de grup a monedelor, divizată conform anilor de emisie, dar şi siglelor care apar pe piese (iniţialele arendaşului şi mărcile meşterilor monetari). În articol sunt indicate şi câteva referinţe bibliografice privind atribuirea pe monetării a şilingilor analizaţi.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Locul descoperirii tezaurului de şilingi polonezi. Nucleul tezaurului în momentul descoperirii (alături: o buză de oală din sec. XIV-XV), s. Teraspoli, anul 2009.

Fig. 2. Şilingi de cupru de la Ioan Cazimir Vaza, bătuţi la monetăria din Wilno. 1 - 1665, aşa-numitul „cu data 1668”; 2 - 1664-1666, cu o cifră lipsă – „166”.

The hoard of Polish copper shillings of the Kingdom of Poland of the 1660s

Keywords: numismatics, copper shillings of the Kingdom of Poland (Polish-Lithuanian Commonwealth), 1659-1666, counterfeits, Wilno mint.

Abstract: The author of the paper publishes a hoard of Polish copper shillings of John Casimir Vaza, minted in the time from 1660 to 1666. There is given a description of the groups of coins, divided according to the years of issue, but also of the signs on the coins (holdrs' initials and minters' marks). The article also indicates some bibliographic references regarding the attribution of the analyzed shillings to the mints.

List of illustrations:

Fig. 1. The place of the discovery of the hoard of Polish shillings. The core of the hoard at the time of discovery (next to a pot rim of the 14th-15th centuries), Teraspol' village, 2009.

Fig. 2. Copper shillings of John Casimir Vaza, minted by the Wilno mint. 1 - 1665, the so-called "dated 1668"; 2 - 1664-1666, with a missing figure – "166".

08.09.2022

Иван Синчук, Ассоциации нумизматов Балтии, ул. Ольшевского, 6-53, Минск, Республика Беларусь, https://orcid.org/0000-0001-9848-2172, e-mail: sintchouk@tut.by

Вячеслав Родин, ул. Центральная, 57А, дер. Королищевичи, Минская обл., Республика Беларусь, https://orcid.org/0000-0002-4670-9977, e-mail: sla-minsk@tut.by

О СЮЖЕТЕ НА ТАЛЕРЕ ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВАРШАВЫ

Иван Синчук

Ключевые слова: нумизматика, религиоведение, искусствоведение, гравюра, прототип, «Научение Марии».

Гравированная сцена на одностороннем медном талере Трансильвании 1611 г. из собрания Национального музея Варшавы (NPO 146650) недавно стала предметом специального рассмотрения (Крицук 2021, 33-34).

Монета имеет диаметр 40,6×41,5 мм, толщину 2,4 мм, что позволило использовать резьбу и разместить на реверсе двухфигурную композицию. Представляется возможным уточнить сюжет религиозной сцены и его источник.

На выполненном резцовой штриховой гравировкой изображении представлен сюжет «Научение Марии».

Он широко представлен в униатстве и католичестве, отмечен и в белорусских храмах (Флікоп-Світа 2019, 182, 229; Флікоп-Світа 2021, 257). Непродуктивно будет искать его в протестантских странах, нет такого сюжета и в православном иконописании. Зато с XVII века им изобилуют как живописные работы, так и скульптуры, и витражи храмов католических стран. Беларусь и Украина стали униатскими с конца XVI века (Брестская уния 1596 г.), в Закарпатье и Трансильвании греко-католическая церковь появилась во второй половине XVII – начале XVIII века (Ужгородская уния 1646/1699 г., уния 1700 г., уния в Марамуреше 1713 г.), униями были охвачены церкви Балкан и даже Эфиопская церковь.

Для поиска формально определены черты, которые могут связать артефакт с источником сюжета. Первоначальный перечень характерных деталей резного изображения составил 21 позицию, из которых выделились несколько основных. Он позволил достаточно быстро выявлять произведения, которые не могут быть образцом для резчика или источником его сюжета. Стоит отметить, что отличительные черты могут быть зеркальными, отсутствовать, добавлены или заменены другими, изображение может быть кадрировано.

Одна из белорусских икон с сюжетом «Научение Марии» (1840 г.) из каплицы в Уртишках (Kaplica Matki Boskiej Miłosierdzia), находившаяся ранее в парафиальном костеле в недалеком Ивье (Kałamajska-Saeed 2011, №488), была использована для сравнения с изображением на талере (рис. 1).

Самые важные совпадения, кроме совпадения основных размеров, при наложении на фрагмент иконы полупрозрачного изображения талера (левая нижняя четверть):

1. Правая рука Анны и левая Марии находятся на одной линии.
2. На середине плеча Марии – валик одеяния.
3. Левая рука Марии согнута под острым углом в локте.

При хорошем совпадении в габаритных точках есть существенные отличия в изображениях (перечень по талеру):

1. Голова Анны расположена почти фронтально.
2. Левая рука Анны лежит на левой части плечевого пояса Марии.
3. Над головами Анны и Марии – нимбы.
4. Голова Марии значительно меньше.
5. Волосы Марии собраны пучком на затылке.
6. Отсутствует сошествие Святого Духа в виде голубя.

Очевидно, что оба изображения отличаются, но восходят к холсту Питера Пауля Рубенса «Научение Марии» (1630-1635 гг.) (Peter Paul Rubens. De opvoeding van Maria. Koninklijk Museum voor Schone Kunsten), который находился в церкви кармелитов в Антверпене

Рис. 1. Совпадение относительных габаритных точек изображений на талере и на белорусской иконе.

почти до конца XVIII века. У Рубенса головы всех персонажей размещены точно под линией из левого верхнего угла к середине правой стороны картины, подражатели XVII-XVIII веков этот построительный нюанс не будут учитывать.

Нашел свое объяснение валик-сборка на плече Марии – у Рубенса это перехваченная чем-то полупрозрачная воздушная ткань рукава (рис. 2). Стало ясно, что нимб Марии – переработанный воображением последователей венок, а Дух Святой – образ, подсказанный художнику ангелами Рубенса. Собственно, копиистов-подражателей можно понять – как-то не к месту в храме выглядели весьма неканоничные путти-ангелы мэтра Рубенса.

Оба рассмотренные изображения не были сделаны напрямую с названных работ – существовал некий вариант с согнутой под острым углом в локте левой рукой Марии и на одной линии правой рукой Анны и левой – Марии (что, собственно, есть следствие согнутой в локте руки Марии), с поднятой до середины плеча складкой-валиком, возможно, с нимбами.

В западных произведениях начиная с Кватроченто нимб часто даётся в ракурсе, это диск или кольцо над головой, но уже Джотто ди Бондоне, отказался от правильного круга-нимба (Фрески капеллы дель Арена, Падуя, 1304-1306). Овальный «объемный» нимб, контурный или с золотым заполнением изредка встречается в белорусских униатских материалах с середины XVIII в., но, скорее, он указывает на католическое происхождение изображения[1].

Кроме того, сошествие Святого Духа в образе голубя можно изображать на православной иконе в том случае, если она посвящена празднику Крещения (Лк. 3:22, Мф. 3:16-17). С семейством святых праведных «Богоотец» голубь сочетается издавна; примером может служить гравюра 1450-1500 годов вестфальца Исраэля ван Мекенема Младшего (Rijksmuseum, Amsterdam). Угол «оторочки» изображения Святого Духа на талере напоминает крылья «гласов» (головки с крыльями) на упомянутой хорватской алтарной картине из Розги (раствор, положение в пространстве); стилистически эта работа датируется концом XVIII – началом XIX века. Нимб с расходящимися от центра лучами в сюжете «Обучение Марии» встречен в гравюре германских мастеров Элиаса Кристофа Хейсса (1660-1731) и Бернарда Фогеля (1683-1737) (Museo Nacional del Ministerio de Cultura y Patrimonio) и полотне XVIII века неизвестного художника из столицы Эквадора Кито (San Francisco de Quito) того же собрания.

Несколько сужают возможный ареал производства артефакта (или время производства) три латинские буквы «SSS» на странице книги (вероятно, инициальная аббревиатура от Sacrosanctus Spiritus – Святой Дух). В регионе изначально используются варианты латиницы у венгров, чехов, австрийцев, словенцев, также у хорватов с XV века распространялась латиница, но лишь с 1860 года в результате деятельности Трансильванской школы в Румынии произошел переход на латиницу.

Стоит отметить, что среди выявленных работ XVII-XVIII веков на сюжет «Научение Марии» не обнаружены произведения с поднятым выше локтевого сустава складкой-валиком. Икона из Италии с подобной деталью проходила в 2017 году по аукциону catawiki с датировкой XIX в. Прообраз этой детали в виде короткого псевдорукавчика с фестонами появляется в работе 1771-1774 годов сицилийца Фра Феличе да Палермо, ныне хранящейся в церкви

[1] Например, написанная на тот же сюжет картина 1630-х годов Джованни Франческо Романелли (1610-1662), или «Обучение Девы Марии» в главном алтаре в церкви Святой Анны в хорватской Розге, неподалеку от Загреба.

Рис. 2. Картина «Научение Марии» Питера Пауля Рубенса и алтарная картина в церкви Святой Анны в хорватской Розге (зеркально).

Рис. 3. Фрагмент алтарной картины Фра Феличе да Палермо «Дева Мария со Св. Анной, Св. Иоакимом и ангелами» из Санта-Лючия-дель-Мела (зеркально), открытка 1881 г. из скандинавского журнала Freja с образцами одежды.

капуцинов в Санта-Лючия-дель-Мела. На ней же находятся на одной линии руки и Анны, и Марии (рис. 3/1). В XIX веке, спустя три столетия после исчезновения образцов раннего Ренессанса, вновь появилась женская верхняя одежда с рукавом до середины плеча (рис. 3/2).

Возможно также, что непосредственный образец изображения сцены на талере следует искать где-то среди европейских книжных гравюр XVIII-XIX веков или прорисей с этим сюжетом – он должен быть достаточно доступен.

Исходя из приведенных выше фактов следует считать, что изображение на одностороннем талере 1611 г. относится к сюжету «Научение Марии» и выполнено не ранее XIX века.

Библиография

Крицук 2021: Р. Крицук, Односторонний талер Трансильвании 1611 г. из собрания Национального музея Варшавы. В сб.: Al XIX-lea simpozion de numismatică (Chişinău, 21-22 octombrie 2021). Programul şi rezumatele comunicărilor (Chişinău 2021), 33-34.

Флікоп-Світа 2019: Г.А. Флікоп-Світа, Беларускі іканапіс XVI – першай паловы XX ст.: Альбом (Мінск 2019).

Флікоп-Світа 2021: Г.А. Флікоп-Світа, Іканастасы і алтары грэка-каталіцкіх храмаў Беларусі XVII – першай трэці XIX ст. (Мінск 2021).

Kałamajska-Saeed 2011: M. Kałamajska-Saeed, red. naukowa. Kościoły i klasztory rzymskokatolickie dawnego województwa Wileńskiego. T. 4 (Kraków 2011).

Cu privire la subiectul imaginii de pe un taler aflat în patrimoniul Muzeului Naţional din Varşovia

Cuvinte-cheie: numismatică, taler, istoria artei, gravură, prototip, „Educaţia Mariei”.

Rezumat: În articol este atribuită scena gravată pe un taler unifaţă de cupru, bătut de Transilvania în anul 1611, din colecţia Muzeului Naţional din Varşovia, fiind specificată intriga scenei religioase şi sursa acesteia. Autorul propune o metodă originală de utilizare a coincidenţei imaginii de pe taler cu alte surse iconografice similare. Imaginea se referă la subiectul „Educaţia Mariei” şi a fost realizată nu mai devreme de secolul al XIX-lea.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Coincidenţa imaginii de pe taler cu cea de pe o icoană bielorusă.

Fig. 2. Tabloul „Educaţia Mariei” de Peter Paul Rubens şi tabloul de altar din biserica Sfânta Ana din Croaţia.

Fig. 3. Fragment din pictura de altar de Fra Felice da Palermo „Fecioara Maria cu Sf. Ana, Sf. Ioachim şi îngerii” din Santa Lucia del Mela (în oglindă) şi o carte poştală din 1881 din revista scandinavă Freja, cu mostre de îmbrăcăminte.

About the plot of the scene on a plate from the collection of the National Museum in Warsaw

Keywords: numismatics, plate, art history, engraving, prototype, “Education of Mary”.

Abstract: The article considers the scene engraved on a single-faced copper plate made in Transylvania in 1611, which is kept in the collection of the National Museum in Warsaw; the plot of the religious scene and its source are specified. The author proposes an original method of using the superimposing of the image on the plate on other similar iconographic sources. The image relates to the subject of “Education of Mary” and was made no earlier than the 19th century.

List of illustrations:

Fig. 1. Superimposing of the image on the plate on the one on a Belarusian icon.

Fig. 2. The painting “Education of Mary” by Peter Paul Rubens and the altarpiece in the church of St. Anne in Croatia.

Fig. 3. Fragment of the altar painting by Fra Felice da Palermo “Virgin Mary with St. Anne, St. Joachim and Angels” in Santa Lucia del Mela (mirrored) and an 1881 postcard from the Scandinavian magazine Freja depicting samples of clothing.

08.09.2022

Иван Синчук, Ассоциации нумизматов Балтии, ул. Ольшевского, 6-53, Минск, Республика Беларусь, https://orcid.org/0000-0001-9848-2172, e-mail: sintchouk@tut.by

EMISIUNI MONETARE RUSEȘTI DIN PATRIMONIUL MUZEULUI NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI (A DOUA JUMĂTATE A SECOLULUI AL XVIII-LEA)[1]

Elena Arcuș-Jantovan

Cuvinte-cheie: Imperiul Rus, Ecaterina a II-a, Pavel I, Sadagura, monedă.

Abordarea subiectului cu privire la emisiunile monetare ale Ecaterinei a II-a (1762-1796) și cele ale lui Pavel I (1796-1801) reprezintă o continuare a cercetării nominalurilor ruseşti din colecţia Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei[2]. Aceste descoperiri vin să confirme răspândirea în spațiul dintre Prut și Nistru a emisiunilor monetare ruseşti în număr substanţial și până la adoptarea Regulamentului din 29 februarie 1828, când Basarabia a fost inclusă în sistemul economic și politic imperial, iar moneda rusească a fost introdusă în mod oficial ca mijloc de circulaţie monetară pe întreg teritoriul Basarabiei. Acest fapt ne permite să ne convingem, o dată în plus, că răspândirea emisiunilor ruseşti a fost determinată nu doar de relaţiile economico-financiare stabilite după anexarea Basarabiei la Imperiul Rus în anul 1812, întrucât pătrunderea acestora în secolul al XVIII-lea a fost facilitată și condiţionată de absenţa unui sistem monetar naţional, precum și de războaiele ruso-austro-turce, ale căror urmări au avut un impact evident în sfera economică și în schimbarea paradigmei circulaţiei monetare din Principatul Moldovei.

Descoperiri ale acestor emitenţi sunt puţin introduse în circuitul ştiinţific, deoarece marea lor majoritate este atestată sub formă de descoperiri izolate și reprezintă emisiuni cu valoare nominală scăzută, care nu au atras în mod deosebit atenţia cercetătorilor[3]. Însă, fără îndoială, aceste descoperiri trebuie introduse în circuitul ştiinţific, deoarece ele vor contribui cu siguranţă la completarea peisajului monetar din acest spaţiu.

Ecaterina a II-a (1762-1796)

În perioada domniei Ecaterinei a II-a, în sistemul monetar au fost implementate noi directive, dar, totodată, s-au menţinut și unele reglementări anterioare. Emisiuni ale Ecaterinei a II-a se regăsesc în colecţia Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei – atât în structura unor tezaure, cât și sub formă de descoperiri izolate, reprezentate de nominaluri de aur, argint, bronz și cupru.

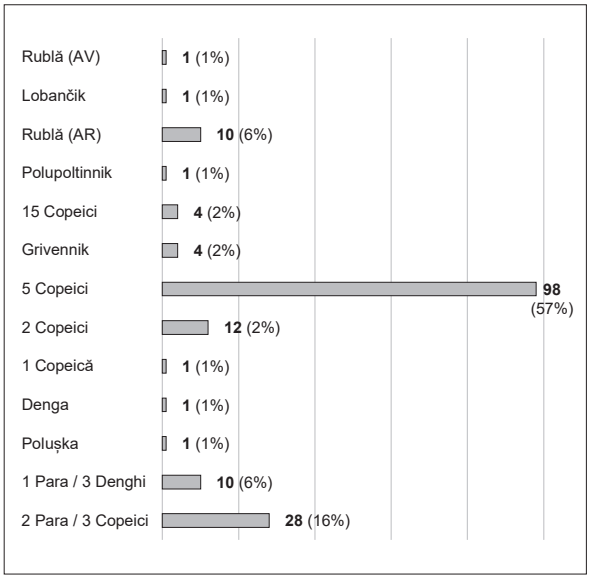


Fig. 1. Ecaterina a II-a: emisiuni monetare din patrimoniul MNIM.

[1] Articol elaborat în cadrul proiectului 20.80009.0807.43 „Patrimoniul muzeal și memoria istorică: cercetare, interpretare, prezentare".

[2] Articolul are la bază comunicarea omonimă, prezentată la Conferinţa ştiinţifică internaţională „Istorie. Arheologie. Muzeologie" a Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, ediţia a XXXI-a, Chişinău, 28-29 octombrie 2021.

[3] Anenii Noi – 5 copeici, 1766 (Boldureanu 2009, 348); Budeşti – 5 copeici, 1797/1801 (Boldureanu 2010, 274-275); Ciuteşti – 5 copeici, 1786 (Boldureanu 2017, 297); Floreşti – 1 piesă, 5 copeici, 1771 (Arcuş-Jantovan 2017, 31-33); Hădărăuţi – 2 para / 3 copeici, 1773 (Boldureanu, 2017, 297); Hânceşti – 2 copeici, 1763 (Arcuş-Jantovan 2017, 31-33); Hârtopul Mare – 5 copeici, 1774 (Boldureanu 2012, 347-352); Leova – 5 copeici, 1763 (Arcuş-Jantovan 2017, 31-33); Orhei – 1 para / 3 denghi, 1772 (Boldureanu 2012, 350).

Emisiuni monetare de aur. Din aur Ecaterina a II-a a emis, în calitate de monede de circulaţie, nominaluri de 10 ruble, 5 ruble (polimperial) și červoneţ. Cu un tiraj mai mic, au fost emise și nişte monede speciale (rubla, 2 ruble, poltina) reprezentând nişte emisiuni foarte populare în rândul oamenilor nobili, fiindcă erau predestinate a fi utilizate într-un cerc mai restrâns, în ambientul de la palat (de ex., la jocurile de noroc), astfel, doar unele dintre ele au ajuns în liberă circulaţie. O rublă de acest tip se află și în colecţia MNIM (emisă doar în anul 1779 și doar la Sankt-Petersburg).

Rublă. 1 piesă (1779)[4]

1,24 g, 15,39 mm, AV ↑. FB-28417, N. 53515. (Биткин 2000, 344, nr. 108; Семенов 2008, 17, nr. 34:30).

Av. În centru: efigia Ecaterinei a II-a spre dreapta. Circular: Б • М • ЕКАТЕРИНА • II • ІМП ИСАМОД • ВСЕРОС •
Rv. În centru: stema Imperiului Rus: acvila bicefală cu sceptru și glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane. Pe pieptul acvilei este un scut înconjurat cu stema Moscovei: Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa. În partea de sus: 17 / 79, iar în partea de jos: • МОН • ЦЕНА • РУБЛЬ •
Muchia: zimţată oblic spre stânga.

Emisiuni de aur ale Ecaterinei a II-a se regăsesc în colecţia MNIM și în structura unui tezaur – *Tezaurul de la Gârbova* (FB-11882-12126; N. 11763-12007)[5], acesta fiind constituit din piese de aur și argint ale mai multor emitenţi importanţi din perioada respectivă, dintre care zece piese sunt emisiuni ruseşti de aur (lobančik – 1 ex.) și argint (ruble – 9 ex.) (Нудельман 1990, 235-236; Boldureanu, Paiul 1996, 159-166; Arcuş-Jantovan et al. 2019, 203-204)[6].

Lobančik. 1 piesă (1788)

Lobančik, 1788
Av. În centru: cavaler în armură cu un mănunchi de săgeţi în mâna stângă și anul emiterii: 17 / 88. Circular: CONCORDIA RES - PAR · CRES · HOL 17-88.
Rv. În centru: inscripţie în cartuş pătrat și decorat cu motive vegetale: MO: ORD / PROVIN: / FOEDER / BELG AD / LEG IMP.
Muchia: netedă.

În structura aceluiaşi tezaur se află și ducaţi emişi de Republica Provinciilor Unite, inclusiv cu anul 1788, fapt care ne permite să sesizăm elementele distinctive ale acestor două tipuri de emisiuni.

Dukaat met de ridder, 1788
Acest tip de monedă a fost emis la Sankt-Petersburg, reprezentând un fals după tipul ducatului olandez original, lansat de Provinciile Unite în 1583, numit oficial *červoneţ*, iar popular –

[4] *Act 45, 22 martie 2011* – transfer, Trezoreria de Stat.

[5] *Act 187, 28 martie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie și Istorie Naturală.

[6] Tezaur monetar descoperit în luna iunie a anului 1968, din componenţa căruia au fost identificate 246 de monede: 25 de aur și 221 de argint. *Monede de aur:* Republica Provinciile Unite: Olanda – 17 piese, dukaat met de ridder 1750, 1753 (3), 1758, 1761, 1767, 1770 (4), 1771, 1772, 1776, 1781, 1782, 1788; Utreht – 6 piese, dukaat met de ridder 1758, 1761, 1768, 1788 (2), 1789; Frisia de Vest – 1 piesă, dukaat met de ridder 1778; Imperiul Rus: 1 piesă, lobančik 1788; Sfântul Imperiu Roman de Naţiune Germană: Austria- Iosif II (1756-1790), 1 piesă, dukaten 1787. *Monede de argint:* Imperiul Otoman: Mustafa III (1757-1774), kuruş 1772/1773 (3), 1773/1774 (1), altmışlık 1759/1760 (1), 1763/1764 (2), 1764/1765 (2), 1765/1766 (2), 1767/1768 (1); Abdülhamid I (1774-1789), zolota 1776/1777 (1), kuruş 1774/75 (22), 1775 (20), 1775/76 (7), 1776/77 (3), 1777/78 (3), 1778/79 (2), 1779/80 (1), 1780/81 (12), 17810/821 (7), 1783/84 (2), 1784/85 (3), 1785/86 (1), altmışlık 1774/75 (26), 1775/76 (9), 1776/77 (2), 1777/78 (2), 1778/79 (2), 1780/81 (12), 1781/82 (21), 1783/84 (15), 1784/85 (20), 1785/86 (2), 1786/87 (1). Imperiul Rus: Ecaterina II (1762-1796), 9 piese, rublă 1765 (1), 1766 (1), 1771 (1), 1773 (1), 1776 (1), 1782 (1), 1786 (1), 1787 (1), 1789 (1). Republica Ragusa: 4 piese, tallero rettorale nuovo 1757 (1), 1758 (1), 1776 (2).

pučkovyj, *arapčik* ori *lobančik*. În anii 1735-1867, în Imperiul Rus au fost emise 28 041 127 de astfel de monede, destinate finanţării expediţiilor militare ruseşti în străinătate şi achitării soldei militarilor ruşi din zonele de frontieră. Guvernul Rus a optat pentru baterea (falsificarea) acestei monede, având în vedere calitatea excepţională şi larga răspândire a ducatului olandez pe piaţa internaţională. Sub Ecaterina a II-a, *červoneţ*-ul a trecut în plan secundar (emis doar în anii 1763, 1766 şi 1769), anume din cauza baterii imitaţiilor de ducaţi olandezi (denumiţi oficial, la fel, *červoneţ*), întrucât „ducaţii" respectivi au fost acceptaţi în străinătate mult mai activ.

Emisiuni monetare de argint. De la mijlocul secolului al XVIII-lea, moneda de argint începe să joace rolul principal în circulaţia monetară, cu excepţia cumpărăturilor mici, unde sursa principală de plată rămâne a fi moneda de cupru. În timpul Ecaterinei a II-a continuă să fie emise aceleaşi nominaluri de argint, ca şi în timpul Elisabetei I (rublă, poltină, polupoltinnik, grivennik), la monetăria din Moscova (1762-1775) şi cea din Sankt-Petersburg (1762-1796), dar, concomitent, pentru prima dată sunt incluse în circuitul monetar şi noi emisiuni de 15 copeici şi de 20 de copeici. În patrimoniul MNIM se află emisiuni monetare de argint atât în calitate de descoperiri izolate, cât şi piese care se regăsesc în structura tezaurului sus-menţionat.

Rublă. Descoperire izolată – 1 piesă (1774)[7]; *Tezaurul de la Gârbova* – 9 piese (1765 (1), 1766 (1), 1771 (1), 1773 (1), 1776 (1), 1782 (1), 1786 (1), 1787 (1), 1789 (1)).

24,31 g, 37,16 mm, AR ↑. FB-14078; N. 15036. (Адрианов 2010, 122, nr. IV:Б; Биткин 2000, 349, nr. 204; Семенов 2008, 40, nr. 70:68).

Av. În centru: efigia Ecaterinei a II-a spre dreapta. Circular: Б • М • ЕКАТЕРИНА • II • ІМП • ІСАМОД • ВСЕРОС/ С.П.Б.

Rv. În centru: stema Imperiului Rus: acvila bicefală cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane. Pe pieptul acvilei este un scut înconjurat cu stema Moscovei: Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa. Sub labele vulturului se află iniţialele maestrului monetăriei: θ / Л. În partea de sus: 17 / 74, iar în partea de jos: МОНЕТА • РУБЛЬ.
Muchia: zimţată oblic spre stânga.

Emisiunile de argint, reprezentate de *polupoltinnik*, 15 copeici şi *grivennik* din colecţia MNIM, sunt atestate doar sub formă de descoperiri izolate.

Polupoltinnik. 1 piesă (1766)[8]

5,90 g, 25,38 mm, AR ↑. FB-13685, N. 14153. (Адрианов 2010, 119, nr. I:A; Биткин 2000, 346, nr. 133; Семенов 2008, 66, nr. 130:5).

Av. În centru: efigia încoronată a Ecaterinei a II-a spre dreapta; circular: Б • М • ЕКАТЕРИНА • II • ІМП • ІСАМОД • ВСЕРОС / ММД.
Rv. În centru: stema Imperiului Rus: acvila bicefală cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane. Pe pieptul acvilei este un scut înconjurat cu stema Moscovei: Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa. Sub labele vulturului se află iniţialele maestrului monetăriei: E / I. În partea de sus: 17 / 66, iar în partea de jos: ПОЛУПОЛТИННИКЪ •
Muchia: zimţată oblic spre stânga.

15 Copeici. 4 piese (1787 (2), 17?? (2))[9]

1787, 3,47 g, 20,70 mm, AR ↑. FB-13682; N. 14150.

[7] *Act 56, 3 mai 1988* – donaţie, Postul Vamal Ungheni.

[8] *Act 510, 21 decembrie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală.

[9] *Act 510, 21 decembrie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-13682, N. 14150; FB-13683, N. 14151; FB-13686, N. 14154; FB-13687, N. 14155.

(Адрианов 2010, 116, nr. IV:Б; Биткин 2000, 356, nr. 426; Семенов 2008, 73, nr. 148:14).

Av. În centru: efigia încoronată a Ecaterinei a II-a spre dreapta; circular: Б • М • ЕКАТЕРИНА • II • ІМП • ІСАМОД • ВСЕРОС / С.П.Б.
Rv. În centru: stema Imperiului Rus: acvila bicefală cu sceptru şi glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane. Pe pieptul acvilei este un scut înconjurat cu stema Moscovei: Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa. Pe pieptul vulturului, într-un cerc, este reprezentată valoarea nominală: 15. Lateral, din stânga şi din dreapta, precum şi în partea de sus sunt câte 5 puncte convexe, iar în partea de jos este indicat anul de emitere: 1787.
Muchia: zimţată oblic spre stânga.

Grivennik. 4 piese (1779, 1783, 1785, 1794) [10]

1785, 2,42 g, 18,16 mm, AR ↑. FB-13681, N. 14149. (Адрианов 2010, 115, nr. VI; Биткин 2000, 358, nr. 474; Семенов 2008, 75, nr. 156:12).

Av. În centru: efigia încoronată a Ecaterinei a II-a spre dreapta. Circular: Б • М • ЕКАТЕРИНА • II • ІМП • ІСАМОД • ВСЕРОС / С.П.Б.
Rv. Un cartuş în care se indică valoarea nominală şi anul emiterii în trei rânduri: ГРИВЕН / НИКЪ / 1785, iar în partea superioară a cartuşului sunt două ramuri de lauri, stilizate, cu coroana imperială între ele.
Muchia: zimţată oblic spre stânga.

Emisiuni monetare de cupru. Monedele de cupru (5 copeici, 2 copeici, copeica, denga, poluşka), deopotrivă ca şi cele de argint, sunt emise conform modelului pieselor precedente, emise de Elizabeta Petrovna (1741-1762).

În colecţia MNIM se regăsesc toate tipurile de emisiuni monetare de cupru ale Ecaterinei a II-a, acestea reprezentând descoperiri izolate.

[10] *Act 510, 21 decembrie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-13680, N. 14148; FB-13681, N. 14149; FB-13684, N. 14152; *Act 112, 22 mai 1991* – donaţie, Postul Vamal Leuşeni: FB-20976, N. 33546.

5 Copeici. 98 piese (1763 (6), 1764 (5), 1765 (5) 1766 (6), 1767, 1768 (3), 1769 (6), 1770 (3), 1771 (3), 1772 (3), 1773 (7), 1775 (7), 1776, 1777 (4), 1778 (6), 1779 (3), 1780 (4), 1781 (4), 1782 (5), 1790 (3), 1791, 1793 (2), 1794, 1795 (2), 1796 (3), 17?6, 17?? (3))[11].

1791, 50,56 g, 42,29 mm, AE ↑. FB-10676-69, N. 9317.

[11] *Act 681, 2 septembrie 1986* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-10676-35, N. 9201; FB-10676-35a, N. 9202; FB-10676-35b, N. 9203; FB-10676-35v, N. 9204; FB-10676-35g, N. 9205; FB-10676-35d, N. 9206; FB-10676-35e, N. 9207; FB-10676-35z, N. 9200; FB-10676-35j, N. 9208; FB-10676-37g, N. 9213; FB-10676-37, N. 9214; FB-10676-37a, N. 9215; FB-10676-37b, N. 9216; FB-10676-37v, N. 9217; FB-10676-38, N. 9218; FB-10676-38, N. 9219; FB-10676-39d, N. 9220; FB- 10676-39, N. 9221; FB-10676-39a, N. 9222; FB-10676-39b, N. 9223; FB-10676-39v, N. 9224; FB- 10676-39g, N. 9225; FB-10676-41a, N. 9228; FB-10676-41, N. 9229; FB-10676-42, N. 9230; FB- 10676-42a, N. 9231; FB-10676-43d, N. 9232; FB-10676-43, N. 9233; FB-10676-43a, N. 9234; FB- 10676-43b, N. 9235; FB-10676-43v, N. 9236; FB-10676-43g, N. 9237; FB-10676-44, N. 9238; FB- 10676-45, N. 9239; FB-10676-45a, N. 9240; FB-10676-47b, N. 9242; FB-10676-47, N. 9243; FB- 10676-47a, N. 9244; FB-10676-54 (1), N. 9273; FB-10676-54 (2), N. 9274; FB-10676-54, N. 9270; FB-10676-54 (3), N. 9271; FB-10676-54 (4), N. 9272; FB-10676-55 (5), N. 9275; FB-10676-55 (4), N. 9276; FB-10676-55, N. 9277; FB-10676-55 (1), N. 9278; FB-10676-55 (2), N. 9279; FB-10676-55 (3), N. 9280; FB-10676-55 (6), N. 9281; FB-10676-56, N. 9282; FB-10676-57 (2), N. 9283; FB-10676-57 (3), N. 9284; FB-10676-57, N. 9285; FB-10676-57 (1), N. 9286; FB-10676-58 (4), N. 9287; FB-10676-58 (3), N. 9288; FB-10676-58, N. 9289; FB-10676-58 (1), N. 9290; FB-10676-58 (2), N. 9291; FB-10676-59 (2), N. 9292; FB-10676-59 (1), N. 9293; FB-10676-59, N. 9294; FB-10676-60 (3), N. 9295; FB-10676-60 (2), N. 9296; FB-10676-60, N. 9297; FB-10676-60 (1), N. 9298; FB-10676-61, N. 9299; FB- 10676-61 (2), N. 9300; FB-10676-61 (1), N. 9301; FB-10676-62 (2), N. 9302; FB-10676-62 (3), N. 9303; FB-10676-62, N. 9304; FB-10676-62 (1), N. 9305; FB-10676-73, N. 9322; FB-10676-73 (1), N. 9323; FB-10676-74, N. 9324; FB-10676-67 (2), N. 9313; FB-10676-67 (1), N. 9314; FB-10676-67, N. 9315; FB-10676-69, N. 9317; FB-10676-70, N. 9318; FB-10676-71, N. 9319; FB-10676-72, N. 9320; FB- 10676-72 (1), N. 9321; FB-10676-87, N. 9360; FB-10676-87 (1); N. 9361; FB-10676- 87 (2); N. 9362; FB-10676- 87 (4); N. 9359; FB-10676- 87 (3); N. 9363; *Act 650, 22 septembrie 1989* – achiziţie, D.P. Konstantinov: FB-16096; N. 24053; *Act 17, 22 februarie 1993* – achiziţie, D.V. Pocitarenco: FB-22112-1, N. 34707; *Act 32, 9 aprilie 2019* – donaţie, Postul Vamal Bălţi: FB-30346-1; N. 56290; FB-30346-2; N. 56291; *Act 48, 25 iunie 2019* – săpături de salvare din anul 2012, oraşul Chişinău, Piaţa veche 10: FB-30346-6; N. 56573; FB-30346-7; N. 56574.

(Адрианов 2008, 88, nr. IV/Г; Биткин 2000, 365, nr. 594; Семенов 2008, 84, nr. 180:65).

Av. În centru: monograma Ecaterinei a II-a – I / E / II, încoronată; prin părţi este indicat anul de emitere: 17 / 91; lateral, din stânga – o crenguţă de lauri, iar din dreapta – o crenguţă de palmier, unite cu o panglică.
Rv. În centru: stema Imperiului Rus – acvila bicefala cu sceptru si glob crucifer în gheare, încoronată cu trei coroane. Pe pieptul vulturului este un scut înconjurat de lanţul Ordinului Sfântul Andrei cel Întâi Chemat cu stema Moscovei: Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa. Sub labele vulturului: E / M. În partea de jos, circular: ПЯТЬ • КОПѢЕКЪ.
Muchia: plasă.

2 Copeici. 12 piese (1763 (4), 1766 (2), 1771, 1772, 1790, 17?? (3)) [12]

1766, 18,93 g, 32,84 mm, AE ↗. FB-10676-40, N. 9227.
(Биткин 2000, 360, nr. 507; Семенов 2008, 90, nr. 193:14).

Av. În centru: monograma Ecaterinei a II-a – I / E / II, încoronată; prin părţi este indicat anul de emitere: 17 / 66; lateral din stânga – o crenguţă de lauri, iar din dreapta – o crenguţă de palmier, unite cu o panglică.
Rv. În centru: Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, şi însemnele atelierului monetar: M / M. În partea de jos, pe o bandă: ДВЕ • КОПЕЙКИ.
Muchia: plasă.

1 Copeică. 1 piesă (1789)[13]

10,70 g, 25,5 mm; AE ↑. FB-10676- 92, N. 9369.
(Адрианов 2008, 84, nr. I/A; Биткин 2000, 367, nr. 630; Семенов 2008, 99, nr. 209:13).

Av. În centru: monograma Ecaterinei a II-a – I / E / II, încoronată; prin părţi este indicat anul de emitere: 17 / 89; lateral din stânga – o crenguţă de lauri, iar din dreapta – o crenguţă de palmier, unite cu o panglică.
Rv. În centru: Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa; în partea de jos, pe o bandă: КОПЕЙКА.
Muchia: plasă.

Denga. 1 piesă (1789)[14]

5,32 g, 21,49 mm, AE ↑. FB-16444-11, N. 27507.
(Биткин 2000, 371, nr. 730; Семенов 2008, 105, nr. 223/21).

Av. În centru: monograma Ecaterinei a II-a – I / E / II, încoronată; prin părţi este indicat anul de emitere: 17 / 89; lateral din stânga – o crenguţă de lauri, iar din dreapta – o crenguţă de palmier, unite cu o panglică.
Rv. În centru: Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, şi însemnele atelierului monetar: K / M. În partea de jos, pe o bandă: ДЕНГА.
Muchia: zimţată oblic spre stânga.

[12] Transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: *Act 681, 2 septembrie 1986* – FB-10676-36v, N. 9209; FB-10676-36, N. 9210; FB-10676-36a, N. 9211; FB-10676-36b, N. 9212; FB-10676-40a, N. 9226; FB-10676-40, N. 9227; FB-10676-46, N. 9241; FB-10676-48, N. 9245; FB-10676-68, N. 9316; FB-10676-90, N. 9366; FB-10676-91, N. 9367; FB-10676-91 (1), N. 9368.

[13] *Act 681, 2 septembrie 1986* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală.

[14] *Act 15, 4 ianuarie 1990* – donaţie, T.V. Novikova.

Poluşka. 1 piesă (1789)[15]

2,63 g, 17,43 mm, AE ↑. FB-16444-10, N. 27506. (Биткин 2000, 368, nr. 670; Семенов 2008, nr. 236:19).

Av. În centru: monograma Ecaterinei a II-a – I / E / II, încoronată; prin părţi este indicat anul de emitere: 17 / 89; lateral din stânga – o crenguţă de lauri, iar din dreapta – o crenguţă de palmier, unite cu o panglică.
Rv. În centru: Sfântul Gheorghe, Purtătorul de Biruinţă, străpungând balaurul cu suliţa, şi însemnele atelierului monetar: E / M. În partea de jos, pe o bandă: ПОЛУШКА.
Muchia: zimţată oblic spre stânga.

Emisiuni monetare de bronz. *Monede de tip Sadagura.*

Un interes aparte, în mod special pentru rolul acestora în istoria Principatelor Moldovei şi Valahiei, prezintă emisiunile monetare de bronz, cu valoare nominală rusească şi, în acelaşi timp, şi turcească, mai exact, monedele de tip *Sadagura*. Monedele au fost emise de către Imperiul Rus pentru Principatele Moldovei şi Valahiei în perioada războiului ruso-turc din anii 1768-1774, începând cu 1771 până în anul 1774, la iniţiativa armatei ruse, iar ca pretext pentru emiterea acestora fiind indispensabilitatea unei monede divizionare cu care ar putea să regleze cheltuielile curente din Principatele Moldovei şi Valahiei. În anul 1771 s-au emis, în mare parte, doar probe: *5 copeici*, *3 denghi*, *1 para / 3 denghi* şi doar o cantitate mică de 1 para / 3 denghi, destinată circulaţiei. Ulterior, s-au emis monedele de circulaţie propriu-zise: *1 para / 3 denghi* şi *2 para / 3 copeici*. Emisiunile monetare de tip *Sadagura* au fost bătute direct din bronzul obţinut prin topirea tunurilor. În procesul de emitere, au fost utilizate mai multe tipuri de tunuri, respectiv, piesele de tip *Sadagura* au aspecte diverse şi o calitate diferită a metalului, iar din considerentul că praful de puşcă nu era înlăturat, monedele conţin deseori porozităţi şi defecte. Aceste piese au fost predestinate utilizării doar pe teritoriul Principatelor, însă, deşi a fost strict interzis, unele dintre ele au ajuns în Rusia, piesele de 2 parale / 3 copeici erau folosite pentru baterea de monede ruseşti de 2 copeici, iar cele de 1 para / 3 denghi – pentru piesele de 1 copeică, întrucât între masa acestor piese nu era o mare diferenţă.

În colecţia muzeului sunt piese de ambele tipuri[16].

1 Para / 3 Denghi. 10 piese (1772 (9), 177? (1))

1772, 10,32 g, 28 mm, AE ↑. FB-10676-50, N. 9250.
(Биткин 2000, 400, nr. 1165; Семенов 2008, 122, nr. 432:6).

Av. În partea centrală sunt două scuturi ovale, înclinate unul spre celălalt, în scutul din stânga este plasat capul de bour al Ţării Moldovei, iar în scutul din dreapta este reprezentată acvila Ţării Româneşti cu cruce în cioc şi o semilună în dreapta acvilei, deasupra scuturilor fiind o coroană domnească; în exergă este anul emiterii – 1772, iar semicircular, în partea superioară,

[15] *Act 15, 4 ianuarie 1990* – donaţie, T.V. Novikova.

[16] *Act 681, 2 septembrie 1986* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-10676-49, N. 9247; FB-10676-49 (a), N. 9246; FB-10676-49 (b), N. 9249; FB-10676-49 (v), N. 9248; FB-10676-50, N. 9250; FB-10676-50, N. 9251; FB-10676-50 (a), N. 9252; FB-10676-51, N. 9254; FB-10676-51 (1), N. 9255; FB-10676-51 (2), N. 9256; FB-10676-51 (3), N. 9257; FB-10676-51 (4), N. 9258; FB-10676-51 (5), N. 9259; FB-10676-51 (6), N. 9260; FB-10676-51 (7), N. 9261; FB-10676-51 (8), N. 9262; FB-10676-51 (10), N. 9253; FB-10676-51 (d), N. 9263; FB-10676-52, N. 9265; FB-10676-52 (1), N. 9267; FB-10676-52 (2), N. 9268; FB-10676-52 (3), N. 9266; FB-10676-52 (4), N. 9264; FB-10676-53, N. 9269; *Act 669, 13 februarie 1990* – transfer, Muzeul Republican al Prieteniei Popoarelor: FB- 18112-2, N. 28894; *Act 55, 21 octombrie 1996* – achiziţie, A.M. Iarâm: FB-23130, N. 35701; FB-23131, N. 35702; FB-23205, N. 36151; *Act 14, 8 februarie 1993* – achiziţie, D.B. Himaci: FB-22105, N. 4706; *Act 5, 29 ianuarie 1997* – achiziţie, Z.I. Nani; *Act 83, 17 noiembrie 2009* – donaţie, E. Schaffer: FB- 27986, N. 53240; *Act 15, 19 martie 2018* – donaţie, M. Ţopa: FB-30162, N. 56234; *Act 48, 25 iunie 2019* – săpături de salvare din anul 2012, oraşul Chişinău, Piaţa veche 10: FB-30405-1, N. 56568; FB-30405-2, N. 56569; FB-30405-5, N. 56572; FB-30405-3, N. 56570; FB-30405-4, N. 56571; FB-30405-8, N. 56575.

este legenda – МОН. МОЛД: И ВАЛАК.[17]; câmpul monetar este mărginit de un cerc zimţat.
Rv. un pătrat cu laturile torsadate, în interiorul acestuia este inscripţia în patru rânduri – ПАРА / 3 / ДЕНГИ şi un cerc zimţat pe exterior.
Muchia: ornament cu motiv vegetal.

2 Para / 3 Copeici 28 piese (1772 (9), 1773 (17), 1774 (1), 177? (1))

1773, 18,36 g, 34,9 mm; AE↑. FB-10676-51 (d), N.9263.
(Биткин 2000, 400, nr. 1157; Семенов 2008, 122, nr. 431:3).

Av. În partea centrală sunt două scuturi ovale, înclinate unul spre celălalt, în scutul din stânga este plasat capul de bour al Ţării Moldovei, iar în scutul din dreapta este reprezentată acvila Ţării Româneşti cu cruce în cioc şi o semilună în dreapta acvilei, deasupra scuturilor fiind o coroană domnească; în exergă este anul emiterii – 1773, iar semicircular, în partea superioară, este legenda – МОН. МОЛД: И ВАЛОСК.; câmpul monetar este mărginit de un cerc zimţat.
Rv. un pătrat cu laturile torsadate, în interiorul căruia este o inscripţie în patru rânduri – 2 / ПАРА / 3 / КОПѢЕКѢ şi cerc zimţat exterior.
Muchia: ornament cu motiv vegetal.

Pavel I (1796-1801)

În colecţia Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei se regăsesc şi emisiuni monetare ale lui Pavel I, care, deşi nu sunt într-un număr la fel de mare, confirmă totuşi continuitatea pătrunderii monedelor ruseşti şi menţinerea acestora în circulaţia monetară în spaţiul nostru, în special emisiunile monetare cu valoare nominală mică. În mod cert, emisiunile lui Pavel I sunt atestate mai puţin şi nu prezintă un tablou al tipurilor de nominaluri la fel de divers. Însă acest fapt este uşor explicabil, în primul rând, Pavel I a fost pe tron o perioadă mult mai scurtă, respectiv, a existat şi o cantitate mult mai mică de emisiuni în circulaţie, dar şi din considerentul numărului redus de tipuri de monede emise de către acesta.

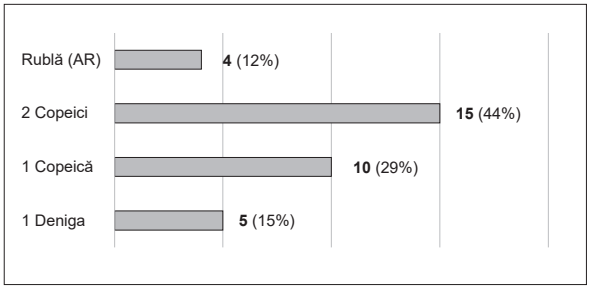


Fig. 2. Pavel I: emisiuni monetare din patrimoniul MNIM.

Emisiuni monetare de argint. Din argint continuă să fie emise doar unele nominaluri (rubla, poltina, polupoltinnik), în acelaşi timp, Pavel I emite 5 copeici din argint, iar emisiunile de *grivennik* (cu o valoare de 10 copeici) le preschimbă în emisiuni care au valoarea nominală exprimată în copeici: 10 copeici. Emisiunile de 5 copeici şi cele de 10 copeici au fost bătute după ultimul tip de emisiuni al Ecaterinei a II-a, doar conceptul de design al nominalurilor mari de argint (rubla, poltina, polupoltinnik) fiind revăzut semnificativ. Toate tipurile de nominaluri au fost emise pe tot parcursul domniei sale doar la monetăria din Sankt-Petersburg.

Prezenţa în circulaţia monetară din spaţiul nostru a emisiunilor lui Pavel I este confirmată, la fel, şi de un tezaur de monede de argint din colecţia MNIM – *Tezaurul de la Grozesti* (FB- 26641-26671, N. 43316-43346)[18] (Нудельман 1974, 229; Нудельман 1990, 255-256; Arcuş-Jantovan et al. 2019, 209). O piesă din structura acestui tezaur reprezintă o emisiune monetară a lui Pavel I:

[17] «ВАЛАК.»- Forma prescurtată în legendă a termenului «ВАЛОСК.».

[18] Tezaur monetar descoperit în luna august a anului 1973, din componenţa căruia au fost recuperate 41 de monede de argint. Imperiul Otoman: Abdülhamid I (1774-1789), 6 piese, yirmilik 1774/1775 (1); kuruş 1774/1775 (1); altmışlık 1775 (4); Selim III (1789-1807), 22 piese, yirmilik 1789/1790 (1); kuruş 1789/1790 (2); altmışlık 1789/1790 (2), 1790/1791 (3), 1791/1792 (3), 1792/1793 (4), 1793/1794 (3), 1794/1795 (1), 1796/1797 (1), 1797/1798 (1), 1800/1801 (2), 1801/1802 (1); Imperiul Rus: Pavel I (1796-1801), 1 piesă, rublă 1799. Sfântul Imperiu Roman de Naţiune Germană: Austria- Maria Theresia (1740-1780), 7 piese, taler 1759, 1762, 1763, 1764, 1765, 1776, halbtaler 1768; Iosif II (1780-1790), 3 piese, taler,1767, halbtaler, 1768, 20 kreuzer 1788. În colecţia Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei sunt doar 31 de piese, care au fost transferate de la Muzeul de Arheologie al Academiei de Ştiinţe a Moldovei: *Act 39, 15 mai 2007.*

Rublă. 1 piesă (1799)

1799, 20,58 g, 38,33 mm, AR↑. FB-26670, N. 43345.
(Биткин 2000, 416, nr. 23; Семенов 2008, 42, nr. 74:3).

Av. În centru: o cruce cu braţe încoronate, ce reprezintă iniţiala lui Pavel I: П, iar în centrul ei: cifra romană: I. Circular: în partea de sus - МОНЕТА / ЦЕНА, iar în partea de jos - РУБЛЬ / 1799.
Rv. Într-un dublu cartuş pătrat, înconjurat de un ornament stilizat: НЕ НАМЪ, / НЕ НАМЪ, / А ИМЯНИ / ТВОЕМУ. / С.М. / М.Б.
Muchia: inscripţionată – ВОСЕМЬДЕСЯТ ТРЕТЬЕЙ С ОДНОЙ ТРЕТЬЮ ПРОБЫ.

Din colecţia MNIM mai fac parte câteva ruble, acestea reprezentând descoperiri izolate.

Rublă. 3 piese (1798, 1799 (2))[19]

1798, 20,88 g, 37,61 mm, AR ↑. FB-13560, N. 14128.
(Биткин 2000, 416, nr. 21; Семенов 2008, 42, nr. 74:2)

Emisiuni monetare de cupru. În ultimele trei decenii ale secolului al XVIII-lea, cuprul s-a scumpit foarte mult, astfel, dacă în anul 1760 un pud valora 6-8 ruble, atunci în anul 1796 un pud costa 19-21 de ruble, prin urmare, moneda de cupru devenea cu 3-5 ruble mai ieftină decât cuprul din care era emisă[20] (Шунин 2004, 173-175). Din cupru, iniţial, Pavel I a surfrapat emisiunile de tip nou de cupru ale Ecaterinei a II-a, ulterior, începând cu anul 1797, monedele de cupru (poluşka, 1 deniga, 1 copeică, 2 copeici), au fost bătute după ultimul tip de emisiuni al Ecaterinei a II-a.

Emisiunile monetare de cupru din patrimoniul MNIM sunt reprezentate de piese de 2 copeici, 1 copeică şi 1 deniga.

2 Copeici. 15 piese (1797 (3), 1798 (3), 1800, 1801 (8))[21]

1798, 19,13 g, 37,05 mm, AE ↗. FB-10676-77 (1), N. 9331.
(Адрианов 2008, 11, nr. I:A; Биткин 2000, 423, nr. 112; Семенов 2008, 91, nr. 196:6).

Av. În centru: monograma lui Pavel I – litera majusculă stilizată **П** şi cifra romană **I**, încoronată.
Rv. În partea de sus este indicată valoarea nominală în două rânduri: 2. / КОПЕЙКИ, iar în partea de jos este anul emiterii: 1801 şi însemnele atelierului monetar: E.M.
Muchia: zimţată oblic spre stânga.

[19] *Act 509, 1 decembrie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-13560, N. 14128; FB-13561, N. 14129; *Act 510, 21 decembrie 1987* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-13688, N. 14156.

[20] Cneazul P.A. Zubov a încercat să propună un proiect de lege, care ar fi soluţionat problema respectivă, dar Pavel I l-a refuzat din considerente subiective, determinate de atitudinea personală negativă faţă de cneaz.

[21] *Act 681, 2 septembrie 1986* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-10676-75, N. 9325; FB-10676-75 (1), N. 9326; FB-10676-75 (2), N. 9327; FB-10676-77 (1), N. 9331; FB-10676-83 (5), N. 9345; FB-10676-83 (6), N. 9346; FB-10676-83, N. 9347; FB-10676-83 (1), N. 9348; FB-10676-83 (2), N. 9349; FB-10676-83 (3), N. 9350; FB-10676-83 (4), N. 9351; *Act 682, 2 septembrie 1986* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-10677-9; N. 9384; *Act 137, 23 decembrie 1998* – transfer, Muzeul Republican de Istorie a Religiei: FB-23816-8; N. 38353.

1 Copeică. 10 piese (1797, 1798 (2), 1799, 1800 (5), 1801)[22]

1798, 9,45 g, 27,75 mm, AE ↗. FB-10676-78; N. 9332.
(Биткин 2000, 423, nr. 120; Семенов 2008, 99, nr. 212:4).

Av. În centru: monograma lui Pavel I – litera majusculă stilizată **П** şi cifra romană **I**, încoronată.
Rv. În partea de sus este indicată valoarea nominală în două rânduri: 1. / КОПЕЙКА, iar în partea de jos este anul emiterii: 1800 şi însemnele atelierului monetar: E.M.
Muchia: zimţată oblic spre stânga.

1 Deniga. 5 piese (1797 (3), 1798 (2))[23]

1798, 4,43 g, 23,33 mm, AE ↑. FB-10676-79, N. 9334.
(Биткин 2000, 424, nr. 128; Семенов 2008, 106, nr. 226:4).

Av. În centru: monograma lui Pavel I – litera majusculă stilizată **П** şi cifra romană **I**, încoronată.
Rv. În partea de sus este indicată valoarea nominală în două rânduri: 1. / ДЕНЬГА, iar în partea de jos este anul emiterii: 1797 şi însemnele atelierului monetar: E.M.
Muchia: zimţată oblic spre dreapta.

Surfraparea monedelor. Un moment distinct în această perioadă l-a constituit surfraparea monedelor – atât a celor de cupru, cât şi a celor de argint. Monedele de cupru (2 copeici, 1 copeică, deniga, poluşka) au fost surfrapate din diverse considerente pe tot parcursul secolului al XVIII-lea, însă mai frecvent în a doua jumătate a secolului al XVIII-lea. Cea mai reprezentativă categorie o constituie monedele surfrapate în masă şi în mod intenţionat, cu scopul schimbării valorii nominale, în baza unei reforme monetare (astfel, procesul de batere a monedelor era mai rapid şi mai ieftin), dar, totodată, au fost supuse acestui proces şi emisiuni străine (ex.: monedele de tip *Sadagura*) sau diverse monede care se aflau la monetărie şi corespundeau după caracteristicile tehnice (Адрианов 2008, 18).

Din colecţia MNIM fac parte câteva piese surfrapate: o piesă de 5 copeici din anul 1763, surfrapată pe o piesă de 10 copeici din anul 1762, şi 3 piese de 2 copeici din anii 1763 (2 ex.) şi 1767 (1 ex.), surfrapate pe piese de 4 copeici din anul 1762. Aceste tipuri de piese (5 copeici / 10 copeici; 2 copeici / 4 copeici) aveau caracteristicile tehnice de emitere asemănătoare: greutatea şi diametrul, precum şi muchia, ceea ce a şi condiţionat acest proces.

2 copeici, 1763, 17,10 g, 31,87 mm, AE↑. FB-10676-36a, N. 9211.

2 copeici, 1763, 19,33 g, 33,14 mm, AE ↑. FB-10676-36b, N. 9212.

[22] *Act 681, 2 septembrie 1986* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-10676-78, N. 9332; FB-10676-78 (1), N. 9333; FB-10676-80, N. 9336; FB-10676-81, N. 9337; FB-10676-82 (4) N. 9341; FB-10676-82 N. 9342; FB-10676-82 (1), N. 9343; FB-10676-82 (2), N. 9344; FB-10676-84, N. 9352; *Act 682, 2 septembrie 1986* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-10677-8, N. 9383; *Act 166, 27 martie 1992* – achiziţie, E.S. Maranţ: FB-21384-2, N. 33997.

[23] *Act 681, 2 septembrie 1986* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-10676-76, N. 9328; FB-10676-76 (1), N. 9329; FB-10676-79, N. 9334; FB-10676-79 (1), N. 9335; *Act 682, 2 septembrie 1986* – transfer, Muzeul Naţional de Etnografie şi Istorie Naturală: FB-10677-7, N. 9382.

Concluzii

În colecţia numismatică din patrimoniul Muzeului National de Istorie a Moldovei se regăseşte un număr important de monede ruseşti – atât ca parte componentă a unor tezaure, cât și ca descoperiri izolate –, care, cu certitudine, trebuie să fie incluse în circuitul ştiinţific, întrucât cercetarea acestora ne permite să elucidăm detalii importante cu privire la circulaţia monetară din acest spaţiu. În patrimoniul MNIM sunt următoarele emisiuni monetare ale Ecaterinei a II-a: piese de aur – *lobančik* (1), *rublă* (1); din argint – *rubla* (10), *polupoltinnik*, 15 copeici (4), *grivennik* (4); din bronz – 1 para / 3 denghi (10), 2 para / 3 copeici (28) și din cupru – 5 copeici (98), 2 copeici (12), 1 copeică, denga, poluşka. Emisiunile lui Pavel I sunt piese din argint – rublă (4), emisă de Pavel I, și de cupru (2 copeici (15), 1 copeică (10), 1 deniga (5)).

Din considerentul că emisiunile cu valoare nominală mică nu au prezentat un interes numismatic și sunt abordate rar în lucrările ştiinţifice, este dificil a certifica în mod exhaustiv prezenţa monedei ruseşti în circulaţie și de a determina rolul acesteia. Prin urmare, trebuie să menţionăm că cercetarea acestor emisiuni este indubitabil necesară, fiindcă prin aceste precizări sunt scoase în evidenţă și actualizate noi aspecte cu privire la circulaţia monedei ruseşti din a doua jumătate a secolului al XVIII-lea, îndeosebi prin sublinierea rolului însemnat al monedelor cu valoare nominală scăzută, dar și prin probarea existenţei unei diversităţi monetare ridicate în circulaţie, ceea ce relevă importanţa și utilitatea introducerii în circuitul ştiinţific a acestor date.

Bibliografie

Arcuş-Jantovan 2017: E. Arcuş-Jantovan, Monede din colecţiile muzeelor raionale din Cahul, Floreşti, Hânceşti, Leova și Sângerei. In: Simpozionul XVII de numismatică (Chişinău, 5-6 octombrie 2017). Programul și rezumatele comunicărilor (Chişinău 2017), 31-33.

Arcuş-Jantovan et al. 2019: E. Arcuş-Jantovan, V.M. Butnariu, R. Tabuica, C. Tătaru, Moneta Terrae Moldaviae II. Repertoriu Numismatic (Iaşi 2019).

Boldureanu 2009: A. Boldureanu, Cronica descoperirilor numismatice (III). Tyragetia s.n. III/1, 2009, 345-352.

Boldureanu 2010: A. Boldureanu, Cronica descoperirilor numismatice (IV). Tyragetia s.n. IV/1, 2010, 273-281.

Boldureanu 2012: A. Boldureanu, Cronica descoperirilor numismatice (VI). Tyragetia s.n. VI/1, 2012, 347-352.

Boldureanu 2017: A. Boldureanu, Cronica descoperirilor monetare (XI). Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 293-300.

Boldureanu, Paiul 1996: A. Boldureanu, V. Paiul, Tezaurul monetar de la Gârbova. Tyragetia III, 1996, 159-166.

Адрианов 2008: Я.В. Адрианов, Медные монеты Российской Империи 1700-1917 годов: каталог (Пермь 2008).

Адрианов 2010: Я.В. Адрианов, Серебряные монеты Российской империи 1701-1917 годов: каталог (Пермь 2010).

Биткин 2000: В.В. Биткин, Сводный каталог монет Императорской России регулярного чекана (Киев 2000).

Нудельман 1974: А.А. Нудельман, Монеты из раскопок и сборов 1972-1973. В сб.: АИМ в 1973 г. (Кишинев 1974), 188-229.

Нудельман 1990: А.А. Нудельман, Монетные клады XVIII - начала XIX в. в днестровско-прутском регионе. В сб.: Нумизматические исследования по истории юго-восточной Европы (Кишинев 1990), 227-263.

Орлов 1994: А.П. Орлов, Монеты России 1700-1917 (Минск 1994).

Семенов 2008: В. Семенов, Монеты России 1700-1917 гг. (Санкт-Петербург 2008).

Узденников 1992: В.В. Узденников, Монеты России. 1700-1917 (Москва 1992).

Шунин 2004: А.А. Шунин, Проект П.А. Зубова – нереализованная возможность модернизации обращения медной монеты в России (1796-1797 гг.). В: Двенадцатая всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19-24 апреля 2004 г.). Тезисы докладов и сообщений (Москва 2004), 173-175.

Russian coins from the collections of the National Museum of History of Moldova (2nd half of the 18th century)

Keywords: Russian Empire, Catherine II, Paul I, Sadagura, coin.

Abstract: Turning to the issue of monetary issues of Catherine II (1762-1796) and Paul I (1796-1801), we continue the study of Russian coins from the collections of the NMHM.

In the NMHM collection, coins from the time of Catherine II are found both as part of the hoards (Gârbova hoard), and in as single finds: gold ones – lobanchik (1), ruble (1); silver ones – ruble (10), polupoltinnik, 15 kopecks (4), grivennik (4); bronze ones – 1 para / 3 dengas (10), 2 para / 3 kopecks (28); and copper ones – 5 kopecks (98), 2 kopecks (12), 1 kopeck, denga, polushka. Also in the NMHM collections there are coins of Paul I, both as part of the hoards (Grozeşti hoard), and as single finds: silver coins – ruble (4) and copper ones – 2 kopecks (15), 1 kopeck (10), 1 denga (5).

These finds confirm that Russian coins were widely used in the Prut-Dniester area even before *the Establishment for the Management of the Bessarabian Oblast* of February 29, 1828, when Bessarabia was included in the political and economic system of the Russian Empire and Russian money officially became a means of circulation throughout the territory Bessarabia. This fact allows us to make sure once again that the distribution of Russian money was determined not only by economic and financial relations established after the annexation of Bessarabia to the Russian Empire in 1812. Their use in the 18th century was due to the absence of a national monetary system, as well as the Russian-Austrian-Turkish wars, the consequences of which had a clear impact on the economic sphere and on changing the paradigm of monetary circulation in the Principality of Moldavia.

These coins must be put into scientific use, as they complete the picture of money circulation in this area.

List of illustrations:

1. Coins of Catherine II from the NMHM collections.
2. Coins of Paul I from the NMHM collections.

Российские монеты из фондов Национального музея истории Молдовы (2-я половина XVIII века)

Ключевые слова: Российская империя, Екатерина II, Павел I, Садагура, монета.

Резюме: Обращаясь к теме денежных эмиссий Екатерины II (1762-1796) и Павла I (1796-1801), мы продолжаем исследования русских номиналов из фондов НМИМ.

В собрании НМИМ монеты времен Екатерины II встречаются как в составе клада (Гырбовский клад), так и в виде единичных находок: золотые – лобанчик (1), рубль (1); серебряные – рубль (10), полуполтинник, 15 копеек (4), гривенник (4); бронзовые – 1 пара/3 деньги (10), 2 пара/3 копейки (28) и медные – 5 копеек (98), 2 копейки (12), 1 копейка, деньга, полушка. Эмиссии Павла I также имеются в фондах НМИМ, как в составе клада (Грозештский клад), так и в виде единичных находок: серебряные монеты – рубль (4) и медные – 2 коп. (15), 1 копейка (10), 1 деньга (5).

Эти находки подтверждают, что русские монеты имели широкое хождение на Пруто-Днестровском пространстве и до Учреждения для управления Бессарабской области от 29 февраля 1828 г., когда Бессарабия была включена в политико-экономическую систему Российской империи и русские деньги официально стали средством обращения на всей территории Бессарабии. Этот факт позволяет еще раз убедиться в том, что распространение русских денежных средств определялось не только хозяйственно-финансовыми отношениями, установившимися после присоединения Бессарабии к Российской империи в 1812 г. Их использование в XVIII веке было обусловлено отсутствием национальной денежной системы, а также русско-австро-турецкими войнами, последствия которых оказали явное влияние на экономическую сферу и на изменение парадигмы денежного обращения в Молдавском княжестве.

Эти монеты необходимо включить в научный оборот, так как они дополняют картину денежного обращения на этом пространстве.

Список иллюстраций:

1. Монеты Екатерины II из фондов НМИМ.
2. Монеты Павла I из фондов НМИМ.

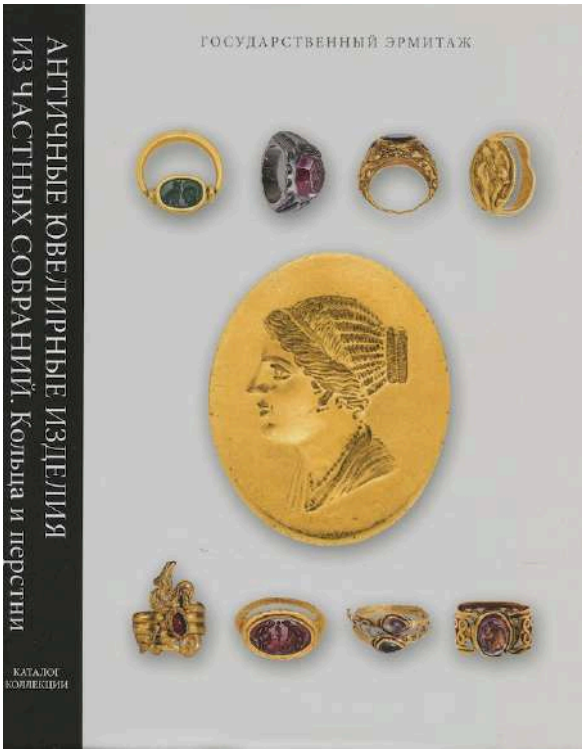
30.03.2022

Dr. Elena Arcuş-Jantovan, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-9741-6963, e-mail: elena.arcus_jantovan@yahoo.com

Е.И. Арсентьева, О.В. Горская,
АНТИЧНЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЧАСТНЫХ СОБРАНИЙ. КОЛЬЦА И ПЕРСТНИ.
Каталог коллекции. Государственный Эрмитаж.
Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2019, 196 стр., ил., ISBN: 9785935728779

Каталогизация и публикация произведений, хранящихся в музеях, является одним из важных аспектов научной работы музейных хранителей. Без преувеличений будет сказать, что это их основная сверхзадача. Однако путь к созданию полноценного научного каталога собрания – долгий и сложный, в реальности требующий усилий нескольких поколений исследователей. Непосвященному человеку все кажется простым и легким: есть музейный предмет, есть учетная документация, есть фотографии, есть интернет с Википедией – раз, и все готово. А если по теме исследования существует справочная литература и каталоги зарубежных музеев – то сотворение «великого научного труда» является задачей наилегчайшей. А если в наследство хранителю достался архив предшественников, то даже над датировками и атрибуциями можно не задумываться, а просто использовать чужие научные наработки. К сожалению, на практике известны примеры подобных «творений», в том числе опубликованные Государственным Эрмитажем. К огромному счастью, это не касается рецензируемого каталога Е.И. Арсентьевой и О.В. Горской.

Государственный Эрмитаж давно выпускает научные каталоги картин и за многие годы выработал методику и принципы обработки и публикации материала. Существуют разные формы изданий собрания живописи: краткий каталог-резоне, отдельные тома по странам, монографические каталоги по художественным школам. В силу объективных причин каталогов прикладного искусства было издано намного меньше, а методические установки менее отработаны. Большой объем произведений, исполненных из разного материала, в разных техниках и стилевых приемах в разные столетия, исключает создание некого единого полного каталога «Прикладного искусства» даже в рамках одной страны. Перед



исследователем стоит сложнейшая задача выделения отдельных групп памятников, при этом формальный подход, например, по материалам, не всегда возможен. Часто приходится использовать несколько различных критериев, чтобы определить круг предметов, включаемых в научный каталог. Именно так пришлось поступить авторам рецензируемого издания. Среди огромного собрания античного ювелирного искусства, хранящегося в Эрмитаже и комплектовавшегося с XVIII века – с момента основания музея, Е.И. Арсентьева и О.В. Горская выделили предметы, поступившие из частных коллекций, т.е. не имеющие археологического контекста. Далее из этой группы они выбрали лишь перстни и кольца, используя для отбора типологический признак. В результате сформировался комплекс из 204 предметов, который был опубликован

как очередной том «Каталога коллекций» Государственного Эрмитажа.

Хронологические рамки издаваемых памятников чрезвычайно широкие: от VI века до н.э. до V-VI вв. н.э. (кат. №№ 1-189). Отдельным разделом представлены «Имитации», т.е. «неантичные памятники, скомпонованные из разновременных частей» (с. 20; кат. №№ 190-204). Каталог имеет «Приложение» – графическую таблицу форм античных перстней от архаики до позднего Рима (с. 178-183). Он также снабжен списком использованных источников и литературы, списком выставок, на которых демонстрировались опубликованные памятники. Кроме того, имеются указатели: материалов, техники изготовления, сюжетов и имен, учреждений и коллекционеров, «инвентарных и описных номеров». Последний указатель, столь замысловато названный, является всего лишь перечнем инвентарных номеров, расположенных по возрастанию с указанием номера каталожного описания.

Каталог Е.И. Арсентьевой и О.В. Горской вышел под грифом и с копирайтом Государственного Эрмитажа, и в выходных данных указано «Издательство Государственного Эрмитажа». Однако «дизайн, верстка и предпечатная подготовка» были осуществлены издательством «Чистый лист». Дизайн выполнен Л.Д. Киселевой и В.Г. Лашкаревой, а редактура – О.Н. Нечипуренко. Передача каталогов коллекций так называемой «зеленой серии» для предпечатной подготовки издательству «Чистый лист» является традиционной практикой Эрмитажа. Выходящая продукция по своему качеству весьма неоднозначна и, насколько мы можем судить, во многом зависит от профессионализма, добросовестности и педантизма самих авторов. Профессионализм же сотрудников «Чистого листа» и их роль в подготовке каталогов к печати вызывает слишком много «неудобных» вопросов, как и сама практика использования посредника. Высокая репутация Государственного Эрмитажа останавливает нас в озвучении напрашиваемого вполне однозначного ответа...

При всей правомочности подхода Е.И. Арсентьевой и О.В. Горской к формированию памятников для данной публикации, он, безусловно, неоднозначен. Включение колец и перстней из археологических находок, вне всякого сомнения, сделало бы издание более значимым и дало бы более полное представление о составе эрмитажной коллекции. Однако вполне понятно и логично желание хранителей археологических комплексов публиковать их полностью, не «выхватывая» отдельные типы предметов. В обоих подходах есть сильные и слабые стороны аргументации. Несомненно, в отношении каждого типа предметов требуется индивидуальный подход и персональное решение. Вместе с тем, абстрагировавшись от археологических и искусствоведческих пристрастий, следует заметить, что вполне возможно компромиссное решение: включать определенные типы предметов как в «тематические» каталоги, так и в публикации «археологических комплексов». Повторность публикации памятников в подобной ситуации ни в коем случае не ущемит интересы сторон.

Возвращаясь к каталогу Е.И. Арсентьевой и О.В. Горской, надлежит констатировать, что классификация и подбор предметов были сделаны на высоком профессиональном уровне, логично и аргументированно. Тщательно была проработана научная литература, учтены публикации подобных памятников в других российских и зарубежных коллекциях. Поскольку провенанс многих перстней и колец связан с Северным Причерноморьем, то наиболее скрупулезно были проработаны публикации последних десятилетий, в частности фундаментальные исследования по коллекциям ГИМа, крымских и кубанских музеев. Особое внимание авторы уделили публикациям своих предшественников – эрмитажных хранителей, с педантичным тщанием отмечая все их атрибуции и достижения. Е.И. Арсентьева и О.В. Горская показали хорошее знание зарубежной литературы, как XIX столетия, так и XX - первых десятилетий XXI века; некоторые высказывания в текстах описаний говорят, что литературу эту они действительно проштудировали. В качестве мелкого замечания можно упомянуть отсутствие в библиографии важного исследования A. Yeroulanou, “Diatrita. Gold Pierced-Work Jewellery from the 3rd to the 7th Century” (Athens, 1999). В нем представлен чрезвычайно интересный набор перстней III-IV веков из разных собраний мира.

Каталожные описания состоят из обязательных формальных данных: название, место и время создания, материал и техника, разме-

ры и вес, поступление в музей, инвентарные номера. Далее идет развернутое каталожное описание, с подробным описанием предмета и аргументацией атрибуции. В конце – краткая оценка сохранности, указания на аналогии и список литературы, где публиковался данный предмет. Каждое описание сопровождается воспроизведением памятника, при необходимости с разных сторон и с деталями. В каталожных описаниях не всегда соблюдается унификация (ср. № 31 и № 32). Это замечание нужно адресовать в первую очередь к редактору О.Н. Нечипуренко. В целом тексты описаний вполне грамотные и понятные, но порой встречаются выражения, которые ставят под сомнение профессионализм издательского редактора или заставляют думать, что редактор вообще не занимался редактурой текста. Например, в кат. № 33: «<…> в овальный щиток, на который напаяна вертикальная полоса золота, формирующая каплевидный каст, согласно форме вставки» (с. 61). Употребление «согласно форме» – явно неудачное и затуманивающее смысл, ведь можно сказать просто: «формирующая каплевидный каст по форме вставки». Из формальных данных следует, что перстень золотой и имеет вставку из изумруда. Поэтому следующий пассаж текста просто ставит в тупик: «Лаконичный дизайн подчеркивает красоту полупрозрачного зеленого камня, который владелец, возможно, принимал за изумруд» (с. 61). Но ведь вставка и есть изумруд! Или автор предполагает, что в свое время античному владельцу продали его как стеклянную имитацию?

Отсутствие редакторской работы ощущается и в тексте введения. Приведем несколько примеров. «Типичными особенностями резьбы являются композиции в нескольких регистрах, обилие заполнительного орнамента, штриховое обрамление композиции» (с. 15). Но композиция в нескольких регистрах не может являться «особенностями резьбы».

«В это время для резьбы используются разнообразные разновидности кварцев – сердолик, агат, горный хрусталь, а также яшму и гематит, хотя в целом набор минералов весьма ограничен» (с. 15). Употребление оборота «разнообразные разновидности кварцев» трудно прокомментировать без эмоциональных обращений к издательскому редактору. На с. 20 авторы пишут, что некоторые предметы были опубликованы ими в каталогах временных выставок 2007-2017 годов, приводят список из девяти названий этих выставок и пишут: «Таким образом, большая часть коллекции оставалась до настоящего времени не введенной в научный оборот и в представленном каталоге публикуется впервые». Совершенно очевидно, что употребление «таким образом» в данном контексте неправомочно. Можно было бы употребить «однако», либо в предшествующем тексте указать, сколько конкретно памятников было включено в выставки и сопоставить с количеством неопубликованных предметов, помещенных авторами в «каталог коллекции». К мелким недочетам следует отнести отсутствие унификации в разделе литературы (с. 186-190). Для статей, опубликованных в периодике или сборниках, часто отсутствует указание на страницы. Несомненно, все эти замечания носят частный характер и не влияют на высокую оценку научного труда Е.И. Арсентьевой и О.В. Горской. К тому же, как уже отмечалось, это в первую очередь замечания к издательскому редактору.

Среди учреждений, которым ранее принадлежали перстни и кольца, фигурирует Музей Центрального училища технического рисования барона Штиглица (до революции в название училища инициалы барона не включались). Волею судьбы мне приходилось заниматься историей этого музея и изучать его инвентари. Первым приобретением музея стала коллекция А.В. Звенигородского, записанная в первый том инвентаря под №№ 1-662. При записи регистратор пользовался списком коллекции, предоставленным А.В. Звенигородским, в котором было отмечено, у кого и когда он приобрел ту или иную вещь. Таким образом, воспользовавшись старыми инвентарными номерами Музея училища Штиглица, можно было бы установить, что большинство перстней и колец было куплено в Керчи у Константинова и Букселя (по каталогу Штиглица №№ 355-357, 369-371, 373-385, 388, 391, 397-399, 401). Из них некоторые опознаются в каталоге Е.И. Арсентьевой и О.В. Горской. В частности, у Букселя были приобретены перстни кат. № 3, 32, 41, 192; а у Константинова – кат. № 33, 110, 157, 190. Таким образом, можно добавить в список коллекционеров А.В. Звенигородского из Санкт-Петербурга, а в список продавцов – Букселя и Константинова из Керчи.

Одна из задач издания каталогов коллекций – ввести в научный оборот неопубликованные произведения, предоставить ученым достоверные данные о предметах и стимулировать дальнейшие исследования памятников культуры. В этом смысле рецензируемый каталог отвечает всем требованиям. Это профессионально выполненная работа, с достоверными, проверенными данными. Об этом можно судить хотя бы по небольшому замечанию во введении, где авторы отметили использование в 2007 году В.И. Мордвинцевой и М.Ю. Трейстером «устаревших данных об эрмитажном материале», что привело к появлению в их исследовании «досадных неточностей» (с. 19). Вводимые в первый раз предметы тщательно указаны авторами; следует отметить, что среди них фигурируют приобретения музея 1990-х – 2000-х годов. Это важно, поскольку музейная коллекция продолжает жить лишь тогда, когда регулярно пополняется. Приведенные выше уточнения о коллекции А.В. Звенигородского наглядно показывают наличие большого потенциала в научном использовании каталога Е.И. Арсентьевой и О.В. Горской. Несмотря на мелкие недочеты и безответственность издательского редактора, появление данного каталога, вне всякого сомнения, является важным шагом в освоении сокровищ «Планеты Эрмитаж», как часто называют этот крупнейший музей мира. Невозможно не высказать слова искренней благодарности авторам за их труд, и хочется пожелать им успешной подготовки новых изданий памятников античного ювелирного искусства из собрания Государственного Эрмитажа.

07.08.2022

Юрий Пятницкий, Государственный Эрмитаж, Дворцовая наб., 34, RU-190000 Санкт-Петербург, Россия, e-mail: pyatnitskiy1@yahoo.com

Lista abrevierilor

AARMSI	Analele Academiei Române. Memoriile Secţiunii Istorice. Academia Română, Bucureşti
ActaMM	Acta Moldaviae Meridionalis. Anuarul Muzeului Judeţean Vaslui, Vaslui
ActaMN	Acta Musei Napocensis. Muzeul Naţional de Istorie a Transilvaniei, Cluj-Napoca
AIIAX	Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol”, Iaşi
AIMSR	Arhiva Istorico-militară de Stat din Rusia, Sankt Petersburg
AISR	Arhiva Istorică de Stat din Rusia
AISRL	Arhiva Istorică de Stat a regiunii Leningrad
AMC	Arhiva Ministerului Culturii
ANRM	Arhiva Naţională a Republicii Moldova
AO	Arhivele Olteniei, Craiova
Apulum	Apulum. Buletinul Muzeului Regional Alba-Iulia, Alba-Iulia
ArhMold	Arheologia Moldovei. Institutul de Arheologie, Iaşi
ASRO	Arhiva de Stat din regiunea Odesa
AUB	Analele Universităţii Bucureşti, Bucureşti
Basarabia	Basarabia, Chişinău
BOR	Biserica Ortodoxă Română, nr. 8, 1903
BNRM	Biblioteca Naţională a Republicii Moldova
BBR	Buletinul Bibliotecii Române, Freiburg
BDA	Buletinul de Documentare Arhivistică, Bucureşti
BRM	Bibliografia Românească Modernă
Byzantinobulgarica	Byzantinobulgarica, Sofia
CA	Cercetări arheologice, Bucureşti
Candela Moldovei	Candela Moldovei. Institutul cultural-misionar „Trinitas”, Iaşi
Carpica	Carpica. Muzeul de Istorie şi Artă, Bacău
CI	Cercetări Istorice, Iaşi
Cugetul	Cugetul. Revistă de istorie şi cultură, Chişinău
Cumidava	Cumidava. Muzeul judeţean Braşov, Braşov
Datini	Datini. Revistă de cultură, Bucureşti
Destin Românesc	Destin Românesc. Revistă de istorie şi cultură, Chişinău-Bucureşti
Destin Românesc s.n.	Destin Românesc. Serie Nouă. Revistă de istorie şi cultură, Chişinău
FIASRO	Filiala din Ismail a Arhivei de Stat din regiunea Odesa
Magazin bibliologic	Magazin bibliologic, Biblioteca Naţională a Republicii Moldova, Chişinău
Marisia	Marisia. Studii şi materiale, Târgu Mureş
Mitropolia Olteniei	Mitropolia Olteniei, Craiova
MNAIM	Muzeul Naţional de Arheologie şi Istorie a Moldovei
MNIM	Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei
Ortodoxia	Ortodoxia. Revista Patriarhiei Române, Bucureşti
Peuce	Peuce. Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Tulcea
Pyretus	Pyretus, Ungheni
Revista arheologică	Revista arheologică. Institutul de Arheologie şi Istorie Veche, Chişinău

Revista arheologică S.N.	Revista arheologică S.N. Institutul Patrimoniului Cultural, Chişinău
Revista Arhivelor	Revista Arhivelor. Direcţia Generală a Arhivelor Statului, Bucureşti
Revista Bistriţei	Revista Bistriţei. Muzeul Judeţean Bistriţa-Năsăud
Revista de etnologie	Revista de etnologie, Chişinău
Revista de filosofie	Revista de filosofie, Bucureşti
Revista de istorie	Revista de Istorie, Bucureşti
Revista de istorie a Moldovei	Revista de istorie a Moldovei, Chişinău
Revista Muzeelor	Revista Muzeelor, Bucureşti
RRH	Revue Roumaine d'Histoire, Bucarest
SCIV(A)	Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie), Bucureşti
Tibiscus	Tibiscus. Muzeul Banatului, Timişoara
Tyragetia	Tyragetia. Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău
Viaţa Basarabiei	Viaţa Basarabiei, Chişinău
Ziridava	Ziridava. Muzeul judeţean Arad, Arad
Богословские Труды	Богословские Труды. Московская патриархия, Москва
ВИ	Вопросы истории, Москва
ЕАИВЕ	Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы
Етнография на България	Етнография на България, София
ЖМВД	Журнал Министерства Внутренних Дел (СПб.)
КЕВ	Кишиневские Епархиальные Ведомости, Кишинев
Киевская старина	Киевская старина, Киев
КСИЭ	Краткие сообщения Института Этнографии АН СССР, Москва
ПСЗРИ	Полное Собрание Законов Российской Империи
РА	Российская Археология, Москва
Русский Вестник	Русский Вестник, Москва
СЭ	Советская этнография, Москва
Труды ГИКМ	Труды Государственного Историко-Краеведческого Музея, Кишинев
УЗКГУ	Ученые Записки Кишиневского Государственного Университета (Кишинев)
Ученые записки	Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР
ЗООИД	Записки Одесского Общества Истории и Древностей

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia”

Stimaţi colegi,

Revista prevede publicarea studiilor arheologice, istorice, muzeografice, rezultatele cercetărilor ştiinţelor interdisciplinare în domeniul arheologico-istoric, ocrotirea patrimoniului.

Articolele şi alte tipuri de lucrări ştiinţifico-muzeografice vor reflecta din punct de vedere geografic spaţiul balcanico-carpato-pontic şi teritoriile limitrofe.

Articolele pot fi prezentate în limbile română, rusă, engleză, germană, franceză.

Toate materialele prezentate spre publicare urmează a fi recenzate de membrii Colegiului de redacţie, precum şi de alţi specialişti în domeniu.

În cazul unui aviz negativ, Colegiul de redacţie nu este obligat să comenteze decizia sa.

Volumul manuscriselor nu va depăşi 100 mii caractere (aproximativ 2,5 c.a.), inclusiv bibliografia, rezumatele şi ilustraţiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în formă de manuscris şi în format electronic: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Articolele trebuie să fie însoţite de un rezumat în trei limbi: română; rusă; engleză (germană sau franceză).

Planşele (ilustraţiile), în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziţiei fiecărui obiect. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoţit de o lista a planşelor cu o legendă exhaustivă (tradusă şi în limbile rezumatului). Planşele (TIF, JPG – nu mai puţin de 300 dpi) şi lista lor (*Microsoft Word*) se vor prezenta şi în format electronic.

Notele bibliografice se prezintă în original în textul manuscrisului: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Explicaţiile, comentariile, precum şi referinţele la fonduri de arhivă, muzee etc. se vor face la subsolul paginii.

Bibliografia se prezintă în ordine alfabetică, la sfârşitul textului.

Modul de citare a monografiilor:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).
Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări ştiinţifice:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.
Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediţii periodice (reviste, anuare etc.):

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.
Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Modul de citare a materialelor publicate în volumele simpozioanelor şi conferinţelor ştiinţifice:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.
Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

În cazul utilizării unor prescurtări în text, precum şi în bibliografie, se anexează o listă de abrevieri.

La sfârşitul textului se anexează date despre autor: numele, prenumele; gradul ştiinţifico-didactic; funcţia; instituţia; adresa; telefon, fax, e-mail.

Anual, termenul de prezentare a materialelor este 1 martie

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal will apply

Dear Colleagues,

The journal provides publications on various aspects of archaeology, history, museology, results of scientific researches in interdisciplinary sciences in the field of archeology and history, protection of cultural heritage.

Contributions and other types of scientific-museological works should reflect the Balkan-Carpathian-Pontic regions and the neighboring territories from the geographic point of view.

Contributions should be submitted in Romanian, Russian, English, German and French.

All material presented for publication will follow review by the Editorial Board members and other specialists.

The Board is not obliged to comment negative reviews.

The volume of the manuscripts shouldn't exceed 100,000 signs, (approximately 2,5 ens), including bibliography, summaries and illustrations. The texts of the contributions should be submitted in the form of manuscripts and in electronic format: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5.*

Articles should be accompanied by a summary in three languages: Romanian, Russian, English (German or French).

Illustrations should be provided in A-4 format with all the objects supplied by numbers. The tables themselves should be numbered; a complete list of the tables should be offered and accompanied by relevant information (translated in the language of the summary).Tables (TIF, JPG - not less than 300 dpi) and lists (*Microsoft Word)* of illustrations should be provided in electronic format.

Bibliographical notes in the text of the manuscript should be presented in the original: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Bibliography should be provided at the end of a contribution in the alphabetical order.

Monographs:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Samples of articles published in scientific collections:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Articles published in journals:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Contributions to conference proceedings:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

If abbreviations are used, a list of them should be provided.

Personal data about the author should be provided at the end of the text: name, surname; academic degree; function; institution; address; phone and fax numbers and e-mail.

The deadline for contributions to be published: 1 March

Условия для публикации в журнале «Tyragetia»

Уважаемые коллеги,

В журнале будут опубликованы научные статьи по археологии, истории, музеологии, результаты междисциплинарных научных исследований в этих областях, а также работы по охране культурного наследия.

Статьи и другие типы научно-музееведческих работ должны отражать территорию балкано-карпато-понтийского региона и соседние территории.

Статьи могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком и французском языках.

Материалы представленные к публикации, рецензируются членами редакционной коллегии, а также другими специалистами.

Коллегия не обязана комментировать негативные рецензии.

Объем рукописи не должен превышать 100.000 знаков (примерно 2,5 авторских листа), включительно библиография, резюме и иллюстрации. Тексты статей должны быть представлены в виде рукописи и в электронном формате: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5.*

Статьи должны сопровождаться резюме на трех языках: румынском, русском, английском (немецком или французском).

Иллюстрации (таблицы) в формате А4 должны быть представлены в четкой графической форме с указанием номера каждого предмета. Иллюстрации должны сопровождаться списком таблиц с полной информацией (переведенным на языках резюме).

Таблицы (TIF, JPG- не менее 300 dpi) и списки (*Microsoft Word*) иллюстраций должны быть представлены в электроном формате.

Библиографические сноски представляются в тексте рукописи в оригинале согласно следующим критериям: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Библиография должна быть дана в конце текста статьи, в алфавитном порядке.

Примеры для монографий:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археологіі АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

Если в статьи использованы сокращения, тогда список сокращений прилагается.

В конце текста статьи прилагается также краткая информация об авторе: фамилия, имя, ученая степень, должность и место работы, адрес, телефон, факс, e-mail.

Ежегодно последний срок представления рукописей 1 марта

BONS

Casa Editorial-Poligrafică Bons Offices SRL
Chişinău, str. Feredeului 4/6, MD-2005
Tel./fax: +37322 50 08 94
Tel.: +37322 50 08 95, +37322 27 66 44
E-mail: bons@bons.md